

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ
Агрессия
Роберт Бэрон
Дебора Ричардсон
ПИТЕР

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

СЕРИЯ

SECOND EDITION

Human Aggression

Robert A. Baron
Deborah R. Richardson

PLENUM PRESS • NEW YORK AND LONDON

Роберт Бэрон

Дебора Ричардсон

Рекомендовано учебно-методическим
объединением по психологии университетов РФ
в качестве учебного пособия для студентов
и аспирантов психологических факультетов,
а также слушателей курсов психологических
дисциплин на гуманитарных факультетах
вузов РФ

Санкт-Петербург

Москва · Харьков · Минск

1999

Роберт Бэрон, Дебора Ричардсон

АГРЕССИЯ

Серия «Мастера психологии»

Перевели с английского С. Меленевская, Д. Викторова, С. Шпак

Главный редактор	*В. Усманов*
Заведующий редакцией	*М. Чураков*
Научный редактор	*А. Реан*
Литературные редакторы	*М. Шахтарина, И. Лунина, В. Попов*
Художественный редактор	*С. Лебедев*
Художник	*А. Суворов*
Корректоры	*Л. Комарова, Г. Якушева*
Оригинал-макет подготовила	*М. Шахтарина*

ББК 88.6
УДК 159.9:612.821.3

Бэрон Р., Ричардсон, Д.

Б97 Агрессия — СПб.: Издательство «Питер», 1999. — 352 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»)

ISBN 5-887-82294-5

Агрессия — одна из тем, знания в которой живо интересуют не только специалистов в различных областях психологии, но и социологов, работников правоохранительных органов, педагогов, философов. Агрессивное поведение — один из центральных вопросов понимания человеческой природы. Книга Роберта Бэрона и Деборы Ричардсон является первым учебным пособием в России по этой теме. Исчерпывающий обзор теорий, разнообразие экспериментальных подходов, выводы и обобщения авторов представляют собой значительный вклад в сокровищницу психологической науки.

Published by arrangement with the original publisher, Plenum Press, U.S.A. Подготовлено к печати издательством «Питер Пресс» по лицензионному договору с Plenum Press, США.

ISBN 5-887-82294-5
ISBN 0-306-44445-8 (англ.)

Сандре, которая даже спустя пятнадцать лет еще подвигает меня совершать поступки, удивляющие меня самого.

Р. А. Б.

Всем особенным людям, которые — каждый посвоему — помогли мне понять, как важно различать, какая сила — любовь или власть — движет поступками.

Д. Р. Р.

ОГЛАВЛЕНИЕ

2. МЕТОДЫ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АГРЕССИИ 55

3. СТАНОВЛЕНИЕ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ 92

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Впервые представляемая на русском языке книга американских психологов Роберта Бэрона и Деборы Ричардсон является одним из наиболее значительных достижений мировой психологии в области изучения агрессии. В последнее время изучение проблемы агрессивного поведения человека стало едва ли не самым популярным направлением исследовательской деятельности психологов всего мира. На эту тему написано огромное множество статей и книг. В Европе и Америке регулярно проводятся международные конференции, симпозиумы и семинары по этой проблематике. И конечно, в данном случае речь идет не столько о научной моде, сколько о специфической реакции психологического сообщества на беспрецедентный рост агрессии и насилия в «цивилизованном» двадцатом веке. И эта реакция представляется нам вполне адекватной и своевременной. Пока трудно сказать, состоялся ли уже переход накопленного *количества* разнообразных данных и сделанных на их основании выводов в новое *качество* знания о феномене агрессии, приблизились ли мы к новому, более глубокому и непротиворечивому пониманию сущности агрессивного поведения человека. Бесспорно одно: все это колоссальное количество данных, полученных в ходе проведения многочисленных исследований по агрессии, — теоретических и экспериментальных, оригинальных и проверочно-репродуктивных — острейшим образом нуждается в систематизации и обобщении. Выполнение этой нелегкой работы и взяли на себя Р. Бэрон и Д. Ричардсон. С удовлетворением можно констатировать — удача сопутствовала им, успех очевиден.

Этот фундаментальный труд с полным основанием мог бы называться «*Психология* агрессивного поведения человека». Конечно, агрессия изучается далеко не только в психологии: ею занимаются биологи, этологи, социологи, юристы, используя свои специфические методы и подходы. Однако, как заметил выдающийся философ двадцатого века Бертран Рассел, проблема различий между любовью и ненавистью находится в ведении преимущественно психологии. Думаю, с этим трудно не согласиться. По крайней мере, сами психологи вряд ли захотят оспаривать эту мысль. Как бы то ни было, можно констатировать, что на сегодня наиболее впечатляющие результаты в изучении природы и механизмов агрессивного поведения человека достигнуты именно в психологической науке. В чем, собственно, несложно убедиться, ознакомившись с работой Р. Бэрона и Д. Ричардсон.

Но вполне естественно, что и в этой интересной, сложной и интенсивно изучаемой области все еще остается множество нерешенных проблем, а вновь возникших вопросов едва ли не больше, чем найденных ответов. Ведь, как правило, если речь идет о подлинно научном знании, один решенный вопрос ставит перед исследователем целый ряд новых. В случае с агрессией вопросы начинают возникать уже при попытке дать ей определение. Является ли агрессия исключительно поведенческой характеристикой, и, следовательно, в качестве агрессии может и должно рассматриваться только внешне выраженное *действие*, либо же агрессивными могут быть мотивы, установки, эмоции? Как соотносится агрессия с понятием «намерение»? Следует ли говорить об агрессии только применительно к ситуациям взаимодействия живых существ? Можно ли считать действия агрессивными, если реципиент не стремится избежать нападения? Всегда ли агрессия — зло, или она может иметь конструктивный характер? На некоторые из этих вопросов уже получены

ответы, в той или иной мере удовлетворяющие большинство специалистов, другие попрежнему остаются дискуссионными.

Так, например, некоторые исследователи считают, что термин «агрессия» уместно использовать применительно лишь к тем случаям, когда жертва *стремится* избежать причинения ей физического или морального ущерба. В частности, такой взгляд на проблему подразумевает исключение из числа поведенческих проявлений, квалифицируемых как агрессия, те специфические действия, которые совершаются в контексте садомазохистских отношений. Однако эта позиция представляется достаточно уязвимой. Ведь вне зависимости от того, идет ли речь о насилии в рамках ритуализованных взаимоотношений садомазохистской пары (группы) или об «обычном» избиении или изнасиловании, с точки зрения *психологии личности* и в том и в другом случае речь идет об агрессии, и все различия лежат не в личностно-психологической, а в правовой плоскости. По существу, в садомазохистских отношениях мы имеем дело с отреагированием (проявлением) агрессивных импульсов, но только в социально приемлемой форме. Не менее сложным является и вопрос о том, как следует квалифицировать действия субъекта, направленные на сознательное причинение вреда самому себе. Должны ли эти действия расцениваться как агрессия? Ответ на этот вопрос также будет зависеть от того, включается ли в определение агрессии такой критерий, как наличие у потенциальной жертвы стремления избежать внешнего воздействия, способного причинить ущерб или представляющего угрозу для жизни. Соответственно, в зависимости от ситуации, членовредительство или суицид могут квалифицироваться либо как проявление аутоагрессии, либо как разновидность оборонительной поведенческой стратегии.

Большинство специалистов настаивают на том, что в качестве агрессии может рассматриваться только поведение, включающее в себя намеренное причинение вреда *живым существам*. Введение последнего критерия в большинство существующих определений агрессии представляется вполне обоснованным. Однако и здесь есть свои проблемы. Как, скажем, должно интерпретироваться битье посуды во время ссоры? Это вообще не агрессия (ведь в данном случае нельзя говорить о «причинении вреда живым существам») или все-таки агрессия, например, в том случае, если посуда принадлежит не самому агрессору, а его жертве? Обсуждаемый критерий можно принять, но при одном существенном уточнении: вред (или ущерб) *человеку (или другому живому существу)* может причиняться даже посредством причинения вреда *неживому объекту*, если от состояния этого объекта зависит физическое или психологическое благополучие его обладателя или пользователя. Существует и более общая точка зрения, состоящая в том, что вообще все действия, имеющие «деструктивный» характер, есть агрессия, все они имеют общую психологическую природу, сходную мотивацию и, в конечном счете, представляют собой отреагирование агрессивных импульсов на эрзац-объекты.

Особо значительное внимание в книге Р. Бэрона и Д. Ричардсон уделяется рассмотрению социальных детерминант агрессии. Причем рассматриваются они не только в разделах, специально посвященных этому аспекту проблемы агрессии — например, при изложении теории социального научения и анализе результатов эмпирических исследований, выполненных в русле этой теории, — но и при обсуждении фрустрационной теории агрессии и анализе данных, подтверждающих эту концепцию или не согласующихся с ней. Представление о социоонтогенетической детерминации агрессивности подкрепляется многочисленными результатами исследований процесса социализации, социального научения и онтогенетического развития личности. Исследования процесса социального научения показали, в частности, что специфический характер межличностных взаимодействий в семьях, из которых выходят высокоагрессивные дети, приводит к постепенному, идущему как бы по расширяющейся спирали, освоению и закреплению агрессивного поведенческого стереотипа, воспроизводящегося снова и снова в разнообразных ситуациях межличностного взаимодействия. Достоверно установлено, что жестокое обращение с ре-

бенком в семье ведет не только к совершению агрессивных поступков этим ребенком при общении с другими детьми того же возраста, но и к развитию агрессивности, склонности к насилию и жестокости в зрелом возрасте, к превращению физической агрессии в жизненный стиль личности. В пользу концепции социального научения говорит и то, что действительное различие между агрессивными и неагрессивными детьми заключается не в том, что последние в ситуации межличностного конфликта отдают предпочтение агрессивным методам его разрешения, а в том, что агрессивные дети, в отличие от неагрессивных, лишены альтернативы, так как в их поведенческом репертуаре отсутствуют «сценарии» конструктивного разрешения конфликтной ситуации.

В связи с вопросом о социальных детерминантах агрессии в книге рассмотрена и проблема *мести.* Месть рассматривается как ответная реакция на агрессивное воздействие, как *оборонительная стратегия* и как способ сохранения или восстановления «социального лица». Очень важно, что авторы сочли необходимым специально остановиться на данном вопросе. И важно это не только потому, что обсуждаемая проблема имеет высокую социальную значимость, но и потому еще, что вопрос о связи мести и агрессии заслуживает специального и очень тщательного обсуждения. В некоторых концепциях, в противоположность тем, которые представлены в книге, месть рассматривается не как адаптивная оборонительная стратегия, а как проявление деструктивной агрессии (например Э. Фромм). При этом считается, что акт мщения не выполняет функции защиты от угрозы, так как всегда осуществляется уже после того, как вред причинен, и потому месть в любом случае деструктивна. Однако, по нашему мнению, проблема гораздо глубже, ведь зачастую причинение вреда обидчику не является для «мстителя» самоцелью, истинная цель мщения — возмещение причиненного ущерба, нейтрализация деструктивных последствий акта агрессии. Дело в том, что сфера витальных интересов человека чрезвычайно широка и никоим образом не может быть прямо сведена к интересам биологическим. В большинстве культур такие ценности, как социальное признание, уважение в микросоциуме и любовь близких, имеют первостепенное значение. Если же говорить о тех культурах, где силу неписаного закона имеет обычай кровной мести, который зачастую является единственно эффективным способом произвести впечатление, то в этом случае отказ от совершения акта возмездия представляет самую прямую угрозу реализации вышеназванного витального интереса. Причем угроза потерять уважение, признание, стать изгоем нависает не только над отказывающимся совершать акт мести, но и над всей его семьей, всем его родом.

Является ли антиципация такой угрозы и месть, как упреждающая реакция на эту угрозу, агрессией или это поведение следует обозначать иным понятием? Может быть, дальнейшие исследования феномена мести покажут, что отсроченная агрессия в одних случаях может носить оборонительный, доброкачественный характер, а в других — иметь деструктивную, злокачественную природу. По крайней мере, само понятие «месть» нуждается в серьезном уточнении.

Пожалуй, труднее всего согласиться с довольно распространенным представлением о том, что в основе всех форм наказания (в том числе и официально узаконенных) лежит механизм деструктивной мести. То, что наказание применяется post factum, спустя некоторое время после причинения вреда, вовсе не является доказательством его деструктивной природы. Потенциальная возможность применения к агрессору юридически институционализированной меры наказания выполняет социально ориентационную функцию, так как, будучи официально, регулярно и предсказуемо применяемым, то есть имея *правовой характер*, наказание уже не является местью, а играет роль превентивного механизма, средства профилактики контрнормативного, асоциального поведения. Антиципация правовых последствий не может не воздействовать на индивидуальное сознание и требует от человека более внимательного отношения к возможным последствиям своих поступков, отсутствие же правовой идеи наказания ослабляет это внимание. Эксперименты показали,

что ожидание даже таких относительно безопасных последствий агрессивного поведения, как простая необходимость письменно или устно отчитаться о совершенных действиях, снижает проявление агрессивности даже при групповых формах агрессии.

Значительным достоинством книги Р. Бэрона и Д. Ричардсон является то, что ее авторы не ограничиваются обсуждением вопросов, уже получивших однозначные ответы, а касаются самых сложных и дискуссионных тем, давая читателю возможность ознакомиться с самыми разными — иногда диаметрально противоположными — точками зрения на проблему. (Сравните, например, названия двух соседствующих разделов книги: «Доказательства того, что фрустрация облегчает проявление агрессии» — «Доказательства того, что фрустрация не облегчает проявление агрессии».) Конечно, это не означает, что у авторов нет собственной точки зрения. У них имеются свои специфические предпочтения и симпатии, связанные с индивидуальными особенностями их теоретических позиций, которые сформулированы ими вполне отчетливо и открыты для критики. Благодаря всему этому читатель получает возможность вступить в свободный интеллектуальный диалог и разобраться в собственном отношении к проблеме и к позициям всех остальных участников ее обсуждения.

В заключительном разделе книги, обсуждая вопрос о возможности установления контроля над человеческой агрессией и приходя к той мысли, что агрессия не является абсолютно иррациональной и неуправляемой стихийной силой, Р. Бэрон и Д. Ричардсон сетуют на то, что несмотря на столь оптимистический вывод они ничего не могут поделать с окутывающей их книгу *аурой пессимизма.* Думается, это тот редкий случай, когда авторы серьезно ошибаются. Нам представляется, что книга Р. Бэрона и Д. Ричардсон — в отличие от множества других, действительно пессимистических работ по агрессии — заряжена здоровой дозой оптимизма и, в известном смысле, может быть названа «оптимистической энциклопедией агрессии».

Член-корреспондент РАО,
доктор психологических наук,
профессор А. А. Реан,
Санкт-Петербургский Государственный университет,
факультет психологии

ВВЕДЕНИЕ
(РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЕМ ПЕРЕРЫВЕ МЕЖДУ ДВУМЯ ИЗДАНИЯМИ)

Пятнадцать лет — еще не вся жизнь, но, несомненно, большой ее отрезок. Оглядываясь назад, трудно поверить, что первое издание «Агрессии» было опубликовано в конце 1977 года. Президентом Соединенных Штатов был тогда Джимми Картер, еще не был отснят первый эпизод «Звездных войн», и все еще были в ходу большие автоматы с газированной водой. Аятолла Хомейни не был столь известен, термин «озоновая дыра» был непривычен, а аббревиатура СПИД мало что говорила и, конечно, не вызывала ужаса у тех, кто с ней случайно сталкивался. Да, во многих отношениях это был совершенно другой мир.

Прошлого не вернешь, и невозможно сократить промежуток между первым и вторым изданиями этой книги. Если сверхусилие поможет наверстать упущенное, то мы, конечно, сделали все возможное, чтобы усовершенствовать и расширить книгу, внеся в нее для этого множество изменений. О наиболее важных из них говорится ниже.

НОВЫЕ ГЛАВЫ: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Возможно, наиболее важным — и, несомненно, наиболее заметным — изменением в этом новом издании является включение трех новых глав:

Глава 3. Становление агрессивного поведения.
Глава 7. Биологические основы агрессивного поведения человека.
Глава 8. Агрессия в естественных условиях.

В последние годы спектр исследований по агрессии человека существенно расширился, и в указанных главах мы попытались учесть этот факт.

В главе 3 («Становление агрессивного поведения») рассматриваются пути усвоения индивидуумами агрессивного поведения в процессе взаимодействия с членами семьи, сверстниками и другими представителями общества. Здесь также исследуется роль моделей агрессивного поведения и когнитивных факторов в формировании агрессии.

В главе 7 («Биологические основы агрессивного поведения человека») говорится о взаимосвязи между потенциальным агрессивным поведением и биологическими факторами, а также о возрастающем интересе к роли последних во всех формах социального поведения. Обсуждаются такие интересные вопросы, как *наследуемость* агрессии, роль *половых гормонов* и доля участия *нервной системы* в агрессивном поведении. Кроме того, в этой главе рассматриваются некоторые детали сложных взаимосвязей между возбуждением и агрессией.

Глава 8 («Агрессия в естественных условиях») отражает растущий интерес исследователей к осмыслению изучаемого поведения в самых разных внелабораторных (естественных) условиях. Эта глава включает дискуссии на важные и актуальные темы — например, воздействие алкоголя и наркотиков на агрессию, сексуальное насилие, влияние порнографии на агрессию, а также связь агрессии со спортом.

Мы полагаем, что в каждой из упомянутых глав содержатся важные достижения в изучении агрессии человека и, вместе взятые, они значительно расширяют проблематику данного издания.

ВКЛЮЧЕНИЕ МНОЖЕСТВА НОВЫХ ТЕМ: УЧЕТ СОВРЕМЕННЫХ ДАННЫХ

В то время как новые главы вносят наиболее очевидные изменения в содержание «Агрессии», они являются лишь частью общей картины. В главы, сохранившие прежние или получившие сходные названия, введены новые разделы. Вот неполный список новых разделов и направлений исследования, появившихся во втором издании:

Глава 1. Агрессия: определение и основные теории
Когнитивные модели агрессивного поведения
Регуляторы агрессивного поведения

Глава 2. Методы систематического изучения агрессии
Архивные исследования
Вербальная информация
Натуралистические наблюдения
Личностные шкалы

Глава 3. Становление агрессивного поведения

Глава 4. Социальные детерминанты агрессии
Эмоциональные и когнитивные процессы
Месть как защита
Месть как способ не уронить свое достоинство в глазах других

Глава 5. Внешние детерминанты агрессии
Архивные исследования
Воздействие загрязнения воздуха на агрессию

Глава 6. Индивидуальные детерминанты агрессии: личность, установки и гендер
Тревога и агрессия: страх социального неодобрения
Предвзятая атрибуция враждебности: приписывание дурных намерений другим
Раздражительность и эмоциональная чувствительность: бурная реакция на провокацию
Первопричина гендерных различий в агрессии: генетика или социальные роли?

Глава 7. Биологические основы агрессивного поведения человека

Глава 8. Агрессия в естественных условиях

Глава 9. Превентивные меры и управление агрессией
Атрибуции и агрессия: как ответ на вопрос «за что?» может повлиять на ход агрессии
Извинения или оправдания: почему выгодно говорить «простите»
Тренинг социальных умений: как научиться не создавать себе проблемы

ВКЛЮЧЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: В НОГУ С НАУЧНЫМ ПРОГРЕССОМ

Теоретические обоснования и направления исследований, обсуждавшиеся в первом издании, во многих случаях сохранены. По каждому вопросу приводятся уточненные современные данные. Более 25% цитат в данной книге взяты из книг, выпущенных в 1987 году и позднее.

ИЗМЕНЕНИЯ В АВТОРСКОМ СОСТАВЕ

Одно из наиболее важных изменений касается авторского состава. Дебора Ричардсон, став моим соавтором, внесла огромный вклад в это издание. Несмотря на общий интерес к теме человеческой агрессии, наши теоретические взгляды и программы исследований достаточно различны, и это существенно обогатило книгу. Хотим отметить, что следование наших фамилий на титульном листе ни в коей мере не соответствует внесенному вкладу, а всего лишь отражает тот исторически сложившийся порядок, согласно которому присоединившиеся авторы обычно упоминаются во вторую очередь. Мы считаем себя абсолютно равноправными соавторами, а наше сотрудничество — равноценным в стремлении к общей цели.

ЧТО ОСТАЛОСЬ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ: ТО, ЧТО РАБОТАЕТ, ОСТАЕТСЯ В СИЛЕ

Мы с удовольствием отмечаем, что первое издание этой книги было хорошо принято как студентами, так и нашими коллегами-профессионалами. Ввиду этого успеха оставлены без изменений следующие ее особенности:

ОРГАНИЗАЦИЯ

Мы твердо верим в то, что для эффективной коммуникации необходима четкая организация. Соответственно, этому вопросу уделено значительное внимание. Материал внутри глав скомпонован четко и, по возможности, методично. В главах помещены важные перекрестные ссылки, указывающие на связи между темами, рассматриваемыми в разных частях книги.

УРОВЕНЬ И ОБЪЕМ

Как и предыдущее, второе издание написано так, что может быть понятно читателям, не имеющим специальной подготовки в науках о поведении, а также доступно студентам последних курсов самых разных специализаций. Поскольку материал изложен достаточно детально, читатели смогут не только немало почерпнуть из введения к каждому разделу, но и разобраться в сложностях изучения такой сложной темы, как человеческая агрессия. Что же касается объема, то, несмотря на значительное увеличение количества материала в связи с появлением трех новых глав, в этом отношении книга мало отличается от своего первого издания.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В книгу включено множество графиков и схем. Весь этот иллюстративный материал специально подготовлен для данного издания таким образом, чтобы быть доступным всем, кто не знаком с принципами иллюстрирования научных данных. А поскольку наш собственный преподавательский опыт подсказывает, что немного юмора никогда не повредит, книга содержит и несколько подходящих карикатур.

АКТУАЛЬНОСТЬ

Главной целью первого издания было рассмотрение современных знаний о человеческой агрессии. Как упоминалось выше, в новом издании сохранился тот же подход. Основное соображение следующее: всегда можно проследить связь большинства новых исследований и теорий с более ранними представлениями, если же не включить в текст современные данные, то для некоторых читателей они так и могут остаться неизвестными. Поэтому там, где необходимо, мы принципиально рассматривали как можно больше современных открытий и обоснований.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ — ПРОСЬБА О ПОМОЩИ

Мы искренне верим, что наши усилия по усовершенствованию книги увенчались успехом. Мы полагаем, что она стала более исчерпывающей и полезной по сравнению с первым изданием. Тем не менее, понимая, что нет предела совершенствованию и еще многое можно улучшить, мы с нетерпением ждем ваших отзывов. Примите наши уверения в том, что мы внимательно проанализируем все замечания, отзывы и предложения и все они будут учтены при подготовке следующего издания. Заранее благодарим вас за помощь — мы высоко ее ценим.

Роберт А. Бэрон[1],
Дебора Р. Ричардсон

---

[1] В некоторых русскоязычных работах по агрессии автор этой книги упоминается как Р. Барон. *(Прим. научн. ред.)*

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

В подготовке этого издания нам помогали многие щедрые и талантливые люди. Не имея возможности перечислить здесь всех, мы хотим выразить благодарность тем, чья поддержка оказалась наиболее существенной.

Во-первых, мы благодарим многих коллег, которые, обсуждая с нами свои идеи, присылая свои статьи и откликаясь на вопросы по поводу переиздания, помогали нам быть в курсе современных представлений о человеческой агрессии. А поскольку данная книга отражает их усилия в той же мере, что и наши собственные, значительность их вклада неоспорима.

Во-вторых, мы выражаем искреннюю благодарность Расселу Джину (Russell Geen) за важные и конструктивные комментарии к первому варианту рукописи. Зная о его занятости, мы глубоко признательны за то, что он нашел время прочитать все главы и обсудить с нами свои впечатления. Приняв его замечания и предложения, мы убеждены, что книга от этого значительно выиграла.

В-третьих, мы благодарим Крэйга Андерсона, Дэвида Перри, Стива Прентис-Данна, Сэма Снодграсса и Джеймса Тедеши (Craig Anderson, David Perry, Steve Prentice-Dunn, Sam Snodgrass & Jamed Tedeschi) за замечания к разным главам. Их помощь была творческой и полезной.

В-четвертых, мы выражаем благодарность нашему издателю, Элиоту Вернеру (Eliot Werner), за его поддержку, энтузиазм и дружеское отношение во время подготовки проекта, за его ободрение и здравые суждения, которые были нам столь необходимы. Сотрудничество с ним было удовольствием, и мы надеемся продолжить его в будущем.

Наконец, мы благодарим Уэнди Гарднер (Wendi Gardner) за проявленное ею терпение, когда выходила из строя копировальная техника, терялись журналы и возникали осложнения с графическими программами. Также мы благодарим Сьюзен МакДонаф (Susan McDonough) за перепечатывание кажущегося бесконечным списка ссылок.

Всем этим людям и многим другим мы говорим: «Спасибо, спасибо, спасибо!»

АГРЕССИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ

Невозможно представить себе такую газету, журнал или программу радио- или теленовостей, где не было бы ни одного сообщения о каком-либо акте агрессии или насилия. Статистика красноречиво свидетельствует о том, с какой частотой люди ранят и убивают друг друга, причиняют боль и страдания своим ближним.

- Около трети состоящих в браке американцев обоего пола подвергаются насилию со стороны своих супругов (Straus Gelles & Steinmetz, 1980).
- От трех до пяти тысяч детей в США умирают ежегодно в результате жестокого обращения с ними их родителей (Pagelow, 1984).
- Ежегодно 4% пожилых американцев становятся жертвами насилия со стороны членов своих семей (Pagelow, 1980).
- 16% детей сообщают, что их избивают братья или сестры (Straus et al., 1980).
- Ежегодно в США совершается свыше миллиона преступлений с применением насилия, среди которых более 20 тысяч убийств (Bureau of Census 1988).
- Убийство занимает одиннадцатое место среди основных причин смерти в Соединенных Штатах (Baker, 1986).
- Главной причиной смерти чернокожих американцев в возрасте от 15 до 34 лет является насильственная смерть (Butterfield, 1992).

Хотя чаще всего, взаимодействуя с другими людьми, мы не ведем себя жестоко или агрессивно, наше поведение все равно нередко оказывается источником физических и душевных страданий наших близких. Не исключено, что под впечатлением приведенных выше статистических данных у кого-то возникнет мысль о том, что именно на современном этапе исторического развития человечества «темная сторона» человеческой натуры как-то необыкновенно усилилась и вышла из-под контроля. Однако сведения о проявлениях насилия в другие времена и в других местах говорят о том, что в жестокости и насилии, царящих в нашем с вами мире, нет ничего из ряда вон выходящего.

- При взятии Трои в 1184 году греки-триумфаторы казнили всех лиц мужского пола старше десяти лет, а оставшиеся в живых, то есть женщины и дети, были проданы в рабство.
- В годы наивысшего подъема испанской инквизиции (1420—1498) многие тысячи мужчин, женщин и детей были сожжены заживо на кострах за ересь и другие «преступления» против церкви и государства.
- У бушменов племени Кунг, живущих на юге Африки, процент убийств в несколько раз превышает таковой же в США и, судя по сообщениям, часто жертвами убийств становятся ни в чем не повинные люди (Lea, 1979).

- Более 45% смертей среди представителей народности уарони, живущей на востоке Эквадора, составляют летальные исходы в результате копьевых ранений, полученных в ходе внутриплеменных стычек (Collins, 1983).
- У народности джебьюси (Gebusi) в Папуа-Новой Гвинее на убийства приходится более 30% смертей среди взрослого населения (Knauft, 1985).

Конечно, даже и в тех случаях, когда люди увечат и убивают друг друга с помощью копий, луков, стрел, духовых ружей и другого примитивного оружия, их действия деструктивны и ведут к ненужным страданиям. Однако подобные побоища, как правило, происходят на ограниченной территории и не представляют угрозы для человечества в целом. Применение же современных, несравненно более мощных видов вооружения может привести к глобальной катастрофе. Сегодня некоторые государства имеют возможность смести с лица земли все живое. К тому же производство оружия массового уничтожения в наше время обходится довольно дешево и не требует особых технологических познаний.

В свете этих тенденций невозможно не признать, что насилие и конфликт относятся к числу наиболее серьезных проблем, перед которыми сегодня оказалось человечество. Хотя очевидно, что признание этого факта самый первый и, в некотором отношении, самый простой шаг из тех, что нам предстоит сделать в дальнейшем. Мы должны также задаться вопросом: почему люди действуют агрессивно и какие меры необходимо принять для того, чтобы предотвратить или взять под контроль подобное деструктивное поведение?

Эти вопросы занимали лучшие умы человечества на протяжении многих веков и рассматривались с различных позиций — с точки зрения философии, поэзии и религии. Однако только в нашем столетии данная проблема стала предметом систематического научного исследования, поэтому неудивительно, что не на все вопросы, возникающие в связи с проблемой агрессии, имеются ответы. В сущности, изучение этой темы часто порождало больше вопросов, чем ответов. Тем не менее налицо явный прогресс, и сегодня мы знаем уже довольно много об истоках и природе человеческой агрессии, во всяком случае, гораздо больше, чем даже десятилетие назад.

К сожалению, количество данных об агрессии так велико, что было бы неблагоразумно, если вообще возможно, рассмотреть весь имеющийся материал в настоящем издании, поэтому, обсуждая данную тему, мы обратимся к двум важным направлениям.

Во-первых, мы сосредоточимся прежде всего на проблеме человеческой агрессии, ибо она предполагает наличие многих факторов, присущих исключительно людям и обусловливающих поведение (например, мстительность, расовые или этнические предрассудки). Сходное с агрессией поведение представителей других видов будет иметь для нас второстепенный интерес.

Во-вторых, обсуждение агрессии будет производиться прежде всего с социальной позиции. Мы будем рассматривать агрессию как форму социального поведения, включающего прямое или опосредованное взаимодействие как минимум двух человеческих индивидов. Для этого есть две причины. Как покажут следующие главы, природу наиболее важных детерминантов агрессии нужно искать в словах, действиях, присутствии или даже появлении других людей (Latane & Richardson, 1992). Глубокое понимание такого поведения требует также знания социальных ситуаций и факторов как способствующих, так и сдерживающих агрессию. Конечно, это не означает, что другие факторы не причастны к ее появлению. Наобо-

рот, многие дополнительные параметры внесоциального плана (например, гормональная перестройка), видимо, оказывают существенное влияние на агрессию. Тем не менее человеческое агрессивное поведение, по определению, осуществляется в контексте социального взаимодействия. В связи с этим представляется уместным и полезным рассмотреть агрессию прежде всего в этом ракурсе, который, с точки зрения современных авторов, наиболее плодотворен и информативен по сравнению с другими подходами, поскольку облегчает понимание «обычной агрессии». Несмотря на то что исследователи клинической или психиатрической ориентации предоставили большой объем информации об агрессии у людей с серьезными психическими нарушениями, они все же мало сообщили о тех условиях, в которых внешне «нормальные» индивиды могут подвергать других опасным нападкам.

То, что мы рассматриваем человеческую агрессию как форму социального поведения, отнюдь не ограничивает рамки наших исследований, а скорее помогает наиболее четко наметить сопутствующие темы при рассмотрении наиболее интригующих и принципиальных вопросов, к которым мы обратимся в следующих главах:

- Как влияет на агрессию сексуальное возбуждение?
- Действительно ли наказание является эффективным средством ослабления агрессивного поведения или контроля над ним?
- Как влияют на агрессию наркотики?
- В самом ли деле высокая температура воздуха связана с забастовками и нарушениями общественного порядка?
- Действительно ли демонстрация насилия по телевидению ведет к тому, что сами зрители начинают действовать агрессивно?

Как ни заманчиво сразу же приступить к обсуждению этих и других весьма интересных тем, для нас все же важно остановиться прежде на двух вопросах. Во-первых, нам необходимо четко сформулировать рабочее определение агрессии. Только таким образом мы сможем избежать возможных ловушек при обсуждении феноменов, точное значение которых пока не выяснено. Во-вторых, мы рассмотрим некоторые теоретические направления, с позиции которых изучаются природа и происхождение агрессивных действий. Это потому важно, что многие идеи, содержащиеся в данных теориях, стали настолько общеупотребительными, что все — от ученых до широкой общественности — считают их «общеизвестными» и используют без всяких оговорок. Между тем многие из подобных соображений, благодаря последним эмпирическим исследованиям, вызывают серьезные сомнения, и мы полагаем, что их следует прояснить.

АГРЕССИЯ: РАБОЧЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Берковиц (Berkowitz, 1981) обратил внимание на то, что одна из главных проблем в определении агрессии в том, что в английском языке этот термин подразумевает большое разнообразие действий.

> *Когда люди характеризуют кого-то как агрессивного, они могут сказать, что он обычно оскорбляет других, или что он часто недружелюбен, или же что он, будучи достаточно сильным, пытается делать все по-своему, или, может быть, что он твер-*

до отстаивает свои убеждения, или, возможно, без страха бросается в омут неразрешенных проблем.

Таким образом, при изучении агрессивного поведения человека мы сразу же сталкиваемся с серьезной и противоречивой задачей: как найти выразительное и пригодное определение основного понятия. На рис. 1. 1 показано, как легко запутаться в значениях агрессии.

Рассмотрим следующие случаи:

1. Ревнивый муж, застав жену в постели с любовником, хватает пистолет и убивает обоих.
2. На вечеринке одна молодая женщина выпускает в другую целую обойму язвительных реплик и настолько выводит ее из себя, что та в конце концов выбегает из комнаты в слезах.
3. Женщина-водитель, перебравшая в придорожном ресторане, вылетает на встречную полосу и врезается в первый же автомобиль, в результате чего водитель и пассажир погибают. Впоследствии она испытывает сильные угрызения совести по поводу этой трагедии.
4. Во время боя солдат стреляет из орудия по приближающемуся противнику. Однако у него сбит прицел, и снаряды пролетают поверх голов, не причиняя людям никакого вреда.
5. Несмотря на то что пациент кричит от боли, стоматолог крепко захватывает больной зуб щипцами и быстро вырывает его.
6. Эксперт говорит новому сотруднику, что надо действовать более профессионально, и указывает конкретные направления желательных изменений.

В каком из вышеперечисленных случаев представлена агрессия? С точки зрения здравого смысла, под эту категорию точно подпадает первая и, возможно, вторая ситуация. Но как в отношении третьей? Является ли и она примером агрессивного поведения? Здесь общепринятое толкование не совсем подходит. Подвыпившая автомобилистка стала причиной смерти двух ни в чем не повинных людей. Но, принимая во внимание ее искренние угрызения совести, стоит ли характеризовать ее действия как изначально агрессивные? А что можно сказать по поводу четвертого случая, когда никто не пострадал, или пятого, где действия врача, вероятно, принесли пользу пациенту? И агрессивен ли эксперт, конструктивно оценивающий действия сотрудника?

Конечно, ответы на эти вопросы зависят от выбора определения *агрессии,* согласно одному из которых, предложенному Бассом (Buss, 1961), агрессия — это любое поведение, содержащее угрозу или наносящее ущерб другим. Следуя этому определению, можно сказать, что все вышеперечисленные случаи, за исключением четвертого, можно квалифицировать как агрессию.

Второе определение, предложенное несколькими известными исследователями (Berkowitz, 1974, 1981; Feshbach, 1970), содержит следующее положение: чтобы те или иные действия были квалифицированы как агрессия, они должны включать в себя *намерение* обиды или оскорбления, а не просто приводить к таким последствиям. В этом случае первую, вторую и четвертую ситуации в нашем списке можно оценить как агрессию, поскольку все они содержат попытки, удавшиеся или неудавшиеся, оскорбить или причинить вред другим. Третья же ситуация не может быть отнесена к агрессии, так как в ней описывается вред, причиненный

Рис. 1. 1. Многие люди путают напористость и агрессивность. (*Ziggy. 1983. Ziggy and friends duc. Dist. by Universal Press Syudicate. Reprinted with permission. All rights reserved.*)

непреднамеренно. Две последние ситуации определенно не могут быть расценены как агрессия, поскольку в обоих случаях человек пытается сделать скорее что-то полезное, чем угрожающее.

И наконец, третья точка зрения, высказанная Зильманном (Zillmann, 1979), ограничивает употребление термина *агрессия* попыткой нанесения другим телесных или физических повреждений. Согласно этому определению, только первая и четвертая ситуации могут рассматриваться как агрессивные по своей сути. Вторую ситуацию, ввиду того, что она включает в себя скорее психологическую, нежели физическую боль, нельзя отнести к агрессии.

Несмотря на значительные разногласия относительно определений агрессии, многие специалисты в области социальных наук склоняются к принятию определения, близкого ко второму из приведенных здесь. В это определение входит как категория намерения, так и актуальное причинение оскорбления или вреда другим. Таким образом, в настоящее время большинством принимается следующее определение:

Агрессия — это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения.

На первый взгляд, это определение кажется простым и откровенным, а также тесно связанным с пониманием агрессии с позиции обыденного сознания. Однако

при более внимательном изучении оказывается, что оно включает в себя некоторые особенности, требующие более глубокого анализа.

АГРЕССИЯ КАК ПОВЕДЕНИЕ

Наше определение предполагает, что агрессию следует рассматривать как модель *поведения*, а не как эмоцию, мотив или установку. Это важное утверждение породило большую путаницу. Термин *агрессия* часто ассоциируется с негативными эмоциями — такими как злость; с мотивами — такими как стремление оскорбить или навредить; и даже с негативными установками — такими как расовые или этнические предрассудки. Несмотря на то что все эти факторы, несомненно, играют важную роль в поведении, результатом которого становится причинение ущерба, их наличие не является необходимым условием для подобных действий. Как мы скоро увидим, злость вовсе не является необходимым условием нападения на других; агрессия разворачивается как в состоянии полнейшего хладнокровия, так и чрезвычайно эмоционального возбуждения. Также совершенно не обязательно, чтобы агрессоры ненавидели или даже не симпатизировали тем, на кого направлены их действия. Многие причиняют страдания людям, к которым относятся скорее положительно, чем отрицательно. Случаи насилия в семье или агрессивное поведение у бушменов (см. начало главы), которых за миролюбие и охотное сотрудничество обычно называли «безопасными людьми» (Thomas, 1959), могут быть этому примером.

В свете того, что негативные эмоции, мотивы и установки не всегда сопровождают прямые нападки на других, мы ограничим использование термина *агрессия* сферой явно злонамеренного поведения и рассмотрим другие факторы отдельно.

АГРЕССИЯ И НАМЕРЕНИЕ

В нашем определении термин *агрессия* предполагает действия, посредством которых агрессор *намеренно* причиняет ущерб своей жертве. К сожалению, введение критерия намеренного причинения ущерба порождает немало серьезных трудностей. Во-первых, вопрос в том, что мы подразумеваем, говоря, что один человек намерен навредить другому. Обычное объяснение таково, что агрессор по своей воле оскорбил жертву, и это вызывает много немаловажных вопросов, по поводу которых не прекращаются философские дискуссии, и в особенности среди специалистов по философии науки (Bergman, 1966).

Во-вторых, как утверждают многие известные ученые, намерения — это личные, скрытые, недоступные прямому наблюдению замыслы (Buss, 1971; Bandura, 1983). О них можно судить по условиям, которые предшествовали или следовали за обсуждаемыми актами агрессии. Подобные заключения могут делать как участники агрессивного взаимодействия, так и сторонние наблюдатели, которые в любом случае влияют на объяснение данного намерения (Tedeschi, Smith & Brown, 1974).

Итак, включение категории намерения в определение агрессии привносит зыбкость и противоречивость в понимание того, является ли то или иное действие актом агрессии.

Однако иногда намерение причинить вред устанавливается довольно просто — агрессоры часто сами признаются в желании навредить своим жертвам и нередко сожалеют о том, что их нападки были безрезультатны. И социальный контекст, в котором развертывается агрессивное поведение, часто отчетливо свидетельствует о наличии подобных намерений. Представим себе, например, следующую сцену. В баре некий человек осыпает другого бранью, и в конечном счете у последнего лопается терпение, и он бьет своего обидчика пустой пивной бутылкой по голове. В данном случае нет достаточных оснований сомневаться в том, что обидчик намеревался оскорбить или причинить вред пострадавшему и что его действия должны расцениваться как агрессивные.

Однако встречаются ситуации, когда наличие или отсутствие агрессивного намерения установить гораздо труднее. Рассмотрим, например, такой инцидент. Женщина, приводя в порядок свой пистолет, случайно стреляет и убивает оказавшегося рядом человека. Если она глубоко сожалеет и утверждает, что это результат несчастного случая, то на первый взгляд может показаться, что здесь не было намерения причинить вред и что ее поведение, несмотря на исключительную неосторожность, не является примером межличностной агрессии. Если же при дальнейшем расследовании обнаружилось бы, что жертва получила чрезвычайно выгодное деловое предложение, в котором была весьма заинтересована стрелявшая женщина, а «несчастный случай» произошел сразу после бурного обсуждения планов с будущей жертвой, мы могли бы заподозрить, что в этом случае все же могло иметь место намерение причинить вред.

Тем не менее несмотря на трудности, связанные с установлением наличия или отсутствия агрессивного намерения, есть несколько серьезных причин, которые позволяют оставить данный критерий в нашем определении агрессии. Во-первых, если бы в определении не упоминалось намеренное причинение вреда, необходимо было бы каждое *случайное* оскорбление или нанесение повреждения (см. ситуацию под номером 3 на странице 25) классифицировать как агрессию. Ввиду того, что люди время от времени оскорбляют чувства других, прищемляют кому-нибудь пальцы дверью и даже калечат друг друга в дорожно-транспортных происшествиях, представляется важным отличать подобные действия от агрессии.

Во-вторых, если исключить обязательное наличие намерения из нашего определения агрессии, было бы необходимо характеризовать действия хирургов, стоматологов и даже родителей, применяющих дисциплинарные меры воздействия на детей, как агрессивные. Конечно, в некоторых случаях агрессоры могут скрывать свое стремление причинить боль или страдания другим: без сомнения, существуют стоматологи, испытывающие некоторое удовольствие от того, что пациенту больно, а иные родители шлепают своих детей, чтобы те ощутили дискомфорт. Однако нет особого смысла квалифицировать эти действия как агрессию: в конце концов, они осуществляются ради какой бы то ни было пользы.

Наконец, если бы критерий намерения был исключен из нашего определения, то примеры, в которых попытки причинить вред предпринимаются, но оказываются безуспешными (см. ситуацию под номером 4 на странице 25), нельзя было бы оценить как агрессию, даже несмотря на то что, будь у агрессора чуть более мощное оружие, более точный прицел или более высокое мастерство, жертва получила бы более серьезные увечья.

Подобные примеры случайного непричинения вреда необходимо рассматривать как агрессию, даже если жертве, вопреки ожиданиям, не был нанесен ущерб.

Поэтому, учитывая все вышеприведенные соображения, весьма важно определять агрессию не только как поведение, причиняющее вред или ущерб другим, но и как любые действия, *имеющие целью* достижение подобных негативных последствий.

АГРЕССИЯ КАК ПРИЧИНЕНИЕ УЩЕРБА ИЛИ НАНЕСЕНИЕ ОСКОРБЛЕНИЯ

Из представления о том, что агрессия предполагает или ущерб, или оскорбление жертвы, следует, что нанесение телесных повреждений реципиенту не является обязательным. Агрессия имеет место, если результатом действий являются какие-либо *негативные* последствия. Таким образом, помимо оскорблений действием, такие проявления, как выставление кого-либо в невыгодном свете, очернение или публичное осмеяние, лишение чего-то необходимого и даже отказ в любви и нежности могут при определенных обстоятельствах быть названы агрессивными.

Ввиду того, что проявления агрессии у людей бесконечны и многообразны, весьма полезным оказывается ограничить изучение подобного поведения концептуальными рамками, предложенными Бассом (Bass, 1976). По его мнению, агрессивные действия можно описать на основании трех шкал: *физическая — вербальная, активная — пассивная и прямая — непрямая*. Их комбинация дает восемь возможных категорий, под которые подпадает большинство агрессивных действий. Например, такие действия, как стрельба, нанесение ударов холодным оружием или избиение, при которых один человек осуществляет физическое насилие над другим, могут быть классифицированы как физические, активные и прямые. С другой стороны, распространение слухов или пренебрежительные вы-

Таблица 1. 1. **Категории агрессии по Бассу**

ТИП АГРЕССИИ	ПРИМЕРЫ
Физическая—активная—прямая	Нанесение другому человеку ударов холодным оружием, избиение или ранение при помощи огнестрельного оружия.
Физическая—активная—непрямая	Закладка мин-ловушек; сговор с наемным убийцей с целью уничтожения врага.
Физическая—пассивная—прямая	Стремление физически не позволить другому человеку достичь желаемой цели или заняться желаемой деятельностью (например, сидячая демонстрация).
Физическая—пассивная—непрямая	Отказ от выполнения необходимых задач (например, отказ освободить территорию во время сидячей демонстрации).
Вербальная—активная—прямая	Словесное оскорбление или унижение другого человека.
Вербальная—активная—непрямая	Распространение злостной клеветы или сплетен о другом человеке.
Вербальная—пассивная—прямая	Отказ разговаривать с другим человеком, отвечать на его вопросы и т. д.
Вербальная—пассивная—непрямая	Отказ дать определенные словесные пояснения или объяснения (например, отказ высказаться в защиту человека, которого незаслуженно критикуют).

сказывания за глаза можно охарактеризовать как вербальные, активные и непрямые. Эти восемь категорий агрессивного поведения и примеры к каждой из них приведены в табл. 1. 1.

АГРЕССИЯ ЗАТРАГИВАЕТ ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА

Согласно нашему определению, только те действия, которые причиняют вред или ущерб *живым существам*[1], могут рассматриваться как агрессивные по своей природе.

При всей очевидности того, что люди часто теряют контроль над собой, что-то разбивают или наносят удары по различным неодушевленным предметам, например, по мебели, посуде, стенам, подобное поведение не может рассматриваться как агрессивное до тех пор, пока не будет причинен вред живому существу. Если вы тяжелым молотком изуродовали автомобиль, такое поведение не будет считаться агрессивным, при условии, что вы заплатили пятьдесят центов за участие в этом аттракционе на ярмарке. С другой стороны, в соответствии с нашим определением, идентичное поведение можно было бы считать агрессивным, если бы этот автомобиль представлял собой раритет, принадлежащий вашему врагу. Хотя такие действия действительно могут иметь большое сходство с агрессивным поведением, все же лучше всего расценивать их как явно эмоциональные или экспрессивные по природе и поэтому не являющиеся примерами агрессии.

АГРЕССИЯ ЗАТРАГИВАЕТ РЕЦИПИЕНТА, СТРЕМЯЩЕГОСЯ ИЗБЕЖАТЬ НАПАДЕНИЯ

Наконец, из нашего определения видно, что мы можем говорить об агрессии только тогда, *когда реципиент или жертва стремится* избежать подобного обращения. В большинстве случаев объекты физического насилия, сопровождающегося телесными повреждениями или оскорбительными вербальными нападками, хотят избежать подобного неприятного опыта. Однако иногда жертвы оскорбления или болезненных действий *не стремятся* избежать неприятных для себя последствий. Возможно, наиболее отчетливо это проявляется при определенных формах любовной игры, носящей садомазохистский характер. Здесь партнеры явно наслаждаются получаемыми страданиями или, по крайней мере, не предпринимают усилий, чтобы избежать или уклониться от специфических действий. В соответствии с нашим определением, такое взаимодействие не содержит агрессии, поскольку здесь нет видимой мотивации со стороны «жертвы» избежать боли.

То же самое относится и к самоубийству. Здесь агрессор выступает в роли собственной жертвы. Поэтому подобные действия не могут быть классифицированы как агрессия. Даже если целью суицида является не смерть, а отчаянный призыв к помощи, самоубийца все-таки стремится причинить вред себе. Таким образом, подобные действия не являются примерами агрессии.

---

[1] Существуют и более широкие определения, при которых под агрессией понимаются действия, причиняющие ущерб не только человеку или животному, но и вообще любому неживому объекту (см., например, Э. Фромм «Анатомия человеческой деструктивности»). *(Прим. научн. ред.)*

ВРАЖДЕБНАЯ АГРЕССИЯ В ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ АГРЕССИИ

Как мы отмечали, агрессия может быть представлена в виде дихотомии (физическая — вербальная, активная — пассивная, прямая — непрямая). Завершая обсуждение этой темы, рассмотрим последний вариант дихотомического деления агрессии — агрессию враждебную и инструментальную (Buss, 1961, 1971; Fechbach, 1964, 1970; Hartup, 1974).

Термин *враждебная агрессия* приложим к тем случаям проявления агрессии, когда главной целью агрессора является причинение страданий жертве. Люди, проявляющие враждебную агрессию, просто стремятся причинить зло или ущерб тому, на кого они нападают. Понятие *инструментальная агрессия*, наоборот, характеризует случаи, когда агрессоры нападают на других людей, преследуя цели, не связанные с причинением вреда. Иными словами, для лиц, проявляющих инструментальную агрессию, нанесение ущерба другим не является самоцелью. Скорее они используют агрессивные действия в качестве инструмента для осуществления различных желаний.

Цели, не предполагающие причинения ущерба, стоящие за многими агрессивными действиями, включают принуждение и самоутверждение. В случае принуждения зло может быть причинено с целью оказать влияние на другого человека или «настоять на своем» (Tedeschi & others, 1974). Например, по наблюдениям Паттерсона, дети используют разнообразные формы негативного поведения: стучат кулаками, капризничают и отказываются слушаться — и все это делается с целью удержать власть над членами семьи. Конечно, подобное поведение закрепляется, когда маленьким агрессорам периодически удается вынудить своих жертв пойти на уступки. Аналогично агрессия может служить цели самоутверждения или повышения самооценки, если такое поведение получает одобрение со стороны других. Например, человек может показаться «несгибаемым» и «сильным» в отношениях с другими, если нападает на тех, кто его провоцирует или раздражает.

Яркий пример инструментальной агрессии представляет собой поведение подростковых банд, которые слоняются по улицам больших городов в поисках случая вытащить кошелек у ничего не подозревающего прохожего, завладеть бумажником или сорвать с жертвы дорогое украшение. Насилие может потребоваться и при совершении кражи — например, в тех случаях, когда жертва сопротивляется. Однако основная мотивация подобных действий — нажива, а не причинение боли и страданий намеченным жертвам (Stivens, 1971). Дополнительным подкреплением агрессивных действий в этих случаях может служить восхищение ими со стороны приятелей.

Хотя многие психологи признают существование различных типов агрессии (например, Bandura, 1989; Buss, 1961; Fechbah, 1970; Hartup, 1974; Rule, 1974), везде это положение вызывает полемику. Так, по мнению Бандуры, несмотря на различия в целях, как инструментальная, так и враждебная агрессия направлены на решение конкретных задач, а поэтому оба типа можно считать *инструментальной* агрессией.

В ответ на эту критику некоторые ученые предложили разные определения для этих двух типов агрессии. Зильманн (Zillmann, 1970) заменил «враждебную» и «инструментальную» на «обусловленную раздражителем» и «обусловленную побуждением». *Агрессия, обусловленная раздражителем*, относится к действиям, ко-

торые предпринимаются прежде всего для устранения неприятной ситуации или ослабления ее вредного влияния (например, сильный голод, дурное обращение со стороны других). *Агрессия, обусловленная побуждением*, относится к действиям, которые предпринимаются прежде всего с целью достижения различных внешних выгод.

Додж и Койи (Dodge & Coie, 1987) предложили использовать термины *реактивная* и *проактивная*. *Реактивная агрессия* предполагает возмездие в ответ на осознаваемую угрозу. *Проактивная агрессия*, как и инструментальная, порождает поведение (например, принуждение, влияние, запугивание), направленное на получение определенного позитивного результата. Эти ученые провели серию исследований, в которых выявили различия между двумя типами агрессии. Авторы обнаружили, что проявляющие реактивную агрессию учащиеся начальных классов (мальчики) склонны преувеличивать агрессивность своих сверстников и поэтому отвечают на кажущуюся враждебность агрессивными действиями. Учащиеся, демонстрировавшие проактивную агрессию, не допускали подобных ошибок в интерпретации поведения своих сверстников.

Исследования Доджа и Койи представили эмпирические доказательства существования двух различных типов агрессии. Независимо от выбора термина, обозначающего эти различные виды агрессии, очевидно: существуют два типа агрессии, мотивированные различными целями.

ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ОПИСАНИИ АГРЕССИИ: ИНСТИНКТ, ПОБУЖДЕНИЕ ИЛИ НАУЧЕНИЕ?

То, что люди часто совершают опасные агрессивные действия, вряд ли подлежит обсуждению. Тем не менее вопрос о том, почему они предпринимают подобные действия, долго был предметом серьезной дискуссии. Высказывались резко отличающиеся друг от друга взгляды относительно причин возникновения агрессии, ее природы и факторов, влияющих на ее проявления. При всем разнообразии выдвигавшихся противоречивых теоретических обоснований, большинство из них подпадает под одну из четырех следующих категорий. Агрессия относится в первую очередь к: 1) врожденным побуждениям или задаткам; 2) потребностям, активизируемым внешними стимулами; 3) познавательным и эмоциональным процессам; 4) актуальным социальным условиям в сочетании с предшествующим научением.

АГРЕССИЯ КАК ИНСТИНКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ВРОЖДЕННОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К СМЕРТИ И РАЗРУШЕНИЮ

Самое раннее и, возможно, наиболее известное теоретическое положение, имеющее отношение к агрессии, — это то, согласно которому данное поведение по своей природе преимущественно инстинктивное. Согласно этому довольно распространенному подходу, агрессия возникает потому, что человеческие существа генетически или конституционально «запрограммированы» на подобные действия.

Агрессия как инстинктивное поведение: психоаналитический подход

В своих ранних работах Фрейд (Freud) утверждал, что все человеческое поведение проистекает, прямо или косвенно, из *эроса*, инстинкта жизни, чья энергия (известная как *либидо*) направлена на упрочение, сохранение и воспроизведение жизни. В этом общем контексте агрессия рассматривалась просто как реакция на блокирование или разрушение либидозных импульсов. Агрессия как таковая не трактовалась ни как неотъемлемая, ни как постоянная и неизбежная часть жизни.

Пережив опыт насилия первой мировой войны, Фрейд (Freud, 1920) постепенно пришел к более мрачному убеждению в отношении сущности и источника агрессии. Он предположил существование второго основного инстинкта, *танатоса* — влечения к смерти, чья энергия направлена на разрушение и прекращение жизни. Он утверждал, что все человеческое поведение является результатом сложного взаимодействия этого инстинкта с эросом и что между ними существует постоянное напряжение. Ввиду того, что существует острый конфликт между сохранением жизни (то есть эросом) и ее разрушением (танатосом), другие механизмы (например, смещение) служат цели направлять энергию танатоса вовне, в направлении от «Я».

Таким образом, танатос косвенно способствует тому, что агрессия выводится наружу и направляется на других. Теория Фрейда о взаимодействии эроса и танатоса отображена на рис. 1.2.

Положение об инстинкте стремления к смерти является одним из наиболее спорных в теории психоанализа. Оно было фактически отвергнуто многими учениками Фрейда, разделявшими его взгляды по другим вопросам (Fenichel, 1945; Fine, 1978; Hartmann, Kris & Lowenstein, 1949). Тем не менее утверждение о том, что агрессия берет начало из врожденных, инстинктивных сил, в целом находило поддержку даже у этих критиков.

Взгляды Фрейда на истоки и природу агрессии крайне пессимистичны. Это поведение не только врожденное, берущее начало из «встроенного» в человеке инстинкта смерти, но также и неизбежное, поскольку, если энергия танатоса не будет обращена вовне, это вскоре приведет к разрушению самого индивидуума. Единственный проблеск надежды связан с тем, что внешнее проявление эмоций, сопровождающих агрессию, может вызывать разрядку разрушительной энергии и, таким образом, уменьшать вероятность появления более опасных действий. Этот аспект теории Фрейда (положение о *катарсисе*) часто интерпретировался следующим образом: совершение экспрессивных действий, не сопровождающихся раз-

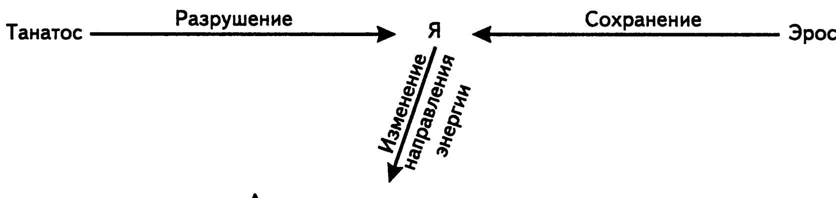

Рис. 1. 2. В психоаналитической теории Фрейда агрессия, направленная на других, объяснялась как результат постоянного конфликта между саморазрушением и самосохранением.

рушением, может быть эффективным средством предотвращения более опасных поступков. Однако при лучшем знакомстве с произведениями Фрейда обнаруживаются доводы против подобных утверждений. Хотя у Фрейда не было четкой позиции по отношению к силе и продолжительности действия катарсиса, он все же склонялся к тому, что это действие является минимальным и кратковременным по своей природе. Таким образом, Фрейд проявлял на этот счет меньший оптимизм, чем полагали теоретики более позднего периода.

Агрессия как инстинктивное поведение: взгляд на проблему с позиций эволюционного подхода

В этом разделе мы рассмотрим три взгляда с позиций эволюционного подхода на человеческое агрессивное поведение. Данные в поддержку этих теорий были получены прежде всего в результате наблюдений за поведением животных. Три подхода, о которых пойдет речь, сходятся в признании того, что предрасположенность человека к агрессии является следствием влияния естественного отбора. Утверждается, что агрессия обеспечивала биологические преимущества нашим доисторическим предкам.

Этологический подход. Лоренц (Lorenz, 1966, 1964), лауреат Нобелевской премии, выдающийся этолог, придерживался эволюционного подхода к агрессии, демонстрируя неожиданное сходство с позицией Фрейда.

Согласно Лоренцу, агрессия берет начало прежде всего из врожденного инстинкта борьбы за выживание, который присутствует у людей так же, как и у других живых существ. Он предполагал, что этот инстинкт развился в ходе длительной эволюции, в пользу чего свидетельствуют три его важные функции. Во-первых, борьба рассеивает представителей видов на широком географическом пространстве, и тем самым обеспечивается максимальная утилизация имеющихся пищевых ресурсов. Во-вторых, агрессия помогает улучшить генетический фонд вида за счет того, что оставить потомство сумеют только наиболее сильные и энергичные индивидуумы. Наконец, сильные животные лучше защищаются и обеспечивают выживание своего потомства.

В то время как у Фрейда не было однозначного мнения относительно накопления и разрядки инстинктивной агрессивной энергии, у Лоренца был совершенно определенный взгляд на эту проблему. Он считал, что агрессивная энергия (имеющая своим источником инстинкт борьбы) генерируется в организме спонтанно, непрерывно, в постоянном темпе, регулярно накапливаясь с течением времени. Таким образом, развертывание явно агрессивных действий является совместной функцией 1) количества накопленной агрессивной энергии и 2) наличия и силы особых облегчающих разрядку агрессии стимулов в непосредственном окружении. Другими словами, чем большее количество агрессивной энергии имеется в данный момент, тем меньшей силы стимул нужен для того, чтобы агрессия «выплеснулась» вовне. Фактически, если с момента последнего агрессивного проявления прошло достаточное количество времени, подобное поведение может развернуться и спонтанно, при абсолютном отсутствии высвобождающего стимула. Как отмечал Лоренц (Evans, 1974), «у некоторых животных агрессивность соответствует всем правилам снижения порога и инстинктивного поведения. Можно наблюдать животного в ожидании опасности; человек тоже может вести себя по-

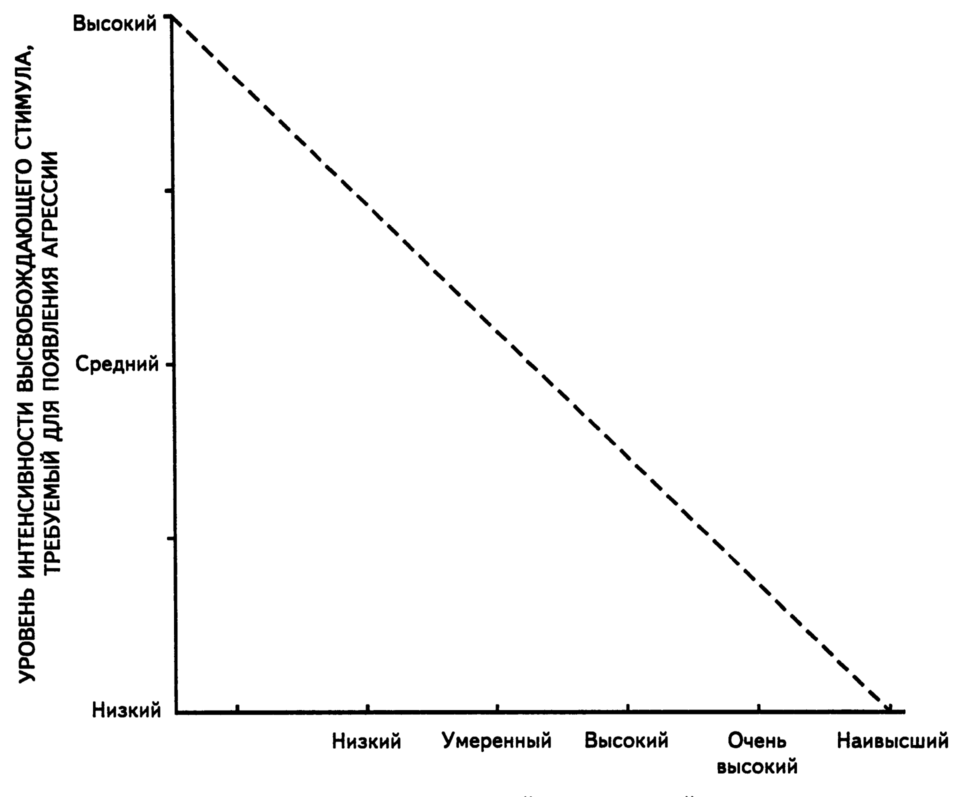

Рис. 1. 3. Соотношение между количеством накопленной агрессивной энергии и силой высвобождающего стимула, требующегося для появления агрессии, по Лоренцу. Чтобы после совершения агрессивного действия оно сразу же повторилось, необходим в высшей степени сильный стимул. Однако по прошествии времени (и по мере накопления агрессивной энергии) сила стимула, необходимая для «выплеска» агрессии, уменьшается. Действительно, если агрессивная энергия достигла наивысшего уровня, агрессия может проявиться спонтанно, при отсутствии какого бы то ни было высвобождающего стимула.

добным образом». Гипотезы о взаимосвязи высвобождающих агрессию стимулов и количества накопленной агрессивной энергии представлены в виде графика на рис. 1. 3.

Одно из наиболее любопытных следствий теории Лоренца состоит в том, что с ее помощью можно объяснить тот факт, что у людей, в отличие от большинства других живых существ, широко распространено насилие в отношении представителей своего собственного вида. Согласно Лоренцу, кроме врожденного инстинкта борьбы, все живые существа наделены возможностью подавлять свои стремления; последняя варьирует в зависимости от их способности наносить серьезные повреждения своим жертвам. Таким образом, опасные хищники, например, львы и тигры, которых природа щедро снабдила всем необходимым для успешного умерщвления других живых существ (проворством, огромными когтями и зубами), имеют очень сильное сдерживающее начало, препятствующее нападению на пред-

ставителей собственного вида, в то время как менее опасные существа — люди — обладают гораздо более слабым сдерживающим началом. Когда на заре истории человечества мужчины и женщины, действуя агрессивно против своих соплеменников, пускали в ход свои зубы и кулаки, отсутствие вышеупомянутых ограничений не было столь страшным. В конце концов, вероятность того, что они могли нанести друг другу серьезные увечья, была относительно низкой. Однако технический прогресс сделал возможным появление оружия массового уничтожения, и в связи с этим потакание своим стремлениям представляет все большую опасность — под угрозой находится выживание человека как вида. Кратко можно сказать так: Лоренц истолковывал стремление мировых лидеров подвергать целые нации риску самоуничтожения в свете того факта, что человеческая способность к насилию превалирует над врожденными *сдерживающими* началами, *подавляющими* агрессивные действия.

Несмотря на то что Лоренц, как и Фрейд, считал агрессию неизбежной, в значительной степени являющейся следствием врожденных сил, он более оптимистично смотрел на возможность ослабления агрессии и контроля подобного поведения. Он полагал, что участие в различных действиях, не связанных с причинением ущерба, может предотвратить накопление агрессивной энергии до опасных уровней и таким образом снизить вероятность вспышек насилия. Можно с некоторым преувеличением сказать, что угроза всплеска насилия у человека может быть предотвращена посредством тысячи других действий (Zillmann, 1979). Лоренц утверждал также, что любовь и дружеские отношения могут оказаться несовместимыми с выражением открытой агрессии и могут блокировать ее проявление.

Охотничья гипотеза. Ардри (Ardrey), сценарист из Голливуда, «археолог-любитель» (Munger, 1971), написал несколько книг, благодаря которым многие люди познакомились с популярной версией эволюционной теории. Ардри утверждает, что в результате естественного отбора появился новый вид — охотники: «Мы нападали, чтобы не голодать. Мы пренебрегали опасностями, иначе перестали бы существовать. Мы адаптировались к охоте анатомически и физиологически» (Ardrey, 1970). Эта охотничья «природа» и составляет основу человеческой агрессивности.

Еще два изобретения, имеющие своим началом человеческую потребность «убивать, чтобы жить» (Ardrey, 1976), делают возможным участие в социальном насилии и войнах. Во-первых, чтобы успешно охотиться группами, люди придумали для общения язык, содержащий такие понятия, как «друг» и «враг», «мы» и «они», служащие для оправдания агрессивных действий против других. Во-вторых, появление оружия, поражающего на расстоянии, такого как лук и стрелы (вместо дубинок и камней), привело к тому, что люди стали более удачливыми «вооруженными хищниками». В беседе с Ричардом Лики (Leakey), известным антропологом, Ардри уточнил значение изобретения такого оружия: «Когда у нас появилась эта вещь, предназначенная для наступления, убивать стало настолько легче, что благодаря насилию мы стали другими существами» (Munger, 1971). Итак, Ардри уверяет, что именно охотничий инстинкт как результат естественного отбора в сочетании с развитием мозга и появлением оружия, поражающего на расстоянии, сформировал человека как существо, которое активно нападает на представителей своего же вида.

Социобиологический подход. В отличие от сторонников эволюционной теории, социобиологи предлагают более специфическое основание для объяснения процесса естественного отбора. Их основной аргумент сводится к следующему. Влияние генов столь длительно, потому что они обеспечивают адаптивное поведение, то есть гены «приспособлены» до такой степени, что вносят свой вклад в успешность репродукции, благодаря чему гарантируется их сохранение у будущих поколений (Barach, 1977). Таким образом, социобиологи доказывают, что индивидуумы скорее всего будут содействовать выживанию тех, у кого имеются схожие гены (то есть родственников), проявляя альтруизм и самопожертвование, и будут вести себя агрессивно по отношению к тем, кто от них отличается или не состоит в родстве, то есть у кого наименее вероятно наличие общих генов. Они будут пользоваться любой возможностью, чтобы навредить им и, возможно, ограничить возможности последних иметь потомство от членов собственного клана.

Согласно социобиологическому подходу, агрессивные взаимодействия с конкурентами представляют собой один из путей повышения успешности репродукции в условиях окружающей среды с ограниченными ресурсами — недостатком пищи или брачных партнеров. Очевидно, успешная репродукция более вероятна, если у индивидуума имеется достаточное количество пищи и партнеров, с которыми можно производить потомство. Однако агрессия будет повышать генетическую пригодность данного индивидуума только в том случае, если выгода от нее превысит затраченные усилия. Потенциальная цена агрессии зависит от риска смерти или серьезных повреждений у тех индивидуумов, кто должен выживать для обеспечения выживания своего потомства. Чья-либо генетическая пригодность не будет повышаться, если агрессивная конкуренция приведет к гибели его рода. Таким образом, социобиологи убеждают нас в следующем: агрессивность — это средство, с помощью которого индивидуумы пытаются получить свою долю ресурсов, что, в свою очередь, обеспечивает успех (преимущественно на генетическом уровне) в естественном отборе.

Критика эволюционных подходов. Хотя различные эволюционные теории во многом отличны друг от друга, их критика основывается на сходных аргументах. Критика поднимает вопрос доказательства, требуя необходимости рассмотрения других факторов, которые могут способствовать агрессии или миролюбию; кроме того, возникает проблема определения понятия «адаптивность». Во-первых, сторонники эволюционного подхода не представляют прямых доказательств в пользу тех концепций, на которых базируются их аргументы. Например, не обнаружено генов, напрямую связанных с агрессивным поведением. Аналогичным образом не нашли подтверждения представления Лоренца об агрессивной энергии (Zillmann, 1979). Другая сторона проблемы доказательств связана с тем, что доводы основываются на наблюдениях за поведением животных (Johnson, 1972; Tinbergen, 1978). Критике подвергается и опыт обобщения наблюдений за теми живыми существами, чей мозг устроен более примитивно и на которых менее, чем на людей, влияет общественный и культурный контроль.

Некоторые критики упрекали этологов и социобиологов в том, что в своих теоретических построениях они склонны забывать об изменчивости человеческого поведения (Baldwin & Baldwin, 1981; Gold, 1978). Гоулд (Gold, 1978) утверждает, что наша биологическая наследственность составляет потенциальную основу для

весьма широкого спектра поведенческих проявлений, который включает в себя агрессию и насилие, но не сводится исключительно к ним.

Почему предполагается наличие генов агрессии, доминирования или злости, когда известно, что необычайная гибкость мозга позволяет нам быть агрессивными или миролюбивыми, доминирующими или подчиняющимися, злыми или великодушными? Насилие, сексизм и повсеместная распущенность имеют биологическую природу, поскольку представляют собой одну подсистему широкого ряда поведенческих моделей. Но уж миролюбие, равенство и доброта точно биологического происхождения. Таким образом, моя критика выдвигает концепцию биологической потенциальности в противовес концепции биологического детерминизма — мозг осуществляет регуляцию широкого диапазона человеческого поведения, и он не обладает исключительной предрасположенностью к какой-то одной из форм поведения...

Наконец, вызывает сомнение сама логика рассуждений о проявлениях адаптивности какого-либо поведения. Например, социобиологи допускают: если поведение существует, то оно должно быть адаптивным. Болдуин и Болдуин (Baldwin & Baldwin, 1981) приводят пример адаптивной функции появления прыщей, чтобы показать всю нелепость подобного парадоксального мышления: «Прыщи нужны для того, чтобы человек начал следить за своей внешностью, что, в свою очередь, повышает вероятность сексуального взаимодействия — отсюда вытекает передача по наследству генов, вызывающих прыщи».

Агрессия как инстинктивное поведение: итоги и выводы

В то время как различные теории агрессии как инстинкта сильно разнятся в деталях, все они сходны по смыслу. В частности, центральное для всех теорий положение о том, что агрессия является следствием по преимуществу инстинктивных, врожденных факторов, логически ведет к заключению, что агрессивные проявления почти невозможно устранить. Ни удовлетворение всех материальных потребностей, ни устранение социальной несправедливости, ни другие позитивные изменения в структуре человеческого общества не смогут предотвратить зарождения и проявления агрессивных импульсов. Самое большее, чего можно достичь, — это временно не допускать подобных проявлений или ослабить их интенсивность. Поэтому, согласно данным теориям, агрессия в той или иной форме всегда будет нас сопровождать. И в самом деле, агрессия является неотъемлемой частью нашей человеческой природы.

АГРЕССИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОБУЖДЕНИЯ: МОТИВАЦИЯ ПРИЧИНЕНИЯ УЩЕРБА ИЛИ ВРЕДА ДРУГИМ

При существующей концептуальной невнятности и пессимистичности выводов относительно представлений об агрессии как об инстинкте неудивительно, что психологи никогда не принимали эту теорию всерьез. Фактически идея о спонтанно зарождающейся агрессивной энергии была в основных своих положениях отклонена подавляющим большинством исследователей в этой области. Более распространенным является предположение, согласно которому агрессия берет начало от побуждения, определяемого как «неинстинктивная мотивационная сила, являющаяся результатом лишения организма каких-либо существенных вещей или

условий, и возрастающая по мере усиления такого рода депривации» (Zillmann, 1983a). В случае агрессии побуждения рассматриваются как производные от аверсивной[1] стимуляции и их напряжение снижается благодаря агрессивным действиям.

Агрессивное побуждение: фрустрация и агрессия

Если бы вы остановили на улице 50 человек, выбранных наугад, и попросили бы их назвать наиболее важные детерминанты человеческой агрессии, то большинство скорее всего назвало бы единственный термин: *фрустрация*. Поскольку своим широким распространением это представление обязано нескольким различным источникам, включая и личный опыт человека, оно может быть сведено по крайней мере к двум положениям, лежащим в основе теории агрессии, сформулированной Доллардом и другими (Dollard & others, 1939). Вместе взятые, эти положения известны как *теория фрустрации — агрессии*. В слегка перефразированном виде они звучат так:

1. Фрустрация всегда приводит к агрессии в какой-либо форме.
2. Агрессия всегда является результатом фрустрации.

При этом не предполагается, что фрустрация, определяемая как блокирование или создание помех для какого-либо целенаправленного поведения, вызывает агрессию напрямую; считается, что она *провоцирует агрессию* (побуждает к агрессии), что, в свою очередь, облегчает проявление или поддерживает агрессивное поведение.

Бандура (Bandura, 1973) обращал внимание на то, что эти положения чрезвычайно привлекательны отчасти из-за их смелости, а отчасти из-за простоты. В конце концов, если их принять, то такая чрезвычайно сложная форма поведения, как человеческая агрессия, во многом будет объяснена при помощи одного затейливого росчерка пера. Поэтому нет ничего удивительного в том, что эти формулировки получили столь широкое признание и среди ученых, и среди самой широкой публики. Но увы, внимательное рассмотрение каждой из них показывает, что обе эти формулировки слишком расплывчаты.

С одной стороны, ясно, что фрустрированные индивидуумы не всегда прибегают к вербальным или физическим нападкам на других. Они скорее демонстрируют весь спектр реакций на фрустрацию: от покорности и уныния до активных попыток преодолеть препятствия на своем пути. Представим себе следующий случай. Студент отправлял свои документы в несколько высших учебных заведений, но их нигде не принимали. Этот человек скорее всего будет обескуражен, нежели разозлится или впадет в ярость.

Более очевидное подтверждение положения о том, что фрустрация не всегда ведет к агрессии, представили результаты многих эмпирических исследований (Berkowitz, 1969; Green & O'Neal, 1976). Все они показывают следующее: несмотря на то что фрустрация иногда способствует агрессии, это бывает не столь часто. Видимо, фрустрация вызывает агрессию прежде всего у людей, которые усвоили привычку реагировать на фрустрацию или другие аверсивные стимулы агрессивным поведением. С другой стороны, люди, для которых привычны иные

[1] От англ. aversion — отвращение, антипатия. *(Прим. научн. ред.)*

реакции, могут и не вести себя агрессивно, когда они фрустрированы (Bandura, 1983). Мы рассмотрим эти доказательства в главе 4 и поэтому не будем обсуждать их здесь детально. Достаточно сказать, что после проведения множества работ по изучению влияния фрустрации на агрессию большинство психологов считают: связь между этими факторами гораздо менее жесткая, чем когда-то предполагали Доллард и его коллеги.

Принимая во внимание эти рассуждения, Миллер (Miller, 1941), одним из первых сформулировавший теорию фрустрации — агрессии, незамедлительно внес поправки в первое из вышеприведенных положений: фрустрация порождает различные модели поведения, и агрессия является лишь одной из них. Таким образом, сильное и заманчивое по своей широте определение, согласно которому фрустрация всегда ведет к агрессии, было вскоре отклонено одним из его авторов. Однако, несмотря на этот факт, первоначальная выразительная формулировка по-прежнему имеет удивительно широкое хождение и часто встречается в средствах массовой информации, в популярных дискуссиях об агрессии или в частных беседах.

Во-вторых, предположение, согласно которому агрессия всегда обусловлена фрустрацией, также уводит слишком далеко. При более детальном рассмотрении в следующих главах мы убедимся: нет практически никаких сомнений в том, что агрессия является следствием многих факторов, помимо фрустрации. Действительно, агрессия может появляться (как зачастую и происходит) при полном отсутствии фрустрирующих обстоятельств. Рассмотрим, например, действия наемного киллера, убивающего людей, которых он раньше никогда не видел. У его жертв просто не было возможности его фрустрировать. Имеет смысл объяснять агрессивные действия этого человека скорее вознаграждением, которое он получает за убийства (деньги, более высокий статус, удовлетворение садистских наклонностей), чем фрустрацией. Или представим себе действия пилота, который, несмотря на прекрасное расположение духа и отсутствие сколько-нибудь значительных фрустраций в течение дня, бомбит и обстреливает позиции врага, убивая не только неприятеля, но и мирных жителей. Очевидно, что в данном случае агрессивные действия в высшей степени обусловлены не столько фрустрацией, сколько распоряжениями командования, ожиданием различных наград за успешно проведенную операцию и, возможно, чувством долга или патриотизмом. Подытоживая, можно сказать: предположение о том, что все проявления жестокости являются результатом блокирования или создания препятствий целенаправленному поведению, не выдерживает критики.

Некоторые дополнительные аспекты теории фрустрации—агрессии. При том, что два рассмотренных предположения, касающиеся фрустрации — агрессии, являются центральными в теории Долларда и его коллег, они представляют только часть общего теоретического фундамента. Некоторые дополнительные аспекты этой влиятельной теории также заслуживают рассмотрения. Во-первых, как полагали Доллард и соавторы, в отношении побуждения к агрессии решающее значение имеют три фактора: 1) степень ожидаемого субъектом удовлетворения от будущего достижения цели; 2) сила препятствия на пути достижения цели; 3) количество последовательных фрустраций. То есть, чем в большей степени субъект предвкушает удовольствие, чем сильнее препятствие и чем большее количество ответных реакций блокируется, тем сильнее будет толчок к агрессив-

ному поведению. В дальнейшем Доллард и соавторы предположили, что влияние следующих одна за другой фрустраций может быть совокупным и это вызовет агрессивные реакции большей силы, чем каждая из них в отдельности. Из сказанного следует, что влияние фрустрирующих событий сохраняется в течение определенного времени, — это предположение является важным для некоторых аспектов теории.

Когда стало ясно, что индивидуумы не всегда реагируют агрессией на фрустрацию, Доллард и соавторы обратились к факторам, замедляющим открытую демонстрацию агрессивного поведения. Они пришли к выводу, что подобное поведение не проявляется в тот же момент времени прежде всего из-за угрозы наказания. Цитируя их собственные слова, «степень замедления в любом акте агрессии варьирует в прямом соответствии с предполагаемой тяжестью наказания, могущего последовать за этим действием». Однако, несмотря на предположение о том, что угроза наказания оказывает сдерживающее влияние, она не рассматривалась как фактор, ослабляющий актуальное побуждение к агрессии. Если индивидуума предостеречь от нападения на того, кто его фрустрировал, предварительно запугав каким-либо наказанием, он все еще будет стремиться к агрессивным действиям. В результате могут иметь место агрессивные действия, направленные на совершенно другого человека, нападение на которого ассоциируется с меньшим наказанием. Этот феномен, известный как смещение, мы обсудим более подробно в следующем разделе.

Если, как было отмечено выше, угроза наказания только блокирует осуществление агрессивных действий и побуждение к такого рода поведению остается во многом неизменным, то какой фактор или факторы ослабляют агрессивную мотивацию? Согласно Долларду и его соавторам, ответ следует искать в процессе катарсиса. Исследователи предположили, что все акты агрессии — даже скрытые от наблюдения, не прямые и не связанные с причинением ущерба — играют роль некоей формы катарсиса, снижая уровень побуждения к последующей агрессии. Поэтому в контексте их теории положение о том, что фрустрированный индивидуум оскорбляет другого с целью ослабить или устранить свое агрессивное побуждение, совершенно не является необходимым. Даже такие действия, как агрессивные фантазии, умеренно выраженное раздражение или удар кулаком по столу могут оказывать подобное воздействие. Короче говоря, в отличие от Фрейда, Доллард и соавторы были настроены гораздо более оптимистично в отношении возможной пользы катарсиса.

Как мы уже говорили, фрустрированный индивидуум, которого страх наказания удерживает от нападения на другое лицо, помешавшее ему достичь намеченной цели, может переадресовать свои атаки другим объектам. Хотя наиболее подходящим или желательным объектом для разрядки агрессии у фрустрированного индивидуума будет именно тот человек, который блокировал его целенаправленное поведение, объектами агрессии могут также служить и другие люди.

Миллер (Miller, 1948) предложил особую модель, объясняющую появление *смещенной агрессии* — то есть тех случаев, когда индивидуумы проявляют агрессию не по отношению к своим фрустраторам, а по отношению к совершенно другим людям. Автор предположил, что в подобных случаях выбор агрессором жертвы в значительной степени обусловлен тремя факторами: 1) силой побуждения к агрессии, 2) силой факторов, тормозящих данное поведение и 3) стимульным сходством каждой потенциальной жертвы с фрустрировавшим фактором. К тому же по при-

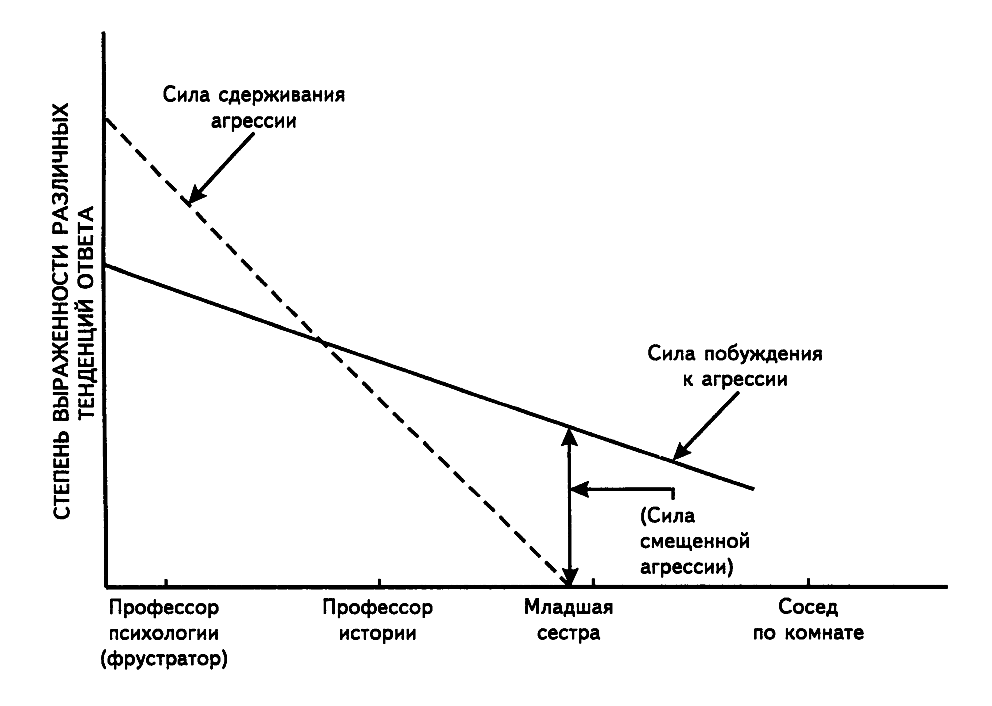

Рис. 1. 4. Согласно теории смещения при конфликте Миллера, человек, которого удерживает от агрессивности против фрустратора сильный страх наказания, прибегает к смещению своих нападок, направляя их на другие мишени — на тех лиц, которые похожи на фрустратора, но по отношению к которым у данного индивидуума не действует сдерживающее начало. То есть, возвращаясь к рассмотренному выше примеру, студент, фрустрированный профессором Патрисией Пэйн, скорее всего направит свою агрессию на младшую сестру, Пэтти, которая чем-то похожа на профессора (то есть на фрустрирующий фактор), но не представляет для своего брата серьезной опасности.

чинам, которые мы обсудим позднее, Миллер полагал, что барьеры, сдерживающие агрессию, исчезают более быстро, чем побуждение к подобному поведению, по мере увеличения сходства с фрустрировавшим агентом. Таким образом, модель предсказывает, что смещенная агрессия наиболее вероятно будет разряжена на тех мишенях, в отношении которых сила торможения является незначительной, но у которых относительно высокое стимульное сходство с фрустратором. Природу этих предположений поможет объяснить конкретный пример.

Представьте себе студента, которого фрустрировала профессор, д-р Патрисия Пэйн (скажем, она не разрешила ему сдать дополнительный зачет для исправления низкой оценки по психологии). Поскольку стремление излить свой гнев на Патрисию Пэйн в данном случае, видимо, будет очень сильным, а прямые нападки маловероятны, может произойти смещение агрессии. Теперь предположим, что у этого студента имеются три потенциальных мишени для разрядки смещенной агрессии: д-р Тереза Тюдор, профессор истории; Пэтти, его младшая сестра, и сосед по комнате Норберт Нэш. По теории Миллера скорее всего нападкам подвергнется младшая сестра. Это может произойти потому, что она в каком-то отношении напоминает студенту его фрустратора (например, она одного с профессором пола, у них одинаковое имя), но при этом данная фигура ассоциируется с гораздо меньшей силой сдерживания открытых нападок. Такого рода прогнозы,

как и теория смещения при конфликте Миллера, в самом общем виде представлены на рис. 1. 4.

Многие интересные предположения, содержащиеся в теории Миллера, дали толчок к проведению эмпирических исследований (Berkowitz, 1969; Fenigstein & Buss, 1974). Однако совершенно очевидно, что эти рассуждения достаточно спорны, и этим нельзя пренебрегать. Во-первых, как указывал Зильманн (Zillmann, 1979), модель целиком строится на допущении того, что подавление агрессии генерализуется в меньшей степени, чем побуждение к агрессивному поведению. Миллер пришел к этой гипотезе в результате экспериментального изучения конфликта, которое проводилось, в основном, на животных. Прежде всего он основывался на следующем факте. Если голодное животное, предварительно наученное ожидать пищу в определенном месте в конце дорожки, получает там же удар электрического тока, то по мере увеличения расстояния стремление избежать этого места ослабевает у животного более резко, чем стремление к нему приблизиться. Таким образом, вблизи того участка, где животное получало пищу и удары электрического тока, у него наблюдается более сильное стремление спастись бегством, чем стремление подойти ближе. По мере того как животное удаляется от этого участка, стремление убежать ослабевает у него быстрее, чем стремление приблизиться. В результате оно постепенно замедляет бег, и в каком-то месте дорожки стремление приблизиться одерживает верх над стремлением убежать. Очевидно, что основной логический вывод из приведенного наблюдения сводится к предположению: там, где исчезает сходство с фрустрирующим агентом, торможение агрессии ослабевает резче, чем побуждение к агрессии.

Во-вторых, сомнение вызывает выражение *стимульное сходство,* содержащееся в миллеровской модели смещения. Лежащее на поверхности объяснение, согласующееся с использованием этого понятия в литературе, на которую ссылался Миллер при построении своей модели, подразумевает физическое или перцептивное сходство между потенциальными мишенями агрессии и фрустрировавшим фактором скорее на уровне смысловых, а не физических характеристик. Например, сходство может варьировать в зависимости от степени родства (Murray & Berkun, 1955) и знакомства (Fenigstein & Buss, 1974; Fitz, 1976). К сожалению, в модели Миллера нет указаний на то, какие из этих характеристик, наряду со многими другими возможными параметрами, наиболее соответствуют феномену смещения.

Агрессивные тенденции: теория посылов к агрессии Берковица

С момента своего появления теория фрустрации—агрессии была объектом пристального внимания и выдержала не одну ревизию. И именно Берковиц (Berkowitz, 1965, 1969, 1983, 1988, 1989) внес наиболее значительные поправки и уточнения в эту теорию. В настоящем разделе мы рассмотрим более ранний труд Берковица (Berkowitz, 1965a, 1969), посвященный роли посылов к агрессии в цепочке фрустрация—агрессия. К самым последним изменениям, внесенным им в свою теорию, мы обратимся в разделе, посвященном когнитивным моделям агрессивного поведения.

Берковиц утверждает, что фрустрация — один из множества различных *аверсивных стимулов*, которые способны лишь спровоцировать агрессивные реакции, но не приводят к агрессивному поведению напрямую, а скорее создают *готов-*

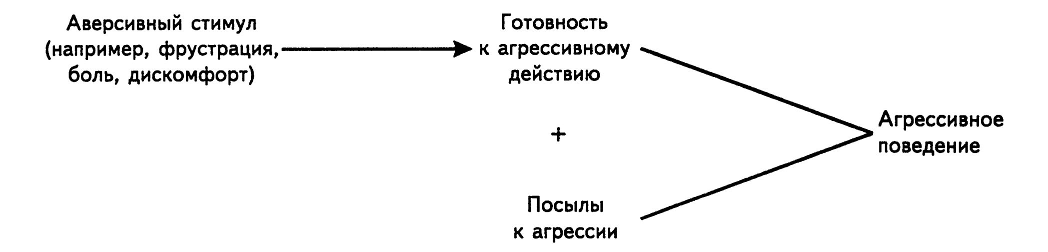

Рис. 1. 5. В теории посылов к агрессии Берковица утверждается, что фрустрация или любой иной аверсивный стимул приводит только к готовности действовать агрессивно. Чтобы появилось агрессивное поведение, в ситуации должны присутствовать посылы к агрессии.

ность к агрессивным действиям. Подобное поведение возникает только тогда, когда присутствуют соответствующие *посылы к агрессии* — средовые стимулы, связанные с актуальными или предшествовавшими факторами, провоцирующими злость, или с агрессией в целом. Эта относительно простая модель представлена на рис. 1. 5.

Согласно Берковицу, стимулы приобретают свойство провоцировать агрессию (то есть потенциально могут вызвать агрессию) посредством процесса, сходного с классической выработкой условных рефлексов. Стимул может приобрести агрессивное значение, если связан с позитивно подкрепленной агрессией или ассоциируется с пережитыми ранее дискомфортом и болью. Стимулы, которые постоянно связаны с факторами, провоцирующими агрессию, или с самой агрессией, могут постепенно склонять к агрессивным действиям индивидуумов, ранее спровоцированных или фрустрированных. Поскольку этим требованиям удовлетворяет широкий диапазон стимулов, многие из них могут приобретать значение посылов к агрессии. При определенных условиях роль посылов к агрессии могут играть люди с определенными чертами характера и даже физические объекты (например, оружие). Более того, Берковиц (Berkowitz, 1983) полагает даже, что люди с физическими отклонениями в каком-то смысле обречены притягивать к себе страдания и становиться объектами проявлений враждебности, поскольку сам их дефект или болезнь, ассоциирущийся со страданием и болью, способен спровоцировать людей, предрасположенных к агрессии, на специфические действия.

Другая серьезная поправка, внесенная Берковицем в теорию фрустрации — агрессии (Berkowitz, 1965, 1969, 1983), касалась условий, требуемых для ослабления агрессивного побуждения. Мы еще вернемся к представлению Долларда и его коллег о том, что побуждение к агрессии может быть ослаблено путем нападок на другие объекты — на людей, отличных от первоначального фрустратора, а также посредством фактически любого агрессивного действия, включая поведение, не связанное с причинением физического или морального ущерба другим людям. В противоположность этим рассуждениям Берковиц (Berkowitz, 1981) утверждал, что у сильно фрустрированных индивидуумов агрессивное побуждение может ослабевать только при условии причинения ущерба фрустратору. «Если имеет место катарсис, то он происходит не по той причине, что агрессор выплеснул какое-то количество предположительно не находившей выхода агрессивной энергии, а потому, что он достиг своей агрессивной цели и тем самым завершил определенную последовательность в виде ответа на подстрекательство к агрессии».

Далее Берковиц утверждает: поскольку безуспешные попытки причинить вред тому, кто вызвал фрустрацию, сами по себе являются фрустрирующими, они фактически могут скорее *усиливать*, чем ослаблять стремление действовать агрессивно (Gustafson, 1989). Только успешные атаки, сопровождающиеся причинением ущерба объекту агрессии, способны ослаблять или полностью устранять агрессивное побуждение.

Агрессивное возбуждение: теория переноса возбуждения Зильманна

И первоначальная теория фрустрации—агрессии, и теория посылов к агрессии Берковица трактуют агрессию как инстинктивную потребность, которая может быть ослаблена посредством агрессивного поведения. Зильманн (Zillmann, 1983a) утверждал, что эти теории агрессии как потребности являются слишком слабыми и неопределенными для широкого применения. Потребность — это гипотетический конструкт, который не поддается измерению, но тем не менее должен учитываться. Поэтому, он полагал, будет более плодотворным считать, что агрессия обусловлена *возбуждением*, то есть конструктом, который *можно* наблюдать и измерять. В данном случае возбуждение имеет отношение к раздражению симпатической нервной системы, что находит выражение в соматических реакциях — таких как учащение пульса, повышение потоотделения и артериального давления, являющихся составной частью реакции «дерись или удирай», которая могла эволюционировать ввиду значимости для выживания (Zillmann, 1988).

Одним из наиболее любопытных аспектов теории Зильманна является положение о том, что возбуждение от одного источника может накладываться (то есть переноситься) на возбуждение от другого источника, таким путем усиливая *или* уменьшая силу эмоциональной реакции. Поскольку возбуждение не угасает немедленно, даже если реакция индивидуума предполагает его ослабление, остатки медленно исчезающего раздражения могут «вливаться в последующие, потенциально независимые (от данного стимула) эмоциональные реакции и переживания (Zillmann, 1983в).

То, что эти предположения действительно уместны для понимания человеческой агрессии, было продемонстрировано в нескольких исследованиях. Было обнаружено, что возбуждение от таких источников, как физическая активность (Zillmann, Katcher & Milavsky, 1972), фильмы с изображением насилия (Zillmann, 1971), возбуждающая эротика (Donnerstein & Hallam, 1978), а также шум (Donnerstein & Wilson, 1976), — способствует возникновению и проявлению агрессивных реакций. Подобные процессы могут также способствовать уменьшению вероятности появления агрессивных реакций или снижению их силы. Например, агрессия может быть ослаблена в некоторых ситуациях путем приписывания возбуждения источнику, не связанному с переживаемой злостью или с имевшей место провокацией (Zillmann, Johnson & Day, 1974). Влияние возбуждения на агрессию и процесс переноса возбуждения мы обсудим более детально в главе 6.

Агрессивное побуждение: заключительные комментарии

Теоретики, занимающиеся проблемой мотивации, достаточно оптимистично рассматривают возможности предотвращения агрессивного поведения или контроля над ним, так как приписывают агрессию скорее влиянию особых условий окружа-

ющей среды (то есть фрустрирующих, аверсивных или возбуждающих событий), нежели врожденной предрасположенности к совершению насильственных действий. Другими словами, они предполагают, что устранение всех внешних источников возбуждения или аверсивной стимуляции из окружающей среды не приведет к мгновенному исчезновению опасных случаев человеческой агрессии. К сожалению, аверсивные условия в той или иной форме встречаются настолько часто и повсеместно, что их тотальное устранение совершенно нереально. Поэтому и теории, посвященные агрессивным побуждениям, подразумевают действие неиссякаемого и, в общем, неизбежного источника агрессивных импульсов. И хотя подобные влияния предположительно имеют большей частью внешнее, а не внутреннее происхождение, они все еще слишком распространены, и потому у нас нет оснований для особого оптимизма.

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В рассмотренных выше теориях не учитываются важные аспекты человеческого опыта, которым в последние годы психологи уделяют все больше внимания. Речь идет об эмоциях и познавательной деятельности. Теории, к которым мы обратимся в данном разделе, покажут нам, насколько важно учитывать роль эмоциональных и когнитивных процессов при описании агрессивного поведения человека. Эти теории не содержат в себе каких-либо принципиально новых формулировок. Просто вышеизложенные теоретические модели будут уточнены и расширены в результате приложения их к эмоциональным и когнитивным процессам, выступающим в качестве основных детерминант агрессии.

Модель образования новых когнитивных связей Берковица

В своих поздних работах Берковиц (Berkowitz, 1983, 1988, 1989) подверг пересмотру свою оригинальную теорию, перенеся акцент с посылов к агрессии на эмоциональные и познавательные процессы и тем самым подчеркнув, что именно последние лежат в основе взаимосвязи фрустрации и агрессии. В соответствии с его *моделью образования новых когнитивных связей*, фрустрация или другие аверсивные стимулы (например, боль, неприятные запахи, жара) провоцируют агрессивные реакции путем формирования *негативного аффекта*. Берковиц (Berkowitz, 1989) утверждал, что «препятствия провоцируют агрессию лишь в той степени, в какой они создают негативный аффект». Блокировка достижения цели, таким образом, не будет побуждать к агрессии, если она не переживается как *неприятное* событие. В свою очередь, то, как сам индивидуум интерпретирует негативное воздействие, и определяет его реакцию на это воздействие. Если, например, девушка интерпретирует неприятное эмоциональное переживание как злость, то скорее всего у нее появятся агрессивные тенденции. Если же она интерпретирует негативное состояние как страх, у нее появится стремление спастись бегством.

В редакции 1989 года теория Берковица гласит, что посылы к агрессии вовсе не являются *обязательным условием* для возникновения агрессивной реакции. Скорее они лишь «интенсифицируют агрессивную реакцию на наличие некоего барьера, препятствующего достижению цели». Он также представил доказатель-

ства того, что индивидуум, которого что-то спровоцировало на агрессию (то есть он объясняет свои негативные чувства как злость), может стать более восприимчивым и чаще реагировать на посылы к агрессии. Итак, хотя агрессия может появляться в отсутствие стимулирующих ее ситуационных факторов, фрустрированный человек будет все-таки чаще обращать внимание на эти стимулы, и они скорее всего усилят его агрессивную реакцию.

Взаимозависимость познания и возбуждения

Несмотря на более предпочтительную трактовку возбуждения и когнитивных процессов как независимо влияющих на агрессивное поведение, Зильманн (Zillmann, 1988) доказывал, что «познание и возбуждение теснейшим образом взаимосвязаны; они влияют друг на друга на всем протяжении процесса переживания приносящего страдания опыта и поведения». Таким образом, он вполне отчетливо указывал на специфичность роли познавательных процессов в усилении и ослаблении эмоциональных агрессивных реакций и роли возбуждения в когнитивном опосредовании поведения. Он подчеркивал, что независимо от момента своего появления (до или после возникновения нервного напряжения) осмысление события, вероятно, может влиять на степень возбуждения. Если же рассудок человека говорит ему, что опасность реальна, или индивид зацикливается на угрозе и обдумывании своей последующей мести, то у него сохранится высокий уровень возбуждения. С другой стороны, угасание возбуждения является наиболее вероятным следствием того, что, проанализировав ситуацию, человек обнаружил смягчающие обстоятельства или почувствовал уменьшение опасности.

Подобным же образом возбуждение может влиять на процесс познания. Зильманн (Zillmann, 1988, 1990) доказывал, что при очень высоких уровнях возбуждения снижение способности к познавательной деятельности может приводить к импульсивному поведению. В случае агрессии импульсивное действие будет агрессивным по той причине, что дезинтеграция когнитивного процесса создаст помеху торможению агрессии. Так, когда возникают сбои в познавательном процессе, обеспечивающем возможность подавить агрессию, человек, вероятнее всего, будет реагировать импульсивно (то есть агрессивно). В тех условиях, которые Зильманн описывает как «скорее узкий диапазон» умеренного возбуждения, вышеупомянутые сложные когнитивные процессы будут разворачиваться в направлении ослабления агрессивных реакций. В обобщенном виде модель взаимозависимости познавательный процесс—возбуждение представлена на рис. 1. 6.

Что следует из когнитивных моделей

В первом приближении данные когнитивные модели агрессивного поведения дают повод для оптимизма в вопросе возможности управления агрессией. Согласно им, поведение можно контролировать, «просто» научая людей реально представлять себе потенциальную опасность, которая может исходить от явно угрожающих ситуаций или людей. Однако мы не должны игнорировать важную роль эмоций в этих моделях поведения. И Берковиц (Berkowitz, 1983) и Зильманн (Zillmann, 1988) признают, что агрессия иногда бывает импульсивной, не подвластной контролю рассудка. Как полагает Зильманн, большинство людей научаются реагировать на воспринятую ими провокацию ответной агрессией. Так что «на-

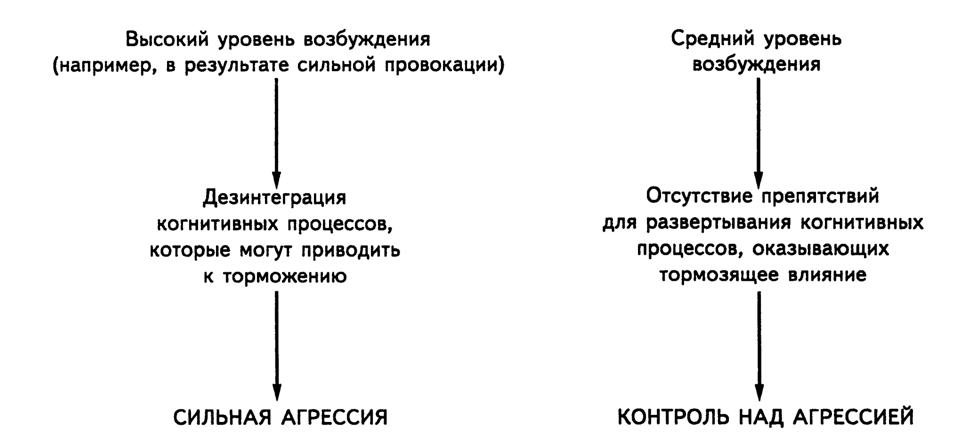

Рис. 1. 6. Модель агрессивного поведения Зильманна строится на предположении, что и когнитивные процессы, и физиологическое возбуждение вносят свой вклад в выражение агрессии и контроль над ней.

вык», который они приобретают, когда когнитивные процессы дезинтегрированы, является деструктивным. В соответствии с данными положениями, подходящим способом научиться контролировать или устранять импульсивную агрессию представляется выработка конструктивных или неагрессивных привычек в ответ на провокацию.

АГРЕССИЯ КАК ПРИОБРЕТЕННОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПРЯМОЕ И ВИКАРНОЕ[1] НАУЧЕНИЕ НАСИЛИЮ

Другое общее теоретическое направление в изучении агрессии включает в себя многие процессы, о которых уже говорилось в свете рассмотренных выше теорий. Теория социального научения, предложенная Бандурой, уникальна: агрессия рассматривается здесь как некое специфическое социальное поведение, которое усваивается и поддерживается в основном точно так же, как и многие другие формы социального поведения. Схема анализа агрессивного поведения с позиции теории социального научения представлена в табл. 1. 2. В интересах дальнейшего развития теории, которая достаточно широка для того, чтобы вобрать в себя большинство существующих работ по агрессивному поведению, Бандура (Bandura, 1983) рассматривает роль биологических и мотивационных факторов, хотя делает явный акцент на важности влияния социального научения.

Согласно Бандуре, исчерпывающий анализ агрессивного поведения требует учета трех моментов: 1) способов *усвоения* подобных действий, 2) факторов, *провоцирующих* их появление и 3) условий, при которых они закрепляются.

Короче говоря, глубокое понимание агрессии предполагает знание тех же самых факторов и условий, которые могут потребоваться для аналогичного анализа многих других моделей поведения. Поскольку мы вернемся к детальному рассмотрению социальных, средовых и индивидуальных факторов, подстрекающих к

[1] Викарное научение — научение через наблюдение научения других. *(Прим. ред.)*

агрессии, в следующих главах, остановимся ниже на проблеме усвоения и регуляции агрессивного поведения.

Усвоение агрессивного поведения

Теория социального научения рассматривает агрессию как социальное поведение, включающее в себя действия, «за которыми стоят сложные навыки, требующие всестороннего научения» (Bandura,1983).

Например, чтобы осуществить агрессивное действие, нужно знать, как обращаться с оружием, какие движения при физическом контакте будут болезненными для жертвы, а также нужно понимать, какие именно слова или действия причиняют страдания объектам агрессии. Поскольку эти знания не даются при рождении, люди должны *научиться* вести себя агрессивно.

Биологические факторы. Хотя в теории социального научения особо подчеркивается роль научения путем наблюдения и непосредственного опыта в усвоении агрессии, вклад биологических факторов не отрицается. Как в случае любой двигательной активности, совершение агрессивного действия зависит от основных нейрофизиологических механизмов. Проще говоря, нервная система участвует в осуществлении любого действия, включая и агрессивное. Однако влияние этих основных структур и процессов ограничено.
С позиции социального научения:

Люди наделены нейропсихологическими механизмами, обеспечивающими возможность агрессивного поведения, но активация этих механизмов зависит от соответствующей стимуляции и контролируется сознанием. Поэтому различны формы агрессивного поведения, частота его проявлений; ситуации, в которых оно развертывается, а также конкретные объекты, выбранные для нападения, во многом определяются факторами социального научения (Bandura, 1983).

В случае именно *человеческого* агрессивного поведения естественные ограничения, обусловленные биологическими факторами, теряют свою силу за счет спо-

Таблица 1.2. **Теория социального научения Бандуры**

АГРЕССИЯ ПРИОБРЕТАЕТСЯ ПОСРЕДСТВОМ:
Биологических факторов (например, гормоны, нервная система)
Научения (например, непосредственный опыт, наблюдение)
АГРЕССИЯ ПРОВОЦИРУЕТСЯ:
Воздействием шаблонов (например, возбуждение, внимание)
Неприемлемым обращением (например, нападки, фрустрация)
Побудительными мотивами (например, деньги, восхищение)
Инструкциями (например, приказы)
Эксцентричными убеждениями (например, параноидальные идеи)
АГРЕССИЯ РЕГУЛИРУЕТСЯ:
Внешними поощрениями и наказаниями (например, материальное вознаграждение, неприятные последствия)
Викарным подкреплением (например, наблюдение за тем, как поощряют и наказывают других)
Механизмами саморегуляции (например, гордость, вина)

Примечание: эта теория объясняет усвоение, провоцирование и регуляцию агрессивного поведения.

собности человека производить и использовать оружие уничтожения. Подобным образом зависимость между последствиями агрессивных действий и выживанием различна у людей и животных. Например, в то время как физическая сила может быть важным условием в выборе брачного партнера у животных, для людей более важным оказываются такие социальные факторы, как физическая привлекательность и финансовое положение (Bandura, 1983).

Непосредственный опыт. Один из важных способов усвоения человеком широкого диапазона агрессивных реакций — прямое поощрение такого поведения. Получение подкрепления за агрессивные действия повышает вероятность того, что подобные действия будут повторяться и в дальнейшем.

Доказательства этого эффекта были получены во многих экспериментах на животных. В этих исследованиях животные получали различные виды подкрепления (например, пищу, воду, прекращение стимуляции электрическим током) за агрессивные нападки друг на друга. Получавшие подкрепление животные быстро приобретали выраженную наклонность к агрессивному поведению. Например, Ульрих, Джонстон, Ричардсон и Вольф (Ulrich, Johnston, Richardson & Wollf, 1963) обнаружили, что, прежде смирные, крысы быстро научались атаковать своих соседей по клетке, когда им давали воду только при условии агрессивного поведения.

Положение о том, что люди также научаются агрессии, по крайней мере, некоторым ее формам, в настоящее время принимается очень многими (например, Bandura, 1973; Zillmann, 1979). Очевидно, однако, что во многих случаях человеческого научения, по сравнению с научением у разных видов животных, в этом процессе более значимо разнообразие видов подкрепления. Так, к числу положительных результатов, приводящих к заметному усилению тенденции агрессивного поведения как у взрослых, так и у детей, относятся следующие: получение различных материальных поощрений, таких как деньги, вожделенные вещи, игрушки и сладости (Borden, Bowen & Taylor, 1971; Borden & Taylor, 1976; Buss, 1971), социальное одобрение или более высокий статус (Geen & Stonner, 1971; Gentry, 1970), а также более приемлемое отношение со стороны других людей (Patterson, Zittman & Bricker, 1967).

Научение посредством наблюдения. В то время как непосредственный опыт, видимо, играет важную роль в усвоении агрессивных реакций, по мнению Бандуры (Bandura, 1973, 1983), научение посредством наблюдения оказывает даже большее воздействие. Бандура обращает внимание на то, что небезопасно опираться на метод проб и ошибок. Такой способ усвоения агрессивного поведения не является адаптивным процессом, поскольку грозит опасными или даже фатальными последствиями. Более безопасно наблюдать за агрессивным поведением других; при этом формируется «представление о том, как выстраивается поведение, а в дальнейшем его символическое выражение может служить руководством к действию».

Данное предположение подтверждается массой экспериментальных данных. В исследованиях подобного толка и дети и взрослые легко перенимают новые для них агрессивные реакции, к которым ранее не были предрасположены, просто в процессе наблюдения за поведением других людей (Bandura, 1973; Gorenson, 1970). Дальнейшие исследования показали: нет необходимости демонстрировать вживую на сцене социальные образцы подобного поведения — их

символического изображения в кинофильмах, телепередачах и даже в литературе вполне достаточно для формирования эффекта научения у наблюдателей (Bandura, 1973). И возможно, еще большее значение имеют случаи, когда люди наблюдают за тем, как примеры агрессии встречают одобрение или, во всяком случае, остаются безнаказанными — это часто вдохновляет на подобное поведение. Иллюстрацией этому служат драматические и часто трагические примеры, когда вслед за сообщениями в средствах массовой информации о необычных формах насилия похожие события происходят очень далеко от тех мест, где они были первоначально зафиксированы. Видимо, в подобных случаях зрители (или читатели) овладевают новыми агрессивными приемами посредством викарного научения, а затем, воодушевленные сообщением об эпизоде насилия, применяют их на практике. Поскольку мы вернемся к вопросу о влиянии социальных моделей на агрессию в следующих главах, то, заканчивая на этом обсуждение данной темы, отметим: несомненно, экспозиция образцов социальной агрессии часто вооружает как детей, так и взрослых новыми формами агрессивного поведения, не входившими ранее в их поведенческий репертуар.

Регуляторы агрессивного поведения

Когда агрессивные реакции усвоены, на первый план выступают факторы, отвечающие за их регуляцию, — сохранение, усиление или контроль. Неудивительно, что многие из них схожи с факторами, способствующими первоначальному усвоению агрессии.

Существует три вида поощрений и наказаний, регулирующих агрессивное поведение. Во-первых, это материальные поощрения и наказания, общественная похвала или порицание и/или ослабление или усиление негативного отношения со стороны других. Во-вторых, агрессия регулируется викарным опытом: например, путем предоставления возможности наблюдать, как вознаграждают или наказывают других. И наконец, человек может сам себе назначать поощрения и наказания.

Внешние источники. Результативная агрессия, направленная на других, может обеспечить реальные вознаграждения. Например, дети, с успехом притесняющие своих товарищей по играм, могут постоянно требовать от них всего, чего хотят — игрушек и привилегий. Как отмечал Басс (Buss, 1971), агрессия часто щедро «вознаграждается» и у взрослых. Например, главари организованной преступности сколачивают гигантские состояния благодаря квалифицированному применению насилия. Агрессию можно также контролировать наказанием, актуальным или потенциальным (то есть угрозой). Однако данный подход содержит определенный риск, поскольку его результаты часто кратковременны и могут незаметно свести все к принудительному контролю (Bandura & Walters, 1959; Hoffmann, 1960). Детально мы обсудим проблемы, связанные с наказанием, обусловленным внешними источниками, в главе 3.

Социальные поощрения и одобрения также способствуют агрессивному поведению. Во время войны солдаты получают медали, а также непосредственное право убивать противников. И хулиган-подросток в любой стране, в результате успешных нападок на других, обладает значительной долей статуса и престижа, помимо материальных выгод. В целом одобрение агрессивного поведения вызывает еще большую агрессию (Geen & Stonner, 1971). Аналогично социальное не-

одобрение может отбить охоту вести себя агрессивно (Richardson, Bernstein & Taylor, 1979).

Агрессия, видимо, закрепляется также и в тех случаях, когда ведет к ослаблению боли или прекращению нежелательного обращения. Дети, которые получают положительное подкрепление, манипулируя своими родными с помощью агрессии или принуждения, более агрессивны в отношениях со сверстниками (Patterson, 1975).

Викарный опыт. «В целом, как правило, наблюдение поощрения агрессии у других усиливает, а наблюдение наказания ослабляет тенденцию вести себя подобным образом» (Bandura, 1983). Викарный опыт может помочь наблюдателю составить представление о возможных последствиях определенного поведения, а также настроить на ожидание аналогичных наград или наказаний. Данные процессы похожи на те, которые имеют место при *усвоении* агрессивных действий путем научения в процессе наблюдения. В случае викарного подкрепления агрессивное действие *уже* воспринимается как приемлемое в репертуаре поведения индивидуума. В данном случае социальные образцы подстрекают к уже усвоенному ответу или не дают возможности ему проявиться.

Последствия самопоощрения и самонаказания. Модели открытой агрессии могут регулироваться поощрением и наказанием, которые человек устанавливает для себя сам. Агрессоры могут в той или иной степени поощрять себя в результате успешных атак на других, вознаграждать себя чем-нибудь и одобрять свои действия (Bandura, 1973). Многие крайне агрессивные люди гордятся своей способностью причинить вред или нанести увечье другим (Toch, 1969). Даже несклонные к насилию люди время от времени могут испытывать удовлетворение оттого, что, отплатив сполна за нанесенное оскорбление, они «не ударили в грязь лицом» и «не уронили своего достоинства» (Feshbach, 1970).

Агрессоры также могут наказывать самих себя, осуждая собственное поведение. Люди, усвоившие такую общественную ценность, как неодобрение агрессивного поведения, видимо, чувствуют себя виноватыми, демонстрируя подобные действия. Так, дети, испытывающие чувство вины перед родителями или просящие у них прощения за свое непослушание, менее агрессивны по сравнению с не столь совестливыми детьми (Lefkowitz, Eron, Walder & Huesmann, 1977).

Концепция социального научения: некоторые важные выводы

Завершая обсуждение теории социального научения, мы хотели бы обратить внимание читателей на то, что она оставляет гораздо больше шансов возможности предотвратить и контролировать человеческую агрессию по сравнению с большинством других теорий. Тому есть две важные причины. Во-первых, согласно этой теории в целом, агрессия представляет собой приобретенную в процессе научения модель социального поведения. В этом качестве она является открытой для прямой модификации и может быть ослаблена с помощью многих процедур. Например, весьма эффективным средством может стать устранение условий, поддерживающих агрессивное поведение. Злонамеренное поведение все еще остается в репертуаре индивидуумов, но в иных условиях будет гораздо меньше оснований для его открытого выражения в актуальном поведении.

Во-вторых, в отличие от теорий мотивации и инстинкта, подход с позиций социального научения не представляет людей как постоянно испытывающих потребность или побуждение к совершению насилия под влиянием внутренних сил или вездесущих внешних (аверсивных) стимулов. Скорее социальное научение предполагает проявление агрессии людьми только в определенных социальных условиях, способствующих подобному поведению. Утверждается, что изменение условий ведет к предотвращению или ослаблению агрессии.

РЕЗЮМЕ

Таким образом, *агрессия*, в какой бы форме она ни проявлялась, представляет собой поведение, направленное на причинение вреда или ущерба другому живому существу, имеющему все основания избегать подобного с собой обращения. Данное комплексное определение включает в себя следующие частные положения: 1) агрессия обязательно подразумевает преднамеренное, целенаправленное причинение вреда жертве; 2) в качестве агрессии может рассматриваться только такое поведение, которое подразумевает причинение вреда или ущерба живым организмам; 3) жертвы должны обладать мотивацией избегания подобного с собой обращения.

Существует несколько разнонаправленных теоретических перспектив, каждая из которых дает свое видение сущности и истоков агрессии. Старейшая из них, *теория инстинкта,* рассматривает агрессивное поведение как врожденное. Фрейд, самый знаменитый из приверженцев этой довольно распространенной точки зрения, полагал, что агрессия берет свое начало во врожденном и направленном на собственного носителя инстинкте смерти; по сути дела, агрессия — это тот же самый инстинкт, только спроецированный вовне и нацеленный на внешние объекты. Теоретики-эволюционисты считали, что источником агрессивного поведения является другой врожденный механизм: инстинкт борьбы, присущий всем животным, включая и человека.

Теории побуждения предполагают, что источником агрессии является, в первую очередь, вызываемый внешними причинами позыв, или побуждение, причинить вред другим. Наибольшим влиянием среди теорий этого направления пользуется *теория фрустрации — агрессии*, предложенная несколько десятилетий назад Доллардом и его коллегами. Согласно этой теории, у индивида, пережившего фрустрацию, возникает побуждение к агрессии. В некоторых случаях агрессивный позыв встречает какие-то внешние препятствия или подавляется страхом наказания. Однако и в этом случае побуждение остается и может вести к агрессивным действиям, хотя при этом они будут нацелены не на истинного фрустратора, а на другие объекты, по отношению к которым агрессивные действия могут совершаться беспрепятственно и безнаказанно. Это общее положение о *смещенной агрессии* было расширено и пересмотрено Миллером (Miller, 1948), выдвинувшим систематизированную модель, объясняющую появление этого феномена.

Когнитивные модели агрессии помещают в центр рассмотрения эмоциональные и когнитивные процессы, лежащие в основе этого типа поведения. Согласно теориям данного направления, характер осмысления или интерпретации индивидом чьих-то действий, например, как угрожающих или провокационных, оказыва-

ет определяющее влияние на его чувства и поведение. В свою очередь, степень эмоционального возбуждения или негативной аффектации, переживаемой индивидом, влияет на когнитивные процессы, занятые в определении степени угрожающей ему опасности.

И последнее теоретическое направление, которого мы коснулись в данной главе, рассматривает агрессию прежде всего как явление социальное, а именно как форму поведения, усвоенного в процессе социального научения. В соответствии с *теориями социального научения,* глубокое понимание агрессии может быть достигнуто только при обращении пристального внимания: 1) на то, каким путем агрессивная модель поведения была усвоена; 2) на факторы, провоцирующие ее проявление; 3) на условия, способствующие закреплению данной модели поведения. Агрессивные реакции усваиваются и поддерживаются путем непосредственного участия в ситуациях проявления агрессии, а также в результате пассивного наблюдения проявлений агрессии. Согласно взгляду на агрессию как на инстинкт или побуждение, индивидуумов постоянно заставляют совершать насилие либо внутренние силы, либо непрерывно действующие внешние стимулы (например, фрустрация). Теории же социального научения утверждают, что агрессия появляется только в соответствующих социальных условиях, то есть, в отличие от других теоретических направлений, теории этого направления гораздо более оптимистично относятся к возможности предотвращения агрессии или взятия ее под контроль.

МЕТОДЫ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АГРЕССИИ

«Насилие пронизывает бытие человека... Эпическими поэтами оно воспето как свидетельство мужской доблести, пророки и моралисты осудили его, а все прочие притерпелись к нему как к одной из стихийных опасностей в человеческой жизни» (Conrad, 1981).

Философы, поэты, теологи, писатели и многие другие веками ломали головы над загадкой насилия среди людей. Ученые, впрочем, лишь недавно сделали агрессию объектом эмпирического изучения.

Попытка научно исследовать агрессивное поведение порождает ряд проблем, потому что интересующее нас поведение опасно. Было бы недопустимо применять методы исследования, при которых люди могут причинить друг другу вред. Относительная же редкость этого типа поведения и тот довольно приватный контекст, в котором в основном осуществляется агрессия, делают задачу ученых по выявлению ее причин и следствий весьма затруднительной. Поэтому во многих случаях применяются сравнительно «безопасные» методы исследования, такие как опросы и наблюдение. Изобретательные исследователи разрабатывают также методики, позволяющие изучать агрессию, не причиняя никому реального вреда.

В этой главе мы рассмотрим подходы и методы, с помощью которых получены сведения, приведенные в книге. Мы обратимся также к достоинствам и недостаткам различных подходов, чтобы заложить фундамент для понимания и оценки накопленных знаний о человеческой агрессии.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ И НЕЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ

Как мы уже отмечали, изучать агрессивное поведение у людей особенно трудно, ибо оно само по себе опасно. Исследователи вынуждены наблюдать и понимать агрессию, не провоцируя при этом людей причинять друг другу вред. Один из сравнительно безопасных способов изучения агрессии заключается в поиске «естественно возникающих» случаев агрессии и регистрации событий, сопутствующих инциденту. Например, исследователь может отправиться по злачным местам, барам, ресторанам, записывая, кто вел себя агрессивно и какие агрессивные действия совершал (например, бил посуду, кричал). Схожий метод сводится к опросу людей — каким образом, как часто и при каких обстоятельствах они проявляют агрессию. При таких *неэкспериментальных и333 неманипулятивных подходах* исследователь избегает любого прямого вмешательства или поощрения поведения, причиняющего вред.

Эти методы часто оказывались полезны и внесли ценный вклад в наше понимание агрессии. Действительно, в некоторых случаях неманипулятивные процедуры — единственно допустимые из соображений безопасности или этики. Например, попытка выявить характер событий, приведших к массовым беспорядкам, по необходимости будет основана большей частью на сообщениях из первых, а то и вторых рук. Аналогичным образом, стараясь определить факторы, ответственные за опасные формы обращения родителей с детьми, исследователь по столь же очевидным причинам вынужден ограничиться сбором сведений о личности родителей, о социально-экономических условиях, а также об их опыте взаимоотношений с собственными родителями. В этих и многих других случаях неэкспериментальные методы были и остаются весьма полезными.

Несмотря на немалые достоинства таких процедур, им зачастую вредит один главный недостаток: полученные с их помощью данные нередко бывают неоднозначными с точки зрения выявления причинно-следственных связей. Иначе говоря, исследователи, применяя такие методы, часто не могут установить, какие конкретно факторы предопределили, вызвали или подавили прямую агрессию. Чтобы понять, почему так получается, рассмотрим следующий пример.

Нередко сообщалось, что частота случаев межличностного насилия повышена в ситуациях, когда участники приняли большие дозы алкоголя. Эти данные обычно интерпретировались как свидетельство того, что опьянение «растормаживает» людей, тем самым увеличивая вероятность их агрессии. Хотя такой вывод выглядит вполне правдоподобным, обосновать его труднее, чем кажется. Употребление алкоголя зачастую сопровождается еще несколькими обстоятельствами, которыми также можно объяснить наблюдаемую зависимость между агрессией и опьянением. Например, выпившие люди становятся более общительными, в связи с чем встречаются с большим количеством других людей, способных тем или иным образом их спровоцировать. Далее, люди, возможно, выпивают больше во время жары. В этом случае неприятные внешние условия могут вызывать раздражение, тем самым увеличивая вероятность агрессивного поведения. Может быть и так, что агрессивные люди больше выпивают, то есть не алкоголь — причина агрессии, а агрессивность ведет к употреблению большего количества алкоголя. С учетом таких соображений связь между агрессией и употреблением алкоголя представляется проблематичной: является ли ответственным за учащение случаев насилия опьянение само по себе или какой-то из упомянутых факторов? На основе неэкспериментальных данных выяснить это невозможно.

По большей части из-за подобных трудностей многие психологи предпочитают использовать для изучения агрессивного поведения *экспериментальный подход*. Они стремятся получить более определенную информацию с помощью исследований, в которых предполагаемые факторы агрессии изменяются систематически и явным образом. Иначе, исследователь манипулирует одним или несколькими параметрами, которые считаются стимулирующими или подавляющими прямую агрессию, а затем оценивает результаты данной процедуры. Стимулирующие или подавляющие параметры, которые изменял экспериментатор, называются *независимыми переменными*. Результирующее поведение, эффект, называется *функцией*. Например, если мы хотим применить экспериментальный подход для изучения связи агрессивного поведения с опьянением, мы будем варьировать независимую переменную, давая одной группе испытуемых большую дозу алкоголя (например, ром с кока-колой), а другой группе — кока-колу с запахом рома. Затем мы изме-

рим функцию — агрессию, фиксируя такие проявления поведения, как угрозы, толчки и удары. Если мы обнаружим, что люди, выпившие коктейль с настоящим ромом, ведут себя более агрессивно, чем те, кто пил кока-колу с ароматизатором, мы будем более-менее уверены, что *причиной* такого поведения был алкоголь. Поскольку все испытуемые находятся в одинаковых социальных и физических условиях, мы не сможем приписать различие в их поведении разнице в уровнях социального взаимодействия или в температуре воздуха. Сходным образом, поскольку употребление ими алкоголя *контролируется*, нельзя утверждать, что из-за агрессивности они выпивали больше.

Хотя экспериментальный подход позволяет обрести больше уверенности при определении причинно-следственных связей, попытка исследовать таким способом агрессивное поведение порождает ряд встречных вопросов. Как, в конце концов, можно систематически изучать такую опасную форму поведения, исключив при этом малейшую возможность причинения психологического или физического вреда участникам исследования? Психологи решают эту проблему с помощью целого ряда методик, разработанных для исследования агрессии безопасным и одновременно научно строгим способом. Ниже мы рассмотрим различные методы, используемые для изучения агрессивного поведения. Некоторые из них применяются исключительно в экспериментах, другие же могут быть использованы как в экспериментальных, так и в неэкспериментальных исследованиях.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ ОПРОСА

Как мы предположили ранее, возможно, самый прямой путь измерения агрессии — просто расспросить о таком поведении. В данном разделе мы обратимся к некоторым способам, которыми психологи расспрашивают об агрессии.

Чтобы узнать о случаях агрессии или типичных для нее обстоятельствах, ученый может опросить множество различных источников. Вернемся к нашему примеру выявления связи между агрессией и алкоголем. Намереваясь провести такое исследование, можно расспросить самого испытуемого, явно или неявно (с помощью слегка замаскированных вопросов) о количестве принятого им алкоголя и о его агрессивном поведении. Его знакомые также могут рассказать о том, как часто он пьет и насколько бывает агрессивен.

Менее прямые опросы тоже относятся к категории «опросных методов». Чтобы узнать частоту сопутствия алкогольного опьянения насильственным преступлениям, исследователь может просмотреть полицейские сводки о задержаниях — таким образом он «опросит» архивные данные об агрессии и алкогольном опьянении.

АРХИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В приведенном выше примере мы предположили, что можно «спросить» о связи агрессии с алкоголем, просматривая архивные данные. *Архивные исследования* состоят в сборе информации из публичных источников. Например, сведения ав-

тоинспекции, статистика преступности и бракоразводные записи могут послужить источником информации для изучения многих аспектов социального поведения. В случае агрессии исследователи используют данные о массовых беспорядках (Anderson, 1989; Baron, Ransberger, 1978; Carlsmith, Anderson, 1979) и сведения ФБР и полиции о насильственных преступлениях (Hennigan, Heath, Wharton, DelRosario, Cook, Calder, 1982; Rotton, Frey, 1985) в качестве источника информации об агрессивном поведении.

Одно из главных достоинств архивных данных заключается в том, что они относительно свободны от вносимых исследователем искажений (Jones, Bogat, 1985). Очевидно, исследователь не в состоянии исказить данные, если не он их собирал и если они изначально были собраны для других целей. С другой стороны, искажения могут возникнуть при первоначальном сборе данных. Например, заниженные данные о числе изнасилований и избиений (особенно в семьях) создают проблему для исследователей, использующих криминальную статистику в качестве источника информации о межличностном насилии (Johnson, 1978). Но самая большая проблема архивных исследований заключается в том, что данные изначально собирались для других целей, поэтому исследователю бывает трудно найти сведения, непосредственно касающиеся интересующей его проблемы.

Роттон и Фрей (Rotton & Frey, 1985) использовали архивные данные за двухлетний период для выявления воздействия погоды и загрязнений воздуха на насильственные преступления. В качестве источника информации они использовали количество звонков в полицию Дейтона, штат Огайо, по поводу нападений и семейных скандалов. Их измерения загрязненности воздуха базировались на данных местного агентства по защите окружающей среды и учитывали концентрации озона, окиси углерода, двуокиси серы и аэрозолей. Национальная океанически-атмосферная администрация обеспечила информацию о погодных условиях. Осуществив сложную обработку данных, позволившую проследить изменения за некоторое время, исследователи выявили связь между уровнем загрязнения и звонками о семейных ссорах. Однако наилучшим образом эти обращения в полицию предсказывались по температуре воздуха: в жаркие дни жалоб поступало больше, чем в прохладные и морозные. Исследователи также отмечают, что, коль скоро высокая температура предшествует звонкам о семейных скандалах, представляется, что данный погодный фактор вполне может оказаться *причиной* насилия. Они, однако, тут же указывают на склонность людей употреблять большее количество алкоголя в жаркие дни, в связи с чем агрессивное поведение может объясняться повышенным потреблением алкоголя и последующим «эффектом похмелья». Тем не менее принятый исследователями подход позволяет выяснять интересные и важные научные вопросы, совершенно не вмешиваясь ни в чью частную жизнь. Они просто «опрашивают» публичные архивы об интересующих их обстоятельствах и поведении людей.

ВЕРБАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Психологи часто используют ответы людей для получения необходимой информации. Эти сведения могут сообщаться как самим объектом исследования, так и знакомыми этого человека (например, друзьями, родственниками).

Для измерения агрессивности психологи разработали множество *опросников*. Некоторые из них посвящены общей агрессивности, другие же предназначены для изучения агрессивного поведения в конкретных ситуациях. Во многих случаях опросники составлены так, чтобы испытуемые не знали о заинтересованности исследователя в выявлении их агрессивности. В самом деле, если спрашивать прямо, многие люди постесняются признаться, что участвовали в агрессивных действиях. Чтобы получить более достоверную информацию, исследователям часто приходится маскировать направленность вопросов.

Эверилл (Averill, 1982) указывает на преимущества опросников при изучении поведения, неприемлемого или непоощряемого в данной культуре. Злость и агрессия — такие феномены, которым несвойственно проявляться на публике — в этих случаях они не выражены непосредственно и открыто. Инциденты, лежащие в подоплеке гнева и агрессии, как правило, таятся в прошлом, в истории взаимоотношений, которая недоступна непосредственно, поэтому исследователю не удается выявить подлинные мотивы. Таким образом, утверждает Эверилл, опросы являются лучшим способом для изучения поведения и эмоций, в которых люди, может быть, не хотят признаваться.

Зачастую психологи ошибочно полагают, что опросники подразумевают корреляционные или неманипулятивные методы исследования. Это не так. На самом деле, по крайней мере в одном из экспериментальных лабораторных методов изучения агрессии, для измерения изучаемой функции используются опросники. Разница между таким использованием опросников и их применением для изучения повседневного или прошлого жизненного опыта заключается в том, что в случае эксперимента опросники содержат лишь вопросы о реакциях испытуемых на специфические стимульные факторы, которые варьируются экспериментатором. Например, Джин (Geen, 1981) использовал оценочные эпитеты как меру вербальной агрессии. После того как ассистент экспериментатора разозлил испытуемых и они посмотрели затем несколько фильмов, им предложили оценить успехи ассистента в решении задач. Список прилагательных включал «тупой», «беспомощный» и «торопливый». По мнению Джина, чем негативней оценка, тем больше враждебности она выражает.

Анкеты

В *анкетах* людей спрашивают об их собственной агрессивности и/или об их непосредственном опыте, связанном с агрессивным поведением других. Большинство подобных опросников предназначены для оценки агрессии в конкретных ситуациях. Например, несколько исследователей создали шкалы для выявления жизненного опыта, связанного с сексуальной агрессией (Malamuth, 1981; Rapoport & Burkhart, 1984).

Штраус и Штайнметц применяли анкеты в исследовательской программе, предназначенной для выявления причин и последствий насилия в семье (Steinmetz, 1977; Straus, 1979). Их стандартный опросник «Шкала тактики поведения в конфликтах», приведенный в табл. 2. 1, состоит из списка нарастающих по агрессивности действий. Респонденты указывают степень, с которой они и/или члены их семьи проявляли данное поведение в отношениях друг с другом за указанный период времени. Это позволяет исследователю одновременно определить агрес-

Таблица 2.1. **Шкала тактики поведения в конфликтах**

Это список того, что твои мама и папа могут делать, когда у них конфликт. Вспомни все, а не только самые серьезные размолвки, и укажи, как часто при этом каждый из них совершает поступки, перечисленные ниже. Используя расшифровку, обведи кружком число, которое лучше всего показывает, как твои мама и папа решают свои проблемы.

0=Никогда 1=Почти никогда 2=Иногда 3=Почти всегда 4=Всегда

	МАМА	ПАПА
А. Стараются обсуждать спокойно	0 1 2 3 4	0 1 2 3 4
Б. Обсуждают вопрос спокойно	0 1 2 3 4	0 1 2 3 4
В. Ищут информацию для решения вопроса	0 1 2 3 4	0 1 2 3 4
Г. Призывают кого-то еще, чтобы рассудили и помогли	0 1 2 3 4	0 1 2 3 4
Д. Много спорят, но не кричат и не визжат	0 1 2 3 4	0 1 2 3 4
Е. Кричат, визжат и оскорбляют друг друга	0 1 2 3 4	0 1 2 3 4
Ж. Надуваются и отказываются разговаривать	0 1 2 3 4	0 1 2 3 4
З. Бросают что-нибудь (но не друг в друга) или разбивают что-нибудь	0 1 2 3 4	0 1 2 3 4
И. Бросают чем-нибудь друг в друга	0 1 2 3 4	0 1 2 3 4
К. Выбегают из комнаты	0 1 2 3 4	0 1 2 3 4
Л. Толкают, хватают или тащат друг друга	0 1 2 3 4	0 1 2 3 4
М. Бьют (или пытаются ударить) один другого чем-нибудь тяжелым	0 1 2 3 4	0 1 2 3 4
Н. Угрожают ударить или бросить чем-нибудь друг в друга	0 1 2 3 4	0 1 2 3 4
О. Бьют (или пытаются ударить) другого, но не чем-нибудь	0 1 2 3 4	0 1 2 3 4

Примечание: Мюррей Штраус и Сьюзан Штайнметц разработали «Шкалу тактики поведения в конфликтах» для изучения конфликтов между членами семьи. Хотя приведенный выше пример предназначен для оценивания конфликтов между родителями, инструкции легко переделать для оценивания конфликтов между любыми другими членами семьи. *(S. K. Steinmetz, 1977)*

сивность самого респондента и то, в какой мере он был объектом агрессивных действий со стороны других людей.

Галли, Денджеринк, Пеппинг и Бергстром (Gully, Dengerink, Pepping & Bergstrom, 1981) использовали версию «Шкалы тактики поведения в конфликтах» в исследовании влияния сибсов[1] на агрессивное поведение. «Каждого испытуемого попросили записать количество насильственных действий, которые он или она наблюдали у родителей между собой, у сибсов между собой, у родителей по отношению к сибсам, у родителей по отношению к испытуемым и у сибсов по отношению к испытуемым». В этом исследовании они использовали также еще одну анкету для оценки «тенденции испытуемых к агрессии»: у респондентов спрашивали, как бы те могли реагировать в трех различных стрессовых ситуациях; их реакции измерялись по той же шкале, которая используется в «Шкале тактики поведения в конфликтах». Кроме того, их просили сообщить, как часто они осуществляют действия, описываемые этой шкалой, при общении вне своей семьи. Галли и его коллеги обнаружили, что сообщения о насилии в семье связаны с анкетными сообщениями о собственном агрессивном поведении и что одним из главных предвестников насилия у взрослых является их агрессивное взаимодействие с сибсами в детстве. Исследователи заключают, что переживание насилия

[1] Сибс (от англ. sibs) — термин, употребляемый, когда речь идет о детях из одной семьи; сиблинг (от англ. sibling) — употребляется, когда речь идет об одном ребенке в семье. (*Прим. перев.*)

в семье может способствовать будущей агрессивности, в частности, благодаря возможности тренировки такой формы поведения на сибсах. К таким выводам исследователям позволили прийти детализированные опросники, в которых спрашивалось обо всех аспектах насилия в семье.

Личностные шкалы

Иногда опросники, в отличие от упомянутых выше анкет, предназначены для измерения постоянного уровня агрессивности. Такие опросники являются, в сущности, разновидностью *личностных тестов*. В подробном обсуждении мы ограничимся наиболее часто употребляемой мерой агрессии и враждебности — тестом враждебности по Бассу и Дарки (BDHI, Buss, Durkee, 1957). Другие часто используемые тесты описаны в табл. 2. 2. Хотя некоторые из этих шкал были разработаны для клинических нужд (то есть для экспертизы различных типов преступников), большинство из них использовалось в исследовательских целях. В этой части главы мы рассмотрим BDHI как пример разработки опросника для измерения агрессии.

Приступая к созданию инструмента для измерения свойств характера или поведения, разработчик первым делом подбирает группу вопросов. Во многих тестах, перечисленных в табл. 2. 2, исследователи используют вопросы из уже существующих шкал, в других случаях они сначала определяют, что хотят измерить, а затем конструируют соответствующие вопросы. Например, для BDHI Басс (Buss, 1961) сначала провел разграничение между враждебностью и агрессией. *Враждебность* есть «реакция отношения... скрытно-вербальная реакция, которой сопутствуют негативные чувства (злая воля) и негативная оценка людей и событий». Если враждебные реакции вербализуются, они приобретают форму уничижительных замечаний или негативных высказываний (например, «я их ненавижу»). Басс определил *агрессию* как «ответ, содержащий стимулы, способные причинить вред другому существу». Дальнейшие различия он проводил, предлагая выделить подклассы во враждебно-агрессивном поведении. Предположение о необходимости учитывать при измерении существование нескольких различных структур основывалось на классификационной схеме, в которой различаются агрессия и враждебность, причем агрессивное поведение подразделяется на прямое и косвенное, а также на активное и пассивное (см. подробности классификации Басса в главе 1). Итак, Басс и Дарки установили меру двух видов враждебности (негодование и подозрение) и пяти видов агрессии (нападение, косвенная агрессия, раздражение, негативизм и вербальная агрессия).

Исследователи создали начальный массив из 105 вопросов типа «да-нет», некоторые позаимствовав из других тестов, а некоторые составив заново. Особое внимание уделялось такой формулировке вопросов, чтобы на ответы испытуемых не влияли их защитные тенденции (то есть нежелание показаться агрессивными или желание продемонстрировать социально одобряемые качества). Уменьшение социального давления в вопросах достигалось за счет того, что 1) предполагалось, что агрессивное поведение уже имеет место, и спрашивалось просто о форме нападения (например, «когда я разозлюсь, я ругаюсь»); 2) предлагалось оправдание для агрессии (например, «люди, которые постоянно достают вас, напрашиваются на удар в нос»); 3) использовались охотно одобряемые идиомы (например, «если

Таблица 2. 2. **Меры гнева, враждебности и агрессии**

ШКАЛА ОРИЕНТАЦИИ ГНЕВА (Spielberger, Johnson, Russel, Crane, Jacobs & Worden, 1985):

Использует две субшкалы — «гнев внутрь», указывающую на подавление гнева, и «гнев наружу», измеряющую выражение гнева. Общий счет свидетельствует об «уровне гнева в общем, независимо от его направленности». Хорошая внутренняя согласованность (диапазон alpha от 0,73 до 0,84). Валидность подтверждается корреляцией между стилем ориентации гнева и другими мерами гнева и свойств личности.

ШКАЛА ВРАЖДЕБНОСТИ КУКА И МЕДЛИ (Cook, Medley, 1954):

Часть батареи тестов, разработанных для измерения установок учителей; эта шкала состоит из вопросов, заимствованных из Миннесотского многофазного личностного теста (MMPI). Обладает адекватной устойчивостью (коэффициент ретестовой корреляции = 0,86), существуют некоторые ограниченные подтверждения ее валидности (Smith, Sanders & Alexander, 1990).

ШКАЛА ПРОЯВЛЯЕМОЙ ВРАЖДЕБНОСТИ (Siegel, 1956):

Состоит из вопросов MMPI, отобранных клиническими психологами; эта шкала, разработанная для измерения враждебности, не содержит в своих вопросах открытых упоминаний о враждебности. Хорошая внутренняя согласованность (четно-нечетная надежность = 0,84). В нескольких исследованиях не удалось найти адекватных подтверждений валидности (напр., Megargee & Mendelsohn, 1962; Shipman & Marquette, 1963; VanDeventer & Webb, 1974).

ШКАЛА СВЕРХКОНТРОЛИРУЕМОЙ АГРЕССИИ (Megargee, Cook & Mendelsohn, 1967):

Составлена из вопросов MMPI, предназначена для выявления лиц с хроническим сверхконтролем — то есть крайне подавленных в своем проявлении агрессии, но склонных к необузданному насилию при экстремально сильной провокации. Внутренняя согласованность невысокая (по Кудер—Ричардсону 21 = 0,56), но Мегарджи с коллегами утверждают, что она так же хороша, как и большинство нестандартных MMPI шкал. Было проведено много исследований валидности шкалы, как Мегарджи с коллегами, так и другими; шкала выявляет различие между группами склонных и не склонных к насилию и коррелирует в ожидаемой степени с другими мерами самоконтроля, агрессии и социального отчуждения.

ШКАЛА ГНЕВА КАК СОСТОЯНИЯ—СВОЙСТВА (Spielberger, Jacobs, Russell & Crane, 1983):

Измеряет состояние гнева (то есть «эмоциональное состояние или настроение, включающее в себя субъективные чувства напряжения, досады, раздражения, злобы и ярости с сопутствующими активацией или возбуждением периферической нервной системы») и свойство гневливости (то есть индивидуальные различия в том, как часто возникает состояние гнева). Хорошая внутренняя согласованность (alpha в диапазоне от 0,66 до 0,93). Валидность подтверждается корреляцией с мерами враждебности.

Примечание: приведенные здесь меры наиболее часто используются при изучении агрессии.

кто-то ударит меня первым, я ему покажу»). После того как группа университетских студентов выполнила тест, исследователи смогли убрать некоторые вопросы (и свести шкалу к 66 вопросам), проанализировав, какие из них в наибольшей степени связаны друг с другом.

Затем исследователи стали проверять надежность и валидность шкалы. *Надежность* — это степень устойчивости измерений шкалы. Существуют два вида надежности: стабильность, или устойчивость во времени (то есть человек должен набрать за два разных тестирования сходное количество баллов), и внутренняя согласованность (то есть измерительные вопросы должны коррелировать друг с другом). *Валидность* выражает степень связи измерений шкалы с тем, что хотят измерить. Она подтверждается либо наличием корреляции между баллами, полученными в тесте, и поведением или эмоциями, которые измерялись (прогностическая валидность), либо наличием корреляции между измерениями по данной шкале и по другим аналогичным шкалам (валидность по совместимости).

Модифицированная шкала из 66 вопросов была предложена группе университетских студентов, после чего факторный анализ выявил два предсказанных фактора: «враждебность» (состоящую из субшкал «негодование» и «негативизм») и «агрессию» (состоящую из субшкал «нападение», «косвенная агрессия», «вербальная агрессия» и «раздражение»). Это подтвердило валидность шкалы, поскольку связь между субшкалами была такой, как и ожидалось. Затем, чтобы выявить ретестовую стабильность BDHI, он был предложен группе университетских студентов дважды, с перерывом в пять недель. Басс обнаружил, что коэффициент корреляции между двумя тестированиями составлял от 0,46 (для «негативизма») до 0,78 (для «нападения»). Общий балл (сумма по всем субшкалам) имел надежность повторного тестирования 0,82. Таким образом, хотя стабильность субшкалы «негативизм» низкая, BDHI в целом представляется достаточно стабильной мерой.

Работы других исследователей принесли дополнительную информацию о надежности и валидности BDHI. Эдмундс и Кендрик (Edmunds & Kendrick, 1980) получили значение коэффициента стабильности, однако только в случае испытуемых мужчин — близкое к найденному Бассом (Buss, 1961). Они также выявили, что фактор «агрессия» более устойчив, чем фактор «враждебность». Например, они обнаружили, что фактор «агрессия» способен выявить различие между людьми, которые и другими способами получают высокие и низкие оценки агрессивности, но фактор «враждебность» к такому различию нечувствителен. Эдмундс и Кендрик не обнаружили никакой корреляции между баллом по BDHI и агрессивностью поведения, измеряемой как готовность индивида подвергнуть другого человека болезненному удару электрическим током.

Говия и Велисер (Govia & Velicer, 1985) сообщили, что BDHI не коррелирует со шкалой «желательности» в «Форме исследования личности», благодаря чему подтверждается, что Бассу удалось сформулировать вопросы так, чтобы избежать влияния на ответы тенденций социальной желательности. Джин и Джордж (Geen & George, 1969) обнаружили, что количество агрессивных ассоциаций, вызванных агрессивными словами, коррелирует с общим баллом по BDHI. Другие исследователи показали, что BDHI коррелирует ожидаемым образом с другими личностными шкалами и шкалами враждебности (Biaggio, 1980; Heyman, 1977; Lipetz & Ossorio, 1967; Sarason, 1961).

Оценивание другими

Еще один вид вербальной информации — *оценивание другими* — состоит в том, что человека, чья агрессивность нас интересует, оценивают люди, отличные от него. Этот метод наиболее часто используется в исследованиях детской агрессивности (Boldizar, Perry & Perry, 1989). Оценивания обычно делаются людьми, знакомыми с поведением испытуемого, например, родителями, друзьями, одноклассниками, сибсами. Преимущества такого оценивания заключаются в том, что окружающие могут быть более объективны, чем сам испытуемый. Например, «незаинтересованные» индивиды менее склонны поддаваться давлению социальной желательности; в их ответах не содержится нежелательной информации о них самих. С другой стороны, подобные оценивания зависят от восприятия испытуемого окружающими, которое может быть искаженным. Взаимоотношения оценивающего с испытуемым тоже могут повлиять на его оценки. Например, Паттерсон (Patterson, 1977)

приводит две проблемы, касающиеся сообщений родителей о поведении их детей: 1) родители зачастую не обращают внимания на поведение, которое может заинтересовать исследователя; 2) родители склонны переоценивать позитивные и недооценивать негативные тенденции в поведении детей. Таким образом, исследователю все равно приходится обдумывать, какие вопросы задавать. Метод оценивания другими часто применяется при изучении детской агрессии; оценить агрессивность детей просят их учителей или одноклассников.

Эрон и его коллеги (Eron, Walder, Huesmann & Lefkowitz, 1978) часто использовали оценки сверстников для изучения детской агрессии. Например, в изучении воздействия родительских наказаний на детскую агрессивность Эрон, Уолдер, Тойго и Лефковитц (Eron, Walder, Toigo & Lefkowitz, 1963) использовали оценки сверстников как меру агрессивности. Каждый третьеклассник оценивал других детей своего класса, отвечая на 10 вопросов типа «назови, кто» (например, «кто не слушается учителя?», «кто толкает других детей?»). С помощью этих измерений исследователи выявили, что дети, подвергавшиеся дома строгим наказаниям за агрессию, были сравнительно агрессивны и в школе.

ПРОЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ

Как мы уже упоминали, исследователю, выбирающему метод для измерения агрессии, важно не дать знать испытуемым, что именно он изучает. Если испытуемые узнают, что изучается агрессия, они могут попытаться замаскировать свою агрессивность. *Проективные методы*, которые мы обсудим ниже, особенно полезны для изучения агрессии и враждебности, так как не раскрывают испытуемым, что именно интересует исследователей.

Когда мы применяем проективные методы, то спрашиваем об агрессии *косвенным образом:* просим испытуемых рассказать о некотором неопределенном стимульном материале. Мы предполагаем, что испытуемые интерпретируют стимулы способом, в котором отразятся их мотивы, потребности и конфликты — что они «спроецируют себя» в своих ответах. Задача психолога, таким образом, интерпретировать эти проекции. Фактически проективные ответы гораздо более трудны для интерпретации, чем видно из нашего простого примера, и психологи могут годами решать, как интерпретировать ответы в одном или нескольких проективных методах. Одна из главных проблем заключается в том, что методы могут быть довольно трудны для интерпретации, и поэтому непросто найти двух человек, согласных с одной и той же интерпретацией. Данная проблема порождает серьезные вопросы о надежности этого метода изучения агрессии.

Два наиболее часто используемых проективных метода — *Тест тематической апперцепции (TAT)* и *Тест чернильных пятен Роршаха* — применяются как в исследовательском, так и в клиническом контексте для изучения разнообразных форм поведения и мотивов. Тест тематической апперцепции состоит из серии картинок, о которых испытуемый пишет или рассказывает истории: что происходит и что предшествовало событиям на картинке.

В случае теста Роршаха исследователь показывает испытуемому серию карточек с чернильными пятнами и просит сказать, на что они похожи или о чем ему напоминают. Хотя существует множество систем для измерения гневной или враждебной реакции испытуемого, наиболее часто применяется система, разрабо-

танная Элизаром (Elizur, 1949). В этой системе ответы разносят по шести категориям, отражающим некоторые аспекты гнева или враждебности: негативные установки или эмоции; предметы, используемые в агрессивных целях; описания враждебного, злобного или агрессивного поведения; символические ассоциации с агрессией или гневом; амбивалентности или двусмысленности; нейтральные ответы, ничего не говорящие о гневе и враждебности. Например, если человек говорит, что одно из пятен напоминает схватку зверей, значит, он описывает агрессивное поведение и ответ должен засчитываться в качестве агрессивного. Сходным образом, если испытуемый утверждает, что увидел в одном из пятен пистолет, его ответ должен рассматриваться как агрессивный. Этому методу подсчета присуща вполне разумная внутренняя надежность (от 0,82 до 0,93), но тест-ретестовая надежность оставляет желать лучшего (Biaggio & Maiuro, 1985). Существуют некоторые свидетельства валидности этой системы подсчета, заключающиеся в том, что она может выявлять различие между релевантными группами (например, отличие людей с опытом деструктивного или агрессивного поведения от тех, кто такого опыта не имеет) и что набранные баллы ожидаемым образом коррелируют с самооценкой и мерами агрессивности по опросникам.

Рисуночный тест изучения фрустрации по Розенцвейгу (P-F Study) является полупроективной техникой, предназначенной для оценки типичных реакций на повседневные фрустрирующие события (Rosenweig, 1981). Испытуемым показывают комикс, где на каждой картинке некий персонаж произносит слова, из которых следует, что герой столкнулся с фрустрирующей ситуацией. Задача испытуемого — вписать ответ фрустрированного героя в облачко, выходящее из его рта. «Предполагается, что испытуемый сознательно или бессознательно отождествляет себя с фрустрированным героем... в каждой изображенной ситуации» (Rosenweig, 1981). Ответы классифицируются по «направленности» и «типу» агрессии. Направленность может быть вовне, на самого себя или на избежание агрессии. Типы агрессии включают сосредоточение на препятствии или фрустрирующем обстоятельстве; нападение или обвинение; попытку, несмотря на препятствия, разрешить фрустрирующую проблему. Хотя Розенцвейг (Rosenweig, 1981) сообщает о высокой внутренней согласованности, другие исследователи выявили низкую устойчивость по категориям подсчета баллов (Biaggio & Maiuro, 1985). Ретестовая надежность невысокая, от 0,45 до 0,75, в зависимости от категории. Что касается валидности, данные противоречивы — некоторые исследователи сообщают, что результаты теста позволяют выделить известные группы и коррелируют с различными реакциями на фрустрацию (Lindzey, 1950; Nisenson, 1972; Rosenweig & Rosenweig, 1952); другие исследователи не подтверждают валидность (Albee, Goldman, 1950; Franklin &, Brozek, 1949; Mercer & Kyriazis, 1962). Вдобавок Говия и Велисер (Govia & Velicer, 1985) сообщают, что на ответы теста «P-F Study» влияет социальная желательность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этом разделе мы рассмотрели множество способов, которыми исследователи могут «спросить», прямо или косвенно, об агрессивном поведении и его мотивах. Самый прямой метод — просто опросить людей, в изучении которых мы заинтересованы; опросники позволяют непосредственно задавать вопросы. Более косвен-

ные методы не раскрывают испытуемым, что мы интересуемся их агрессивным поведением. Изучение архивных данных позволяет исследователю получить информацию, не обращаясь непосредственно к людям, которых он хочет изучать. Хотя проективные методы предполагают прямое взаимодействие с испытуемым, цель исследования для него неочевидна. В других способах оценивания задаются прямые вопросы, но не тем людям, которые интересуют исследователя.

Главное преимущество методов с «опрашиванием» в том, что они позволяют изучать агрессивное поведение, не причиняя вреда живым существам. За исключением проективных методов, они сравнительно прямые и не требуют сложного электронного оборудования, как некоторые из методов, которые мы рассмотрим ниже. Еще одно их достоинство состоит в том, что уже создано множество тестов для измерения различных аспектов агрессивного поведения и исследователям не нужно тратить много времени на разработку новых инструментов.

Недостатком опросных исследовательских методов является то, что они подвержены множеству искажений. В случае опроса респонденты, возможно, стесняются признаться в том, что вели себя агрессивно. В случае же проективных методов субъективизм и предубеждения исследователя в большой степени могут влиять на его интерпретацию ответов испытуемого.

НАБЛЮДЕНИЕ АГРЕССИИ

В этом разделе мы рассмотрим вторую всеобъемлющую категорию методов исследования — *методы с использованием наблюдения*. Эти подходы предусматривают «прямую запись поведения подготовленным наблюдателем, который придерживается строгих правил и установленной процедуры для регистрации текущего реального поведения» (Bertilson, 1983). Такие наблюдения могут осуществляться «в поле» — в условиях, где поведение естественно — или же в лаборатории. Решив изучать влияние алкоголя на агрессиию в естественных условиях, мы можем наблюдать за пьянством и агрессией в баре. При изучении же этой проблемы в лаборатории мы можем создать ситуацию, в которой людям дают алкоголь и предоставляют возможность причинить вред другим. В данном разделе мы обсудим оба этих использующих наблюдение подхода.

Независимо от того, *каким образом* осуществляется наблюдение, главное преимущество таких методов состоит в том, что они позволяют изучать причиняющее реальный вред *поведение*. Когда мы спрашиваем людей об агрессивном поведении, мы не можем быть уверены в достоверности их ответов. Если мы интересуемся их обычным поведением, они, возможно, захотят выглядеть агрессивными не в той степени, чем на самом деле; если мы спросим об их агрессивном поведении в конкретных ситуациях, их воспоминания могут оказаться неточными. Реально же наблюдая агрессивное поведение, мы наименее зависимы от подобных проблем с воспроизведением и памятью.

Наблюдательные методы применяются многими исследователями агрессии. Вообще говоря, психологи более склонны доверять методам, не подверженным упомянутым выше недостаткам. Вдобавок, коль скоро исследователь интересуется агрессивным поведением, он скорее всего предпочтет методы прямого наблюдения за поведением менее прямым методам опроса.

ПОЛЕВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Слово «полевые» подразумевает наблюдение за поведением людей в естественных условиях, когда они занимаются повседневными делами и не помышляют об участии в каких-то психологических исследованиях. Как вы увидите далее, полевые наблюдения заключаются в простом наблюдении за естественно протекающим поведением (например, можно следить за детьми на игровой площадке) или же подразумевают большее вмешательство со стороны наблюдателя. Одна из проблем, связанных с полевыми наблюдениями при измерении агрессии, состоит в том, что агрессивное поведение, порой сомнительное, не так уж часто встречается, особенно во взаимоотношениях между взрослыми. Исследователь может потратить уйму времени, наблюдая «нерелевантное» поведение, прежде чем дождется хоть каких-нибудь проявлений «релевантного» агрессивного поведения. Поэтому во многих случаях приходится вмешиваться в ситуацию способом, повышающим вероятность агрессивного поведения. Также исследователь может вмешиваться, чтобы манипулировать независимыми переменными. Ниже мы рассмотрим примеры тех способов, с помощью которых исследователь «вторгается» в естественные условия.

Натуралистические наблюдения

Когда наблюдатель просто следит за естественным поведением, никоим образом в него не вмешиваясь, мы называем этот метод *натуралистическими наблюдениями*. Такая техника применяется главным образом в исследованиях поведения детей и животных. Популярный пример наблюдений этого типа — работа Дайаны Фосси, чья жизнь и деятельность стали темой книги и кинофильма «Гориллы в тумане». Она провела долгие годы в Африке, наблюдая за горными гориллами в их естественной среде обитания.

В описанном Паттерсоном (Patterson, 1977) процессе создания системы расшифровки для оценивания деструктивного и/или неправильного поведения детей указывается на некоторые проблемы, свойственные системам наблюдения. Он и его коллеги потратили многие годы только на то, чтобы научиться определять и классифицировать поведение, которое хотели изучать. Например, они обнаружили, что общая категория «агрессия» оказывается «чересчур неспецифичной для надежной расшифровки». Такие расшифровки также слишком уязвимы в смысле искажений со стороны наблюдателя: то есть ему приходится решать, агрессивно или неагрессивно данное поведение, и в этом заключении присутствует определенный произвол со стороны наблюдателя. Тем не менее они обнаружили, что более *специфические* виды поведения могут быть расшифрованы так, что произвол наблюдателей уменьшится, как и разногласия между ними. В результате они разработали систему расшифровки, включающую в себя 28 категорий поведения. В табл. 2. 3 перечислены некоторые из категорий и приведены их определения.

Сложность этих внешне простых методов наблюдения выявляется при рассмотрении исследовательских процедур. Поскольку ученых интересовало проблемное поведение, они решили наблюдать за детьми в домашних условиях, как раз перед ужином, потому что именно «этому времени дня свойственно высвечивать проблемы поведения в семейном стиле взаимоотношений». Они также приняли систему записи *последовательности* взаимодействий между членами семьи

Таблица 2. 3. **Примеры категорий из системы расшифровки поведения по Паттерсону (1977)**

ВЕРБАЛЬНЫЕ

Команда: непосредственное и ясно выраженное требование или приказ другому человеку
Негативная команда: команда, отличающаяся «по отношению» от разумных команд и требований тем, что 1) требует немедленного подчинения; 2) угрожает неприятными последствиями; 3) проявляет сарказм или высмеивает
Крик: любое повышение голоса
Высмеивание: «намеренно поднимать на смех, стыдить или смущать другого человека»
Хныканье: говорить что-нибудь «неразборчивым, гнусавым, пронзительным голосом, фальцетом»

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ

Деструктивность: разрушение, повреждение или попытка повреждения предмета
Игнорирование: «когда индивид А ориентирует свое поведение на индивида Б, а инидвид Б, по-видимому, понимает, что поведение ориентировано на него, но не реагирует активно»
Физический негатив: физическое нападение или попытка нападения «с интенсивностью, достаточной, чтобы потенциально причинить боль»

ИЛИ ВЕРБАЛЬНЫЕ, ИЛИ НЕВЕРБАЛЬНЫЕ

Подчинение: немедленно сделать, что сказано
Неодобрение: «выразить вербально или жестами неодобрение поведению либо чертам характера другого»
Игра: индивид играет один или с другими
Поддразнивание: «дразнить другого таким образом, что он склонен выражать неудовольствие или неодобрение, либо он пытается актуализировать какое-то поведение, но из-за поддразнивания не может»

Примечание: Одна из проблем системы наблюдения заключается в том, что наблюдателям зачастую трудно прийти к согласию, как расшифровывать определенное поведение. Например, для приведенного выше списка легко представить себе ситуацию, когда трудно различить «игру» и «поддразнивание». *(Patterson, 1977)*

и таким образом расшифровывали не только поведение детей, но и поведение других членов семьи, записывая эти расшифровки так, чтобы было ясно, кто на кого реагирует. Очевидно, что натуралистические наблюдения являются гораздо более сложной процедурой, чем может показаться на первый взгляд.

Автомобильные сигналы

Поскольку прямая физическая агрессия у взрослых встречается сравнительно редко, как нам исхитриться, чтобы наблюдать этот трудноуловимый феномен? Один из способов — найти «социально приемлемый» путь для проявления агрессии. Такой, например, как *подача автомобильных сигналов*.

Неформальные наблюдения свидетельствуют, что автомобилисты при интенсивном движении нередко бывают раздражены: они зачастую кричат, жестикулируют и сигналят друг другу даже из-за незначительных заминок. Сравнительно широкая распространенность подобных действий подразумевает, что дорожные ситуации могут оказаться полезным контекстом для полевых исследований агрессивного поведения, и это подтверждается наличием многих успешно проведенных экспериментов. Несмотря на разнообразие целей и условий этих исследований, в большинстве случаев была принята процедура, когда ассистент экспериментатора не трогал свою машину с места при загорании на светофоре зеленого света, тем

самым задерживая стоящие сзади машины на определенный промежуток времени. Реакции на данного индивидуума фиксировались затем систематическим методом.

Например, в эксперименте, проведенном Бэроном (Baron, 1976), машина помощника не трогалась с места в течение 15 секунд после загорания зеленого сигнала светофора. Реакции автомобилистов на эту непредвиденную задержку регистрировались двумя наблюдателями, сидящими в другой машине, припаркованной неподалеку. Один из исследователей включал портативный магнитофон для фиксации непрерывной записи частоты, длительности и времени сигнала, в то время как второй отмечал на специальном бланке прочие формы поведения (например, вербальные комментарии, мимику, жесты).

Хотя длительность задержки, метод сбора данных и специфические сопутствующие измерения в других исследованиях были иными (например, Doob & Gross, 1968; Turner, Layton & Simons,1975), базовая процедура также состояла в задержке проезжающих машин и наблюдении за реакцией водителей на эту фрустрацию. Базовая процедура использовалась для изучения зависимости агрессии от ряда разнообразных факторов, включая статус фрустрирующего индивида (Doob & Gross, 1968), наличие стимуляторов агрессии (Turner & others, 1975), обозримость жертвы (Turner & others, 1975) и даже температуру воздуха (Baron, 1976). Таким образом была продемонстрирована ее пригодность для самых разнообразных исследовательских тем.

Валидность некоторых сопутствующих измерений агрессии, выполненных в этих исследованиях, вряд ли может быть поставлена под сомнение. Враждебные замечания, злобные или непристойные жесты и родственные действия явно свидетельствуют о прямой агрессии. Однако агрессивный характер самих автомобильных сигналов более проблематичен. Есть ли это валидная мера агрессивного поведения? Или же это просто акт самовыражения, не способный причинить своему объекту никакого вреда?

Бэрон (Baron, 1976) собрал данные, свидетельствующие о валидности автомобильных сигналов как меры агрессии. Студентов-старшекурсников (18 мужчин, 18 женщин) попросили ответить на серию вопросов об их реакции на ситуацию, если их машина окажется стоящей позади другой машины, которая не двигается с места в течение 15 секунд после загорания зеленого света светофора. 67% сообщили, что они почувствуют злость или досаду из-за нерасторопности другого водителя; 62% отметили, что при таких обстоятельствах подадут звуковой сигнал, а 41% сообщили, что сделают это для выражения своей злости и гнева на того водителя; подавляющее большинство указало, что они сами сочли бы гудки других водителей неприятными и укоризненными. В той степени, в какой достоверны данные подобных опросов, можно заключить, что звуковые сигналы зачастую подаются с намерением повредить другому водителю (огорошить его или заставить выйти из себя) и нередко вызывают желаемый эффект. Таким образом, они удовлетворяют главным требованиям приведенного в главе 1 определения агрессии.

Разумеется, нет оснований полагать, что все автомобильные сигналы имеют агрессивный характер. Водители часто сигналят, чтобы предупредить об опасности или сообщить о своем присутствии. Однако в контекстах, где индивидуумы, прибегнувшие к таким действиям, подвергались сильной провокации, представляется оправданным рассматривать сигналы другим водителям в качестве валидной меры прямой агрессии.

Межличностные конфронтации

Харрис и ее коллеги (Harris, 1973, 1974; Harris & Samerotte, 1975) разработали более прямой подход к проблеме наблюдения сравнительно редких видов поведения. В их остроумном эксперименте испытуемые, которым случалось оказаться в магазинах, супермаркетах, ресторанах, аэропортах и прочих заведениях, подвергались прямому и сильному подстрекательству к агрессии. В этом исследовании, с учетом разнообразия физических условий, применялось несколько отличающихся друг от друга процедур. Например, в одном из вариантов (Harris, 1973) помощники и помощницы экспериментатора намеренно налетали на людей сзади. Реакция испытуемых на этот неожиданный и обидный поступок классифицировалась затем по категориям вежливой, безразличной, несколько агрессивной (например, краткий протест либо взгляд) и очень агрессивной (например, долгие сердитые выговоры или ответный толчок). В нескольких других исследованиях (Harris, 1973, 1974) ассистенты экспериментатора влезали перед человеком, ждущим своей очереди в магазинах, ресторанах и банках. В некоторых случаях ассистенты говорили «извините», в других же не говорили вообще ничего. Затем записывались вербальные и невербальные реакции испытуемых на эту провокацию. Вербальные реакции классифицировались как вежливые, безразличные, несколько агрессивные (краткие замечания типа «здесь я стою») и очень агрессивные (угрозы или брань). Невербальные реакции классифицировались как дружелюбные (улыбка), безразличные взгляды, враждебные или угрожающие жесты, толчки и выпихивание. Эти процедуры применялись Харрис для изучения действия различных факторов, в том числе фрустрации, наличия агрессивного примера и статуса фрустрирующего.

Заключение

Рассмотренные нами полевые процедуры имеют сравнительно высокую степень валидности измерений. В конце концов, участники этих исследований в большинстве случаев не имели представления, что участвуют в эксперименте, и в общем-то реагировали совершенно естественным образом. Тем не менее при таком подходе к исследованиям возникают свои проблемы. Особенно в случае натуралистических наблюдений, когда исследователь может столкнуться с трудно идентифицируемым поведением, которое по своему характеру явно агрессивно (Kalverboer, 1974). Например, щипок может быть интерпретирован как агрессивное действие или как знак внимания. Определять значение этого жеста приходится самому исследователю. Отсутствие однозначных определений порождает две проблемы: 1) наблюдатели склонны расходиться во мнениях, из-за чего понижается надежность измерений; 2) предубеждения или ожидания наблюдателя могут повлиять на собранные им данные (Lyons & Serbin, 1986). Сравнительно сложная и детализированная система расшифровки Паттерсона (Patterson, 1977) указывает на один из способов решения этой проблемы. Более «вторгающиеся» методы, такие как провокация автомобильных сигналов и межличностных конфронтаций, также помогают решить эту проблему. В этих случаях исследователь осуществляет подстрекательство, поэтому смысл реакций сравнительно однозначный. Но, к сожалению, применение таких методов вызывает ряд сложных этических вопросов.

Во-первых, по очевидным причинам невозможно получить сознательное письменное согласие испытуемых принять участие в подобных полевых исследовани-

ях. Это является проблемой для всех рассмотренных нами полевых методов, но особенно — для исследований Харрис, потому что в них экспериментальные манипуляции имеют чрезвычайно провокационный характер. С другой стороны, несомненно, что большинство людей время от времени переживают подобные инциденты и в обычной жизни. Во-вторых, иногда при полевых исследованиях могут возникать вполне реальные угрозы причинения вреда испытуемым и/или ассистентам. Например, Харрис и Самеротт (Harris & Samerotte, 1975) сообщают, что женщины-испытуемые, раздраженные действиями ассистента-мужчины, брызнули ему в лицо содержимым аэрозольного баллончика. В связи с этим может возникнуть вопрос о допустимости интрузивных полевых методов. С одной стороны, такие процедуры могут быть оправданы из соображений необходимости дальнейшего систематического изучения агрессии у людей. Однако, с другой стороны, их потенциальный риск для участников, а также соответствующие юридические и этические проблемы требуют осторожности при решении их использовать.

Итак, каков же ответ на эту сложную дилемму? В случае любого научного метода, создающего риск для ее участников, экспериментатор должен тщательно оценить потенциальную пользу от запланированного исследования, как в научном, так и в социальном плане, а затем самым осторожным и трезвым образом взвесить потенциальный риск для участников. Только в том случае, когда найденное отношение пользы к риску благоприятно — то есть когда потенциальная польза перевешивает потенциальный риск, — можно приступать к делу.

ЛАБОРАТОРНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Возможно, наиболее общий способ наблюдения агрессии, к которому часто прибегают исследователи, состоит в наблюдении за поведением в контролируемых лабораторных условиях. У этого метода немало важных достоинств. Во-первых, прецизионное систематическое варьирование независимых переменных в этом контексте достигается легче, чем в любом другом. Поскольку экспериментатор способен аккуратно управлять характером происходящих в лаборатории событий, так же как и определяющими их условиями, часто бывает легко добиться систематической манипуляции факторами, которые предполагаются значимыми для агрессии.

Во-вторых, психологическая лаборатория обеспечивает то, что многие исследователи считают наиболее безопасным и этичным контекстом для проведения исследований по агрессии: исключается любая возможность причинения вреда испытуемым, и лица, участвующие в таких исследованиях, предварительно знакомятся с характером действий, которые их попросят предпринять. Далее, во время послеэкспериментального обсуждения испытуемым легко дать полное и детальное объяснение всех аспектов исследования, так же как и его основного предназначения. Эти принципы *информированного согласия* и подробного *разъяснения* в значительной степени продвигают нас на пути решения этических проблем, возникающих при систематическом изучении агрессии и других сложных форм социального поведения (American Psychology Association, 1973; Smith & Richardson, 1983).

И наконец, лабораторные исследования зачастую оказываются гораздо более эффективными в смысле затраченного времени и усилий, чем остальные подхо-

ды: визиты испытуемых назначены на определенное время, и проявления агрессии могут быть вызваны у них со сравнительно высокой частотой. Это обстоятельство довольно сильно контрастирует с условиями, преобладающими в естественной обстановке, когда акты агрессии нередко отстоят далеко друг от друга как во времени, так и в пространстве.

Хотя для исследования агрессии в лабораторных условиях были разработаны разнообразные методы, большинство из них относится к одной из четырех основных категорий: 1) «игровые» меры; 2) вербальное нападение на других; 3) «безопасное», не приносящее вреда нападение на живого человека; 4) «якобы причиняющее вред» нападение. Мы рассмотрим по очереди каждую из этих категорий.

«Игровые» меры агрессии

Сравнительно безопасный способ наблюдения агрессивного поведения в лаборатории предусматривает нападение индивидов (обычно детей) на различные неживые объекты. Типичная процедура состоит из следующих этапов: 1) участников каким-либо образом подстрекают к агрессии — зачастую демонстрируя им агрессивные действия на примере; 2) затем им предоставляют возможность пинать, щипать или еще каким-то образом нападать на неживые мишени; 3) агрессия оценивается по частоте совершения подобных действий против «жертвы». Этот последний шаг — оценка частоты агрессивных действий — обычно выполняется наблюдателем, который либо «вживую», либо по видеозаписи следит за взаимодействием испытуемых с неживым объектом агрессии. Подобные процедуры чаще всего применяются для изучения того, каким образом люди *усваивают* агрессивное поведение. Этот метод разработан для изучения воздействия примера на подражательную агрессию испытуемых.

Широко известно применение этой процедуры в знаменитых «экспериментах с куклой Бобо», впервые осуществленных Бандурой с коллегами (Bandura, Ross & Ross, 1963a, b; Grusec, 1972). В этих исследованиях маленькие дети предварительно либо знакомились, либо не знакомились с примером действий социальной модели — иногда другого ребенка, иногда взрослого, а иногда персонажа комиксов, — нападавшей на большую надувную куклу.

Например, в одном исследовании (Bandura, Ross & Ross, 1963a) выступавшие в роли модели люди садились на куклу, колотили ее по носу, лупили по голове игрушечным молотком, приговаривая «дай ему по носу», «сбей его с ног» и «швырни его вверх». После этой демонстрации нападения на куклу Бобо дети-испытуемые переходили в комнату с множеством разных игрушек, некоторые из которых были похожи на объект только что наблюдаемой агрессии. Детям разрешали свободно играть в течение короткого времени (обычно 10—20 минут), внимательно наблюдая за их поведением. Основным вопросом исследования было: усвоят ли испытуемые и станут ли повторять необычные действия моделей. И нет ничего удивительного в том, что в большинстве случаев испытуемые точно копировали действия моделей. В других экспериментах дети наблюдали нападение на иные неодушевленные предметы, например, в исследовании, проведенном Грушечем (Grusec, 1972), на плюшевого медведя, пластиковую куклу и некоторые другие объекты.

Хотя подобные процедуры использовались во многих исследованиях, они стали объектом критики со стороны некоторых ученых (Joseph, Kane, Nacci & Tedeschi, 1977; Klapper, 1968). Они утверждали, что, поскольку действия испытуе-

мых не приносят вреда ни одному живому существу, их нельзя считать проявлениями агрессивного поведения, а лучше интерпретировать как форму игры — особенно в случаях, когда объект нападения (как, например, надувная кукла Бобо) специально создан для этой цели.

Критикуя создание концепции, Джозеф и другие (Joseph et al., 1977) утверждают, что поведение детей не следует рассматривать как антинормативное или предосудительное, потому что оно узаконено посредством продемонстрированного им примера агрессивного поведения. Для подтверждения своей точки зрения исследователи знакомили студентов колледжа с описанием типичного эксперимента с моделью поведения, в котором варьировались: поведение взрослых моделей и поведение испытуемых детей; либо и те и другие вели себя агрессивно; либо только модели, либо только дети; либо ни те ни другие. Студенты не считали деструктивное поведение детей ни плохим, ни агрессивным, если подобное поведение перед этим демонстрировалось моделями, но расценивали его негативно, если дети предварительно агрессивных примеров не видели. Более того, когда поведение детей было аналогично поведению моделей, испытуемые заявляли, что пример поведения повлиял на детей, веривших, что подражать модели вполне допустимо. В ответ на такие замечания Бандура (Bandura, 1973) привлек внимание к существенной разнице между *научением* агрессивным реакциям и их *осуществлением*. Процедуры, основанные на агрессии против неодушевленного объекта, полезны при выявлении способов научения агрессивному поведению. Это так, потому что агрессивные реакции зачастую усваиваются в контексте, весьма далеком от действительного причинения вреда другим. По собственным словам Бандуры:

> *«Поведение, имеющее опасные или дорого обходящиеся последствия, обычно усваивается и осуществляется путем научения при имитации. Летчики, например, приобретают основные пилотажные навыки на тренажерах... воспроизводящих динамику настоящего самолета. Сходным образом агрессивному поведению по большей части учатся в нефрустрирующих условиях, при отсутствии намерения причинить вред и нередко на неодушевленных объектах... Боксеры наносят себе удар с помощью подвешенной груши... охотники тренируются в меткости, стреляя по неживой мишени... а родители редко уделяют внимание своим детям, чтобы научить их сражаться в настоящих битвах».*

С учетом приведенных соображений Бандура полагает, что эксперименты с нападением на неодушевленный объект могут быть чрезвычайно полезны для понимания происхождения агрессивного поведения. Дети (или взрослые), усвоившие новые способы нападения на других и причинения им вреда, могут с такой же готовностью продемонстрировать подобное поведение как на пластмассовой кукле, так и на любом человеке. Тем не менее эту «игровую» меру агрессии Бандура не считает слишком полезной для решения задачи конкретизации условий, при которых будут актуализироваться агрессивные реакции, уже встроенные в иерархическую структуру поведения индивида. Для получения информации по этому важному вопросу нужны процедуры, в которых причиняется реальный или воображаемый вред другим. И хотя «игровые» измерения вроде тех, что использовались в ранних экспериментах с куклой Бобо, проливают свет на обстоятельства, при которых усваиваются новые формы агрессии, они мало что говорят нам об условиях, когда эти действия могут быть направлены на живого человека.

С другой стороны, существуют свидетельства, что поведение детей в таких игровых ситуациях может в самом деле коррелировать с их агрессией против других людей. В частности, Джонстон, Де-Люка, Мертаф и Динер (Johnston, DeLuca, Murtaugh & Diener, 1977) обнаружили, что количество игровой агрессии, проявленной детьми по отношению к кукле Бобо и другим игрушкам, сильно коррелирует с оценками их общей агрессивности, сделанными сверстниками (r=0,76) и воспитательницами (r=0,57). При всей их многозначности, эти данные, разумеется, далеко не окончательные. Например, вот лишь одна из возможных тонкостей: и высокая оценка агрессивности, и высокая интенсивность атак против куклы Бобо могут объясняться высоким уровнем моторной активности и мало коррелировать с намерением причинить вред другим.

Паркер и Роджерс (Parker & Rogers, 1981) разработали для изучения подражательной агрессии у детей процедуру менее «безопасную», но и менее уязвимую для упомянутой выше критики методики Бандуры. В их эксперименте детям предоставлялась реальная возможность проявить агрессию против других детей. Мальчики-испытуемые смотрели видеозапись взаимодействия двух мальчиков-актеров, в котором один из них действовал агрессивно (например, мешал другому собирать из конструктора грузовик — бил его по руке, загораживал дорогу, воровал блоки) либо сотрудничал (помогал собирать грузовик). Каждый из испытуемых затем играл с другим мальчиком (ассистентом экспериментатора) в такой же конструктор, как в видеозаписи. Их игра записывалась на пленку, которую после этого просматривали четыре эксперта, оценивавшие поведение испытуемых в терминах подражательной агрессии (то есть отталкивание, загораживание дороги, кража блоков) и неподражательной агрессии. И хотя использованный в процедуре Паркера и Роджерса метод измерения агрессии менее уязвим для критики, чем нападение на неодушевленный объект, ассистент в ней рискует тем, что испытуемый может причинить ему реальный вред. Исследователей беспокоила данная проблема, и они отмечали, что «в этой фазе эксперимента велось внимательное наблюдение, чтобы гарантировать безопасность обоих мальчиков».

Измерение вербальной агрессии: когда слова (или оценки) ранят

Во многих ранних исследованиях агрессии (Cohen, 1955; Davitz, 1952; Doob & Sears, 1939; McClelland & Apicella, 1945) изучалась вербальная, а не физическая форма причинения вреда другим. В этих экспериментах испытуемых предварительно фрустрировали или подстрекали в какой-либо форме, а затем им предоставляли возможность посчитаться со своим обидчиком посредством вербальных комментариев, письменных отзывов или более формальных оценок. Хотя подобные процедуры уже не являются слишком распространенным подходом при наблюдении агрессии в лаборатории, они все еще используются довольно часто (Kulik & Brown, 1979; Ohbuchi, Kameda & Agarie, 1989).

Лабораторные исследования вербальной агрессии различаются по степени ограничений, накладываемых экспериментатором на выражение вербальных реакций испытуемых. В некоторых случаях реакции испытуемых ограничены их ответами на опросник. Наименьшие ограничения имеют место, когда экспериментатор разрешает испытуемым свободно выражать их вербальную агрессию. В последнем случае самому исследователю приходится определять, какие ответы следует считать агрессивными. Обычно это делается с помощью того или иного вида *кон-*

тент-анализа: то есть свободные высказывания испытуемого записываются, а эксперты позднее их оценивают или подсчитывают количество агрессивных ответов. Ниже приведены примеры применения исследователями мер вербальной агрессии с большими или меньшими ограничениями. В исследованиях с минимальными ограничениями испытуемым предоставляют возможность проявить агрессию против источника фрустрации прямым и явным образом (DeCharms & Wilkins, 1963; Rosenbaum & DeCharms, 1960). В частности, в исследовании Уилера и Каггулы (Wheeler & Caggiula, 1966) мужчины-испытуемые (новобранцы из морского флота) сначала слушали, как другой человек (на самом деле — помощник экспериментатора) выражает радикальные и социально малоприемлемые взгляды по нескольким проблемам. Например, на тему религии он высказывался так: «Я считаю свою религию самой лучшей, а остальные все ни черта не стоят... Будь моя воля, я бы запретил все остальные религии». Затем испытуемые слышали второго человека (тоже ассистента), который отзывался о предыдущем ораторе либо враждебно, либо более нейтрально. И наконец, им самим предоставлялась возможность оценить обоих ораторов, прокомментировав их выступления. Так как оба ассистента могли, по всей видимости, подслушать испытуемых, те, при желании, имели возможность осуществить прямое вербальное нападение на ассистентов.

Все комментарии записывались, и эти данные затем оценивали по степени враждебности, проявленной против несимпатичных ассистентов. В частности, отзывы, в которых испытуемые употребляли такие слова, как *идиот, ненормальный, чудило, придурок* и *псих*, или в которых они предлагали этих людей расстрелять, засадить или депортировать, оценивались как крайне агрессивные, в то время как менее острые высказывания получали более низкие оценки. В некоторых экспериментальных группах крайне агрессивные комментарии давали свыше 60% испытуемых. С незначительными вариациями аналогичная процедура применялась и в нескольких других исследованиях (DeCharms & Wilkins, 1963; Rosenbaum & DeCharms, 1960).

В некоторых случаях исследователи предпочитали использовать несколько мер агрессии в одном эксперименте. По сути дела, появляется больше уверенности в валидности данных, когда варьируемая независимая переменная определяет больше одной функции (Gaebelein, 1981). Кулик и Браун (Kulik & Brown, 1979) использовали как ограниченную, так и неограниченную меру агрессии для изучения «естественно осуществляемого агрессивного поведения... в реалистической и захватывающей обстановке». Студенты-старшекурсники, уверенные, что участвуют в исследовании убедительности обращений, звонили двум помощникам экспериментатора и просили их внести благотворительное пожертвование, предназначенное для социальной реабилитации психических больных. Естественно, что ассистенты платить отказывались. Использовались три остроумных меры агрессии. Во-первых, устройство, измерявшее, с какой силой испытуемые швыряют телефонную трубку после разговора. Во-вторых, беседа между испытуемым и несговорчивым ассистентом подвергалась контент-анализу на предмет выявления агрессивности содержания (например, отпор, обвинения, осуждение), степени выраженной благодарности (например, отсутствие благодарностей расценивалось как более агрессивное/менее дружелюбное, чем благодарность в средней или высокой степени) и характера прощания (например, наличие формального «до свидания» оценивалось как менее агрессивное, чем его отсутствие). И наконец, испытуемые должны

были выбрать и подписать готовое письмо ассистенту. Эти письма различались по степени проявления агрессии, ориентированной внутрь или вовне.

«Письмо с агрессией, направленной на себя... было довольно самоуничижительным по тону, с извинениями "за отнятое у вас время", с признаниями как в "недостатке убедительности с моей стороны", так и в том, что "я никогда не обладал особым даром убеждения". В отличие от этого, письмо с агрессией, ориентированной вовне... имело довольно угрожающий и/или обвинительный тон, например, "...считайте, что вам повезло, если никто из ваших родственников или друзей не заболеет психически... вы служите обществу плохую службу... игнорировать его старания... бесчеловечно". И наконец, третье письмо было по своему тону вполне умеренным, без ярко выраженной агрессии ни внутрь, ни вовне. В репрезентативных фразах упоминались "социальные язвы, которые все еще сохраняются в области психических заболеваний", и тот факт, что "в то время как важна любая помощь, часто слышен решительный отказ"».

Наиболее часто в методе изучения вербальной агрессии предусматривается менее прямое и более ограниченное выражение враждебности к объекту. В экспериментах, основанных на такой процедуре, испытуемых сначала фрустрируют или иным способом подстрекают к агрессии, а затем просят заполнить опросник, в котором они каким-то образом оценивают подстрекателя (Berkowitz, 1970; Berkowitz & Holmes, 1959; Ebbesen, Duncan & Konecni, 1975; O'Neal & Taylor, 1989; Zillmann & Cantor, 1976). Обычно контекст этих оценок предполагает, что негативные высказывания так или иначе заденут жертву. Обучи, Камеда и Агарье (Ohbuchi, Kameda & Agarie, 1989) применяли этот метод при исследовании воздействия на агрессию извинений обидчика. Из-за небрежности помощника экспериментатора студентки-старшекурсницы неудачно выполняли задание, в котором проверялись их интеллектуальные способности. Получив затем извинения от помощника либо не получив их, испытуемые оценивали «мастерство его как психолога» по шкале от 0 до 100. Чтобы гарантировать знание испытуемых о потенциальном вреде их оценок для ассистента, им говорили, что эти оценки повлияют на его академические успехи.

Процедуры, подобные описанной выше, имеют несколько немаловажных преимуществ. Во-первых, предусматривая лишь обмен вербальными комментариями или баллы в опроснике, они в принципе исключают возможность любого серьезного вреда для участников. Действительно, поскольку жертва обычно либо является помощником экспериментатора (Ohbuchi & others, 1989), либо вообще отсутствует (Berkowitz, 1970), никому реального вреда не причиняется. Во-вторых, поскольку вербальная агрессия довольно распространена в повседневности, такие процедуры предоставляют участникам эксперимента возможность проявить агрессию хорошо знакомым и испытанным способом. В-третьих, по ответам опросника легко подсчитать баллы, поэтому они обеспечивают удобные и легкополучаемые измерения функции. И наконец, поскольку вербальная агрессия против жертвы осуществляется, как правило, не прямо, а косвенно (то есть посредством письменных оценок, а не в прямой конфронтации при личном контакте), это поведение менее подвержено влиянию строгих ограничений или подавления, чем другие формы агрессии. В результате его легко вызывать и изучать в лабораторных условиях.

С учетом таких достоинств неудивительно, что вербальные меры агрессии использовались во многих различных экспериментах. Не следует, однако, упускать

из виду одно важное обстоятельство, связанное с их использованием: если нет потенциальной возможности вреда для жертвы, негативные замечания о каком-то человеке или негативные его оценки нельзя считать проявлениями агрессии. Но представляется более приемлемым рассматривать такие действия как выражение текущего эмоционального состояния испытуемых, симпатии к жертве или общее аффективное состояние. Исходя из этих соображений, важно различать исследования, в которых оценка испытуемыми другого человека может вызвать для него негативные последствия (Berkowitz, 1970; Ebbeson & others, 1975; Zillmann, Bryant, Cantor & Day, 1975), и те, где таких последствий быть не может (Berkowitz & Knurek, 1969; Landy & Mettee, 1969). Далее важно определить, поверят ли и насколько испытуемые в то, что их вербальные комментарии и оценки могут каким-то образом повредить жертве. Можно утверждать, что агрессия осуществляется только в той степени, в какой они доверяют этому предположению. К сожалению, во многих прежних исследованиях информация по этому вопросу не нашла своего отражения. Таким образом, трудно выяснить, в какой степени были валидны сделанные в них измерения причиняющего вред поведения. Однако, при условии пристального внимания к этим и родственным им вопросам, вербальные меры агрессии зачастую могут оказаться полезным и эффективным средством для изучения в безопасных лабораторных условиях природы такого поведения.

Прямая физическая агрессия: вред без ущерба

Один из наиболее часто используемых методов лабораторного изучения агрессии предусматривает прямое физическое нападение на живую жертву. Методика основана на обмане, посредством которого участников эксперимента заставляют поверить, что они тем или иным способом могут причинить другому человеку физический вред, хотя в действительности они этого сделать не могут. В такой процедуре существует возможность оценить намерения или желания испытуемых причинить жертве боль и страдания без всякого риска, что кто-то и в самом деле пострадает физически. Короче, как утверждают сторонники этого подхода, удается изучать намерение причинить вред, избегая при этом физических увечий (Buss, 1961).

Благодаря тому, что такие процедуры позволяют непосредственно изучать физическое нападение — форму агрессивного поведения, рассматриваемую многими исследователями как наиболее опасную, — они получили в последние годы широкое распространение. Действительно, были разработаны и пущены в ход несколько разновидностей базовой методики. Мы рассмотрим каждый из этих подходов.

«Безопасные» нападки на живой объект: безвредная физическая агрессия. Динер и его коллеги (Diener, 1976; Diener, Dineen, Endresen, Beaman & Fraser, 1975) разработали технику для наблюдения агрессии в лаборатории, позволяющей испытуемым совершить энергичное — но безвредное — физическое нападение на пассивную живую жертву. В экспериментах по этой методике испытуемым предлагают вести себя свободно по отношению к другому человеку, сидящему на полу в плохо освещенной комнате. Этот человек является помощником экспериментатора и не должен реагировать на действия испытуемых. Различные предметы — в том числе игрушечный пистолет, стреляющий шариками от пинг-понга, кирпичи из микропористой резины, пенопластовые мечи и большая чаша с рези-

Таблица 2. 4. **Оценки агрессивности различного поведения**

ПОВЕДЕНИЕ	ОЦЕНКА АГРЕССИВНОСТИ
Слегка ударить ассистента игрушечным мечом	3,3
Бросить в ассистента комок газет	4,6
Выстрелить в ассистента резиновой ленточкой	5,0
Выстрелить в ассистента из игрушечного пистолета	5,6
Сильно ударить ассистента игрушечным мечом	6,9
Толкнуть ассистента	7,5
Слегка пнуть ассистента	7,5
Протащить ассистента по комнате	7,6

Примечание: оценки агрессивности различного поведения, адресованного испытуемыми пассивному ассистенту экспериментатора, в процедуре Динера для изучения агрессии. *(Diener, Dineen, Endresen, Beaman, Fraser, 1975)*

новыми лентами — также находятся в комнате и могут быть использованы для нападения на пассивную жертву. Поведение испытуемых в двухминутном сеансе аккуратно регистрируется специальными наблюдателями, которые следят за ними через экран с односторонним зеркальным покрытием. Оценка агрессивности каждого участника эксперимента определяется на основе оценок всех его агрессивных действий по предварительно составленной шкале такого поведения (см. табл. 2. 4). Например, несильный бросок в ассистента пенопластовым мечом оценивается в 3,3 балла. Таким образом, если испытуемый ударит жертву 10 раз в течение двухминутного сеанса и не совершит при этом других агрессивных действий, его общий счет будет 33 балла.

При некоторых условиях испытуемым свойствен высокий уровень агрессивности поведения. Действительно, средний счет доходил до 600 баллов и более. Мы сможем представить себе, что означает этот счет, если узнаем, что для получения 603 баллов (средний показатель в одной из групп) испытуемым требовалось за две минуты ударить жертву игрушечным мечом 83 раза или за тот же срок 141 раз выстрелить резиновой ленточкой.

Процедуры, основанные на безопасном физическом нападении на пассивную жертву, имеют ряд важных преимуществ. Во-первых, они совершенно реалистичны. Испытуемые проявляют агрессию против живой мишени, и действия, которые они выполняют — удары игрушечным мечом, стрельба из пистолета, таскание жертвы по комнате, — по своему характеру полностью аналогичны действиям, совершаемым при более опасных агрессивных проявлениях. Во-вторых, участники имеют полную свободу выбора действий, направленных на жертву; они могут обращаться с ней как в агрессивной, так и в совершенно неагрессивной манере.

В то время как перечисленные достоинства свидетельствуют в пользу процедур, разработанных Динером и коллегами, не следует забывать о их недостатках и возможных проблемах. Во-первых, испытуемые могут ощущать свое поведение в этом контексте частью игры, в которой никому не может быть причинено вреда. Если это верно, их действия нельзя рассматривать как проявления агрессии. А во-вторых, в этих процедурах, несмотря на все меры предосторожности, ассистент все-таки рискует получить ряд реальных физических повреждений. Ведь в обоих экспериментах, где использовался этот метод, было несколько случаев, когда сеанс приходилось прерывать, потому что действия испытуемых в отношении ассистента выходили за рамки допустимого. Таким образом, созданная Динером

методика, при всей своей изобретательности, все же имеет не только положительные, но и отрицательные черты.

Некоторые подтверждения текущей валидности процедуры Динера были получены, когда выяснилось, что факторы, которые, как предполагалось на основе теоретических и экспериментальных разработок, будут оказывать существенное влияние на агрессию, действительно влияли на поведение испытуемых в данных конкретных условиях. Например, после того как участникам на примере продемонстрировали агрессивное поведение и сообщили, что они не несут ответственности за свои действия, испытуемые предпринимали по отношению к ассистенту более агрессивные действия, чем в случае отсутствия демонстрации такого поведения и информации о том, что они лично несут ответственность за свои поступки (Diener & others, 1975). Более того, данные послеэкспериментальных опросов подтверждают, что испытуемые обычно не имели представления о проверяемой в исследовании гипотезе, и у них были лишь смутные предположения об истинной цели эксперимента (Diener, 1976). В целом эти свидетельства подтверждают, что процедура, основанная на не причиняющем вреда физическом нападении на живой объект, может оказаться полезным средством изучения агрессии в безопасных лабораторных условиях.

Метод Басса: причинение вреда с помощью «машины агрессии». Первый и в течение многих лет самый популярный метод прямого изучения агрессивного поведения был разработан Бассом (Buss, 1961). Метод состоит в следующем: каждому испытуемому сообщают, что он вместе с другим человеком (на самом деле — помощником экспериментатора) будет принимать участие в изучении влияния наказаний на эффективность обучения. Он узнает, что один из присутствующих будет *учителем*, а другой — *учеником*. Задача учителя — преподать учебный материал, который ученик постарается усвоить. (В оригинальной процедуре Басса учебный материал задавался набором сигнальных лампочек, но позднее стали использовать самые различные формы.)

Далее испытуемым объясняют, что каждый раз, как ученик даст правильный ответ, учитель должен поощрять его, зажигая лампочку, указывающую на правильность ответа. А когда он ошибется, учитель должен наказать его, подвергнув удару электрическим током. И поощрение и наказание осуществляются с помощью устройства, известного как «машина агрессии». Испытуемым говорят, что каждый раз, когда ученик допустит ошибку, учитель должен подвергнуть его удару тока, нажав одну из десяти кнопок. Первая кнопка соответствует очень слабому удару, вторая — несколько более сильному, и так далее, вплоть до десятой, которая якобы вызывает чрезвычайно мощный удар током.

В этот момент настоящий испытуемый «по жребию» назначается учителем, а помощник экспериментатора — учеником. Чтобы убедить испытуемого в том, что агрегат находится в полной исправности, ему демонстрировали несколько разрядов разной силы. А затем во время обучения ассистент делал серию заранее предписанных ему ошибок, тем самым предоставляя испытуемому возможность наказывать его электрическими ударами.

В этих процедурах предусмотрено три меры агрессии. *Мощность разряда* — это среднее значение мощности всех разрядов, которые испытуемый выбирает для наказания ассистента. *Длительность удара* — это протяженность временного отрезка, в течение которого испытуемый удерживает кнопку нажатой (другими

словами, как долго через жертву будет проходить электрический разряд заданной интенсивности). *Итоговый аверсивный стимул* вычисляется путем умножения силы удара на его длительность. Интенсивность и длительность интерпретируются, соответственно, как меры прямой и непрямой агрессии (Rogers, 1983).

Процедура Басса применялась в сотнях лабораторных исследований физической агрессии у людей. Хотя многие экспериментаторы сохраняли оригинальную процедуру, некоторые дополняли ее различными вариациями. Липетц и Оссорио (Lipetz & Ossorio, 1967) говорили испытуемым, что интересуются физиологическими реакциями, возникающими как ответ на постороннее вмешательство во время выполнения заданий. Испытуемые по данному им сигналу посылали разряд электрического тока *экспериментатору*, который в это время пытался записать алфавит задом наперед. В исследовании, проведенном Лоев (Loew, 1967), испытуемые были уверены, что их оценивают как экспериментаторов (а не учителей), пока они «натаскивали» ученика на выполнение вербального задания. Доннерштайн, Доннерштайн и Барретт (Donnerstein, Donnerstein & Barrett, 1976) говорили испытуемым, что электрические удары нужны для изучения воздействия стресса на работоспособность. В экспериментах Густафсона (Gustafson, 1985, 1986a, 1989) испытуемых убеждали, что они являются супервизорами человека, выполняющего визуальный скан-тест. Заметив ошибку, «супервизор» мог не только подвергать ученика удару током, но имел также альтернативу — нажать нейтральную кнопку обратной связи, которая просто сигнализировала (без удара током), что ответ неверный. Другие исследователи в качестве аверсивных стимулов вместо ударов током использовали шум (Fitz, 1976) или высокую температуру (Baron, Russell & Arms, 1985; Liebert & Baron, 1972). (Важно отметить, что ни в оригинальной процедуре, ни в ее модификациях никто на самом деле не подвергался аверсивной стимуляции во время выполнения задания.)

Многие из модификаций были предназначены для ответа на вопрос о валидности оригинальной процедуры. Хотя реакции на «машине агрессии» *не коррелируют* со многими показателями шкал личностных опросников, имеющих отношение к агрессии (Larsen, Coleman, Forbes & Johnson, 1972), в некоторых исследованиях получены свидетельства, что процедуры Басса являются валидным и полезным способом измерения физической агрессии. Например, Шемберг, Левенталь, и Олмен (Shemberg, Leventhal & Allman, 1968) обнаружили, что разнополые подростки, оцениваемые своими наставниками в программе «Скачок вверх» («Upward Bound») как очень агрессивные, проявляли на «машине агрессии» по отношению к мужчине-ассистенту значительно более высокий уровень агрессивности, чем подростки, оцениваемые в качестве малоагрессивных (см. рис. 2. 1). Аналогичным образом, в похожем исследовании Хартманн (Hartmann, 1969) выявил, что взрослые мужчины, проявлявшие когда-либо насильственное поведение, устанавливали на «машине агрессии» большую силу удара, чем те, кто не имел подобных фактов в биографии. Более того, люди, имеющие достаточное количество серьезных правонарушений, проявляли больше агрессии, чем те, кто имел меньше правонарушений.

Вульф и Бэрон (Wolfe & Baron, 1971) сравнивали агрессивное поведение двух групп индивидуумов, характеристики которых контрастировали. Первая группа состояла из 20 случайно выбранных университетских студентов мужского пола в возрасте от 18 до 20 лет. Во вторую группу вошло 20 мужчин-заключенных того же возраста, которые на момент эксперимента содержались в тюрьме, в отделении максимально строгого режима, а их биографии содержали сведения о чрезвычай-

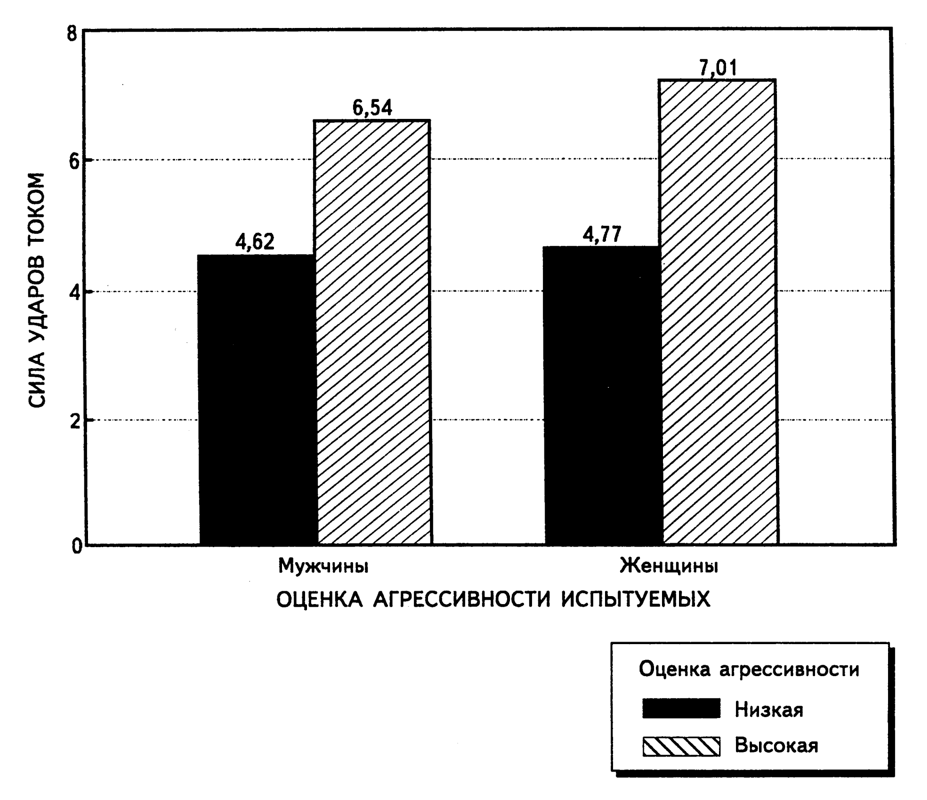

Рис. 2. 1. Как и ожидалось, испытуемые с высоким уровнем агрессии подвергали ученика гораздо более сильным ударам тока, чем менее агрессивные. *(Shemberg, Leventhal & Allman, 1968)*

но агрессивных действиях. Заключенные нажимали кнопки, соответствующие гораздо более сильным ударам, чем кнопки, с которыми работали студенты. Хотя не исключено, что различие между двумя группами объяснялось не только контрастом в их склонностях к прямой агрессии (например, различиями в образовании или социально-экономического характера), из этих данных, совместно с данными Шемберга и коллег (Shemberg et al., 1968), а также Хартманна (Hartmann, 1969), напрашивается вывод, что поведение во время процедуры с «машиной агрессии» действительно может указывать на склонность испытуемого нападать на других и причинять им вред.

Хотя приведенные выше данные свидетельствуют в пользу валидности концепции Басса, они ничего не говорят о связанной с ней потенциально важной проблеме. В частности, некоторые исследователи (Rule, 1974; Rule & Leger, 1976) обратили внимание на тот факт, что испытуемые могут использовать кнопки «машины агрессии» не из желания причинить боль жертве, а из-за прямо противоположных мотивов: подвергая ученика ударам тока, они хотят помочь ему быстрее усвоить учебный материал и тем самым избежать в будущем любых наказаний за ошибки. Разумеется, если это верно, то на «машине агрессии» может проявляться сила стремления испытуемых либо помочь жертве, либо причинить ей вред.

Руле и Леджер (Rule & Leger, 1976), занимаясь этой проблемой, по сути дела, манипулировали восприятием испытуемыми смысла понятия агрессия. Во-пер-

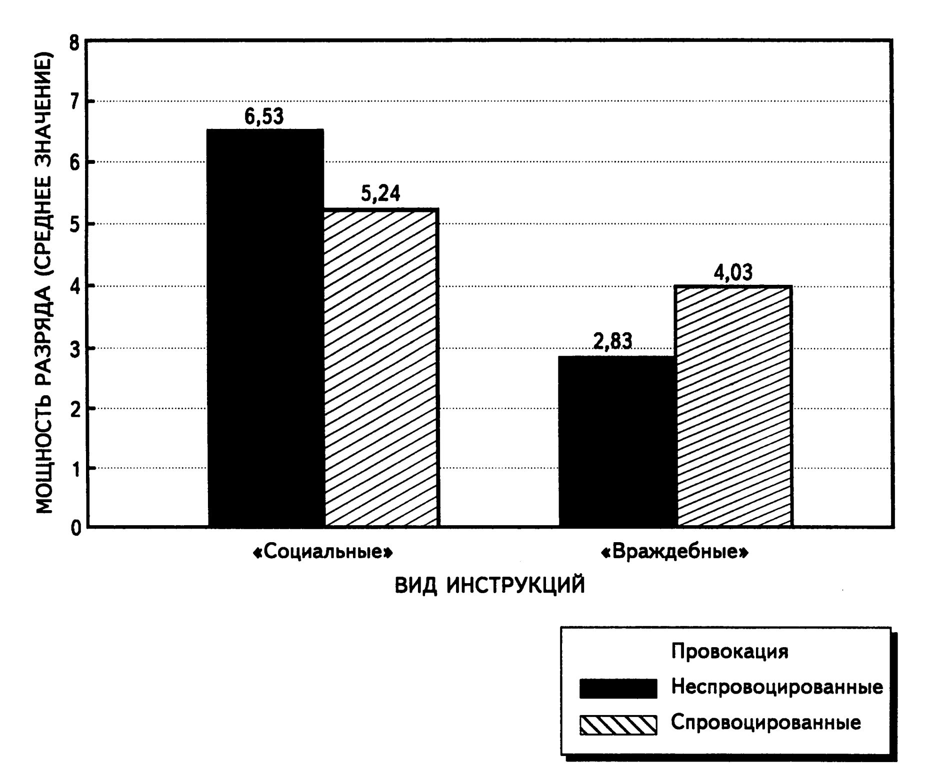

Рис. 2. 2. Эти данные из эксперимента Руле и Леджера (Rule & Leger, 1976) показывают, что ожидания испытуемых могут влиять на их реакции в концепции Басса. Когда испытуемым говорили, что сильные удары током пойдут ученику на пользу (вариант «социальных» инструкций), они подвергали ассистента более сильным ударам в тех случаях, когда их предварительно не провоцировали, нежели тогда, когда их провоцировали. Однако, если им говорили, что сильные электрические удары будут мешать обучению, они назначали более сильные удары в том случае, когда были спровоцированы ассистентом.

вых, половина участников исследования была спровоцирована путем вербального оскорбления со стороны «ученика»; оставшуюся половину участников не провоцировали. Затем спровоцированным и неспровоцированным испытуемым (*просоциальные* экспериментальные условия) говорили, что разряды тока высокой мощности способствуют обучению; если экспериментальные условия должны были подразумевать *враждебность,* им говорили, что мощные разряды обучению мешают. Как и ожидалось, если испытуемые верили, что удары способствуют обучению, то неспровоцированные участники назначали более сильные удары, чем спровоцированные. Когда же удары считались тормозящими обучение, спровоцированные испытуемые устанавливали большую силу удара, чем неспровоцированные. На рис. 2. 2 представлен соответствующий график. Итак, различная интерпретация испытуемыми смысла их реакций влияла на их поведение в рамках концепции «учитель—ученик».

Осознавая проблему, которая может возникнуть в связи с мотивацией испытуемых в концепции Басса, Бэрон и Эглстон (Baron & Eggleston, 1972) разработали и опробовали собственную версию данной процедуры. Студенты колледжа посылали разряды электрического тока помощнику экспериментатора, который либо

разозлил их, либо нет. Половина испытуемых назначала эти удары в контексте стандартных условий процедуры Басса: они «обучали» ассистента. Другой половине испытуемых говорили, что целью эксперимента является изучение воздействия электрических разрядов на физиологические реакции; никаких упоминаний о задаче — обучить другого — не делалось, и испытуемые назначали силу ударов током для ассистента в серии возможностей, якобы случайно предоставленных им для этого.

По окончании последнего сеанса испытуемые заполняли постэкспериментальный опросник, в котором оценивали (по 7-балльной шкале) степень влияния на выбранную ими мощность электрического разряда следующих факторов: желания помочь ассистенту; навредить ему; способствовать успеху эксперимента. При стандартной процедуре («обучение») фактически наблюдалась сильная положительная корреляция между мощностью выбранных электрических разрядов и желанием помочь ассистенту. Далее, что также согласуется с тезисом о возможном наличии как альтруистических, так и агрессивных мотивов поведения испытуемых, сила ударов током и сообщаемое желание способствовать успеху эксперимента тоже коррелировали положительно. В отличие от этого, при более нейтральных психологических инструкциях, когда сильные удары током никоим образом нельзя было считать полезными для жертвы, подобные положительные корреляции не наблюдались. Действительно, при этих условиях была отрицательная корреляция между силой ударов, назначенных испытуемыми, и силой высказанного ими желания помочь ассистенту. Таким образом, чем слабее в этом варианте было желание участников помочь жертве, тем сильнее были удары током.

Рассматриваемые совместно, эти результаты позволяют предположить, что в контексте разработанной Бассом (Buss, 1961) стандартной концепции «учитель-ученик» характер использования «машины агрессии» действительно может отражать как желание части испытуемых помочь ассистенту или способствовать успеху эксперимента, так и стремление навредить ассистенту, причинив ему мучительную боль. Пытаясь уменьшить влияние этих потенциальных источников помех, некоторые исследователи прибегли к более нейтральным инструкциям, содержащим упоминание об измерении физиологических реакций (Baron & Bell, 1975, 1976). Упомянутые нами ранее версии процедуры Басса тоже могут помочь снять проблемы, возникающие в связи с наличием альтруистической мотивации. Использование таких процедур позволит сохранить преимущества базовой концепции Басса, уменьшив при этом влияние альтруистических мотивов на выбор испытуемыми кнопки на пульте.

Концепция Берковитца: агрессия в виде негативной оценки. Берковитц (Berkowitz, 1962, 1964) разработал еще один метод лабораторного изучения физической агрессии, в котором прямая аверсивная стимуляция «жертвы» испытуемыми (разрядом электрического тока) являлась составной частью задачи обучения. Однако и причины для назначения ударов, и последовательность их назначения несколько отличаются от принятых в концепции Басса.

Каждому испытуемому сообщают, что он и еще один человек (на самом деле ассистент экспериментатора) примут участие в изучении воздействия стресса при решении проблем на работоспособность. Им предлагается задача: придумать решение для предложенной экспериментатором задачи (например, как улучшить

отношения между работниками и администрацией в большом универмаге). Исследователь объясняет, что стресс у них возникнет из-за того, что предложенное испытуемыми решение будет затем оценивать другой участник, выражая свою оценку ударами электрического тока в количестве от 1 до 10. При этом, если он оценит решение *на отлично*, он назначит только 1 удар. Если обнаружит в нем некоторые недочеты, назначит 2 удара, и так далее, до 10 ударов, означающих, что решение никуда не годится. Затем испытуемые работали над задачей в течение пяти минут, после чего их работы собирали и якобы отдавали для оценки. Ассистент подвергал испытуемого заранее определенному числу ударов током (обычно или 1 или 7), в зависимости от того, нужно было его спровоцировать или нет.

Получив оценки, с испытуемыми проводились дальнейшие экспериментальные манипуляции (например, им показывали фильм с насилием или без него). И наконец, на третьем этапе эксперимента наступала их очередь оценивать работу ассистента, тоже посредством электрических ударов. Агрессия измерялась по количеству — а иногда и по длительности — ударов тока, которым подвергали ассистента. Подчеркнем, что, в отличие от процедур Басса, сила предназначенных жертве ударов *не контролировалась* испытуемыми; они могли варьировать только их количество и иногда длительность.

Как и следовало ожидать, было разработано несколько вариантов этой общей схемы измерения агрессии как способа оценить что-либо. Например, Конечны (Konecni, 1975a, 1975b) и Конечны и Дуб (Konecni & Doob, 1972) использовали процедуры, в которых испытуемые назначали ассистенту количество ударов по своему усмотрению — в качестве оценки его творческих способностей в задании на свободные ассоциации. Джин с коллегами измеряли не только количество ударов, но и их силу. Джин, Ракоский и О'Нил (Geen, Rakosky & O'Neal, 1968) сообщают, что спровоцированные и неспровоцированные испытуемые различались по обеим мерам. Джин и О'Нил (Geen & O'Neal, 1969) использовали общую сумму мощности всех разрядов как меру полной аверсивной стимуляции. Хотя возникли некоторые вариации процедуры Берковитца, базовая процедура оставалась той же самой: испытуемые получали возможность адресовать другому человеку неприятные стимулы, якобы в качестве оценки за какое-то выполненное им задание.

В некоторой степени валидность этих процедур подтверждает тот факт, что, несмотря на идентичное поведение ассистента во всех вариантах экспериментальных условий, разгневанные им испытуемые (то есть получившие негативный отзыв и болезненный удар в качестве оценки своей работы) назначали ему в целом большее количество ударов, чем испытуемые, которые разгневаны не были (то есть получившие положительную оценку). Тем не менее возникли некоторые вопросы о валидности концепции Берковитца.

Шак и Пайзор (Schuck & Pisor, 1974) обнаружили, что испытуемые, действительно получившие удары током, и испытуемые, всего лишь узнавшие, сколько ударов им назначил ассистент, вели себя очень похоже. Эти результаты были интерпретированы как указание на то, что реакции испытуемых определяются *требуемыми характеристиками* (то есть их убеждением, что экспериментатор хочет, чтобы они вели себя определенным образом), — иначе бы испытуемые, действительно получившие удары, сами назначали бы более сильные удары, чем те, кто так и не получил назначенной им аверсивной стимуляции. Однако существуют немаловажные дополнительные свидетельства, что наше восприятие намере-

ния другого человека причинить нам вред является значимым детерминантом агрессивного поведения (см. главу 5; Greenwell & Dengerink, 1973). Таким образом, результаты Шака и Пайзора не являются доказательством того, что концепция Берковитца не обеспечивает валидных измерений агрессии.

Кейн, Джозеф и Тедеши (Kane, Joseph & Tedeschi, 1976) поставили под сомнение валидность процедур Берковитца (и других лабораторных процедур) на том основании, что поведение, демонстрируемое испытуемыми в лаборатории, не оценивается неискушенными наблюдателями как агрессивное. Они утверждают, что неправомочно обобщать «спровоцированную защитную реакцию» испытуемых в лабораторных концепциях до антинормативного неспровоцированного поведения, которое интересует большинство специалистов по агрессии.

В итоге неоднозначность полученных сведений о валидности концепции Берковитца не позволяет прийти к определенным выводам, и представляется преждевременным отвергать ее как неспособную обеспечить валидные измерения агрессии. Предпочтительней выглядит более консервативный подход, требующий не судить категорично о полезности таких процедур до поступления дополнительных данных.

Концепция Тэйлора: взаимная агрессия. Еще один метод лабораторного изучения агрессии, разработанный Тэйлором (Taylor, 1967), в некоторых отношениях заметно отличается от ранее рассмотренных нами методов. В этой парадигме испытуемому и еще одному человеку (обычно ассистенту экспериментатора) сообщают, что они будут соревноваться в задании на время реакции, и в каждой попытке тот, чье время окажется больше, будет получать удар электрического тока, сила которого назначается противником. Перед началом соревнований на время реакции для каждого испытуемого определяется его «порог терпения». Испытуемым наносят удары электрическим током, начиная с уровня, на котором удар практически не чувствуется, и доводя до уровня болезненных ощущений. Сила удара, которую, по словам испытуемого, невозможно вытерпеть, считается его индивидуальным порогом терпения и становится пределом, которому он может подвергнуться во время эксперимента.

Во время последующих заданий испытуемый устанавливает силу удара для противника, нажимает и отпускает «кнопку времени реакции» (так измеряется время его реакции) и видит сигнал, указывающий силу удара, установленную для него противником. Проиграв попытку, испытуемый и получает удар установленной силы. Фактически выигрыши и проигрыши, так же как и сила ударов, получаемых испытуемым, заранее определены экспериментатором. Сила этих ударов калибруется по измеренному ранее «порогу терпения» для данного испытуемого, то есть сила удара, задаваемая на аппарате ассистента кнопкой номер 10, равна этому порогу, кнопка номер 9 задает удар силой в 95% от порога, кнопка номер 8 — удар силой в 90% и т. д.

Эти процедуры предусматривают два показателя агрессии. Когда испытуемый устанавливает перед первой попыткой мощность разряда для своего противника, он еще ничего не знает о намерениях последнего и еще не подвергался провокации с его стороны. Таким образом, информация о мощности разряда, выбранной в первой попытке, позволяет экспериментатору изучать, как повлияли независимые переменные на еще не спровоцированного испытуемого; это может рассматриваться как показатель *неспровоцированной агрессии* (Hammock & Ri-

chardson, 1992b). Мощность разряда, выбираемая испытуемым для своего противника в остальных попытках, когда он уже подвергался провокациям, может считаться показателем мотивов *мщения в поведении* (Hammock & Richardson, 1990; Richardson, Vanderberg & Humphries, 1986).

Как и в случае процедур Басса и Берковитца, было разработано несколько модификаций оригинальной процедуры Тэйлора, в некоторых из них испытуемым позволялось поочередно обмениваться с противником ударами (Bertilson & Lien, 1982; Ohbuchi & Kambara, 1985), «поощрительными» сигналами (Knott, Lasater & Shuman, 1974), с ударами или без них (Dengerink, Schnedler & Covey, 1978; Knott, 1970). В качестве альтернативных аверсивных стимулов использовались шум (Bond & Lader, 1986; Kimble, Fitz & Onorad, 1977; Shortell & Biller, 1970) и оскорбительные слова (Richardson, Hammock, Smith, Gardner & Signo, 1992). Желая исключить возможные эффекты соперничества (которые мы детально обсудим ниже), Ричардсон и ее коллеги (Hammoc & Richardson, 1992b; Hammock, Rosen, Richardson & Bernstein, 1990; Richardson, Vandenberg & Humphries, 1986) говорили испытуемым, что изучается «влияние стресса на время реакции». Хайнен (Hynan, 1982; Harper, Wood & Kallas, 1980) создавал ситуацию, когда асисстент экспериментатора, который соревновался с испытуемым в задании на скорость реакции, был хорошо ему виден. При этом испытуемые не получали ни одного удара, и от них *не требовалось* наносить удары током своему противнику. У процедуры Тэйлора несколько важных достоинств. Во-первых, как это часто бывает и в реальных случаях физической агрессии, жертва не полностью беспомощна, а может неким образом ответить, причем немедленно, на сверхагрессивное нападение (то есть на сильный удар тока). Это резко отличается от ситуаций, доминирующих в концепциях Басса и Берковитца, где жертва находится полностью в распоряжении испытуемых и никоим образом не может им отомстить. Во-вторых, ввиду того что соперник на самом деле является помощником экспериментатора, его поведение во время сеанса можно варьировать систематическим образом, выявляя влияние его действий на реакции испытуемого. Например, противнику можно предложить действовать с нарастанием провокации и увеличивать силу назначаемых им ударов от попытки к попытке (Bernstein, Richardson & Hammock, 1987; O'Leary & Dengerink, 1973) или же неизменно предлагать примирение, назначая только слабые удары на протяжении всего эксперимента (Pisano & Taylor, 1971). И наконец, легко можно выявить, как повлияют на поведение испытуемых какие угодно факторы — от лекарственных средств (Beezley, Gantner, Bailey & Taylor, 1987; Richardson, 1981) до присутствия публики (Borden, 1975; Richardson, Bernstein & Taylor, 1979).

И все же наряду с этими достоинствами существует вероятность возникновения проблем (несообразностей и недочетов), или недостатки. Во-первых, испытуемые в концепции Тэйлора во время сеанса действительно получают серию болезненных ударов электрическим током — а это уже вопросы этических принципов. Во-вторых, поскольку вся процедура проходит в контексте соревнований на время реакции, не исключена возможность, что поведение испытуемых следовало бы рассматривать как имеющее в первую очередь конкурентный, а не агрессивный характер.

Проблема атмосферы соревнования, присущей для этой процедуры, изучалась в двух экспериментах. Габеляйн и Тэйлор (Gaebelein & Taylor, 1971) обнаружи-

Таблица 2. 5. **Корреляция между двумя мерами агрессии**

УРОВЕНЬ ПРОВОКАЦИИ В ПРОЦЕДУРЕ ТЭЙЛОРА	КОЭФФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ РЕАКЦИЯМИ В ПРОЦЕДУРАХ ТЭЙЛОРА И БАССА
Попытка 1 (провокации нет)	0,57
Блок 1 (средняя сила удара=3)	0,45
Блок 2 (средняя сила удара=5)	0,53
Блок 3 (средняя сила удара=7)	0,32
Блок 4 (средняя сила удара=9)	0,26

Примечание: корреляции в эксперименте Бернштайна, Ричардсона и Хэммока (1987) демонстрируют валидность обеих мер агрессии — и Тэйлора, и Басса. Как и следовало ожидать, коэффициент корреляции между реакциями в этих двух методах уменьшается по мере роста провокации.

ли, что различное представление испытуемых о характере задания (соревнование или нейтральное решение задачи) не влияет на их поведение при выборе мощности электрического разряда. Бернштайн и другие (Bernstein et al., 1987) сообщают, что конкурентное поведение в игре с «дилеммой заключенного» (задание, выявляющее стратегии сотрудничества и конкуренции) не коррелирует с поведением по назначению ударов в концепции Тэйлора. Данные этих экспериментов подразумевают, что кажущийся соревновательный характер заданий на время реакции может и не представлять из себя большую проблему. Существуют также прямые и косвенные подтверждения валидности этого критерия. Тэйлор (Taylor, 1967) выявил, что люди, сообщающие о том, что импульсивно выражают агрессивные чувства (то есть люди с недостаточным самоконтролем), мстят своим противникам с помощью ударов большей силы, чем люди, сообщающие о подавлении ими враждебных чувств (то есть люди с избыточным самоконтролем). Тэйлор также отметил, что его испытуемые «спонтанно угрожали сопернику и бранили его» (например, «ах ты, собака», «пес ты драный»). В исследовании Бернштайна, Ричардсона и Хэммока (Bernstein, Richardson & Hammock, 1987) студенты-старшекурсники мужского пола принимали участие в процедурах и Тэйлора и Басса. Во время задания на время реакции испытуемые подвергались воздействию постепенно усиливающихся ударов тока (то есть провокации) со стороны противника. Результаты этого эксперимента, приведенные в табл. 2. 5, свидетельствуют о том, что в этих двух процедурах измеряется сходное поведение. У реакций в концепции Басса выше корреляция с первыми пробными реакциями в парадигме Тэйлора, чем с последующими. Такой *паттерн* корреляций служит лишним подтверждением валидности обоих критериев. Иными словами, поскольку испытуемые в процедурах Басса не провоцируются, их реакции в этой ситуации *должны* коррелировать сильнее (что и происходит) с реакциями в первых попытках процедуры Тэйлора, когда уровень провокации еще низкий или нулевой. Таким образом, когда сходства между условиями в обеих ситуациях больше, корреляция между реакциями выше. Значит, в этом исследовании получены подтверждения валидности обоих критериев агрессивного поведения — и по Тэйлору, и по Бассу. Бернштайн и другие заключают, что экспериментатор должен выбирать процедуру, отвечающую «потребностям исследования и привходящим обстоятельствам». Ввиду того факта, что оба критерия, по-видимому, должны рассматриваться как подобные, экспериментатору следует просто выбрать тот, который более соответствует его нуждам.

Косвенные подтверждения валидности концепции Тэйлора дает тот факт, что переменные, влияния которых на уровень агрессии испытуемого стоило бы ожидать, действительно влияют в соответствии с прогнозом на его действия. Например, испытуемые, как правило, посылают противнику более мощные разряды, когда подвергаются более интенсивному нападению (O'Leary & Dengerink, 1973; Richardson, Vandenberg & Humphries, 1986), чем в случае, когда размах провокации невелик. Аналогично они воздерживаются от выбора мощных электрических разрядов в присутствии публики, которая не одобряет такие действия (Baron, 1971a; Borden, 1975; Richardson, Bernstein & Taylor, 1979). Эти и другие данные подразумевают, что процедуры Тэйлора действительно дают полезный и валидный критерий физической агрессии.

Критические замечания относительно лабораторных методов изучения агрессии

Возможно, наиболее распространенный довод критиков лабораторных наблюдений агрессивного поведения опирается на то, что испытуемые прекрасно осведомлены о сущности психологического эксперимента, в котором они участвуют, в результате чего их реакции могут быть далеки от естественных и сильно отличаться от тех, которые могли бы быть в иных условиях. Берковитц и Доннерштайн (Berkowitz & Donnerstein, 1982), два хорошо известных исследователя агрессии, сообщают, что, невзирая на лабораторные условия, испытуемые трактуют смысл своих действий как намеренное причинение вреда жертве.

> *«Не только мы относимся к лабораторным реакциям как к агрессии, но, мы абсолютно уверены, и большинство испытуемых тоже. Хотя проявляемые ими в эксперименте реакции, конечно, отличаются физически от нападений, осуществляемых в повседневной жизни, представляется, что все эти действия имеют для испытуемых во многом схожий смысл; они знают, что намеренно причиняют вред другим. Этот общий смысл объединяет лабораторное поведение и поведение в более естественной обстановке».*

Другие утверждают, что участники лабораторных исследований нередко пытаются «перехитрить» экспериментатора, стараясь угадать гипотезу, проверяемую в эксперименте. В этом случае проблема заключается в том, что испытуемые, стараясь соответствовать ожиданиям экспериментатора, могут повести себя, по их мнению, именно таким образом. Тогда нам пришлось бы признать, что их поведение есть функция *востребованных характеристик* (то есть ситуационных признаков, по которым участники пытаются угадать гипотезу экспериментатора), а не независимых переменных. Хотя востребованным характеристикам уделялось значительное внимание со стороны психологов, озабоченных вопросом валидности лабораторных данных (Buss, 1951; Orne, 1962), есть основания полагать, что подобные эффекты сравнительно маловероятны в исследованиях агрессивного поведения. Чтобы востребованные характеристики могли повлиять на результаты этих исследований, испытуемым пришлось бы догадаться: 1) что назначаемые ими электрические удары будут рассматриваться как мера их уровня агрессии; 2) что другие ситуационные факторы (например, раздражающее поведение жертвы, присутствие публики, высокая температура в комнате, наличие в поле зрения испытуемых пистолета) предназначены для повышения или понижения их агрессивности; 3) что от них ждут проявления агрессивного поведения,

а это большинство людей считает «дурным» или неприемлемым. Берковитц и Доннерштайн (Berkowitz & Donnerstein, 1982) указывают, что большинство студентов, судя по всему, чаще озабочены тем, чтобы «хорошо смотреться», выглядеть адаптировавшимися, а не тем, чтобы подтверждать проверяемую гипотезу. Свои доводы исследователи резюмируют так:

«...уступка испытуемых востребованным характеристикам никогда не была настолько серьезной проблемой в экспериментах по агрессии, как полагают некоторые критики. Имеющиеся данные подразумевают, что многие люди, принимающие участие в психологических исследованиях, склонны подавлять свою агрессию против жертвы, если подозревают, что исследователь интересуется их агрессивным поведением, вероятно, из-за страха оценки... это... означает, что, когда бы ни проявлялся высокий уровень агрессии, он возникает вопреки осведомленности испытуемых, а не потому, что они знают истинную цель исследования».

К счастью, существуют методы, широко применяющиеся в лабораторных исследованиях, позволяющие противостоять влиянию этого фактора. Например, зная, что подозрения испытуемых могут повлиять на их реакции (нередко опровергая, а не подтверждая ожидания экспериментатора), большинство исследователей проводят послеэкспериментальное собеседование, которое, будучи компетентно проведенным, выполняет несколько функций. Это не только удобный случай выявить подозрения испытуемых, но и возможность обсудить некоторые этические вопросы (например, разъяснить необходимость совершенного обмана, избавить испытуемых от переживаний по поводу того, что они подвергали другого человека болезненным электрическим ударам). Тем не менее нельзя гарантировать, что при собеседовании будут выявлены абсолютно все существующие проблемы. Неискушенный исследователь всегда рискует попасться в ловушку, которая обесценит результаты эксперимента. С этой точки зрения, подобные проблемы с большой вероятностью могут оказаться камнем преткновения в лабораторных исследованиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КАКИМ ОБРАЗОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ВЫБИРАЕТ МЕТОД И ПОДХОД?

Очевидно, что перед исследователем, интересующимся человеческой агрессией, открывается широкий выбор разнообразных методов и подходов, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки. Каким образом найти наилучший подход? Следует ли применять экспериментальный подход или неэкспериментальный? Проводить ли исследование в полевых условиях или в лаборатории?

Понятно, что на эти вопросы нет единого ответа, а оптимальный метод или подход должен определяться конкретной проблемой, интересующей исследователя. Хотя экспериментальные методики позволяют нам делать более точные выводы о причинно-следственных связях, не исключено, что окажется совершенно неприемлемым или невозможным использовать их при изучении некоторых видов агрессивного поведения (например, дурного обращения с детьми, криминальной агрессии). И хотя лабораторные методы дают исследователю возможность наилучшего контроля над ситуацией и посторонними влияниями на интересующее его поведение, не всегда возможно или этично проводить исследование в рамках лабораторной ситуации.

Также следует осознать, что ни одно исследование и ни один *вид* исследований не может дать ответа на все наши вопросы об агрессивном поведении у людей. Габеляйн (Gaebelein, 1981) полагает, что исследователь должен обдумать «применение нескольких различных стратегий исследования для подтверждения [своих] предположений».

РЕЗЮМЕ

В этой главе мы описали подходы и методы, применяемые исследователями при изучении агрессивного поведения. Один из способов проведения исследования — *эксперимент*. Экспериментальный подход позволяет исследователю контролировать независимые переменные и благодаря этому делать выводы о причинах и следствиях. *Неэкспериментальные методики* подразумевают регистрацию естественно возникающих инцидентов; применение этих методик особенно уместно в тех случаях, когда манипулировать интересующими исследователя независимыми переменными невозможно по практическим или этическим соображениям.

Методы, применяемые исследователями агрессивного поведения, могут быть в самом общем виде подразделены на два класса: *опросные* и *обзервативные*. «Опрашиваться» могут самые разнообразные источники. Так, сведения, собранные в *архивах*, скорее всего будут отличаться сравнительно высокой степенью объективности и беспристрастности, однако поиск релевантных для исследователя архивных данных потребует кропотливого труда. Что же касается *вербальной информации,* которую исследователь получает либо непосредственно от интересующих исследователя индивидов, либо от лиц, которые обладают необходимыми сведениями об этих индивидах, то этот тип информации подвержен искажениям, так как люди часто стесняются признаваться в агрессивном поведении. В случае личностных опросников исследователь предлагает респондентам ответить на вопросы о наличии у кого-либо устойчивой склонности к агрессивному поведению или оценить общий уровень чьей-либо враждебности. В случае использования *проективных методик* респондента просят «сочинить историю» о неопределенном стимульном материале: предполагается, что степень насыщенности рассказа агрессивно окрашенными образами будет отражать уровень агрессивности испытуемого. Хотя эти методики существенно различаются, в каждом случае подразумевается наличие исследователя, опрашивающего тот или иной источник об агрессивности или враждебности, свойственной либо самому респонденту, либо какому-то другому человеку.

Наблюдения могут проводиться как в полевых условиях, так и в лаборатории. Существует целый ряд методик, используемых при проведении систематических исследований в полевых условиях. Одна из наиболее общеупотребительных методик заключается в том, что водителям, остановившимся у светофора, при загорании зеленого света мешают возобновить движение,'а затем наблюдают за их реакцией, которая выражается в характере подаваемых ими звуковых сигналов, в вербальных комментариях, жестикуляции и т. д. В методиках, основанных на прямой конфронтации, ассистент экспериментатора грубо провоцирует испытуемых, толкая их при посадке в общественный транспорт или влезая перед ними в очередь. Эти методики обеспечивают высокую степень реализма, что позволяет

получать валидные измерения агрессии, однако использование этих методик сопряжено с серьезными этическими проблемами и потому требует от исследователя осторожности и чувства меры.

При *лабораторных исследованиях* агрессии применяется несколько различных методик. Старейшая и, вероятно, наиболее известная из них основывается на попытках измерения уровня *вербальной агрессии*. Подобные процедуры вполне безопасны и дают возможность получить количественно выраженные данные об уровне агрессии. Поскольку вербальная атака является широко распространенной формой агрессивного поведения, а те мощные ограничения, которые удерживают идивидуума от обращения к невербальным формам агрессии, на нее не распространяются, ее нетрудно вызывать и изучать в лабораторных условиях. Следует, однако, отметить, что измерения вербальной агрессии валидны лишь в том случае, когда комментарии или оценочные суждения испытуемых могут причинить реципиенту какой-либо вред.

Второй метод изучения агрессии в лабораторных условиях строится на наблюдении за поведением испытуемого, совершающего *нападение на неодушевленный объект* (например, на надувную куклу Бобо). Такие процедуры особенно эффективны при изучении процесса усвоения индивидом агрессивных моделей поведения. Однако, когда цель исследования — выявление факторов, способствующих актуализации этих, уже усвоенных реакций, их ценность незначительна.

Еще один метод лабораторного изучения агрессии основан на *безвредной атаке* пассивной живой мишени. Поскольку действия испытуемых при таких нападениях сильно напоминают действия, совершаемые агрессорами в реальных условиях, а сами испытуемые имеют полную свободу выбора относительно того, как вести себя с жертвой — агрессивно или неагрессивно, подобные процедуры обладают определенными достоинствами. Отрицательный момент использования подобных процедур — в некоторой вероятности того, что жертве все-таки может быть причинен реальный вред, и того, что испытуемые могут расценивать свои действия как игровые.

Гораздо более распространены лабораторные методы изучения физической агрессии, основанные на том, что испытуемые, сознательно введенные в заблуждение экспериментаторами, *действуют, искренне веря в то, что они могут каким-то образом причинить реальный вред другому человеку,* хотя на самом деле это не так. Существует несколько различных версий таких процедур. В процедурах, применявшихся Бассом, испытуемые «наказывали» другого человека (в действительности ассистента экспериментатора) разрядом электротока всякий раз, когда тот допускал запланированную ошибку при выполнении заведомо некорректно сформулированного задания. В экспериментах Берковитца, в основе которых лежит аналогичная процедура, испытуемые назначали другому человеку наказание в виде электрических разрядов различной мощности, оценивая таким образом успешность выполнения «учеником» данного ему задания. Наконец, в процедурах Тэйлора пары испытуемых участвовали в соревнованиях на время реакции, и после каждой попытки проигравший получал удар током. Поскольку мощность удара, получаемого проигравшим, определяли сами испытуемые, то она и служила показателем уровня агрессии.

СТАНОВЛЕНИЕ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Данная глава посвящена анализу факторов, обусловливающих развитие агрессивного поведения. В основном нас будет интересовать то, как люди приобретают склонность действовать агрессивно по отношению к другим. Поскольку большинство исследований на предмет возникновения в поведенческом репертуаре агрессивных реакций фокусируются на том, каким образом маленькие дети усваивают модели агрессивного поведения, центральной темой настоящей главы будет детская агрессивность. Но речь пойдет не об эволюции агрессивного поведения на протяжении жизни, а скорее о возникновении и закреплении агрессивных реакций. Какие факторы, связанные с образом жизни, семьей и ранними детскими переживаниями, могут предопределить последующую агрессивность человека?

Многие идеи и концепции, изложенные в данной главе, мы будем рассматривать на примере поведения некоего гипотетического ребенка.

Представьте себе 4-летнего мальчика по имени Мартин, недавно вместе с родителями иммигрировавшего в США. Отец и мать хотят, чтобы основным языком ребенка остался их родной язык, поэтому дома по-английски с ним говорят крайне редко. Подобное родительское решение создает для мальчика вполне определенные трудности в общении с другими детьми и взрослыми, ибо большинство из них англоговорящие. В основном Мартин объясняется с помощью мимики и жестов. Его родители нашли работу (впрочем, как и жилье) в маленьком курортном пансионате. Большую часть дня им приходится работать, чтобы обжиться на новом месте. Иногда Мартин «помогает» папе ремонтировать курортное оборудование или бегает вместе с мамой «на посылках», но, как правило, родителям не до него, и он играет в одиночестве без всякого присмотра.

Проблемы возникли чуть ли не в первый же день после приезда: он показывал язык гостям и воевал (дрался, кусался и плевался) с персоналом. Маломальский интерес у мальчика вызвал ребенок одного из постояльцев — с момента его приезда Мартин стал повсюду ходить за малышом. Хотя общаться друг с другом дети практически не могли, Мартину, казалось, доставляет удовольствие играть с другим ребенком. Однако уже через день он начал отнимать у малыша игрушки. Одним из первых и самых любимых английских слов Мартина оказалось слово «заткнись».

Заметив, что их сын обладает способностью разрушать все на своем пути, родители попросили своих коллег и постояльцев шлепать его, когда он плохо себя ведет или им мешает. Они сказали: «Пожалуйста, наказывайте его, не задумываясь».

Мартина уже можно считать агрессивным ребенком. То, что он кусается, плюется и дерется, можно расценивать как поведение, направленное на причинение вреда другим. Из-за чего маленький ребенок ведет себя так деструктивно? Есть ли опасность, что подобное поведение укоренится, или это «чисто возрастное»? Какова вероятность, что в подростковом возрасте у Мартина будут конфликты с законом?

УСВОЕНИЕ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Дети черпают знания о моделях агрессивного поведения из трех основных источников. *Семья* может одновременно демонстрировать модели агрессивного поведения и обеспечивать его подкрепление. Вероятность агрессивного поведения детей зависит от того, сталкиваются ли они с проявлениями агрессии у себя дома. Агрессии они также обучаются при взаимодействии со *сверстниками,* зачастую узнавая о преимуществах агрессивного поведения во время игр. И наконец, дети учатся агрессивным реакциям не только на *реальных примерах* (поведение сверстников и членов семьи), но и на *символических*, предлагаемых масс-медиа. В этом разделе мы рассмотрим действие каждого из трех источников.

СЕМЕЙНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

«Агрессивные дети, как правило, вырастают в семьях, где дистанция между детьми и родителями огромна, где мало интересуются развитием детей, где не хватает тепла и ласки, отношение к проявлениям детской агрессии безразличное или снисходительное, где в качестве дисциплинарных воздействий вместо заботы и терпеливого объяснения предпочитают силовые методы, особенно физические наказания» (Perry, Bussey, 1984).

Именно в лоне семьи ребенок проходит первичную социализацию. На примере взаимоотношений между членами семьи он учится взаимодействовать с другими людьми, обучается поведению и формам отношений, которые сохранятся у него в подростковом периоде и в зрелые годы. Реакции родителей на неправильное поведение ребенка, характер отношений между родителями и детьми, уровень семейной гармонии или дисгармонии, характер отношений с родными братьями или сестрами — вот факторы, которые могут предопределять агрессивное поведение ребенка в семье и вне ее, а также влиять на его отношения с окружающими в зрелые годы.

Полные и неполные семьи

Прежде чем обратиться непосредственно к семейным взаимоотношениям, следует отметить, что такая характеристика семьи, как «полная или неполная», представляется связанной с агрессивностью детей. Эта характеристика квалифицирует как раз те самые составляющие семейной обстановки, которые связываются со становлением агрессивности, — один или оба родителя живут с ребенком под одной крышей (Goetting, 1989) и каков характер отношений между ними (Peek, Fischer & Kidwell, 1985). Например, Геттинг (Goetting, 1989) обнаружил, что малолетние убийцы зачастую происходят из неполных семей. Мак-Карти (McCarthy, 1974) сообщает, что малолетние убийцы, как правило, происходят из «семей, где царит атмосфера беспорядка и безмолвия, где безразличие к чувствам других часто идет рука об руку с физической жестокостью и недостаточной поддержкой и заинтересованностью» в жизни ребенка. Чтобы лучше понять, почему возможно говорить о корреляции между детской агрессивностью в полных—неполных семьях, ниже мы рассмотрим более специфические аспекты семейных отношений, которые могут объяснить эту взаимосвязь.

Отношения «родители—ребенок»

Несколько исследований продемонстрировали зависимость между негативными взаимоотношениями в паре «родители—ребенок» и агрессивными реакциями со стороны ребенка. Если у детей (независимо от того, к какой возрастной группе они принадлежат) плохие отношения с одним или обоими родителями, если дети чувствуют, что их считают никуда не годными, или не ощущают родительской поддержки, они, возможно, окажутся втянутыми в преступную деятельность (Hanson, Henggeler, Haefele & Rodick, 1984); будут ополчаться на других детей (Jones, Ferreira, Brown & Macdonald, 1979); сверстники будут отзываться о них как об агрессивных (Eron, Walder, Huesmann & Lefkowitz, 1978; Lefkowitz, Eron, Walder & Huesmann, 1977); будут вести себя агрессивно по отношению к своим родителям (Peek et al., 1985). Штайнметц (Steinmetz, 1977) сообщает, что для людей, совершавших заказные политические убийства (или покушения), характерно происхождение из распавшихся семей, где родителям было не до ребенка. Женщины, на которых в детстве их собственные матери обращали не так много внимания и которые не получили от родителей необходимой поддержки, склонны применять карательные меры воспитания (например, браниться, шлепать) и срывать гнев на своих детях (Crockenberg, 1987).

Убедительно демонстрируют специфическую зависимость между ответственностью родителей и агрессивностью детей результаты эксперимента Джонса и др. (Jones et al., 1979). Исследователи наблюдали в лабораторных условиях, как общаются со своими мамами и другими детьми дети в возрасте 15, 21 и 39 месяцев. Среди множества различных параметров измерялось время, через которое мать берет ребенка на руки, после того как он заплакал или протянул к ней руки; фиксировалось также агрессивное поведение, направленное на других (например, удары, укусы, толчки, стремление отобрать какой-либо предмет). Дети, к которым матери не торопились подходить, вели себя более агрессивно, чем те, чьи матери быстро реагировали на плач или приглашение к контакту.

Согласно *теории привязанности,* маленькие дети различаются по степени ощущения безопасности в своих взаимоотношениях с матерью (Ainsworth, 1979; Perry, Perry & Boldizar, 1990; Sroufe, 1993). У надежно привязанного ребенка в прошлом — надежное, устойчивое и чуткое отношение со стороны матери; он склонен доверять другим людям, имеет довольно хорошо развитые социальные навыки. Ненадежно привязанный или тревожащийся по поводу своей привязанности ребенок будет либо резистентным, либо избегающим. *Тревожный избегающий* ребенок в общем и целом избегает своей воспитательницы. Такие дети несговорчивы и сопротивляются контролю. *Резистентный* ребенок расстраивается при разлуке с матерью, а ей нелегко его успокоить при новой встрече. Такие дети проявляют физическую агрессию, импульсивны, для них характерны эмоциональные вспышки. Кон (Cohn, 1990) сообщает, что ненадежно привязанные дети оценивались своими сверстниками как участвующие в большем числе драк, чем надежно привязанные.

Взаимоотношения с братьями и сестрами

Изучая последствия родительского вмешательства в драки между детьми в семье, Фельсон (Felson, 1983) обнаружил, что дети проявляют больше физической или вербальной агрессии против единственного брата или сестры, чем против *всех*

остальных детей, с которыми они общаются. Очевидно, взаимоотношения ребенка с братом или сестрой являются основополагающими для научения агрессивному поведению.

Используя шкалу конфликтов Штрауса (Straus, 1990), которая детально описана в главе 2, Галли и др. (Gully et al., 1981) собрали у студентов колледжей сведения о насилии в их семьях. Они интересовались отношениями «до того момента, пока вы не стали взрослыми» между родителями, между родителями и детьми, а также между детьми, включая самих испытуемых. Респондентов просили также спрогнозировать вероятность того, что они будут вести себя агрессивно в нескольких гипотетических ситуациях. Результаты исследования подтвердили тезис, что наличие или отсутствие насилия во взаимоотношениях между братьями—сестрами позволяет предсказать индивидуальный уровень агрессивности каждого из них. Как оказалось, существует сильная корреляция между выраженностью агрессивных отношений между детьми в одной семье (испытуемого к брату или сестре, брата или сестры к испытуемому, братьев и сестер между собой) и прогнозом испытуемым своей собственной агрессивности, а по сообщениям о насилии испытуемого по отношению к брату или сестре можно предсказать другие аспекты агрессивного поведения. Исследователи подчеркивают важность взаимоотношений между братьями и сестрами для развития агрессии: «...исходя из этих данных представляется, что наличие насилия во взаимоотношениях между детьми в одной семье... оказывает большее, чем все прочие семейные взаимоотношения, влияние на социализацию индивида, результатом которой становится усвоение силовых моделей поведения».

Паттерсон (Patterson, 1984) сообщает, что «...братья и сестры — это учителя... в том самом процессе, который разрушает им жизнь». Он обнаружил, что братья и сестры агрессивных детей более склонны отвечать на нападение контратакой, чем братья и сестры обычных детей — что повышает вероятность продолжения и эскалации силового противостояния.

СТИЛЬ СЕМЕЙНОГО РУКОВОДСТВА

Аспект семейных взаимоотношений, вызывающий наибольший интерес социологов, — это характер *семейного руководства*, то есть действия родителей, имеющие своей целью «наставить детей на путь истинный» или изменить их поведение. Некоторые родители вмешиваются редко: при воспитании они сознательно придерживаются политики невмешательства — позволяют ребенку вести себя как он хочет или просто не обращают на него внимания, не замечая, приемлемо или неприемлемо его поведение. Другие же родители вмешиваются часто, либо поощряя (за поведение, соответствующее социальным нормам), либо наказывая (за неприемлемое агрессивное поведение). Иногда родители непреднамеренно поощряют за агрессивное поведение или наказывают за принятое в обществе поведение. Намеренное или ненамеренное, но подкрепление существенно предопределяет становление агрессивного поведения.

Изучение зависимости между практикой семейного руководства и агрессивным поведением у детей сосредоточилось на характере и строгости *наказаний*, а также на *контроле* родителей поведения детей. В общем и целом выявлено, что жестокие наказания связаны с относительно высоким уровнем агрессивности у

детей (Eron & Huesmann, 1984; Olweus, 1980; Trickett & Kuczynski, 1986), а недостаточный контроль и присмотр за детьми коррелирует с высоким уровнем асоциальности, зачастую сопровождающимся агрессивным поведением (Loeber & Dishion, 1983; Petterson & Stouthamer-Loeber, 1984).

Наказания

Эрон и его коллеги (Eron & Huesamnn, 1984; Eron, Walder, Toigo & Lefkowitz, 1963; Lefkowitz, Eron, Walder & Huesmann, 1977) провели лонгитюдное исследование зависимости ряда параметров и становления агрессии. Они собирали сведения у испытуемых, их родителей и сверстников три раза — в первый раз, когда испытуемые были в третьем классе, затем спустя 10 лет, а затем еще через 22 года. В этой главе мы обсудим многие из этих результатов. А теперь рассмотрим данные о взаимосвязи наказаний и агрессивности.

В первом эксперименте серии участвовало свыше 800 третьеклассников (Eron et al., 1963). Уровень агрессивности того или иного ребенка определялся по отзывам одноклассников — всех детей просили перечислить учеников, для которых характерно агрессивное поведение (например тех, «кто пихается и толкается»). Строгость наказаний измерялась по ответам родителей на 24 вопроса о том, как они обычно реагируют на агрессивное поведение своего ребенка. В целом к лояльным наказаниям относили просьбы вести себя по-другому и поощрения за изменение поведения, к умеренным — выговоры и брань, а такие способы физического реагирования, как шлепки и подзатыльники, рассматривали в качестве строгих наказаний. Эрон и другие (Eron, 1963) обнаружили, что дети, подвергавшиеся строгим наказаниям, характеризовались своими сверстниками как более агрессивные.

Воздействие наказаний представляется довольно длительным. Последующие эксперименты с теми же самыми детьми выявили, что суровость наказаний, применявшихся к детям, когда им было 8 лет, коррелировала с агрессивностью их поведения в 18- и 30-летнем возрасте. Лефковитц и другие (Lefkowitz et al., 1977) сообщают, что наименее агрессивные 18-летние юноши были как раз из числа тех, кого в 8 лет родители наказывали умеренно. «Когда родители слишком снисходительно или слишком сурово относятся к агрессивности своих сыновей, эти мальчики в позднем подростковом возрасте склонны быть более агрессивными». Эрон и Хьюсман (Eron & Huesmann, 1984) сообщают, что суровость наказаний в 8-летнем возрасте положительно коррелирует с оценкой собственной агрессивности в возрасте тридцати лет и с суровостью, с которой испытуемые наказывают своих собственных детей.

Контроль

Паттерсон и Стаутхамер-Лебер (Patterson & Stouthamer-Loeber, 1984) изучали зависимость между характером семейного руководства и асоциальностью. Исследователи проанализировали взаимоотношения в семьях более чем двухсот мальчиков из четвертого, седьмого и десятого класса. Они обнаружили, что два параметра семейного руководства — *контроль* (степень опеки и осведомленности о своих детях) и *последовательность* (постоянство в предъявляемых требованиях и методах дисциплинарного воздействия) связаны с количеством приводов ребенка в полицию и с его личной оценкой собственного образа жизни по отношению к

социальным нормам. При этом сыновья родителей, которые не следили за их поведением и были непоследовательны в наказаниях, как правило, вели себя асоциально. Паттерсон и Стаутхамер-Лебер так резюмируют свои данные:

> *«Кажется, что родители асоциальных детей безразличны к их времяпрепровождению, к сорту их компаний и роду занятий... такие родители менее склонны в качестве наказания запрещать ребенку делать то, что ему бы очень хотелось, или не давать ему денег на карманные расходы... Если они вообще обратят на это внимание, то наиболее вероятны нотации, брань и угрозы; в любом случае эти придирки не приведут к эффективным результатам».*

Другие факторы

Наряду с прямыми поощрениями и наказаниями родители преподают своим детям урок на тему агрессивности непосредственной реакцией на детские взаимоотношения. В нескольких экспериментах изучался эффект от вмешательства родителей при агрессии между братьями-сестрами (Bennett, 1990; Dunn & Munn, 1986; Felson, 1983; Felson & Russo, 1988). Фельсон и Руссо (Felson & Russo, 1988) утверждают, что подобный шаг со стороны родителей может на самом деле потворствовать развитию агрессии. Поскольку младшие дети на правах более слабых могут ожидать, что родители примут их сторону, они не колеблясь вступают в конфликт с более сильным противником. Подобное вмешательство родителей приводит к тому, что младшие дети первыми выходят на тропу войны и в течение длительного времени держат осаду старших братьев или сестер. Отсюда несколько неожиданный вывод — «без родительского вмешательства агрессивные взаимоотношения между их детьми редки по причине неравенства сил, обусловленного разницей в возрасте». Свыше трехсот учащихся начальной школы (у которых был по крайней мере один брат или сестра) и их родители были опрошены на предмет того, каким *образом родители наказывают детей* за драку, как часты в их семье случаи *вербальной и физической агрессии* и кто из детей бывает *зачинщиком*. Исследователи обнаружили, что младшие братья или сестры чаще начинают драку. Кроме того, как показано на рис. 3. 1, дети редко ведут себя агрессивно, если родители не наказывают никого из детей, и часто проявляют агрессию, если наказывают старших. Мы снова получили свидетельства того, что наказание увеличивает вероятность возникновения агрессии.

Паттерсон (Patterson, 1984) получил сходные результаты относительно вмешательства родителей в ссоры их детей и выдвинул гипотезу о способах уменьшения вероятности подкрепления агрессивного поведения. Специалисты Орегонского центра социального обучения (где Паттерсон проводил свое исследование) предложили относиться к агрессии между сибсами следующим образом: «Если можете, игнорируйте ее. Если не можете игнорировать, применяйте для ее прекращения эффективные наказания (например, “удаление с поля брани”)». Итак, игнорируя или наказывая агрессивное поведение, родители избегают подкреплять поведение, с которым хотят покончить.

Резюме

Этот обзор взаимосвязи между стилем семейного руководства и агрессивным поведением позволяет прийти к заключению, что и вседозволенность (в смысле

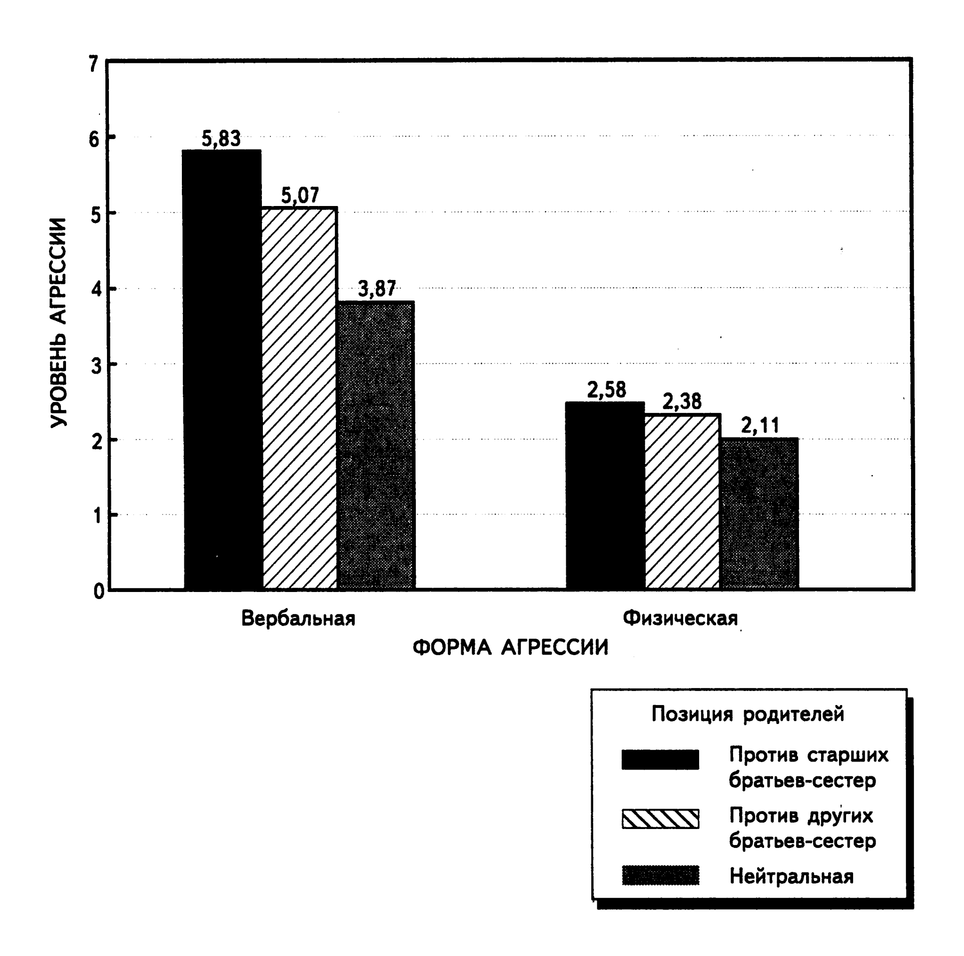

Рис. 3. 1. Фельсон и Руссо (Felson & Russo, 1988) обнаружили, что агрессия между братьями и сестрами в одной семье встречается наименее часто, если родители не вмешивались ранее в ссоры детей.

отсутствия контроля за поведением ребенка), и слишком суровые наказания способствуют повышению уровня агрессивности ребенка. Отчет Лефковитца и его коллег (Lefkowitz et al., 1977) о нелинейности функциональной зависимости между суровостью наказания и агрессивностью, кажется, наглядно отражает характер взаимосвязи этих переменных. Однако эти данные в некотором роде являются чисто эмпирическими, то есть не позволяют *объяснить* корреляцию этих двух переменных.

Хотя существуют заслуживающие внимания свидетельства о связи между различными характеристиками семьи и возможностью развития агрессивного поведения, ее причинно-следственная направленность неясна. Так, родители маленького Мартина, в ответ на его агрессивное, вспыльчивое поведение, могут применять суровые физические наказания или мать может начать холодно относиться к нему. С другой стороны, Мартин может быть агрессивным и вспыльчивым ребенком, ибо мать его игнорирует, а применение родителями физических наказаний научило его вести себя агрессивно, чтобы суметь отстоять свои интересы.

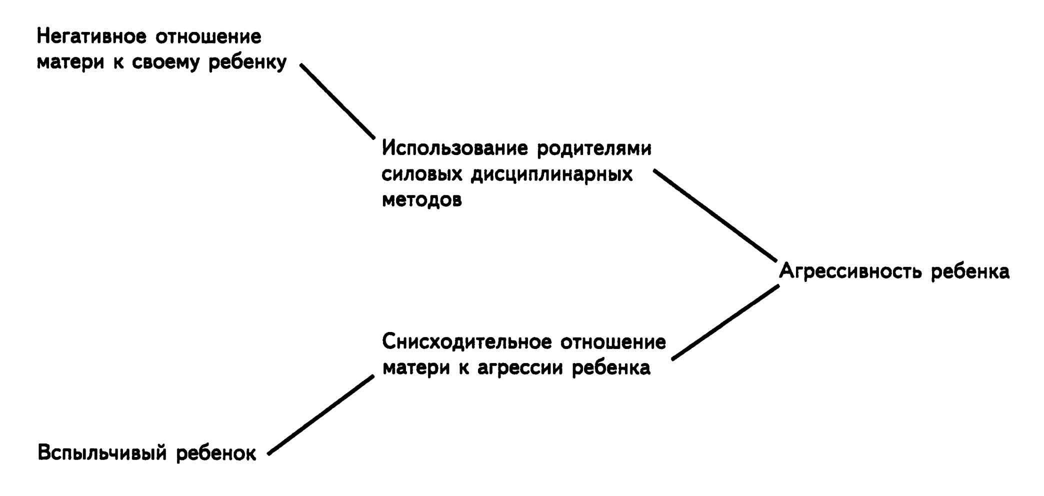
МОДЕЛИ СЕМЕЙНОГО ВЛИЯНИЯ

Существуют два теоретических подхода, позволяющие прояснить характер причинной зависимости между стилем семейного руководства и детской агрессивностью. Олуэйз (Olweus, 1980) искал однозначную причинную зависимость между этими параметрами, исследуя постоянные и переменные величины. Паттерсон с коллегами разработал модель семейных взаимоотношений, основанных на принуждении, объясняющую, каким образом негативные семейные взаимоотношения приводят к агрессивному поведению ребенка.

Олуэйз (Olweus, 1980) работал над проблемой причинности, используя статистический метод, раскрывающий причинную связь переменных (*регрессионный анализ*), чтобы выявить как влияние ребенка на поведение родителей, так и влияние родителей на поведение ребенка. Агрессивность ребенка определялась по оценкам его сверстников. При опросе родителей измерялись четыре параметра, теоретически и эмпирически связанные с детской агрессивностью: 1) *негативизм матери* — враждебность, отчужденность, холодность и безразличие к ребенку; 2) *терпимое отношение матери к проявлению ребенком агрессии* по отношению к сверстникам или членам семьи; 3) *применение родителями силовых дисциплинарных методов* — физических наказаний, угроз, скандалов; 4) *темперамент* ребенка — уровень активности и вспыльчивость.

На рис. 3. 2 представлены результаты регрессионного анализа на основе данных по трем различным выборкам шведских школьников. В целом возбудимые мальчики, выросшие в жесткой и неблагоприятной семейной обстановке, относительно часто оценивались сверстниками как агрессивные. Негативное отношение матери к ребенку коррелировало с применением силовых дисциплинарных методов, которые в свою очередь вызывали агрессивное поведение ребенка. Сходным образом темперамент ребенка был связан со снисходительным отношением матери к проявлениям агрессии. «Импульсивный и энергичный мальчик» своими поступками может просто утомлять свою мать, поэтому она не в состоянии уде-

Рис. 3. 2. Модель становления агрессии по Олуэйзу (Olweus, 1980) учитывает значимость как темперамента ребенка, так и поведения родителей.

лить должного внимания проявлениям агрессии, что в целом повышает вероятность дальнейшего развития агрессивного поведения. Олуэйз (Olweus, 1980) отметил, что из изученных им четырех факторов, являющихся предтечей агрессивности:

> *«Негативизм матери и ее терпимость к агрессии имеют наибольший каузальный эффект... из ребенка, к которому проявляется слишком мало интереса и которому достается слишком мало материнской любви, которому предоставлено слишком много свободы и для которого введено слишком мало ограничений на агрессивное поведение, скорее всего вырастет агрессивный подросток».*

Паттерсон и его коллеги (Patterson, 1986; Patterson, DeBaryshe & Ramsey, 1989) разработали базовую модель связи между характером семейного руководства и агрессивностью, благодаря которой мы можем глубже понять процессы, обусловливающие зависимость между этими параметрами. Одна из сторон модели — *незрелые методы регулирования дисциплины,* означающие, что в некоторых случаях родители могут игнорировать отклоняющееся поведение ребенка или позволять ему вести себя подобным образом, тогда как в других случаях могут угрожать физическими наказаниями, не осуществляя свои угрозы. В следующий раз они могут «взорваться» и повести себя агрессивно (например, отшлепать ребенка или задать ему взбучку). Иными словами, родители непредсказуемы и непоследовательны в выборе наказаний за неприемлемое поведение. Такие незрелые методы регулирования дисциплины подготавливают почву для усвоения ребенком силовой тактики отстаивания своих интересов.

Характер семейного руководства в мире гипотетического маленького Мартина — яркий пример подкрепления родителями агрессивного поведения. Они считают, например, что их сын пьет слишком много прохладительных напитков, но Мартин, как и большинство детей, не согласен с этим. Поэтому он хнычет и жалуется, когда ему отказываются дать газировки. Его родители или начинают над ним подшучивать (не потому ли, что он просто очарователен, когда расстраивается?), или уступают, потому что они «его пожалели». Таким образом, маленький Мартин делает вывод, что иногда может получить то, что хочет, если похнычет, а неприемлемое поведение получает подкрепление. У Мартина есть еще один способ добывать газировку — он «одалживает» деньги в комнатах клиентов. Его родители снисходительно относятся к такому повороту дел и разрешают ему пить газировку на деньги, добытые таким способом (они возмещают деньги, «одолженные» Мартином), тем самым снова подкрепляя неприемлемое поведение. Мартину достается благосклонное внимание родителей *плюс* содовая, когда он берет чужие деньги. Если мать Мартина пытается сделать ему выговор или поговорить на тему, «как нужно себя вести», он начинает визжать, плакать и кусаться. Это ее останавливает. И неприемлемое поведение снова получает подкрепление. Все эти ситуации являются подкреплением для агрессивного поведения Мартина. Он усваивает, что с помощью агрессивного, «выкручивающего руки» поведения может добиться желаемого, поэтому наверняка будет и позже применять такую тактику в других ситуациях. Если оказываемое им давление и неподчинение не приводят к нужному результату, Мартин обычно начинает раздувать конфликт (например, если плач не помогает, начинает кусаться или драться), пока не добьется своего.

Как показано на рис. 3. 3, такой стиль взаимодействия с людьми скорее всего окажется во многих ситуациях вредным для маленького Мартина. Паттерсон (Patterson, 1986) объясняет воздействие такого порочного базового воспитания:

«Каждый ребенок имеет право быть любимым, но ему может быть отказано в этом праве, если родителям не хватит умения сначала научить ребенка быть в меру уступчивым и неагрессивным. Существует риск, что стиль общения, который зиждется на силе, завершив цикл своего развития, превратит ребенка в отверженного в среде сверстников, отстающего в школе и позволит развить поведенческие умения до необходимого уровня. Дети из семей, не обучающих уступчивости, агрессивны и вспыльчивы. От них отворачиваются родители, приятели, да и у самого ребенка складывается весьма негативный образ самого себя».

Если родителям не хватает умения научить ребенка следовать определенным правилам поведения, его манерой становятся неподчинение и пущенные в ход кулаки. Этот стиль становится доминирующим в отношениях с людьми. Например, неподчинение Мартина фактически означает то, что он не обучается требуемым социальным и поведенческим умениям у сверстников или учителей. Так как эти навыки не получают должного развития, а его реакциями остаются агрессия и принуждение, скорее всего он будет плохо учиться, а сверстники отвернутся от него.

Рис. 3. 3. Паттерсоновская модель семейных взаимоотношений, основывающихся на принуждении, демонстрирует паттерн отношений «родитель—ребенок» — источник всех грядущих проблем маленького Мартина. Он учится принуждению и неуступчивости вообще, так как родители не в состоянии следить за его поступками или контролировать его поведение. А стиль взаимодействия с другими, характеризующийся неуступчивостью со стороны ребенка и его желанием принудить других к выполнению чего-либо, вызовет трудности в разнообразных социальных ситуациях и в конечном счете может привести к отклоняющемуся или асоциальному поведению.

ОСОБОЕ ПРИМЕЧАНИЕ О НАКАЗАНИЯХ

Попытки сдерживать агрессивное поведение ребенка с помощью физических наказаний зачастую напоминают метание бумеранга. Как отмечено в разделе о стиле семейного руководства, попытки свести агрессию на нет или хотя бы контролировать ее проявления с помощью суровых наказаний фактически являются подкреплением и могут потворствовать агрессивному поведению и увеличивать уровень демонстрируемой агрессии (Buss, 1961; Olweus, 1980; Sears, Maccoby & Levin, 1957; Trickett & Kuczynski, 1986). Действительно, проблема наказания и его роли в снижении уровня агрессивности является одной из самых противоречивых в области исследования агрессивного поведения человека. Эффективность наказаний мы детально обсудим в главе 9, когда речь пойдет о способах контроля агрессивного поведения. А сейчас рассмотрим вкратце достоинства и недостатки наказания как средства, применяемого родителями для социализации детей. Разумеется, важнейшая составляющая социализации — регулирование агрессивного поведения.

Под *наказанием* мы будем подразумевать крайние формы физического наказания, если не оговорено другое. Про родителей, прибегающих к подобным средствам, мы будем говорить, что они применяют силовые методы поддержания дисциплины, основанные на их большей силе или власти.

Вред, который могут причинить наказания

Использование физических наказаний как средства воспитания детей в процессе социализации скрывает в себе ряд специфических «опасностей». Во-первых, родители, наказывающие детей, фактически могут оказаться для тех *примером агрессивности* (Bandura, 1986; Buss, 1961; Gelfand, Hartmann, Lamb, Smith, Mahan & Paul, 1974; Perry & Bussey, 1984). В таких случаях наказание может провоцировать агрессивность в дальнейшем. Например, если маленький Мартин бьет своего приятеля, родители могут наказать его, шлепая и крича: «Я тебе покажу, как бить других детей!». Мартин в этом случае может сделать вывод, что агрессия по отношению к окружающим допустима, но жертву всегда нужно выбирать меньше и слабее себя. В общем, Мартин узнает, что физическая агрессия — средство воздействия на людей и контроля над ними, и будет прибегать к нему при общении с другими детьми.

Во-вторых, дети, которых слишком часто наказывают, будут стремиться избегать родителей или оказывать им сопротивление (Bandura, 1986; Perry & Bussey, 1984; Tricket & Kuczynski, 1986). Если они «не сгибаются» под ударами «карающих мечей», вряд ли потом они усвоят другие, не такие горькие уроки, которые помогли бы им социализироваться. Вдобавок, как показывает модель Паттерсона (рис. 3. 3), подобное аверсивное обращение может в конце концов привести ребенка в компанию «людей, демонстрирующих и одобряющих чрезвычайно рискованное поведение, которое действительно должно быть наказано» (Bandura, 1986).

В-третьих, если наказание слишком возбуждает и расстраивает детей, они могут забыть причину, породившую подобные действия (Perry & Bussey, 1984). Фактически стратегия социализации в этом случае мешает усвоению правил приемлемого поведения. Если после сурового наказания Мартин расстроен или рассержен, он из-за боли может забыть, за что его наказали.

И наконец, дети, изменившие свое поведение в результате столь сильного внешнего воздействия, скорее всего не сделают нормы, которые им пытаются привить, своими внутренними ценностями. То есть они повинуются только до тех пор, пока за их поведением наблюдают. Возможно, эти дети так никогда и не примут правил приемлемого в обществе поведения, тех правил, которые предотвратили бы необходимость наказаний в дальнейшем (Trickett & Kuczynski, 1986). По сути дела, наказание *заставляет скрывать внешние проявления* нежелательного поведения,но не *устраняет* его (Bandura, 1973).

Эффективные наказания

Хотя наказание и дает порой нежелательные эффекты, тем не менее порой оно может оказаться действенным средством модификации поведения. Результаты экспериментов и исследовательских программ свидетельствуют, что наказание может вызывать устойчивые изменения в поведении, если применяется в соответствии с определенными принципами (Agnew, 1983; Blanchard & Blanchard, 1983; Peed, Roberts & Forehand, 1977).

Наказание должно быть напрямую связано с поведением ребенка, с тем чтобы акт наказания регулярно и с высокой вероятностью осуществлялся после совершения проступка. Временной разрыв между неприемлемым действием и наказанием должен быть минимален, так как наказание непосредственно после проступка предполагает большую важность запрета определенной модели поведения и является более действенным, чем отсроченное, когда в течение некоторого времени не делается никаких замечаний и оценок нежелательных действий. Кроме того, немедленное наказание приносит неприятности до того, как нарушитель сможет осознать удовольствие от совершенного проступка. «Чистое наказание убеждает в большей степени, чем наказание, к ощущениям от которого примешивается удовольствие от совершенного проступка» (Bandura, 1986).

Выше, в разделе о стилях семейного руководства, мы отмечали, что у ребенка непоследовательные наказания ассоциируются с агрессией. Родители, которые грозятся наказать, но не осуществляют свои угрозы на практике, по сути дела учат ребенка игнорировать их самих. Тот, кто сотрясает словами воздух — предъявляет негативные вербальные стимулы или постоянно командует ребенком — неумышленно дает ему понять, что команды и угрозы не имеют большого значения (Blanchard & Blanchard, 1986). Наказание окажется наиболее эффективным, если его будут применять последовательно, то есть за одно и то же нарушение всегда будет назначаться одна и та же санкция; нельзя один раз наказать за проступок, а в другой раз — проигнорировать подобное поведение.

И наконец, предлагая альтернативу поведению, за которое ребенок был наказан, вы закладываете фундамент будущих поощрений (Bandura, 1973). Вдобавок, разъясняя, какой поступок повлек за собой наказание и рассматривая возможные альтернативы поведения, вы не создаете барьеры, которые могут помешать осуществлению каких-либо действий вообще и желаемых в частности. Например, Мартин часто перебивает взрослых, когда те разговаривают. Если родители накажут его без объяснений, он, возможно, подумает, что ему просто запрещено говорить, и может стать робким и застенчивым, особенно в присутствии взрослых. Если же родители Мартина объяснят ему, что нельзя перебивать других людей, и будут отвечать ребенку, когда он потребует их внимания в подходящие моменты, тогда,

вероятно, он научится проявлять в аналогичных ситуациях адекватные социальные навыки.

Процедуры типа временной изоляции, хотя и относятся к наказаниям, означают отсутствие поощрения, а не демонстрацию неприязненного отношения, поэтому они не вызывают многих проблем, неизбежных при физических наказаниях (Bandura, 1986). Такие процедуры эффективны для модификации поведения непослушных и агрессивных детей (Blanchard & Blanchard, 1986). Когда ребенок ведет себя плохо, его на короткое время оставляют в одиночестве в тихой комнате.

«Ребенку должно быть четко разъяснено, почему в качестве наказания выбрана именно временная изоляция. Эта процедура дает ребенку понять, что отклоняющееся поведение не поощряется и не принимается и что пока он не научится себя вести, ему нельзя будет общаться с другими» (Perry & Bussey, 1984).

И наконец, любое наказание требует разъяснения, оно должно занимать определенную нишу в системе эмоциональных отношений между родителями и ребенком.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СО СВЕРСТНИКАМИ

Дети усваивают различные модели поведения (как приемлемые, так и неприемлемые социально) в ходе взаимодействия с другими детьми. И различные формы агрессивного поведения также возникают при общении со сверстниками. В этом разделе мы рассмотрим то, как ребенок, общаясь с другими детьми, приобретает навыки агрессивного поведения, и то, к каким последствиям приводит агрессивная реакция ребенка на сверстников.

Научение агрессивным действиям

Игра со сверстниками дает детям возможность научиться агрессивным реакциям (например, пущенные в ход кулаки или оскорбление). Шумные игры — в которых дети толкаются, догоняют друг друга, дразнятся, пинаются и стараются причинить друг другу какой-то вред — фактически могут оказаться сравнительно «безопасным» способом обучения агрессивному поведению. Дети говорят, что им нравятся их партнеры по шумным играм и они редко получают травмы во время таких игр (Humphrey & Smith, 1987).

Существуют также свидетельства, полученные при изучении детей, посещавших дошкольные учреждения, что частое общение со сверстниками может быть связано с последующей агрессивностью (Belsky & Steinberg, 1978; Haskins, 1985). Хаскинс (Haskins, 1985) сообщает, что дети, которые в течение пяти лет перед школой регулярно посещали детский сад, оценивались учителями как более агрессивные, чем посещавшие детский сад менее регулярно. Можно предположить, что дети, которые чаще «практиковались» в агрессивном поведении со сверстниками (например, в детском саду), успешнее усвоили подобные реакции и скорее способны применить их в других условиях (например, в школе).

Агрессия и социальный статус

Агрессивных детей сверстники не любят и часто навешивают на них ярлык «самых неприятных» (Dodge, 1983; Dodge, Coie & Brakke, 1982; Dubow, 1988; Har-

tup, Glazer & Charlesworth, 1967; Lyons, Serbin & Marchessault, 1988; McGuire, 1973; Perry, Kusel & Perry, 1988; Shantz, 1986). Кои и Купершмидт (Coie & Kupersmidt, 1983) исследовали зависимость между агрессивностью и социальным статусом на выборках знакомых между собой и незнакомых детей. Установив социальный статус учеников четвертых классов (основой послужили отзывы их одноклассников), исследователи пригласили мальчиков — как *знакомых* между собой (то есть все — из одного и того же класса), так и *незнакомых* (например, все — из разных школ) — после школьных занятий принять участие в командной игре. В полном соответствии с результатами других экспериментов, школьники, которые оценивались своими сверстниками как «самые неприятные», в общении со сверстниками чаще демонстрировали социальное поведение, как вербальное (угрозы, ругательства), так и физическое (удары, пинки), вызывающее неприязнь. Согласно сообщениям других членов их команд, «самые неприятные» проявляли также наибольшую неуживчивость и наибольшую готовность подраться. В большинстве случаев, независимо от того, играл ли ученик со знакомыми или незнакомыми ребятами, его социальный статус в игровой группе был таким же, как в классе. Хотя до сих пор нет адекватных данных, свидетельствующих о наличии жесткой причинно-следственной связи между агрессивностью и социальным статусом среди сверстников, этот эксперимент все-таки продемонстрировал, что и неприязнь сверстников, и агрессивность — параметры, сохраняющиеся в различных ситуациях, то есть, если ребенок агрессивен и нелюбим в школе, он скорее всего будет агрессивен и нелюбим и в другой окружающей обстановке.

Приведенные выше данные могли бы позволить нам предположить, что отвергаемый сверстниками ребенок должен быть весьма неприятным субъектом с малым количеством друзей.

Однако необязательно, что ребенка, к которому неприязненно относятся некоторые сверстники, будут игнорировать абсолютно все дети. Фактически ребенок, которого не принимает одна группа, может получать одобрение со стороны другой группы и, более того, играть в ней важную роль. Кэйрнс и его коллеги (Cairns, Cairns, Neckerman, Gest & Gariepy, 1988) утверждают, что агрессивные дети будут включены в социальные группы с такой же вероятностью, как и их неагрессивные сверстники, но при этом агрессивные дети попадут в группы, состоящие из таких же агрессивных детей. Исследователи, проведя опрос и тестирование свыше 600 учащихся четвертых и седьмых классов, обнаружили, что школьников и школьниц с высоким уровнем агрессии называло в качестве своих лучших друзей такое же количество сверстников, что и менее агрессивных; их так же часто называли членами социальных групп. Тем не менее, как и предполагалось, агрессивные дети склонны объединяться со столь же агрессивными сверстниками. Резюмируя, скажем, что:

> *«...неприязнь со стороны отдельно взятых сверстников не означает отвержения целым обществом или полную изоляцию от социальных структур. От подростков с высоким уровнем агрессии могут отворачиваться многие одногодки, но отношения, которые устанавливаются у агрессивных подростков с некоторыми сверстниками, представляются не менее важными, чем отношения неагрессивных» (Cairns & others, 1988).*

Итак, взаимоотношения маленького Мартина со сверстниками скорее всего будут очередными уроками на предмет эффективности агрессивного поведения.

Также, вполне вероятно, он может обнаружить, что ему нелегко стать членом социальной группы и что чаще всего ему приходится играть с довольно агрессивными детьми.

ДЕМОНСТРАЦИЯ МОДЕЛЕЙ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ВЛИЯНИЕ НАБЛЮДАЕМОЙ СО СТОРОНЫ АГРЕССИИ

Одно из классических открытий социальной психологии — возможно, *самое классическое* — то, что на людей зачастую сильно влияют поступки или слова окружающих. Рассмотренная ранее в этой главе литература лишь подтверждает данный тезис. Мы отмечали, что слова и поступки членов семьи и сверстников ребенка, оказывающих мощное, хотя обычно и нецеленаправленное, воздействие на его агрессивность, влияют на становление его агрессивного поведения. Например, когда один из родителей наказывает ребенка, он хочет лишь «преподать урок», не желая, разумеется, научить его агрессивному поведению. Таким образом, слова и поступки членов семьи и сверстников, способствующие проявлениям агрессии, часто неумышленны.

В данном разделе мы рассмотрим еще один вид такого неумышленного влияния — *личный пример*, а особое внимание уделим вопросу, может ли наблюдение за крайне агрессивным поведением выработать сходную модель поведения у наблюдателя? Мы рассмотрим эффект воздействия «живых примеров» (то есть реальных людей), обсудим, каким образом жертва агрессии получает возможность наблюдать агрессивное поведение и ему подражать, и, наконец, уделим немалое внимание важному и спорному вопросу: оказывают ли средства массовой информации значительное влияние на агрессивность детей.

Прежде чем рассматривать конкретные результаты исследований данной проблемы, поговорим о том, каким образом примеры поведения могут воздействовать на нас и какие скрытые психологические процессы за это ответственны. Всю сумму влияния, которое оказывает наблюдение насильственного поведения на свидетеля, обычно можно разложить на четыре важнейших слагаемых. Во-первых, очевидно, что человек, ставший свидетелем насилия, зачастую открывает для себя новые грани агрессивного поведения, то есть обучается вербальным и физическим реакциям, которые ранее отсутствовали в его поведенческом репертуаре и посредством которых можно причинять вред окружающим. Такое *обучение посредством наблюдения* — хорошо изученный феномен, которому давно отводится главная роль в объяснениях воздействия примеров насильственного поведения (Bandura, 1977; Green, 1983).

Во-вторых, индивидуум, наблюдающий агрессивные действия других, зачастую может кардинально пересмотреть поставленные ранее им самим ограничения подобного поведения, рассуждая, что если другие безнаказанно проявляют агрессию, то, значит, и ему позволительно то же самое. Этот эффект *снятия запретов* может увеличить вероятность проявления агрессивных действий со стороны наблюдателя, более того, постоянное наблюдение сцен насилия способствует постепенной *утрате эмоциональной восприимчивости* к агрессии и к признакам чужой боли (Cline, Croft & Courrier, 1973; Rule & Ferguson, 1986; Thomas, Horton, Lippincott & Drabman, 1977). В результате наблюдатель настолько привыкает к насилию и его последствиям, что перестает рассматривать его как особую форму

поведения, и теперь его фактически ничто не удерживает от участия в подобных действиях. И наконец, постоянное наблюдение агрессии может изменить индивидуальный *образ реальности* (Gerbner & Gross, 1976; Rule & Ferguson, 1986; Thomas & Drabman, 1978; Williams, Zabrack & Joy, 1982). Это означает, что люди, часто наблюдающие насилие, склонны ожидать его и воспринимать окружающий мир как враждебно настроенный по отношению к ним. Такое искажение может легко привести к обостренному ощущению угрозы и к склонности реагировать агрессивно.

Обучение на живых примерах: глядя на других людей

Главным источником живых примеров агрессивного поведения для большинства детей является семья. В литературе о насилии в семье описывается «цикл насилия»; его суть в том, что дети, которые видели, как их родители «практиковали» физическое насилие по отношению друг к другу, склонны воспроизводить аналогичные ситуации во взаимоотношениях с другими (Emery, 1982; Kruttschnitt, Heath & Ward, 1986; Steinmetz, 1977; Widom, 1989). Например, Джеллес (Gelles, 1987) сообщает, что люди, ставшие в детстве свидетелями сцен физического насилия между родителями, были более склонны к физическим разборкам со своими супругами, чем те, кто никогда не был свидетелем родительских драк .

Штайнметц (Steinmetz, 1977) следующим образом описывает цикл насилия:

«Дети, выбирая методы выяснения в отношениях с братьями и сестрами, бездумно копируют их с методов разрешения семейных конфликтов, используемых их родителями... Более того, когда дети вырастают и вступают в брак, они начинают использовать эти методы, ставшие неотъемлемой частью их поведенческого репертуара, для решения своих семейных проблем и, замыкая цикл, передают их своим детям посредством создания характерного стиля дисциплины».

Каммингз и его коллеги провели серию экспериментов по изучению реакции детей на *фоновую ссору* (Cummings, 1987; Cummings, Iannotti & Zahn-Waxler, 1985; Cummings, Pellegrini, Notarius & Cummings, 1989; Cummings, Vogel, Cummings & El-Sheikh, 1989). Предъявляя маленьким детям записи звуков или изображения, ассоциирующиеся со ссорами взрослых, исследователи рассчитывали получить ответ на вопрос, как семейные неурядицы воздействуют на детей. Каммингз (Cummings, 1987) провел эксперимент, в котором специально изучалось воздействие наблюдения агрессии на агрессивность детей в дальнейшем. Дошкольники прослушивали запись, как две взрослые женщины обмениваются нежными или гневными репликами. После прослушивания гневных словесных выпадов в общении детей с приятелями было зарегистрировано больше проявлений вербальной агрессии, чем после прослушивания нежных разговоров. Другие эксперименты выявили, что реакцией детей, ставших свидетелями неразрешенных конфликтов, было крайнее раздражение и огорчение (Cummings, Vogel, Cummings & El-Sheikh, 1989). Дети из семей, где физическая агрессия родителей по отношению друг к другу не редкость; острее реагируют на гневные интонации, появляющиеся в общении их матери и другого взрослого, чем дети из семей без супружеских неурядиц (Cummings, Pellegrini, Notarius & Cummings, 1989).

Итак, лабораторные и полевые эксперименты приводят к одному и тому же выводу: дети, наблюдающие агрессию у взрослых, склонны вести себя во взаимоотношениях с окружающими агрессивно.

Став жертвой насилия

Жертвы агрессии видят результаты насилия «крупным планом», они, так сказать, сидят в первом ряду. Существуют убедительные свидетельства того, что такое столкновение «лицом к лицу» с агрессией увеличивает вероятность агрессивных действий со стороны пострадавшего. Подтверждениями того, что жертвы сами начинают моделировать агрессивное поведение, являются результаты экспериментов, изучающих механизм передачи агрессивного поведения и установок из поколения в поколение внутри одной семьи, и наблюдение за взаимоотношениями сверстников.

Исследования «цикла насилия» в семьях выявили, что у драчливых родителей часто бывают драчливые дети (Steinmetz, 1977). Джеллес (Gelles, 1987) обнаружил, что люди, которые в родительской семье подвергались насилию, относительно чаще проявляют агрессивность по отношению к членам собственной семьи. Он предположил, что воспитание с применением насилия способствует одобрению насилия и обучает «как бить, чем бить, и каким должно быть столкновение». Подобные результаты были получены и в экспериментах, целью которых было сравнение поведения детей, пострадавших и не пострадавших от родительской жестокости (George & Main, 1979; Trickett & Kuczynski, 1986; Widom, 1989). Джордж и Мэн (George & Main, 1979) обнаружили, что малыши, которых ругают, более склонны к агрессии как по отношению к сверстникам, так и по отношению к воспитателям.

Зайди, Кнутсон и Мем (Zaidi, Knutson & Mehm, 1989) сообщили, что студенты, которые подвергались в семье суровым физическим наказаниям, приветствуют «потенциально жесткие физические дисциплинарные меры», в отличие от студентов, которых в детстве наказывали сравнительно мягко. Во втором эксперименте исследователи обнаружили на выборке испытуемых, которые имели детей, аналогичное распределение. Другими словами, родители, которые в детстве подвергались суровым физическим наказаниям, были более склонны к физической жестокости против своих детей. Вдобавок, как еще одно свидетельство наследования агрессии, дети страдавших от жестокости родителей обнаруживали сравнительно больше агрессивных и антисоциальных характеристик.

И в школе, становясь жертвами агрессии, дети усваивают аналогичные уроки. Яркий тому пример получен в результате эксперимента Паттерсона, Литтмана и Бриккера (Patterson, Littman & Bricker, 1967), обнаруживших, что учащиеся подготовительной школы, которые в начале учебного года стали жертвами агрессии со стороны сверстников, к концу года сами зачастую становились агрессивными. Тем не менее не все жертвы агрессии усваивают подобные уроки. Те, кто чаще подвергался нападениям и успешно защищал себя с помощью агрессивных контратак, как раз и были детьми, наиболее склонными нападать на других детей. Вывод о том, что лишь некоторые жертвы насилия копируют агрессивное поведение, от которого они пострадали, согласуется с результатами других экспериментов, в которых исследовалось поведение жертв агрессии со стороны сверстников. Перри, Кузель и Перри (Perry, Kusel & Perry, 1988) в своем эксперименте обнаружили, что жертвы агрессии подразделяются на две категории. Некоторые сами высоко агрессивны, напоминая вызывающих и раздражающих провоцирующих жертв, согласно определению Олуэйза (Olweus, 1978). Жертвы с низким уровнем агрессивности по характеристикам сходны с пассивными жертвами Олуэйза, ко-

Рис. 3. 4. Как исследователи, так и родители озабочены влиянием телевидения на поведение детей.

торые проявляют тревожность и неуверенность и не защищаются, когда на них совершается нападение.

Итак, лишь некоторые жертвы копируют агрессивное поведение сверстников. Задача исследователей в данной области — раскрыть механизм, обясняющий различие между пассивными и провоцирующими жертвами.

Модели агрессии в средствах массовой информации: эффекты показа насилия в кино и по телевидению

Вероятно, наибольшую озабоченность и у родителей, и у специалистов вызывают модели агрессии, демонстрируемые по телевидению. И это не случайно, ведь и вербальная и физическая агрессия на наших телеэкранах вовсе не редкость. Так, Уильямс, Забрак и Джой (Williams, Zabrack & Joy, 1982) сообщают, что в наиболее популярных телевизионных программах на каждый час вещания приходится в среднем около девяти актов физической и восьми актов вербальной агрессии. Таким образом, даже ребенок, проводящий у телевизора, например, всего лишь два часа, видит за день в среднем свыше 17 актов агрессии. А ведь от показа секса и насилия не свободны даже анонсы телепрограмм; Уильямс (Williams, 1989) сообщает, например, что в телеменю «TV Guide» секс и насилие так или иначе фигурируют более чем в 60% анонсов телепрограмм, идущих в прайм-тайм.

В связи с тем, что дети так часто сталкиваются с насилием в масс-медиа, многие люди выражают озабоченность в связи с тем, что подобная «видеодиета» может повысить у детей склонность к агрессивному поведению. И не случайно эта тема, представляющая особый интерес для психологической науки и обладающая высокой социальной значимостью, последнее время притягивает к себе все более пристальное внимание исследователей. (Рис. 3. 4 отражает рост всеобщего интереса к этой проблеме.) За недостатком места мы не сможем здесь детально проанализировать все полученные к настоящему времени сведения, но тем не менее сделаем обзор важнейших работ, посвященных сценам насилия в масс-медиа и их влиянию на детскую агрессивность. Мы обсудим, насколько средства массовой информации ответственны за развитие агрессивного поведения. Эксперименты, в которых исследовалось влияние масс-медиа на взрослых, более детально описаны в главах 5 и 8.

Можно сказать, что в процессе изучения влияния средств массовой информации на становление агрессивного поведения можно выделить три фазы, каждая

из которых обладает своей методологической спецификой. Фактически на последних двух фазах исследователи занимались разрешением методологических и интерпретационных проблем, возникших на предшествующем этапе. Благодаря этому обстоятельству в настоящий момент мы располагаем множеством разнообразных данных, относящихся к одному и тому же вопросу. Многообразие методов, с помощью которых изучался центральный вопрос, дает нам значительную уверенность в достоверности сделанных выводов.

Фаза первая: эксперименты с куклой Бобо. Первые исследования, посвященные влиянию телевизионных и кинематографических образов насилия на человеческое поведение, были проведены Бандурой и его коллегами (Bandura, Ross & Ross, 1963a, b; Bandura, 1965). В этих экспериментах участвовали дети дошкольного возраста. Им демонстрировались короткометражные фильмы (часто спроецированные на экран телевизора), в которых взрослые весьма необычным способом обращались с большой надувной куклой Бобо. Например, в одном из экспериментов (Bandura, Ross & Ross, 1963a) актер колотил куклу по носу, сидя на ней верхом; бил ее по голове игрушечным молотком; футболил ее по комнате, приговаривая: «Сейчас я тебе нос расквашу!», «Вот тебе, вот тебе!» и т. п. После просмотра подобных сцен дети переходили в комнату со множеством разнообразных игрушек, часть из которых использовалась актером. Детям позволяли поиграть кто во что хочет, в течение определенного времени (например, 10—20 минут), внимательно при этом за ними наблюдая, чтобы выяснить, будут ли они воспроизводить поведение актера, и если будут, то насколько полно. В целом результаты эксперимента выявили сильный подражательный эффект. Как уже отмечалось в главе 2, в своем поведении дети часто копировали поведение актера-взрослого.

Сами по себе эти результаты вряд ли могли показаться кому-либо неожиданными или дискуссионными. Множество исследований достаточно отчетливо показали, что поведенческие реакции человека — в самом широком диапазоне — могут усваиваться через наблюдение соответствующих моделей поведения. Однако тот факт, что в данном случае усвоенные реакции представляют собой новые для реципиентов формы физической и вербальной агрессии и возникают вследствие кратковременной теле- или киноэкспозиции моделей агрессивного поведения, наводил на мысли, которые вскоре сделали эксперимент Бандуры предметом горячих споров: ведь если в результате подобных сеансов дети научаются новым способам причинения вреда друг другу, то тогда не следует исключать и возможности того, что масс-медиа, создающие и тиражирующие образы насилия, могут являться важным фактором возрастания уровня насилия в обществе. Сам же Бандура предостерегал против таких интерпретаций и даже уверял, что, хотя дети и приобретают навыки агрессивного реагирования в результате показа агрессивных действий актера, из этого отнюдь не следует, что эти навыки будут непременно применяться на практике (Bandura, 1965). Но тем не менее одного допущения о возможности такого эффекта оказалось достаточно для того, чтобы упомянутые исследования привлекли к себе пристальное внимание самой широкой публики.

Для наук о поведении весьма характерно, что научное исследование, вызвавшее интерес широкой публики, тут же становится объектом самой жесткой критики. С ранними экспериментами, такими как эксперименты с куклой Бобо, именно так и произошло. Эти эксперименты вскоре после их проведения были подверг-

нуты критике со стороны ученых-социологов и представителей телеиндустрии, поставивших под сомнение их целесообразность и верность интерпретации их результатов. Было, во-первых, отмечено, что испытуемые в данных экспериментах вели себя агрессивно по отношению к специально для этого предназначенной надувной куклы, а не по отношению к человеческому существу. Поэтому не совсем ясно, можно ли продемонстрированное поведение однозначно считать агрессией — ведь никому не было причинено реального вреда. Во-вторых, материал, который демонстрировался участникам экспериментов, по нескольким существенным параметрам отличался от обычной кино- и телепродукции. В них, например, начисто отсутствовал сюжет, объясняющий и оправдывающий поступки действующих лиц, а поведение, демонстрировавшееся взрослыми, практически невозможно увидеть на телеэкране (да и где бы то ни было!). И наконец, в этих экспериментах дети получали возможность воспроизводить аналогичные агрессивные действия в аналогичных ситуациях, в то время как кино- и телезрители, наблюдающие сцены насилия, очень редко попадают в ситуации, идентичные телесюжетам. (Сколько, в конце концов, детей, смотревших фильмы про войну или мафиозные разборки, могут сами принять участие в подобных действиях?) Утверждалось, что по этим причинам результаты экспериментов, поставленных самим Бандурой и аналогичных им, не подводят прочной базы под предположение о том, что сцены насилия, показываемые в теле- и кинофильмах, способны приводить к возникновению агрессивных проявлений в межличностных отношениях.

Фаза вторая: лабораторные эксперименты. Столкнувшись с подобной критикой, несколько исследователей незамедлительно начали планировать и проводить эксперименты, преследовавшие три главные цели. Во-первых, экспериментаторы старались смоделировать условия, приближенные к реальности, — агрессия должна была быть направлена на других детей, а не на пластмассовую куклу. Во-вторых, участникам показывали более реалистичные сцены насилия — сыгранные актерами или документальные кадры, заимствованные из телепрограмм или кинопродукции. И наконец, исследователи постарались избавиться от присущего ранним экспериментам точного сходства между обстоятельствами в наблюдаемых эпизодах насилия и условиями потенциального проявления агрессии. Таких экспериментов было проведено множество (Grusec, 1972; Hanratty, O'Neal & Sulzer, 1972; Hapkiewicz & Stone, 1974; Rice & Grusec, 1975), и в целом их результаты наводили на мысль, что просмотр сцен насилия в кино или по телевизору провоцирует зрителей на аналогичное поведение.

Либерт и Бэрон (Liebert & Baron, 1972) показывали детям разных возрастных групп (5—6 и 8—9 лет) один из двух коротких отрывков реально существующих телепередач. Детям из первой группы демонстрировали в течении трех с половиной минут отрывки из детективного сериала, популярного в США в начале 1960-х годов. В этом киносюжете демонстрировались погоня, две драки, две перестрелки и один эпизод с использованием ножа. Вторая группа, в соответствии с другими экспериментальными условиями, смотрела в течение того же времени отрывок из общенациональной спортивной передачи, в котором дети наблюдали интересные соревнования в беге с барьерами. Отрывок приковывал внимание так же, как и предъявляемые сцены испытуемым первой группы, поэтому все различия в дальнейшем поведении двух групп нельзя было объяснять только разным уровнем эмоционального возбуждения.

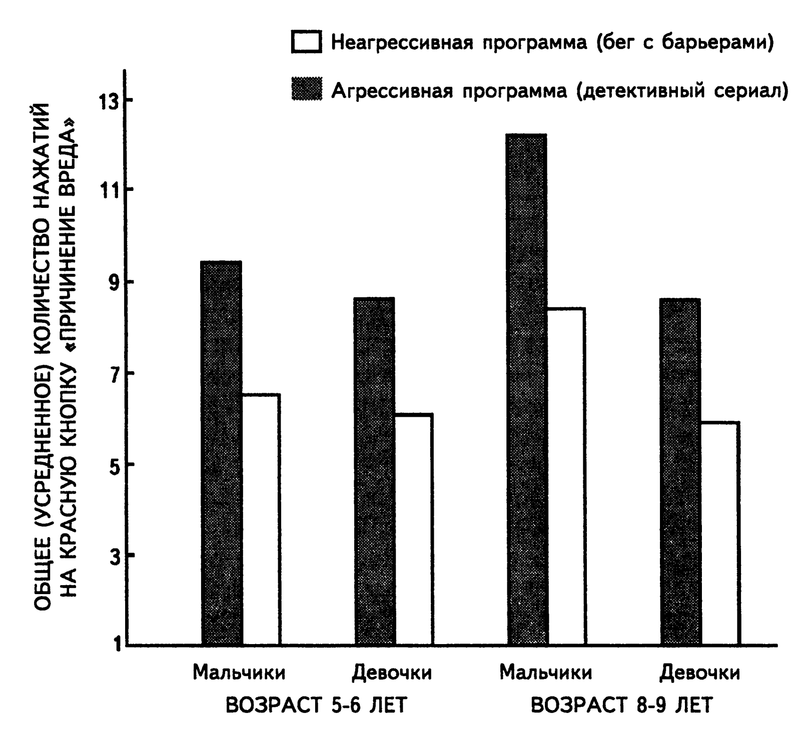

Рис. 3. 5. Результаты эксперимента Либерта и Бэрона (Liebert & Baron, 1972). Дети двух разных возрастных групп продемонстрировали более высокий уровень агрессивности после просмотра эпизодов с насилием из детективного сериала, чем после просмотра не менее захватывающих эпизодов бега с барьерами.

Посмотрев один из двух фильмов, ребенок проходил в другую комнату и садился перед пультом с двумя кнопками — зеленой с надписью «помощь» и красной с надписью «причинение вреда»; еще там была белая лампочка — «готовность». Затем испытуемому сообщали, что в соседней комнате ребенок пытается, играя на тренажере, получить приз и что каждый раз, когда загорается белый сигнал, ему можно либо помочь, нажимая кнопку «помощь», либо сделать пакость, нажимая кнопку «причинение вреда». Еще испытуемому объясняли, что, когда он нажимает на красную кнопку «причинение вреда», рукоятка, с помощью которой ребенок в соседней комнате управляет игрой, довольно чувствительно нагревается (может даже обжечь). В отличие от описанных выше экспериментов, где испытуемые «проявляли агрессию» по отношению к кукле, участникам данного эксперимента сообщали, что они могут причинить боль другому человеку. На самом деле, конечно же, никакого ребенка в соседней комнате не было и за время эксперимента реального вреда никому причинено не было.

В экспериментальной комнате ребенок оставался один, и белый сигнал «готовность» зажигался 20 раз. Результаты эксперимента показаны на рис. 3. 5. Как и ожидалось, испытуемые, смотревшие программу со сценами агрессии, причинили своей воображаемой жертве заметно больше вреда (что измерялось числом нажатий на кнопку «причинение вреда»), чем те, кто смотрел спортивные состязания. Более того, данные результаты оказались аналогичными как для мальчиков и

девочек, так и для разных возрастных групп. Как мы уже отмечали, сходные результаты были получены во многих дальнейших экспериментах. Таким образом, представляется, что просмотр даже сравнительно коротких кино- и телеэпизодов, демонстрирующих насилие, может вызывать агрессивность в последующем поведении, если даже обстоятельства проявления насилия на экране сильно отличаются от экспериментальных условий, созданных для испытуемых.

Несмотря на то что эксперименты «второго поколения» позволили устранить некоторые недостатки ранних экспериментов с куклой Бобо, они тоже оказались под огнем критики. Указывали на следующие недостатки (Cook, Kendzierski & Thomas, 1983; Freedman, 1984; Kaplan & Singer, 1986): 1) причинение вреда нажатием кнопки «нереалистично», потому что это действие совсем не похоже на те акты, посредством которых люди причиняют друг другу вред; кроме того, созданные экспериментальные условия устраняют возможность получить сдачу; 2) испытуемые могут счесть, что экспериментатор одобряет агрессию, так как их пригласили на просмотр фильма со сценами агрессии; 3) из программ зачастую были вырезаны эпизоды, в них отсутствовал сюжет; 4) просмотр отдельно взятой программы со сценами насилия не вырабатывает опыт, эквивалентный просмотру разнородной мешанины агрессивных и неагрессивных программ за длительный период времени (например, в течение детства). С учетом этих критических замечаний был проведен ряд экспериментов, которые можно было бы назвать третьим поколением экспериментов, исследующих влияние наблюдения за сценами насилия на развитие агрессивного поведения.

Фаза третья: эксперименты в естественных условиях. В этих исследованиях изучалось, насколько дети подвержены влиянию реалистического изображения насилия по телевидению (например, в полнометражных фильмах и телепередачах, в смешанных материалах — с насилием и без него) за сравнительно долгий период — от нескольких дней до нескольких десятилетий. Фиксировалось также фактическое агрессивное поведение в естественных условиях и в столь же широких временных рамках. В этом разделе мы рассмотрим эксперименты, в которых применялись две слегка различающиеся методики. Во-первых, обсудим полевые эксперименты, в которых экспериментатор контролирует доступ к агрессии в масс-медиа, а затем измеряет агрессию, проявляемую в естественных условиях. Во-вторых, обратимся к корреляционным исследованиям, в которых экспериментатор собирает данные как о частоте просмотра передач со сценами насилия на телеэкране, так и о типе и частоте проявления агрессии в разнообразных житейских ситуациях.

В полевом эсперименте, проведенном Лейенсом, Камино, Парке и Берковитцем (Leyens, Camino, Parke & Berkowitz, 1975), исследователи сначала наблюдали за агрессивным и неагрессивным поведением большого числа учащихся частной школы-интерната в Бельгии. Через неделю такого ненавязчивого наблюдения школьники были разделены на две группы в зависимости от места проживания. Затем группам демонстрировали либо пять фильмов со сценами насилия, либо пять фильмов без сцен насилия; их показывали пять дней подряд, по одному за вечер. Фильмы резко различались по количеству эпизодов насилия. Была выдвинута гипотеза, что просмотр фильмов со сценами насилия приведет к возрастанию у испытуемых уровня агрессии, направленной на сверстников. Чтобы определить, действительно ли это так, за занятиями подростков наблюдали и в дни

демонстрации фильмов. Результаты, хотя и не подтвердили полностью выдвинутую гипотезу, частично все же доказали ее правоту: испытуемые, смотревшие фильмы со сценами насилия, действительно демонстрировали увеличение уровня агрессивности в некоторых, хотя и не всех, ее формах. В отличие от них, у испытуемых, смотревших фильмы без сцен насилия, не было отмечено устойчивых изменений в поведении.

Тем не менее существуют данные полевых экспериментов, которые опровергают тезис о том, что демонстрация насилия в масс-медиа способствует проявлению агрессивности. Фешбах и Зингер (Feshbach & Singer, 1971) обнаружили, что мальчики, сидевшие в течение шести недель на «строгой диете агрессивных телепрограмм», фактически проявляли во взаимоотношениях с окружающими меньший уровень агрессивности, чем мальчики, смотревшие в течение того же периода неагрессивные программы. Аналогично Милграм и Шотланд (Milgram & Shotland, 1973) сообщают, что и у наблюдавших, и у не наблюдавших в телепрограммах различные антисоциальные действия (например, воровство, хулиганские телефонные звонки) не произошло ни возрастания, ни уменьшения уровня подобных действий. Хотя результаты большинства полевых экспериментов скорее подтверждают предположение о том, что наблюдение насилия в средствах массовой информации продуцирует дальнейшую агрессивность, интерпретация данных этих экспериментов вызвала разноречивые отклики (Freedman, 1984, 1986; Friedrich-Cofer & Huston, 1986; Howitt & Dembo, 1974). Фридрих-Кофер и Хастон утверждают, что «как представляется, общее систематическое отклонение в этих полевых экспериментах направлено в сторону *недооценки* воздействия телевизионного насилия». Безусловно, сцены насилия, демонстрируемые в ходе эксперимента, воздействуют на испытуемых неизмеримо слабей, чем аналогичные, но наблюдаемые по телевизору вне эксперимента сцены. Вдобавок трудно получить точные измерения уровня агрессии в «методологически “зашумленном” естественном контексте, в котором дисперсия возрастает из-за появления множества не относящихся к цели эксперимента переменных и в котором обычный лабораторный контроль неэффективен».

Исследователи провели эксперименты двух различных типов, направленные на выявление корреляции между наблюдением насилия по телевизору и агрессивным поведением. Большинство экспериментов было основано на одновременном замере обеих переменных и вычислении коэффициента корреляции между ними (Greenberg, 1975; Hartnagel, Teevan & McIntyre, 1975; McCarthy, Langner, Gerstein, Eisenberg & Orzeck, 1975). Например, Зингер и Зингер (Singer & Singer, 1981) попросили родителей записывать, что смотрят их трех- и четырехлетние дети по телевизору, и наблюдать за их агрессивностью во время игр в детском саду. Исследователи сообщили, что дети, смотревшие много телепередач, и особенно остросюжетные и детективные фильмы, а также передачи для взрослых, были более непослушными, а также проявляли во время игр агрессивность и раздражительность. Однако ученые признают, что эти результаты могут быть объяснены влиянием какой-то третьей переменной: возможно, дети с низким социально-экономическим статусом или низким IQ (коэффициентом интеллектуальности) смотрят больше телепередач, а их агрессивное поведение можно объяснить нищенским существованием. Анализ, учитывающий влияние «третьей переменной», раскрыл, что интеллект и социально-экономический статус не играют определяющей роли в корреляции между просмотром телепрограмм и агрессивным

поведением в дальнейшем. Еще один интересный результат их эксперимента: они обнаружили, что дети, которые часто смотрят телепередачи, такие как «Mister Rogers» и «Sesame Street», проявляют меньше агрессии, чем те, кто мало смотрит познавательные телепередачи.

Фридман (Freedman, 1984) следующим образом сформулировал результаты корреляционных исследований: «Хотя результаты не совсем устойчивы, представляется очевидным, что дети и подростки, чаще смотрящие или предпочитающие телепередачи со сценами насилия, бывают более агрессивными». Но можно ли отсюда заключить, что созерцание сцен насилия в телепередачах вызывает у людей агрессивность? Как мы отмечали в главе 2, это не столь однозначно. Мы не можем выявить причинно-следственную связь на основе простой корреляции между одновременными событиями. Существует, однако, корреляционный метод, позволяющий установить причинно-следственную зависимость. Собрав данные длительных наблюдений, исследователь в состоянии установить, связан ли просмотр телевизора в момент времени 1 с агрессивностью в момент времени 2.

Например, Зингер и Зингер (Singer & Singer, 1981), чей эксперимент мы упоминали выше, действительно собирали данные о просмотре телепрограмм и поведении детей в детском саду четыре раза в год. Они полагают, что:

> *«...если существует значимая причинно-следственная связь между частотой просмотра или типом телепрограмм и проявляющимися у детей агрессивными наклонностями, мы сможем установить это, поскольку наблюдаем за детьми в течение года, что составляет заметную долю от всей продолжительности их жизни к данному моменту».*

То есть, если просмотр телепередач — причина агрессии, то корреляция между просмотром в момент времени 1 и агрессивностью в момент времени 2 будет выше, чем корреляция между просмотром в момент 2 и агрессивностью в момент 1. Если же корреляция будет выявлена во втором случае, то это подтвердит гипотезу, выдвинутую критиками корреляционных исследований: из-за характерного для конкретного ребенка высокого уровня агрессивности он будет предпочитать телепрограммы с насилием. Результаты, однако, подтвердили первую гипотезу. Исследователи обнаружили значительную связь между просмотром телепередач в момент времени 1 и агрессивностью спустя 9 месяцев.

Хьюсманн, Эрон, Лефковитц и Уолдер (Huesmann, Eron, Lefkowitz & Walder, 1984) отслеживали корреляцию между просмотром телепередач и агрессивностью в течение двадцати двух лет. Они обнаружили, что привычки телезрителя в возрасте 8 лет коррелируют с тяжестью совершенных им преступлений и вынесенных ему приговоров в возрасте 30 лет. На основе этих и других данных лонгитюдных исследований Хьюсманн (Huesmann, 1984) разработал комплексную модель долговременной корреляции между просмотром телепередач и совершением насилия. На рис. 3. 6 и в примере с маленьким Мартином представлены весьма упрощенные версии модели Хьюсманна.

Мартин любит подолгу смотреть телевизор. Приходя домой из детского сада, он «прилипает» взглядом к экрану и сидит так, пока его не отправят ложиться спать. Поскольку по телевизору показывают немало сцен насилия, Мартин регулярно видит, как телеперсонажи выясняют отношения с помощью агрессивного поведения. Отождествляя себя с ними, Мартин вспоминает, какие агрессивные действия выбирали герои, чтобы справиться с той или иной проблемой. Увиденные им сцены насилия стимулируют появление агрессивных фантазий, помогая

Рис. 3. 6. Модель Хьюсманна, описывающая воздействие телепередач на становление агрессивного поведения, в качестве значимых факторов включает в себя разнообразные варианты влияния социального окружения.

ему отрепетировать, как он будет решать проблемы с помощью агрессии. Если семейные отношения или его общение со сверстниками будут играть роль подкрепления агрессии, агрессивное поведение может стать привычкой. Результирующая агрессивность в межличностных отношениях скорее всего будет мешать ему достичь успехов на социальном и академическом поприще, порождая фрустрацию и соответственно повышение уровня агрессивности. Кроме того, снижение популярности среди сверстников и плохие оценки в школе приведут к тому, что Мартин начнет проводить больше времени у телевизора. Поскольку его интеллектуальный потенциал ограничен, простые решения, предполагающие агрессивные действия, которые он увидит по телевизору, легко станут частью его поведенческого репертуара. Поскольку он по-прежнему станет посвящать большую часть дня просмотру телевизионных программ, времени на учебу хватать не будет и он останется в изоляции от своих сверстников. И круг замкнется — Мартин будет

продолжать учиться воплощать агрессивное поведение в жизнь, станет чаще прибегать к нему (ведь телегероев за него не наказывают), будет отпугивать от себя сверстников и снова приходить к выводу, что телевизор — вещь более приятная, чем общество сверстников. Эта циклическая модель воздействия телевидения на развитие агрессивности изображена на графике (см. рис. 3. 6). Как предполагает модель Хьюсманна, зависимость между наблюдением насилия и агрессивностью нельзя назвать однозначной. *Неверно*, что, посмотрев свою любимую остросюжетную программу, где герои иногда совершают агрессивные поступки, дети готовы сорваться и накинуться на любого, кого угораздило встретиться у них на пути. Судя по проценту положительных результатов в большинстве исследований, вероятность более яркого проявления агрессивных наклонностей после просмотра подобных материалов скорее всего невелика. Более того, как мы отмечали в данной главе, существует огромное количество факторов, влияющих на количество осуществленных агрессивных действий, так что воздействие любого из них по отдельности, видимо, очень мало. В итоге, в то время как имеющиеся свидетельства дают реальное подтверждение гипотезе, что высокий уровень насилия, характерный для современной кино- и телепродукции, предположительно, оказывает, наряду с другими факторами, свое влияние на осуществление некоторых видов агрессивного поведения, не следует переоценивать важность этой зависимости.

ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ АГРЕССИИ

То, что дети думают об агрессии, также может влиять на их поведение. Различия в уровнях детской агрессивности могут быть связаны с различными путями познания ребенком окружающего мира (Feshbach, 1974; Miller & DeMarie-Dreblow, 1990). Этот раздел будет посвящен двум сходным моделям: одна из них обстоятельно изложена Доджем и Криком (Dodge & Crick, 1990), другая разработана Хьюсманном (Huesmann, 1988). Эти модели делают видимыми когнитивные процессы, связанные с агрессивным поведением. На рис. 3. 7 показано, как в этой когнитивной модели объясняется агрессивное поведение Мартина.

Фактически модель агрессивного поведения по Доджу и Крику (Dodge & Crick, 1990) базируется на пятиступенчатом процессе, который требует от исполнителя ситуационной роли последовательности и социальной *компетентности*. Они утверждают, что «результатом каждого искусно выполненного этапа становится умение грамотно с точки зрения социума анализировать ситуацию, в то время как отклонения и ошибки приведут к неправильному и, возможно, агрессивному, социальному поведению». Мастерская или дилетантская обработка социальной информации начинается с прочитывания «вызывающих реплик» окружающей обстановки (например, чье-либо вызывающее поведение).

ПРОЧИТЫВАНИЕ «ПОСЫЛОВ К АГРЕССИИ» В СОЦИАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Первый этап когнитивного процесса (конечный результат которого в целом — агрессивное поведение) — это прочитывание «вызывающих реплик», вынуждаю-

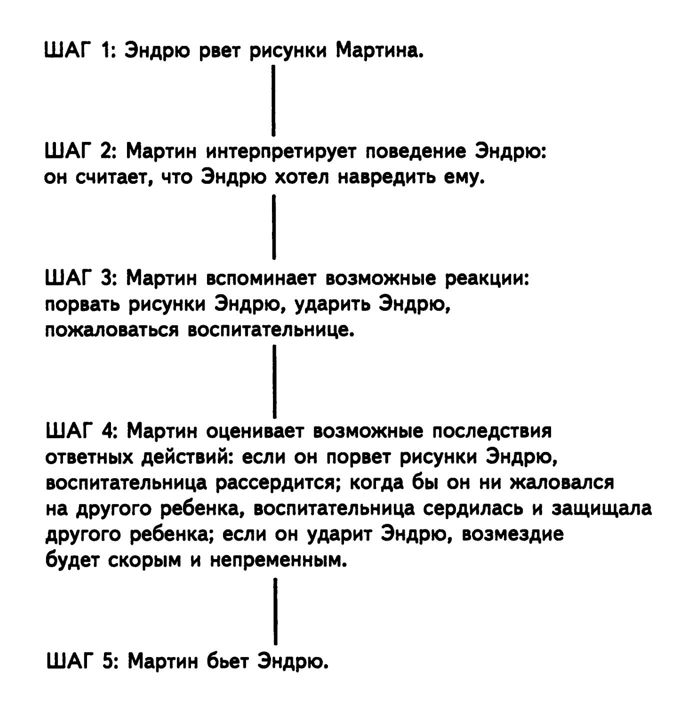

Рис. 3. 7. Модель социально-когнитивного основания агрессивного поведения по Доджу и Крику (Dodge & Crick, 1990) в применении к типичному поведению маленького Мартина при его взаимоотношениях с другими детьми.

щих индивидуума «столкнуться с социальной проблемой» (Huesmann, 1988). Если имеет место хорошо отработанный «сценарий», то расшифровка «посылов к агрессии» будет сравнительно эффективной и точной. Сами по себе ожидания или мысли, связанные с агрессией, заставят его пристальнее взглянуть на «посылы к агрессии», ассоциированные с этим типом поведения. В некоторых случаях диспозиции человека (например, враждебность) или социальные воздействия, имевшие место в недалеком прошлом (например, фрустрации), могут заранее настраивать на агрессию, так что он мгновенно сосредоточится именно на нужных «посылах к агрессии». Например, Гуз (Gouze, 1987) обнаружил, что агрессивных дошкольников в большей степени привлекает агрессивный стимульный материал (кукольные шоу, мультфильмы), чем неагрессивный. Эти стимулы притягивают внимание таких детей, и бывает нелегко отвлечь их на что-нибудь другое. Итак, в социальных ситуациях с множеством «посылов к агрессии» агрессивные дети в большей степени концентрируются на тех, которые предполагают агрессию или ассоциируются с ней.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «ПОСЫЛОВ К АГРЕССИИ»

Второй этап в рассматриваемой когнитивной модели агрессивной реакции на ситуацию включает в себя оценивание и интерпретацию признаков, обнаруженных на первом этапе. Эта составная часть модели привлекла наиболее пристальное вни-

мание исследователей и получила наибольшее количество эмпирических подтверждений. В этой фазе когнитивного процесса ребенок интерпретирует намерения окружающих и производит атрибуцию причин. В целом мы обнаруживаем, что агрессивный ребенок имеет предвзятое мнение, что поступками окружающих движет враждебность. Оценивая неоднозначную ситуацию, в которой один человек причинил вред другому, агрессивный ребенок с большей вероятностью, чем неагрессивный, сделает предположение, что вред был намеренным и мотивировался враждебностью (Dodge, 1980; Dodge & Coie, 1987; Dodge & Frame, 1982; Dodge & Somberg, 1987; Huesmann, 1988; Slaby & Guerra, 1988).

Эксперимент Доджа (Dodge, 1980) демонстрирует различие когнитивных интерпретаций, сделанных агрессивными и неагрессивными детьми. С помощью высказываний сверстников и оценок учителей Додж отобрал для участия в эксперименте агрессивных и неагрессивных детей из второго, четвертого и шестого классов. Каждому мальчику говорили, что он и другой мальчик в соседней комнате могут заработать приз, если хорошо постараются и соберут головоломку. Через некоторое время женщина-экспериментатор сообщала, что каждый из них может взглянуть на головоломку, собранную другим мальчиком. Затем она уносила головоломку испытуемого в соседнюю комнату, чтобы показать другому ребенку, и возвращалась с головоломкой, испорченной якобы тем, другим ребенком. Надо сказать, что предполагаемая мотивация поломки игрушки являлась манипулируемой переменной. Если экспериментальные условия моделировали враждебность, ребенок слышал, как другой мальчик говорил, что ему не нравится испытуемый и ему не хочется, чтобы тот получил приз, и у него возникало предположение, что головоломка сломана нарочно. В варианте *дружелюбное отношение* головоломка ломалась нечаянно, когда другой мальчик хотел помочь испытуемому. В условиях *неоднозначности* испытуемый просто слышал треск после высказывания другого мальчика о том, как далеко продвинулся испытуемый в разгадывании головоломки. Экспериментатор отдавала испытуемому сломанную головоломку и выходила из комнаты, затем действия мальчика записывались на пленку для последующей оценки. Подтвердился прогноз, что в условиях неоднозначности агрессивные дети с большей вероятностью, чем неагрессивные, будут склонны отомстить с помощью агрессивных действий (скажем, сломать головоломку другого ребенка). В то время как оценка агрессивности последующего поведения в вариантах дружелюбия и враждебности оказалась одинаковой и для агрессивных, и для неагрессивных детей, в варианте неоднозначности мотивов оценка у агрессивных детей была выше.

Додж предположил, что это различие в поведении вызвано различием в атрибуции — тем, что агрессивные дети в условиях неоднозначности были более склонны приписывать своим сверстникам враждебные намерения, но данный эксперимент не давал прямых подтверждений, что процесс атрибуции действительно имеет место в данном случае. Таким образом, для проверки этой гипотезы был проведен еще один эксперимент. В нем школьникам рассказывали историю о том, как один мальчик ушиб другого, ударив его мячом в спину. О его намерениях ничего не говорилось, поскольку экспериментатора интересовало, как сам испытуемый объяснит намерения персонажа. Действительно, как и предполагалось, агрессивные испытуемые оказались более склонны, чем неагрессивные, приписывать персонажу враждебные намерения, прогнозировать последующую агрессию и не доверять мальчику, который бросил мяч (то есть провокатору). Додж счел,

что результаты этих двух экспериментов подтверждают тезис о склонности агрессивного ребенка приписывать своим сверстникам враждебные намерения, по причине которых и происходят негативные события. Впоследствии он может мстить им теми способами, которые он относит к справедливой агрессии.

ВЫБОР РЕАКЦИИ

Как только индивид приходит к заключению, что побуждающей силой поступка другого человека была враждебность, он начинает искать в своей памяти подходящую поведенческую реакцию. Хьюсманн (Huesmann, 1988) говорит об этом шаге как о поиске «сценария поведения». Другими словами, ребенок должен подобрать возможные реакции. Когда речь идет об агрессивности, считается, что в поведенческом репертуаре агрессивного ребенка наличествует меньше реакций, подходящих для конкретного случая, и что скорее всего они будут связаны с агрессией. Додж и Крик (Dodge & Crick, 1990) предположили, что ребенок сравнительно легко актуализирует ответную реакцию из имеющегося набора, если он недавно сталкивался с конкретной реакцией, или ему о ней напомнили, или если его «список» возможных реакций ограничен.

Данные для подтверждения этой составной части когнитивной модели были получены многими исследователями (Deluty, 1981; Keltikangas-Jarvinen & Kangas, 1988; Lochman & Lampron, 1986). Например, Гуз (Gouze, 1987) обнаружил, что агрессивные мальчики, по сравнению с неагрессивными, выбирают более агрессивные действия для решения гипотетической конфликтной ситуации. Слабы и Гьерра (Slaby & Guerra, 1988) сравнили умение нескольких групп подростков находить альтернативные решения в конфликтных ситуациях. Неагрессивные подростки видели больше вариантов возможных решений и возможных последствий, чем подростки с высоким уровнем агрессивности. А подростки, осужденные за агрессивные и антисоциальные действия, вообще предлагали очень ограниченное количество решений и почти не задумывались о возможных последствиях. Очевидно, что неагрессивные подростки, имеющие в своем распоряжении большее количество подходящих реакций, будут более склонны выбирать неагрессивные модели поведения.

ОЦЕНКА РЕАКЦИИ

Осознав перечень возможных реакций, ребенок должен оценить приемлемость каждой и выбрать, какую из них воплотить в реальность. Критерии такой оценки могут быть различными. В таком качестве могут выступать потенциальные последствия решения — то есть по силам ли ему данная стратегия поведения и насколько она окажется эффективна? Оценивающий может решать, сумеет ли он осуществить входящие в выбранную реакцию действия. Маленький ребенок, когда его обижает здоровенный верзила, может «подобрать» в качестве возмездия реакцию, включающую физическую агрессию, но скорее всего он оценит ее как неприемлемую, так как вряд ли окажется в состоянии эффективно воплотить ее в жизнь. На этом этапе также оцениваются вероятные результаты или последствия от использования выбранной стратегии.

Перри, Перри и Расмуссен (Perry, Perry & Rasmussen, 1986) проанализировали зависимость между агрессивным поведением и двумя факторами, релевантными на данной стадии когнитивного процесса — восприятием *самоэффективности* (способности осуществить предполагаемую реакцию) и *ожиданиями последствий* от этой реакции. Они предлагали два опросника агрессивным и неагрессивным — по оценкам сверстников — мальчикам и девочкам из четвертых-седьмых классов. В опроснике по самоэффективности школьникам предлагались ситуации, в которых они должны были представить себе агрессивные действия, подавление агрессивных действий и действия просоциальные. Испытуемые указывали по четырехбалльной шкале от «ТРУДНО!» до «трудно» и от «легко» до «ЛЕГКО!», насколько затруднительно для них было бы вести себя так, как описано в примерах. В опроснике по ожидаемым последствиям следовало указать степень своей уверенности в достижимости некоего конкретного результата, если они будут вести себя по отношению к однокласснику определенным образом. Исследователи предварительно выделили следующие категории возможных последствий: реальное вознаграждение, одобрение взрослых, одобрение сверстников, уменьшение неприязненного отношения, страдания жертвы и поощрение самого себя. Результаты опроса о самоэффективности показали, что агрессивные дети были более уверены в своей способности действовать агрессивно и менее уверены в способности удерживаться от агрессии, чем дети неагрессивные. Что касается ожидаемых последствий, агрессивные дети, по сравнению с неагрессивными, были более уверены в получении реальной выгоды, в уменьшении антипатии и больше гордились агрессивными поступками.

Считая, что убеждения индивида о преимуществах и недостатках агрессивного поведения могут повлиять на процесс оценивания им предполагаемой реакции, Слабы и Гьерра (Slaby & Guerra, 1988) изучали убеждения неагрессивных и умеренно агрессивных старшеклассников, а также высоко агрессивных антисоциальных подростков — воспитанников исправительного учреждения. Согласно их данным, агрессивные подростки-правонарушители, находящиеся в заключении, более склонны, чем агрессивные учащиеся обычных школ, считать, что агрессивное поведение помогает избежать негативного образа самого себя в глазах соучеников и в целом оправдывает себя. Разумеется, неагрессивным подросткам такие взгляды были менее свойственны, чем представителям обеих других групп. Агрессивные антисоциальные подростки были также больше других уверены, что агрессивность способствует повышению самооценки.

РЕАКЦИЯ УТВЕРЖДЕНА И ВСТУПАЕТ В СИЛУ

На последнем этапе этого комплексного когнитивного процесса осуществляется реальное поведение — индивид «действует по сценарию» (Huesmann, 1988). Здесь особенно могут быть важны поведенческие *навыки*. Очевидно, что человек не может вести себя определенным образом, если не знает, как это делается. В подтверждение тезиса о важности навыков для эффективности социального поведения Дишьон, Лебер, Стаутхамер-Лебер и Паттерсон (Dishion, Loeber, Stouthamer-Loeber & Patterson, 1984) обнаружили, что у подростков-правонарушителей, в отличие от обычных подростков, не развиты навыки межличностного общения, нет привычки учиться и работать.

Додж и Крик (Dodge & Crick, 1990) указали, что корреляция между каждым отдельно взятым из вышеперечисленных этапом и реальным агрессивным поведением — сравнительно слабая. Тем не менее, если рассматривать модель в целом и все этапы когнитивного процесса в отдельности, вероятность прогноза появления агрессивного поведения становится достаточно высокой.

УСТОЙЧИВОСТЬ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ: МОЖНО ЛИ НА ОСНОВЕ ЗНАНИЙ ОБ АГРЕССИВНОСТИ В ДЕТСТВЕ ДЕЛАТЬ ПРОГНОЗ ОБ УРОВНЕ АГРЕССИВНОСТИ В ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ?

Мы начали эту главу с утверждения, что одна из причин нашего интереса к детской агрессивности — возможность на основании знаний о ней прогнозировать агрессивность в зрелые годы. Было придумано множество экспериментов, чтобы проверить, сохраняется ли агрессивное поведение в течение длительного времени. В этих *лонгитюдных исследованиях* агрессивность измерялась по нескольку раз, и вычислялся коэффициент корреляции между такими оценками поведения в различные моменты времени. Фактически исследователи задавались вопросом, останется ли агрессивность индивидуума в отношениях с его сверстниками на прежнем уровне. Другими словами, будут ли Мартина по-прежнему оценивать как агрессивного по отношению к сверстникам, когда он станет подростком или взрослым? Степень, в которой два показателя, полученных в разное время, связаны между собой, дает нам возможность говорить о стабильности или устойчивости агрессивности с течением времени.

В некоторых из этих экспериментов замеры уровня агрессивности проводились с короткими временными интервалами (например, раз в год), в других же исследовалась корреляция между уровнями агрессивности в детстве и в зрелые годы (лонгитюдное исследование уровня агрессивности, осуществленное Хьюсманном и его коллегами). Независимо от временного интервала между измерениями, был получен один и тот же вывод: агрессивность стабильна во времени и не зависит от ситуаций (Deluty, 1985; Huesmann et al., 1984; Loeber, 1982; Magnusson, Stattin & Duner, 1983; Olweus, 1979; Stattin & Magnusson, 1989).

Олуэйз (Olweus, 1977) провел два небольших лонгитюдных исследования агрессивности у подростков мужского пола. В первом эксперименте он собрал высказывания об агрессивности 85 школьников, оканчивавших 6 и 7 класс, сделанные их сверстниками. Во втором эксперименте дети оценивали агрессивность своих сверстников в конце 6 класса и спустя три года. Таким образом он смог получить данные об устойчивости агрессивного поведения в течение сравнительно краткого (один год) и достаточно продолжительного (три года) периода. Результаты в обоих случаях оказались очень близки — временная корреляция находилась в пределах от 65% до 81%. Хотя в эксперименте, где уровень агрессии измерялся в течение трех лет, зависимость была слабее, все коэффициенты имели высокий уровень значимости.

Олуэйз (Olweus, 1977) рассмотрел также проблему стабильности в лонгитюдных исследованиях. Когда в исследовании обнаруживается стабильность поведения во времени, то появляется соблазн сделать поспешный вывод о том, что это поведение обусловлено личностными факторами или индивидуальными особен-

ностями. Другими словами, раз уж поведение так стабильно, то не исключено, что оно вызвано какими-то невидимыми на первый взгляд качествами или характеристиками человека. Тем не менее объяснение отнюдь не так просто: вероятно, стабильность поведения во времени вызвана стабильностью ситуации во времени. Допустим, эти подростки проявляли такую стабильность поведения, потому что реагировали на одни и те же «посылы к агрессии» и жили в одинаковых условиях в течение всего времени, когда проводились измерения. Вполне возможно, что социально-экономический статус, влияние родителей и соседей — также оставались все эти годы неизменными. Олуэйз, однако, указал, что для подростков во время проведения им экспериментов окружающая обстановка менялась достаточно сильно. Особенно в эксперименте, длящемся три года, так как менялись состав класса, учителя, а также место учебы. Исследователь также отметил, что на самых агрессивных подростков оказывалось значительное давление со стороны администрации и учителей, пытавшихся изменить их поведение. Если бы эти конкретные требования ситуации были эффективны, то тогда коэффициент корреляции между характеристиками поведения в два разных момента времени не был бы столь велик. Олуэйз (Olwes, 1977) приводит сильные аргументы в защиту вывода, что важной детерминантой агрессивного поведения являются индивидуальные отличия в «тенденциях реагировать определенным образом и в системе мотивации».

Хьюсманн и его коллеги (Huesmann et al., 1984) подытожили результаты своего 22-летнего эксперимента, отметив, что «с тех пор как индивид вырабатывает характерный стиль агрессивных реакций, он, похоже, не меняется с течением времени». Они подтвердили высказывание результатами своих исследований, придя к следующему заключению:

> *«Ранняя агрессивность, проявляемая в школе, имеет серьезные шансы превратиться в жесткую антисоциальную агрессивность в молодые годы. Такая агрессивность может проявляться в криминальном поведении, физической агрессии, в жестоком обращении с детьми у обоих полов, а также в жестоком обращении с супругой и принуждающем поведении у мужчин».*

Особенно интересно, что Хьюсманн и коллеги говорят об эффектах не только для мужчин, но и для женщин, поскольку лишь в очень немногих исследованиях продемонстрирована стабильность агрессивного поведения у женщин. Фактически наиболее адекватным ответом на вопрос, заданный в начале данного раздела (то есть «предопределяет ли агрессивность в детстве агрессивность в зрелые годы?») может быть «да, особенно у мальчиков». (Половые различия в агрессивности мы детально обсудим в главе 6.)

Таким образом, согласно данным исследований, упомянутых в этом разделе, Мартину, когда он станет взрослым, грозит вероятность довольно большого количества агрессивных и антисоциальных действий. В главе 9 мы исследуем некоторые способы избежания этой опасности.

РЕЗЮМЕ

Становление агрессивного поведения — сложный и многогранный процесс, в котором действует множество факторов. Агрессивное поведение определяется влиянием семьи, сверстников, а также средств массовой информации. Дети учатся

агрессивному поведению посредством прямых подкреплений так же, как и путем наблюдения агрессивных действий. Что касается семьи, на становление агрессивного поведения влияют степень сплоченности семьи, близости между родителями и ребенком, характер взаимоотношений между братьями и сестрами, а также стиль семейного руководства. Дети, у которых в семье сильный разлад, чьи родители отчуждены и холодны, сравнительно более склонны к агрессивному поведению. Из реакции родителей на агрессивные взаимоотношения между сиблингами также извлекается урок о том, что ребенку может «сойти с рук». Фактически, пытаясь пресечь негативные отношения между своими детьми, родители могут ненамеренно поощрять то самое поведение, от которого хотят избавиться. Характер семейного руководства имеет непосредственное отношение к становлению и упрочению агрессивного поведения. Родители, применяющие крайне суровые наказания и не контролирующие занятия своих детей, рискуют обнаружить, что их дети агрессивны и непослушны. Хотя наказания часто неэффективны, при правильном применении они могут оказывать сильное позитивное влияние на поведение.

Ребенок получает сведения об агрессии также из общения со сверстниками. Дети учатся вести себя агрессивно, наблюдая за поведением других детей. Однако те, кто чрезвычайно агрессивен, скорее всего окажутся отверженными большинством в своей возрастной группе. С другой стороны, эти агрессивные дети, видимо, найдут друзей среди других агрессивных сверстников. Разумеется, это создает дополнительные проблемы, так как в агрессивной компании происходит взаимное усиление агрессивности ее членов.

У детей один из главных путей научения агрессивному поведению — наблюдение за чужой агрессией. Дети, которые встречаются с насилием у себя дома и которые сами становятся жертвами насилия, склонны к агрессивному поведению. Но один из самых спорных источников обучения агрессии — средства массовой информации. После многолетних исследований с использованием самых разнообразных методов и приемов мы все еще не выяснили степень влияния СМИ на агрессивное поведение. Представляется, что масс-медиа все же оказывает какое-то влияние. Однако сила его остается неизвестной.

Додж и его коллеги разработали модель для выяснения, почему некоторые дети часто прибегают к агрессии во взаимоотношениях с окружающими. Основной ее тезис: способ когнитивной обработки социальных признаков ситуации влияет на стиль поведения. Модель описывает следующие пять шагов: 1) расшифровку социальных признаков; 2) интерпретацию социальных признаков; 3) выбор возможной реакции; 4) оценивание предполагаемой реакции; 5) осуществление выбранной реакции. По сути дела, моделью предусматривается, что агрессивное поведение есть следствие плохого развития социально-когнитивных навыков.

В литературе на тему стабильности агрессивных реакций во времени считается, что поведение в детстве позволяет довольно надежно предсказывать поведение в зрелые годы. Иными словами, человек, в детстве оценивавшийся сверстниками как агрессивный, будучи взрослым, скорее всего будет оцениваться так же. Из такой устойчивости агрессивного поведения следует, что изучение ранних влияний на становление агрессивности является важной областью исследований.

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ АГРЕССИИ

Чикаго. Две чикагские девушки, 13 и 15 лет, фигурируют в обвинительном заключении по делу об убийстве из огнестрельного оружия их 60-летнего отца. Власти, как и девушки, сначала выдвигали предположение, что его убил грабитель, но позднее сестры признались, что планировали убийство с того самого дня, когда Томас их якобы избил...(по данным агентства «Assosiated Press»)

Хьюстон. В полицейских отчетах встречается упоминание о троих мальчиках — 9, 11 и 12 лет, заявивших, что «Паршивец» был плохим, поэтому они били его кулаками, ногами и ремнем, пока он не умер. «Паршивец» — это 4-летний Роберт Хиллард Бэттлз. Его нашли в воскресенье; причиной смерти, как показало вскрытие, оказались удары в голову, грудь и живот. По словам детей, драка в субботу вечером началась из-за того, что «Паршивец» сломал игрушечную машинку (по данным агентства «Assosiated Press»).

Лафейетт, Индиана. 1 апреля 1965 года Гэйл, 29-ти лет, жена Нила, находящаяся с ним в напряженных отношениях, была убита выстрелом в голову из пистолета 45-го калибра; муж предстал перед судом за убийство. По его показаниям, когда они занимались любовью, жена приставила пистолет к его голове, возмущенная его обвинением, что она спит с другими; в последовавшей борьбе за пистолет она была случайно убита...

Бентон, Аризона. Шелнат, отец старшеклассника из школы Боксита, расстроенный тем, какие меры дисциплинарного воздействия были предприняты по отношению к его сыну, подрался с директором школы Сэмми Хартвиком, — сообщили власти округа Сэлин. По словам драчунов, Хартвик получил удар в голову керамической уткой и ударил Шелната кулаком в лицо. «Мы разговаривали, а потом разговор перешел в ссору», — сказал Хартвик. Как заявил Шелнат, он убежден, что меры, принятые против его сына, несправедливы.

Какие силы движут людьми в этих случаях? Большинство людей полагают, что агрессия в этих и аналогичных эпизодах — результат душевной дисгармонии или эмоциональной неустойчивости. Это кажется логичным: в конце концов, немногие становятся участниками подобных инцидентов, значит, они должны обладать какими-то специфическими особенностями? Тщательный анализ подобных происшествий показывает, однако, что это предположение отражает лишь то, что лежит на поверхности. Рассмотрим вышеприведенные примеры. Разве решились бы на жестокое убийство своего отца девушки, если бы не сильная предварительная провокация (избиение)? Вряд ли. Забили бы до смерти дети своего товарища по играм, если бы он не вел себя вызывающе и не сломал их любимую игрушку? Сомнительно. А молодая женщина — нашла бы она свой безвременный конец, если бы они с мужем не обменялись серией взаимных обвинений? И снова напрашивается отрицательный ответ. И наконец, стал бы отец старшеклассника спорить с директором

школы и бить его, если бы не ощущал, что исключение его сына из школы — несправедливость? Это тоже выглядит маловероятным.

Очевидно, что агрессия не возникает в социальном вакууме. Скорее, на наше агрессивное поведение влияют присутствие и действия *других людей* из социального окружения. Например, слова, поступки или внешность жертвы могут провоцировать, фрустрировать или раздражать нападающего. Окружающие могут принуждать или подстрекать нас к совершению актов насилия. Даже простое присутствие других людей может влиять на проявление агрессивных реакций. Эта глава посвящена влиянию социальных факторов на возникновение и развитие агрессивного поведения. Мы рассмотрим следующие четыре специфические предпосылки агрессии: 1) фрустрацию; 2) вербальное и физическое нападение; 3) характеристики жертвы; 4) подстрекательство со стороны окружающих.

ФРУСТРАЦИЯ: ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ К ЖЕЛАЕМОМУ КАК ПРЕДПОСЫЛКА АГРЕССИИ

Наиболее пристальное внимание психологов привлекает такая социальная предпосылка агрессии, как *фрустрация*, то есть блокирование происходящих в настоящее время целенаправленных реакций. Пресечение одним индивидуумом целенаправленного поведения другого может оказаться детонатором агрессии. Как мы отмечали в главе 1, отношение к фрустрации как к одной из предпосылок агрессии является следствием приверженности теории «фрустрация—агрессия» (Dollard, Doob, Miller, Mowrer & Sears, 1939), которая в своем чистом виде предполагает, что фрустрация всегда приводит к какой-то форме агрессии, а агрессия всегда есть результат фрустрации.

Мы уже говорили о том, что эта гипотеза считается чересчур обобщенной. Фрустрация *не всегда* приводит к агрессии, а последняя часто вызывается какими-то иными факторами, часть из которых мы рассмотрим ниже. Итак, оба данных предположения в настоящее время не встречают широкой поддержки среди исследователей. Тем не менее отказ от этих довольно полярных утверждений никоим образом не означает отказа от реального взгляда на проблему — предположения, что фрустрация есть просто одна из важных детерминант агрессии и иногда способствует этому типу поведения.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ТОГО, ЧТО ФРУСТРАЦИЯ СПОСОБСТВУЕТ АГРЕССИИ

Тезис о том, что фрустрация усиливает агрессивность, до такой степени утвердился в нашем интеллектуальном наследии, что сделался само собой разумеющимся, и на него часто ссылаются в масс-медиа как на бесспорно установленный факт. Соответственно, было бы вполне естественно, если бы столь распространенное мнение имело убедительные эмпирические подтверждения. На первый взгляд,

так оно и есть: большое количество экспериментов, проведенных в течение нескольких десятилетий на разнообразных выборках и с помощью всевозможных методик, свидетельствуют, что фрустрация действительно является важной предпосылкой агрессии. В этих исследованиях испытуемые, у которых вызывали ту или иную форму фрустрации, зачастую демонстрировали повышенную агрессивность по отношению к источнику фрустрации, а иногда и к другим людям (Berkowitz, 1962, 1969, 1988). Но, к несчастью, и в этой гипотезе не обошлось без ложки дегтя.

Как отмечено Бассом (Buss, 1966b), Тейлором и Пизано (Taylor & Pisano, 1971) и другими, при тщательном анализе методик, используемых экспериментаторами (особенно в исследованиях, проводившихся много лет назад), возникает ряд важных вопросов. В частности, нередко бывало так, что фрустрации сопутствовали другие факторы или обстоятельства, которые тоже могли повлиять на поведение испытуемых. Рассмотрим, например, хорошо известный эксперимент, проведенный Маликом и Мак-Кэндлесом (Mallick & McCandless, 1966). В этом эксперименте детям из первой группы (вариант с фрустрацией) незнакомый ребенок (на самом деле он помогал экспериментатору) не давал закончить серию простых заданий и получить за это денежное вознаграждение; детям из второй группы (вариант без фрустрации) он не мешал. Получив позднее возможность выплеснуть злость на этого ребенка, дети, которым он мешал, действительно были более агрессивны, чем те, кто имел возможность закончить работу. Кажется, что полученные данные явно свидетельствуют о возрастании агрессивности из-за фрустрации. Но, к несчастью, интерпретацию, казалось бы, очевидных результатов затрудняет одно существенное обстоятельство: когда юный ассистент экспериментатора мешал испытуемым, он отпускал в их адрес ряд саркастических замечаний, которые вполне могли вызвать ярость. Итак, необходимо определить, что послужило причиной более высокого уровня агрессивности испытуемых из первой группы — то, что им мешали, едкие замечания или же оба этих фактора?

К сожалению, такое смешение фрустрации с другими возможными предпосылками агрессии нередко встречалось в самых первых экспериментах, исследующих воздействие этого фактора (Bandura, 1973; Buss, 1961, 1963). В результате эмпирические данные, которые должны были доказать утверждение, что фрустрация является важной предпосылкой агрессии, оказались далеко не такими впечатляющими, как представлялось на первый взгляд. Тем не менее, даже исключив все исследования, уязвимые для подобной критики, у нас остается несколько искусно разработанных экспериментов, результаты которых подтверждают предположение, что фрустрация иногда усиливает агрессивность (Berkowitz & Geen, 1967; Burnstein & Worchel, 1962; Tedeschi, 1979). Не оставляющие сомнений данные получены также в исследовании, осуществленном Джином (Geen, 1968).

В этом эксперименте четырем группам мужчин-испытуемых предлагали в качестве первой части сложной процедуры сложить деревянную головоломку. В варианте, где фрустратором была задача, головоломка была неразрешима. В варианте, где в качестве фрустратора выступал человек, головоломка была разрешима, но испытуемый трудился в присутствии другого человека (помощника экспериментатора), который вмешивался в его действия, мешая уложиться в заданное время. В варианте «оскорбление» испытуемый трудился над разрешимой головоломкой без помех, но после окончания работы другой человек оскорблял его, осуждая за низкий уровень интеллекта и недостаточную мотивацию. И нако-

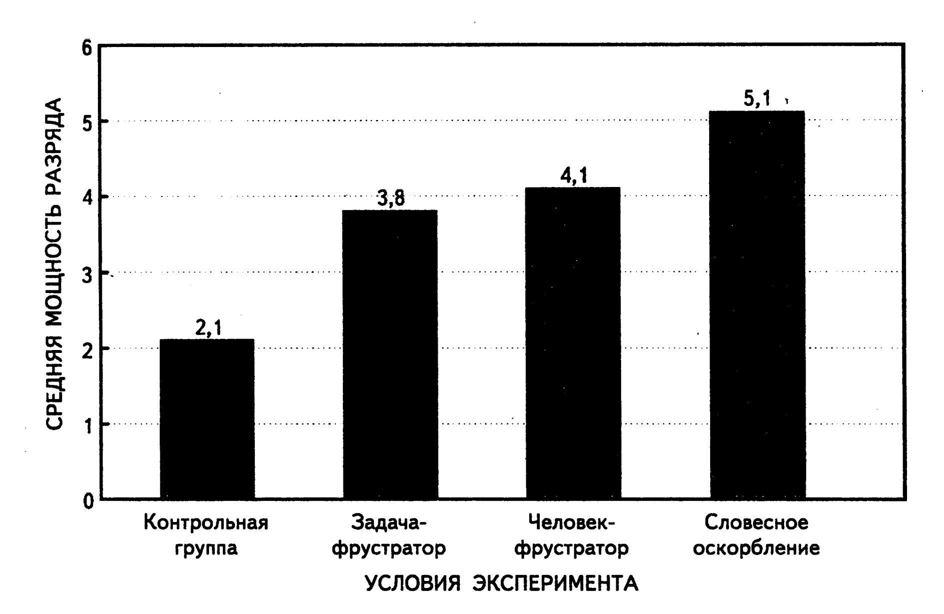

Рис. 4. 1. Джин (Geen, 1968) продемонстрировал влияние двух типов фрустрации и словесного оскорбления на агрессивность.

нец, в контрольной группе испытуемых не оскорбляли и не мешали им. Затем испытуемые смотрели короткий киносюжет со сценами насилия (о важности этой части эксперимента мы поговорим позже), после чего им представлялась возможность проявить агрессию по отношению к помощнику экспериментатора в рамках разработанной Бассом парадигмы «учитель—ученик» (см. главу 2). Как показано на рис. 4. 1, испытуемые, находящиеся в условиях фрустрации, выбирали для наказания ток более высокого напряжения, чем в контрольной группе. Кроме того — как, впрочем, и ожидалось, — подвергнутые прямому словесному оскорблению также проявили больше агрессии, чем участники из контрольной группы. Эти результаты и аналогичные им, полученные в других экспериментах (Berkowitz & Geen, 1967; Burnstein & Worchel, 1962; Harris, 1974a), подтверждают мнение, что при некоторых условиях фрустрация все же может способствовать дальнейшей агрессии.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ТОГО, ЧТО ФРУСТРАЦИЯ НЕ СПОСОБСТВУЕТ АГРЕССИИ

Достаточно большому количеству исследователей, проводивших эксперименты независимо друг от друга, не удалось найти подтверждений для теории «фрустрация—агрессия» (Buss, 1963, 1966a; Epstein & Taylor, 1967; Kuhn, Madsen & Becker, 1967; Taylor & Pisano, 1971). В качестве примера рассмотрим эксперимент, проведенный Бассом (Buss, 1966a), в котором мужчины-испытуемые играли роль учителей в его смоделированной системе «учитель—ученик». Когда ученик (помощник экспериментатора) делал ошибку, испытуемые должны были наказывать его ударом тока, напряжение которого, по их мнению, менялось от низкого до довольно высокого.

В одном из вариантов эксперимента, испытуемым (группа «ноу-хау») сообщали, что, если они постараются, ученик усвоит экспериментальный материал за 30 попыток. Другой группе (вариант «оценка») говорили то же самое, добавляя, что об их успехах на поприще преподавания будет сообщено администрации колледжа и это, возможно, повлияет на их аттестат. И наконец, контрольной группе ничего не сообщалось ни о количестве попыток, обычно необходимом для усвоения экспериментального материала, ни о возможном влиянии успешности преподавания на годовые оценки. Во время эксперимента ученик отвечал по заранее подготовленному образцу, усваивая учебный материал лишь с 70-й попытки. Поскольку испытуемые в группах «ноу-хау» и «оценка» ожидали, что они обучат своего подопечного за 30 попыток, им не удавалось достичь своей цели, проявив себя способными педагогами, и они были фрустрированы действиями ученика. Более того, поскольку эта неудача могла неблагоприятно повлиять на их собственные оценки, испытуемые в группе «оценка» переживали большую фрустрацию, чем в группе «ноу-хау». Участники контрольной группы, не имевшие точного представления, какое количество попыток соответствует понятию «успешное обучение», не должны были испытывать фрустрацию во время эксперимента — насколько им было известно, они *были* хорошими учителями.

Если, как часто считают, фрустрация вызывает публичные проявления агрессии, следовало бы ожидать, что испытуемые из двух экспериментальных групп («оценка» и «ноу-хау») будут выбирать ток более высокого напряжения для наказания, чем испытуемые из контрольной группы. Далее, если предположить, что чем сильнее фрустрация, тем выше уровень результирующей агрессии, можно дать прогноз, что ток, выбранный для наказания испытуемыми в группе «оценка», будет более высокого напряжения, чем в группе «ноу-хау». Но ни одна из этих гипотез не подтвердилась: участники всех трех групп выбирали для ученика ток примерно одинакового напряжения. Фрустрация никоим образом не повлияла на агрессивность испытуемых. Этот отрицательный результат покажется еще более впечатляющим, если мы примем к сведению, что другие переменные (например, пол помощника экпериментатора, мимика и жесты, оповещающие, насколько болезнен был удар) также оказали значительное воздействие на поведение испытуемых, то есть на выбор напряжения влияла не только фрустрация.

При всей внешней эффектности результатов, полученных в эксперименте Басса, они носили бы лишь вспомогательный характер, будь они единственным примером фрустрации, не вызвавшей агрессию. Но, как мы уже говорили, в нескольких других экспериментах, при самом широком разнообразии процедур и характеристик испытуемых, также были получены отрицательные результаты. Например, в хорошо известном опыте Кун и другие (Kuhn et al., 1967) создавали ситуацию, в которой детям были обещаны конфеты в качестве награды за просмотр короткого кинофильма. После сеанса одну группу просто лишали обещанной награды, а вторую группу не подвергали такому фрустрирующему воздействию. Затем в унифицированных условиях наблюдали игровое поведение детей из обеих групп; заметных различий обнаружено не было — фрустрированные малыши *не* вели себя более агрессивно, чем малыши из контрольной группы, которые фрустрированы не были. (Кстати, как и следовало ожидать, в конце эксперимента обещанные конфеты получили дети из обеих групп.) Результаты этого и других экспериментов (Taylor & Pisano, 1972; Caprara, 1982) поколебали убеждение в том, что фрустрация, как правило — или хотя бы иногда, — вызывает прямую агрессию.

Однако в результате нескольких экспериментов (Gentry, 1970a; Rule& Hewitt, 1971) родилось еще более удивительное предположение, что сильная фрустрация может иногда *ослаблять*, а не усиливать дальнейшую агрессивность. Например, в исследовании, проведенном Джентри (Gentry, 1970a), мужчины, фрустрируемые экспериментатором (он постоянно мешал им дорешать задачи в тесте на интеллектуальные способности, из-за чего они получали невысокий балл), наносили затем помощнику экспериментатора *меньшее количество* ударов током, чем испытуемые из контрольной группы.

На основе этих и аналогичных экспериментов некоторые исследователи пришли к выводу, что фрустрация не является ни основной, ни существенной предпосылкой агрессии. Они отвергли даже усовершенствованную формулировку гипотезы «фрустрация—агрессия», утверждая, что в качестве социальных детерминантов агрессивности другие факторы имеют гораздо больший вес, чем различные формы межличностных трений. По словам Басса (Buss, 1966a), «можно заключить, что фрустрация не ведет к физической агрессии... очевидно, что... фрустрация в своем первозданном виде является сравнительно малозначительной предпосылкой физической агрессии».

ОТ ФРУСТРАЦИИ К АГРЕССИИ: ОПОСРЕДУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

Итак, мы столкнулись с набором неоднозначных и противоречивых эмпирических результатов. С одной стороны, некоторые эксперименты наводят на мысль, что фрустрация повышает вероятность возникновения агрессии, с другой же стороны, принимая во внимание убедительные результаты, полученные в ходе тщательных исследований, хочется сделать вывод, что влияние фрустрации на возникновение агрессивного поведения невелико или вообще отсутствует. Есть ли выход из этого тупика? Мы убеждены, что есть. На основании уже имеющихся данных можно заключить, что фрустрация *иногда* способствует агрессии, однако проявляется ее влияние или нет, зависит от нескольких опосредующих факторов. В данном разделе мы рассмотрим четыре таких фактора: 1) *уровень* фрустрации, испытываемой потенциальным агрессором; 2) наличие *посылов к агрессии*; 3) степень, в которой фрустратор непредвиден или *неожиданен*; 4) *эмоциональные и когнитивные процессы* фрустрированного агрессора.

Уровень фрустрации

Несмотря на утверждения Долларда и других (Dollard et al., 1939), что данный фактор заслуживает пристального внимания, в исследованиях, где в качестве фрустратора выступал человек, им чаще всего пренебрегали. Большинство исследователей применяли самую простую процедуру, фрустрируя одну группу испытуемых, а с другой обращаясь более нейтрально, после чего затем сравнивали уровень их агрессивности по отношению к некой «жертве». Учитывая, что каждый экспериментатор руководствовался собственной интуицией, разрабатывая процедуру фрустрирования, можно полагать, что уровень фрустрации менялся от эксперимента к эксперименту в самых широких пределах. Поэтому совсем не удивительно, что и результаты получались неоднозначные. Отсюда очевидна необходимость исследования, в котором уровень фрустрации менял бы свое значение в соответ-

ствии с определенной системой, например, в зависимости от степени притягательности цели, количества блокированных реакций и т. п. Несмотря на отсутствие таких исследований, тщательный анализ имеющихся данных показывает, что интенсивность агрессивных реакций в причинно-следственной паре «фрустрация — агрессия» зависит от уровня фрустрации. Большинство исследователей, получивших данные, не подтвердившие факт влияния фрустрации на агрессию, в качестве фрустратора выбирали мелкие неприятности, в то время как ученые, получившие подтверждение гипотез, создавали экспериментальные условия таким образом, чтобы уровень фрустрации оказался высоким.

Рассмотрим, например, остроумный полевой эксперимент, осуществленный Харрисом (Harris, 1974a). Помощники экспериментатора — как мужчины, так и женщины — в буквальном смысле слова влезали без очереди в ресторан, в билетную кассу, в кассу магазина и т. п. В первом варианте они пытались пристроиться перед вторым (от начала) человеком в очереди, а во втором варианте — перед двенадцатым. Поскольку близость цели в момент помехи считается значимой детерминантой уровня фрустрации (Haner, Brown, 1955), испытуемые в первой группе должны были переживать более сильную фрустрацию и реагировать более агрессивно, чем во втором случае. Как и следовало ожидать, влезавшие в самое начало очереди попали под интенсивный «огонь» вербальной агрессии. Более того, в соответствии с предположением, что для индуцирования агрессии уровень фрустрации должен быть довольно высок, «двенадцатые» чаще предпочитали сделать вежливое замечание или промолчать, а не осыпать «нахалов» бранью. Аналогичные результаты, полученные в других экспериментах (Ebbesen, Duncan & Konecni, 1975; Gustafson, 1986b; Worchel, 1974) дают возможность предположить, что низкий уровень фрустрации либо вообще не приводит к проявлениям агрессии, либо порождает агрессивные реакции малой интенсивности.

Посылы к агрессии

Как вы можете припомнить из главы 1, Берковитц (Berkowitz, 1962, 1969, 1988, 1989) предположил, что фрустрация вызывает только готовность к агрессивному поведению. *Посылы к агрессии* — это стимулы, провоцирующие появление чувства гнева и агрессивности. Они «могут усиливать... агрессивные реакции на препятствия на пути к цели» (Berkowitz, 1989). Исходя из определения, возникновение явно выраженной агрессии возможно даже при относительно невысоком уровне фрустрации, но в присутствии достаточно интенсивных посылов к агрессии. В главе 5 мы подробно ознакомимся с воздействием этих посылов, а сейчас лишь отметим, что в уже рассмотренных нами исследованиях можно найти некоторые подтверждения этой точки зрения. Вспомним, в частности, как в эксперименте Джина (Geen, 1969) обнаружилось, что даже невысокого уровня фрустрации оказалось достаточно, чтобы интенсивность агрессивных реакций испытуемых возросла (см. рис. 4. 1). Возможно, полученный результат можно объяснить тем, что все участники смотрели киносюжет со сценами насилия, перед тем как получили возможность проявить агрессию. Таким образом, множество условных сигналов было представлено со всей очевидностью.

Густафсон (Gustafson, 1986b) проанализировал роль посылов к агрессии как промежуточного звена между фрустрацией и агрессией. В этом эксперименте первая группа испытуемых смотрела сюжет об уличных бандитских разборках

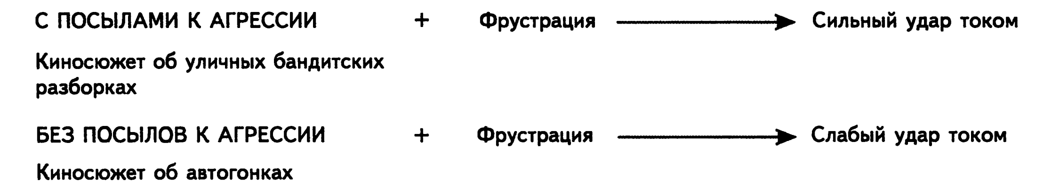

Рис. 4. 2. Согласно данным Густафсона (Gustafson, 1986b), фрустрация сама по себе не усиливает агрессию. Однако это произойдет, если фрустрирующий материал содержит посылы к агрессии.

(вариант «посылы к агрессии присутствуют»); второй группе показывали автомобильные гонки («посылы отсутствуют»). Затем обе группы подвергались дополнительной фрустрации («ученик» делал ошибки, что лишало испытуемых крупного денежного вознаграждения), и только испытуемые из группы с посылами к агрессии реагировали более агрессивно (выбирали для удара ток более высокого напряжения), когда уровень фрустрации повышали. Остальные же испытуемые постоянно назначали фрустрирующему «ученику» удар сравнительно небольшой силы. Как показано на рис. 4. 2, посылы к агрессии могут быть важным промежуточным звеном в зависимости «фрустрация—агрессия».

Непредвиденность фрустрации

Еще одно промежуточное звено в цепи «фрустрация—агрессия» — степень, в которой помеха кажется человеку случайной или неожиданной. Многие исследователи (Burnstein & Worchel, 1962; Kulik & Brown, 1979; Pastore, 1952; Rule, Dyck & Nesdale, 1978; Zillmann & Cantor, 1976) сообщают, что для людей характерен гораздо более высокий уровень раздражения и агрессии, если фрустрация непредвиденна и неожиданна.

С другой стороны, прогнозируемая и ожидаемая фрустрация не всегда вызывает возбуждение на физиологическом уровне (Zillmann & Cantor, 1986), как и последующее нападение на фрустратора. Последнее подтверждается одним из экспериментов Уорчела (Worchel, 1974), где испытуемым за участие предлагали на выбор один из трех поощрительных призов — зачет одного часа практикума, 5 долларов наличными или флакон мужского одеколона. В начале процедуры каждый испытуемый ранжировал призы в порядке их привлекательности. Иерархия призов позволяла экспериментатору манипулировать в дальнейшем уровнем фрустрации. После выполнения нескольких заданий все испытуемые в первой группе получили желаемые вознаграждения, так что они практически не испытывали фрустрации. Испытуемые во второй группе получали призы, отнесенные по привлекательности на второе место, то есть уровень их фрустрации можно было охарактеризовать как средний уровень. И наконец, в третьем варианте испытуемые получали наименее желаемые призы и поэтому достигали самого высокого для данного эксперимента уровня фрустрации. Дополнительно в данном эксперименте определялось, до какой степени возникающая фрустрация характеризуется как непредвиденная или неожиданная. Чтобы манипулировать этой переменной, первую треть участников в каждой из трех групп убеждали, что помощник экспериментатора раздаст им призы по своему выбору («подгруппа ожидания отсутствует»). Второй трети говорили, что позднее они получат призы, которые

оценили как самые привлекательные (подгруппа «наличие ожиданий»), а остальным обещали, что они смогут выбрать любые призы из имеющихся (подгруппа «выбора»). Считалось, что фрустрация будет неожиданной только для последних двух подгрупп и только в них появление внешних причин, препятствующих достижению цели, приведет к повышению уровня агрессивности.

Чтобы оценить точность этого прогноза, исследователи предоставляли испытуемым возможность проявить вербальную агрессию по отношению к ассистенту — высказаться о качестве выполненного им задания. Результаты в общем и целом совпали с ожидаемыми: только испытуемые в подгруппах «наличие ожиданий» и «выбор» продемонстрировали усиление агрессии при усилении фрустрации. Таким образом, в подтверждение гипотезы, фрустрация вела к агрессии, только когда была непредвиденной или неожиданной.

Эмоциональные и когнитивные процессы

Все рассмотренные нами к настоящему моменту промежуточные звенья являлись внешними по отношению к потенциальному агрессору — они были связаны либо с природой самой фрустрации (то есть с ее уровнем и характером), либо с посылами к агрессии, предполагаемыми ситуацией. Исследуя, каким образом фрустрация приводит к агрессивному поведению, Берковитц (Berkowitz, 1988, 1989) предположил, что психические процессы потенциального агрессора тоже предопределяют его реакцию на фрустрацию.

Чтобы человек стал вести себя агрессивно, степень аверсивности фрустрационной ситуации должна оказаться достаточной для актуализации отрицательных эмоций. Если же фрустрация не вызовет негативных чувств, то агрессии не будет. Например, Берковитц (Berkowitz, 1989) указал, что невозможность добиться желаемого результата сама по себе не является предпосылкой агрессии. Если же человек предвкушает удовольствие при достижении какой-либо цели, препятствия, возникающие на пути к ней, могут расстроить его до такой степени, что подхлестнут к агрессивным действиям. Представьте себе, например, что начальник обещал вам прибавку к жалованью и значительное продвижение по службе. В течение двух месяцев вы планировали, как замечательно проведете отпуск, и мечтали о том, как вас будут уважать коллеги. А потом начальник сообщил, что погорячился: на увеличение жалованья денег нет, и ваше повышение «еще не созрело». Вообразите свои чувства в этот момент. Наверняка вы расстроитесь, а возможно, и разъяритесь. В этом случае фрустрация обусловливается невозможностью достижения давно ожидаемого и страстно желаемого результата, что, весьма вероятно, подтолкнет вас к агрессивным поступкам.

Берковитц (Berkowitz, 1988) утверждает, что, когда фрустрация действительно вызывает отрицательные эмоции, другие психологические процессы, в том числе размышление по поводу пережитого (*когнитивный процесс*), будут влиять на реальное поведение. Человек может подбирать объяснения переживаемым эмоциям, анализировать свои чувства и/или пытаться контролировать эмоции и поведение. Если, например, негативной эмоцией является страх, то наиболее вероятными реакциями будут бегство или стремление уклониться от ситуации. Если переживание интерпретируется как *гнев*, вероятно возникновение агрессивных

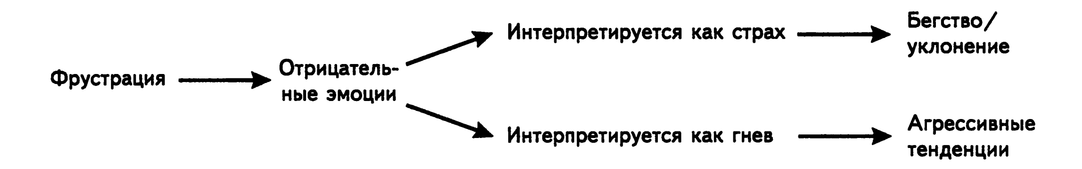

Рис. 4. 3. Берковитц (Berkowitz, 1988) предположил, что с наибольшей вероятностью фрустрация будет приводить к агрессии в тех случаях, когда эмоциональные переживания индивида оказывают на него негативное влияние и он интерпретирует свои негативные чувства как гнев.

тенденций. Таким образом, как показано на рис. 4. 3, эмоциональные и когнитивные процессы фрустрированного индивидуума ответственны за то, приведет ли фрустрация к агрессии.

Интересный пример того, как фрустрация может вызвать страх, а не гнев, мы находим в исследовании народности семаи-сенои полуострова Малакка (Robarchek, 1977). Семаи, известные своим неприятием насилия между людьми, верят, что, когда желания человека не удовлетворены, он рискует стать жертвой нападения со стороны «множества реально существующих и сверхъестественных существ, которые могут причинить ему вред, вызвать болезнь и даже смерть» (Robarchek, 1977). Таким образом, когда они встречают препятствие на пути к цели, которая была так близка и желанна, основной эмоцией в состоянии фрустрации становится страх физического воздействия, а не гнев. Например, по верованиям семаи, если человек, после того как его отверг потенциальный сексуальный партнер, испытывает фрустрацию, он становится уязвимым для духов, которые принимают внешность любимых, во время его сна занимаются с ним любовью и входят в его тело. У «одержимого появляются симптомы психических расстройств, таких как депрессия, частичное затмение сознания и боязливость. Хотя мы можем не соглашаться с объяснениями семаи, их поведение подтверждает тезис, что когнитивный процесс играет роль важного промежуточного звена в реакции на фрустрацию. Если в какой-то культурной традиции принято, что фрустрация должна вызывать страх, а не гнев, то препятствия на пути к цели *не будут* предпосылкой агрессии.

Эмпирической иллюстрацией роли когнитивных факторов явился эксперимент Паркера и Роджерса (Parker & Rogers, 1981), в котором изучалось влияние фрустраций на избирательность внимания и запоминание примеров агрессивного поведения, а также воспроизведение агрессивных действий. Ученики начальной школы выбирали игрушку, которая должна была быть их наградой за победу в игре. В варианте «фрустрация» детям не давали выиграть (в конце эксперимента им давалась еще одна попытка, и они «выигрывали» понравившуюся игрушку). В другом варианте испытуемые выигрывали и получали награду. Часть школьников затем смотрела подряд два фильма, в которых два мальчика играли с детским конструктором. В первом фильме они *сотрудничали*, помогая друг другу собирать игрушечный грузовик, во втором фильме мальчики вели себя *агрессивно*, мешая друг другу. Экспериментатор фиксировал время, в течение которого школьники наблюдали примеры агрессии и сотрудничества. Предположения Паркера и Роджерса подтвердились: предварительно фрустрированные дети дольше смотрели на пример агрессии, а дети из группы «без фрустрации» — на пример сотрудничества.

Рис. 4. 4. Паркер и Роджерс (Parker & Rogers, 1981) продемонстрировали, что фрустрация влияет не только на поведение, но и на внимание и запоминание.

Затем для изучения реального агрессивного поведения исследователи записывали на видео, как испытуемый в той же комнате играл в конструктор с незнакомым мальчиком (помощником экспериментатора). Через две минуты после начала игры экспериментатор возвращался и просил испытуемых сообщить, запомнилось ли им что-нибудь из увиденных фильмов. Последующий анализ видеозаписей выявил, что предварительно фрустрированные мальчики совершали больше агрессивных действий (например, мешали помощнику экспериментатора), чем те, кто фрустрирован не был. Фрустрированные школьники также лучше нефрустрированных запомнили агрессивные действия в фильмах. В итоге Паркер и Роджерс продемонстрировали, что фрустрация влияет не только на агрессивное поведение, но и на процессы внимания и фиксации. Если конкретизировать высказывание, то исследователи установили, что запоминание агрессивных действий из фильма было *необходимым условием возникновения* агрессивного поведения. Данный эксперимент, следовательно, подтверждает тезис, что когнитивные процессы являются важным промежуточным звеном в зависимости «фрустрация — агрессия». Как показано на рис. 4. 4, «предварительная фрустрация повышает вероятность того, что люди будут обращать внимание на агрессивные действия, запоминать их и, как следствие, осуществлять» (Parker, Rogers, 1981).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Если говорить образно, то фрустрационную теорию агрессии в ее современном виде (Berkowitz, 1988, 1989) можно представить в виде зонта, под которым можно собрать все рассмотренные нами факторы — «промежуточные звенья» цепочки «фрустрация — агрессия». *Уровень* и *непредвиденность* фрустрации порождают

негативные эмоции, наличие которых Берковитц считает необходимым для возникновения агрессивных намерений. *Посылы к агрессии* могут усилить (или подавить) побуждение к агрессии, проистекающее из обусловленных фрустрацией негативных эмоций. Таким образом, повлечет ли фрустрация за собой агрессию или нет, зависит от интерпретации индивидуумом множества ситуационных факторов (таких как интенсивность фрустрации и связанные с агрессией стимуляторы) и от его эмоциональной реакции на них.

ВЕРБАЛЬНОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ НАПАДЕНИЕ: РЕАЛЬНАЯ И КАЖУЩАЯСЯ ПРОВОКАЦИЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ АГРЕССИИ

Как вы отреагируете, если в магазине продавец вдруг беспричинно начнет оскорблять вас, издеваясь над вашим вкусом и критикуя ваш выбор? Вероятно, сильно рассердитесь и, если продавец не слишком большой и внушительный, сумеете ему ответить. Теперь представьте, что продавец вышел из-за прилавка и начал вас толкать и пихать; как вы отреагируете на это? Допустим, вы будете отвечать ему тем же — угрозой на угрозу и толчком на толчок. Дело может быстро принять крутой оборот, и вскоре вы обнаружите, что обмениваетесь уже не угрожающими жестами и выкриками, а пинками и затрещинами. Приведенный ниже любимый провокационный ритуал подростков из гетто — «забавы толпы» — ярко иллюстрирует природу этого опасного процесса:

> *Один из мучителей делает легкое оскорбительное замечание, например, о матери объекта: «Я вчера на улице видел твою мать с каким-то мужиком». За этим может последовать дополнение: «Она была пьяная как свинья». Объект провокации в свою очередь оскорбляет обидчика или членов его семьи. Обмен оскорблениями продолжается... пока не будут перечислены все родственники присутствующих и все представители животного мира с их повадками... Наконец один из участников, обычно объект провокации, доходит до предела и проводит обидчику хук справа, или вытаскивает нож, или хватается за палку. Это сигнал для обидчиков... перейти к действиям, и обычно для объекта провокации дело заканчивается телесными повреждениями (Berdie, 1947).*

Разумеется, далеко не каждое оскорбление или угроза приводят к таким последствиям. Люди часто реагируют на подобное отношение попытками примирения, капитуляцией или просто бегством. Провокационные нападения, подобные описанному выше, отнюдь не редки: прямая провокация, вербальная или физическая, часто вызывает агрессивную реакцию.

ОТВЕТНАЯ АГРЕССИЯ

Формальные подтверждения сильного влияния провокации на актуализацию агрессии были получены в ряде лабораторных экспериментов. Например, в серии исследований, проведенных Тэйлором и его коллегами (Borden, Bowen & Taylor, 1971; Dengerink & Bertilson, 1974; Dengerink & Myers, 1977; Taylor, 1967), было

выявлено, что большинство людей реагируют на физическую провокацию решительной контратакой. В этих экспериментах испытуемые попарно соревновались в выполнении заданий на время реакции, и проигравший наказывался разрядом электрического тока (см. подробнее в главе 2). Диапазон мощности возможных разрядов предварительно устанавливался обоими игроками, так что каждый якобы контролировал мощность разряда, который должен получить его противник в случае проигрыша. В соответствии с условиями эксперимента, напряжение тока в сети постепенно повышалось, так что каждый из испытуемых делал вывод, что это его противник выбирает для очередного «наказания» разряды большей мощности. Реакция большинства испытуемых на эту ситуацию была весьма прямолинейна: в ответ на провокацию они, как правило, увеличивали напряжение последующего удара током, придерживаясь принципа «око за око», а не «подставь другую щеку». Видимо, они старались максимально уравнять степени агрессии. Эквивалентность таких реакций выразительно проиллюстрирована экспериментом О'Лири и Денджеринка (O'Leary & Dengerink, 1973).

В этом эксперименте у испытуемых был противник, применявший в ходе сеанса одну из четырех возможных стратегий. В первом варианте («усиление интенсивности физического воздействия») он, следуя указаниям, увеличивал назначенную для испытуемого мощность электрического разряда. Во втором варианте («снижение интенсивности физического воздействия») противник придерживался противоположной программы, начиная с разряда высокой мощности и постепенно уменьшая ее. В третьем варианте («физическое воздействие высокой интенсивности») он выбирал высокое напряжение для всех случаев, а в четвертом («физическое воздействие низкой интенсивности») — очень низкое. На основании предшествующих исследований предполагалось, что испытуемые в каждой группе будут отвечать взаимностью, выбирая точно такую же мощность разряда, какой она была у партнера. Результаты показали абсолютную верность предположений. Испытуемые в группе «усиление интенсивности физического воздействия» отвечали разрядами большой мощности, в группе «снижение интенсивности физического воздействия» — менее мощными, а в группах «интенсивное физическое воздействие» и «физическое воздействие низкой интенсивности» повышали и понижали напряжение в соответствии с действиями противника. Короче говоря, их реакции были в высшей степени подобны. Главное следствие этого эксперимента, конечно, тот факт, что прямая провокация физическими действиями зачастую вызывает аналогичный ответ и является мощным стимулятором открытой агрессии.

Вербальная провокация тоже способна актуализировать агрессивные действия, словами пользуются гораздо чаще, чем кулаками, ногами или оружием. Как все мы знаем из личного опыта, «убийственные» комментарии и едкие замечания могут ранить едва ли не больнее, чем прямое физическое воздействие. Когда такие комментарии делает человек, чье мнение мы ценим, или когда с их помощью нас унижают в присутствии других людей, это может оказаться чрезвычайно неприятным переживанием. То, что такие действия часто вызывают мощную контратаку, было продемонстрировано во многих лабораторных экспериментах (Donnerstein, Donnerstein & Evans, 1975; Geen, 1968; Richardson, Leonard, Taylor & Hammock, 1985; Wilson & Rogers, 1975), в которых испытуемые, оскорбленные другим человеком, готовы были наказать его электрическим разрядом высокой

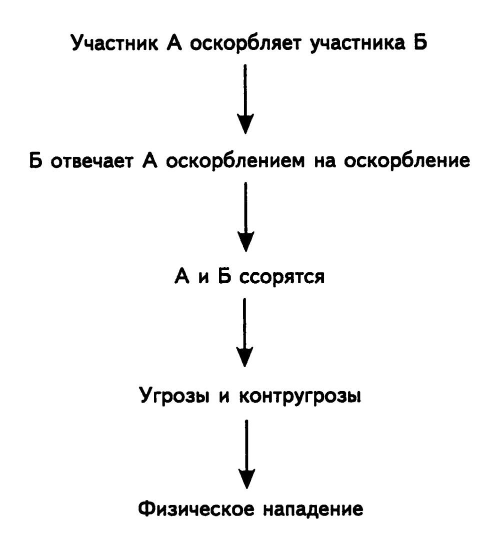

Рис. 4. 5. Модель взаимодействия, которое может привести к физическому нападению, включает в себя перерастание вербальной агрессии в физическую.

мощности или каким-то другим образом. Эти результаты объясняют, почему инциденты, начавшиеся с насмешек или обмена оскорблениями, могут быстро перерастать в свирепые драки.

В исследовании Фельсона (Felson, 1982, 1984) можно найти пример того, каким образом угрозы и оскорбления переходят в физическое насилие. Анализируя полицейские сводки о преступлениях с применением насилия и опрашивая многих людей о их личном опыте столкновения с насилием, Фельсон выявил типичную модель перехода конфликта в стадию физического насилия (в некоторых случаях убийства или нанесения тяжких телесных повреждений). Изображенная на рис. 4. 5 модель взаимодействия, ведущего к физическому насилию, включает следующие фазы: оскорбление со стороны одного участника и ответ другого ведут к конфликту на вербальном уровне, далее за угрозами следует физическое нападение. Фельсон и Стедман (Felson & Steadman, 1983) резюмировали результаты своих исследований перерастания словесной перебранки в драку и убийство такими словами: «Представляется, что именно месть не дает погаснуть и, более того, разжигает конфликты, в которых агрессивные действия обеих сторон и вероятность смертельного исхода потерпевшей стороны сплетаются в единый узел». Данные Фельсона подчеркивают также важнейшую для данной главы мысль: агрессия есть процесс *взаимодействия* по меньшей мере двух людей. Как мы утверждали ранее, агрессия возникает не в социальном вакууме, но в ответ на реальные или воображаемые действия и намерения других людей.

ПОЧЕМУ ЛЮДИ МСТЯТ

Вряд ли вас удивит высказывание, что большинство людей агрессивно реагируют на нападение: в конце концов, принцип «око за око» — очень древний. Но просто

сказать, что это старая истина — не значит объяснить, *почему* люди склонны отвечать на нападение нападением. Нельзя сказать, что такую реакцию можно отнести к роду адаптивных, напротив, она нередко приводит к эскалации конфликта и дальнейшему ущербу. Итак, почему же именно месть является наиболее вероятной реакцией на нападение?

Месть как защита

Давая простое объяснение нашей склонности реагировать на атаку контратакой, мы говорим о защитной реакции — эквивалентными действиями мы обороняемся от возможного причинения нам вреда. Денджеринк и Ковей (Dengerink & Covey, 1983) в теории «бегства» для ответной агрессии предположили, что такое поведение представляет собой «инструментальную попытку модифицировать поведение другого человека». В сущности, бегство или уход от ситуации может служить негативным подкреплением агрессии. Если мы мстим напавшему на нас, мы можем рассматривать как вознаграждение за свои собственные действия прекращение агрессивного поведения с его стороны. Аналогичным образом наша агрессия, направленная на того, от кого мы *ожидаем возможных неприятностей*, может рассматриваться как вознаграждение, если удержит противника от нападения.

По данным экспериментов, уже одна мысль о том, что другой человек хочет причинить нам вред, может оказаться адекватным стимулом агрессии. *Восприятие* враждебных или миролюбивых намерений другого человека может оказаться так же важно, как его реальные намерения. Если мы считаем, что некто хочет тем или иным образом причинить нам зло, мы скорее всего приготовимся к контратаке. Представьте себе, например, что вы проснулись среди ночи и обнаружили, что кто-то с пистолетом в руке крадется вдоль стены вашего дома. Увидев, что незнакомец приблизился к дверям, вы лихорадочно начнете искать подходящий предмет, чтобы защититься. Когда «злоумышленник» позвонит в вашу дверь, вы усомнитесь в его намерениях. Тем не менее у дверей вы вооружитесь зонтиком. К счастью, прежде чем вы успеете нанести удар, незнакомец вытащит из кармана полицейский жетон и представится детективом, проверяющим сообщение, что в окне соседнего дома промелькнул незнакомец. Какое облегчение выяснить, что человек, которого вы уже считали своим убийцей, на самом деле преисполнен благих намерений! Этот пример показывает, что восприятие ситуации или ожидания являются существенными детерминантами агрессии.

Прежде чем мы действительно ощутим угрозу в поведении потенциального агрессора, мы должны расценить его поведение как агрессивное. И первым нашим вопросом будет: какие факторы заставляют нас расценивать те или иные действия как агрессивные? В иследованиях, посвященных этому вопросу, испытуемым предлагали различные описания одного и того же происшествия. Затем испытуемых просили оценить виновника происшествия по нескольким показателям, среди которых была и агрессивность. В целом непреднамеренное причинение ущерба или деструктивные действия в целях самозащиты (например, в ответ на совершенную ранее провокацию) не так часто классифицировались как негативные или агрессивные, в отличие от намеренных или неспровоцированных действий (Berkowitz, Mueller, Schnell & Padberg, 1986; Carpenter & Darley, 1978; Ferguson & Rule, 1983; Harvey & Enzle, 1978; Horai & Bartek, 1978; Kane, Joseph & Tedeschi, 1976; Lisak, Rule & Dobbs, 1989; Mummendey, Bornewasser, Loschper &

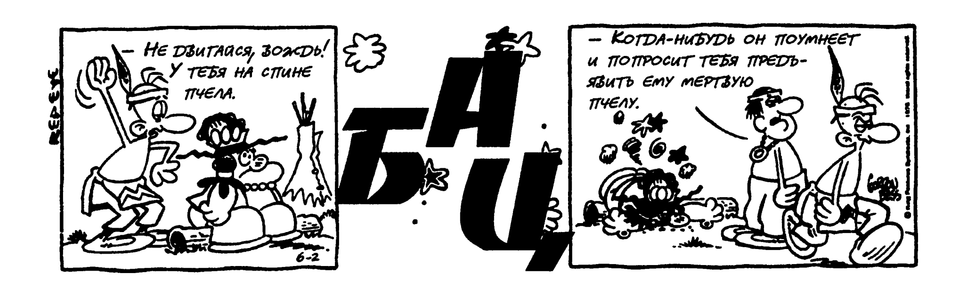

Рис. 4. 6. Агрессии способствует не только *реальное*, но и *кажущееся (мнимое)* нападение.

Linneweber, 1982). Эти результаты не протеворечат данным из рассмотренных выше экспериментов, указывая на реальное нападение как на значимую причину агрессивного поведения. Таким образом, разрушительное поведение, не являющееся реакцией на предшествующую провокацию, скорее всего будет расценено как агрессия и получит агрессивный отпор.

Люди реагируют агрессивно при наличии малейших признаков агрессивных намерений у другого человека, даже если их в действительности не атакуют (Epstein & Taylor, 1967; Gaebelein & Hay, 1974; Ohbuchi & Kambara, 1985; Taylor, Shuntich & Greenberg, 1979). Одной мысли о том, что другие имеют враждебные намерения, зачастую достаточно, чтобы вызвать неприкрытую агрессию. Это выразительно продемонстрировано в эксперименте, проведенном Гринуэллом и Денджеринком (Greenwell & Dengerink, 1973).

Экспериментальная процедура данного исследования была аналогична процедуре, разработанной О'Лири и Денгеринком (O'Leary & Dengerink, 1973): студенты колледжа состязались с фиктивным противником в выполнении заданий на время реакции. Необходимую информацию они считывали с ряда сигнальных ламп, показывающих, что противник либо увеличил мощность электрического разряда, используемого в качестве наказания, либо оставил прежнюю невысокую мощность. Половина испытуемых каждой группы была «наказана» *действительно* более мощным разрядом электрического тока, для другой половины мощность оставалась на прежнем уровне. Исследователей интересовало, побудит ли испытуемых мнимое намерение противника к тем же действиям, что и реально полученный удар током? Результаты эксперимента это подтвердили; более того, обнаружилось, что для выбора мощности ответного разряда намерения противника *важнее*, чем мощность разрядов, получаемых от него. В варианте, в котором сигнальные лампочки информировали об увеличении противником мощности электрического разряда, испытуемые, независимо от того, был ли полученный разряд более мощным или оставался на прежнем уровне, выбирали для ответного разряда более высокое напряжение. А если приборы показывали, что мощность электрических разрядов, назначаемых противником остается постоянной, испытуемые не увеличивали мощность ответных разрядов, даже когда интенсивность получаемых ими разрядов на самом деле росла. Комментируя эти результаты, Гринуэлл и Денджеринк (Greenwell & Dengerink, 1973) отмечают: «... несмотря на то что нападение является важным стимулом для актуализации агрессивного поведения, представляется, что физический дискомфорт, который испытывает индивид, имеет

меньшее значение, чем символическая составляющая нападения». Короче говоря, явные мотивы поступков другого человека или его намерения — особенно когда они в принципе провокационны — зачастую могут гораздо сильнее влиять на наше стремление направить против него агрессию, чем сам характер этих действий (для иллюстрации этого см. рис. 4. 6).

Месть как способ не уронить свое достоинство в глазах других

Мы начали этот раздел о вербальных и физических нападениях с описания гипотетической ситуации, где продавец довел вас до белого каления тем, что оскорблял вас и критиковал ваш вкус. Предположим теперь, что несколько людей стали свидетелями этой сцены. Что вы почувствуете в этом случае? Вероятно, в таких обстоятельствах инсинуации продавца будут еще обиднее, а ваша реакция станет для вас еще важнее. Вы, вероятно, захотите доказать и продавцу и покупателям, что ваш вкус *не* плох и что критика была несправедливой. Подоплекой вашего ответа на оскорбления продавца, видимо, будет стремление не уронить свое достоинство в глазах других и восстановить образ человека с хорошим вкусом. Ряд исследователей утверждает, что такое желание восстановить или произвести благоприятное впечатление часто является той силой, которая подвигает отомстить в ответ на вербальные или физические выпады (Felson, 1978, 1982; Melburg, Tedeschi, 1989; Tedeschi, 1984).

Желание произвести или сохранить благоприятное о себе впечатление может породить разные способы агрессивного реагирования. Во-первых, как в вышеприведенном примере, человек может проявлять мстительность исключительно в присутствии других людей, то есть когда есть на кого произвести впечатление (Felson, Ribner & Siegel, 1984). Во-вторых, жертва, для которой отрицать факт причинения морального или физического ущерба не имеет смысла, но которая не хочет оказаться в роли проигравшего, может попытаться вернуть свое доброе имя с помощью возмездия (Worchel, Arnold & Harrison, 1978). И наконец, стремление произвести впечатление может рассматриваться как общая тенденция отвечать на нападение эквивалентной реакцией (Donnerstein & Hatfield, 1982; Hammock, Rosen, Richardson & Bernstein, 1989; O'Leary & Dengerink, 1973). Отвечая «ударом на удар», человек будет выглядеть в глазах окружающих справедливым и честным, а это позитивный образ.

Обучи и Камбара (Ohbuchi & Kambara, 1985) утверждают, что, согласно теории мести как способа не уронить свое достоинство в глазах других, на реакцию жертвы должно влиять, осознает ли нападающий, как, успешно или нет, завершилась начатая им атака. Если преднамеренная атака закончилось для нападающего неудачей, уровень агрессии, адресованной «палачу», должен быть выше, если «палач» не знает о своем промахе. Для проверки этого предположения исследователи пригласили японских студенток участвовать в эксперименте, включающем уже известную вам процедуру «учитель—ученик». В случае, когда экспериментальные условия подразумевали «физическое воздействие высокой интенсивности», ученицы-испытуемые видели сигнал обратной связи, показывающий, что испытуемая, игравшая роль учительницы, намерена выбрать разряд очень высокого напряжения. Однако часть испытуемых на самом деле получала слабый разряд. Перед тем как поменяться ролями (эта ситуация дала бы им возможность поквитаться), испытуемым говорили, что по условиям завершившейся стадии экспери-

мента сообщение о мощности разряда и реальная мощность были прямо противоположны. Половину испытуемых убеждали в том, что «учительница» тоже узнала об этой обратной зависимости. Как и предполагалось, испытуемые выбирали разряды меньшей мощности для той «учительницы», которая осознала, что интенсивность физического воздействия неожиданно оказалась низкой, а не той, которая якобы оставалась в убеждении, что сумела причинить физический ущерб. Эти результаты подтверждают жизнеспособность трактовки ответной агрессии как способа не уронить свое достоинство в глазах других, так как испытуемые, знавшие, что обидчице известно о неудачной атаке, не приобретали образ, рассматриваемый другими как негативный (образ проигравшей), который нужно было бы менять. Кроме того, жестокая месть кажется несправедливой, когда и жертве, и обидчице известно о низкой интенсивности изначального физического воздействия.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЪЕКТА АГРЕССИИ: ПОЛ И РАСА ОБЪЕКТА КАК ПРЕДПОСЫЛКИ АГРЕССИИ

Мы уже знаем, как поведение и намерения потенциального объекта агрессии могут влиять на поведение агрессора. Ничего удивительного нет в том, что люди склонны мстить, считая, что кто-то причинил им вред или хотел это сделать. Но верно также и то, что агрессивные намерения нападающего могут быть обусловлены простейшими физическими характеристиками потенциальной жертвы. В этом разделе мы рассмотрим результаты экспериментов, показывающих, как пол и раса объекта могут влиять на актуализацию агрессивных реакций.

ПОЛ ОБЪЕКТА АГРЕССИИ

В большинстве случаев данные исследований, в которых манипулируемой переменной был пол объекта, подтверждают широко распространенное мнение, что женщины подвергаются физическому нападению реже мужчин, а если и подвергаются, то интенсивность физического воздействия будет ниже (Frodi, Macaulay & Thome, 1977). Такие результаты были получены во многих экспериментах, использующих различные процедуры, методы измерения агрессии и разные выборки испытуемых (Buss, 1966a; Taylor & Epstein, 1967). Тенденция к меньшему проявлению агрессии по отношению к объектам женского пола часто интерпретируется как «рыцарство», как отражение социализированного запрета причинять вред женщинам. «Неприемлемость» агрессии по отношению к женщине, особенно со стороны мужчины, была продемонстрирована экспериментом Канекара, Нанджи, Колсаваллы и Мукерджи (Kanekar, Nanji, Kolsawalla & Mukerji, 1981), в котором выяснилось, что мужчины, проявляющие агрессию по отношению к объекту женского пола, воспринимаются как более аморальные, чем проявляющие агрессию по отношению к объекту мужского пола. Интересно, что объекты агрессии женского пола тоже оценивались сравнительно негативно.

Ричардсон, Ванденберг и Хамфриз (Richardson, Vandenberg & Hunphries, 1986) провели эксперимент, результаты которого повторили результаты предыдущих

исследований, но предложили несколько иную интерпретацию. В их эксперименте мужчины и женщины выполняли процедуру Тэйлора на время реакции, соревнуясь с противником мужского либо женского пола. При этом уровень агрессии измерялся по трем родственным шкалам: 1) мощность электрического разряда, выбранная до провокаций со стороны объекта, была показателем *уровня начальной агрессии*; 2) мощность электрического разряда, выбранная в ответ на нарастающую провокацию объекта, — показателем *уровня агрессии как акта возмездия*; 3) частота выбора чрезвычайно высокой мощности электрического разряда (испытуемые были уверены в чрезвычайной болезненности удара для объекта) — показателем *реакция насилия*. В соответствии с ранее полученными результатами участники эксперимента реагировали на объект мужского пола более агрессивно, чем на объект женского пола, по всем трем шкалам. Исследователи предположили, что женщины вызывают меньшую агрессивность, так как воспринимаются менее угрожающими, чем мужчины. «То есть от женщин не ждут ответных агрессивных действий, считают их менее опасными, и поэтому им скорее всего не будут мстить так жестоко, как мужчинам».

Хотя лабораторные эксперименты неизменно свидетельствуют о сдерживании агрессивных действий по отношению к женщинам, случаи изнасилований и грубого обращения с женами указывают на тот факт, что женщины часто становятся жертвами насилия. Исследователи, пытавшиеся объяснить расхождения между полицейской статистикой и экспериментальными данными, сообщают, что мужчина склонен «спускать тормоза», когда угроза, исходящая от женщины, воспринимается однозначно (Golin & Romanowski, 1977; Richardson, 1981; Thompson & Richardson, 1983). В эксперименте, поставленном для выявления факторов, увеличивающих вероятность агрессии мужчин против женщин, Ричардсон, Леонард, Тэйлор и Хэммок (Richardson, Leonard, Taylor & Hammock, 1985) сталкивали мужчин-испытуемых с двумя вариантами страха. Узнав, что цель эксперимента — изучение влияния утомления на время реакции в условиях соревнования, испытуемые выполняли задание, предназначенное для измерения их физической силы (сжимание ручного динамометра) в присутствии ассистентки экспериментатора, которая регистрировала «показания». Одну половину испытуемых уверяли, что их показатели близки к зарегистрированной норме (которую женщина называла вслух), — группа *средних* показателей. Показатели силы у другой половины испытуемых оказывались значительно ниже установленной нормы — группа *низких* показателей. Внутри этих групп реакция женщины в соответствии с условиями эксперимента менялась. В половине случаев ассистентка отпускала о показателях испытуемых (как низких, так и средних) пренебрежительные реплики типа «я-то думала, что мужчины должны быть сильными» или «может быть, *у меня* это получится» — вариант «*вербального унижения*». При работе с другой половиной ипытуемых женщина просто записывала их результат, объявляя вслух норму и воздерживаясь от дальнейших комментариев, — вариант «*без вербального унижения*». На рис. 4. 7 представлены результаты этого эксперимента. Когда испытуемые позднее получали возможность проявить агрессию по отношению к ассистентке в процедуре Тэйлора, их ничто не сдерживало от того, чтобы осуществить агрессивные действия по отношению к женщине, пренебрежительно отзывавшейся о их показателях, особенно если эти показатели были очень низкими. Страха выглядеть «хуже других» в глазах женщины, а также страха от высказанного ею пренебрежения оказалось достаточно для появления необычайно высокого уров-

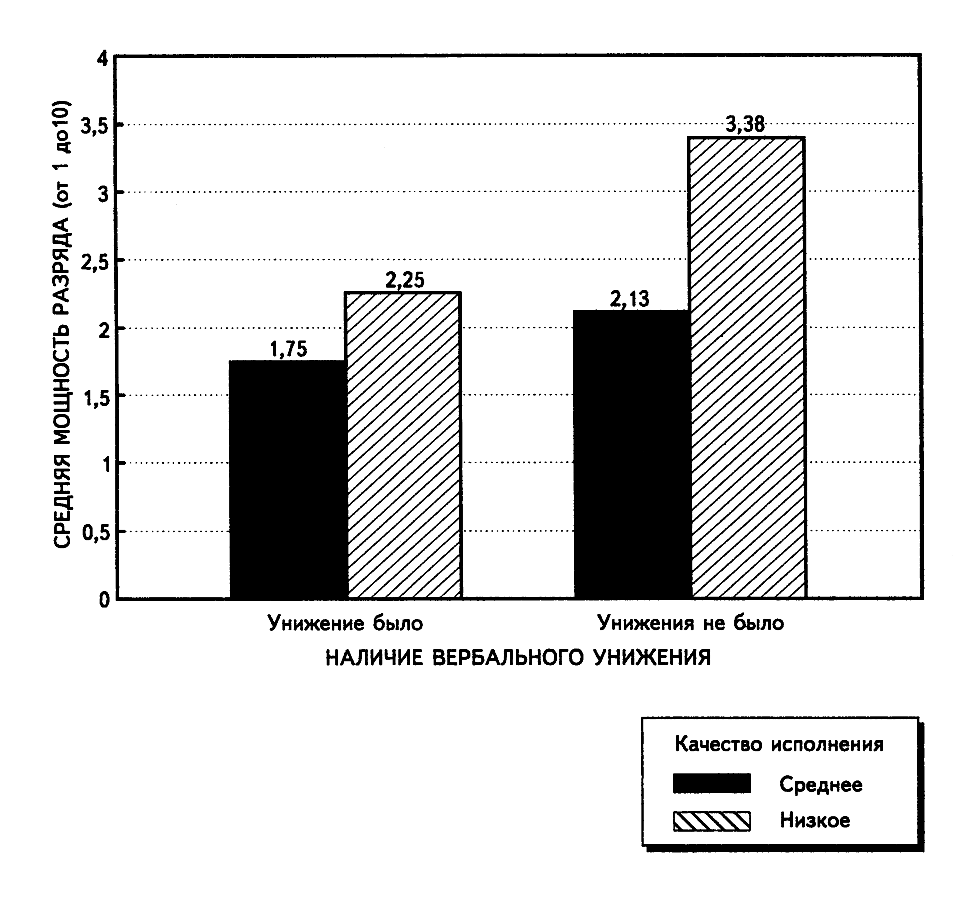

Рис. 4. 7. Воздействие вербального унижения и качества исполнения «мужского дела» на мужскую агрессивность по отношению к женщине. Низкое качество плюс критика со стороны женщины вызывают максимальный уровень агрессии. *(Richardson, Leonard, Taylor & Hammock, 1985)*

ня агрессивности мужчины по отношению к женщине. Очевидно, рыцарство проявляетя только по отношению к безобидным объектам.

В итоге нет оснований считать, что женщины подвергаются агрессии реже мужчин. Страх является одним из множества факторов, подавляющих предполагаемое сдерживающее начало не причинять вреда женщине (White, 1983). Одним из важных факторов, который мы изучим в главе 8, является пол агрессора.

РАСА ОБЪЕКТА АГРЕССИИ

Большинство исследований по влиянию расовой принадлежности объекта агрессии на агрессивность нападающего основано на двух распространенных предположениях. Первое: люди склонны быть более агрессивными по отношению к лицам, чья раса отличается от их собственной, чем к лицам одной с ними расы. Более комплексное предположение: люди с расовыми предрассудками будут вести себя более агрессивно по отношению к расе, против которой имеют какое-либо преду-

беждение, чем по отношению к собственной расе. Данные исследований не подтверждают однозначно *ни одно* из этих предположений.

Что касается первого предположения, будто человеку свойственно вести себя более агрессивно по отношению к лицам другой расы, чем по отношению к лицам одной с ним расы, здесь данные противоречивы и подразумевают наличие множества промежуточных факторов в зависимости агрессивности от расы объекта (Rogers, 1983). Хотя Уилсон и Роджерс (Wilson & Rogers, 1975) сообщают, что чернокожие более агрессивны по отношению к белым, чем к черным, во многих исследованиях агрессии было выявлено *одинаковое отношение к обеим расам* (Genthner, Shuntich & Bunting, 1975; Genthner & Taylor, 1973; Leonard & Taylor, 1981). Однако, если учитывать и другие факторы, мы обнаружим, что белые испытуемые иногда более агрессивны по отношению к черным, чем к белым, а иногда — наоборот. Например, Доннерштайн и другие (Donnerstein et al., 1972) сообщают, что при условии предполагаемого возмездия со стороны жертвы испытуемые были более агрессивны по отношению к белым, чем к черным, а в случае, когда у жертвы не было возможности отомстить, испытуемые выбирали для чернокожих жертв более мощные разряды тока, чем для представителей белой расы. В других экспериментах Доннерштайна, где экспериментальным условием была анонимность испытуемых, были получены алогичные результаты: анонимные испытуемые (то есть те, чье поведение нельзя было оценивать и порицать) реагировали на черных более агрессивно, чем на белых, в то время как испытуемые, которых можно было идентифицировать, больше агрессивности проявляли по отношению к белым, чем к черным (Donnerstein & Donnerstein, 1973; Donnerstein & Donnerstein, 1978). Рис. 4. 8 иллюстрирует влияние анонимности на межрасовую агрессию. Выглядит это так, будто белые боятся мести черных и/или общественного порицания за поведение, которое может быть интерпретировано как расизм; поэтому они подавляют свою агрессивность, если возможно возмездие или общественное осуждение, но проявляют ее, когда защищены анонимностью.

Утверждая, что значительная часть межрасовой агрессии имеет место в контексте групповой деятельности, Роджерс и Прентис-Данн (Rogers & Prentice-Dunn, 1981) изучали влияние расовой принадлежности объекта агрессии и чувства гнева на агрессивное поведение людей в группе. В различных вариациях парадигмы Басса «учитель—ученик» белым мужчинам-испытуемым говорили, что на основе мощности электрического разряда, которую выбирали для объекта они сами и трое других испытуемых, подсчитано среднее значение мощности и длительности разряда, которому будет на самом деле подвергнут объект. Перед этим половина испытуемых слышала, как белый или чернокожий испытуемый, игравший роль объекта агрессии, позволял себе оскорбительные высказывания о данной группе испытуемых, адресованные экспериментатору (вариант *«оскорбление»*); другая половина испытуемых вербальному оскорблению не подвергалась (вариант *«без оскорбления»*). Результаты напоминают полученные в исследованиях Доннерштайна: в случае «оскорбления» испытуемые проявляли больше агрессии против черных, чем против белых; в варианте «без оскорбления» белым назначались более мощные разряды тока, чем черным.

Эти и аналогичные им результаты других экспериментов могут быть интерпретированы в терминах *регрессивного расизма* (Rogers, 1983; Rogers & Prentis-Dunn, 1981). Испытуемые, если только они не возбуждены и не оскорблены, своим поведением склонны демонстрировать неприятие традиционных, ныне социально

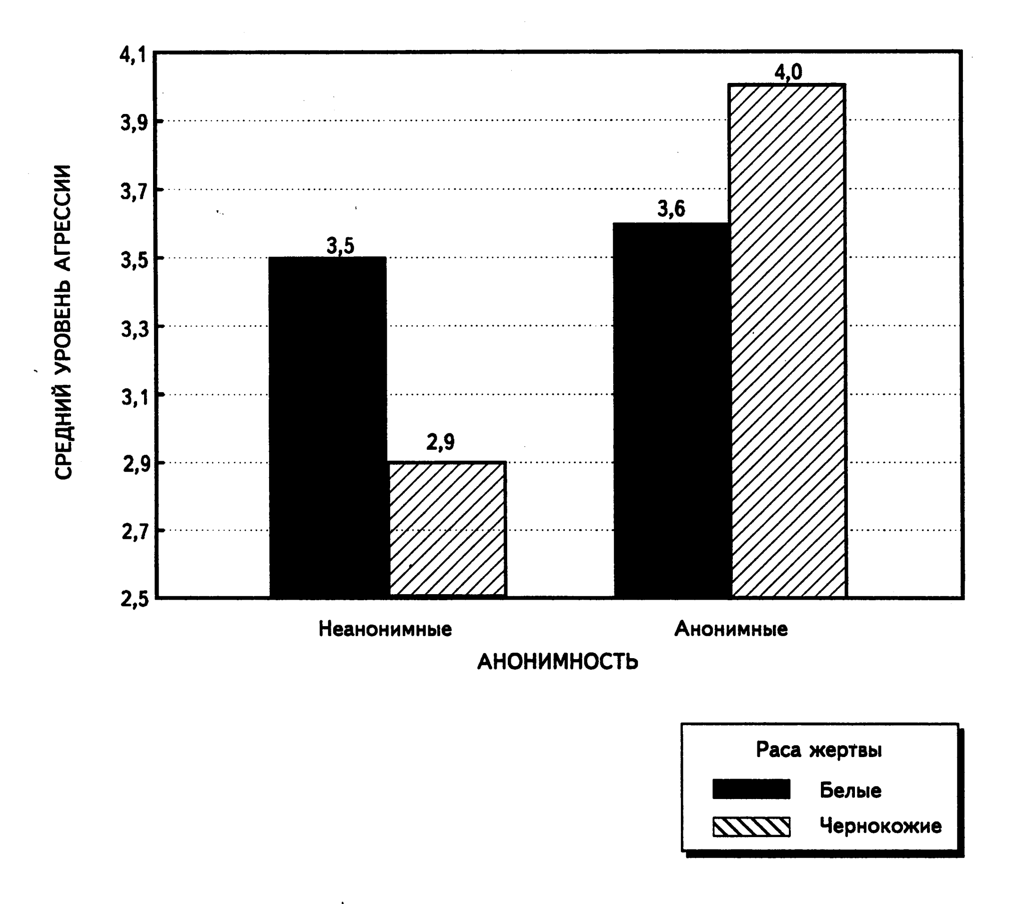

Рис. 4. 8. Межрасовая агрессия. Уровень агрессии белых испытуемых по отношению к чернокожей жертве ниже, чем по отношению к белой, если ожидается возмездие со стороны жертвы (без анонимности). Однако они предпринимают более сильные нападки на чернокожую жертву, чем на белую, когда подозревают, что возмездия не будет (то есть в варианте анонимности). *(Donnerstein et al., 1972)*

осуждаемых, расовых предрассудков. Реакция белых испытуемых может дойти до уровня обратной дискриминации, когда по отношению к чернокожим проявляется очень низкий уровень агрессии. Однако, если чернокожие возбуждены или оскорблены, испытуемые белой расы «регрессируют» до «старых, традиционных шаблонов поведения, имеющих своей целью дискриминацию черных, которые усвоены во время первичной социализации» (Rogers, 1983). Итак, предположение, что люди проявляют против чужой группы больше агрессии, чем против своей, не получило серьезного подтверждения. Скорее представляется, что ситуационные факторы, такие как анонимность и раздражение, являются промежуточными звеньями в цепи зависимости между расой объекта и агрессивностью. Люди, кажется, более склонны к дискриминации чужой группы, когда оскорблены, ощущают угрозу и/или свободны от общественного осуждения.

Литература, посвященная исследованию другой гипотезы, что лица, имеющие расовые предрассудки, будут более других стремиться к дискриминации людей

другой расы, также дает нам минимум подтверждений (Genthner et al., 1975; Genthner & Taylor, 1973). Зато эти исследования неизменно доказывали факт, что люди с предрассудками в общем более агрессивны, чем люди без предрассудков, независимо от расы объекта.

Утверждая, что в первых экспериментах по этой теме такая переменная, как раса объекта, могла быть недостаточно выражена, Леонард и Тэйлор (Leonard & Taylor, 1981) попытались заострить внимание испытуемых на данной характеристике объекта. Ожидая начала эксперимента, белые мужчины-испытуемые (критерием отбора которых послужило наличие и отсутствие у них расовых предрассудков) видели, как белый или черный испытуемый (объект будущей агрессии) вел интимную беседу с белой женщиной, с которой, по всей видимости, жил. Получив возможность проявить агрессию против объекта (в процедуре Тэйлора), все испытуемые реагировали на белого и чернокожего одинаково. Тем не менее имеющие расовую предубежденность испытуемые были *в общем* более агрессивны по отношению и к белым, и к черным, чем испытуемые без расовых предрассудков. Представляется, что люди с предрассудками могут в целом быть более враждебно настроены и склонны подозревать окружающих в агрессивных намерениях, чем люди без предрассудков. Более детально мы обсудим влияние установок индивида на его агрессивное поведение в главе 6.

ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО СО СТОРОНЫ ОКРУЖАЮЩИХ КАК ПРЕДПОСЫЛКА АГРЕССИИ

До сих пор мы рассматривали то, каким образом поведение и характеристики жертвы предопределяют агрессивную реакцию. В этом разделе мы продолжим изучать влияние социального окружения, а также рассмотрим социальное влияние других людей, а не потенциальной жертвы.

Третья сторона — люди присутствующие, но не являющиеся ни агрессором, ни жертвой — может повлиять на агрессивные взаимодействия множеством способов. Например, третья сторона может обладать властью и приказать одному человеку причинить вред другому. Менее авторитетная третья сторона может влиять на агрессию простым подстрекательством или «подначиванием» агрессора или его жертвы. Как это ни удивительно, даже простое присутствие другого человека, который не распоряжается и не подстрекает, может повлиять на взаимодействие конфликтующих.

ПРИКАЗ ЕСТЬ ПРИКАЗ: ПОДЧИНЕНИЕ ВЛАСТИ

Вообразите, что вы идете по улице, но вдруг вас останавливает абсолютно незнакомый человек и вручает вам заряженный пистолет, требуя выстрелить в кого-то, поставленного с завязанными глазами к стенке. Что вы сделаете? По всей вероятности, откажетесь: действительно, пока незнакомец будет требовать и убеждать, вы запросто сможете убежать и позвать на помощь, чтобы задержать этого явно сумасшедшего гражданина. Но теперь представьте себе несколько иные обстоятель-

ства. Вы солдат, а тот, кто дает вам пистолет, — генерал в мундире со всевозможными регалиями. Как вы поступите в этом случае? Вполне вероятно, что подчинитесь и расстреляете человека, которого никогда прежде не видели.

Эти гипотетические примеры заставляют обратить внимание на то, как прямые приказы представителя власти могут влиять на развитие и течение агрессивного поведения. Совершение большого количества агрессивных действий — особенно полицейскими, солдатами, моряками и летчиками — является следствием приказов начальства, а вовсе не провокаций жертвы и фрустраций (Haritos-Fatouros, 1988). Такое деструктивное и бездумное повиновение никого не удивляет. В конце концов, за приказами скрывается весомость служебного положения и вся мощь государства. Более неожиданно, однако, то, что даже лица, не облеченные реальной властью и просто использующие некоторые ее внешние атрибуты, зачастую способны заставить других вести себя жестоко и разрушительно. Наиболее систематические и сенсационные исследования по этой теме были проведены Милграмом и его коллегами в серии широко известных экспериментов (Milgram, 1963; 1965a, b; 1974). Для изучения способности не самого авторитетного представителя власти побудить индивидуумов к антисоциальным жестоким действиям Милграм (Milgram, 1963) разработал простую, но хитроумную процедуру. Испытуемым говорили, что они участвуют в исследовании, посвященном влиянию наказания на обучаемость. Затем им предлагали наказывать ударом тока «ученика» (на самом деле — помощника экспериментатора) каждый раз, когда он допустит ошибку в учебном задании. Мощность разряда устанавливалась посредством переключателей, и участников инструктировали следовать простому правилу: после каждой ошибки «ученика» увеличивать мощность разряда на один пункт. Тридцать делений, обозначающих возрастающее напряжение в вольтах, были отмечены словами и цифрами. На рис. 4. 9 воспроизведены надписи на панели управления. Было очевидно, что ученик вскоре подвергнется мощным и потенциально опасным электрическим разрядам, если будет часто ошибаться. Разумеется, помощник на самом деле не получал ударов током; единственным настоящим ударом был слабый 45-вольтный импульс, соответствующий третьему делению, с помощью которого испытуемому предлагали лично убедиться, что агрегат функционирует исправно.

В соответствии с указаниями помощник делал большое количество ошибок. Испытуемый оказывался перед лицом крайне неприятной дилеммы: он мог либо продолжать наказывать «ученика», доводя мощность разрядов до откровенно болезненных, либо отказаться от этого и потребовать прекращения эксперимента. Чтобы усугубить положение, экспериментатор каждый раз, когда у испытуемого возникало желание остановиться, все более непреклонным тоном приказывал продолжать. Так, при первом возникновении у испытуемого желания прекратить процедуру экспериментатор говорил «дальше, пожалуйста» или «пожалуйста, продолжайте». В следующий раз он утверждал, что «условия эксперимента требуют, чтобы вы продолжали». Если испытуемый настаивал, экспериментатор говорил «чрезвычайно важно, чтобы вы продолжали», а если даже это не помогало, он заявлял «у вас нет другого выбора, вы должны продолжать». Таким образом, испытуемый мог прервать процедуру, только открыто не повинуясь указаниям сурового и властного экспериментатора.

Вероятно, уже очевидна аналогия многих аспектов этой процедуры со стандартной системой «учитель—ученик», разработанной Бассом (Buss, 1961) для изуче-

МОЩНОСТЬ РАЗРЯДА:	**1—4**	**5—8**	**9—12**	**13—16**	**17—20**	**21—24**	**25—28**	**29—30**
НАДПИСЬ:	**Слабый разряд**	**Средний разряд**	**Сильный разряд**	**Очень сильный разряд**	**Интенсивный разряд**	**Чрезвычайно интенсивный разряд**	**Опасно: мощнейший разряд**	**XXX**
ИСПЫТУЕМЫЕ, ОТКАЗАВШИЕСЯ ПРОДОЛЖАТЬ (%):				**13**	**20**	**2**		

Рис. 4. 9. Хотя таблички на генераторе предупреждали, что «ученику» придется испытать чрезвычайно болезненный удар током, лишь 35% испытуемых в эксперименте Милграма отказались подчиниться авторитетному указанию довести мощность разряда до предела.

ния агрессии. Однако следует иметь в виду одно значительное различие между ними. В процедуре Милграма испытуемых предварительно просят — а потом приказывают — наказывать за каждую ошибку все более мощным разрядом. В противоположность этому, участникам процедуры Басса предоставляется полная свобода в выборе напряжения электрического тока. Это отличие позволяет рассматривать исследования по методике Басса в общем как источник информации о произвольной агрессии, в то время как исследования по методике Милграма считаются источником информации об агрессии, проявленной в ответ на прямые приказы постороннего человека.

Участники исследований Милграма представляли собой смешанную выборку мужчин в возрасте от 20 до 50 лет различных профессий — от разнорабочих до инженеров — и набирались по объявлению в газете. Поскольку они не имели отношения к университету, в котором проводилось исследование, и являлись добровольцами, можно было ожидать, что они окажутся весьма резистентны к требованию экспериментатора подвергнуть другого человека очевидно опасному удару электрическим током. И все же, как показано на рис. 4. 9, 65 % испытуемых продемонстрировали полное подчинение, доводя в ходе сеанса силу удара до предельных 450 вольт. Разумеется, как и предполагалось, многие участники протестовали и требовали прервать эксперимент. Однако, столкнувшись с непреклонным требованием экспериментатора продолжать процесс, большинство повиновались, нанося жертве электрические разряды снова и снова. Более того, они продолжали подчиняться, несмотря на тот факт, что при 300 вольтах «ученик» колотил по стенке (якобы от боли) и вскоре прекращал отвечать на вопросы задания. Учитывая, что в распоряжении экспериментатора фактически не было средств принуждения — испытуемые уже получили плату и были вольны уйти, когда им вздумается, — в этих экспериментах отчетливо проявилась опасная тенденция: лица, даже не имеющие особых полномочий, способны вынудить многих людей на совершение агрессивных действий.

В дальнейших своих исследованиях Милграм (Milgram, 1965b, 1974) обнаружил, что аналогичные результаты можно получить даже в условиях, которые, казалось бы, должны уменьшать склонность к повиновению. Например, когда эксперимент, сначала проводившийся в кампусе престижного университета, был перенесен в офис, находившийся в деловой части соседнего городка, испытуемые проявили лишь очень незначительное снижение склонности к подчинению. Аналогичным образом существенная их часть (62,5 %) продолжала подчиняться, даже когда

«ученик» жаловался на боль от разрядов электрического тока и просил прервать эксперимент. И наконец, многие (30%) продолжали подчиняться, даже когда от них требовалось вцепиться жертве в запястье и с силой прижимать ее ладонь к пластинке, проводящей ток! Эти данные не оставляют сомнений, что приказы, исходящие из уст облеченного властью, способны вынудить многих людей причинить физический вред жертве, которая никоим образом их не провоцировала и не фрустрировала.

Хотя влияние представителя власти зачастую велико, оно может встретить противодействие. В частности, два фактора кажутся особенно эффективными для уменьшения возможности авторитетного лица вынуждать подчиненных причинять вред другим. Во-первых, подчинение часто нарушается в условиях, когда индивид ощущает личную ответственность за результаты своих действий. В опытах Милграма экспериментатор заявлял участникам, что берет на себя личную ответственность за безопасность и благополучие «ученика». Это было резонно, ведь во многих жизненных ситуациях именно должностные лица в конечном счете должны отвечать за все промахи. Поэтому неудивительно, что в эксперименте Милграма многие испытуемые полностью подчинялись командам экспериментатора; в конце концов, если бы жертва пострадала, виноват был бы именно *он*. Но если бы ответственность за негативные последствия лежала на испытуемых? Стали бы они меньше подчиняться? Данные по этому вопросу были получены в нескольких экспериментах. Например, одно исследование (Tilker, 1970) показало, что испытуемые подчиняются гораздо более неохотно, если им перед этим сообщалось, что ответственность за жизнь и здоровье жертвы целиком возлагается на них самих. Далее оказалось, что испытуемые подчиняются с меньшей готовностью, когда они сами вынуждены наказывать жертву ударами тока, а не просто передавать указания экспериментатора об увеличении мощности электрического разряда другому человеку — исполнителю (Kilham & Mann, 1974). Видимо, повышение ответственности за свои действия противостоит тенденции подчиняться авторитету.

Второй фактор, также представляющийся эффективным в этом отношении, обнаруживается при тщательном анализе ситуаций, в которых приказы фактически не выполняются. В некоторых случаях происходит следующее: сначала один или несколько смелых и решительных людей не подчиняются власти, а затем этому примеру следуют многие. Такой ход событий предполагает, что эффективным средством против слепого повиновения приказам представителя власти может быть демонстрация примера неподчинения тех людей, которые отказываются повиноваться приказам. То, что такая процедура может с высокой эффективностью вызывать неподчинение, следует из результатов нескольких интересных экспериментов (Milgram, 1965a; Powers & Geen, 1972). Например, в самом раннем из них (Milgram, 1965a) подчинение упало с 65 до 10%, когда испытуемые наблюдали двух человек (на самом деле ассистентов), которые два раза в ходе процедуры не подчинились командам экспериментатора.

В сумме эти результаты позволяют рассматривать ответственность за свои действия и наличие примера неподчинения как два лучика надежды в непроглядно мрачной картине, вырисовывающейся из опытов Милграма. Хотя сила представителя власти, требующего подчинения даже в жестоких агрессивных действиях, велика, при подходящих условиях она *может* встретить противодействие.

«СТОРОННИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ» НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР: ЭФФЕКТ ПРИСУТСТВИЯ И ПОСТУПКОВ ТРЕТЬЕЙ СТОРОНЫ

Многие агрессивные действия совершаются в ситуации, когда на сцене присутствуют только агрессор и его жертва. Однако очень часто акты агрессии происходят в обстановке, где присутствуют также другие люди, прямо в действии не участвующие. Данный факт наталкивает на интересный вопрос: могут ли эти лица, за счет лишь своего присутствия либо поведения, повлиять на последующую агрессию? Неформальные соображения позволяют предположить, что это именно так. Толпа зевак часто подначивает разозленных противников, способствуя разжиганию опасных ссор. И напротив, присутствие некоторых людей способно, по меньшей мере, сильно подавлять явные акты агрессии (подумаем, например, о потенциальном влиянии вооруженного полицейского). Более формальные подтверждения данного предположения были получены в ряде разнообразных экспериментов. Хотя все эти исследования были посвящены воздействию наблюдателей на агрессию, с логической точки зрения они подразделяются на две группы. В первой группе внимание было сосредоточено на словах и поступках наблюдателей, а во второй — на самом факте их присутствия и на их статусе. Итак, рассмотрим обе линии исследований по очереди.

Слова и поступки наблюдателей

Одним из первых вопросов, который приходит на ум, когда речь заходит о третьей стороне, будет следующий: какую функцию она выполняет? Как мы упоминали выше, третья сторона может попытаться посредничать в примирении и помочь предотвратить эскалацию конфликта. Или же, напротив, третья сторона может подстрекать противников к атаке или контратаке, способствуя разгоранию конфликта. Фельсон и Стедман (Felson & Steadmen, 1982) на основе данных уголовных дел, в которых были зафиксированы угрозы насилия и убийства, сообщают, что третья сторона более склонна подстрекать к агрессии или сама принимать участие в агрессивных действиях, чем быть посредником в примирении. Даже между нечеловекообразными обезьянами (например, макаками-резус) существует взаимовыручка, выражающаяся во включении в драку (Bernstein & Ehardt, 1985; Massey, 1977).

Итак, как же подстрекательство со стороны нейтрального наблюдателя влияет на поведение участников конфликта? Действительно ли оно повышает их агрессивность? Эти вопросы изучались как в условиях лаборатории, так и вне ее, и ответом было неизменное «да».

Одно из самых первых исследований, объектом которого являлось подстрекательство к агрессии со стороны третьего лица, было проведено Милграмом (Milgram, 1964). В дополнение к своим ранее проведенным экспериментам на предмет послушания Милграм пытался определить, будут ли мужчины-испытуемые посылать беспомощной и невинной жертве опасный для жизни электрический разряд по совету «товарища» так же, как после указания авторитетного лица. Для проверки этого предположения он изменил свою первоначальную процедуру так, что в каждом сеансе участвовали три «учителя», а не один. Двое из них были ассистентами экспериментатора и помогали своему третьему «коллеге» — ничего не

подозревающему испытуемому — «обучать» некоего человека в соответствии с экспериментальным заданием. Другим существенным отличием этого эксперимента от оригинальной процедуры было отсутствие требования к учителю увеличивать мощность предназначенного ученику электрического разряда каждый раз, как он сделает ошибку. Мощность разряда определялась самими учителями — назначалась минимальная величина из трех предложенных ими. Однако во время эксперимента два ассистента постоянно подначивали учителя-испытуемого увеличивать мощность разряда всякий раз, когда ученик даст неправильный ответ. Таким образом, участники подвергались непрерывному социальному давлению, вынуждающему их усиливать мучения жертвы. Естественно, что рекомендации ассистентов оказывали сильное влияние на поведение испытуемых. По ходу сеанса они начинали посылать ученику электрические разряды все большей и большей мощности. Члены же контрольной группы, где в состав троек не входили ассистенты экспериментатора, напротив, предпочитали установить постоянную, очень небольшую мощность разряда. Иными словами, многократные «подначки» со стороны ассистентов вынуждали испытуемых вести себя более агрессивно.

То, что в экспериментальных условиях подобное воздействие могут оказывать не только непосредственные участники, но и зрители, было отмечено в других исследованиях по этой теме (Borden & Taylor, 1973), в которых испытуемый соревновался с фиктивным противником в выполнении заданий на время реакции по системе Тэйлора, а три зрителя подначивали его увеличить мощность назначенного разряда. Эти предложения сильно влияли на испытуемых: они значительно увеличивали мощность разряда, по сравнению с тем периодом, когда выполняли задание в экспериментальной комнате одни, без зрителей. Более того, при определенных экспериментальных условиях испытуемые продолжали посылать разряды большей мощности и после ухода зрителей. К счастью, результаты этого исследования дарят нам лучик надежды: если испытуемых убеждали уменьшить силу удара, они уступали. Однако снижение агрессивности не сохранялось после ухода зрителей. Исследуя более ста случаев насилия, преднамеренных и непреднамеренных убийств, Фельсон, Рибнер и Зигель (Felson, Ribner & Siegel, 1984) предположили, что противники будут более агрессивны, если присутствующие значимые другие (например, друзья, супруги, любовницы) тоже будут вести себя агрессивно, то есть подобное поведение значимой третьей стороны сигнализирует об одобрении насилия в качестве реакции на ситуацию. Исследователи изучили реакцию сторонних наблюдателей, связанных как с жертвами, так и с агрессорами. В качестве агрессоров рассматривались те, кому было предъявлено обвинение в преступлении, в качестве жертв — те, кто подал жалобу.

Действительно, поведение значимых других оказалось тесно связано с поведением участников. Не только агрессоры, *но и* жертвы были более агрессивны (например, наносили больше ответных ударов, ранений), когда их значимые другие вели себя агрессивно. Корреляция между попытками значимых других погасить конфликт и уменьшением физического насилия были зарегистрированы только у агрессоров; у потерпевших их значимые другие такого влияния не имели. Хотя результаты такого посредничества дают нам повод для беспокойства, исследователи напоминают, что в поле их зрения попали только те инциденты, где агрессорам было официально предъявлено обвинение в насильственных преступлениях. Возможно, в случае менее тяжких деяний посредничество имеет место чаще или по-

зволяет свести вероятность того, что агрессивный конфликт перерастет в преступление, до минимума.

Уайт и ее коллеги (White & Gruber, 1982) осуществили программу исследований, в которой процесс подстрекательства со стороны третьего лица изучался еще глубже. Целью эксперимента было выявление факторов, которые влияют на *поведение подстрекателей.* Методика исследования поведения основывалась на адаптированной процедуре Тэйлора на время реакции. Но, вместо того чтобы собственноручно установить мощность разряда для противника, испытуемые перепоручали это своему «представителю». Тот действительно посылал электрические разряды оппоненту и якобы получал ответные. Как представитель, так и противник обычно являлись помощниками экспериментатора.

Это исследование предоставило нам возможность выявить факторы, влияющие на интенсивность подстрекательства к агрессии. Например, третья сторона реагировала на провокацию противника (по отношению к «представителю») практически как агрессор: в ответ на провокацию она начинала более активно подстрекать к агрессии (Gaebelein, 1973; Gaebelein & Hay, 1974; White & Gruber, 1982). Однако, когда самим испытуемым грозил электрический разряд со стороны противника, они были склонны реагировать менее агрессивно, чем когда играли роль «неуязвимых консультантов» (Gaebelein & Hay, 1974; Gaebelein & Mander, 1978).

Один из самых интересных результатов этого исследования связан с реакцией стороннего наблюдателя на не склонного к сотрудничеству представителя (Gaebelein, 1973, 1978; White & Gruber, 1982). В своем эксперименте Габеляйн и Хэй (Gaebelein & Hay, 1975) продемонстрировали, как вербальная и поведенческая уступчивость влияют на интенсивность подстрекательства к агрессии. В соответствии с процедурой исследования женщины, игравшие роль стороннего наблюдателя (собственно испытуемые), говорили своему «представителю» (ассистенту экспериментатора), электрический разряд какой мощности они хотели бы послать противнику, который, в свою очередь, как предполагалось, должен увеличивать мощность (то есть уровень провокации) ответных разрядов по ходу процедуры. Для половины испытуемых представитель вел себя как *вербально уступчивый*, на словах соглашаясь с предложенной мощностью разряда; другая половина участниц сталкивалась с *вербальной неуступчивостью* представителя, когда предлагала мощность, превышающую 2 единицы (по 5-балльной шкале). Экспериментальные условия подразумевали также манипулирование такой переменной, как *поведенческая уступчивость*: половина представителй устанавливала предложенную испытуемой мощность разряда, другая половина не устанавливала мощность больше двух единиц. Таким образом, испытуемые консультанты могли наблюдать: 1) абсолютно (вербально и поведенчески) уступчивых представителей; 2) вербально уступчивых, но поведенчески неуступчивых представителей; 3) вербально неуступчивых, по поведенчески уступчивых представителей; 4) представителей, неуступчивых вербально и поведенчески. Результаты выявили, что подстрекательницы, которые имели дело с абсолютно уступчивыми представителями, предлагали посылать разряды большей мощности, чем те, кто сталкивался с неуступчивостью *любого* вида. Итак, представляется, что вербальный или поведенческий отказ уступить подстрекательству уменьшает склонность третьей стороны реагировать агрессивно.

Присутствие и статус посторонних

Вряд ли вас может удивить, что сторонние наблюдатели своими прямыми действиями могут влиять на ход агрессии: многие формы поведения опосредованы социальным давлением. Менее очевидны, однако, свидетельства, что эти наблюдатели могут влиять на агрессивное поведение, не предпринимая для этого никаких прямых действий. В частности, представляется, что наблюдатели зачастую могут воздействовать на осуществление агрессии самим фактом своего присутствия (Dertke, Penner, Hawkins & Suarez, 1973; Harrell & Schmitt, 1973; Jaffe & Yinon, 1979; Scheier, Fenigstein & Buss, 1974). Например, в первом исследовании, посвященном этому вопросу (Baron, 1971a), мужчинам-испытуемым предоставлялась возможность проявить агрессию по отношению к ассистенту экспериментатора в рамках парадигмы «учитель—ученик». Испытуемые находились в экспериментальной комнате либо в одиночестве, либо в присутствии двух человек, представленных как приглашенный профессор и аспирант. Результаты показывают, что наличие аудитории подавляло агрессию против жертвы. Аналогичным образом Ричардсон, Бернштайн и Тэйлор (Richardson, Bernstein & Taylor, 1979) обнаружили, что женщины-испытуемые в присутствии молчащих женщин-наблюдателей были менее агрессивны, чем те, кто участвовал в задании Тэйлора на время реакции в одиночку. Вместе взятые, результаты этих первых исследований позволяют предположить, что присутствие других людей зачастую ослабляет явную агрессию или делает ее появление менее вероятным.

Однако исследование Бордена (Borden, 1975) показало, что будет ли наличие публики способствовать появлению агрессии или, напротив, подавлять ее, довольно сильно зависит от того, как оцениваются эти люди. В данном эксперименте мужчины-испытуемые соревновались с фиктивным противником в задании Тэйлора на время реакции. Во время первой половины сеанса испытуемые работали в присутствии наблюдателя — мужчины или женщины. Половина испытуемых воспринимала наблюдателей как пацифистов, настроенных против агрессии (поскольку у них на куртках был изображен известный пацифистский символ, и их представляли как членов пацифистской организации). Другая половина испытуемых расценивала наблюдателей как людей, которые вполне могут одобрить агрессию (на их куртках была нарисована большая эмблема, свидетельствующая о членстве в каратэ-клубе, и их представляли как инструкторов по этому боевому искусству). По окончании половины сеанса наблюдатель уходил, и испытуемый продолжал в одиночестве соревноваться со своим фиктивным противником. На основании предыдущих исследований прогнозировалось, что присутствие наблюдателя-пацифиста будет подавлять агрессию, в то время как присутствие «агрессивного» наблюдателя будет способствовать ее проявлению. Эти предсказания в целом подтвердились: в присутствии агрессивного наблюдателя испытуемые были более агрессивны, чем после его ухода, и несколько менее агрессивны в присутствии наблюдателя-пацифиста, чем когда оставались одни.

Как отмечено Борденом (Borden, 1975), эти результаты вкупе с результатами предыдущих исследований предполагают, что зависимость интенсивности агрессии от присутствия посторонних лиц обусловлена тем, как агрессор оценивает отношение этих лиц к агрессии. Если агрессор ожидает одобрения — агрессия усилится, а если неодобрения — агрессия зачастую может подавляться. Однако, независимо от знака этого эффекта, очевидно, что посторонние могут повлиять на

вероятность и силу агрессии как самим фактом присутствия, так и своими явными прямыми действиями.

РЕЗЮМЕ

Агрессия не возникает в «социальном вакууме». Наоборот, зачастую именно различные аспекты межличностных взаимодействий приводят к ее возникновению и предопределяют ее формы и направленность. Возможно именно поэтому столь пристальное внимание уделяется *фрустрации*, то есть блокированию разворачивания целенаправленного поведения. Хотя фрустрацию принято считать одной из мощнейших детерминант агрессии, данные о значительности ее влияния довольно разноречивы. В то время как результаты одих экспериментов свидетельствуют о том, что фрустрирующие взаимоотношения способны привести к возникновению агрессии, из других следует либо то, что данный фактор оказывает весьма незначительное влияние, либо, что фрустрация вообще не имеет никакого отношения к агрессии. Но, как бы то ни было, влияние фрустрации на агрессию опосредовано рядом промежуточных факторов. То есть фрустрация с наибольшей вероятностью может вызвать агрессию, когда она сравнительно интенсивна, когда присутствуют так называемые «посылы к агрессии», когда фрустрация кажется внезапной или воспринимается как произвол, либо когда она когнитивно привязывается к агрессии.

Второй и, по всей видимости, намного более сильной и устойчивой детерминантой агрессии *является провокация*. Что касается физической провокации, то большое количество экспериментов указывают на то, что, как правило, люди отвечают ударом на удар и контратакой на атаку. Более того, зачастую агрессивная реакция возникает при одном только предположении о том, что у другого человека имеются какие-то враждебные намерения, независимо от того, выражается ли это в прямых действиях «недоброжелателя» или нет. Что касается вербальной провокации, то существующие данные позволяют утверждать, что ответной реакцией на оскорбления, издевки и подобные им провокации зачастую оказывается физическое нападение. В результате инциденты, начавшиеся с перебранки, нередко переходят в фазу прямого насилия. Люди, как правило, стремятся «дать сдачи», чтобы предупредить возможность возобновления нападок или не показаться окружающим «проигравшими» или беспомощными жертвами. *Характеристики объекта агрессии*, в особенности его пол и раса, также являются мощными детерминантами агрессивного поведения. В отличие от мужчин, женщины, оказываясь в ситуации агрессивного межличностного взаимодействия, сталкиваются со сравнительно более мягкими формами агрессии вероятно потому, что воспринимаются агрессорами как заведомо более беззащитные. В том же случае, когда женщины нарушают этот стереотип и начинают вести себя более воинственно или провокационно, уровень направляемой на них агрессии резко возрастает. Что касается расовой принадлежности объекта агрессии, то целый ряд экспериментов показал, что белые испытуемые демонстрируют более высокий уровень агрессивности по отношению к своим черным жертвам, и более низкий по отношению к белым, когда уверены, что их действия останутся безнаказанными.

По всей видимости, весьма мощным «посылом к агрессии» являются *«сторонние наблюдатели»*. Эксперименты Милграма показали, что, когда испытуемым приказывают «наказать» другого человека мощным и потенциально опасным для жизни разрядом электротока, многие из них охотно подчиняются, даже в том случае, если команды исходят от лица, не облеченного сколь-нибудь значительными властными полномочиями. К счастью, этой тенденции к слепому и деструктивному послушанию можно оказать противодействие, возложив на участников эксперимента личную ответственность за причиняемый ими вред и подавая им пример неповиновения. *«Сторонние наблюдатели»* могут играть роль «подстрекателей», даже не будучи непосредственными участниками агрессивных взаимодействий. Существует множество фактов, свидетельствующих о том, что сторонние наблюдатели могут оказывать существенное влияние на агрессию, причем происходит это двояким образом. Во-первых, они могут подогревать либо, наоборот, подавлять агрессию прямыми действиями (например, давая участникам конфликта вербальные рекомендации). Во-вторых, сходный эффект может быть вызван просто самим фактом их присутствия на месте действия. В частности, присутствие посторонних может усиливать прямую агрессию, если агрессор полагает, что его действия вызовут одобрение со стороны наблюдателей, и подавлять ее, если агрессор опасается, что его действия вызовут неодобрение или порицание.

5 ВНЕШНИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ АГРЕССИИ

Билл и Диана в минувшем году приобрели старый дом и почти сразу же приступили к его перестройке. Хотя они слышали, что дело это трудное и хлопотное, им не терпелось как можно скорее воплотить в жизнь свою мечту. Вскоре они обнаружили, что ремонт — это ужасное занятие. Днем в доме было полно рабочих, и свободного пространства не было вообще — кругом мебель и инструменты. Поскольку новые окна и кондиционеры только устанавливались, а работы велись в разгар флоридского лета, супругам приходилось жить в невыносимой жаре. Вдобавок всюду была пыль, рабочие постоянно все передвигали, переделывали и сверлили новые дыры в стенах. В один особенно жаркий и душный день Диана, придя с работы, обреченно вздохнула, обнаружив, что кондиционер все еще не работает. Перед приготовлением ужина ей пришлось стирать пыль с буфета и кухонной утвари. Пока она хлопотала в непроветриваемой кухне, чувствуя, что близка к срыву, домой вернулся Билл. Он что-то крикнул из кабинета, но Диана не смогла разобрать, потому что рабочие включили дрель и электропилу как раз под окнами кухни. Диана пришла к Биллу в кабинет, где он осматривал свою коллекцию старинных пистолетов, желая убедиться, что поднятая рабочими пыль не повредила его сокровища. Радуясь скорому завершению эпопеи с ремонтом, Билл попросил Диану выбрать интерьер для ванной комнаты. Рассматривая большую стопку каталогов, врученную ей мужем, Диана вдруг почувствовала нарастающее раздражение: почему она должна выполнять эту работу в дополнение к собственной? Не замечая ее состояния, Билл продолжал задавать один вопрос за другим. Наконец, не в силах больше сдерживаться, Диана, смахнув чертежи и каталоги на пол, закричала на мужа. Билл же, грубо заметив, что она не интересуется домашними заботами, избегал ее весь остаток вечера. На следующее утро, пробираясь через завалы мусора и щебня, Билл и Диана отправились на работу, не сказав друг другу ни единого слова. Добравшись до своего офиса, в котором, конечно же, был кондиционер, Диана почувствовала себя виноватой за то, что не сдержалась минувшим вечером. Билл, в конце концов, ничем не заслужил такого обращения, и она пожалела, что обидела его. Неужели это жара, шум и сутолока, задумалась она, заставили ее вести себя так несносно?

Агрессию не всегда порождают слова или поступки других людей. Во многих случаях ее вызывают или усиливают факторы, не связанные тесно с постоянно присутствующими процессами социального взаимодействия. Так, в приведенном выше примере агрессия была усилена факторами, внешними по отношению к индивидуумам и их взаимоотношениям. (Разумеется, в этом и других примерах агрессия остается формой социального поведения и направлена против других людей.) Из наиболее важных внешних детерминантов агрессии одни являются элементами *естественного окружения*, другие включают в себя *ситуационную информацию*, третьи влияют на *самоосознание*. Скоро вы увидите, что эти и родственные им характеристики нередко играют такую же ключевую роль в возникновении насилия, как и более тщательно изученные социальные факторы.

ЖАРА, ШУМ, ТЕСНОТА И ЗАГРЯЗНЕННЫЙ ВОЗДУХ

Тот, кто регулярно ездит в переполненном транспорте, работает недалеко от шумной стройки или помнит, что такое сидеть дома в жару без спасительной прохлады кондиционера, — знает из собственного опыта, что на поведение могут сильно влиять естественные факторы окружающей среды. Наше физиологическое состояние, эмоциональный настрой и даже способность справляться с различными задачами зависит от множества составляющих физического мира (Baron, 1987a). Мало того, факторы окружающей среды нередко опосредуют наши отношения с окружающими, трансформируя наши суждениях о них, нашу к ним симпатию и даже готовность прийти к ним на помощь (Altman, 1975; Baron, 1987b; Glass & Singer, 1972; Freedman, 1975). Эмпирические данные дают нам возможность предполагать, что на агрессию также могут влиять физические параметры окружающей среды. Изучался целый ряд разнообразных факторов, включая темноту (Page & Moss, 1976), выпадение вулканического пепла (Adams, Adams, 1984) и фазы Луны (Lieber & Sherin, 1972). Факторы окружающей среды, которые мы рассмотрим в данной главе — жара, шум, теснота и загрязненный воздух, — привлекли наибольшее внимание исследователей.

АГРЕССИЯ И ЖАРА: «ДОЛГОЕ ЗНОЙНОЕ ЛЕТО» ВОЗВРАЩАЕТСЯ

«Он весь *пылает* гневом», «она это сказала *сгоряча*» — подобные бытовые фразы отражают расхожее мнение, что высокая температура ведет к агрессии. Интерес к связи агрессии с температурой возник, собственно, по нескольким причинам. Степень влияния погоды на противозаконное поведение интересовала криминалистов (Rotton, 1986). Например, сводки Федерального Бюро расследований свидетельствуют, что пик насильственных преступлений приходится на жаркие летние месяцы.

Интерес к зависимости «температура—агрессия» возрос при попытках объяснить причины беспорядков, прокатившихся по Соединенным Штатам где-то в конце 1960-х—начале 1970-х годов. Газеты, радио и телевидение, комментируя пугающие события, часто связывали их возникновение с невыносимой жарой, которая переполняет чашу человеческого терпения, повышает раздражительность и тем самым готовит почву для вспышки коллективного неистовства. Действительно, систематические наблюдения подтверждают, что значительная доля серьезных массовых беспорядков, имевших место в больших городах США в те годы, приходится на жаркие летние месяцы, в периоды почти непрерывного зноя (Carlsmith & Anderson, 1979; U. S. Riot Commission, 1968).

Концепция «парникового эффекта» предполагает вступление Земли в период постепенного повышения температур. Если это так, то для социальных наук, конечно же, важно определить эффект воздействия температуры воздуха на человеческое поведение, особенно агрессивное. Фактически специалистов по агрессии интересует больше зависимость агрессии от температуры, чем от любого другого параметра окружающей среды.

Ученые, интересующиеся эффектом воздействия температуры на поведение, использовали множество методов исследования. В то время как часть исследователей сосредоточилась на роли *климата* — «космических вариациях метеоусло-

вий» (Rotton, 1986), — другая взяла на вооружение эффекты быстро изменяющихся *погодных условий*. В первой группе изучали различие в частоте правонарушений с применением насилия в «горячих» и «холодных» географических регионах (например, на Аляске и в Аризоне); во второй собирали данные о зависимости между *ежедневными* температурными показателями и актами насилия. Учитывая потенциальную ценность этих исследований для практики, многие ученые выявляли зависимость между температурой или климатом и преступлениями либо массовыми беспорядками. В этих исследованиях применялись в основном архивные методы (см. главу 2), а также изучались данные климатических или погодных наблюдений и статистика преступности. Других же исследователей беспокоило то, что чисто корреляционный характер архивных методов не предоставляет весомых аргументов по поводу причинно-следственных связей между высокой температурой и агрессией; они проводили лабораторные эксперименты для выявления эффекта воздействия температуры в контролируемых условиях, чтобы исключить факторы, которые могли бы повлиять на альтернативные объяснения зависимости агрессии от температуры (например, повышенное потребление алкоголя в жаркие дни; увеличившаяся возможность социального взаимодействия в связи с хорошей погодой).

Лабораторные эксперименты

В ранних лабораторных исследованиях содержатся косвенные указания на зависимость между агрессией и температурой. Так, результаты экспериментов Гриффитта и его коллег (Griffitt, 1970; Griffitt & Veitch, 1971) наталкивают на вывод, что многие люди, находясь в условиях изнурительной жары, действительно становятся более раздражительными, вспыльчивыми, и у них появляются негативные реакции на окружающих.

Первое лабораторное исследование, целиком посвященное влиянию высокой температуры окружающей среды на агрессию (Baron, 1972a), проводилось с целью проверки основанного на «здравом смысле» и предыдущих исследованиях (Griffit, 1970) предположения о том, что высокая температура воздуха усиливает агрессивность, особенно у раздражительных испытуемых. В этом опыте мужчинам-испытуемым представлялась возможность проявить агрессию по отношению к ассистенту экспериментатора, который предварительно либо рассердил, либо не рассердил их. Во время эксперимента половина испытуемых блаженствовала в приятной прохладе при 72—75° по Фаренгейту (22—24° по Цельсию), остальные же страдали от сильной жары 91—95° по Фаренгейту (33—35° по Цельсию). Влажность воздуха в этом и последующих процедурах поддерживалась постоянной. Но довольно прямолинейные предположения исследователя *не* подтвердились. Предварительно рассерженные испытуемые действительно демонстрировали большую агрессивность, но сама жара ожидаемого эффекта не вызвала. Фактически температура скорее *ослабила*, а не усилила агрессивность как раздраженных, так и не раздраженных испытуемых.

Хотя эти результаты были неожиданны и заставили задуматься, замечания, сделанные испытуемыми во время постэкспериментального опроса, дали возможность найти подходящее объяснение. Многие участники, находившиеся в помещении с высокой температурой воздуха, говорили, что условия в экспериментальной комнате оказались настолько неприятны, что они предпочитали наносить сравни-

тельно слабые удары в течение короткого времени, чтобы избежать любой «конфронтации», которая могла бы затянуть сеанс и их страдания. Другими словами, поведение многих испытуемых в большей степени определялось стремлением избавиться от труднопереносимых лабораторных условий, чем агрессией по отношению к рассердившему их ассистенту, которая не была ни особенно сильной, ни доминирующей реакцией их поведенческого репертуара. Это предполагает возможную связь между озадачивающими результатами и теоретическими обоснованиями природы агрессии.

По мнению Бандуры (Bandura, 1973), почти любой вид нежелательных и неприятных условий или переживаний — от сильной фрустрации до реального физического дискомфорта — может в дальнейшем способствовать возникновению агрессии, если у потенциальных агрессоров эта модель поведения является устойчивой или доминирующей. Однако, если доминируют другие реакции — особенно не совместимые с агрессией, — неприятные переживания могут фактически подавлять, а не усиливать последующую агрессию. Учитывая то, что большинство людей считают высокую температуру воздуха крайне неприятной (Baron, 1972a; Griffitt, 1970), и то, что эти условия действительно вызывают повышенное раздражение, концепция Бандуры представляется вполне пригодной для объяснения воздействия высокой температуры воздуха на агрессию. В частности, она предполагает, что изнуряющая жара будет подстрекать к нападениям на окружающих, когда агрессия — доминирующая тенденция поведения, но подавит подобные действия, если агрессия является лишь слабой второстепенной реакцией.

Бэрон и его коллеги провели впоследствии серию исследований для проверки этих предположений (Baron & Bell, 1975; Baron & Lawton, 1972). Например, Бэрон и Белл (Baron & Bell, 1975) предположили, что агрессия должна стать доминирующей тенденцией в случае, если жертва откровенно провоцировала потенциального агрессора, а после он видел реальные агрессивные действия. В других условиях агрессия не будет превалировать над всеми остальным реакциями. В эксперименте Бандуры ассистент либо откровенно провоцировал мужчин-испытуемых (занижал их самооценку), либо обращался с ними так, что не проскальзывало и намека на провокацию (испытуемые слышали о себе лестные отзывы). Затем испытуемые получали возможность проявить по отношению к нему агрессию — нанести удар током. Половина испытуемых (которым демонстрировали возможную модель поведения) наблюдала крайне агрессивное поведение, прежде чем подвергнуть ассистента ударам электрического тока. Агрессивные действия демонстрировал еще один ассистент, якобы случайно выбранный экспериментатором из числа испытуемых, — он нажимал кнопки *только* 8, 9 и 10 уровней и устанавливал длительность удара от 2 до 3 секунд. Во втором варианте жертву подвергали ударам током испытуемые, не видевшие предварительно агрессивного поведения.

И наконец, в каждом из вариантов для половины испытуемых были созданы весьма приятные условия — они находились в помещении, где было сравнительно прохладно: 72—75° по Фаренгейту (22—24° по Цельсию), в то время как остальные страдали от жары — 92—95° по Фаренгейту (33—34° по Цельсию). И снова ожидания экспериментаторов не оправдались: оказалось, что высокая температура воздуха, независимо от того, наблюдали или нет испытуемые агрессивное поведение, усиливала у нераздраженных испытуемых дальнейшую агрессию и подавляла ее у тех, кто был предварительно спровоцирован! Эти результаты

заставляют задуматься, насколько теория Бандуры (Bandura, 1973) годится для объяснения влияния жары на агрессию. Тем не менее ответы испытуемых на постэкспериментальный опросник и их комментарии во время продолжительного обсуждения свидетельствуют о том, что все без исключения участники, находившиеся в помещении с высокой температурой воздуха, в большей степени испытывали негативные чувства (дискомфорт, неудовольствие), чем те, кто находился в прохладном помещении. Более того, о самых негативных ощущениях сообщали те, кто подвергался и предварительной провокации, и воздействию жары (Baron & Bell, 1975, 1976; Baron & Lawton, 1972).

Эти данные об эмоциональном состоянии испытуемых и их желании вырваться из дискомфортной обстановки наводят на интересное предположение: может быть, ключевой психологический процесс, определяющий характер взаимосвязи — высокая температура воздуха—агрессия, — это вовсе не нарастающее возбуждение, являющееся реакцией на неприятную обстановку, а степень вызванного *негативного аффекта*, то есть уровень отрицательных эмоций, испытываемых индивидом? В частности, вполне вероятно, что при негативном отношении со стороны другого человека высокая температура воздуха, доводя ощущение дискомфорта до предела, становится для испытуемого «последней каплей», порождающей стремление свести неприятные чувства до минимума (то есть выйти из эксперимента), вместо того чтобы прибегнуть к агрессии. А вот при позитивном отношении со стороны ассистента вызванный жарой негативный аффект, возможно, лишь раздражает участников, и доминирующей реакцией становится агрессия.

Эти соображения приводят к предположению, что функциональная зависимость между уровнем негативного аффекта и доминированием агрессивных тенденций может быть *нелинейной,* то есть вероятность того, что агрессия окажется доминантной реакцией, увеличивается при возрастании негативного аффекта, обусловленного высокой температурой, неприятными запахами и любыми иными факторами, до некоторой точки, по достижении которой тенденция к данному типу поведения ослабевает, а другие, взаимоисключающие агрессию реакции (например, стремление выйти из крайне дискомфортной ситуации), становятся доминирующими.

В нескольких исследованиях (Baron & Bell, 1976; Bell & Baron, 1976) были получены результаты, подтверждающие эту гипотезу. Например, Бэрон и Белл (Baron & Bell, 1976), варьируя тремя независимыми переменными, создавали в восьми экспериментальных группах условия, при которых мужчины-испытуемые начинали испытывать негативный аффект различной степени — от очень низкой до очень высокой. По данным предыдущих исследований, эти независимые переменные — тип оценки испытуемого другим человеком (позитивная или негативная), степень сходства установок испытуемого и этого же человека (высокая или низкая), а также температура воздуха (жара или прохлада) — оказывали сильное влияние на эмоциональное состояние испытуемых.

В согласии с вышеупомянутой гипотезой нелинейной зависимости агрессии от негативного аффекта, Бэрон и Белл (Baron & Bell, 1976) обнаружили, что сначала, с ростом негативного аффекта, уровень агрессии испытуемых возрастал, но позднее, когда условия стали более дискомфортными, фактически снизился. Эти данные, приведенные на рис. 5. 1, позволяют предположить, что промежуточным фактором при влиянии температуры воздуха на агрессию вполне может оказаться негативный аффект, а не общее возбуждение: подтолкнет ли высокая температура

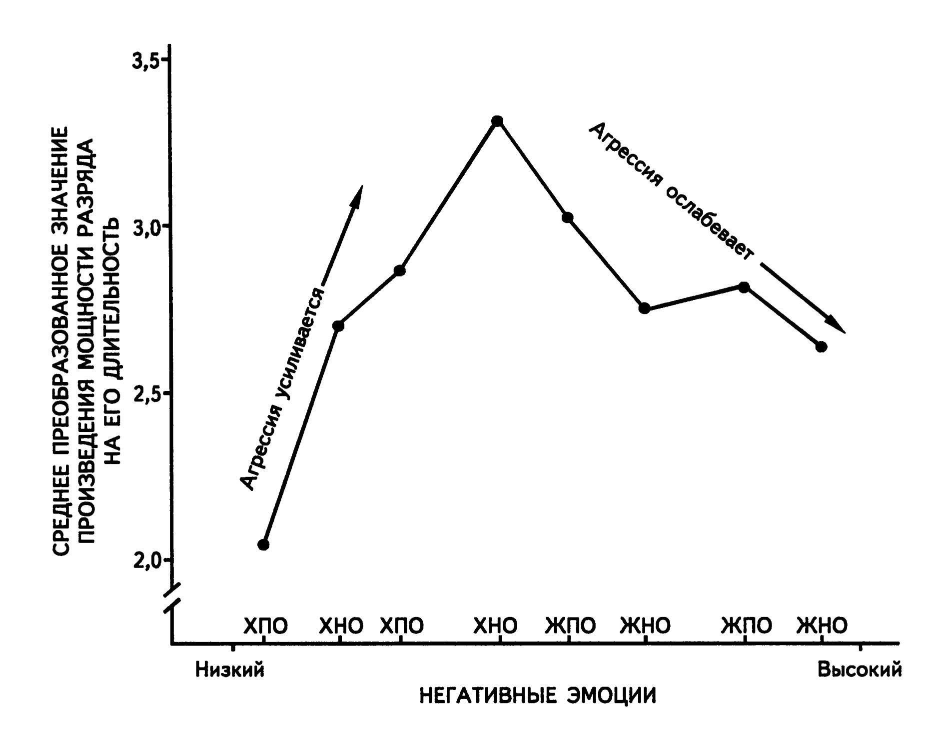

Рис. 5. 1. Эмпирические данные о существовании нелинейной зависимости между негативным аффектом и агрессией. Буквы на оси ординат соответствуют различным экспериментальным группам (например, ХПО=холодно, позитивная оценка, сходные установки; ЖНО=жарко, негативная оценка, различные установки). Разъяснения смотри в тексте. *(Bell & Baron, 1976)*

к агрессивным действиям или подавит их, зависит от уровня дискомфорта, который испытывает человек. Если этот уровень низок, высокая температура воздуха может способствовать прямой агрессии; если же уровень негативного аффекта уже довольно высок, действие высокой температуры может быть сведено к парадоксальному эффекту *подавления* последующей агрессии. В последнем случае люди могут чувствовать себя так скверно, что им просто не придет в голову нападать на других! (Всякий, кто испытывал полный упадок сил во время длительной жары, знаком с подобным эффектом не понаслышке.)

В других экспериментах получены дополнительные подтверждения данной концепции. Во-первых, как и прогнозирует *модель негативного аффекта*, холод, вызывающий неприятные ощущения, приводит, видимо, к тем же самым эффектам, что и жара (Bell & Baron, 1977). Во-вторых, результаты, не противоречащие этой модели, были получены и из экспериментов, где в качестве источников негативного аффекта использовались теснота (Matthews, Paulus & Baron, 1979) и неприятные запахи (Rotton, Frey, Barry, Milligan & Fitzpatrick, 1979).

Паламарек и Руле (Palamarek & Rule, 1979) разработали процедуру тестирования, где один из аспектов модели негативного аффекта — избегание — проявлялся с большей очевидностью. После того как испытуемые вынесли и жару и оскорбление, им предоставили возможность выбрать, в каком задании — предпо-

лагающем агрессию или в более коротком, не требующем агрессивных действий (избегание) — они будут участвовать.

Как и ожидалось, те, у кого негативный аффект был умеренным (столкнулись либо с оскорблением, либо с жарой), оказались более склонны выбрать задание, где требовались агрессивные действия, чем те, у кого негативный аффект был низким (ни жары, ни оскорбления) или высоким (и жара, и оскорбление).

Если проанализировать результаты описанных выше исследований, становится ясно, что зависимость агрессии от температуры воздуха имеет нелинейный характер. Этот вывод согласуется как с теоретической концепцией, разработанной Бэроном и Беллом, так и с экспериментальными данными. Тем не менее, как это часто бывает в науке, до сих пор нельзя говорить о полной ясности в данном вопросе — исследования с применением других методов *не* подтвердили гипотезу нелинейной зависимости.

Архивные исследования

В результатах архивных исследований связи агрессии с температурой проявился последовательный *линейный* характер зависимости между этими двумя переменными (Anderson, 1989; Anderson & Anderson, 1984; Carlsmith & Anderson, 1979; Cotton, 1986; Harries & Stadler, 1983, 1988; Michael & Zumpe, 1983; Reifman, Larrick & Fein, 1991; Rotton, 1986). Этот эффект прослеживался на данных из многих городов (например, Де-Мойн, Даллас, Индианаполис), используя в качестве меры агрессии насильственные преступления (Harries & Stadler, 1983), массовые беспорядки (Carlsmith & Anderson, 1979) и количество вызовов полиции из-за семейных скандалов (Rotton & Frey, 1985). Независимо от того, изучалось ли влияние погоды (Cotton, 1986; Michael & Zumpe, 1983) или климата (Lewis & Alford, 1975; Rotton, 1986), вывод был один — *с ростом температуры растет и агрессия.*

Одно из первых архивных исследований связи агрессии с температурой воздуха было проведено Бэроном и Рансбергером (Baron & Ransberger, 1978). Хотя они сообщили о наблюдавшемся и ранее *нелинейном* характере зависимости между числом массовых беспорядков и ежедневными температурами, Карлсмит и Андерсон (Carlsmith & Anderson, 1979) заявили, что данные Бэрона и Рансбергера могут оказаться артефактом из-за особых мер, которые при этом использовались, а именно: не учитывалось количество дней с температурой, попадающей в диапазоны умеренной и очень высокой. Карлсмит и Андерсон повторно обработали данные, вычисляя *условные* вероятности массовых беспорядков при температуре в заданном диапазоне. Такой анализ выявил *линейную* зависимость между температурой и беспорядками.

Андерсон (Anderson, 1987) провел два архивных исследования зависимости насильственных и ненасильственных преступлений от температуры. Он рассчитывал, что «насильственные преступления... будут сильнее связаны с температурой... чем ненасильственные, поскольку соответствующее поведение имеет значительно более агрессивный характер». В первом исследовании Андерсон использовал сводки Федерального Бюро расследований за десятилетний период с 1971 по 1980 год для получения данных о частоте насильственных и ненасильственных преступлений. К насильственным преступлениям относились убийства, изнасилования и серьезные нападения; к ненасильственным — ограбления, карман-

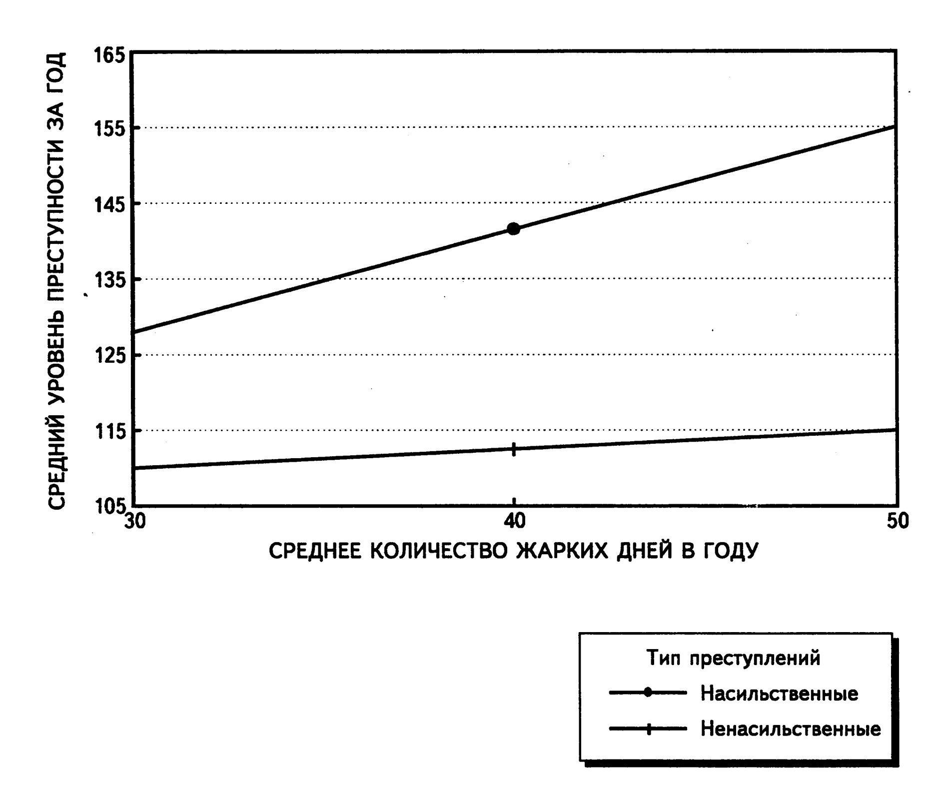

Рис. 5. 2. Количество жарких дней оказывает на насильственную преступность большее воздействие, чем на ненасильственную. *(Anderson, 1987)*

ные кражи, кражи со взломом и угоны автомашин. Используя данные климатических наблюдений Департамента коммерции США, он определил количество жарких дней (с максимальной температурой выше 90° по Фаренгейту). Как показано на рис. 5. 2, Андерсон обнаружил значимую положительную корреляцию между количеством жарких дней и числом насильственных преступлений. Проследив данный эфект не только по годам, но и по кварталам, исследователь заключил, что больше всего насильственных преступлений совершалось не только в самые жаркие годы, но и в самые жаркие кварталы года.

В своем втором исследовании Андерсон (Anderson, 1987) сосредоточился на климатических эффектах, выясняя, «действительно ли в городах с жарким климатом уровень насильственной преступности выше, чем в городах с более прохладным климатом». В этом исследовании он учитывал также действие социальных переменных, которые можно было считать связанными с преступностью (например, безработица, доходы, средний возраст, образование). Хотя социальные переменные оказались ответственны за значительную дисперсию в уровне преступности, последний продолжал определяться температурой.

Другими словами, в городах с большим количеством жарких дней уровень насильственной преступности был сравнительно выше. Хотя приведенные исследования показали, что температура воздуха имеет отношение к инцидентам насилия, некоторые ученые отмечают влияние других факторов на зависимость агрессии от

температуры. Харриес и Штадлер (Harries & Stadler, 1983), например, выяснили, что день недели более значим для предсказания уровня насильственной преступности, чем индекс дискомфорта, вычисляемый на основе температуры и влажности. Харриес и Штадлер (Harries & Stadler, 1988) рассудили, что людям в престижных кварталах легче избежать влияния жары, так как они всегда могут воспользоваться кондиционером, и поэтому рассматривали статус кварталов в качестве фактора, определяющего уровень насилия. Они выяснили, что температура является значимым фактором только в кварталах со средним и низким статусом. Роттон (Rotton, 1986) и Де-Фронцо (DeFronzo, 1984) отметили, что связь между климатом и преступностью, в сущности, очень слабая; когда они учли в уравнении предсказания другие социокультурные и социально-экономические факторы (например, доходы, безработицу, неграмотность), влияние климата на преступность оказалось сравнительно слабым.

Лабораторные исследования в противопоставлении архивным: разрешение противоречия

Лабораторные и архивные исследования зависимости агрессии от температуры неизменно приводят к различным результатам. В лабораторных исследованиях подтверждается модель *негативного аффекта:* когда он растет вместе с ростом температуры, сначала это приводит к доминированию агрессивных реакций; по мере же роста дискомфорта (и негативного аффекта) доминирующей реакцией скорее всего станет реакция, несовместимая с агрессией, в частности, уход. Однако в архивных исследованиях уверенно обнаруживается *линейная* (с положительным коэффициентом) функциональная зависимость агрессии от температуры — с ростом температуры растет агрессия. Чем можно объяснить различие этих результатов?

Андерсон и его коллеги (Anderson, 1989; Anderson & Anderson, 1984) предположили, что результаты лабораторных исследований могут искажаться из-за «саботажа испытуемых», то есть испытуемые, особенно в группах с высокой температурой воздуха, думая, что в эксперименте проверяется расхожее представление о повышении агрессивности с ростом температуры, стараются саботировать эксперимент, ведя себя наперекор гипотезе. Однако Андерсон и Андерсон (Anderson & Anderson, 1984) отмечают, что нелинейная зависимость между негативным аффектом и агрессией была выявлена также при других негативных стимулах, таких как запахи и теснота, и в данном случае объяснение «саботажем» неприменимо, поскольку не существует заслуживающих внимания гипотез об их связи с агрессивным поведением. По мнению других ученых, испытуемым более свойственно думать, что из лабораторных ситуаций легче выйти, чем из реальных (Bell & Baron, 1981; Bell & Fusco, 1986; Geen, 1990; Mueller, 1983).

Фактически экспериментаторы, использовавшие в качестве испытуемых студентов, из соображений профессиональной этики напоминали им, что те вольны в любой момент выйти из экспериментальной ситуации. Поскольку уход из лаборатории действительно является очевидной альтернативой, желание избавиться от неприятной ситуации может конфликтовать у испытуемых с их агрессивными тенденциями. «Но в реальной жизни людям в жару может быть крайне дискомфортно, и нет реальных надежд на избавление. В таких обстоятельствах возможно существование более прямой связи между жарой и агрессией» (Geen, 1990).

Кенрик и Мак-Фарлайн (Kenrick & MacFarlane, 1986) попытались совместить преимущества лабораторных и архивных исследований, проведя *эксперимент* вне лаборатории. При избранной стратегии испытуемые не знали, что участвуют в эксперименте (и, следовательно, не могли «саботировать» его), а исследователи могли изучать поведение в «реальном мире». Эксперимент проводился на регулируемом уличном перекрестке в Фениксе, штат Аризона, с апреля по август. Ассистентка останавливала свою машину на красный свет перед другими машинами и не двигалась с места, когда загорался зеленый. Агрессия измерялась количеством автомобильных сигналов, длительностью каждого сигнала и временем от включения зеленого света до первого гудка. Исследователи сообщают о *линейной* зависимости между агрессивными сигналами и температурой, но полученные результаты не позволяют с уверенностью отбросить нелинейную гипотезу. Джин (Geen, 1990) приводит по этому поводу два соображения.

Во-первых, у водителей стоящих машин не было возможности ухода, а значит, методика эксперимента не позволяла проверить нелинейную гипотезу. Во-вторых, не исключено, что сигналы, по сути дела, были не агрессивной, а инструментальной реакцией: водители блокированных машин могли сигналить, чтобы стоящий впереди автомобиль освободил им проезд!

Несколько ученых попытались заново интерпретировать или прояснить имеющиеся данные, чтобы объяснить противоречие в результатах. Белл и Фуско (Bell & Fusco, 1986, 1989), например, использовали данные двух архивных исследований (Cotton, 1986; Harries & Stadler, 1983) и отметили, что *вариативность* насилия возрастает с температурой, то есть при сильном зное поведение испытуемых было менее устойчивым — как и следовало бы ожидать в случае конфликта между стремлением к бегству и агрессией. Джин (Geen, 1990) отмечает также, что «Бэрон и его коллеги никогда не настаивали на утверждении о нелинейной зависимости между агрессией и жарой. Они говорили лишь о том, что жара вносит свой вклад в негативный аффект и что результирующее эмоциональное состояние, если эмоции окажутся достаточно сильными, вызывает реакцию бегства, конкурирующую с агрессией».

Хотя картина остается несколько туманной, разумным выглядит следующее общее заключение. Во-первых, зависимость между агрессией и температурой воздуха гораздо сложнее, чем казалось когда-то. В результате любое чересчур широкое или категоричное обобщение о влиянии данного параметра среды на индивидуальное и коллективное насильственное поведение представляется неприемлемым. Во-вторых, сложность зависимости между агрессией и жарой подразумевает, что учащение беспорядков, мародерства и тому подобных инцидентов во время жарких летних месяцев не вызвано непосредственно или исключительно повышением температуры в эти периоды. Скорее, важную роль могут играть другие факторы — такие как большее количество людей на улицах, повышенное потребление алкоголя, удлинившийся световой день, каникулы у подростков. В итоге «долгое знойное лето» может ассоциироваться с насилием, но лишь при весьма специфических условиях и в силу сложных причин.

ШУМ И АГРЕССИЯ: ЗВУК НАСИЛИЯ?

К неприятным побочным эффектам индустриализации — наличию нескольких автомобилей на семью и интенсивному воздушному движению — относится чрез-

вычайно высокий уровень шума во многих урбанизированных регионах. Например, установлена связь уровня шума, типичного для многих городов, с потерей слуха (Kryter, 1970) и симптомами стресса (Pennebaker, Burnam, Schaeffer & Harper, 1977). Считается также, что шум оказывает негативное влияние на межличностные отношения. Скажем, например, что шумную обстановку ассоциируют с уменьшением взаимопомощи и снижением социальности (Cohen & Weinstein, 1981). Вдобавок громкий и неприятный шум может способствовать проявлениям межличностной агрессии (Geen, 1978; Geen & O'Neal, 1969; Konecni, 1975b, Mueller, 1983).

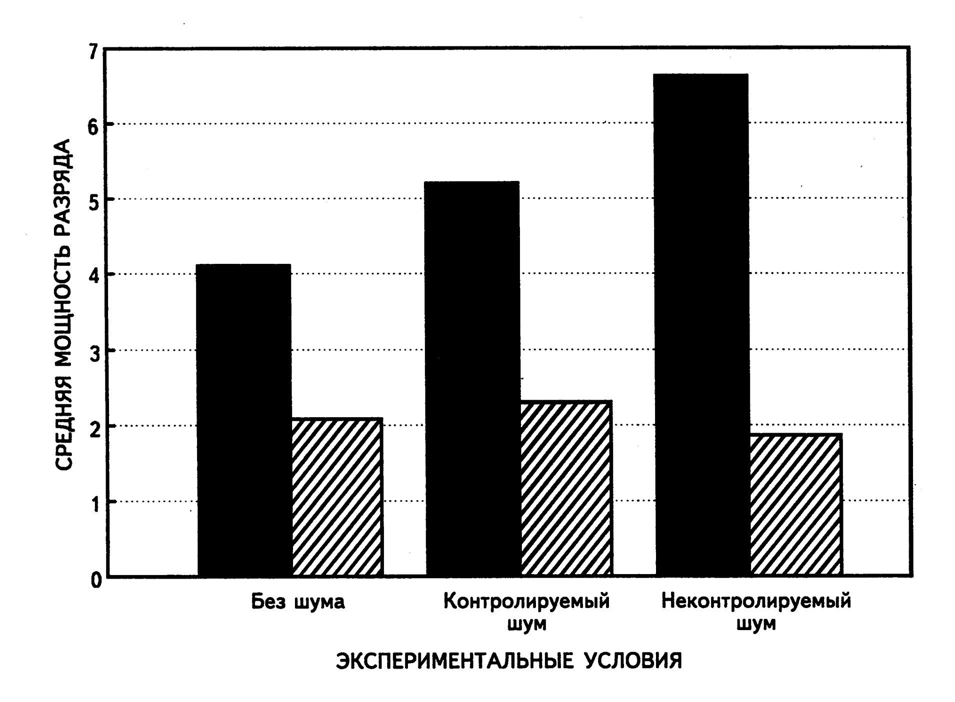
Доннерштайн и Уилсон (Donnerstein & Wilson, 1976) провели одно из самых ранних исследований влияния шума на текущую агрессию. В первом эксперименте мужчин-испытуемых сначала раздражал либо не раздражал помощник экспериментатора (оценивал написанное испытуемым сочинение благосклонно или очень резко), а затем они получали возможность проявить агрессию против этого человека в рамках разработанной Бассом (Buss, 1961) процедуры «учитель—ученик». Изображая учителя, назначающего ассистенту удары током, испытуемые надевали наушники и слышали односекундные импульсы шума — либо негромкого (65 децибелл), либо громкого (95 децибелл). У испытуемых, сердитых на ассистента, громкий шум значительно усиливал агрессию. Однако на участников, не подвергшихся провокации, уровень шума воздействия не оказывал.

Джин и Мак-Каун (Geen & McCown, 1984) сосредоточились на физиологическом возбуждении как основе зависимости между агрессией и шумом. Студентов выпускного курса приглашали участвовать в двух различных исследованиях. Во время первого, посвященного «выяснению эффекта от ударов электрического тока при межличностном взаимодействии», помощник экспериментатора посредством ударов тока выражал свое несогласие с установочными заявлениями, которые испытуемый зачитывал вслух. Половина участников получала десять ударов (вариант «сильная атака»), другая половина — только два (вариант «слабая атака»). Во время второго исследования испытуемых просили подвергать ассистента экспериментатора ударам током, чтобы можно было измерить «физиологические реакции при решении задач». Все испытуемые надевали наушники, якобы для того чтобы не отвлекаться. В варианте «неконтролируемого шума» участники слышали серию двухсекундных импульсов белого шума[1] мощностью в 85 децибелл. В варианте «контролируемого шума» испытуемые могли заглушить шум, нажав на кнопку. В варианте «без шума» в наушниках шума не было. Несколько раз за время процедуры экспериментатор измерял показатели физиологического возбуждения.

На рис. 5. 3 представлены результаты: на испытуемых в группе «слабой атаки» шум не влиял. А вот среди испытуемых, подвергшихся сильной атаке ассистента, группа «неконтролируемого шума» реагировала более агрессивно, чем те, кто мог выключать шум или вообще не получал неприятных стимулов. Вдобавок различия в физиологическом возбуждении оказались связаны с различиями в агрессивном отклике. Эти данные свидетельствуют, что и контроль и возбуждение являются значимыми параметрами для зависимости агрессии от шума. Хотя шум может вызывать способствующее агрессии возбуждение, сознание, что от неприятного шума легко избавиться, видимо, подавляет его воздействие.

---

[1] Шум с равномерным спектром частот. *(Прим. перев.)*

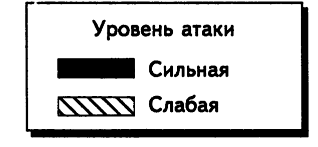

Рис. 5. 3. Когда испытуемые сильно спровоцированы, неконтролируемый шум вызывает больше агрессии, чем контролируемый шум или тишина. *(Geen & McCown, 1984)*

Связь между агрессией и возбуждением мы обсудим несколько более детально в одной из следующих глав. В данный же момент нам представляется важным упомянуть одно замечание, касающееся предположения, что в основе зависимости агрессии от шума лежит возбуждение. Харрис и Хуанг (Harris & Huang, 1974) обнаружили, что у испытуемых, которым сказали, что громкий шум вызывает возбуждение, агрессивность из-за шума *не* усиливалась. Исследователи утверждают, что, поскольку испытуемые имели атрибуцию для своего возбуждения (а именно шум), они не были склонны ассоциировать свой дискомфорт с жертвой.

ЭФФЕКТЫ ТЕСНОТЫ

Несмотря ни на что, население земного шара продолжает возрастать, в то время как пригодное для обитания человека пространство остается практически неизменным. Проживание большого количества людей в ограниченном географическом районе порождает много проблем. Природные ресурсы не беспредельны, и окружающей среде может быть причинен невосполнимый ущерб.

Существуют определенные свидетельства того, что высокая плотность населения для самих людей тоже неприятна и вызывает стрессы (Epstein, 1981). Неясно, однако, до какой степени этот дискомфорт трансформируется в агрессию. Обзор исследований по зависимости между соотносимыми с агрессией переменными и плотностью населения не допускает однозначного заключения. В то время как часть исследований показывает, что теснота усиливает агрессию (Griffitt & Veitch, 1971), другие свидетельствуют, что она подавляет этот тип поведения (Loo, 1972; Matthews et al., 1979). Кроме того, в нескольких экспериментах продемонстрировано усиление агрессии в тесной толпе мужчин, но не женщин (Freedman, Levy, Buchanan & Price, 1972; Schettino & Borden, 1976; Stokols, Rall, Pinner & Schopler, 1973).

Несколько исследователей пытались объяснить эти противоречия. Большинство из них поднимали вопрос о критическом факторе, который может быть ответственным за эффекты тесноты. Другими словами, *почему* люди в толпе более агрессивны?

Гипотеза интенсификации Фридмана (Freedman, 1975) подразумевает, что в тесноте обостряются или усиливаются типичные реакции индивидуума на любые ситуации. Если типичными являются позитивные реакции, теснота превратит их в еще более благоприятные. Если же типичные реакции относятся к разряду негативных, теснота обострит их негативную природу. Фридман говорил по этому поводу следующее:

> *Я предполагаю, что теснота сама по себе не оказывает на людей ни хорошего, ни дурного эффекта, но она служит катализатором индивидуальных типичных реакций на ситуацию. Если для человека привычно приятное окружение, он любит, когда рядом с ним есть люди, думает об окружающих как о своих друзьях, — одним словом, позитивно реагирует на других людей, его реакции в условиях тесноты также будут более позитивны. Напротив, если обычно он не симпатизирует другим людям, ему неприятно их присутствие, он чувствует к ним агрессивность и в целом негативно реагирует на других людей, его реакции в условиях тесноты также будут более негативны.*

Уорчел и Тедли (Worchel & Teddlie, 1976) предположили, что «не объем доступного индивидууму пространства сам по себе, а расстояние между людьми — вот что определяет степень стресса, возникающего в конкретной ситуации». Поэтому они провели исследование, в котором варьировали *плотность* и расстояние взаимодействия. Студенты-мужчины, группами по семь или восемь человек, участвовали в эксперименте по «групповой работе» в маленьком (с «высокой плотностью») или большом (с «низкой плотностью») помещении. Исследователи манипулировали дистанцией, расставляя стулья по кругу, либо так, что их ножки практически соприкасались (вариант «плечом к плечу»), либо так, что между стульями было полметра (вариант «на расстоянии»). В этих условиях испытуемые заполняли опросники, решали лингвистические задачи и обсуждали проблемы человеческих взаимоотношений. Последнее давало возможность измерения склонности к наказаниям, в данном эксперименте — переменной, связываемой с агрессией. А именно: испытуемые, индивидуально и в группе, давали рекомендации по мерам борьбы с подростковыми правонарушениями. В то время как плотность не оказывала влияния на частоту появления в рекомендациях испытуемых призывов к применению карательных мер, дистанция повлияла на их суждения: как индивидуальные, так и групповые рекомендации, когда стулья стояли близко,

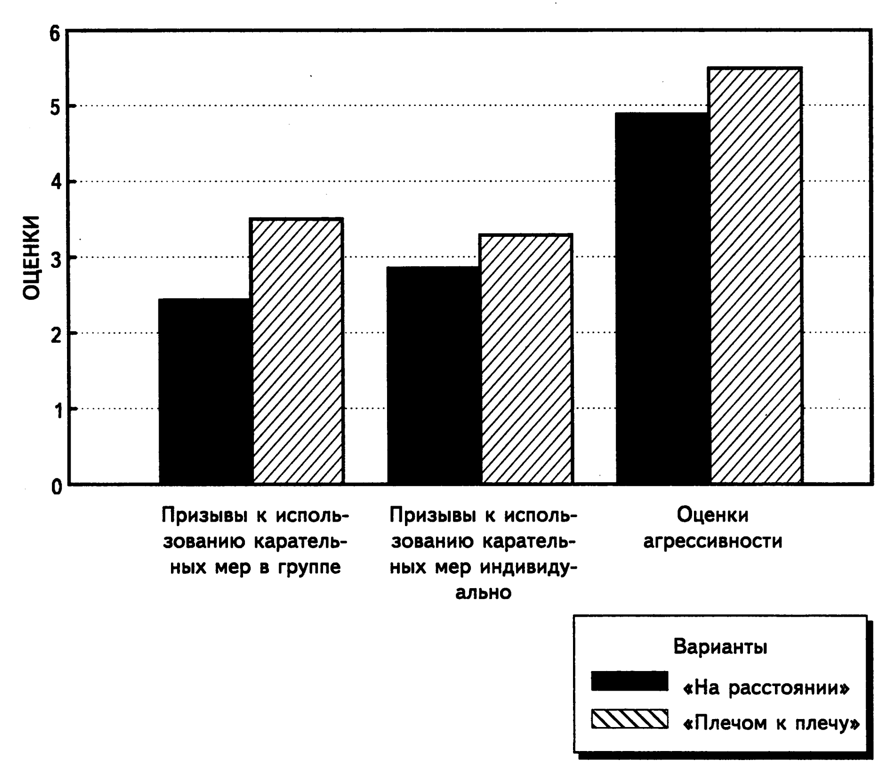

Рис. 5. 4. Дистанция, при которой осуществляется взаимодействие, является более значимой детерминантой агрессии, чем фактическая плотность. *(Worchel & Teddlie, 1976)*

чаще содержали в себе подобные призывы, чем в случае, когда между стульями было некоторое расстояние. Кроме того, испытуемые в варианте «плечом к плечу» оценивали других членов своей группы как более агрессивных и менее симпатичных, чем это было в варианте «на расстоянии» (см. рис. 5. 4). Уорчел и Тедли (Worchel & Teddlie, 1976) заключают, что «дистанция, а не плотность сама по себе, является параметром пространства, соотносимым с фактором тесноты».

Стокдейл (Stockdale, 1978) утверждает, что исследователи игнорируют разницу между *плотностью* и *теснотой*. Плотность есть количество людей на единицу пространства — это объективная количественная характеристика. Теснота же является субъективно воспринимаемым состоянием, которое *может* возникать при высокой плотности скопления людей. Ожидаемая зависимость между агрессией и плотностью, видимо, определяется тем положением, что плотность создает негативный аффект из-за ощущения тесноты. И в самом деле, существуют некоторые данные, что в то время как реальная, объективная площадь, приходящаяся на члена семьи, не связана с семейными ссорами, в семьях, где жалуются на тесноту, происходит сравнительно больше семейных скандалов (Welch & Booth, 1975).

Мэттьюс и другие (Matthews & others, 1979) попытались объяснить эффект скученности в контексте модели негативного аффекта по Бэрону и Беллу (Baron & Bell, 1976). Испытуемые в этом эксперименте выполняли кооперативное или конкурентное задание в условиях высокой или низкой плотности скопления лю-

дей. Предполагалось, что в вариантах как конкуренции, так и высокой плотности негативный аффект будет сильнее. Вспомним, что модель негативного аффекта предсказывает нелинейную зависимость между негативными эмоциями и агрессией, то есть те, кто испытывает сравнительно слабые или очень сильные негативные эмоции, склонны реагировать менее агрессивно, чем те, у кого негативный аффект находится на среднем уровне. И действительно, исследователи сообщают, что участники в вариантах высокой плотности и конкуренции реагировали более агрессивно, чем те, кто перед возможностью проявить агрессию выполнял требующее сотрудничества задание. Представляется, что те, на кого действовали оба параметра негативного аффекта, были более заинтересованы в выходе из ситуации, чем в агрессии.

Итак, видимо, накапливаются некоторые свидетельства того, что теснота ведет к негативным ощущениям и негативным реакциям на окружающих. Однако, как читатель уже мог заметить, меры «агрессии», использованные в большинстве экспериментов по эффекту тесноты, сравнительно непрямые. Другими словами, во многих экспериментах не использовались традиционные методы измерения агрессии (см. главу 2), в которых имитируется прямое причинение вреда другому человеку; вместо этого используются непрямые измерения по «карательному уклону» или по оценкам агрессивных эмоций.

Эксперимент Мэттьюса и других (Matthews & others, 1979) является исключением. Таким образом, нам следует быть осторожными при заключении о воздействии тесноты на агрессивное поведение. И все же исследования подтверждают тезис, что теснота порождает негативные чувства, которые при некоторых условиях могут трансформироваться в агрессивное поведение.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЗАГРЯЗНЕННОГО ВОЗДУХА НА АГРЕССИЮ

Озабоченность общественности загрязнением воздуха привела к некоторым существенным социальным изменениям. Например, беспокойство из-за вреда пассивного курения привело к запрещению курения в общественных местах. Последствия загрязнения воздуха для физического здоровья вполне очевидны (Evans & Jacobs, 1981). Однако лишь немногие знают, может ли проживание в загрязненной атмосфере иметь социальные последствия. Например, из-за плохого качества воздуха могут уменьшаться взаимопомощь (Cunningham, 1979) и искажаться социальные взаимодействия (Bleda & Bleda, 1978).

Нет необходимости жить в сильно задымленных городах, таких как Лос-Анджелес или Чикаго, чтобы испытать негативное воздействие нездорового воздуха. Хотя антиникотиновая кампания избавляет нас от пассивного курения, сигаретный дым — загрязнитель воздуха, знакомый почти каждому. Исследования воздействия табачного дыма на агрессивное поведение (Jones & Bogat, 1978; Zillmann, Baron & Tamborini, 1981) показали, что пассивное курение действительно усиливает агрессивность. Например, в эксперименте Зильманна и других (Zillmann & others, 1981) испытуемые мужского и женского пола — предварительно рассерженые или нет — дышали либо дымом, который приписывался экспериментатору или его помощнику, либо чистым воздухом. Те, кто смотрел фильм в дымной комнате, независимо от источника дыма проявляли к экспериментатору больше враждебности, чем те, кто смотрел фильм в комнате без дыма.

Роттон и его коллеги (Rotton & Frey, 1985; Rotton & others, 1979) изучали зависимость между загрязнением воздуха и поведением в межличностном общении, используя как лабораторные, так и архивные методы. Роттон, Барри, Фрей и Соулер (Rotton, Barry, Frey & Soler, 1978) сообщают, что из-за неприятных запахов испытуемые выражали антипатию к ассистенту экспериментатора. В последующих архивных исследованиях выяснилось, что в Дейтоне, штат Огайо, увеличение концентрации озона связано с количеством вызовов полиции из-за семейных ссор (Rotton & Frey, 1985).

Эффекты загрязненности воздуха, на которую жалуется большинство людей, тем не менее являются непрямыми, такими как непрозрачность, раздражение глаз и зловоние. «Атака на чувства», производимая загрязненным воздухом, способна вызвать негативный аффект, который при определенных обстоятельствах может увеличивать вероятность агрессивного поведения. Эффект, который большинство людей отмечают в связи с загрязнением воздуха, — это запах. Так, Роттон и другие (Rotton & others, 1979) варьировали эту переменную в лабораторном исследовании, предназначенном также для проверки описанной выше модели негативного аффекта. Участники, подвергавшиеся действию очень неприятного и умеренно неприятного запаха или вовсе не ощущавшие его, выступали в роли учителя и назначали удары током человеку (ассистенту экспериментатора), который перед этим рассердил либо не рассердил их. Они становились «учителями» либо после (вариант «с примером»), либо до того (вариант «без примера»), как роль учителя играл ассистент и подвергал жертву самым сильным ударам электрического тока. Таким образом, исследователи варьировали три независимых переменных: раздражение, наблюдение примера агрессии и запах. В соответствии с моделью негативного аффекта, они обнаружили, что, не считая нескольких начальных попыток, испытуемые реагируют более агрессивно, если чувствуют умеренно неприятный запах, чем если запах сильно неприятный или если воздух чист. Исследователи пришли к выводу, что «загрязнение воздуха не только вредит здоровью и причиняет неудобство, но один из видов загрязнения воздуха способствует агрессивному поведению. Кроме того, хотя люди могут жаловаться лишь на крайне неприятный дым и протестовать против очень высокого уровня загрязнения, агрессивность их реакций выше, когда уровень загрязнения умеренный».

Менее заметная характеристика воздуха — концентрация в нем положительных и отрицательных ионов — также может влиять на настроение и социальное поведение. В нескольких лабораторных исследованиях изучалось влияние ионизации на негативный аффект, работоспособность и взаимоотношения (Baron, 1987b; Charry & Hawkinshire, 1981; Kruegér & Reed, 1976; Wofford, 1966). Кажется, отрицательные ионы оказывают как негативное, так и позитивное действие. Хотя они улучшают работоспособность в простых заданиях (Baron, 1987a), они также вызывают у агрессивно настроенных людей агрессивное поведение.

Бэрон и другие (Baron & others, 1985) создавали низкую, среднюю и высокую концентрацию отрицательных ионов во время мнимого «исследования биологической обратной связи», где мужчины-испытуемые посылали порции горячего воздуха через манжету на запястье ассистента, который перед этим рассердил либо не рассердил их. У испытуемых также измерялся личностный тип — «А» или «Б». Люди типа «А» характеризуются высокой раздражительностью и сильной реакцией на стресс, поэтому исследователи предполагали, что положительное воздействие на настроение отрицательных ионов (Wofford, 1966) будет особенно «приятно»

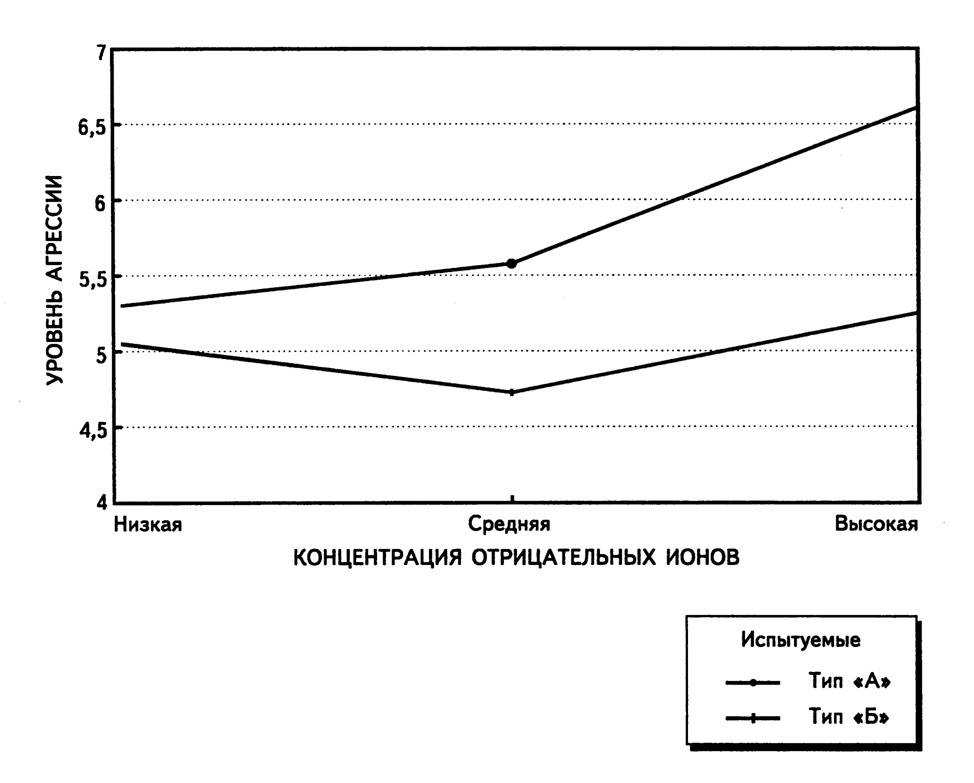

Рис. 5. 5. При средней и высокой концентрации отрицательных ионов раздражительные люди типа «А» реагируют более агрессивно, чем «добряки» типа «Б». *(Baron, Russel & Arms, 1985)*

для личностей этого типа. Однако, против их ожиданий, люди типа «А» при высокой и средней концентрации отрицательных ионов посылали жертве порции более горячего воздуха, чем при низкой концентрации (см. рис. 5. 5). На поведение остальных участников эксперимента концентрация ионов не влияла.

Бэрон и его коллеги интерпретировали эти результаты в терминах активирующего действия отрицательных ионов. Другими словами, повышая возбуждение, отрицательные ионы увеличивают вероятность доминирующей реакции. Учитывая раздражительность людей типа «А», предполагалось, что их активированной доминирующей реакцией будет агрессия. Отметив, что приборы, предназначенные для повышения в воздухе концентрации отрицательных ионов, продаются как средства улучшения настроения и повышения работоспособности, исследователи напоминают, что «различные их эффекты... *не* выглядят неизменно благоприятными... вмешательство в окружающую человека среду путем искусственной генерации отрицательных ионов представляется и безответственным, и нецелесообразным».

ПРОДОЛЖЕНИЕ САГИ ПРО БИЛЛА И ДИАНУ

После сцены, описанной в начале данной главы, Диана и Билл, извинившись друг перед другом за вспыльчивость, заговорили о причине своей раздражительности.

Они предположили, что условия, в которых они жили, могли повлиять на их отношение друг к другу. Диана согласилась обратиться за советом к своему приятелю Бобу, профессору психологии в местном университете.

Боб уверил Диану, что наиболее вероятной причиной трений между ней и Биллом была дискомфортная обстановка, воцарившаяся в их доме. Он пояснил, что стресс из-за неблагоприятных окружающих условий способен вызывать негативные чувства и приводить к конфликту и что проблемы, с которыми столкнулись Диана и Билл, не имеют отношения ни к одному из них, но объясняются дискомфортными стрессовыми условиями, возникшими из-за происходящего в их доме ремонта. Боб предложил ей с Биллом по мере возможности отдыхать от жары, шума, сутолоки и пыли в доме. Не подумать ли им о том, чтобы переехать на несколько месяцев в местный мотель?

ВНЕШНИЕ ПОСЫЛЫ К АГРЕССИИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В своих попытках изучить влияние *классических условных рефлексов* на поведение Берковитц (Berkowitz, 1964, 1969, 1974) разработал программу исследований сигналов к агрессии. В частности, он предположил, что люди (и даже предметы) могут становиться *посылами для возникновения агрессии,* если между ними и раздражением или наблюдаемым насилием и агрессией вообще устанавливается повторная ассоциативная связь. Коль скоро они приобрели такое значение, их присутствие может стимулировать или «вытаскивать на поверхность» агрессивные реакции человека, который был рассержен или иным способом подготовил почву для агрессии. Короче говоря, такие посылы будут действовать на поведение аналогично действию любых других посылов — они станут *внешними детерминантами* агрессивного поведения. Подобные сигналы могут иметь самое различное происхождение. Например, черная форма команд спортсменов-профессионалов ассоциируется с более агрессивной игрой, большим числом штрафов и зрительским восприятием большей агрессивности (Frank & Gilovich, 1988). Агрессивная реклама также может изобиловать посылами к агрессии (Caprara, D'Imperio, Gentilomo, Mammucari, Renzi & Travaglia, 1987). В своих исследованиях Берковитц основное внимание уделял индивидуальным характеристикам (например, именам) и оружию в качестве сигналов к агрессии. В этом разделе мы также обратимся к исследованиям по влиянию масс-медиа на агрессию у взрослых.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАК ПОСЫЛЫ К АГРЕССИИ

Чтобы выявить, как характеристики индивида, выступающие в качестве посылов к агрессии, воздействуют на силу направленной на него атаки, Берковитц и его коллеги провели ряд взаимосвязанных экспериментов (Berkowitz, 1965; Berkowitz & Geen, 1966; Berkowitz & Knurek, 1969). Базовая процедура всех экспериментов состояла в следующем.

Испытуемым сообщали, что они, разбившись на пары, будут участвовать в эксперименте по изучению влияния стресса на способность решать задачи. Цель

испытуемых — представить в письменном виде решение данной им задачи. В качестве стрессогенного фактора выступало то, что напарник (являющийся на самом деле ассистентом) должен был оценить решение испытуемого — нанести определенное количество ударов электротоком (от 1 до 10). По окончании задания половина участников получала от ассистента один удар током (очень хорошая оценка), а остальные — семь (очень плохая оценка). Таким образом, одна половина испытуемых стала испытывать раздражение, в то время как чувства другой оставались нейтральными.

На следующей стадии эксперимента испытуемые смотрели либо фильм, изобилующий агрессивными действиями (демонстрировалась жестокая схватка боксеров), либо фильм, где не было элементов агрессии (с захватывающими гонками). После просмотра участники менялись ролями — теперь настоящих испытуемых просили проверить и оценить решения, якобы сделанные ассистентом. Методы оценивания оставались прежними — определенное количество (от 1 до 10) ударов электротоком в зависимости от правильности решения задачи. Количество и длительность разрядов, назначаемых испытуемыми ассистенту, рассматривались как показатели агрессивности.

Чтобы изменить силу посылов (в данном случае помощник экспериментатора), были предприняты попытки варьировать степень ассоциации ассистента с увиденным в фильме насилием. Например, в первом эксперименте (Berkowitz, 1965) половине испытуемых ассистента представляли как студента колледжа, увлекающегося боксом, для остальных он фигурировал как «студент, специализирующийся в филологии». Исследователи считали, что первый вариант характеристики ассистента (боксер) вызовет ассоциации или установит связь между персоной ассистента и сценой боксерского поединка, усилив посылы к агрессии (разумеется, это касалось только испытуемых, смотревших фильм с демонстрацией агрессии). Предполагалось, что самую сильную агрессию ассистент вызовет у тех, кому он был представлен в качестве боксера, кого рассердил на предварительной стадии эксперимента, и у тех, кто посмотрел фильм о боксерском матче. Результаты подтвердили этот прогноз: по количеству и длительности разряды электрического тока, назначаемые ассистенту этими испытуемыми, превосходили аналогичные показатели в других вариантах эксперимента.

В нескольких дополнительных экспериментах (Bercowitz & Geen, 1966; Geen & Berkowitz, 1966) исследователи сделали попытку усилить посылы к агрессии, установив связь между именем (а не специализацией) ассистента и увиденными на экране сценами насилия. Например, в эксперименте Берковитца и Джина (Berkowitz & Geen, 1966) половине испытуемых ассистент был представлен как «Боб» Андерсон, а остальным — как «Кирк» Андерсон. Поскольку одним из главных героев фильма о боксе был актер Кирк Дуглас, имя «Кирк» (но не «Боб») порождало ассоциацию между персоной ассистента, представленного под этим именем, и увиденным насилием. Как и ожидалось, испытуемые назначали ассистенту самое большое число ударов, когда были предварительно рассержены, посмотрели фильм со сценами насилия и считали, что помощника экспериментатора зовут Кирк Андерсон (см. табл. 5. 1).

Рассматриваемые в комплексе с другими данными (Berkowitz, 1974; Berkowitz & Frodi, 1979; Berkowitz & Knurek, 1969; Carlson, Marcus-Newhall & Miller, 1990), результаты этих исследований подтверждают следующую точку зрения: на частоту и силу агрессивных действий, адресованных конкретному человеку, может

Таблица 5. 1. **Результаты эксперимента Берковитца и Джина[1] (1966)**

	Фильм со сценами насилия		Фильм о гонках	
Имя ассистента[2]	Не рассерженные	Рассерженные	Не рассерженные	Рассерженные
Боб	1,45[3]	4,55	1,64	4,00
Кирк	1,73	6,09	1,54	4,18

[1] По данным Берковитца и Джина (Berkowitz & Geen, 1966).

[2] Самое большое количество ударов ассистенту назначали те, кто смотрел фильм со сценами агрессии, был раздражен ассистентом и ассоциировал его имя с увиденным на экране насилием (то есть считал его «Кирком» Андерсоном).

[3] Указанное число показывает среднее количество ударов электротоком, назначенных ассистенту испытуемыми.

сильно повлиять степень ассоциации данной персоны с неприятными событиями вообще или с тем, что в прошлом или настоящем вызывало раздражение. Действительно, эти данные дают возможность предположить, что даже слабых условных раздражителей, связывающих индивида с такими событиями или людьми, бывает достаточно для существенного изменения его способности притягивать агрессивные действия со стороны тех, кто заранее «готов» к подобной модели поведения, основываясь на опыте прошлых провокаций.

ПРЕДМЕТЫ КАК ЗАЧИНЩИКИ АГРЕССИИ: ЗАСТАВЛЯЕТ ЛИ КУРОК НАЖАТЬ НА НЕГО?

Когда у Билла и Дианы вышла размолвка, описанная в начале этой главы, они находились в кабинете, где хранилась коллекция старинных пистолетов. Не могло ли случиться так, что их тенденция к агрессии усилилась из-за одного лишь наличия оружия? Да, это могло произойти, поскольку *предметы*, обычно связываемые с агрессией, вспышками гнева и примерами насилия, могут приобретать значение посылов к агрессии.

Подтверждение существованию подобных эффектов мы находим в широко известном эксперименте, который провели в свое время Берковитц и Ле-Паж (Berkowitz & LePage, 1967). Сперва помощник исследователя провоцировал на агрессию часть испытуемых (молодых людей — студентов колледжа), затем испытуемым предоставляли возможность проявить агрессию по отношению к самому ассистенту, нанося ему удары электрическим током. В первом варианте (контрольная группа) аппарат, с помощью которого испытуемые наносили ассистенту удары электротоком, был единственным предметом на столе. А в двух других группах на столе рядом с пультом управления лежали револьвер 38-го калибра и двустволка 12-го калибра. Одной из этих групп говорили, что оружие является антуражем другого эксперимента, никак не связанного с текущим. Второй же группе исследователь пояснял, что нынешняя жертва (ассистент) использует это оружие в другом эксперименте, который проводит сам. И наконец, в четвертой группе на столе рядом с пультом управления лежали предметы, не ассоциирующиеся с агрессией (бадминтонные ракетки и воланы).

В соответствии со взглядами Берковитца на действие стимуляторов агрессии, была выдвинута гипотеза, что сам факт наличия оружия будет способствовать

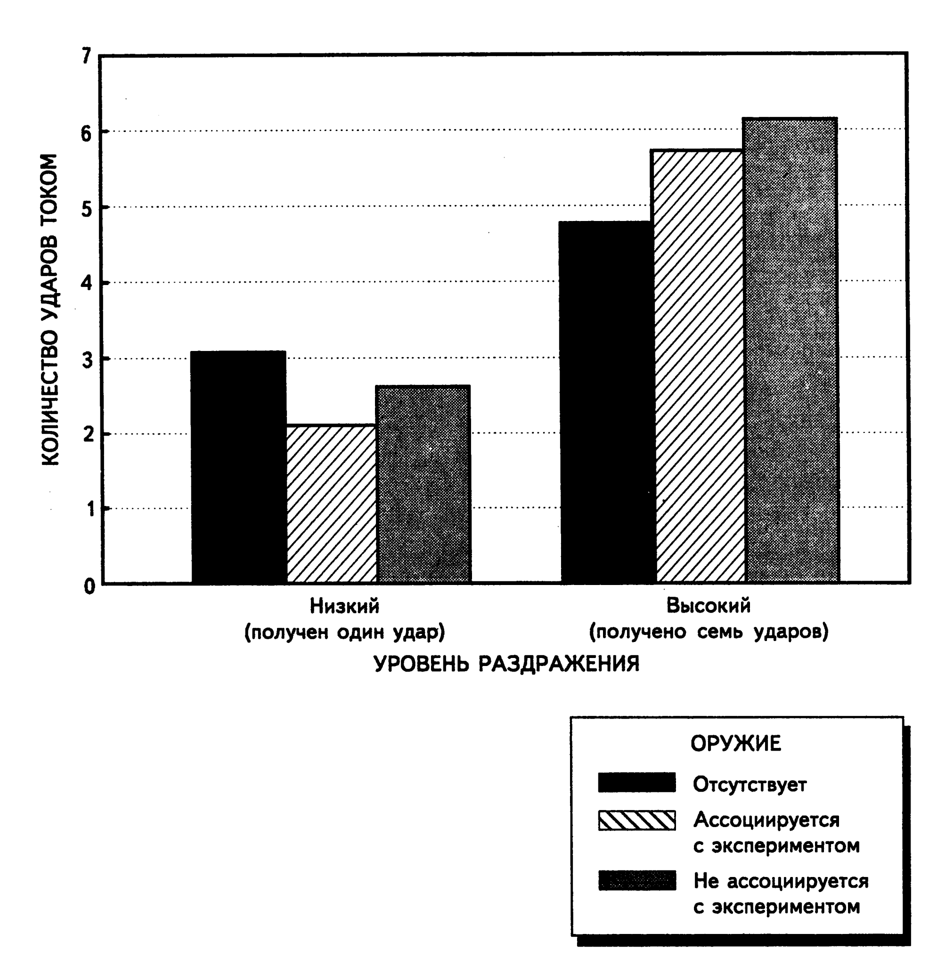

Рис. 5. 6. Наличие оружия усиливает агрессию при высоком уровне раздражения. Оружие, ассоциируемое с обидчиком, еще больше усиливает агрессию. *(Berkowitz & LePage, 1967)*

проявлению агрессии со стороны раздраженных испытуемых, но не сможет оказать аналогичное воздействие на поведение нераздраженных, «не готовых» к агрессии испытуемых. Как показано на рис. 5. 6, эти предположения подтвердились: у рассерженных испытуемых наличие оружия, видимо, усиливало агрессивные нападки на помощника экспериментатора.

Из этих результатов следует, в частности, что сам факт наличия оружия, даже если оно не используется в агрессивных действиях, может способствовать проявлению агрессивного поведения. По словам Берковитца (Berkowitz, 1968), «оружие не только дает шанс насилию стать реальностью, но и побуждает к нему. Палец давит на курок, но и курок может давить на палец». Доказательство существования подобных эффектов могло бы оказаться сильным аргументом в пользу строгих ограничений на продажу огнестрельного оружия. Однако сначала необходимо удостовериться, что эти выводы опираются на неопровержимые эмпирические данные. К сожалению, это не так. В ряде экспериментов, воспроизводящих

процедуру Берковитца и Ле-Пажа (Berkowitz & LePage, 1967), был зафиксирован аналогичный *эффект оружия* (Caprara, Renzi, Amolini, D'Imperio & Travaglia, 1984; Frodi, 1975; Leyens & Parke, 1975; Turner, Layton & Simons, 1975), но в других исследованиях, использующих практически ту же самую процедуру, подобные результаты получены не были (Buss, Booker & Buss, 1972; Page & Scheidt, 1971).

Рассмотрим для примера исследование Басса и его коллег (Buss & others). В его рамках было проведено в общей сложности пять различных экспериментов, размер выборки составил 200 человек. Первые два опыта продемонстрировали, что стрельба из оружия не оказывает влияния на последующую агрессию. В третьем и четвертом опытах, в которых не удалось получить надежных данных, были сделаны попытки определить, будут ли индивиды, имевшие и не имевшие опыта обращения с оружием, различаться в проявлении агрессии. И наконец, к всеобщему удивлению, пятый эксперимент, очень точно повторивший первоначальное исследование Берковитца и Ле-Пажа, продемонстрировал, что наличие оружия существенно *уменьшает* агрессию по отношению к ассистенту экспериментатора.

Некоторые исследователи попытались объяснить невозможность воспроизведения эффекта оружия. Например, Тернер и Симонс (Turner & Simons, 1974) предположили, что эффект усиления агрессии из-за наличия оружия может наблюдаться только среди испытуемых, даже не подозревающих о проверяемой гипотезе. Кроме того, обзор исследований по данному вопросу, проведенный Карлсоном и другими (Carlson & others, 1990), не выявил абсолютной связи между оружием и агрессивным поведением. Обратившись к выводам, сделанным Тернером, Симонсом, Берковитцем и Фроди (Turner, Simons, Berkowitz & Frodi, 1977), эти исследователи более тщательно проанализировали результаты экспериментов и обнаружили, что эффект зависит от характеристик испытуемых. На знавших об экспериментальной гипотезе или подозрительно настроенных испытуемых наличие оружия не оказывало никакого влияния. Однако у тех, кто ничего не знал о цели эксперимента, наличие оружия повышало уровень агрессии. Очевидно, подозрение или понимание цели исследования заставляют испытуемых подавлять свою агрессивность.

Берковитц (Berkowitz, 1978) отметил, что эффект оружия будет зависеть от смысла, который испытуемый вкладывает в это понятие. «Если он думает о револьвере в первую очередь как об опасном или устрашающем предмете, то оружие скорее всего вызовет сильное волнение, а не агрессию». Другими словами, оружие приобретает смысл условного раздражителя агрессии, только когда человек рассматривает его в таком контексте.

МАСС-МЕДИА КАК ИСТОЧНИК ПОСЫЛОВ К АГРЕССИИ

Чтобы отдохнуть от «летящих щепок» в своем доме, Билл и Диана как-то в пятницу вечером пошли в кино. Они нарочно выбрали фильм категории «R»[1] потому что обычные фильмы показались им недостаточно «острыми»; им хотелось разве-

[1] Фильмы, на которые дети до 16—17 лет допускаются только в сопровождении взрослых. *(Прим. ред.)*

яться и отвлечься от своих забот. Их, однако, удивило, что фильм, не считая нескольких постельных сцен, оказался состоящим сплошь из эпизодов жестокого насилия. Целиком фильм они не увидели, потому что закрывали глаза в самых кровавых местах. А после фильма, зайдя освежиться в кафе-мороженое, Билл с Дианой наговорили друг другу кучу таких вещей, о которых на следующий день сожалели. В какой же мере их ссора объяснялась просмотром сцен жестокого насилия? Иными словами, не могло ли изощренное насилие, показанное на киноэкране, оказаться внешним условным раздражителем, вызвавшим агрессивное поведение?

В главе 3 мы рассмотрели влияние масс-медиа в процессе становления и научения агрессивных реакций. Этот раздел посвящен краткосрочному эффекту от увиденного насилия. Иными словами, каким будет немедленное воздействие «остросюжетного» фильма на поведение, независимо от того, в какой степени изображение сцен насилия в масс-медиа обучает индивидуума агрессии?

Проведенное Берковитцем исследование краткосрочных эффектов сцен насилия, изображаемых в масс-медиа (описанное выше), было предназначено для проверки его теории о влиянии условных раздражителей на агрессию. Во многих экспериментах подобного рода фильмы использовались в качестве средства представления *посылов к* агрессии. Например, в эксперименте Берковитца и его коллег, где условными раздражителями, вызывающими агрессивное поведение, были имена, их ассоциация с агрессией осуществлялась с помощью фильма. И очевидно, что те сцены насилия в масс-медиа, где зритель может отождествлять персонажей со своей потенциальной жертвой, должны способствовать последующей агрессии. Фактически эти результаты породили волну аналогичных исследований по воздействию масс-медиа на агрессивное поведение (Green & O'Neal, 1968; Miller, Heath, Molcan & Dugoni, 1991; Phillips, 1983; Scharff & Schlottmann, 1973), в результате чего было выяснено, что испытуемые, у которых специально вызывали гнев, чтобы они были настроены вести себя агрессивно, подвергали жертву более сильным мучениям после просмотра фильма со сценами насилия, чем после просмотра киноленты, где подобные сцены отсутствовали.

Некоторые исследователи, однако, подняли важный вопрос о методологии, применяемой в исследованиях по воздействию масс-медиа (Donnerstein, Donnerstein & Barrett, 1976; Zillmann & Johnson, 1973). Они заявили, что процедура экспериментов *не позволяет* делать вывод о стимулирующем воздействии сцен насилия в масс-медиа на последующую агрессию. Иначе говоря, поскольку *все* участники этих экспериментов смотрели фильм (с насилием или без), исследователи никогда не делали необходимого сравнения между демонстрацией насилия и ее отсутствием в фильмах. Они далее утверждали, что фильм без сцен насилия может фактически *ослаблять* агрессивность и что наблюдаемые эффекты можно объяснить не стимулирующим действием фильма со сценами насилия, а редуцирующим действием фильма без насилия.

Зильманн и Джонсон (Zillmann & Johnson, 1973) проверили этот тезис, проведя эксперимент, где рассерженным/нерассерженным испытуемым демонстрировали *нейтральный* фильм, фильм *со сценами агрессии* или *не* показывали фильма вообще. Как и предполагалось, рассерженные испытуемые, которые не видели фильма или смотрели фильм со сценами агрессии, реагировали более агрессивно, чем остальные. Те же, кто смотрел фильм с нейтральным сюжетом, без сцен наси-

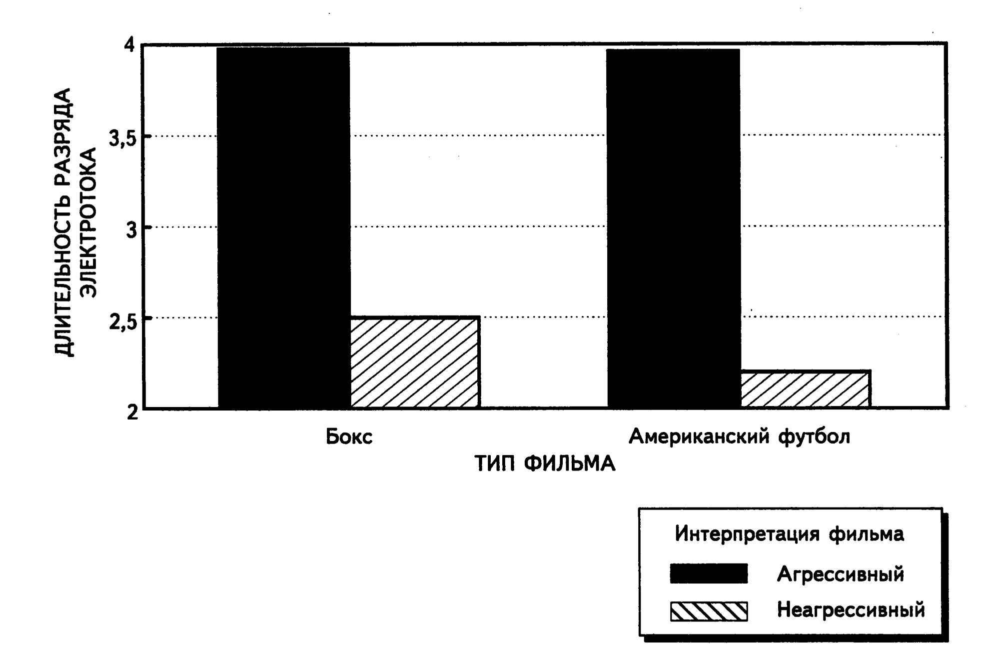

Рис. 5. 7. При трактовке сцен из фильма как агрессивных испытуемые дольше удерживали кнопку, приводящую в действие механизм, генерирующий электрические разряды, чем при интерпретации тех же действий персонажей как неагрессивных. *(Berkowitz & Alioto, 1973)*

лия, реагировали сравнительно спокойно — подобно тем, кого не спровоцировали на гнев в начале эксперимента. Таким образом, утверждают исследователи, агрессивные фильмы *подкрепляют* агрессивность, а не усиливают ее.

«Общепринятое» объяснение воздействия масс-медиа сталкивается с некоторыми противоречиями. Литература подобного толка концентрируется в основном на рассмотрении когнитивных процессов, что позволило бы понять, каким образом масс-медиа могут стимулировать агрессивное поведение (Berkowitz, 1984; Bushman & Geen, 1990; Geen & Thomas, 1986). Согласно теории когнитивных неоассоциаций (Berkowitz, 1984), «то, как люди реагируют на прочитанное, услышанное или увиденное, зависит в основном от их интерпретации этого сообщения, идей, заложенных в нем, и мыслей, им пробуждаемых». В сущности, теория предполагает, что воздействие масс-медиа объясняется *праймингом* — активацией специфических воспоминаний в памяти. Показываемое в средствах массовой информации насилие может пробудить соответствующие мысли и идеи. Эти мысли затем могут «актуализировать конкретные эмоции и даже специфические тенденции поведения». Все эти процессы считаются более-менее автоматическими, не подверженными когнитивному или эмоциональному контролю.

Данная теоретическая концепция была проверена в исследовании Бушмана и Джина (Bushman & Geen, 1990). Испытуемые смотрели один из пяти фильмов, диапазон сюжетов которых был довольно широк — от киноленты «Бдительность» («The Vigilante»), состоящей из сцен безжалостных убийств и членовредительства, до эпизодов из сериала «Даллас», где семья обсуждает текущие события

деловой и общественной жизни. Затем их просили перечислить мысли, которые пришли им в голову во время просмотра кинофрагмента, и оценить фильм по нескольким показателям (включая шкалу «насилие»). Как и ожидалось, исследователи обнаружили, что вместе с ростом уровня насилия, демонстрировавшегося на киноэкране, мысли, навеянные им, становились более агрессивными, а оценка по шкале «насилие» возрастала.

Еще одну иллюстрацию эффекта прайминга получили Берковитц и Алиото (Berkowitz & Alioto, 1973). Они показывали мужчинам-испытуемым киноролик о боксе или об американском футболе. Затем половина каждой группы слышала комментарий, где особенно подчеркивали злость, охватившую победителей или проигравших, и их желание набить морду противнику (*агрессивная интерпретация*). Другой половине говорили, что соревновались профессионалы, не испытывающие эмоций и просто работающие на победу (вариант *неагрессивной интерпретации*). Как показано на рис. 5. 7, испытуемые в обеих группах «агрессивной интерпретации» для наказания ранее рассердившего их ассистента экспериментатора удерживали палец на кнопке механизма, генерирующего электрические разряды, в течение более длительного времени, чем испытуемые из групп «неагрессивной интерпретации»; количество посланных разрядов у испытуемых из первой группы тоже было большим.

В своем обзоре литературы по проблеме кратковременного воздействия сцен насилия в масс-медиа Берковитц (Berkowitz, 1974) выделил следующие факторы, влияющие на вероятность того, что насилие в масс-медиа будет способствовать агрессии:

1. *Увиденное кажется наблюдателю проявлением агрессии* — «Агрессия присутствует в мыслях зрителя, и кино их не пробуждает, если зритель не считает агрессией то, что видит».
2. *Зритель отождествляет себя с агрессором* — «у зрителя, отождествляющего себя с агрессором из фильма, будут... возникать мысленные образы, тем самым подталкивая его к агрессии».
3. *Потенциальный объект агрессии ассоциируется с жертвой агрессии в фильме* — как это имело место в некоторых исследованиях Берковитца (Berkowitz & Geen, 1967; Donnerstein & Berkowitz, 1981).
4. *Наблюдаемые события должны выглядеть «реальными» и быть захватывающими* — зритель «особенно склонен поддаваться влиянию, когда захвачен сюжетом и представляет, что сам ведет себя аналогичным образом».

ПОСЫЛЫ К АГРЕССИИ: ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Рассмотрев литературу по воздействию ситуационных посылов к агрессии, Карлсон, Маркус-Ньюхолл и Миллер (Carlson, Marcus-Newhall & Miller, 1990) заключили, что имеющиеся данные подтверждают первоначальные представления Берковитца об усилении агрессивных реакций посылами к агрессии. Учитывая, что эти эффекты наиболее ярко проявляются при пробуждении негативных чувств испытуемых, их интерпретация действия посылов к агрессии — «в терминах процессов прайминга, которые реактивируют или подпитывают когнитивные схемы, изначально активированные негативным возбуждением» — согласуется с теори-

ей когнитивных неоассоциаций по Берковитцу. Когда Диана снова встретилась с Бобом, тот посоветовал им с Биллом спрятать коллекцию пистолетов и избегать просмотра фильмов категории «R», раз уж на них действует так много внешних детерминантов агрессии.

САМООСОЗНАНИЕ: НАПОМИНАНИЯ ИЗВНЕ О ТОМ, КТО МЫ И ЧТО МЫ ИЗ СЕБЯ ПРЕДСТАВЛЯЕМ

Ситуационные факторы, заставляющие индивидуума в большей или меньшей степени осознавать самого себя, могут служить внешними детерминантами агрессивного поведения. Например, чем больше людей в группе, тем выше вероятность того, что человек так и останется неидентифицированным, и тем слабее его чувство ответственности за происходящие события. Самоосознание относится к состояниям, в которых внимание сосредоточено на собственных установках, ценностях и других характеристиках индивидуума. Множество ситуаций, особенно в которых высока вероятность остаться анонимным или возможность избежать персональной ответственности, могут ухудшать способность к осознанию самого себя и усиливать агрессивность. Напротив, обострение самоосознания может ослаблять агрессию.

Ранние исследования в этой области сосредоточились на том, какую роль играет процесс самоосознания в снижении агрессии. Обоснование было следующее: раз самоосознание подразумевает более пристальное внимание к личным нормам и стандартам, эффект от активизации этого процесса будет зависеть от конкретных ценностей и норм человека. Если он рассматривает агрессию как нечто нормальное и считает такую модель поведения вполне допустимой, внимание, имеющее своим объектом внутренний мир, усилит значимость этих ценностей, тем самым увеличив вероятность или интенсивность неприкрытого насилия. Напротив, если агрессия рассматривается как нечто негативное и считается неприемлемым типом поведения, обострение самоосознания усилит именно *эти* ценности, тем самым уменьшив вероятность или силу атаки.

Эти предположения были проверены рядом родственных экспериментов (Carver, 1974, 1975; Scheier, Feningstein & Buss, 1974). Базовая процедура, цель которой состояла в активизации процесса самоосознания, заключалась в том, что испытуемые, чей уровень самоосознания характеризовался как высокий, имели возможность видеть собственное отражение в зеркале, размещенном над экспериментальным оборудованием (Wicklund, 1975). Например, в экспериментах Шайера, Фенингштайна и Басса (Sheier, Feningstein & Buss, 1974), которые проводились в двух вариантах — либо при наличии зеркала, либо без него, мужчины-испытуемые получали возможность ударить электротоком некую женщину. Поскольку для большинства мужчин физическое нападение на женщину является недостойным и неприемлемым, предполагалось, что наличие зеркала, увеличив удельный вес этой нормы, заставит испытуемых подавить агрессию, что полностью подтвердилось. В еще одном исследовании (Carver, 1974) мужчинам-испытуемым во время инструктирования говорилось, что удары током большой силы помогут мужчине — ассистенту экспериментатора — лучше усвоить материал фиктивного зада-

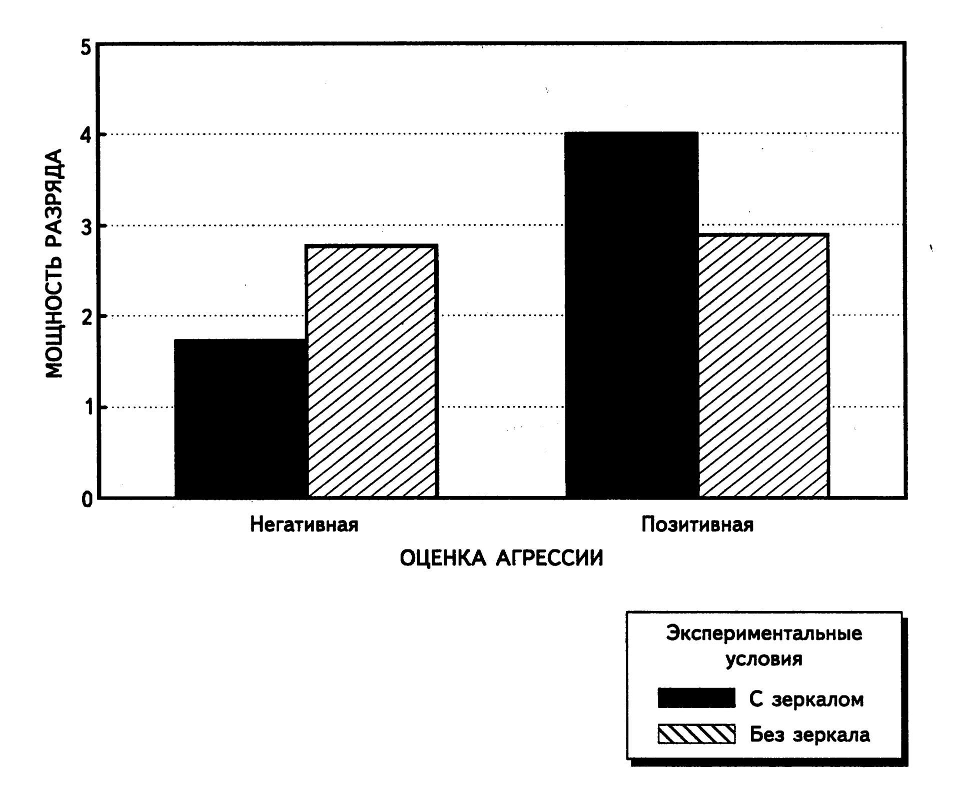

Рис. 5. 8. Если агрессия рассматривается как негативная модель поведения и ее экспериментальным объектом является женщина, испытуемые с высоким уровнем самоосознания реагируют менее агрессивно. Однако, если отношение к агрессивному поведению позитивное (как в случае, когда агрессия должна помочь решению задачи), реакция людей с высоким уровнем самоосознания вполне может характеризоваться как агрессивная. Таким образом, результатом процесса самоосознания будет концентрация внимания (и поведения) на социальных и/или личностных нормах. *(Carver, 1974; Scheier & others, 1975)*

ния. Предполагалось, что при таких условиях испытуемые будут считать агрессию оправданной, а наличие зеркала подчеркнет эту установку, тем самым усилив агрессию по отношению к ассистенту. Как показано на рис. 5. 8, данная гипотеза тоже подтвердилась.

Карвер (Carver, 1975) исследовал, до какой степени процесс самоосознания может усиливать влияние уникальных индивидуальных ценностей, касающихся агрессии. В его эксперименте испытуемые, разбитые на две группы — «сторонники строгих наказаний» и «сторонники мягких наказаний», — участвовали в стандартной процедуре «учитель—ученик», разработанной Бассом (Buss, 1961). У половины испытуемых в каждой из этих групп во время сеанса перед глазами висело зеркало, чтобы они могли видеть свое отражение, в то время как у остальных испытуемых зеркала не было. Как и предполагалось, наличие зеркала способствовало проявлению агрессии испытуемыми — сторонниками строгих наказаний — и практически подавляло такое поведение у приверженцев «мягких наказаний». Наличие зеркала еще более сдвигало к полюсам все «за» и «против» ценностей, связанных с силой наказаний, характерных для этих двух групп испытуемых.

Другие исследования изучали зависимость между *деиндивидуализацией* и агрессией. О деиндивидуализации можно говорить в том случае, когда вероятность того, что человек будет узнан, снижается. Например, в нескольких экспериментах деиндивидуализацию изучали, варьируя количество присутствующих, то есть по мере увеличения группы каждого из ее членов было все труднее идентифицировать, а сами они чувствовали меньшую ответственность за свои действия. Муллен (Mullen, 1986), например, обнаружил, что самое зверское (длительное и особо жестокое) линчевание происходит в случаях, когда на каждую жертву приходится много палачей. В других экспериментах варьировали степенью анонимности испытуемых и вероятностью их опознания потенциальной жертвой или представителем власти (Mann, Newton & Innes, 1982; Rogers, 1980; Rogers & Ketchen, 1979; Taylor, O'Neal, Langley & Butcher, 1991). В других экспериментах манипулировали множеством факторов деиндивидуализации (например, освещением, чувством ответственности, анонимностью) внутри одного эксперимента (Diener, 1976; Diener, Dineen, Endresen, Beaman & Fraser, 1975; Prentice-Dunn & Rogers, 1980).

Поскольку варьировать деиндивидуализацию в этих экспериментах пытались множеством различных способов, возник вопрос, действительно ли испытуемые теряют свою индивидуальность, как показывают их отчеты о процессе самоосознания, уровне возбуждения и чувстве ответственности (Diener, 1980; Johnson &, Downing, 1979). Некоторые исследователи начали интересоваться ролью внутренних когнитивных и эмоциональных процессов для объяснения эффектов, возникающих при экспериментальных манипуляциях с деиндивидуализацей.

Прентис-Данн и Роджерс (Prentice-Dun & Rogers, 1983, 1989) выдвинули теорию *дифференциального самоосознания*, чтобы объяснить, каким образом процесс самоосознания связан с поведением, особенно с агрессивным. Они утверждают, что есть два класса переменных, ослабляющих процесс самоосознания, и оба они связаны с различными компонентами самоосознания. *Посылы, вызывающие чувство ответственности,* — это те аспекты ситуации, которые дают возможность индивиду стать менее узнаваемым, тем самым редуцируя *общественное* самоосознание — компонент самоосознания, связанный с желанием произвести впечатление на окружающих. Другими словами, если человек обладает относительной анонимностью, он может выбрать в качестве модели поведения ненормативное или «недопустимое» поведение, поскольку ему вряд ли грозит ответственность за эти действия: «Индивид в подобных случаях полностью осознает свои поступки — он просто не опасается негативных для себя последствий» (Prentice-Dunn &; Rogers, 1982). В этом случае индивид *растормаживается*.

Модификаторы внимания ослабляют *личное* самоосознание — компонент самоосознания, связанный с сосредоточением на собственных внутренних ощущениях и мыслях. Например, сильное возбуждение или измененное состояние сознания, а также «погружение с головой» в групповую деятельность могут отвлечь внимание индивида от его внутреннего мира. Тогда про него говорят, что он деиндивидуализирован и не может обратиться к своим внутренним нормам, чтобы оценить и изменить свое поведение. В этом случае поведение больше не контролируется личными нормами. Важно отметить, что, как показано на рис. 5. 9, следствием подобного ослабления личного или общественного самоосознания будет усиление агрессии. Однако теория дифференциального самоосознания предполагает, что в основе этих двух видов самоосознания лежат разные процессы. «Та-

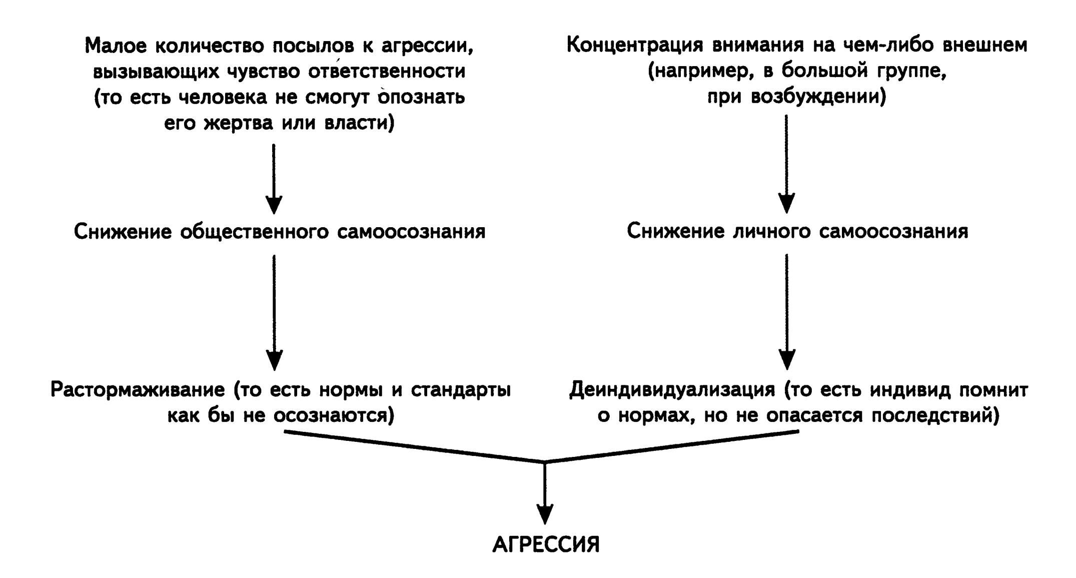

Рис. 5. 9. Прентис-Данн и Роджерс (Prentice-Dunn & Rogers, 1983) утверждают, что, хотя к агрессии ведет снижение как личного, так и общественного самоосознания, деиндивидуализацию вызывает только ослабление процесса личного самоосознания. Снижение общественного самоосознания вызывает растормаживание.

ким образом, при деиндивидуализации агрессия возникает из-за редуцирования когнитивных компонентов поведения, в то время как агрессия при пониженной ответственности возникает в результате сознательного взвешивания индивидом преимуществ от своих расторможенных действий в противопоставлении возможным негативным санкциям» (Prentice-Dunn & Rogers, 1982).

Прентис-Данн и Роджерс (Prentice-Dun & Rogers, 1982) проверили свою теорию экспериментально, манипулируя такими переменными, как ответственность и внимание испытуемых, чтобы выявить возможные эффекты от действия этих двух видов посылов на самоосознание и агрессию. Агрессия измерялась мощностью электрического разряда, которые испытуемые наносили жертве, когда та пыталась вспомнить некоторые моменты видеоигры. Испытуемым, объединенным в группы по четыре человека, говорили, что при выполнении интеллектуального задания они должны будут сообщить о своих мыслях, возникших при решении разнообразных когнитивных задач. Обстановка, порождающая «посылы, подвигающие взять ответственность на себя», возникала благодаря некоторым обстоятельствам и инструкциям: испытуемые встречались с будущим объектом агрессии (ассистентом экспериментатора) лицом к лицу; им говорили, что экспериментатора интересует мощность электрических разрядов и что испытуемым предстоит снова встретиться со своей жертвой после выполнения задания. Испытуемые в варианте «посылы к снятию с себя ответственности» не разговаривали с объектом агрессии и не видели его, им сообщали, что мощность выбранных ими разрядов электрического тока экспериментатора не интересует.

С помощью не менее сложного набора условий исследователи манипулировали условными раздражителями внимания. Для испытуемых в варианте «внешние посылы, побуждающие к взятию ответственности на себя» предъявлялось множе-

ство стимулов с целью отвлечения людей от собственных мыслей и ощущений: указания не сосредоточиваться на себе, акцент на групповую, а не индивидуальную деятельность, громкая возбуждающая рок-музыка, вербальное взаимодействие с другими участниками эксперимента и захватывающая красочная видеоигра. В варианте «внутренние условные раздражители ответственности» испытуемые сидели в ярко освещенной комнате; инструкции сводились к просьбам сосредоточиться во время задания на собственных мыслях и ощущениях; видеоигра, предложенная им, была сравнительно скучной. Все испытуемые получали опросник, предназначенный для измерения степени деиндивидуализации, а также личного и общественного самоосознания.

Как и предполагалось теорией дифференциального самоосознания, условные раздражители, усиливающие чувство ответственности, обостряли общественное самоосознание, но не влияли на личное. Испытуемые в варианте «низкое чувство ответственности» подвергали жертву более мощным разрядам электротока по сравнению с испытуемыми из группы «высокое чувство ответственности». Также, в соответствии с выдвинутой гипотезой, испытуемые в варианте «внутренние условные раздражители ответственности» были более склонны к личному самоосознанию и были менее агрессивны, чем группа в варианте «внешние условные раздражители ответственности». Исследователи утверждают, что в предыдущих экспериментах по исследованию деиндивидуализации и агрессии манипулировали одновременно и ответственностью, и вниманием. При этом они отмечают, что к подлинной деиндивидуализации ведут только посылы, наводящие на мысль, что ответственность ложится на группу целиком, как это было продемонстрировано в их эксперименте — снижением личного самоосознания, сопровождаемого усилением агрессии. В других экспериментах, поставленных ими, получены дополнительные подтверждения зависимости между личным самоосознанием и агрессией, вызванной деиндивидуализацией (Prentice-Dunn & Spivey, 1986; Spivey & Prentice-Dunn, 1990).

Обставляя свой дом, Билл и Диана повесили в кабинете зеркало во всю стену. Когда Боб рассказал Диане о влиянии самоосознания на агрессию, она уговорила мужа в первую очередь приобрести зеркало. Может быть, им удастся преодолеть негативное воздействие различных внешних детерминант агрессии благодаря повышению личного самоосознания!

РЕЗЮМЕ

Внешние детерминанты агрессии — это те особенности среды или ситуации, которые повышают вероятность возникновения агрессии. Многие из этих детерминант тесно ассоциированы с состояниями физической среды. Так, например, высокая температура воздуха повышает вероятность проявления агрессии либо, напротив, эскапизма. В соответствии с моделью негативного аффекта по Беллу и Бэрону (Bell & Baron, 1976), умеренно высокие температуры, по сравнению с низкими или очень высокими, в наибольшей степени способствуют заострению агрессивных тенденций. Умеренно высокая температура воздуха усиливает негативный аффект (то есть дискомфорт), вследствие чего возрастает вероятность проявления индивидом агрессивных реакций. Однако, если дискомфорт, вызванный ненормально высокой

температурой воздуха, очень силен, то не исключено, что индивид в такой ситуации предпочтет бегство, поскольку вступление в агрессивное взаимодействие может пролонгировать дискомфортные переживания.

Другие средовые стрессоры также могут сыграть роль внешних детерминант агрессии. Так, например, шум, усиливая возбуждение, способствует возрастанию агрессии. Некоторые (впрочем, пока еще довольно скудные) данные свидетельствуют о том, что теснота (скученность) также может спровоцировать агрессию. Наблюдения показывают, что агрессивные реакции усиливаются и в том случае, когда в воздухе содержатся некоторые загрязняющие агенты (например, сигаретный дым, неприятные запахи).

Разнообразные аспекты ситуаций межличностного взаимодействия, так называемые «посылы к агрессии», также могут подталкивать индивидуума к актуализации агрессивных реакций. Эти «приглашения» могут исходить из множества разнообразных источников. Если у потенциального агрессора некоторые индивидуальные характеристики потенциальной жертвы просто ассоциируются с агрессией, он будет склонен реагировать агрессивно. Оружие также служит «приглашением к агрессии», как, впрочем, и демонстрация сцен насилия в масс-медиа.

И наконец, агрессия может как усиливаться, так и подавляться за счет тех аспектов ситуации, которые влияют на степень и характер личностного самоосознания. Когда человек сообразует свои поступки с потенциальной реакцией жертвы или представителей правопорядка, говорят о публичном самоосознании; когда человек сосредоточен преимущественно на собственных мыслях и переживаниях — говорят о приватном самоосознании. Любой из двух указанных типов личностного самоосознания способствует снижению вероятности проявления агрессивных реакций. Аналогичным образом снижение уровня личностного самоосознания, которое может быть описано в терминах процессов дезингибиции и деиндивидуализация, способствует возникновению агрессии.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ АГРЕССИИ: ЛИЧНОСТЬ, УСТАНОВКИ И ГЕНДЕР

Поведение, как считает большинство социальных психологов, является совместной функцией отдельной личности и ее окружения. Иными словами, поведение индивида в обществе определяется воздействием ситуации, в которой он оказывается, а также теми качествами, эмоциями и склонностями, которые он проявляет в этой ситуации. Это определение кажется вполне логичным и к тому же имеет многочисленные эмпирические подтверждения (Burger, 1990). Неудивительно поэтому, что оно широко используется в методических разработках, касающихся природы агрессии. Большинство современных теорий, затрагивающих проблему агрессивного поведения, допускают, что оно определяется внешними факторами, имеющими отношение к ситуации или к окружающей обстановке, когнитивными переменными и системами, а также внутренними факторами, отражающими характерные черты и склонности конкретного агрессора (Bandura, 1986; Berkowitz, 1989; Zillmann, 1988).

Принимая во внимание все вышесказанное, некоторые читатели наверняка зададутся следующим вопросом: что же нового появилось за последние годы в изучении природы агрессии и в том числе влияния на ее развитие личностного фактора? В предыдущих главах, обращаясь, главным образом, к социальным, ситуационным и средовым предпосылкам агрессии, а также говоря о впечатлениях раннего детства, способствовавших ее развитию, мы практически не уделили внимания возможному влиянию индивидуальных особенностей личности на развитие, форму и направление открытой (наблюдаемой) агрессии. Это отнюдь не означает, что мы проигнорировали это обстоятельство. Напротив, мы тщательно все взвесили и решили приступить к рассмотрению индивидуальных детерминант агрессии только после освещения других тем. Такое решение было предопределено двумя основными факторами.

Во-первых, как отмечалось в первой главе, Фрейд, Лоренц и некоторые другие известные психологи, разрабатывая теории агрессии, основной акцент, как правило, делали на важности индивидуальных, или внутренних, детерминант агрессивного поведения. В своих поисках корней агрессивности они ограничились рамками личностной динамики, психопатологии и биологии индивидов, уделяя значительно меньше внимания внешним факторам, способствующим развитию агрессивного поведения. В результате общепринятым стало придавать чрезмерное значение внутренним факторам, недооценивая при этом роль социальных, средовых, когнитивных и ситуационных переменных, которые мы и решили рассмотреть сначала, для того чтобы покончить с этим широко распространенным недоразумением.

Во-вторых, наше решение начать с описания социальных и внешних детерминант агрессии отражает сложившийся за последние годы порядок освещения этой темы в научной литературе.

Таким образом, мы хотели бы убедить читателей в том, что избранная нами последовательность изложения материала не означает отсутствия с нашей стороны интереса к индивидуальным детерминантам агрессии. Напротив, мы полагаем, что личностные особенности играют ключевую роль в развитии агрессивности, и это подтверждается на практике нашими многочисленными исследованиями (Baron, Richardson, Vandenberg & Humphries, 1986).

Поэтому настала пора нажать на тормоза, если так можно выразиться, и сконцентрировать внимание на чертах характера и душевных качествах отдельных личностей, то есть на том, что мы часто обозначали термином *индивидуальные детерминанты* агрессии. Под этим термином мы подразумевали предпосылки для возникновения и развития агрессии, сосредоточенные в основном в устойчивых чертах характера и наклонностях потенциальных агрессоров. Термин «*устойчивый*» в данном случае является ключевым, поскольку, по сравнению с уже рассмотренными нами типами относительно кратковременных эмоциональных и аффективных реакций, индивидуальные детерминанты агрессии имеют более постоянный характер. Таким образом, они в определенном смысле могут переноситься индивидами из ситуации в ситуацию и воздействовать на их поведение в самом разнообразном контексте.

Учитывая возросший в последние годы среди социальных психологов интерес к проблеме личности, неудивительно, что в качестве возможных индивидуальных детерминант агрессии было предложено множество самых разнообразных факторов. Причем большинство из них можно отнести к нескольким основным категориям, три из которых будут рассмотрены в пределах данной главы. Во-первых, мы поговорим о роли различных *личностных черт* в развитии агрессии. Несложные наблюдения наводят на мысль о том, что определенные индивиды обладают склонностями и характерными чертами, предрасполагающими их к агрессивным выпадам против окружающих. В пользу такого предположения свидетельствует растущее из года в год количество данных (Russell, 1989).

Во-вторых, мы рассмотрим влияние на возникновение агрессии нескольких типов *установок* и *внутренних стандартов*. Уже на протяжении нескольких лет считается, что в основе многих актов агрессии лежит предрассудок. В действительности так оно и есть, но проявляется это не столь однозначно и прямолинейно, как может подсказывать здравый смысл. В любом случае, предрассудки и прочие устойчивые установки нередко играют существенную роль в определении того, будут ли некоторые конкретные лица проявлять агрессию против других, а также в установлении целей, которые они изберут при подобных проявлениях.

В-третьих, мы рассмотрим факты, имеющие отношение к *гендерным различиям* в агрессии. Действительно ли мужчины проявляют более высокие уровни агрессии, чем женщины? И если это так, то почему? Эти вопросы вызывают все больший интерес в последние годы (Eagly & Wood, 1991), и мы непременно рассмотрим данные, имеющие к ним отношение.

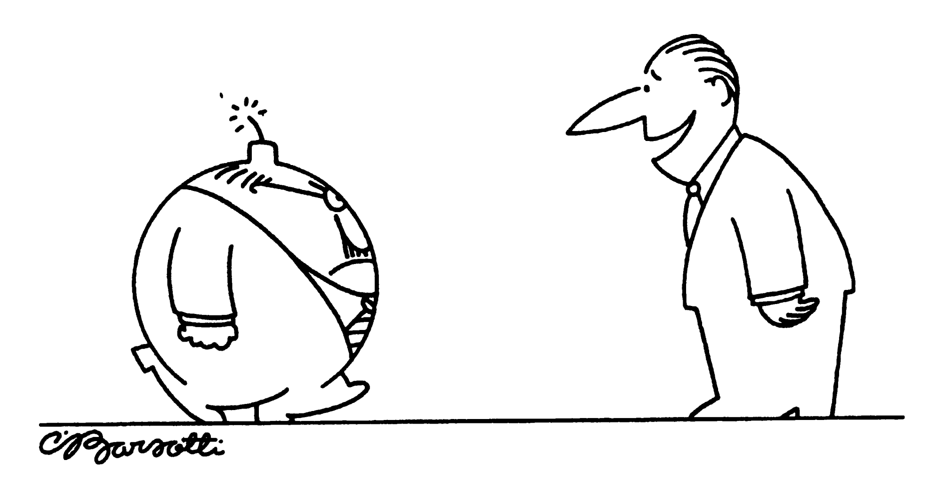
Еще один вопрос, который мог бы быть включен в эту главу — биологические и генетические детерминанты агрессии, — будет рассматриваться тем не менее в седьмой главе. В настоящее время наблюдается такой большой прогресс в понимании биологических и генетических причин возникновения агрессии, что для полного рассмотрения этой заслуживающей внимания информации потребуется отдельная глава.

ЛИЧНОСТЬ И АГРЕССИЯ: ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К НАСИЛИЮ

Обусловлено ли личностными характеристиками то, что одни люди имеют склонность к совершению актов агрессии, а другие — нет? Простые наблюдения приводят к заключению, что да, обусловлено. Большинство из нас могут вспомнить среди своих знакомых лиц, которые из-за необычно высоких или низких «точек кипения», резкого или мягкого стиля поведения и других факторов казались особенно склонными или же, напротив, не склонными к агрессивным действиям (см. рис. 6. 1). Короче говоря, черты характера, похоже, играют важную роль в определении вероятности того, станут ли определенные лица агрессорами или жертвами.

Какие же характеристики являются ключевыми? Какие черты и склонности дают нам возможность говорить о предрасположенности личности к совершению или не совершению агрессивных поступков? Информация, которую мы могли бы получить, важна по нескольким причинам. Во-первых, знание того, какие черты характера ассоциируются с высоким или низким уровнем агрессии, может способствовать пониманию агрессивного поведения в целом и содействовать созданию всеобъемлющих и точных теорий человеческой агрессии. Во-вторых, информация о чертах человеческого характера, обусловливающих склонность к агрессии, может иметь большое практическое значение для прогнозирования тенденций к прямой агрессии и выработки мер по предотвращению или контролю агрессии. В связи с этим интерес к определению личностных характеристик, имеющих отношение к агрессии, значительно возрос за последние годы (Blass, 1991; Bushman & Geen, 1990; Geen, 1991). Исследования по этой проблеме привели к многочисленным вызывающим интерес вспышкам озарения относительно черт характера «го-

Рис. 6. 1. Как видно из этой карикатуры, некоторые люди, похоже, обладают характеристиками, предрасполагающими их к агрессии.

рячих», склонных к агрессии личностей. Однако, прежде чем обратиться к этим данным, остановимся вкратце на более существенном вопросе — действительно ли личностные черты настолько устойчивы, что можно оправдать усилия, затраченные на их определение и изучение?

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ УСТОЙЧИВЫ?

В повседневной жизни мы опираемся на мнение, что черты характера — это единственная реальность, считая, что на поведение людей не влияют ни время, ни обстоятельства. Как это ни удивительно, но некоторые исследователи подвергают сомнению подобные предположения. Они утверждают, что человеческие существа на самом деле едва ли склонны вести себя, думать или чувствовать в одной и той же манере независимо от течения времени или различных ситуаций (Mischel, 1977, 1985), и заявляют, что реакции людей в значительной степени обусловлены текущими *ситуациями* и с очевидностью меняются в ответ на перемену во внешних условиях. Эти исследователи также считают, что мы *воспринимаем* поведение других как величину постоянную, что не всегда соответствует действительности (Reeder, Fletcher & Furman, 1989), главным образом потому, что это облегчает задачу понимания людей и прогнозирования их будущих поступков. Как только мы приписываем другим людям определенные черты, мы можем на этом основании прогнозировать их будущее поведение.

В то же время другие исследователи утверждают, что поведение людей на самом деле остается достаточно неизменным на протяжении длительного времени и не зависит от обстоятельств (Byrne & Schulte, 1990). Несмотря на то что они не отрицают важную роль ситуационных факторов в формировании человеческого поведения, они настаивают на том, что люди *действительно* обладают специфическими чертами, информация о которых может быть полезна для понимания и прогнозирования их поступков. В качестве подтверждения подобных заявлений они ссылаются на исследования, свидетельствующие о том, что люди проявляют поразительную последовательность во многих аспектах поведения даже после сравнительно длительных временных интервалов (Moskowitz, 1982). Такое постоянство, конечно, характерно *не* для всех черт характера. Но почти каждый, похоже, склонен к одной и той же модели поведения, для актуализации которой необходимы определенные черты и, по крайней мере, определенная ситуация (Baumeister & Tice, 1988; Tice, 1989).

Несмотря на то что этот спор до сих пор продолжается, все большее число данных свидетельствует о том, что черты характера, обусловливающие склонность к агрессии, сами по себе являются достаточно устойчивыми. Например, Олвейс (Olweus, 1979) в литературном обозрении, посвященном этой теме, отмечает, что данные, собранные в различное время, в течение нескольких месяцев или на протяжении многих лет, подтверждают это предположение. Подобным же образом результат впечатляющего исследования, с выборкой, состоявшей из более чем 1700 мужчин и женщин, дали возможность Бота и Мелзу (Botha & Mels, 1990) сделать вывод, что высокий уровень агрессии, демонстрируемый в определенных ситуациях южноафриканскими детьми, остается столь же высоким и пять лет спустя. Вместе взятые, эти и прочие данные свидетельствуют о том, что индивидуальные различия в склонности выбирать в качестве модели поведения агрессию

действительно довольно устойчивы. Были также получены данные о том, что определенные характеристики имеют прямое отношение к агрессии. Эти черты к тому же сохраняют свою силу и по истечении длительных периодов времени и влияют на поведение в самых разнообразных обстоятельствах (Scheier, Buss & Buss, 1978). Принимая во внимание все эти результаты, кажется вполне разумным попытаться определить специфические личностные характеристики, связанные с проявлением агрессии. Многие исследователи взяли на вооружение подобный подход. Основные результаты их исследований суммированы ниже.

По существу, подобные исследования проводились с целью выяснить два главных вопроса. Во-первых, немало усилий было затрачено на определение характеристик, дающих возможность говорить о предрасположенности *нормальных* людей к агрессии. В этих исследованиях речь шла именно о тех, кто не имеет никаких признаков психопатологии и проявляет агрессию в тех же обстоятельствах, что и многие люди. Во-вторых, значительное внимание было уделено определению характеристик *насильников* — лиц, для которых проявление крайней агрессивности настолько привычно, что большинство наблюдателей посчитало бы подобное поведение противоречащим представлению о нормальном социальном поведении. У таких индивидов, похоже, имеются психологические проблемы, что предрасполагает их к необычайно высокому и опасному уровню агрессии. Поскольку именно на их совести лежит ответственность за совершение большей части насильственных действий, попытки понять таких людей и выяснить корни их агрессивности кажутся вполне оправданными.

ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К АГРЕССИВНОСТИ У НОРМАЛЬНЫХ ИНДИВИДОВ

Хотя «здравый смысл» предполагает наличие прочной прямой связи между различными чертами личности и агрессией, на самом деле такую взаимосвязь зачастую очень трудно продемонстрировать (Dengerink, 1976; Larsen, Coleman, Forbes & Johnson, 1972). Во-первых, во многих случаях ситуационные факторы тех типов, что рассматривались в предшествующих главах, оказывают на агрессию большее воздействие, нежели различные черты личности. Другими словами, индивиды действительно различаются по своей склонности к агрессии, но эти различия подавляются мощными ситуационными переменными. К примеру, почти все индивиды, даже «горячие головы», необычайно склонные к агрессии, могут воздержаться от подобного поведения в присутствии полиции. Напротив, почти все, даже те, чей характер почти никогда не давал возможность приобрести опыт агрессивных действий, могут вести себя именно так, если, проходя службу в армии, получают соответствующий приказ от командира. Это важное обстоятельство, к которому мы будем возвращаться в этой главе не раз.

Во-вторых, показать связь между специфическими личностными чертами и агрессией трудно потому, что критерии определения этих черт не удовлетворяют желаемым требованиям надежности или валидности. До известной степени такие способы не в состоянии оценить не только интересующие нас, но и другие черты личности. В исследовательский процесс поэтому вкрадывается ошибка. Благодаря такому оценочному «шуму» нелегко разглядеть связь между исследуемыми чертами личности и ее агрессией.

По этим и другим причинам в эмпирическом исследовании зачастую трудно установить наличие взаимосвязи между личностными чертами и агрессией. Однако, несмотря на все эти проблемы, было выявлено определенное число характеристик, имеющих отношение к агрессии. Некоторые из них мы и рассмотрим ниже.

Тревога и агрессия: страх социального неодобрения

Часто считается, что страх — особенно страх наказания — может способствовать подавлению агрессии. Например, в своей знаменитой монографии Доллард и его коллеги (Dollard, Doob, Mowrer & Sears, 1939) заявили: «Сила подавления любого акта агрессии напрямую зависит от степени наказания, ожидаемого в случае совершения подобного акта». Двадцать лет спустя Берковитц (Berkowitz, 1962) заметил, что «склонность к агрессии у индивида напрямую связана с ожидаемым им наказанием или неодобрением за агрессию».

Если, как это утверждается в эмпирическом исследовании Бандуры (Bandura, 1986), страх или тревога сдерживают агрессию, вполне разумно предположить, что люди, склонные к подобным реакциям — наиболее остро чувствующие опасность, — зачастую проявляют меньшую агрессивность: иначе говоря, индивиды с высоким уровнем тревожности имеют тенденцию ожидать наказания или, по крайней мере, социального неодобрения за свое участие в выступлениях против других. Данные, подтверждающие эту гипотезу, были получены в результате нескольких исследований.

В одном из первых экспериментов, связанных с данной тематикой, Денгеринк (Dengerink, 1971) попросил 500 студентов-выпускников заполнить личностный опросник, предназначенный для измерения уровня тревожности (шкала тревожности Ликкена (Lykken's Anxiety Scale; Lykken, 1957). Для дальнейшего исследования были отобраны по двадцать человек из сорока, получившие наибольшее и наименьшее количество баллов по этой шкале. Они участвовали в стандартном исследовании времени реакции по Тэйлору (см. главу 2), во время которого над ними издевался, все более и более входя в раж, мифический оппонент. В соответствии с соображениями, изложенными выше, предполагалось, что испытуемые с высоким уровнем тревожности будут демонстрировать более низкий уровень агрессии, нежели испытуемые с низким уровнем тревожности. Как видно из рис. 6. 2, этот прогноз отчасти подтвердился. На протяжении почти всего исследования испытуемые с высоким уровнем тревожности выбирали для своего оппонента менее мощные разряды электрического тока, чем лица с низким уровнем тревожности.

Однако из рис. 6. 2 также видно, что это различие имело тенденцию с течением времени сходить на нет, полностью исчезая на финальных этапах эксперимента. Следовательно, когда провокация постоянно усиливается, то даже индивиды с высоким уровнем тревожности постепенно начинают встречать агрессию контрагрессией.

Последний вывод подчеркивает важность того факта, о котором мы упоминали ранее и с которым неоднократно встретимся еще в контексте данной проблемы: во многих случаях ситуационные факторы, похоже, способны затмевать даже яркие индивидуальные наклонности. В результате, при определенных условиях, даже самые кроткие, самые мягкие в обычной жизни лица проявляют агрессивность, а самые враждебно настроенные, самые вспыльчивые — воздерживаются от нее.

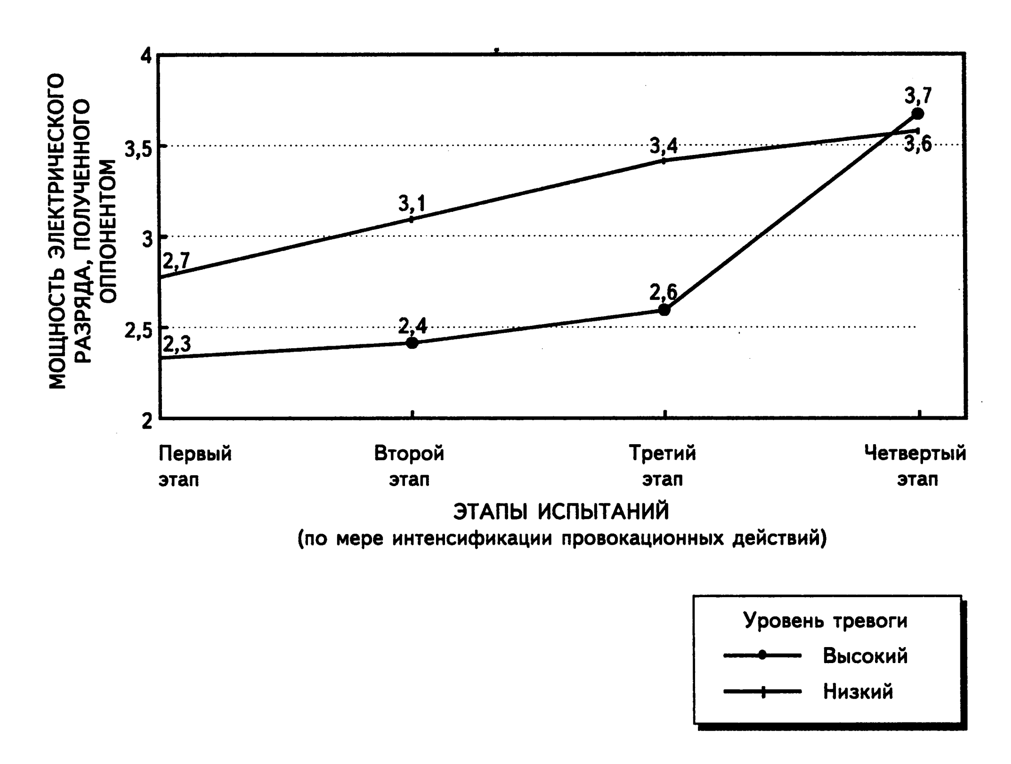

Рис. 6. 2. Испытуемые с высоким уровнем тревожности проявляют по отношению к другим низкий уровень агрессии до тех пор, пока не начинают испытывать раздражение от постоянных и все усиливающихся провокаций со стороны этих лиц. *(Dengerink, 1971)*

В то время как результаты исследования Денгеринка (Dengerink, 1971) кажутся вполне убедительными, они оставляют без ответа по крайней мере один важный вопрос: что сдерживает агрессию — общая диспозиционная тревожность или ситуативная, напрямую связанная с возможными событиями и их последствиями? Похоже, на снижение уровня агрессии влияет не генерализованная, или несвязанная, тревога или тревога, вызванная не имеющими никакого отношения к делу мотивами (например, чьей-то внешностью или некомпетентностью), а тревожность, возникшая из-за возможности быть наказанным или получить неодобрение со стороны общества. Вопросы подобного типа часто возникают в связи с тем, что в своем исследовании Денгеринк использовал личностную шкалу, которую считал скорее способом оценки страха социального неодобрения, нежели генерализированной тревоги. Высокие баллы по этой шкале набрали лица, сообщившие о предпочтении физического дискомфорта над социальным неодобрением. Учитывая это обстоятельство, вполне возможно рассматривать результаты, полученные в исследовании Денгеринка, скорее, как выражение взаимосвязи между страхом получить социальное неодобрение и агрессией, а не как взаимосвязь между диспозиционной тревожностью и подобным поведением.

Факты, относящиеся к этой проблеме, были собраны в нескольких последующих исследованиях. Дорски и Тэйлор (Dorsky & Taylor, 1972) пришли к выводу, что мужчины, набравшие наибольшее или же наименьшее количество баллов по

шкале генерализированной тревоги (шкала проявления тревожности Тэйлора), демонстрируют одинаковый уровень агрессии. Эти выводы наводят на мысль, что склонность к генерализированной, или несвязанной, тревоге не имеет тесной связи с агрессией. В качестве положительного момента следует отметить несколько исследований, сообщающих о том, что индивиды, отличающиеся друг от друга в своем стремлении к социальному одобрению (по оценкам шкалы социальной желательности Марлоу-Кроуна), действительно отличаются друг от друга в своих нападках на других (Conn & Crowne, 1964; Fishman, 1965; Taylor, 1970). Например, в ходе исследования Тэйлора (Taylor, 1971) было обнаружено, что люди, сильно жаждущие социального одобрения, демонстрируют более низкие уровни агрессии по отношению к оппоненту во время выполнения процедуры Тейлора на реакции, по сравнению с теми, кого не волнуют вопросы социального одобрения. Поскольку лица, заинтересованные в социальном одобрении, неравнодушны к суждениям и критике со стороны других, подобные находки свидетельствуют о том, что тревога именно этого типа, а не генерализированная тревога как черта личности, тесно связана с агрессией.

Следует обратить внимание на одну особенность результатов исследования Тэйлора. В то время как лица с высокой потребностью в социальном одобрении изначально проявляют более слабую агрессивность по отношению к своим оппонентам, нежели лица, не обеспокоенные оценкой своих действий со стороны других, эта разница постепенно исчезает, по мере того как участники обеих групп продолжают подвергаться все усиливающемуся провоцированию со стороны оппонентов. Эти результаты полностью соответствуют полученным Денгеринком, вновь наводя на мысль, что даже сильные индивидуальные наклонности можно преодолеть или замаскировать мощными ситуационными силами.

Вместе взятые, результаты, полученные Денгеринком, Дорски, Тэйлором и другими, показывают, что тревога — особенно обеспокоенность социальным неодобрением — действительно имеет прямое отношение к агрессии. Очевидно, тревога о том, что скажут другие, может послужить сильным сдерживающим фактором агрессии, по крайней мере, в обстановке, когда сильные ситуационные факторы не в состоянии помешать подобной сдержанности.

Предвзятая атрибуция враждебности: приписывание дурных намерений другим

В главе 4 мы отмечали, что *атрибуции* относительно намерения других зачастую играют важную роль в агрессии. Когда люди считают, что непонятные действия других вызваны дурными намерениями, они скорее всего отплатят им тем же, в отличие от ситуаций, когда они прекрасно понимают, что эти действия вызваны совершенно иными мотивами (Baumeister, Stillwell & Wotman, 1991; Johnson & Rule, 1986). Подобные случаи вызывают интерес к следующей личностной характеристике, которая может играть важную роль в агрессии, — тенденции приписывать враждебные намерения другим, даже если таких намерений нет и в помине. Эта тенденция известна как *предвзятая атрибуция враждебности.* Ее влияние на поведение изучалось во многих работах последнего времени (Dodge, Pettit, McClaskey & Brown, 1986; Sancilio, Plumert, & Hartup, 1989).

Наиболее убедительные результаты возможного воздействия этого фактора были получены Доджем и его коллегами (Dodge, 1980; Dodge & Somberg, 1987).

А Додж и Куайе (Dodge & Coie, 1987) в целой серии работ рассмотрели возможность того, что индивидуальные различия в предвзятой атрибуции влияют на возникновение или силу *реактивной агрессии* — агрессии в ответ на предшествующую провокацию, но отнюдь не на *проактивную агрессию,* возникающую при отсутствии провокации. На начальном этапе исследования мальчикам, разделенным учителями на три группы — группа «демонстрирующие реактивную агрессию», группа «демонстрирующие проактивную агрессию» и группа «практически не демонстрирующие агрессию», были показаны видеофильмы, в сюжетах которых присутствовал акт провокации одного ребенка по отношению к другому (например, кинозарисовка о мальчике, разрушающем домик из кубиков, построенный другим мальчиком). Подлинные намерения провоцирующего, скрытые за внешними действиями, систематически менялись, так что сторонние взрослые наблюдатели могли интерпретировать их то как явно враждебные, то как просоциальные (желание оказать помощь). Иногда истинную суть намерения не удавалось трактовать однозначно. Испытуемых затем просили объяснить, каковы были намерения актера в каждом отдельном случае. Как и ожидалось, именно члены группы с высокой реактивной агрессией воспринимали двусмысленные намерения актера как враждебные.

В ходе дальнейшего исследования Додж и Куайе (Dodge & Coie, 1987) проверяли на практике гипотезу, согласно которой предвзятая атрибуция враждебности напрямую связана с высоким уровнем *сверхреактивной агрессии* — тенденцией реагировать мощным ответным «ударом» даже на самую слабую провокацию. Для этого исследователями была разработана следующая процедура: на первом этапе оценивали склонность испытуемых к ошибочному приписыванию другим враждебных намерений, на втором — наблюдали за их поведением во время игры с другими детьми. Полученные результаты подкрепили главный прогноз: чем более высокий балл по шкале *предвзятая атрибуция враждебности* набирали участники эксперимента, тем с большей вероятностью демонстрировали они склонность к проявлению сверхреактивной агрессии.

Объектом данного исследования были исключительно дети, но уже дальнейшие эксперименты разрабатывались среди испытуемых-подростков и взрослых. Например, в своем исследовании Додж, Прайс, Бахоровски и Ньюман (Dodge, Price, Bachorowski & Newman, 1990) изучали взаимосвязь склонности к предвзятой атрибуции враждебности и агрессии в группе мальчиков-подростков, отсиживающих срок в тюрьме для несовершеннолетних. Они были осуждены за самые разнообразные насильственные действия, включая убийства, нападения с целью изнасилования, похищение детей и вооруженное нападение с целью грабежа. Исследователи предположили, что склонность к предвзятой атрибуции враждебности у этих испытуемых будет коррелировать с количеством совершенных ими преступлений и баллом, выставленным обученными наблюдателями, по показателю *склонность к реактивной агрессии* (агрессия в ответ на провокацию). Была также выдвинута гипотеза, что при отсутствии предшествующей провокации между склонностью к *предвзятой атрибуции враждебности* и баллом, выставленным наблюдателями, по показателю *проактивная агрессия* (агрессивное поведение, осуществляемое с целью доминировать над другими или управлять ими) взаимосвязь установлена *не будет.* Также предположили, что склонность к предвзятой атрибуции враждебности будет связана с показателем, оценивающим, в какой степени поведение испытуемого можно рассматривать как психопатоло-

гию — как поведенческое расстройство по типу *низкой социализации*, характеризующееся склонностью к физическому насилию и отсутствием социальных и эмоциональных связей человека с другими членами общества. Однако склонность к предвзятой атрибуции враждебности не будет коррелировать с другой формой психопатологии — с расстройством поведения по типу *сверхсоциализации.* (При этом расстройстве люди ведут себя агрессивно на фоне положительных эмоциональных связей с другими.)

Как и в предшествующем исследовании, инструментом для оценки склонности испытуемых к предвзятой атрибуции враждебности была демонстрация киносюжетов, суть которых сводилась к следующему: человек, движимый определенными намерениями (враждебными, просоциальными или неоднозначными), совершает некое внешнее действие, направленное на другого. После просмотра каждой записи участники эксперимента определяли, намеревался ли актер совершить враждебный акт, либо он стремился принести пользу, либо его намерения были неоднозначны, либо все произошло случайно. О степени склонности к предвзятой атрибуции враждебности испытуемых можно было судить по частоте приписывания ими враждебных намерений людям в ситуациях, когда большинство наблюдателей посчитало бы, что таких намерений *не* было.

Полученные результаты подтвердили все основные предположения. Склонность к предвзятой атрибуции враждебности имеет отношение к реактивной, а не к проактивной агрессии и напрямую связана с расстройством поведения именно по типу низкой социализации. Кроме того, чем выше у испытуемых склонность к предвзятой атрибуции враждебности, тем больше насильственных преступлений против других лиц они совершили. Данные о склонности к предвзятой атрибуции враждебности у испытуемых с низкосоциализированным поведением, со сверхсоциализированным поведением и с нормальным поведением представлены на рис. 6. 3. Мы видим, что склонность к предвзятой атрибуции враждебности у лиц с диагнозом «низкосоциализированное поведение» была вдвое выше, нежели у лиц без психопатологий.

Результаты, полученные Доджем и многими другими исследователями, показывают, что склонность к предвзятой атрибуции враждебности является важной личностной характеристикой, имеющей прямое отношение к агрессии. Было обнаружено, что она связана с проявлением агрессии как у детей, так и у взрослых; как у лиц, страдающих от психологических расстройств, так и у вполне здоровых людей. Короче говоря, склонность приписывать недоброжелательность и дурные намерения другим лицам, даже если этого на самом деле нет, является важной чертой, которая может привести индивидов к более частым, чем обычно, агрессивным столкновениям с другими.

Раздражительность и эмоциональная чувствительность: бурная реакция на провокацию

Простое наблюдение показывает, что некоторые люди «заводятся с пол-оборота» — они с необычайной злостью и агрессией отвечают даже на самые слабые провокации. А можно ли измерить индивидуальные различия для этого случая? Несколько исследований, проведенных Капрарой и его коллегами (Caprara, 1983; Caprara & Renzi, 1981), показали, что от индивидуальных различий действительно зависят сила и вероятность проявления агрессии. Капрара разработал опросник

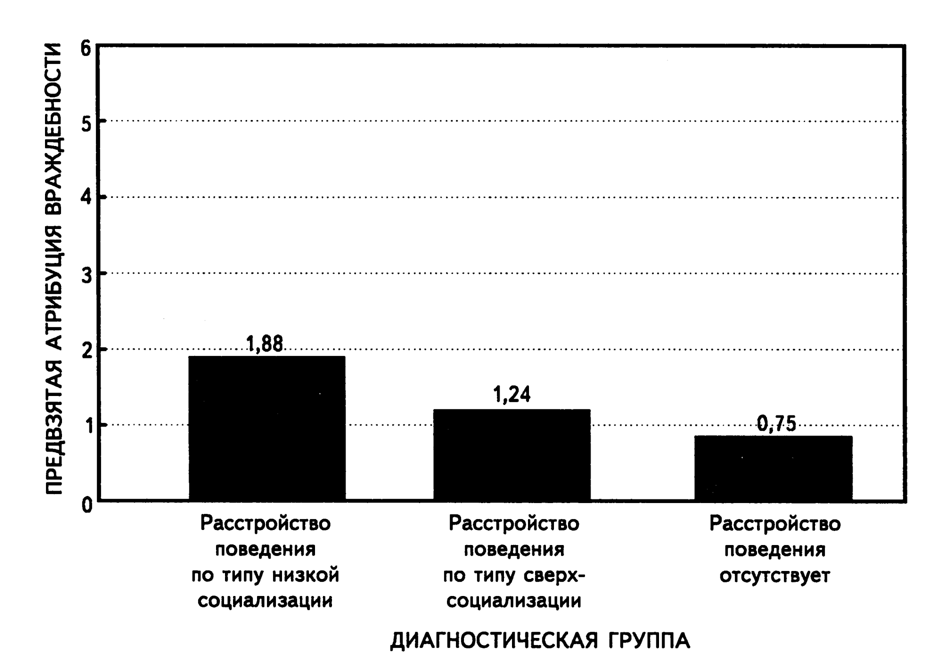

Рис. 6. 3. Заключенные с поведенческим расстройством по типу низкой социализации проявляли более высокую атрибутивную предвзятость, чем лица с поведенческим расстройством по типу сверхсоциализации. Лица без всякого поведенческого расстройства проявляли самую низкую атрибутивную предвзятость. *(Dodge, Price, Bachorowski & Newman, 1990)*

для оценки двух личностных характеристик, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме и варьирующих от индивида к индивиду. Одна из этих черт — *раздражительность* (устойчивая тенденция обижаться даже на минимальную провокацию), другая — *эмоциональная чувствительность* (устойчивая тенденция, свойственная некоторым индивидам, ощущать себя некомпетентными и испытывать дистресс в ответ на самые умеренные фрустрации [Caprara, 1983]). Вопросы, использованные для оценки обеих черт личности, изложены в табл. 6. 1.

Предположение о роли обеих упомянутых характеристик в открытой агрессии нашло свое подтверждение в исследованиях Капрары, Ренци, Алчини, Д'Империо и Траваглиа (Caprara, Renzi, Alcini, D'Imperio & Travaglia, 1983). Эти исследователи либо хвалили испытуемых, в числе которых были люди и с низким, и с высоким уровнем раздражительности и эмоциональной чувствительности (например, им говорили: «В целом вы неплохо справились со своей задачей»), либо ругали (им говорили: «Вы выполнили свое задание хуже, чем можно было ожидать»). После установления обратной связи — положительной или отрицательной — испытуемые получали возможность с помощью электрического разряда продемонстрировать свою агрессию по отношению к другому человеку (который на самом деле был помощником экспериментатора). Каждый раз, когда ассистент совершал ошибку при выполнении задания по определению экстрасенсорной перцепции (так оно называлось в инструкции), испытуемые должны были сами назначить мощность электрического разряда. В течение эксперимента помощник делал 15 ошибок, давая испытуемым, таким образом, возможность не раз проявить свою агрессивность.

Таблица 6. 1. **Вопросы для оценки раздражительности**

РАЗДРАЖИТЕЛЬНОСТЬ	
	У меня часто плохое настроение.
	В состоянии усталости я легко выхожу из себя.
	Мне кажется, я довольно обидчивый человек.
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ВОСПРИИМЧИВОСТЬ	
	Страх неудачи беспокоит меня больше, чем необходимо.
	Иногда я плачу без всякой причины.
	Я часто чувствую себя подавленным.

Примечание: некоторые из вопросов для оценки раздражительности и эмоциональной восприимчивости. *(Caprara, Renzi, Alcini, D'Imperio & Travaglia, 1983)*

Результаты показали, что оба личностных фактора имеют отношение к агрессии. Что касается раздражительности — действительно, и мужчины и женщины, склонные к ней, выбирали для наказания помощника экспериментатора более мощные разряды электрического тока, нежели лица с низким уровнем раздражительности, но только в тех случаях, когда их перед этим провоцировали (см. рис. 6. 4). В отношении эмоциональной чувствительности полученные данные отличались меньшей ясностью, однако тоже наводили на мысль, что этот фактор имеет отношение к открытой агрессии. И на этот раз лица мужского и женского пола с высоким уровнем эмоциональной чувствительности наносили помощнику более сильные удары, нежели лица с низким уровнем данной характеристики. Однако взаимодействие между провокацией и эмоциональной чувствительностью для представителей обоих полов было незначительным.

Все эти результаты наводят на мысль, что раздражительность, в отличие от эмоциональной чувствительности, может быть более тесно связана с агрессией, в особенности если ей предшествовала провокация. Учитывая, что чувство некомпетентности или дистресс могут быть связаны с депрессией, подобные результаты не вызывают удивления. Немало данных свидетельствует о том, что люди в состоянии депрессии склонны обвинять самих себя и относить отрицательные результаты на свой счет (Baumeister, 1990). Вполне возможно, что в результате они зачастую будут менее склонны отвечать агрессивно на провокации других. Дальнейшие исследования могут без особого труда проверить подобную возможность путем исследования взаимосвязи эмоциональной чувствительности и депрессии, а также путем прямого сравнения реакции лиц в состоянии депрессии и в нормальном состоянии на слабые и сильные провокации. Насколько нам известно, исследования подобного типа до сих пор еще не проводились.

Локус контроля: восприятие личного контроля и агрессия

Вряд ли можно сомневаться в том, что основная масса людей мечтает быть хозяевами собственной судьбы. Большинство из них желают контролировать и события, с ними происходящие, и их последствия. В основном именно из-за этого желания люди склонны считать неприятными и не оправдавшими надежд те ситуации, в которых они не могут повлиять на исход. Более того, неоднократное воспроизведение подобных ситуаций может оказывать долговременное, пагубное воздействие

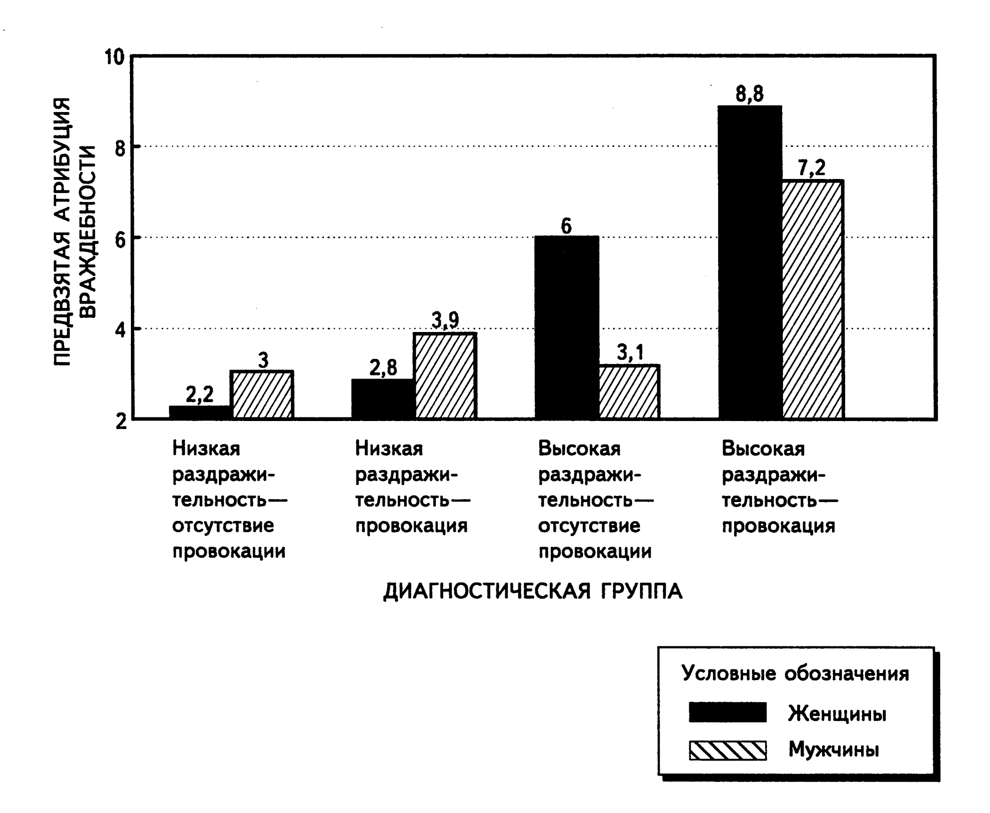

Рис. 6. 4. И мужчины, и женщины с высокой раздражительностью, в отличие от лиц с низкой раздражительностью, проявляют более сильную агрессию, но только при наличии предшествующей провокации. *(Kaprara, Renzi, Alcini, D'Imperio & Travaglia, 1983)*

на лиц, в них участвующих. Если создать условия, при которых люди не будут ощущать взаимосвязь между своим поведением и его результатами, они могут почувствовать себя *бессильными* и будут страдать от снижения мотивации и уменьшения количества действий. В дополнение к этому, они могут впасть в депрессию, со всеми вытекающими отрицательными последствиями (Abramson, Seligman & Teasdale, 1978; Alloy, Abramson, Metalsky & Hartlage, 1988).

Поскольку жизненный опыт у каждого человека свой, то индивиды резко отличаются друг от друга верой в свои способности влиять на последствия собственных действий. На одном полюсе находится группа людей, которых принято называть *интерналами,* то есть теми, кто считает себя способным без особого труда повлиять на исход событий в самых разнообразных ситуациях. На другом полюсе находятся индивиды, обычно называемые *экстерналами*, то есть людьми, считающими, что они *бессильны* повлиять на ход закрученных вокруг них событий. На первый взгляд может показаться, что такие убеждения никак не связаны с царством агрессии, хотя есть, по крайней мере, одна система доказательств, согласно которой они тоже вносят свой вклад в проявления агрессии. Вполне возможно, что интерналы рассматривают агрессию просто как еще один способ воздействия на ход своей жизни, например, как на средство достижения желаемых целей, смягчения отвратительного поведения со стороны других и, возможно даже, как на

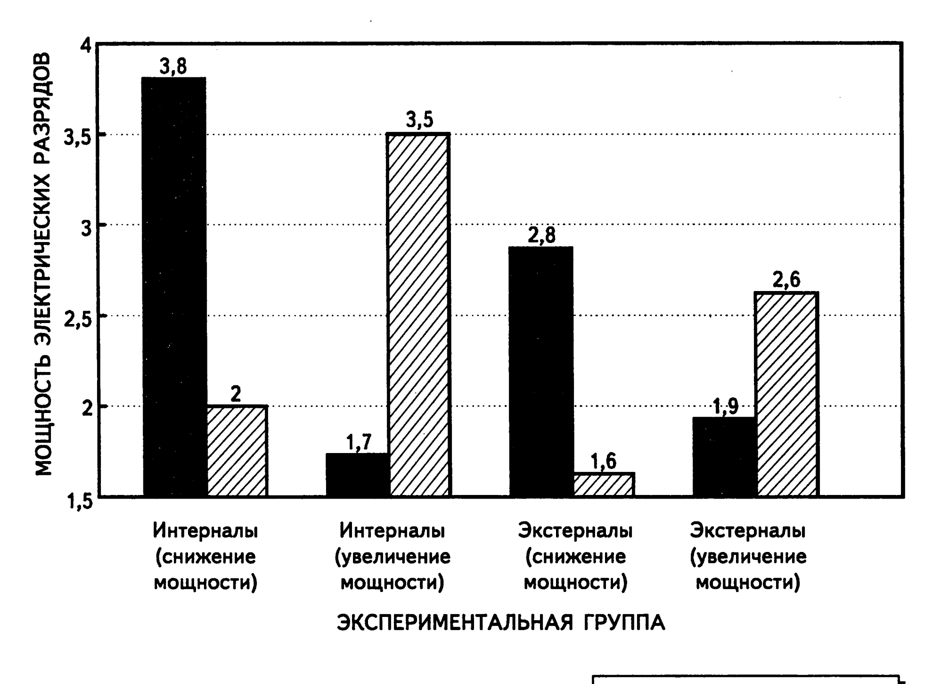
довольно радикальный способ манипуляции. Короче говоря, они могут рассматривать агрессию как одну из форм *инструментального поведения,* которой они могут воспользоваться для осуществления контроля за своим образом жизни. (Вдобавок ко всему, такие лица, конечно, могут проявлять агрессивность чисто импульсивно в ответ на разные неприятные события [Berkowitz, 1989].)

Экстерналы же, напротив, из-за своего в основном, фаталистского взгляда на жизнь могут считать, что от агрессии мало толку. Поэтому они вряд ли будут прибегать к ней, за исключением ситуаций, в которых провокация по отношению к ним постоянна и невыносима. Суммируя сказанное, интерналы могут прибегать как к инструментальной, так и к враждебной агрессии, в то время как экстерналы, как правило, прибегают только к последней (Buss, 1961; Feshbach, 1970). О точности подобных предположений свидетельствуют данные, полученные Денгеринком и его коллегами (Dengerink, O'Leary & Kasner, 1975).

В ходе их эксперимента у 210 студентов старших курсов измерялся по шкале локуса контроля Роттера (Rotter, 1966) уровень уверенности в своей способности нести ответственность за собственную судьбу. Из них для дальнейшего исследования были отобраны 30 человек, набравших наибольшее количество баллов (экстерналы), и 30, набравших наименьшее количество баллов (интерналы). Затем испытуемые из обеих групп выполняли задание на определение времени реакции по системе Тэйлора, различались лишь экспериментальные условия. В одном случае (условие: возрастающая интенсивность воздействия) напарник испытуемых, начиная с разрядов электрического тока слабой мощности, постепенно, по ходу эксперимента, увеличивал ее. В другом (условие: снижающаяся интенсивность воздействия) он начинал с разрядов электрического тока высокой мощности, постепенно уменьшая ее. В третьем же случае (условие: неизменная интенсивность) мощность электрических разрядов оставалась умеренной на протяжении всего эксперимента.

На основе логических размышлений, подобных приведенным выше, Денгеринк и его коллеги предположили, что интерналы довольно просто отреагируют на подобное изменение поведения со стороны своего партнера. Это означает, что интерналы, испытывающие все более мощные разряды электрического тока, будут становиться все агрессивнее; получающие все менее мощные разряды будут уменьшать силу своего противодействия, а те, кому предназначались разряды электрического тока одной и той же мощности, будут отплачивать постоянным уровнем агрессии. В отношении же экстерналов было выдвинуто предположение, что их реакции, напротив, будут меньше зависеть от условий эксперимента. Вероятно, причина этого кроется в убежденности экстерналов в том, что своими действиями они не смогут повлиять на поведение своего партнера и, следовательно, на мощность предназначенных для них электрических разрядов. Более того, предсказывалось, что по мере ужесточения провокации (условие возрастающей интенсивности) они, в отличие от интерналов, будут реагировать менее бурно.

Как видно из рис. 6. 5, эти прогнозы подтвердились. Поведение интерналов в ответ на действия партнера изменялось в большей степени, чем поведение экстерналов. Возможно, наибольший интерес представляет тот факт, что уровень агрессии у экстерналов, в отличие от интерналов, изменился не слишком сильно, даже при условии все возрастающей интенсивности. Короче, они казались более готовыми «подставить другую щеку» в ответ на грубое обращение со стороны своего оппонента. Такое поведение выглядит вполне логичным на фоне фаталистского,

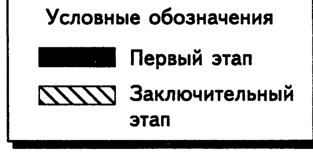

Рис. 6. 5. Экстерналы показали меньшую ответную реакцию на действия своих оппонентов, нежели интерналы. Что особенно важно, они менее увеличивали силу удара относительно увеличиваемой их партнером агрессивности поведения и менее сокращали силу удара, когда он вел себя все менее агрессивно. *(Dengerink, O'Leary & Kasner, 1975)*

довольно пессимистичного отношения, по многим жизненным ситуациям усвоенного экстерналами.

Дополнительным подтверждением важности роли локуса контроля для характера агрессивного поведения явился недавний анализ ситуации послушания по Милграму, выполненный Блассом (Blass, 1991). Исследователь предположил, что личностные факторы играют важную роль в такой ситуации, несмотря на то что социальные психологи нередко используют описание этого эксперимента в качестве хрестоматийного примера мощного воздействия ситуационных сил на поведение индивида. Часть своей работы Бласс посвятил изучению более ранних исследований на предмет взаимосвязи типа локуса контроля и послушания. В одном из таких исследований (Holland, 1967) для испытуемых были разработаны три экспериментальные процедуры. Одна из них была точным повторением порядка действий оригинального эксперимента Милграма (когда испытуемые наказывали невинных жертв разрядами электрического тока все возрастающей мощности). Вторая процедура состояла в том, что испытуемых просили попытаться определить, в чем суть эксперимента; в третьем случае им сказали, что жертва на самом

деле получает разряды значительно меньшей мощности, чем показывают приборы, но попросили держать этот факт в секрете от второго участника эксперимента. Результаты показали, что люди беспрерывно подчинялись инструкциям во всех случаях. Этот факт был истолкован Холландом (Holland, 1967) как доказательство того, что испытуемые, несмотря на обман, осознали суть исследования Милграма (то есть они поняли, что цель эксперимента — исследование природы послушания и что жертва на самом деле не испытает никакой боли).

Следующий шаг этого исследования заключался в заполнении участниками эксперимента опросника со шкалами «интернальность—экстернальность». Введя в свой актив новые данные, Бласс заново проанализировал эксперимент в целом, чтобы можно было получить представление о поведении интерналов и экстерналов в каждой из трех экспериментальных процедур. Анализ показал, что испытуемые прекращали следовать инструкциям во втором случае (когда просили догадаться, в чем сущность эксперимента), и снижение уровня послушания в основном произошло среди интерналов; экстерналы же продолжали беспрекословно следовать указаниям. Поскольку оригинальный эксперимент Милграма подразумевал действия, направленные на причинение вреда другой личности, эти результаты вновь наводили на мысль о том, что параметры локуса контроля имеют отношение к открытой агрессии. В частности, можно сказать, что они согласуются с результатами, о которых сообщал Денгеринк, предположивший, что интерналы в своем поведении более чувствительны к внешним посылам к агрессии, поскольку сосредоточены на инструментальной ценности подобного поведения и его возможных последствий. Короче говоря, уверенность индивидов в своей способности влиять на собственную судьбу может быть дополнительным личностным фактором, имеющим отношение к агрессии во многих ситуациях.

Модель поведения лиц, предрасположенных к коронарным заболеваниям, и агрессия: почему «А» в типе «А» может означать агрессию?

В последние годы много внимания уделялось изучению *модели поведения, характерной для лиц с предрасположенностью к коронарным заболеваниям,* или говоря кратко — *модели типа «А»* (Glass, 1977; Strube, 1989). Одна из главных причин такого интереса заключается в следующем: лица, чье поведение соответствует данной модели, вдвое чаще других страдают от болезней сердечно-сосудистой системы (Engebretson, Matthews, & Scheier, 1989). Согласно утверждениям исследователей, разработавших эту модель (Rosenman & Friedman, 1974), лица типа «А», в отличие от индивидов, чье поведение не соответствует данной модели (так называемый тип «Б»), характеризуются тремя основными чертами.

Во-первых, они напористы и склонны к соперничеству, стремятся одержать победу и готовы приложить значительные усилия, чтобы превзойти других. Во-вторых, они всегда спешат и проявляют сильное нетерпение, когда другие лица или рамки ситуации сдерживают их. И последней, наиболее интересующей нас чертой является то, что лица типа «А» демонстрируют высокий уровень враждебности и открытой агрессии.

То, что первые две характеристики присущи людям типа «А», подтверждено большим количеством исследований (Contrada, 1989), немало данных свидетельствует и в пользу третьей, то есть люди типа «А» действительно более раздражительны и агрессивны, чем люди типа «Б». Более того, похоже, что именно послед-

няя из упомянутых черта ответственна за склонность этих людей к заболеваниям сердечно-сосудистой системы.

Первый эксперимент по демонстрации положительной корреляции между поведением типа «А» и агрессией был осуществлен Карвером и Глассом (Carver & Glass, 1978). В этом исследовании помощник экспериментатора либо мешал испытуемым (уже идентифицированным по типу «А» или типу «Б») разгадывать сложную головоломку и насмехался над их умственными способностями, чем доводил их до белого каления, либо не обращал на них никакого внимания. Далее все участники эксперимента получали возможность ответить на провокации ассистента разрядами электротока по стандартной системе учитель — ученик по Бассу (Buss, 1961). Было выдвинуто предположение, что из лиц, спровоцированных помощником экспериментатора, испытуемые типа «А» проявят более сильную прямую агрессию против него, нежели лица типа «Б». А среди участников разного типа, но не подвергшихся провокации, подобного различия не ожидалось. Результаты подтвердили эти прогнозы. Таким образом, оказалось, что тип «А» более агрессивен, чем тип «Б», но только в случае провоцирования со стороны других.

Другие исследования, разрабатывающие эту же тему, подтвердили полученный ранее результат (Baron, Russell & Arms, 1985). Более того, на основании новых данных оказалось возможным сделать вывод, что тип «А» отличается от типа «Б», главным образом, когда речь идет о *враждебной*, а не *инструментальной* агрессии. Рассмотрим, к примеру, исследование Штрубе и его коллег (Strube, Turner, Cerro, Stevens & Hinchey, 1984), в котором для мужчин-испытуемых, идентифицированных по типам «А» и «Б», либо создавали ситуацию фрустрации (мешали найти ответ к трудной головоломке, на решение которой давалось ограниченное количество времени), либо нет. На следующем этапе эксперимента им предоставляли возможность награждать или штрафовать другого человека (помощника экспериментатора). Вознаграждение давалось, если помощник находил правильный ответ, решая учебную задачу, штраф же накладывался в случае совершения им ошибок. Половине участников внушили мысль о том, что их партнеру хорошо известно, насколько велики вознаграждение и штраф. Это было условие *полной обратной связи.* Другой половине сообщили, что этот человек знает, насколько велико вознаграждение, но *не получает* никакой информации относительно размеров штрафа. Это было условие *частичной обратной связи.* Штрубе и его коллеги предположили, что, если при последнем условии испытуемые решат наложить на помощника большой штраф, это будет демонстрацией *враждебной агрессии;* в конце концов, раз ему неизвестны размеры «выписанных» штрафов, то нельзя выяснить, какая сумма может способствовать улучшению его работы. Таким образом, если испытуемые будут назначать большие штрафы, это будет указывать на их желание причинить вред учащемуся. Напротив, если участники эксперимента решат прибегнуть к большим штрафам при условии полной обратной связи, эту форму агрессии скорее всего можно будет обозначить как инструментальную. В данном случае увеличение размеров штрафа будет указывать на желание испытуемых помочь учащемуся лучше выполнить задание. Исследователи предположили, что люди типа «А» в большинстве своем будут склоны к враждебной агрессии, а люди типа «Б» — нет. Эта гипотеза получила подтверждение. В условиях частичной обратной связи фрустрированные на первом этапе испытуемые типа «А» налагали штрафы более высоких размеров, чем испытуемые типа «Б». Однако при отсутствии фрустрации поведение людей в обеих группах не отличалось.

Очередные данные, полученные Штрубе и коллегами (Strube & others, 1984), расширили перечень доказательств положительной корреляции между поведением типа «А» и агрессией. Например, обнаружилось, что лица типа «А» в большей степени склонны плохо обращаться с детьми. И действительно, 75% женщин, проходящих курс лечения в связи с тем, что они истязали собственных детей, относятся к типу «А». Напротив, в контрольной группе ненасильников только 50% лиц были отнесены к типу «А». Такие результаты говорят о том, что склонность лиц типа «А» к враждебной агрессии нельзя сбрасывать со счетов в реальной жизни.

В отличие от лиц типа «Б», лица типа «А» более склонны к межличностным конфликтам. В исследовании, участниками которого были менеджеры среднего звена в одной большой организации, Бэрон (Baron, 1989) просил участников заполнить стандартный опросник, используемый для классификации индивидов по типу «А» и типу «Б» (опросник активности Дженкинса), а также сообщить о том, как часто им приходилось быть втянутыми в конфликт в своих трудовых коллективах. На основании полученных данных выяснилось, что лица типа «А» значительно чаще оказывались участниками межличностного конфликта. Кроме того, сотрудниками, не участвовавшими в опросе, был составлен рейтинг частоты возникновения конфликтов в каждом трудовом коллективе. В результате оказалось, что лица типа «А» действительно чаще вступают в конфликт с другими, способствуя возникновению стычек на рабочем месте.

Наконец, последние из полученных данные наводят на мысль о том, что причиной высокого уровня агрессии у лиц типа «А» могут быть гормоны. В исследовании Бермана, Глэдью и Тэйлора (Berman, Gladue & Taylor, 1993) во время выполнения заданий на время реакции по системе Тэйлора мужчин (принадлежащих к типу «А» и типу «Б») провоцировал незнакомец. До начала эксперимента у испытуемых был определен уровень тестостерона. Результаты показали, что во время эксперимента лица типа «А» с высоким уровнем тестостерона отвечали на возрастающую провокацию более высоким уровнем агрессии, нежели тип «А» с низким уровнем тестостерона (см. рис. 6. 6). Что же касается типа «Б», то участники эксперимента с высоким и низким уровнем тестостерона, напротив, не отличались друг от друга по уровню агрессии. Кроме того, лица типа «А» с высоким уровнем тестостерона выбирали самые мощные разряды электрического тока. Все эти данные наводят на мысль, что индивидуальные различия — как на уровне демонстрируемого поведения, так и на уровне физиологических процессов — могут влиять на агрессию. Более того, они показывают, что мужчины типа «А» с высоким уровнем тестостерона особенно склонны отвечать на провокацию насилием.

В итоге лица типа «А», вследствие их личностных характеристик, представляют угрозу не только для собственного здоровья и благополучия. Напротив, из-за своей повышенной склонности отвечать силой на провокацию и вступать в агрессивные взаимоотношения они могут также угрожать здоровью и безопасности других людей. В целом модель поведения по типу «А» представляет *опасность* в разнообразных отношениях и как таковая является аспектом личности, заслуживающим особого внимания.

Чувство стыда и агрессия: от самонеприятия к враждебности и гневу

Представьте себе, что вы обещали другу оказать небольшую любезность. По прошествии времени вы понимаете, что не в состоянии это сделать, потому что «любезность» требует от вас слишком многих усилий. Как бы вы себя почувствовали?

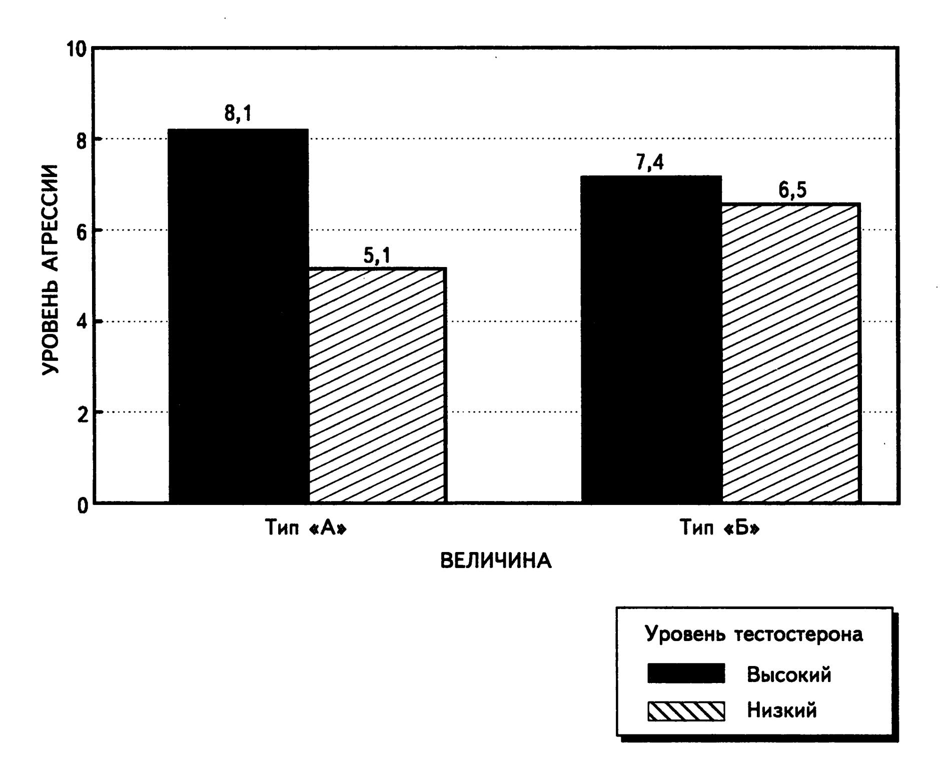

Рис. 6. 6. Среди испытуемых типа «А» лица с высоким уровнем тестостерона показали более высокие уровни агрессии, чем лица с низким уровнем тестостерона. Лица типа «Б» и с высоким, и с низким уровнем тестостерона — не отличаются друг от друга по уровню агрессии *(Berman, Gladue & Taylor, 1993)*

Большинство людей в такой ситуации испытало бы определенное чувство *вины,* сожаление или угрызения совести за то, что не смогли сдержать слова. Другие, однако, способны испытывать даже более сильное чувство, обозначаемое словом *стыд.* Они стали бы резко критиковать себя и говорить, к примеру: «Почему я так глуп?» или же «Почему я такой ленивый?» И чувство вины, и чувство стыда — негативные чувства, правда, чувство стыда несколько глубже, поскольку подразумевает отрицательную оценку своего *собственного «Я»,* а не является просто отражением каких-то специфических действий (Tangney, 1990).

Существует ли какая-нибудь взаимосвязь между тенденциями испытывать *стыд* и отвечать агрессией? Непрекращающаяся лавина данных дает положительный ответ. Оказывается, что люди, испытывая чувство стыда, зачастую также ощущают гнев и враждебность: они злятся на самих себя, что своим поведением заставили себя усомниться в собственной ценности. Такие чувства затем переадресовываются тем, по чьей вине возник стыд; в конце концов, именно *они* выражают недовольство, заставляя человека чувствовать себя глубоко униженным. Поскольку стыд — это сильная эмоция, то негативные чувства, порождаемые ею, зачастую бывают глубокими, неадекватными событию, вызвавшему их. Лица, испытывающие чувство стыда, прекрасно это понимают, что еще больше усиливает их гнев и упреки в адрес тех людей, по вине которых они вынуждены испытывать

неприятные чувства. Приведенные соображения наводят на мысль, что лица, склонные испытывать чувство стыда, могут быть также склонными к агрессии.

Конкретные данные о существовании связи между склонностью к стыду и агрессией были получены в некоторых исследованиях (Harder & Lewis, 1986; Tangney, 1990). В самом, наверное, ярком на нынешний день исследовании Тангни, Вагнера, Флетчера и Грамзоу (Tangney, Wagner, Fletcher & Gramzow, 1992) попросили участников эксперимента заполнить опросники — для определения их склонности испытывать чувство вины или стыда в широком диапазоне ситуаций; склонности испытывать гнев или раздражение и склонности реагировать различными формами агрессивного поведения. Результаты не вызывали сомнений: чувство стыда действительно напрямую связано с гневом и агрессией. Другими словами, чем чаще люди испытывают чувство стыда в процессе взаимодействия с другими, тем выше их склонность к гневу и агрессивному реагированию. Интересно, что между склонностью чувствовать вину и гневом или агрессией положительной корреляции не наблюдалось. Поскольку и вина и стыд приводят в действие механизм «негативные реакции — "плохое" поведение», можно предположить, что связь между стыдом и агрессией может напрямую зависеть от степени неодобрения своего собственного «Я». Другими словами, именно тенденция стыдливых людей бить по своему собственному «Я» лежит в основе их высокой склонности к агрессии. Каковы бы, однако, ни были настоящие источники взаимосвязи между стыдом и агрессией, ясно, что тенденция испытывать стыд потенциально опасна не только для лиц, переживающих подобные эмоции, но и для окружающих.

Личность и «нормальная агрессия»: некоторые заключительные соображения

Перечень личностных черт или диспозиций, детерминирующих возникновение, интенсивность и направленность агрессии, ни в коем случае не исчерпывается рассмотренными выше. Важно учитывать то, что были обнаружены и другие черты характера, связываемые с агрессией. В качестве примеров в этот список следовало бы включить *авторитаризм* (Blass, 1991; Elms & Milgram, 1966), *зависимость от поля* или *поленезависимость* (Dengerink et al., 1975), *враждебность* или саму *агрессивность* (Wilkins, Scharff, & Sclottmann, 1974). Однако вместо рассмотрения этих характеристик мы закончим данный раздел обращением к двум проблемам: относительной важности личности и ситуационных детерминантов агрессии и изменяемости личностных характеристик, имеющих отношение к агрессии.

Задаваясь вопросом о том, на каких ступеньках лестницы, ведущей к агрессии, находятся ситуационные и личностные переменные, следует заметить, что большинство социальных психологов отдают пальму первенства ситуационным факторам, то есть подчеркивают роль социальных, ситуационных и средовых факторов, как это было представлено в первых главах данной книги. Утверждается, что только при отсутствии этих факторов или при их минимальном влиянии на передний план действительно выходят личностные переменные (Larsen, Coleman, Forbes & Johnson, 1972).

В целом мы согласны с этим заключением, но мы видим, что появляются все новые данные, свидетельствующие, пожалуй, о некоторой шаткости приведенного выше предположения. Поскольку наши знания о личности растут, становится все более очевидным, что личностные характеристики зачастую *могут* играть важ-

ную роль в формировании наблюдаемого поведения (Clarke & Hoyle, 1988). Более того, многие исследователи сообщают о том, что подобные факторы часто играют роль посредника по отношению к ситуационным факторам: иными словами, определенная ситуация может по-разному интерпретироваться лицами с различными чертами характера, и в результате реакция на ситуацию может оказаться диаметрально противоположной (Buss & Cantor, 1989). Таким образом, вопрос «что важнее» — личностные или ситуационные детерминанты поведения — становится совершенно неуместным. Более важной нам видится задача объединения этих двух групп факторов, для того чтобы расширить наши знания и возможность прогнозирования различных сторон поведения.

Мы согласны также с предположениями Бласса (Blass, 1991) и других, которые отмечают, что личностные факторы начинают играть ведущую роль в ситуациях, смоделированных самими людьми, нежели в ситуациях, им навязанных, а также если самосознание человека не «замутнено», в отличие от случаев, когда оно заблокировано или «задавлено» ситуацией (например, событием или задачей, требующей от человека полной отдачи в процессе переработки информации). В целом мы считаем, что личностные факторы *действительно* играют важную роль во многих моделях поведения, в число которых входит и агрессия.

А теперь перейдем ко второму вопросу — к изменяемости личностных черт. У нас сложилось впечатление, что для многих термин *личность* ассоциируется, кроме всего прочего, с понятиями *неизменность, отсутствие альтернативы* и *неизбежность.* Другими словами, многие люди считают, часто безоговорочно, что личностные черты, раз сформировавшись, не изменяются, да и, возможно, не могут изменяться. На самом же деле подобные предположения совершенно неверны. Вопреки общепринятому представлению, люди все-таки меняются на протяжении жизни, и такие перемены включают изменения в личностных характеристиках, хотя они могут оставаться стабильными в течение длительного времени. Но в нашем контексте стабильный отнюдь *не* означает *неизменный:* все большее число данных свидетельствует о том, что рассмотренные в этой главе характеристики — модель поведения по типу «А», тревога, локус контроля — все они могут меняться по мере приобретения нового опыта или после прохождения тренинга, специально разработанного для их изменения. Этот факт имеет важное значение для предупреждения и контроля человеческой агрессии — проблемы, к которой мы обратимся в главе 9. К тому же он свидетельствует о *возможности* изменения таких наклонностей, а также черт, лежащих в их основе, то есть факт, что определенные черты имеют отношение к агрессии, не может сам по себе быть причиной для пессимизма. Напротив, перемены возможны, и это обстоятельство позволяет нам закончить данный раздел ободряющими словами, которые впервые мы высказали в главе 1: агрессия определенно *не* является неизбежным и неминуемым результатом человеческой природы.

НАСИЛЬНИКИ: АБСОЛЮТНО НЕ КОНТРОЛИРУЮЩИЕ И ЧРЕЗМЕРНО КОНТРОЛИРУЮЩИЕ СЕБЯ АГРЕССОРЫ

До сих пор предметом нашего внимания были личностные характеристики «нормальных» агрессоров — индивидов, не имеющих признаков психопатологии и

демонстрирующих агрессию в таких ситуациях и при таких условиях, когда многие другие лица тоже вели бы себя подобным образом. Ну а теперь мы рассмотрим две другие группы, вернее, их немногочисленных представителей, на чью долю приходится основной процент действий, классифицируемых как агрессивные, и на чьей совести лежит ответственность за совершение зверских актов насилия, сообщения о которых так часто встречаются на страницах газет. Первая группа известна под названием *абсолютно не контролирующих себя агрессоров,* мы уже упоминали их в разделе о враждебной атрибутивной предвзятости. Как вы, наверное, помните, Додж с коллегами (Dodge & others, 1990) в качестве объекта исследования выбрали группу не контролирующих себя *агрессоров* — лиц, заключенных в тюрьму за совершение преступлений с применением насилия.

Представители второй группы, известные под названием *чрезмерно контролирующих себя агрессоров,* в некотором отношении даже более опасны. Они редко прибегают к агрессии, но, если до этого в конце концов доходит дело, их поступки носят крайний характер. Яростью своих атак они с лихвой компенсируют их немногочисленность.

Деление на абсолютно не контролирующих и чрезмерно контролирующих себя агрессоров впервые предложил Мегарджи (Megargee, 1966, 1971). Основанием к этому послужил тот факт, что в процессе разработки классификации агрессоров, при их «ближайшем рассмотрении» было обнаружено, что среди них преобладают лица либо с необычайно «шаткими», либо с чрезмерно «прочными» внутренними барьерами, сдерживающими агрессию. Впрочем, эта терминология с того времени широко использовалась многими исследователями в самом разнообразном контексте (Russell, 1989; Subotnik, 1989). Таким образом, подобное деление может быть полезным с точки зрения понимания различных аспектов агрессии.

АБСОЛЮТНО НЕ КОНТРОЛИРУЮЩИЕ СЕБЯ АГРЕССОРЫ: ОТСУТСТВИЕ СДЕРЖИВАЮЩИХ НАЧАЛ

Точ (Toch, 1969, 1975, 1980), исследователь, в течение нескольких лет занимавшийся изучением поведения вспыльчивых людей, называет не контролирующих себя агрессоров *насильниками.* Его работы показывают, что эти лица, несмотря на сравнительную немногочисленность, несут ответственность за необычайно высокий процент случаев с применением насилия. В арсенале научных методов Точа был один весьма необычный и провокационный способ, которым исследователь время от времени пользовался: он обучал заключенных и условно освобожденных интервьюировать насильников. Его доводы в пользу подобной методологии были неоспоримы. Во-первых, он хотел наладить контакт между испытуемыми и их интервьюерами, поскольку в роли последних зачастую выступают опытные профессионалы, говорящие, в буквальном смысле этого слова, совершенно на другом языке. Во-вторых, он хотел получить максимум информации от испытуемого. Другими словами, Точ был уверен, что насильники будут более искренними и откровенными, беседуя с равными себе.

Каждое интервью записывалось на пленку, а затем прослушивалось и тщательно анализировалось исследовательскими группами, состоявшими как из профессионалов, так и из непрофессионалов. В ходе дискуссии группы пытались составить для каждого случая насилия своеобразное резюме, включающее информацию

Таблица 6. 2. **Типология насильников по Точу**

ТИП	ОПИСАНИЕ
Поддерживающие свою репутацию	Опасаются, что ничего из себя не представляют, и пытаются убедить других, что на самом деле они — люди крутые и бесстрашные.
Защищающие свою репутацию	Пытаются защищать собственный образ от пренебрежения, в основном воображаемого, со стороны других.
Потакающие себе	Уверены, что другие существуют только для их обслуживания, и проявляют гнев, когда им отказываются подчиняться.
Защищающие «статус»	Агрессивно выступают против других вследствие места, которое занимают в обществе (например, главари банд).
Хулиганы и садисты	Получают удовольствие от нанесения вреда другим; выбирают в качестве жертвы более слабых; несправедливо получают преимущество.
Защищающиеся	Прибегают к агрессии из-за сильного опасения, что сами станут жертвой, если не нанесут удар первыми.

Примечание: некоторые из основных типов насильников были впервые описаны Точем. Перечисленные здесь в общей сложности составляют две трети от всех подобных личностей. *(Toch, 1969)*

по следующим пунктам: 1) первопричины каждого столкновения с применением насилия (то есть события, приведшие к нему); 2) основные цели и ценностная ориентация субъекта; 3) любое сходство между двумя первыми положениями и информацией, почерпнутой из других интервью. Главная цель заключалась в том, чтобы выделить основные положения, которые смогли бы указать на базовые личностные характеристики лиц, склонных к насилию.

Проанализировав результаты, полученные с помощью своей хитроумной методики, Точ пришел к заключению, что насильников (не контролирующих себя агрессоров) можно разделить на несколько типов. Основанием классификации послужили причины, побуждающие насильников выбирать в качестве модели поведения агрессию. Окончательный вариант типологии представлен в табл. 6. 2, таким образом мы можем сделать вывод, что насильники прибегают к агрессии по самым разнообразным причинам. Одни из них руководствуются социальными целями и мотивами (например, поддержание и упрочение своего имиджа в обществе, навязывание групповых норм), в то время как другие стремятся эксплуатировать других и насаждать свою власть (запугивание, эксплуатация). Наконец, если вспомнить исследования по изучению предвзятой атрибуции враждебности, некоторые неконтролирующие себя лица ведут себя агрессивно из-за убеждения, что «за ними охотятся», а также из-за страха, что сами станут жертвами, если не нанесут удара первыми.

АБСОЛЮТНО НЕ КОНТРОЛИРУЮЩИЕ СЕБЯ АГРЕССОРЫ: НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Исследование Точа, которое позволило сделать видимым восприятие и мотивы насильников, содержит несколько важных рекомендаций относительно того, как вести себя с такими людьми. Во-первых, поскольку агрессивные наклонности та-

ких лиц, похоже, являются порождением различных источников, маловероятно, что какая-нибудь одна процедура или методика окажется успешной в изменении поведения всех *абсолютно не контролирующих себя агрессоров*. Напротив, потребуются скорее всего самые разнообразные методы в работе с каждой отдельной подгруппой.

Во-вторых, исследование Точа наводит на мысль, что, видимо, не удастся «перековать» склонных к насилию лиц с помощью таких широко распространенных средств, как увеличение срока наказания за агрессивное поведение, усиление полицейских сил или же ограничение продажи опасного оружия. Дело в том, что такие лица считают агрессию вполне приемлемой и используют ее как средство достижения целей, глубоко укоренившихся в их личностной структуре. С позиции теории научения и социально-когнитивной теории (Bandura, 1986), агрессия как модель поведения чрезвычайно устраивает таких лиц, и поэтому вряд ли они с готовностью и легкостью откажутся от тенденции отвечать ударом на удар. Следовательно, ключом к изменению поведения таких лиц может стать психотерапия, направленная на повышение уверенности в себе, на выработку более зрелого взгляда на жизнь и отношения с другими, а также имеющая возможность научить их необходимым социальным навыкам. По словам Точа, такие изменения медленно, но верно приведут к искоренению многих из факторов, предрасполагающих несдержанных лиц к опасным выпадам против других. Таким образом, программы, направленные на осуществление этих целей, должны стремиться, в первую очередь, к уменьшению насильственных наклонностей *абсолютно не контролирующих себя агрессоров*.

ЧРЕЗМЕРНО КОНТРОЛИРУЮЩИЕ СЕБЯ АГРЕССОРЫ: КОГДА ЧРЕЗМЕРНАЯ СДЕРЖАННОСТЬ СТАНОВИТСЯ ОПАСНОЙ

- «Служащий убил в ресторане шесть человек. Затем направил оружие на себя»
- «Жена подожгла мужа и наблюдает, как он погибает в огне»
- «Мужчина сбросил с шестого этажа своего пасынка»
- «Мальчик убил отца, мать и двух сестер»
- «Мужчина трактором переехал свою бывшую любовницу»

Заголовки, подобные приведенным, с пугающей частотой появляются на страницах наших газет. Обычно мы с огромным недоумением реагируем на такие события. Как, удивляемся мы, кто-то смог совершить подобные преступления? Какие полоумные или озверевшие чудовища ответственны за эти акты насилия? Вплоть до недавнего времени наиболее распространенный ответ на подобные вопросы подразумевал отсутствие обыкновенных внутренних сдерживающих начал. Считалось, что лица, совершившие подобные поступки, просто не в состоянии, в отличие от других людей, контролировать и сдерживать себя от совершения опасных актов агрессии. Короче говоря, таких людей воспринимали как не контролирующих себя агрессоров.

Как это ни странно, но при внимательном анализе черт характера у лиц, прибегающих к крайним формам насилия, вырисовывается совершенно другая картина: эти шокирующие преступления совершили отнюдь не те, за кем тянется длин-

ный хвост кровавых преступлений. Напротив, очень часто преступниками оказываются пассивные, мягкие по характеру люди. Они совсем не импульсивны и их трудно спровоцировать. Они кажутся терпеливыми, способными выносить страдания на протяжении длительного времени, умеющими себя сдерживать. Нижеприведенная история служит ярким примером того, что обычно происходит с такими людьми (Schultz, 1960):

Джим однажды пришел домой раньше времени и застал свою жену в постели с соседом. Он не знал, что делать. Просто закрыл дверь, вернулся к работе в поле и заплакал. По его словам, он мог бы «что-нибудь» сделать, так как в соседней со спальней комнате хранилось заряженное ружье. Позднее Джим никогда не напоминал жене о неверности, и она, видя отсутствие практически всякого сопротивления, осмелела. Любовник начал оставаться не только на ужин, но иногда и на ночь. Джим не возражал и даже давал в долг любовнику своей жены деньги, семена, фермерское оборудование... В конце концов, по прошествии трех лет, любовник приехал на ферму Джима на грузовике, загрузил его домашним скарбом, скотом и, посадив туда жену Джима и четырех его детей, уехал. Джим, хотя и поразился отсутствию жены и детей, не только ничего не предпринял для их возвращения, но и ни разу не подошел к любовнику своей жены.

Конечно, очень трудно представить более яркий пример сдерживания перед лицом все повторяющихся провокаций. Несмотря на наглые действия жены и ее любовника, Джим оказался не в состоянии в течение трех лет выразить в какой-нибудь форме свой протест. Только позднее, вновь женившись и обнаружив, что и вторая жена ему неверна, он наконец взорвался и с необычайной жестокостью убил ее вместе с любовником.

Проанализировав несколько подобных случаев, Мегарджи (Megargee, 1966, 1971) пришел к заключению, что виновные в совершении поступков с применением крайних форм насилия являются на самом деле лицами упомянутого выше типа. Он обозначил их термином *чрезмерно контролирующие себя агрессоры* — лица, обладающие мощными сдерживающими силами, препятствующими совершению агрессивных действий. Исходя из этого факта, Мегарджи выдвинул также предположение, что такие люди из-за прочных внутренних сдерживающих начал обычно редко реагируют на провокацию, предпочитая прятать свой гнев под мнимым безразличием. С течением времени, однако, если провокации не прекращаются, даже *их* чрезмерное терпение лопается. И тогда эти, казалось бы, покорные люди неожиданно прибегают к насилию, что застает их жертву совершенно врасплох. После «выброса» агрессии они опять возвращаются к своему прежнему состоянию пассивности, и их снова воспринимают как совершенно неспособных на дикие поступки, не говоря уже о крайних формах проявления агрессии.

Чтобы доказать жизнеспособность подобных предположений, Мегарджи (Megargee, 1966) провел полевые исследования двух групп мальчиков — несовершеннолетних преступников — в возрасте от 11 до 17 лет. Лица, отнесенные к первой группе (и получившие название «крайне агрессивные») были лишены свободы за совершение чрезвычайно жестоких актов насилия (например, убийство своих родителей, жестокое избиение других), в то время как лица из второй группы (получившие название «умеренно агрессивные») были задержаны за совершение более умеренных актов агрессии (например, драку, использование оружия, не относящегося к категории смертельного, такого, например, как палка). Мегарджи предположил, что многие из входящих в группу *крайне агрессивных*

при ближайшем рассмотрении окажутся *чрезвычайно сдерживающими себя агрессорами*. Напротив, ни один из индивидов из категории *умеренно агрессивных* не попадет под это определение. Другими словами, как бы это ни казалось парадоксальным, испытуемые группы *крайне агрессивных* на самом деле будут демонстрировать агрессию более низкого уровня и до, и после заключения, чем лица из группы *умеренно агрессивных*. Полученные результаты подтвердили этот прогноз. В процентном отношении в группе «крайне агрессивных» (78%), по сравнению с группой «умеренно агрессивных» (29%), было больше лиц, впервые совершивших преступление и не имевших до этого неприятностей с законом. Более того, оценивая поведение своих подопечных, их воспитатели отмечали, что заключенные, входившие в группу «крайне агрессивных», оказались более склонными к сотрудничеству, послушными и приятными, чем испытуемые из группы «умеренно — агрессивных».

Очередным подтверждением гипотезы, что лица, совершившие тяжкие преступления, зачастую относятся к категории *чрезмерно контролирующих себя агрессоров*, являются результаты экспериментов, во время которых группы заключенных, осужденных за правонарушения различной степени тяжести, должны были заполнить опросник, измеряющий склонность к чрезмерному контролю агрессии (шкала чрезмерно контролируемой враждебности [Megargee, Cook & Mendelson, 1967]). Как и предполагалось, осужденные за совершение тяжких преступлений набрали по этой шкале больше баллов, чем осужденные за совершение преступлений средней степени тяжести, а последние — больше тех, кто попал в тюрьму за ненасильственные преступления (см. рис. 6. 7).

Если валидность шкалы «склонность к чрезвычайному контролю враждебности» будет подтверждена дальнейшими исследованиями, она станет очень полезной для выявления лиц, чьи сдерживающие силы делают их чрезмерно — и неожиданно — опасными для других.

Чрезмерно контролирующие себя агрессоры, абсолютно не контролирующие себя агрессоры и агрессия по отношению к женщинам: близкий враг вновь наносит удар

Насилие, как это ни удивительно, нередкое явление в отношениях между родственниками, родителями и детьми, братьями и сестрами, мужьями и женами (Straus, Gelles & Steinmetz, 1980). Если говорить о насилии в супружеских парах, то женщины значительно чаще становятся жертвами физических оскорблений со стороны мужчин; действительно, десятки тысяч жен ежегодно подвергаются истязаниям со стороны своих мужей в одних только Соединенных Штатах. Какой тип мужчин прибегает к физическому насилию над своими женами? Какие характеристики, свойственные этим индивидам, попирают мощные сдерживающие начала, удерживающие большинство представителей мужского пола от причинения женщинам физического вреда? В исследованиях по этой теме в качестве базового понятия часто использовалась система Мегарджи (Megargee, 1971) — разделение испытуемых на чрезмерно контролирующих и абсолютно не контролирующих себя агрессоров. Результаты оказались поистине потрясающими.

На первый взгляд может показаться, что бьющие своих жен мужчины в большинстве своем абсолютно не контролирующие себя агрессоры — лица с необычайно слабыми сдерживающими началами против использования физического

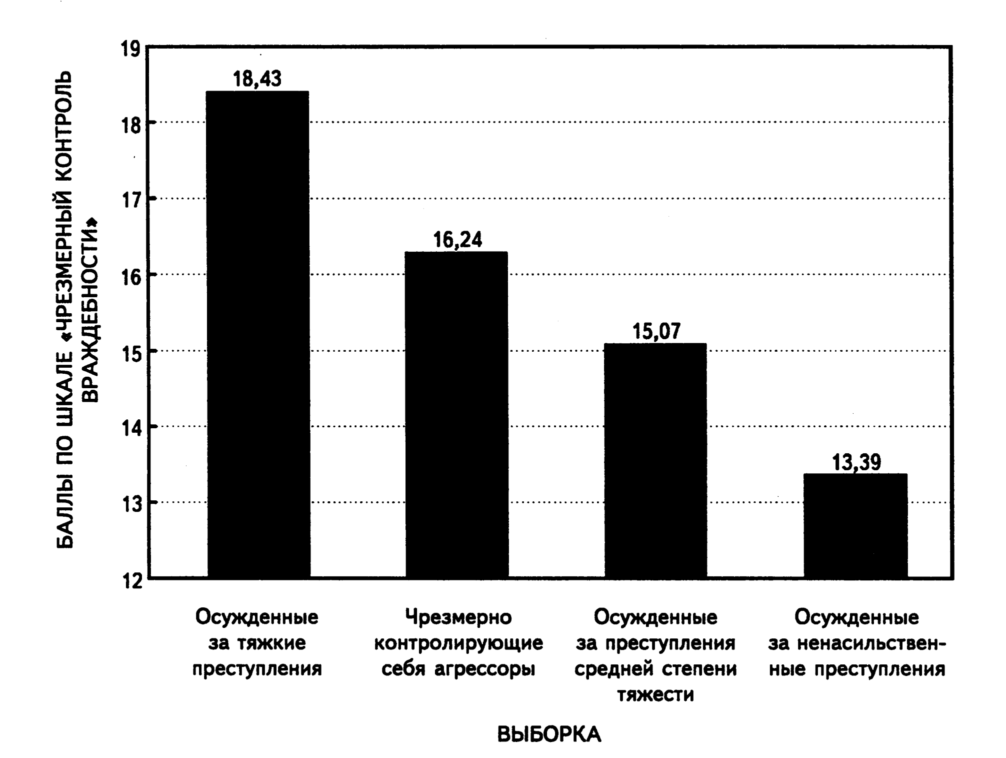

Рис. 6. 7. Заключенные, осужденные за совершение тяжких преступлений, набрали больше баллов по шкале «чрезмерный контроль враждебности», чем заключенные, осужденные за преступления средней степени тяжести или осужденные за совершение ненасильственных преступлений. *(Megargee, 1971)*

насилия. Фактически же оказывается, что они могут быть как чрезвычайно контролирующими себя агрессорами, так и наоборот. Исследование, разработанное и проведенное Суботник (Subotnik, 1989) прекрасно иллюстрирует это положение.

Вместе со своими коллегами она опрашивала людей, искавших помощи у представителей организации «Проект по борьбе с истязаниями в семьях» (Domestic Abuse Project). Опросы показали, что часть мужчин, избивающих своих жен, можно классифицировать как *абсолютно не контролирующих себя агрессоров*, так как они применяют насилие и по отношению к другим лицам и совсем не испытывают чувства вины за свое поведение дома. Напротив, других можно было классифицировать как *чрезмерно сдерживающих себя агрессоров* — они не применяли насилия по отношению к другим лицам, сообщали, что подобные инциденты случались с ними только после принятия алкоголя, и отмечали, что испытывают чувство вины после «вспышек агрессии».

На основе предварительных данных своего эксперимента, а также результатов, полученных в ходе проведенных ранее исследований по теме «абсолютно не контролирующие и чрезмерно контролирующие себя агрессоры», Суботник выявила несколько гипотез о возможных различиях между этими двумя группами истязателей жен. В частности, она сформулировала предположение, что чрезмерно контролирующие себя агрессоры будут с неодобрением относиться к агрессии и что

для них будет характерен сравнительно низкий уровень импульсивности. Абсолютно не контролирующие себя агрессоры, напротив, будут в большинстве своем относиться к агрессии положительно и демонстрировать сравнительно высокий уровень импульсивности. Сравнение поведения «истязателей жен» по обеим группам подтвердило эти прогнозы. Кроме того, Суботник (Subotnik, 1989) обнаружила, что совсем не контролирующие себя «истязатели жен» оказались в целом более агрессивными и чувствовали себя более бессильными, чем чрезмерно контролирующие себя агрессоры.

Полученные Суботник результаты наводят на мысль о том, что мужчины, прибегающие к насилию по отношению к своим женам, не обладают единой структурой личностных черт. Напротив, аналогичное поведение может быть отмечено у лиц, структуры личности которых совершенно противоположны. Абсолютно не контролирующие себя агрессоры, похоже, нападают на своих жен в ответ на сравнительно слабую провокацию, в то время как чрезмерно контролирующие себя агрессоры применяют физическое насилие по отношению к своим женам, потому что слишком долго держали себя в руках и ничем не выдавали своего беспокойства о волнующей их проблеме, пока не поняли, что, как выразился один из испытуемых, их «загнали в угол».

Чтобы «истязатели своих жен» отказались от применения насилия в семейных отношениях, необходимо, по словам Субботник, подобрать для каждой группы собственные методы психологического воздействия. Абсолютно не контролирующих себя агрессоров следует учить противостоять фрустрации, верить в собственные силы; чрезмерно контролирующих себя агрессоров следует учить распознавать первые признаки появляющегося раздражения и выражать его в приемлемых формах. Обращая внимание на необходимость использования различных методов психологического воздействия на этих лиц, стоит заметить, что разделение агрессоров по принципу наличия-отсутствия контроля их за своими действиями может помочь в решении этой важной общественной проблемы.

УСТАНОВКИ, СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ И АГРЕССИЯ

Представьте себе, что в один прекрасный день вас по какой-то причине выводят из себя два совершенно разных человека — один из них вам нравится, а другой — нет. Будет ли ваша реакция на действия этих людей одинаковой? Вполне разумно предположить, что нет. Скорее всего, вы с большей агрессивностью ответите человеку, который вам не нравится, а не наоборот. Более того, можно предположить, что подобная закономерность в вашем поведении будет повторяться от ситуации к ситуации независимо от ее «фона». Если не принимать во внимание определенные обстоятельства, вы наверняка будете более снисходительны и сдержанны, когда вас будет раздражать друг, нежели человек, который вам не нравится.

Ну а теперь обратимся к другому примеру. На этот раз именно *вы* раздражаете двух совершенно незнакомых вам людей. Один из них — глубоко религиозный человек, протестующий против всякого насилия. Другой — профессиональный солдат, который буквально ждет не дождется очередной возможности повоевать. Не кажется ли вам, что эти лица по-разному отреагируют на ваши провокации? И вновь напрашивается утвердительный ответ: в то время как религиозный человек

наверняка «подставит другую щеку» и проигнорирует ваши действия, солдат скорее всего рассердится и как-нибудь ответит. Более того, подобные противоположные реакции, вероятно, окажутся видными на фоне разнообразных ситуаций. Если не принимать во внимание специфические особенности ситуации, религиозный человек воздержится от агрессии, в то время как солдат может быстро актуализировать именно эту модель поведения.

Все подобные примеры страдают от чрезмерного упрощения. Множество факторов, а не только упомянутые нами, наверняка влияют на действия вовлеченных в ситуацию лиц. Тем не менее они оба иллюстрируют важное положение относительно агрессии: во многих случаях на ее возникновение сильное влияние оказывают *установки* задействованных в ситуации лиц, как агрессоров, так и тех, чье поведение спровоцировало агрессию. Термин «установка» используется социальными психологами для обозначения мысленных представлений человека о различных характеристиках социального или физического мира — представлений, наложенных в результате жизненного опыта, которые, раз возникнув, очень сильно влияют на его поведение (Pratkanis, Breckler & Greenwald, 1989). Обычно считается, что установки имеют три четких компонента: оценочный (нашу любовь или ненависть к объектам); компонент веры (мы уверены, что объекты являются именно тем, что мы о них думаем) и поведенческий (готовность действовать определенным образом по отношению к объектам). Кроме того, наши установки довольно устойчивы по природе. За исключением сильных потрясений, заставляющих нас пересмотреть свою систему ценностей, установки, которых мы придерживаемся сегодня, скорее всего будут такими же и завтра. Если принимать во внимание все эти факты, становится ясно, что до определенного момента разнообразные установки имеют отношение к агрессии и могут оказывать сильное воздействие на подобное поведение.

Поскольку у нас имеются установки относительно совершенно различных аспектов социального и физического мира, многие из них, что вполне понятно, вносят свою лепту и в агрессивное поведение. Большинство исследователей, однако, сконцентрировали свое внимание на одном специфическом типе установок — на предрассудках. *Предрассудок* — это негативная установка по отношению к членам определенных социальных групп, основанная, главным образом, на их принадлежности к этой группе (Rogers, 1983). Итак, давайте рассмотрим роль предрассудка.

ПРЕДРАССУДОК И МЕЖРАСОВАЯ АГРЕССИЯ

Простые наблюдения говорят о том, что расовые предрассудки являются причиной проявления многочисленных актов агрессии. Столкновения между представителями разных рас происходят с высокой частотой в разных странах. Такие происшествия наводят на мысль о том, что лица с сильными расовыми предрассудками более других склонны становиться участниками актов межрасовой агрессии, и, как отмечалось нами в главе 5, результаты нескольких лабораторных исследований подтверждают наличие связи между расовыми установками и агрессией (Genthner, Shuntich & Bunting, 1975). Как показали эти исследования, белые американцы с сильными расовыми предрассудками демонстрировали более высокий уровень агрессии по отношению к белым и чернокожим жертвам, нежели индиви-

ды с не столь сильными предрассудками. В другом исследовании (Wilson & Rogers, 1975), где испытуемыми были люди с черной кожей, так же получили подобные результаты. Лица с сильными предрассудками оказались более агрессивными по отношению к своим жертвам — как белым, так и чернокожим.

Эти результаты, однако, не означают, что для исследователей не составляет труда вычленить расовые предрассудки как компонент открытого проявления агрессии. Но многие факторы, влияющие на агрессию, например страх отмщения или условие полной анонимности (см. главу 5), могут помочь нам выяснить, какое место в агрессивном поведении занимают расовые предрассудки (Baron, 1979; Donnerstein & others, 1972; Rogers, 1983). Поскольку мы уже рассматривали свидетельства, подтверждающие силу этих факторов, не будем к ним возвращаться. Скажем лишь, что, судя по беспорядкам, расовые и прочие формы предрассудков не проявляют даже признаков исчезновения с мировой общественной арены; некоторые же данные свидетельствуют о том, что в последние десятилетия подобные установки стали *сильнее* в умах многих жителей Соединенных Штатов и многих других стран (Dovidio & Gaertner, 1986). Таким образом, вполне разумно заключить, что предрассудок остается важным компонентом установки на агрессию в самых разнообразных условиях.

АГРЕССИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К «ЧУЖАКАМ»: РОЛЬ ВООБРАЖАЕМОГО КОНФЛИКТА

Исследования по межрасовой агрессии наводят на мысль о том, что этот предрассудок — разновидность негативной установки — играет важную роль по крайней мере в некоторых формах насилия. Однако были получены данные, свидетельствующие о том, что агрессия против «чужаков» (то есть против тех, кто не принадлежит к вашей собственной группе) может, кроме всего прочего, иметь своим источником воображаемый конфликт с этой группой (Brown, 1984). Влияние этого фактора на агрессию, возможно, лучше всего проиллюстрирует детально разработанное и аккуратно выполненное исследование Шварца и его коллег (Schwartz & Struch, 1990; Struch & Schwarz, 1989).

Исследователи выдвинули следующее предположение: чтобы индивиды проявили агрессию по отношению к «чужакам», необходимо наличие мотива. Наиболее важным мотивом для подобного поведения является воображаемый конфликт интересов, как предположили Штрух и Шварц (Struch & Schwartz, 1989). Вероятно, индивиды — стоит им осознать наличие подобного конфликта — начинают дегуманизировать членов чужой группы: находить в них только недостатки и рассматривать как людей, недостойных уважения и добра. Кроме того, воображаемый конфликт интересов заставляет людей думать, что в их группе совершенно другие ценности, нежели в «чужой»; что существует прочная, непреодолимая граница между ними и другими — вот эти факторы и способствуют возникновению усиливающейся агрессии против членов чужой группы.

Чтобы проверить правильность этих предположений, Штрух и Шварц (Struch & Schwartz, 1989) изучили установки и убеждения неортодоксальных евреев, проживающих в Иерусалиме, по отношению к ультраортодоксальным евреям, недавно поселившимся с ними по соседству. Испытуемые заполняли опросники, которые ставили своей целью определить: 1) наличие у них воображаемого конфликта с

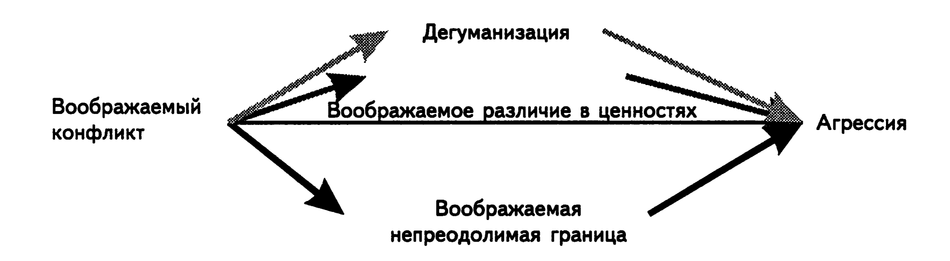

Рис. 6. 8. Воображаемый конфликт интересов, похоже, впрямую влияет на межгрупповую агрессию. Это влияние осуществляется посредством трех промежуточных переменных, изображенных на рисунке. *(Struch & Schwartz, 1989)*

«чужаками»; 2) факт дегуманизации членов «чужой» группы; 3) наличие воображаемых различий с ними; 4) непреодолимость границ между их группой и «чужаками». Также их просили отметить случаи агрессивных действий против этих лиц, таких как бойкотирование магазинов, владельцами которых являются «чужаки», включение радио на полную громкость с целью навредить ультраортодоксальным соседям.

Полученные результаты показали, что воображаемый конфликт интересов действительно напрямую связан с агрессией по отношению к этим лицам. Кроме того, три переменные, упомянутые выше (дегуманизация, воображаемое несовпадение ценностей и воображаемая непреодолимость межгрупповых границ), также имели отношение к агрессии. Таким образом, они по существу являются связующим звеном между воображаемым конфликтом интересов и агрессивным поведением (см. рис. 6. 8).

Результаты, полученные Штрухом и Шварцем (Struch & Schwartz, 1989), показывают, что агрессия по отношению к чужакам не обязательно должна являться непосредственным порождением установок по отношению к этим лицам. Напротив, межгрупповая агрессия может иногда быть результатом воображаемого конфликта интересов или же негативных установок и воззрений (например, стремления дегуманизировать «чужаков»), которые порождают подобные конфликты. В таких случаях предубежденность к чужим может являться скорее очередной «копией» в процессе, нежели основной причиной его порождения.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ И АГРЕССИЯ: ЭФФЕКТ ОТ ОБРАЩЕНИЯ К ВНУТРЕННЕМУ МИРУ

Является ли агрессия приемлемой или неприемлемой формой поведения? Разные люди по-разному ответят на этот вопрос. На одном полюсе находятся лица, которые считают, что агрессия аморальна, и крайне не одобряют ее проявления ни при каких обстоятельствах. Такие люди, к примеру, выступают против смертной казни даже для самых жестоких убийц. На другом полюсе находятся лица, считающие агрессию вполне приемлемой, даже желательной формой социального поведения. К примеру, абсолютно не контролирующие себя агрессоры обычно положительно отзываются о возможном использования агрессии в отношениях с другими лица-

ми. Мнение большинства людей, конечно, оказывается где-то между этими двумя крайними точками и сводится к тому, что при одних условиях агрессия вполне приемлема, а при других — нет. Вполне разумно предположить, что определенные взгляды на агрессию сильно влияют на желание индивидов выбирать эту модель поведения. И поскольку воззрения людей не меняются от ситуации к ситуации, их тоже можно рассматривать в качестве важной индивидуальной детерминантой агрессии.

Однако нельзя сказать, что подобные ценности или критерии влияют на открытую агрессию исключительно, что называется, «по определению». Для того чтобы такого рода взаимодействие осуществилось, ценности и стандарты должны *быть очевидными* для действующих в ситуации лиц, то есть эти индивиды должны обратить на них внимание. Оставаясь в тени, эти характеристики фактически не будут влиять на возникновение и протекание агрессии, и агрессивное поведение будет иметь, главным образом, импульсивную природу (Berkowitz, 1989). Каким же образом наши ценности или внутренние критерии становятся очевидными? Вероятно, ответ на этот вопрос можно найти среди огромного количества исследований по проблеме *самоосознания,* или *самосознания* (Carver & Scheier, 1981; Scheier & Carver, 1988). Самоосознание — помещение собственной персоны в объектив своего внимания — имеет две основные формы. Первая, известная также под названием *общественное самосознание,* позволяет рассмотреть себя как социальный объект — взглянуть на себя глазами других. Другая форма представляет собою обращение к внутренним стандартам человека, к его ценностям и установкам. Она известна как *личностное самосознание* (Scheier, Buss & Buss, 1978). Несмотря на то что оба типа самоосознания могут положительно коррелировать с агрессией, очевидно, что личностное самосознание в большей степени годится для установления перечня внутренних ценностей, имеющих отношение к агрессивному поведению. Ниже мы опишем, как личностное самосознание может оказать влияние на агрессию.

Индивиды с высоким самосознанием сравнивают свои внутренние стандарты и ценности со своим поведением. Если разногласий нет, человек реагирует позитивно — в конце концов, человек считает себя счастливым тогда, когда его поступки не противоречат его взглядам на мир! Напротив, если человек замечает расхождение между своим поведением и внутренними стандартами, он стремится изменить поведение, чтобы его действия соответствовали его внутренним взглядам.

Экстраполируя подобные предположения на случаи проявления агрессии, можно прогнозировать, что конечные действия индивида с высоким уровнем самосознания будут зависеть, и довольно сильно, от их системы ценностей и внутренних стандартов относительно поведения. Если выбор агрессии в качестве средства достижения цели одобряют, а саму агрессию рассматривают как приемлемую форму поведения, высокое самосознание может привести к усилению внешних проявлений подобного поведения, поскольку индивиды стремятся привести свои поступки в соответствие со взглядами, которых придерживаются. Напротив, если агрессия считается неприемлемой, индивид с высоким самосознанием будет склонен к уменьшению интенсивности подобных действий (см. рис. 6. 9 — суммарное отражение подобных предположений).

Как отмечалось в главе 5, подобные предположения проверялись различными исследователями (Carver, 1974, 1975; Scheier, Buss & Buss, 1978; Scheier, Fenugstein & Buss, 1974). Во всех разработанных ими экспериментах испытуемых с

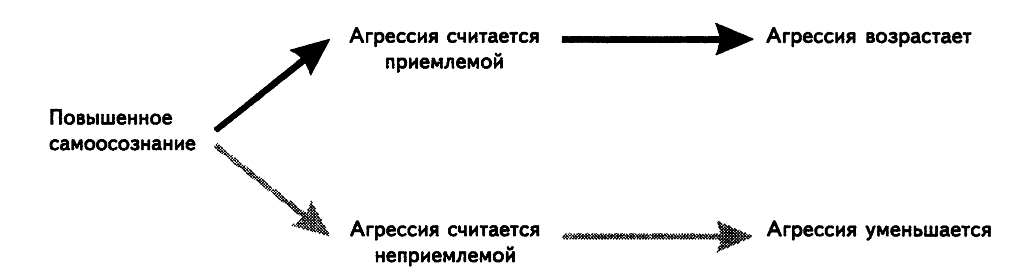

Рис. 6. 9. Повышенное самоосознание усиливает агрессию, если индивиды одобряют или оправдывают подобное поведение. Однако повышенное самоосознание уменьшает агрессию, когда индивиды не одобряют подобное поведение или находят его неприемлемым. *(Carver, 1975; Carver & Sheier, 1981)*

помощью простого, но остроумного метода заставляли перейти на более высокий уровень самоосознания: они видели свое отражение в зеркале, висевшем рядом с экспериментальной аппаратурой. (Одно из исследований подчеркивает, что наблюдение за своим отражением в зеркале переводит процесс самоосознания на более глубинные уровни почти у всех людей [Wicklund, 1975].) Результаты всех этих исследований подтвердили прогнозы, сделанные на основе анализа самоосознания. Например, как уже упоминалось в предыдущей главе, высокий уровень самоосознания усиливает агрессию со стороны индивидов, благосклонно относящихся к использованию физических наказаний (*одобряющие насилие* индивиды), но уменьшает агрессию со стороны лиц, считающих физическое наказание неприемлемым (*отрицающие насилие* индивиды [Carver, 1975]).

В целом имеющиеся данные наводят на мысль о том, что ценности и внутренние стандарты, имеющие отношение к агрессии, зачастую могут влиять на актуализацию подобного поведения. Более того, оказывается, что такое воздействие скорее всего будет иметь место в том случае, когда индивиды реально считаются со своими ценностями — при условии наличия высокого уровня самоосознания. Похоже, наше обращение к собственному внутреннему миру не только учащает случаи внезапного прозрения и улучшает самопонимание — в некоторых случаях оно может повлиять на природу наших взаимоотношений с другими.

ГЕНДЕР И АГРЕССИЯ: ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ И В ЭТОМ ОТЛИЧАЮТСЯ ДРУГ ОТ ДРУГА? И ЕСЛИ ЭТО ТАК, ТО ПОЧЕМУ?

Существуют ли различия между мужчиной и женщиной как потенциальными субъектами и объектами агрессивного поведения? И здравый смысл, и обыкновенное наблюдение показывают, что некоторая разница, безусловно, имеется. Во-первых, принято считать, что мужчины более агрессивны, чем женщины, и более склонны в своих взаимоотношениях с другими выбирать в качестве модели поведения агрессию, особенно физическую. Во-вторых, как отмечалось в главе 4, ши-

роко распространено мнение, что, при всех равных условиях, мужчины чаще выступают в качестве мишени агрессии, нежели женщины.

Эти различия обычно относят на счет генетических или социальных факторов. С одной стороны, утверждается, что мужчины уже на генетическом уровне запрограммированы на большую склонность к агрессии, чем женщины. С другой стороны, во многих культурах считается, что представители мужского пола не только являются, но и должны быть грубее, самоувереннее и агрессивнее женщин.

Несмотря на то что утверждения о существовании важных различий между мужчинами и женщинами относительно агрессии, похоже, согласуются с наблюдениями, сделанными в повседневной жизни, мы уже не раз отмечали на страницах данной книги, что здравый смысл зачастую является ненадежным средством для точного познания природы агрессии. Таким образом, прежде чем делать какие-либо заключения, следует рассмотреть эмпирические данные, подтверждающие или не подтверждающие их правоту. Многочисленные данные действительно говорят о том, что между мужчинами и женщинами как группами существует различие относительно агрессии (Eagly & Steffen, 1986). Однако природа этих различий не столь примитивна, как предполагает здравый смысл, а причины их возникновения куда сложнее, чем предполагает общепринятая точка зрения (Eagly & Wood, 1991).

ГЕНДЕР И АГРЕССИЯ: МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ КАК АГРЕССОРЫ

И результаты скрупулезной обработки данных, полученных в исследованиях индивидов (Gentry, 1970; Harris, 1974b, 1992; Lagerspetz, Bjorkvist & Peitonen, 1988), и данные мета-анализа, сделанного на основе этих работ (Eagly & Steffen, 1986), позволяют сделать следующее заключение: мужчины действительно более склонны прибегать к открытой физической агрессии. Как велика эта разница? Это, похоже, зависит от целого ряда переменных (Eagly & Wood, 1991). Например, гендерные различия в агрессии наиболее заметны в физических формах агрессии, а также в ситуациях, когда к агрессии вынуждены обратиться (например, из-за исполнения определенной социальной роли), в отличие от ситуаций, когда к ней прибегают без всякого принуждения. В-третьих, склонность мужчин демонстрировать более высокие уровни агрессии более очевидна после сильной провокации, нежели при ее отсутствии.

Мужчины и женщины также отличаются своими установками относительно агрессии. Мужчины, как правило, в меньшей степени испытывают чувство вины и тревоги. Напротив, женщины более обеспокоены тем, чем агрессия может обернуться для них самих, — например, возможностью получить отпор со стороны жертвы. Свежие данные свидетельствуют о том, что и мужчины и женщины придерживаются противоположных *социальных представлений* — противоположных моделей и теорий о функциях — об агрессии (Campbell, Muncer & Gorman, 1993). Более того, женщины рассматривают агрессию *как экспрессию* — как средство выражения гнева и снятия стресса путем высвобождения агрессивной энергии. Мужчины же, напротив, относятся к агрессии как к *инструменту*, считая ее моделью поведения, к которому прибегают для получения разнообразного социального и материального вознаграждения.

Дополнительные данные, касающиеся гендерных различий в агрессии, свидетельствуют о том, что мужчины более склонны прибегать к прямым формам агрессии, а женщины предпочитают пользоваться *косвенными* действиями, которые наносят вред противнику окольным путем. Например, Лагерспетц и его коллеги (Lagerspetz & others, 1988; Bjorkvist, Lagerspetz & Kaukiainen, 1992) опрашивали мальчиков и девочек в возрасте от 8 до 15 лет, как ведут себя школьники из их класса, когда сердятся. Полученные результаты показали, что мальчики прибегают к прямым формам агрессии, включающим такие действия, как погоня за противником, подножки, пинки, толчки, дразнилки, значительно чаще девочек. Зато девочкам более свойственны косвенные формы агрессии, например, наговор на противника за его спиной, бойкотирование обидчика, разрыв дружеских отношений, демонстрация обиды.

Таким образом, мужчины и женщины действительно отличаются друг от друга относительно агрессии, причем мужчины, как правило, более склонны к подобному поведению, нежели женщины. Однако величина разрыва сильно колеблется в зависимости от обстановки и других факторов, а также от формы агрессии.

ГЕНДЕР И АГРЕССИЯ: МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ КАК ОБЪЕКТЫ АГРЕССИИ

Несмотря на то что различия в агрессивном поведении в целом между мужчинами и женщинами окончательно не выяснены, мы неплохо осведомлены в вопросе, какова вероятность представителей обоего пола оказаться объектами агрессии. Как уже отмечалось в главе 4, большинство лабораторных исследований, в которых в качестве манипулируемой переменной выступал пол, подтвердили широко распространенную точку зрения, что мужчины чаще становятся объектом физической агрессии (Frodi, Macauly & Thome, 1977). Аналогичные данные были получены в результате огромного числа исследований, разработчики которых использовали разнообразные методики и способы оценки агрессии и подбирали в качестве испытуемых людей с самыми разными характеристиками (Buss, 1966b; Baron & Bell, 1973; Kaleta & Buss, 1973). Более того, статистические данные показывают, что убийства значительно чаще являются причиной смерти среди молодых мужчин, чем женщин. В целом же женщины реже выступают в качестве мишени определенных форм агрессии, нежели мужчины.

Однако из этого «правила» имеются свои исключения. Как уже отмечалось ранее в этой главе, женщины значительно чаще становятся жертвами супружеского насилия и сексуальной агрессии. Поскольку причиной изнасилований является скорее агрессия (например, крайняя форма неприязни по отношению к женщинам; Groth, 1979; Malamut, 1986), нежели сексуальные мотивы, становится ясно, что в этом смысле женщины скорее станут объектами насилия, нежели мужчины. Наконец, как отмечалось в главе 4, женщины легко могут стать объектом агрессии со стороны мужчин, если представляют для них определенную угрозу: в подобных случаях нежелание мужчин не прибегать к насилию против женщин, похоже, резко уменьшается (Richardson et al., 1985). Если не принимать в расчет эти исключения, имеющиеся данные, однако, свидетельствуют о том, что женщины в целом значительно реже бывают объектом агрессии.

ПЕРВОПРИЧИНА ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В АГРЕССИИ: ГЕНЕТИКА ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ?

То обстоятельство, что гендерные различия влияют на становление, протекание и демонстрацию агрессии, было убедительно доказано на примере исследований индивидов, а также анализом имеющейся литературы (Eagly & Steffen, 1986; Eagly & Wood, 1991). Первопричина этих различий, однако, так и осталась невыясненной. Многие биологи, занимающиеся изучением социального поведения, придерживаются мнения, что гендерные различия в агрессии обусловлены в основном генетическими факторами. Согласно этой точке зрения, для мужчин характерен более высокий уровень физической агрессии, потому что в прошлом подобное поведение давало им возможность передавать свои гены следующему поколению. Они утверждают, что агрессия помогала нашим предкам, ищущим самку для спаривания, побеждать соперников и тем самым увеличивала их возможность «увековечить» свои гены в будущих поколениях. Результатом такого естественного отбора, связанного с воспроизводством, явилось то, что нынешние мужчины более склонны к физической агрессии, а также к демонстрации физиологической адаптации и механизмов, связанных с подобным поведением (см. главу 7, где рассматриваются физиологические механизмы, имеющие отношение к агрессии).

Такие предположения, безусловно, нельзя проверить с помощью прямого эмпирического исследования. Однако кое-какие данные могут быть интерпретированы как подтверждение предположения, что гендерные различия в агрессии порождаются, по крайней мере отчасти, генетическими факторами. Например, Садалла, Кенрик и Вершур (Sadalla, Kenrick & Vershure, 1987) пришли к выводу, что женщины, в отличие от мужчин, считают склонность к доминированию у своего возможного супруга весьма привлекательной чертой. Такие данные свидетельствуют о том, что напористое или агрессивное поведение может действительно помогать мужчинам передавать свои гены последующему поколению — главная проблема, согласно доктрине биологов, изучающих социальное поведение. И вновь, однако, нет возможности напрямую проверить потенциальный вклад генетических факторов в гендерные различия в агрессии. Таким образом, роль этих факторов по-прежнему интересует нас, но остается недоступной возможностью для проверки.

В другом объяснении гендерных различий в агрессии делается акцент на влияние социальных и культурных факторов. Было предложено много различных вариантов этого объяснения, но, наверное, большинство фактов подтверждает гипотезу *интерпретации социальной роли,* предложенную Игли и ее коллегами (Eagly, 1987; Eagly & Wood, 1991). Согласно этой теории, гендерные различия в агрессии порождаются, главным образом, противоположностью гендерных ролей, то есть представлениями о том, каким, в пределах данной культуры, должно быть поведение представителей различных полов. У многих народов считается, что женщины, в отличие от мужчин, более *общественные* создания — для них должно быть характерно дружелюбие, беспокойство за других, эмоциональная экспрессивность. От мужчин же, напротив, ожидается демонстрация *силы* — независимости, уверенности в себе, хозяйственности. Согласно теории социальных ролей, гендерные различия в агрессии порождаются в основном тем обстоятельством, что в большинстве культур считается, что мужчины в широком диапазоне ситуаций должны вести себя более агрессивно, нежели женщины.

Эта теория нашла свое подтверждение в самых разнообразных работах (Eagly, 1987). Пожалуй, самое убедительное из них было получено в мета-аналитическом исследовании, в ходе которого испытуемых просили проранжировать описания специфического агрессивного поведения, изучавшегося в различных работах по агрессии (Eagly & Steffen, 1986). Испытуемые оценивали степень пагубности этих поступков, чувство тревоги или вины, которое они бы ощутили, действуя подобным образом, а также отвечали на вопрос, почему средний человек выбирает агрессию в качестве модели поведения. Полученные результаты показали, во-первых, что женщины в большей степени воспринимают эти поступки как пагубные и порождающие чувство вины или тревоги. Во-вторых, представители обоих полов подчеркнули, что мужчины более склонны прибегать к подобным действиям, нежели женщины. Эти данные свидетельствуют о том, что гендерные роли, предписывающие различные уровни агрессии для мужчин и женщин, действительно в какой-то степени опосредуют гендерные различия. Но возможно, самое главное то, что разница в оценках, выставленных испытуемыми мужского и женского пола, полностью коррелирует с реальными гендерными различиями в агрессии наблюдаемых в рассматривавшихся исследованиях. Иными словами, чем больше мужчины и женщины отличались друг от друга в своем восприятии различных видов поведения, которые они оценивали, тем сильнее проявлялась склонность мужчин демонстрировать более высокие уровни агрессии.

Результаты этого исследования, как, впрочем, и многих других, свидетельствуют о том, что гендерные различия в агрессии, подобно гендерным различиям во многих других видах поведения, порождаются, хотя бы отчасти, противоположностью гендерных ролей и стереотипами, имеющими место во многих культурах. Однако следует отметить, что некоторые данные наводят на мысль, что именно биологические или генетические факторы обусловливают большую склонность мужчин прибегать к многочисленным формам агрессии. Возможно, наиболее убедительным свидетельством в этом отношении является демонстрация наличия связи между уровнем тестостерона (мужской половой гормон) и проявлениями агрессивного характера. Несколько различных работ показывают, что более высокие концентрации тестостерона ассоциируются с более высокими уровнями агрессии мужчин (Berman, Gladue & Taylor, 1993; Olweus, 1986). Кроме того, оказывается, что гендерные различия в агрессии в равной степени имеют значение и для лиц с гомосексуальной и гетеросексуальной ориентацией (Gladue, 1991). Если социальные факторы и гендерные роли играют основную роль в гендерных различиях в агрессии, можно ожидать, что подобные различия будут в большей степени проявляться среди гетеросексуалов. Тот же факт, что на самом деле это не так, говорит о том, что биологические факторы действительно могут играть определенную роль в порождении гендерных различий в агрессии.

Но, пожалуйста, обратите внимание на следующее: это ни в коем случае не означает, что мужчины *обязаны* демонстрировать более высокие уровни агрессии, нежели женщины. Напротив, как мы отметим в главе 9, агрессию всвозможных форм можно предотвратить или, по крайней мере, уменьшить с помощью соответствующих методик. Таким образом, нет причин полагать, что биологически обусловленные агрессивные наклонности мужчин обязательно должны превращаться в открытые проявления насилия. Биология отнюдь *не* судьба, поэтому неправильно и неверно воспринимать мужчин как лиц, вынужденных вести себя агрессивно

по причинам, лежащим вне их контроля. Это положение также справедливо по отношению ко многим формам социального поведения.

РЕЗЮМЕ

Во многих случаях мощными детерминантами агрессии могут являться некоторые устойчивые характеристики потенциальных агрессоров — те личностные черты, индивидуальные установки и склонности, которые остаются неизменными вне зависимости от ситуации. Что касается агрессии «нормальных» (то есть не страдающих явной психопатологией) личностей, то в качестве аффектирующих агрессивное поведение психологических характеристик обычно рассматриваются такие *личностные черты,* как боязнь общественного неодобрения, раздражительность, тенденция усматривать враждебность в чужих действиях (предвзятость атрибуций враждебности), убежденность индивидуума в том, что он в любой ситуации остается хозяином своей судьбы (локус контроля), модель поведения типа «А» и склонность испытывать чувство *стыда,* а не вины во многих ситуациях.

Важную категорию агрессоров составляют *экстремисты,* то есть мужчины и женщины, проявляющие агрессию либо крайне часто, либо в крайних формах. Экстремисты отчетливо подразделяются на две группы, к первой из которых относятся лица со *сниженным,* а ко второй — с *повышенным самоконтролем.* У агрессоров первого типа внутренние сдерживающие механизмы развиты весьма слабо, и поэтому агрессоры со сниженным самоконтролем прибегают к насилию чрезвычайно часто. Агрессоры второго типа, напротив, обладают необычайно развитыми внутренними сдерживающими механизмами и способны воздерживаться от агрессивных проявлений даже в случае чрезвычайно мощной провокации. Когда же ресурс внутренних ингибиторов иссякает, агрессия, проявляемая лицами с повышенным самоконтролем, может принимать крайние, а порой даже фатальные формы.

Поведенческие реакции идивидуума зависят также от его установок и внутренних стандартов. К числу наиболее важных установок, аффектирующих агрессивное поведение, относятся различные формы предрассудков. Например, расовые предрассудки являются одним из важнейших источников *межрасовой агрессии:* так, лица питающие сильное предубеждение против представителей другой расы, ведут себя гораздо более агрессивно с вызывающими у них неприязнь «чужаками», нежели с членами собственной группы. За последние годы расовые установки как белых, так и черных американцев претерпели достаточно серьезные изменения. С одной стороны, это привело к снижению уровня агрессии, проявляемой белым населением Америки по отношению к черному меньшинству, а с другой, к тому, что в некоторых случаях черные стали вести себя по отношению к белым более агрессивно, чем прежде. Однако в ситуации стресса или повышенного эмоционального возбуждéния обе группы могут возвращаться к своим более ранним установкам относительно межрасовой агрессии. Это явление получило название *регрессивного расизма.*

Одна и та же поведенческая реакция разными индивидами может восприниматься и как недопустимо агрессивная и как нормальная — все зависит от системы норм и ценностей конкретного индивида. Такого рода внутренние стандарты наи-

более ярко проявляются, а значит, и оказывают наиболее сильное влияние на поведение в ситуации повышенного личностного самоосознания. Повышение степени личностного самоосознания подталкивает индивида к агрессии, если он считает подобное поведение допустимым, и наоборот, удерживает его от совершения агрессивных действий, если он относится к такому поведению как к недопустимому.

Исследования показали, что если сравнивать мужчин и женщин, то первые демонстрируют более высокие уровни прямой, а последние — непрямой, то есть не выраженной в физических действиях агрессии. Кроме того, мужчины чаще, чем женщины, выступают в качестве объекта физического нападения, в то время как женщины чаще становятся жертвами сексуальных домогательств и грубости в супружеских отношениях. Гендерные различия в агрессии иногда объясняются влиянием генетических или биологических факторов. Действительно, существуют определенные данные, свидетельствующие о том, что влияние этих факторов как детерминант агрессии весьма значительно, однако ясно, что уже само по себе противопоставление гендерных ролей (то есть представление о том, что мужчины «круче»), является очень важным фактором. Кроме того, даже если гендерные различия, проявляющиеся в агрессии, действительно в какой-то степени порождаются именно биологическими факторами, это отнюдь не означает, что мужчины неизбежно должны будут демонстрировать более высокий уровень агрессивности, нежели женщины. Напротив, агрессия во всех своих формах может быть предотвращена или редуцирована с помощью соответствующих средств.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В этой главе мы рассмотрим основные биологические процессы, способствующие возникновению человеческой агрессии. Хотя до сих пор на страницах этой книги всячески подчеркивалось значение социальных детерминант агрессивного поведения человека, мы чувствуем, что необходимо признать и влияние биологии.

Вместо того чтобы утверждать, что *природа* (то есть биологические процессы) или же *воспитание* (то есть научение, влияние среды) несут ответственность за агрессивное поведение, мы займем позицию, согласно которой ни один из этих факторов в полной мере не ответствен за человеческую агрессию. Хотя в основе проявления агрессии, безусловно, лежат биологические процессы, они находятся в зависимости от социальных и средовых процессов и тесно взаимодействуют с ними.

Наш обзор суммирует все, что известно на сегодняшний день о биологических механизмах, относящихся к агрессии *человека*. Хотя существует обширная литература, рассматривающая психологические процессы, связанные с агрессией у животных, мы ограничим наши исследования только процессами, связанными с агрессией у людей.

Биологические и психологические процессы, лежащие в основе агрессивного поведения, могут оказывать свое влияние на индивида еще до момента его рождения. Поэтому мы обратимся как к литературе о наследуемости агрессивных качеств, так и к исследованиям о связи с агрессией половых хромосом и половых гормонов. Затем, рассмотрев строение мозга и процессы, протекающие в симпатической нервной системе и определяющие развитие агрессии, мы выясним, каким образом нервные структуры и механизмы нервной деятельности обусловливают проявления агрессии.

РОЛЬ НАСЛЕДСТВЕННОГО ФАКТОРА В ФОРМИРОВАНИИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Одним из способов подтверждения биологической основы поведения человека является доказательство того, что люди, обладающие аналогичными биологическими характеристиками, ведут себя сходным образом. То есть, если люди, имеющие одинаковые гены, проявляют и одинаковые особенности в поведении, можно считать подобное поведение *наследственным.* Более того, любая характерная черта, имеющая наследственный характер, наиболее ярко будет проявляться у ближайших родственников: например, у близнецов будут более схожие наследственные характеристики, нежели у двоюродных братьев и сестер. Подобным же

образом однозиготные близнецы (из одной яйцеклетки) должны быть более похожи друг на друга, нежели двухзиготные (из разных яйцеклеток).

Чтобы определить степень наследуемости такого качества, как склонность к агрессии, было разработано несколько исследовательских программ. Некоторые ученые изучали степень сходного проявления агрессии в ее различных аспектах у однозиготных и двухзиготных близнецов. В то время как одни исследователи практически не обнаружили никаких признаков наследуемости агрессивных качеств (Carmelli, Rosenman, & Swan, 1988; Carmelli, Swan, & Rosenman, 1990; Mednick, Brennan, & Kandel, 1988; Plomin, Foch & Rowe, 1981), другие пришли к заключению, что гены играют гораздо более важную роль в формировании агрессивного поведения, нежели окружающая обстановка (Ghodsian-Carpey, 1987; Rushton, 1988; Rushton, Fulker, Neale, Nias & Eysenck, 1986).

Хотя многие исследователи для определения степени наследуемости каких-либо конкретных качеств часто сравнивают два типа близнецов, этот подход к изучению биологических основ агрессии имеет серьезные недостатки. Например, схожие на биологическом уровне однозиготные близнецы могут иметь и сходные условия жизни (Hoffman, 1991). То есть если двое людей имеют практически идентичную внешность (как в случае с однозиготными близнецами), то и люди к ним скорее всего будут относиться в значительной степени одинаково. К двухзиготным близнецам, не обязательно похожим друг на друга, а в некоторых случаях и разнополым, скорее всего и родители, и чужие люди будут относиться по-разному.

Медник и его коллеги (Mednick, Gabrielli & Hutchings, 1983, 1987; Van Dusen, Mednick, Gabrielli & Hutchings, 1983), пытаясь решить эту проблему, изучали степень наследуемости детьми черт своих биологических и приемных родителей. Если приемный ребенок больше похож на своих биологических родителей, то мы имеем дело с проявлением биологических детерминант. Большее же сходство между ребенком и его приемными родителями является свидетельством влияния окружающей среды (например, научения). Эти исследователи изучили в датских судебных архивах судебные дела всех тех нарушителей закона, кто был в детстве усыновлен чужими людьми в период между 1924 и 1947 годами.

Кроме того, они рассмотрели судебные дела как биологических, так и приемных родителей. По словам исследователей, «если у значительного числа осужденных приемных детей осуждены и биологические родители... то это свидетельствует о влиянии генотипа на формирование преступного поведения» (Mednick et al., 1987). Данные этого исследования суммированы в табл. 7. 1. Мальчики, имеющие осужденных биологических отцов, скорее всего сами будут осуждены за нарушение закона.

Подобные факты, кажется, свидетельствуют о том, что склонность к агрессивному поведению передается по наследству. Однако исследователи пришли к выводу, что преступления, совершаемые приемными детьми, по своему типу отличаются от преступлений, совершенных их биологическими родителями. «Это означает, что биологическая предрасположенность, унаследованная приемными детьми, являясь общей по своей природе, в то же время лишь частично определяет степень наследуемости такими детьми агрессивных качеств» (Mednick et al., 1987). Однако обратите внимание: дела осужденных женщин слишком редко попадали в поле зрения исследователей, что не позволило им прийти к однозначному заключению о прямой зависимости судимости детей от судимости их родителей.

Таблица 7. 1. **Процент сыновей, осужденных за совершение преступления, в зависимости от судимости их приемных или биологических отцов**

	Биологический отец осужден?	
	НЕТ	ДА
Приемный отец осужден?		
НЕТ	14	20
ДА	15	25

Примечание: мальчики скорее будут склонны к совершению преступления, если судимы их биологические, а не приемные отцы. *(Mednick, Gabrieli & Hutchings, 1987)*

Наследуемость *склонности к совершению преступлений* отнюдь не означает безусловной наследуемости *склонности к агрессии*: лица, поведение которых изучалось во всех этих исследованиях, зачастую совершали ненасильственные преступления. Фактически Медник и его коллеги пришли к заключению, что наследуется, как правило, склонность к совершению преступлений против собственности, а не против личности. Другие исследователи подчеркивают, что необходимо учитывать это обстоятельство при изучении роли наследственного фактора в формировании агрессивного поведения (Cloninger & Gottesman, 1987). Возможно, наследуется даже не склонность к агрессии как таковая, а какая-то характерная черта (например, импульсивность или стремление к лидерству), увеличивающая возможность проявления агрессии (Barratt & Patton, 1983; Mednick et al., 1987). Мы более подробно остановимся на этом предположении, когда будем рассматривать зависимость формирования агрессивного поведения от гормонального статуса организма.

В целом полученные данные ясно свидетельствуют о наследуемости склонности к криминальному поведению. Похоже, склонность мальчиков к совершению преступлений напрямую связана с судимостью их биологических родителей. Однако следует также отметить, что существенная роль биологического фактора в формировании агрессивного поведения отнюдь не исключает влияния на это формирование факторов окружающей среды (Williams, 1988). Например, данные, приведенные в табл. 7. 1, свидетельствуют о том, что *скорее всего* к совершению преступлений будут склонны те мальчики, биологические *и* приемные родители которых были осуждены за совершение противоправных действий.

Мойер (Moyer, 1981) приводит примеры некоторых ситуаций, которые могут способствовать развитию у индивида склонности к хроническому агрессивному поведению. Наследственность может детерминировать тот личностный порог, за которым начинается активация специфических нейрогуморальных реакций, связанных с агрессивным поведением. Зато окружающая среда может обусловливать пределы, внутри которых человек проявляет агрессию. Мойер приходит к заключению, что

«...человек, унаследовавший причинно-следственную цепочку "низкий порог возбудимости нервной системы — агрессивные реакции", в депривационной, фрустрационной и стрессовой ситуации будет склонен к проявлению гнева и враждебности. С другой стороны, если этот же человек будет окружен любовью и в значительной степени защищен от жестокости и насилия, а также не будет часто провоцироваться на агрессию, он вряд ли будет склонен к агрессивному поведению».

АНОМАЛИИ, ВЫЗВАННЫЕ ПОЛОВЫМИ ХРОМОСОМАМИ

Обычно клетки человеческого тела содержат 46 хромосом, две из которых — хромосомы X и Y — играют основную роль в формировании пола. Точнее говоря, у мужчин одна хромосома X и одна хромосома Y, поэтому их обозначают XY; женщины же имеют две хромосомы X, обозначаемые XX. Отмечая существенность значения половых различий в агрессивном поведении, некоторые исследователи предположили, что эти различия могут быть связаны с особенностями хромосомных наборов мужчин и женщин (Jarvik, Klodin & Matsuyama, 1973; Meyer-Bahlburg, 1981b). Если бы ученым удалось найти достоверные подтверждения существования связи между хромосомным набором и склонности к агрессии, тогда нам стала бы вполне понятна природа различий в проявлениях агрессивности. Существуют два варианта гипотезы о влиянии хромосом на половые различия в агрессивном поведении: 1) *гипотеза лишней Y-хромосомы* утверждает, что наличие «лишней» Y-хромосомы у мужчин может привести к более выраженному проявлению агрессивности в поведении; 2) *гипотеза лишней X-хромосомы* настаивает на том, что наличие «лишней» X-хромосомы у женщин приводит к сравнительно менее выраженному проявлению той же агрессивности. Как заявляет Мейер-Бальбург (Meyer-Bahlburg, 1981b), «чем больше в генотипе X-материала, тем слабее развивается агрессия, чем больше Y-материала, тем сильнее проявляется агрессия».

ГИПОТЕЗА Y-ХРОМОСОМЫ

Исследователи изучали гипотезу влияния половых хромосом на агрессию путем рассмотрения личностных характеристик и криминальных досье лиц с хромосомными аномалиями (то есть лиц, у которых X- и Y-хромосом меньше или больше, чем полагается). Наиболее часто изучалась хромосомная аномалия XYY. Джэкобс, Брантон и Мервилль (Jacobs, Brunton & Merville, 1965) одними из первых заметили, что необычный набор хромосом наиболее характерен не для основной массы населения, а для лиц, находящихся в тюремном заключении. Более того, они дали описание *синдрома XYY*, который характеризуется проявлением чрезмерной агрессии, внезапных вспышек насилия, а также задержками в умственном развитии. Хотя результаты последующих работ не во всем совпадали (Jacobs, Price, Richmond & Ratcliff, 1971), большинство из них подтвердили выводы первоначального исследования о том, что хромосомный тип XYY среди преступников встречается значительно чаще, чем среди идивидуумов, представляющих другие группы населения. И действительно, если среди новорожденных и взрослых представителей мужского пола эта аномалия встречается приблизительно один раз на 1 тысячу, то среди заключенных она проявляется в 15 раз чаще (Jarvik et al., 1973).

В то время как результаты упомянутых выше исследований вызвали всеобщий интерес и привлекли внимание средств массовой информации, некоторые ученые встретили их скептически. Во-первых, погрешности, обнаруженные при выявлении связи между хромосомным типом XYY и повышенной агрессией, свидетельствуют о том, что не стоит использовать полученные данные безоговорочно. Например, было замечено, что многие из подобных исследований учитывают данные только одного или, быть может, нескольких дел, зачастую не имея необходимых в

подобных случаях контрольных групп (Witkin, Mednick, Schulsinger, Bakkestrom, Christiansen, Goodenough, Hirschhorn, Lundsteen, Owen, Phillip, Rubin & Stocking, 1976). Во-вторых, большинство преступлений с применением насилия совершены людьми с нормальным набором хромосом — XY. Таким образом, наличие лишней Y-хромосомы отнюдь не является необходимым условием для совершения насильственных действий. В-третьих, более внимательное изучение заключенных с хромосомным набором XYY показало, что большинство из них были арестованы не за преступления с применением насилия, а за менее тяжкие преступления, такие как воровство или кража со взломом (Price & Whatmore, 1967). Наконец, Бандура (Bandura, 1973) заметил, что большая, по сравнению с лицами XY, склонность лиц XYY к насилию скорее всего имеет социальную, а не физическую основу. Например, будучи физически более развитыми по сравнению со своими ровесниками, такие лица могут подружиться с людьми старшего возраста и таким образом на ранней стадии своего развития подпасть под влияние преступных, склонных к насилию, типов. Кроме того, имея высокий рост, они зачастую получают преимущество при своих агрессивных выпадах против окружающих и поэтому быстро усваивают агрессивную манеру поведения.

Уиткин с коллегами (Witkin & others, 1976) для выяснения роли лишней Y-хромосомы в формировании агрессивного поведения исследовали всех мужчин, родившихся в Копенгагене с 1944 по 1948 год. Поскольку предшествующие работы показали, что лица с хромосомным набором XYY имеют рост выше среднего, Уиткин и коллеги сконцентрировали внимание на самых рослых представителях этой группы, составивших 16% всех отобранных мужчин. Затем исследовательская группа попыталась выяснить хромосомный тип каждого из этих 4591 человека. В результате удалось исследовать 91% (4139 человек) всех этих лиц, из которых, как выяснилось, 12 человек имели хромосомный набор XYY, 4111 — XY и 16 — XXY. Кроме того, из достаточно большого количества судебных протоколов были получены сведения о росте, умственных способностях, социально-экономическом статусе преступников, а также о характере совершенных ими в прошлом преступлений. Это исследование показало, что только 9,3% лиц с хромосомным набором XY ранее уже совершили одно или несколько преступлений, в то время как среди лиц с XYY-хромосомами число их достигало 41,7%.

В другом исследовании, посвященном изучению поведения лиц с *аномальными* Y-хромосомами, имеющими удлиненное плечо, была подвергнута проверке гипотеза о преимущественном влиянии на формирование агрессивного поведения Y-хромосомы. Если эта гипотеза верна, следовало ожидать выраженных проявлений агрессии у лиц с лишним Y-материалом. Полученные данные, однако, оказались противоречивыми. В то время как в одних работах делается вывод о том, что Y-хромосомы у преступников длиннее, чем у обычных людей, в других отмечается отсутствие достоверных подтверждений данной гипотезы (Meyer-Bahlburg, 1981b). Имеются данные о существовании зависимости уровня агрессии от длины Y-хромосом. Например, при наличии дополнительного Y-материала наблюдается более высокий уровень агрессии. Признавая, что подобные данные нельзя считать окончательными, Мейер-Бальбург (Meyer-Bahlburg, 1981b) предположил, что влияние аномальной Y-хромосомы, имеющей удлиненное плечо, аналогично влиянию лишней Y-хромосомы.

Было предложено несколько вариантов объяснения зависимости высокого уровня преступности от наличия дополнительного Y-материала. Наиболее инте-

ресным нам представляется следующее объяснение: лица XYY просто более агрессивны, чем лица XY. Если дело именно в этом, то преступники с хромосомным набором XYY будут значительно чаще совершать преступления с применением насилия, нежели преступники с хромосомами XY. Уиткин с коллегами (Witkin & others, 1976) не обнаружили существенной разницы в преступлениях у осужденных лиц с хромосомными наборами XY и XYY: лица с хромосомами XYY явно *не* более склонны к совершению преступлений с применением насилия, чем лица с хромосомами XY. И действительно, из изученных лиц только один человек из двенадцати с хромосомами XYY был арестован за подобное поведение.

Уиткин с коллегами (Witkin & others, 1976) выдвинули также гипотезу, согласно которой лица с хромосомами XYY считаются более социально опасными в связи с тем, что они обычно имеют рост значительно выше среднего, и поэтому их подозревают, арестовывают и осуждают чаще, чем людей среднего и низкого роста. В ходе исследования эта гипотеза не подтвердилась. Несмотря на то что лица с XYY-хромосомами имеют несколько больший рост, чем лица с хромосомами XY, разница в росте не является определяющим признаком при делении людей на потенциальных преступников и не преступников. Фактически преступники все же оказались менее рослыми, чем их более законопослушные сверстники.

Наиболее популярным является утверждение, что лица с XYY-хромосомами менее интеллектуально развиты, чем лица с XY-хромосомами, и поэтому их легче поймать с поличным, арестовать и затем отдать под суд. Исследование Уиткина и других выявило, что во время проведения стандартных тестов на определение уровня умственного развития лица с XYY-хромосомами показали более низкие результаты, чем лица с хромосомами XY. В контрольной группе, состоящей из лиц с хромосомами XY, у преступников был выявлен значительно более низкий уровень интеллектуального развития, чем у законопослушных граждан. Таким образом, Уиткин и другие пришли к заключению, что именно недостаточное умственное развитие, а не врожденная склонность к насилию является причиной того, что лица с XYY-хромосомами преобладают среди осужденных преступников. И действительно, лица с XYY-хромосомами склонны к совершению преступлений в той же мере, что и лица с хромосомами XY, они лишь чаще попадаются на месте преступления и подвергаются наказанию.

ГИПОТЕЗА Х-ХРОМОСОМЫ

Некоторые женщины, которых обозначают ХО, рождаются только с одной Х-хромосомой, а другие — обозначаемые XXX — с лишней Х-хромосомой. Согласно гипотезе Х-хромосомы, женщины с хромосомами ХО будут более агрессивны, нежели с хромосомами XX, а женщины с хромосомами XXX будут наименее агрессивными. Изучив работы, в которых рассматривается криминальное и агрессивное поведение женщин с упомянутыми хромосомными аномалиями, Мейер-Бальбург (Meyer-Bahlburg, 1981b) пришел к заключению, что, вопреки гипотезе Х-хромосомы, у женщин только с одной Х-хромосомой отмечается сравнительно *низкий уровень агрессии*. Но с другой стороны, и это подтверждает гипотезу Х-хромосомы, причины пребывания женщин с XXX-хромосомами в исправительных учреждениях не имеют никакого отношения к агрессивности.

Другим способом подтверждения гипотезы Х-хромосомы является сравнение поведения мужчин с хромосомами XXY- и XY-хромосомами. Гипотеза оказалась

бы верна, если бы были получены данные, свидетельствующие о том, что мужчины с хромосомами XXY менее агрессивны, чем мужчины с хромосомами XY. Этой проблеме посвящено сравнительно небольшое количество исследований, но имеющиеся данные говорят о том, что существенного различия в агрессивном поведении мужчин с XXY- и XY-хромосомами не наблюдается. Так же как и в случае с мужчинами с XYY-хромосомами, для лиц с хромосомами XXY характерен низкий уровень умственного развития, чем можно объяснить сравнительно высокую степень вероятности попадания мужчин с подобной хромосомной аномалией в исправительные учреждения (Theilgaard, 1981).

Тейлгаард (Theilgaard, 1981) опубликовал результаты психологического тестирования и опросов лиц, поведение и генотип которых изучались Уиткином и другими (Witkin et al., 1976). Несмотря на то что в результате тестирования с использованием проективных методик и методик самоанализа выяснилось, что фактически нет никаких различий в агрессивном поведении мужчин с XYY- и XY-хромосомами, имеются некоторые данные, свидетельствующие о проявлении сравнительно более низкого уровня агрессии у мужчин с XXY-хромосомами. Результаты проективных тестов говорят о более высоком уровне покорности и менее выраженных проявлениях агрессивности у этих мужчин по сравнению с мужчинами с XY- или с XYY-хромосомами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя некоторые факты довольно убедительно подтверждают существование связи между склонностью к агрессии и набором половых хромосом (например, различия в проявлениях агрессивности у мужчин и женщин; высокий процент содержания в исправительных учреждениях лиц с аномалиями половых хромосом), существует сравнительно мало данных, свидетельствующих о том, что половые хромосомы играют решающую роль в формировании агрессивного поведения. Выявленная исследованиями связь некоторых хромосомных аномалий с агрессивным поведением является отражением скорее недостаточного умственного развития, нежели врожденной склонности к совершению преступлений с применением насилия.

ГОРМОНЫ И АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Устойчивость половых различий в проявлениях агрессивности, независимо от национальности и культуры, навела на мысль о гормональных влияниях на формирование агрессивного поведения. Поскольку содержание тестостерона в крови у мужчин более чем в десять раз выше, чем у женщин, исследователи сосредоточили внимание на роли андрогенов в формировании агрессивного поведения. Поскольку тестостерон влияет на формирование других признаков маскулинности (например, на появление вторичных половых признаков, таких как понижение голоса и появление волос на теле), вполне возможно, что он способствует и развитию сравнительно высокого уровня агрессии у мужчин. Согласно этой гипотезе, тестостерон должен иметь прямое отношение к повышенной агрессивности.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

К этой проблеме обращались представители самых разнообразных областей науки (в частности, психологии, медицины), используя при этом различные методы исследования. Независимо от подходов исследователей и их принадлежности к той или иной научной сфере, результаты были во многом сходны, но малоубедительны. Несмотря на уверенность некоторых исследователей в существовании связи между тестостероном и агрессией и манипулирование показателем уровня этого гормона в качестве косвенного способа измерения степени агрессивности (Julian & McHenry, 1989), большинство ученых считают лишь предположительным существование зависимости степени агрессивности от уровня андрогенов. Это означает, что указанная зависимость сравнительно слаба, а исследования имеют методологические недостатки, что не позволяет сделать однозначные заключения.

Половые гормоны могут влиять прежде всего на формирование гендерных различий в период внутриутробного развития, то есть гормоны, вырабатываемые в половых железах плода под воздействием сигналов, поступающих из формирующихся нейрогуморальных центров головного мозга, могут создать различия, которые позднее найдут отражение в поведении (Hamburg & Van Lawick-Goodall, 1978). Однако литература по перинатальным гормонам говорит о сравнительно слабом их влиянии (Hines, 1982; Meyer-Bahlburg & Ehrhardt, 1982). Тем не менее имеются данные, свидетельствующие о том, что дети, подвергавшиеся воздействию андрогенных веществ в перинатальный период, более агрессивны, чем дети, не испытавшие такого воздействия. Рейниш (Reinisch, 1981) попросила детей, подвергавшихся воздействию андрогенных веществ в перинатальный период, и их сибсов, не испытавших такого воздействия, представить себе, как они стали бы себя вести в возможных межличностных конфликтах. Она пришла к выводу, что мальчики и девочки, подвергавшиеся воздействию андрогенов в дородовый период, в отличие от их родных братьев и сестер, не испытавших такого воздействия, при разрешении подобных конфликтов более склонны к агрессивным выпадам с применением физической силы.

В большинстве работ, посвященных проблеме влияния гормонов на формирование агрессивного поведения, приводились результаты измерения *пост*натального содержания тестостерона у взрослых мужчин. Для подобных исследований характерны три специфических подхода. Первый, подразумевающий изучение различий между насильниками и преступниками, не прибегающими к насилию, дал разноречивые результаты. Хотя некоторые исследователи не обнаружили у мужчин, осужденных за совершение насильственных преступлений, и у мужчин, осужденных за насильственные правонарушения, никаких различий на гормональном уровне (Bain, Langevin, Dickey & Ben-Aron, 1987; Bradford & McLean, 1984; Matthews, 1979; Rada, Kellner & Winslow, 1976), другие обратили внимание на существенно различный уровень тестостерона у насильников и преступников, не прибегающих к насилию (Dabbs, Frady, Carr & Besch, 1987; Dabbs, Ruback, Frady, Hopper & Sgoutas, 1988; Ehrenkranz, Bliss & Sheard, 1974; Kreuz & Rose, 1972). К примеру, Даббс с коллегами (Dabbs & others, 1987) обнаружили, что уровень тестостерона у мужчин, осужденных за совершение насильственных преступлений, выше, чем у мужчин, осужденных за ненасильственные правонарушения. Однако, проводя подобные исследования среди заключенных женщин, Даббс с коллегами (Dabbs & others, 1988) пришли к выводу, что необходимо более четко

дифференцировать совершенные ими насильственные преступления. Рассматривая отдельно случаи, когда женщины вынуждены были прибегнуть к насилию в качестве средства самозащиты (например, убийство супруга), и случаи, когда они не подвергались провокации, исследователи обнаружили, что у женщин, совершивших *неспровоцированные* преступления с применением насилия, регистрируются более высокие уровни тестостерона, чем у женщин, осужденных за кражу или преступления с применением насилия *при самообороне*. Поскольку другие данные измерения уровня агрессии в этом исследовании не показали наличия существенной связи с тестостероном, исследователи предостерегают от обобщения полученных ими результатов.

Другие исследователи задались вопросом о влиянии гормонов на агрессию, пытаясь установить взаимосвязь между агрессивным поведением и уровнем тестостерона у законопослушных граждан. В этих работах вновь были выявлены значительные противоречия. Например, несмотря на то что Монти, Браун и Корриво (Monti, Brown, & Corriveau, 1977) с помощью теста на определение степени агрессивности Басса-Дарки (Buss-Durkee Hostility Inventory, 1957) заключили, что агрессивное поведение *не* связано с уровнем тестостерона, Кристиансен и Кнуссман (Christiansen and Knussman, 1987) сочли, что уровень андрогенов имеет самое прямое отношение к шкале измерений степени выраженности спонтанной агрессии и стремления к доминированию. Расхождения проявляются даже *внутри* самих исследований: Перски, Смит и Базу (Persky, Smith & Basu, 1971) пришли к выводу, что выраженная связь между уровнем тестостерона и степенью агрессивности проявляется у молодых мужчин в возрасте 17—28 лет, но не старше 31—66 лет.

Даббс и Моррис (Dabbs & Morris, 1990) просмотрели личные дела 4 тысяч ветеранов войны в поисках фактов, подтверждающих наличие связи между уровнем тестостерона и склонностью к антиобщественному поведению. Они выделили 10% лиц с самым высоким содержанием тестостерона, сравнили их с лицами, имевшими низкое содержание тестостерона, и пришли к выводу, что первые имели больше неприятностей с властями и товарищами по службе, чаще пускали в ход кулаки, попадали в «истории» во время самоволок и употребляли наркотики, нежели их сверстники с более низким содержанием тестостерона. Подобные эффекты наиболее выражены у лиц, принадлежащих к низшим слоям общества. Исследователи подчеркнули, что проделанная ими работа подтверждает наличие связи между уровнем тестостерона и склонностью к антиобщественному поведению.

Олуэйз (Olweus, 1983) отметил существование значительной корреляции между уровнем тестостерона и степенью выраженности физической и вербальной агрессии (с учетом собственной оценки людьми своего поведения). Он обратил внимание на то, что наибольшие корреляции существуют в тех случаях, когда определяется степень выраженности ответа на провокацию или терпения в ситуации фрустрации. В более поздней работе Олуэйз (Olweus, 1987) предложил схему взаимосвязи тестостерона с агрессией (см. рис. 7. 1). Эта схема демонстрирует разницу в воздействии тестостерона в случаях спровоцированной и неспровоцированной угрозой агрессии. Олуэйз считает, что спровоцированная агрессия напрямую связана с уровнем тестостерона. Это означает, что люди, имеющие более высокое содержание тестостерона, будут отвечать на провокации более агрессивно. Исследователь полагает, что помимо прямой существует также *косвенная*

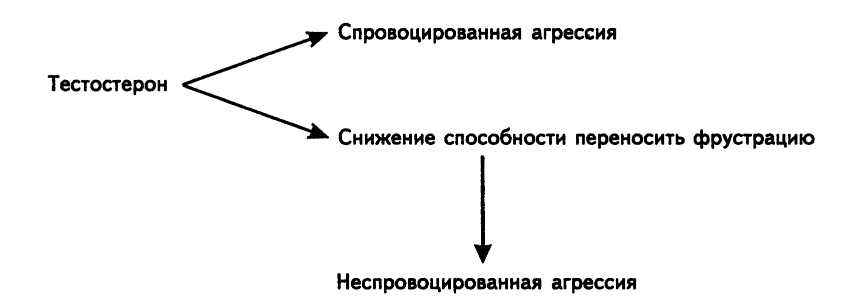

Рис. 7. 1. Олуэйз (Olweus, 1987) утверждает, что влияние тестостерона проявляется по-разному в случаях спровоцированной и неспровоцированной агрессии. Хотя тестостерон *косвенно* способствует развитию спровоцированной агрессии, в то же время он снижает способность индивида переносить фрустрацию, тем самым способствуя усилению неспровоцированной агрессии.

связь между уровнем тестостерона и неспровоцированной агрессией, а именно, что высокое содержание тестостерона в крови обычно сочетается с пониженной способностью переносить фрустрацию; человек, не способный переносить фрустрацию, может ответить агрессией, даже когда он не является объектом провокации.

Третий подход к вопросу о взаимосвязи уровня тестостерона и агрессивности состоит в изучении воздействия различных методов лечения (например, медикаментозного или хирургического), способствующих повышению либо понижению уровня этого гормона. Например, если наличие тестостерона действительно способствует формированию агрессивного поведения, то удаление яичек или применение антиандрогенных препаратов приведет к снижению уровня циркулирующих в крови андрогенов и, следовательно, к уменьшению степени выраженности агрессии. Шеард (Sheard, 1979), однако, замечает, что кастрация не является эффективным средством снижения агрессивности, и, хотя антиандрогенные препараты уменьшают степень выраженности половой агрессии, нельзя однозначно утверждать, вызван ли этот эффект ослаблением сексуальной мотивации или же нейтрализацией агрессивных наклонностей. Подобным же образом и О'Кэррол с Бэнкрофтом (O'Carrol & Bancroft, 1985) не обнаружили заметных изменений в уровне агрессии чрезмерно агрессивных мужчин после курса терапии тестостероном.

Таким образом, рассмотренные нами методы исследований позволили выявить четкую связь между уровнем тестостерона и агрессивностью. Хотя фактов, свидетельствующих в пользу основного предположения (о влиянии гендерных различий) вполне достаточно, прямых данных, подтверждающих гипотезу о влиянии гормонов на формирование агрессивного поведения, практически нет, чему существует несколько объяснений.

ОБЪЯСНЕНИЯ

Во-первых, связь между уровнем гормонов и агрессивностью может быть не обязательно прямой, то есть тестостерон может влиять на другие индивидуальные

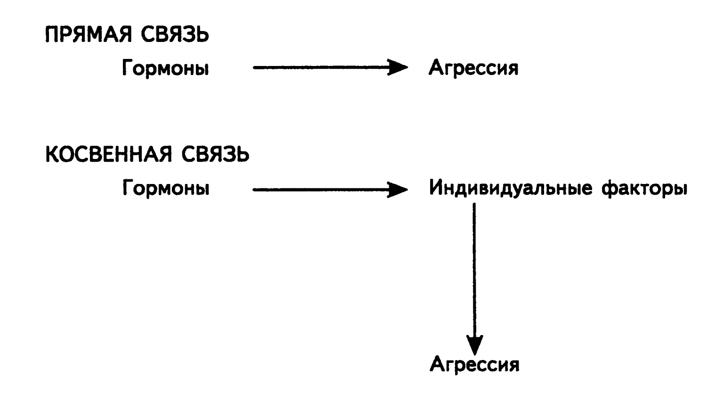

Рис. 7. 2. Понятие *прямая связь* между уровнем гормонов и агрессивностью подразумевает, что изменение уровня гормонов влечет за собой изменение уровня агрессии. Под понятием *косвенная связь* подразумевается, что влияние гормонов на формирование агрессивного поведения опосредуется какими-либо индивидуальными факторами.

факторы, что, в свою очередь, способствует формированию агрессивного поведения; связь между уровнем гормонов и агрессивностью может осуществляться и косвенным путем через какие-либо личностные или поведенческие характеристики. Поскольку такую косвенную связь сравнительно трудно выявить, результаты исследований, ставящих своей целью выявление прямых взаимосвязей, будут казаться неубедительными. На рис. 7. 2 продемонстрировано различие прямой и косвенной связи между уровнем гормонов и склонностью к агрессии. На самом же деле данные о наличии связи между андрогенами и *агрессивным* поведением достаточно убедительны. Например, многие исследователи обратили внимание на то, что тестостерон имеет отношение к личностным и поведенческим характеристикам, таким как стремление к эпатажу, доминированию или самовыражению (Christiansen & Knussman, 1987; Daitzman & Zuckerman, 1980; Ehrenkranz, Bliss & Sheard, 1974; Meyer-Bahlburg, 1981a; Schalling, 1987). Это означает, что агрессия может быть результатом стремления личности к эпатажу или к самовыражению.

Шеллинг (Schalling, 1987) предложила для оценки поведения несовершеннолетних преступников мужского пола целую серию личностных шкал и несколько аналитических опросников для определения уровня агрессивности. Она сообщает, что высокий уровень тестостерона в большинстве случаев сочетается с выраженными проявлениями вербальной агрессии, предпочтением таких видов спорта, как бокс и борьба, с общительностью, экстраверсией и нонконформизмом. Она пришла к выводу, что несовершеннолетний преступник, у которого высокий уровень тестостерона в крови, — это общительный, напористый и самоуверенный молодой человек, чья высокая способность постоять за себя и нежелание придерживаться привычных правил поведения, так же как и высокий авторитет среди сверстников, могут хотя бы отчасти являться причиной его агрессивного поведения.

Высокий уровень тестостерона, таким образом, может быть прямо связан с личностными характеристиками, что находит свое выражение не столько в не-

спровоцированной агрессии, сколько в агрессивном ответе на провокацию. Даббс с коллегами (Dabbs & others, 1987) сформулировали это так:

«Похоже, существует какой-то общий, малоизученный на сегодняшний день эффект, пока еще не получивший названия, который заключается в воздействии тестостерона как на поведение животных, так и на поведение достаточно разнородных групп человеческих существ. Этот эффект проявляется в усилении таких свойств личности, как сопротивляемость, импульсивность и авантюризм. У людей подобные характеристики могут стать движущей силой самых разнообразных поступков, общественно приемлемых или неприемлемых, в зависимости от направленности действий, предпринятых индивидом» (Dabbs, Frady, Carr & Besch, 1987).

Другая проблема заключается в том, что причина связи между содержанием гормонов и склонностью к агрессии не особенно ясна. Есть данные, подтверждающие, что такая связь может быть двухсторонней. Это означает, что участие в агрессивных действиях может вести к усилению секреции тестостерона, *который*, в свою очередь, может сделать более выраженным проявления агрессии. Двухсторонний характер связи между уровнем андрогенов и агрессивностью со всей очевидностью проявляется у приматов (Bernstein, Rose, Gordon & Grady, 1979). Некоторые факты наводят на размышления, что подобный характер взаимосвязи свойствен и для человека (Salvador, Simon, Suay & Llorens, 1987; Schalling, 1987). Например, Элиас (Elias, 1981) сообщает, что у борцов, победивших в соревнованиях, содержание тестостерона в крови было значительно выше, чем у проигравших.

Мазур и Лэмб (Mazur & Lamb, 1980) исследовали целую серию вопросов, затрагивающих влияние тестостерона на агрессивное поведение. Рассматривая существующую между уровнем тестостерона и поведением связь, которая может иметь отношение к агрессии, они предположили, что поведение может воздействовать на секрецию гормонов, а не гормоны — на поведение. Исследователи также рассматривали другую переменную — настроение, — связывающую поведение и гормоны. В первой работе Мазур и Лэмб сравнивали настроение теннисистов, победивших и проигравших, с их уровнем тестостерона. Ученые обнаружили, что у игроков, одержавших явную победу, улучшение настроения сопровождалось повышением уровня тестостерона. При случайной победе подобного подъема настроения, а также повышения уровня тестостерона не наблюдалось. У проигравших настроение падало, а уровень тестостерона понижался.

Во второй работе исследователи рассмотрели влияние выигрыша в лотерею (определяемого удачей, а не усилием) на настроение и уровень тестостерона теннисистов, победивших в игре или проигравших. Они предположили, что победа, одержанная без больших усилий, не вызовет такого подъема настроения и повышения уровня тестостерона, как в случае преодоления значительных трудностей, который рассматривался в первой работе. Как и прогнозировалось, выигрыш в лотерею не привел к значительному повышению уровня тестостерона. Однако у победителей, которые постоянно находились в хорошем настроении, определялись более высокие уровни тестостерона, что явилось еще одним доказательством существования связи между настроением и уровнем тестостерона.

В последней своей работе Мазур и Лэмб (Mazur & Lamb, 1980) изучили влияние успеха человека в обществе на настроение и содержание тестостерона. Они измерили уровень тестостерона пяти студентов-медиков и оценили их настроение до и после церемонии в честь окончания университета. Наибольший подъем на-

строения наблюдался у этих студентов на следующий день *после* церемонии, так же как и самый высокий уровень тестостерона. Таким образом, исследователи обнаружили *косвенную* связь между содержанием тестостерона и общественным положением индивида — успех человека в обществе, сопровождаемый улучшением настроения, ведет к повышению уровня тестостерона.

И наконец, как и предполагали Даббс и Моррис (Dabbs & Morris, 1990), влияние гормонов на формирование агрессивного поведения, если такое влияние вообще существует, сравнительно незначительно. Некоторые исследователи подчеркивают, что, вероятно, социальные факторы (в частности, рассматривавшиеся в главе 4) оказывают более прямое и мощное воздействие на формирование агрессивного поведения (Kreuz & Rose,1972; Meyer-Balhburg, 1981a; Meyer-Balhburg & Ehrhardt, 1982).

Скорее всего, считают Кройц и Роуз (Kreuz & Rose, 1972), наиболее важным является взаимодействие социальных и биологических факторов. Убедившись в существовании взаимосвязи между содержанием тестостерона и агрессивностью на примере заключенных, они пришли к выводу, что влияние половых гормонов проявляется только в том случае, если на антиобщественное поведение индивида влияют также и социальные факторы (например, семейные традиции и т. д.). Подобным же образом Бернштейн и его коллеги утверждают:

> *«С помощью гормонов можно непосредственно воздействовать на склонность индивида к определенным типам поведения, только если не учитывать зависимость индивида от его социального опыта. В действительности же влияние социальных факторов помогает преодолеть отрицательное влияние гормонов, и индивид продолжает сохранять постоянную социальную активность, даже при явном гормональном дисбалансе. ...У животных с относительно развитой корой головного мозга зависимость от гормональной регуляции поведения проявляется слабее. Непредсказуемость поступков индивида определяется не только особенностями его гормонального фона, но и тем социальным давлением, которое могут оказывать на поведение индивида другие личности» (Bernstein, Gordon & Rose, 1983).*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, характер взаимосвязи между уровнем гормонов и агрессивностью до сих пор остается довольно неясным. Хотя уровень тестостерона может играть определенную роль в формировании агрессивного поведения и до известной степени быть ответственным за гендерные различия в агрессии, гораздо более важную роль здесь могут играть другие факторы. Тем не менее мы хотим сделать некоторые предварительные выводы относительно возможно существующей связи между агрессией и поведением. Во-первых, тестостерон способен прямо воздействовать на характеристики, которые затем могут приводить или же не приводить к агрессивному поведению. Во-вторых, существует достаточное количество фактов, свидетельствующих о том, что усиление агрессивности способствует повышению уровня тестостерона (точно так же, как повышение уровня тестостерона ведет к усилению агрессивности). И, подводя итог, скажем, что как и большинство биологических факторов, рассмотренных в данной главе, гормоны не действуют независимо от социального контекста, который оказывает значительное влияние на проявление агрессивности, так что скорее всего гормоны, для

того чтобы повлиять на степень агрессии, должны вступить во взаимодействие с социальными факторами.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НЕРВНАЯ СИСТЕМА

В этом разделе мы обратимся к исследованиям, связанным с двумя основными образованиями головного мозга, играющими важную роль в формировании агрессивного поведения — с *лимбической системой*, состоящей из разнообразных структур, функция которых заключается в контролировании основных влечений и эмоций, и *корой головного мозга*, ответственной за целый комплекс когнитивных функций, которые имеют существенное значение в процессах научения, выработки суждений и принятия решения.

ЛИМБИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Посредством лимбической системы осуществляется связь между воздействием сенсорных раздражителей и эмоциональной реакцией. Большинство наших эмоций задействуют лимбическую систему. Этот отдел головного мозга рассматривается как *система*, потому что состоит из нескольких взаимосвязанных структур (например, миндалевидное тело, или амигдала, гипоталамус). Эти структуры напрямую связаны как с вышележащими, так и с нижележащими уровнями центральной нервной системы. Например, амигдала и гипоталамус посылают информацию непосредственно к лобной доле неокортекса — отдела мозга, отвечающего за поддержание на высоком уровне когнитивных функций.

В качестве доказательства существования связи между функционированием лимбической системы и агрессивным поведением рассмотрим результаты двух исследований (Eichelman, 1983). Согласно результатам первого, удаление амигдалы у больных, страдающих эпилепсией, может привести к уменьшению количества сильных приступов. Хотя некоторые исследователи считают, что подобное оперативное вмешательство может вызвать значительное улучшение состояния у пациентов (Hitchcock, 1979), другие полагают, что улучшение в этих случаях носит кратковременный характер, а кроме того, нет теоретического обоснования необходимости такого хирургического вмешательства (Carroll & O'Callagan, 1981; O'Callagan & Carroll, 1987).

Другие факты дали исследования нейромедиаторов, циркулирующих в лимбической системе и влияющих на формирование агрессивного поведениея. Эти вещества представляют особый интерес, потому что отвечают за обмен информацией между корой головного мозга и различными лимбическими структурами. Например, при низком уровне нейромедиаторов, связанных с подавлением агрессии, информация о существовании подобного сдерживания не доходит до коры головного мозга, повышая тем самым вероятность проявления агрессии (Brown, Ballanger, Minichiello, & Goodwin, 1979; Brown, Ebert, Goyer, Jimerson, Klein, Bunney & Goodwin, 1982). Коккаро (Coccaro, 1989) заметил, что ослабление функции этих нейромедиаторов «делает аффектированную личность неспособной адекватно реагировать на воздействие неприятных раздражителей».

КОРА ГОЛОВНОГО МОЗГА

Отметив, что человеческий мозг имеет больший объем коры, чем мозг животных, Марк и Эрвин (Mark & Ervin, 1970) отмечают:

«Насилие... до сих пор присутствует в обширном репертуаре человеческого поведения; однако неокортекс и находящиеся с ним во взаимодействии системы преобразовали древние примитивные инстинкты самосохранения в модели разрушения, намного более сложные и поддающиеся контролю, чем у прочих видов животных».

Корковые области головного мозга связаны с социальным научением, прогнозированием последствий и выбором реакции (Weiger & Bear, 1988). Лобная доля неокортекса — структура головного мозга, ответственная за прием и интерпретацию внешней сенсорной информации. Связь лобной доли с лимбической системой дает ей дополнительную информацию о состоянии других систем головного мозга.

Вполне возможно, что повреждения лобной доли коры головного мозга «приводят к усилению реакции человека на мгновенные воздействия окружающей среды; обыкновенные раздражители вызывают агрессивные реакции, которые обычно блокируются целой серией рефлекторных или осмыслительных процессов» (Weiger & Bear, 1988). Лица, не имеющие повреждений лобной доли неокортекса, способны адекватно (то есть с учетом времени, места, а также в соответствии со стратегией) реагировать на провокацию. Однако лица, имеющие подобные повреждения, скорее всего будут реагировать на провокацию импульсивно и агрессивно, а также будут проявлять раздражительность и дурное настроение (Heinrichs, 1989; Silver & Yudofsy, 1987).

Достаточное количество фактов, свидетельствующих о существовании связи лобной доли с агрессивным поведением, получено в результате исследований, в ходе которых рассматривались косвенные показатели дисфункции или повреждения головного мозга. Это означает, что некоторые ученые, занимавшиеся поисками повреждений головного мозга, исследуют не столько его структуру, сколько состояние его функций, нарушение которых может быть связано с определенным типом повреждения ткани мозга. *Нейропсихологический метод диагностики* включает в себя целый набор тестов, позволяющих определить степень выраженности когнитивных функций, связанных с лобной долей коры головного мозга. Например, затруднения, связанные с запоминанием, познавательным процессом или с двигательными реакциями, могут быть показателями дисфункции коры. Если лица с подобной дисфункцией проявляют также ненормальную агрессивность, то это вполне убедительно подтверждает существование связи между нарушениями функции коры и формированием агрессивного поведения.

Криницки (Krynicki, 1978) обратил внимание на наличие признаков дисфункции левого полушария у лиц с органическими заболеваниями мозга и у людей, склонных к агрессии, что наводит на мысль о существовании связи между этой дисфункцией и агрессивностью поведения. Аллен, Колсон и Койн (Allen, Colson & Coyne, 1988) обнаружили, что у лиц, имеющих, согласно результатам нейропсихологических исследований, органические повреждения мозга, существуют проблемы, связанные с контролированием агрессивности. Брайэн, Скотт, Голден и Тори (Bryant, Scott, Golden & Tori, 1984) сообщают, что заключенные, у которых диагнозировались повреждения мозга, были более склонны к совершению преступлений с применением насилия, нежели те, у кого таких повреждений не было.

Спелласи (Spellacy, 1977, 1978) провел два нейропсихологических исследования с целью выявления связи между возникновением импульсов к совершению насилия и нарушениями функций коры головного мозга. В одной из этих работ Спелласи (Spellacy, 1978) отмечает, что если у лиц, склонных к насилию, недостаточный контроль импульсивности объясняется дисфункцией мозга, то у этих лиц определяются довольно плохие показатели в тестах, предназначенных для оценки когнитивных, моторных и перцептивных способностей. Он также предположил, что использование таких параметров функции мозга позволяет лучше, чем использование параметров личности, прогнозировать проявления насилия (например, опросник MMPI, общие показатели личностных характеристик). При определении степени функциональной активности коры головного мозга у сорока преступников, применивших насилие, и у сорока преступников, не склонных к насилию, исследователь рассматривал показатели интеллекта, языковых способностей, слухового восприятия, памяти и визуальной организации. При этом он обнаружил, что преступники, не склонные к насилию, показывают относительно хорошие результаты при оценке когнитивных, языковых, перцептивных и психомоторных способностей, что подтверждает наличие нарушенной функции мозга у субъектов, склонных к насилию.

Используя позитронную эмиссионную томографию (ПЭТ) — метод, позволяющий получить изображение функционально активных структур головного мозга, — Волков и Танкреди (Volkow & Tancredi, 1987) изучили характеристики мозговой деятельности четырех индивидов, склонных в прошлом к чрезвычайно буйному поведению. Хотя каких-то специфических изъянов обнаружено не было, ПЭТ показала «значительные нарушения церебральной функции». Подобно Спелласи (Spellacy, 1978), эти исследователи воздержались от утверждения о существовании жесткой взаимосвязи между повреждениями головного мозга и агрессивным поведением:

> *«Важно подчеркнуть, что мы не считаем причиной буйного поведения, характерного для этих случаев, только аномалии мозга. Скорее всего церебральная дисфункция способствовала возникновению вспышек насилия. В целом же агрессивное поведение, характерное для пациентов, видимо, является репрезентацией комплексного взаимодействия различных отделов нервной системы, нейромедиаторов, гормонов, внешних раздражителей и усвоенных реакций» (Volkow & Tancredi, 1987).*

Горенштейн (Gorenstein, 1990) воспользовался луриевской теорией дефицита префронтальных отделов лобных долей мозга для объяснения преступности несовершеннолетних с позиции нейропсихологии. Во-первых, он обратил внимание на сходство антисоциального поведения малолетних преступников с поведением лабораторных животных с повреждениями лимбической системы и лобной части коры головного мозга. Он также изучил работы по нейропсихологическому функционированию малолетних преступников. Теория дефицита префронтальных отделов лобных долей головного мозга утверждает, что повреждение префронтальной коры вызывает у индивида какой-то внутренний процесс, благодаря которому человек «становится необычайно слабым и поэтому чрезмерно подверженным разрушительным воздействиям» (Gorenstein, 1990). Таким образом, дело не в лобной доле коры, являющейся субстратом контролирования планов и намерений, а в том, что человек с повреждением префронтальной коры будет склонен к привычным или стереотипным реакциям. Вполне возможно, что подобные поврежде-

ния коры у антисоциальных личностей объясняют их равнодушие к возможному наказанию, а также отсутствие у них желания и способности его предотвратить.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОЛОВНОГО МОЗГА И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Зильманн (Zillmann, 1988) в обзоре научных исследований, касающихся взаимозависимости познавательного процесса и процесса возбуждения, утверждает:

«Нет сомнения в том, что тенденция с чрезвычайным возбуждением реагировать на угрозу была и остается наиболее приемлемой для большинства видов. Повышенная бдительность и готовность прибегнуть к силе необходимы для того, чтобы иметь шанс победить в сражении или спастись бегством. Однако целесообразность реакции подобного типа у современного человека вызывает весьма серьезные сомнения. Зачастую то, что раньше было выгодным, ныне становится бесполезным. "Эмоциональная" реакция на что-либо, угрожающее здоровью, существующей власти, общественному положению или чувству собственного достоинства, может не только быть бессмысленной, но и вести к обратным результатам».

Большую часть времени сильно развитая лобная доля коры головного мозга, позволяющая осуществлять планирование на высоком уровне и подавляющая агрессивность, удерживает нас от «чрезмерной» реакции на провокации. Однако повреждение головного мозга или ее дисфункция могут вывести из строя механизмы контроля возникновения агрессии. Марк и Эрвин (Mark & Ervin, 1970) предположили, что такие механизмы выходят из строя при повреждении лимбической системы или при нарушении передачи сигнала со стороны коры головного мозга. Они считают, что подобные сигналы являются продуктами *научения* — «процесса, определяющего развитие структуры мозга после рождения и закладывающего в мозг опыт прошлого (включая культурные и семейные модели поведения)». Ученые полагают, например, что у некоторых лиц научение может привести к более часто повторяющемуся и интенсивному восприятию мозгом угроз, а это способствует тому, что лимбическая система быстрее и чаще приводится в действие.

Несмотря на то что эта глава посвящена биологическим основам человеческого агрессивного поведения, мы вновь вынуждены вспомнить о социальном контексте, в котором действуют эти факторы. Ведь действительно, многие социологи подчеркивают, что лучший способ понять поведение *любого* человека — это рассматривать его поведение с позиции *взаимосвязи* биологических процессов и научения (Hinton, 1981; Karli, 1983; Lewis & Pincus, 1989; Lewis, Shanok, Grant & Ritvo, 1983; Mednick et al., 1988; Valzelli, 1981). К примеру, Льюис и др. (Lewis & others, 1983) исследовали факторы, имеющие отношение к представляющим опасность для жизни окружающих случаям проявления насилия у детей. Они пришли к выводу, что причинами подобного поведения являются как средовые, так и биологические детерминанты. В ходе одного из своих последних исследований они обнаружили, что, хотя нарушение центральной нервной системы (ЦНС) является одним из биологических факторов, возможность прогнозировать поведение, опасное для жизни, становится более реальной, если принимать во внимание такие средовые переменные, как насильственные действия со стороны отца по отношению к матери или прохождение матерью курса лечения в психиатрической клинике. Так же, как наша центральная нервная система влияет на наше поведение, наш опыт влияет на наш мозг.

ВОЗБУЖДЕНИЕ И АГРЕССИЯ

Агрессивное поведение человека связано с активизацией симпатической нервной системы — того компонента вегетативной нервной системы, который побуждает нас «вступать в сражение или спасаться бегством». Основной механизм этой системы заключается в том, что ситуация, представляющая угрозу для нашей безопасности, вызывает самые разнообразные соматические реакции (например, расширение зрачков, повышение артериального давления, учащение пульса и усиление потоотделения), которые помогают нам встретить надвигающуюся опасность во всеоружии или убежать от нее.

Несколько официально признанных теорий агрессии (Berkowitz, 1981, 1988; Zillmann, 1988) и некоторые иные объяснения влияния прочих переменных (например, шума), основываются на мнении, что агрессия и возбуждение тесно связаны. Наиболее общепринятая версия этой точки зрения гласит, что возбуждение повышает вероятность развития агрессивности. Несмотря на то что большинство ученых не игнорируют факт влияния ситуационного возбуждения, некоторые исследователи целью своих научных изысканий ставят изучение влияния личностных особенностей на возбудимость и физиологическую реактивность. Другие же считают, что и агрессия, в свою очередь, влияет на возбуждение. Например, согласно теории катарсиса, люди после вспышки агрессивности, являющейся реакцией на чьи-либо нападки, ощущают спад напряжения (то есть снижение уровня возбуждения).

ВЛИЯНИЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ НА АГРЕССИЮ

Рассмотрим конкретный пример. Допустим, вы увлекаетесь бегом трусцой. Во время одной из утренних пробежек вы останавливаетесь поболтать с соседом. Однако он, встав утром «не с той ноги», отвечает вам очень грубо, фактически оскорбляет вас. Согласно нашим представлениям о наличии связи между возбуждением и агрессивным поведением, следует ожидать, что вы, пробежав несколько кругов и повысив тем самым уровень своего физиологического возбуждения, ответите этому человеку со значительно большей агрессивностью, чем это было бы при других обстоятельствах. Повышенная возбудимость, источником которой может быть различная деятельность в условиях конкуренции (Christy, Gelfand & Hartmann, 1971), интенсивные занятия спортом (Zillmann, Katcher & Milavsky, 1972), шум (Donnerstein & Wilson, 1976; Konecni, 1975b) и использование стимуляторов (Ferguson, Rule & Lindsay, 1982; O'Neal & Kaufman, 1972), может способствовать актуализации агрессии, по крайней мере, при определенных условиях.

В процессе разработки и обоснования своей теории влияния возбуждения на формирование агрессивного поведения Зильманн с коллегами провели ряд исследований, результаты которых могли бы пролить свет на характер взаимосвязи между агрессией и физиологическим возбуждением (Zillmann, 1988). Например, в эксперименте Зильманна, Катчера и Милавски (Zillmann, Katcher & Milavsky, 1972) некоторых испытуемых до начала выполнения заданий провоцировал мужчина — помощник экспериментатора. Чтобы уровень физиологического возбуждения испытуемых разнился между собой, часть из них в течение двух с

половиной минут заставляли делать физические упражнения, требующие усилий; оставшиеся испытуемые занимались менее трудоемкой моторной деятельностью. Затем участникам эксперимента предлагалось наказать помощника экспериментатора, провоцировавшего их, ударами электрического тока. Физическая нагрузка (то есть повышенное возбуждение) способствовала возникновению агрессии у испытуемых, сильно фрустрированных помощником экспериментатора, и совершенно не действовала на тех, кто не испытал на себе никаких провокаций. Эти результаты дали бы основание Зильманну и его коллегам утверждать, что после занятий бегом ваша агрессивная реакция в ответ на грубость соседа будет гораздо более вероятна. Исследователи сказали бы, что источником своего «вздрюченного» состояния (сформировавшегося у вас под влиянием остаточного от бега возбуждения), вы, вероятно, посчитаете поведение оскорбившего вас соседа и поэтому отреагируете на его грубость более агрессивно, чем при отсутствии подобного возбуждения. Но представим себе, что вы объясняете сильное сердцебиение и учащенное дыхание своим плохим физическим состоянием; будете ли вы столь же агрессивны, реагируя на грубость соседа, в этом случае?

Целая серия сложных, но весьма оригинальных опытов, проведенных Зильманном и коллегами (Zillman & Bryant, 1974; Zillman, Johnson & Day, 1974), наводит на мысль, что высокий уровень возбуждения способствует появлению агрессии в последующем поведении в тех случаях, когда испытуемые *неправильно* интерпретируют или определяют источник чувств, подобных гневу. Но, каким бы сильным ни было возбуждение, оно не в состоянии спровоцировать агрессию в тех случаях, когда субъекты *правильно* определяют истинную причину своих эмоций. Зильманн, Джонсон и Дэй (Zillmann, Johnson & Day, 1975) провели эксперимент, в котором испытуемые мужчины, предварительно разделенные на три группы по уровню физической подготовки, получали возможность наказать помощника экспериментатора. В первом варианте эксперимента провокация отсутствовала полностью, в то время как во втором помощник экспериментатора выводил испытуемых из себя оскорбительными, насмешливыми замечаниями в их адрес. Возможность отомстить была предоставлена участникам эксперимента лишь какое-то время спустя после провокации. В одном случае участников просили сначала спокойно посидеть в течение шести минут, затем полторы минуты они выполняли физические упражнения — крутили педали велотренажера, и только потом им давали возможность отреагировать на действия помощника экспериментатора. Исследователи предположили, что, если возможность отомстить будет предоставлена сразу же после выполнения физических упражнений, испытуемые посчитают испытываемое ими возбуждение — независимо от его подлинной природы (насмешек помощника экспериментатора или занятий спортом) — результатом физической нагрузки и в итоге не прореагируют столь агрессивно, как при отсутствии физической нагрузки. Во втором варианте испытуемые сначала выполняли физические упражнения, потом отдыхали и только затем получали возможность отомстить помощнику экспериментатора за его оскорбительные действия. Исследователи предположили, что шестиминутный перерыв между окончанием физической деятельности и актом мести приведет к тому, что участники эксперимента не свяжут испытываемое ими возбуждение с предшествующей физической активностью, а посчитают его гневом, вызванным действиями помощника экспериментатора, и по этой причине ответят агрессивно.

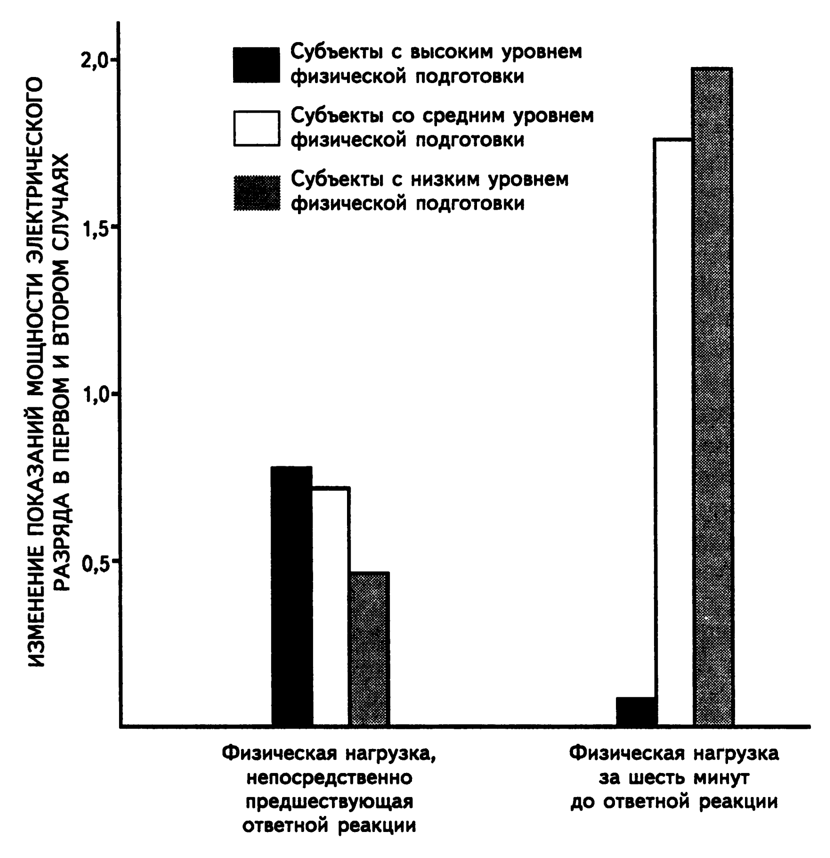

Рис. 7. 3. Повышенное возбуждение как результат физической нагрузки способствует проявлению агрессии только в случае, если испытуемые ошибочно относят ее к ответной реакции на провокации со стороны помощника экспериментатора, то есть тогда, когда возможность нанесения ответного удара была предоставлена через шесть минут после физических упражнений. *(Zillmann, Johnson & Day, 1974)*

Как видно из рис. 7. 3, прогноз исследователей в точности совпал с диаграммой полученных результатов: среди всех участников эксперимента, если не принимать во внимание наиболее физически подготовленных, усиление агрессии наблюдалось только в той группе, в которой физическая нагрузка предшествовала ответному удару с разрывом в несколько минут. (Отсутствие подобной реакции у группы хорошо подготовленных в физическом отношении лиц также прогнозировалось и объясняется тем, что физиологическое возбуждение таких людей после упражнений падает настолько быстро, что в сущности у них просто не остается возбуждения, которое можно было бы отнести к гневу.)

Неправильная интерпретация может также привести к *ослаблению* агрессивного поведения. Юнгер и Дуб (Younger & Doob, 1978) давали испытуемым таблетки плацебо (безвредные таблетки), убеждая одних участников эксперимента в том, что в результате принятия таблеток они почувствуют возбуждение, а других

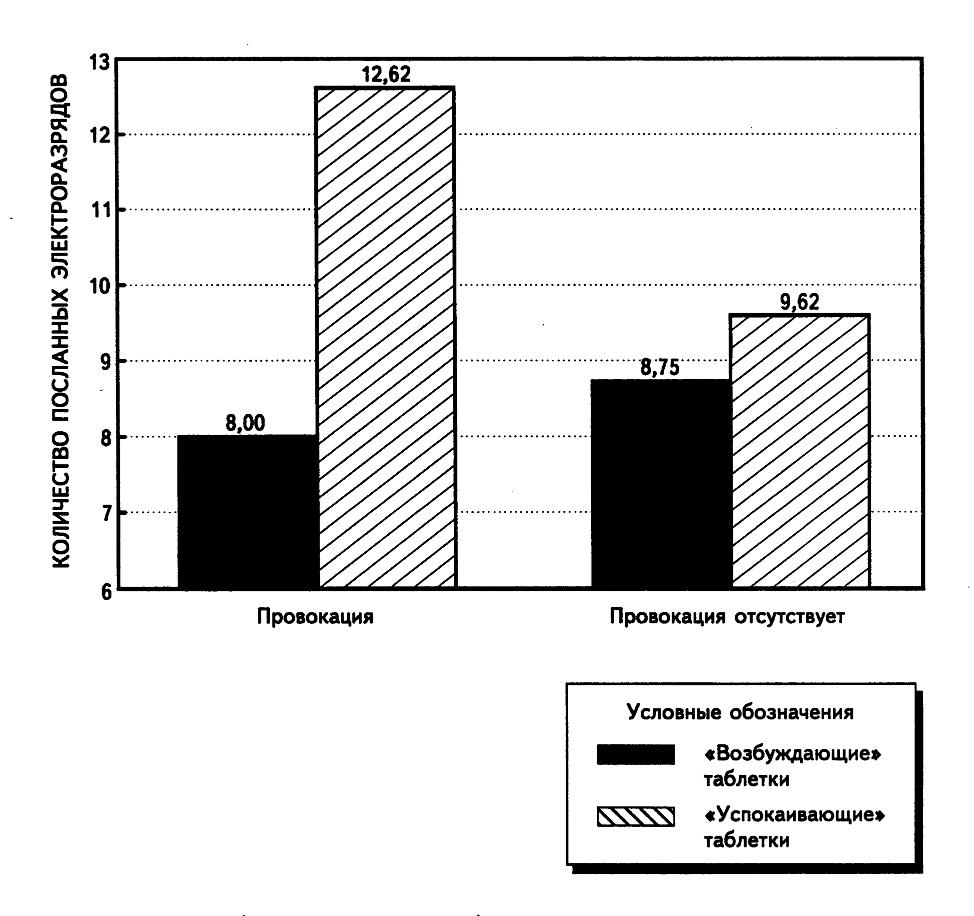

Рис. 7. 4. Юнгер и Дооб (Younger & Doob, 1978) показали, как ошибочное приписывание возбуждения таблетке может привести к ослаблению агрессивного поведения. Субъекты, ожидавшие от таблетки возбуждения, нанесли по цели меньше ударов током, нежели те, кто ожидал от принятия таблетки расслабления.

в том, что таблетка даст им чувство успокоения и расслабленности. Позднее половина испытуемых подвергалась провоцированию со стороны помощника экспериментатора; другая половина этого не испытывала. Как показано на рис. 7. 4, испытуемые, уверенные в том, что таблетки вызовут возбуждение, отвечали на провокации с меньшей агрессивностью, нежели те, кто ожидал расслабления. Похоже, что ожидавшие возбуждения не имели необходимости думать о поведении помощника экспериментатора, чтобы понять причину своего возбуждения. В то же время лица, убежденные в успокоительном действии таблеток, последующее возбуждение могли связать только с провокационным поведением помощника экспериментатора и реагировали в соответствии с этим. Таким образом, спровоцированные субъекты, считавшие источником своего возбуждения таблетку, отвечали не с большей агрессивностью, чем неспровоцированные лица, и со значительно меньшей агрессивностью, чем те, кто не имел возможности отнести свое возбуждение к чему-нибудь иному.

Вместе с фактами, полученными в ходе других исследований (Brancombe, 1985; Geen, Rakovsky & Pigg, 1972; Rule & Nesdale, 1976a; Tannenbaum & Zillmann, 1975; Taylor, O'Neal, Langley & Butcher, 1991; Zillmann & Cantor, 1976), эти результаты наводят на мысль о том, что важнейшим фактором, определяющим, перейдет ли повышенное возбуждение в агрессию, является легкость, с которой индивиды могут запутаться в определении источника своих ощущений. Если не вызывает сомнений, что их реакции вызваны физической нагрузкой, лекарством, неприятным шумом и другими подобными источниками, не имеющими отношения к агрессии, тогда причина повышенного возбуждения будет определена правильно и не приведет к агрессивным выпадам против других. Если же источник подобных ощущений не так-то просто определить, возможно, из-за того, что уже прошло какое-то время после события, вызвавшего возбуждение, или из-за существования нескольких возможных источников, тогда люди могут быть «сбиты с толку», приписывая свои чувства гневу, досаде или раздражению. В таких случаях результатом может явиться агрессия.

Из результатов рассмотренных нами исследований становится очевидно, что физиологическое возбуждение может играть определенную роль в проявлении агрессивного поведения. Однако возбуждение имеет отношение не только к агрессии. Фактически физиологическое возбуждение как часть общей активации симпатической нервной системы может способствовать проявлению с наибольшей вероятностью любой доминантной реакции. Мы уже говорили о подобном предположении, рассматривая в главе 5 влияние шума на агрессию. И при этом отмечали, что воздействие громкого шума — и порожденного им высокого уровня возбуждения — способствует позднее проявлению агрессии, но только в том случае, если подобное поведение является отражением склонности доминировать (Donnerstein & Wilson, 1976; Konecni, 1975). Другие исследователи поддержали также утверждение, что возбуждение способствует вероятности проявления доминантной реакции, стремлению навязать свою волю. Например, О'Нил, Мак-Дональд, Хори и Мак-Клинтон (O'Neal, McDonald, Hori & McClinton, 1977) демонстрировали детям агрессивные и неагрессивные фильмы, а затем их втягивали в шумную или спокойную игру. Исследователи предположили, что дети, играющие в шумную игру, из-за активации симпатической нервной системы будут больше подражать поведению героев фильмов, независимо от того, какой фильм они смотрели, нежели дети, занятые спокойной игрой. В этом случае в качестве модели будет браться поведение на основе доминантной реакции, вызванной возбуждением. Как видно из рис. 7. 5, ожидания ученых оправдались. Дети, возбужденные интересной игрой, большую часть времени подражали поведению героев фильма, в отличие от детей, не испытывавших возбуждения. Таким образом, выходит, что возбуждение просто увеличивает возможность проявления доминантных реакций. Ситуация и характеристики личности определяют природу такого ответа.

ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ К ВОЗБУДИМОСТИ, ИЛИ РЕАКТИВНОСТЬ

Несколько исследователей рассмотрели гипотезы, что агрессивные лица менее *реактивны*, чем неагрессивные, то есть *характерные* уровни возбуждения будут ниже для агрессивных, чем для неагрессивных индивидов. Поэтому они могут

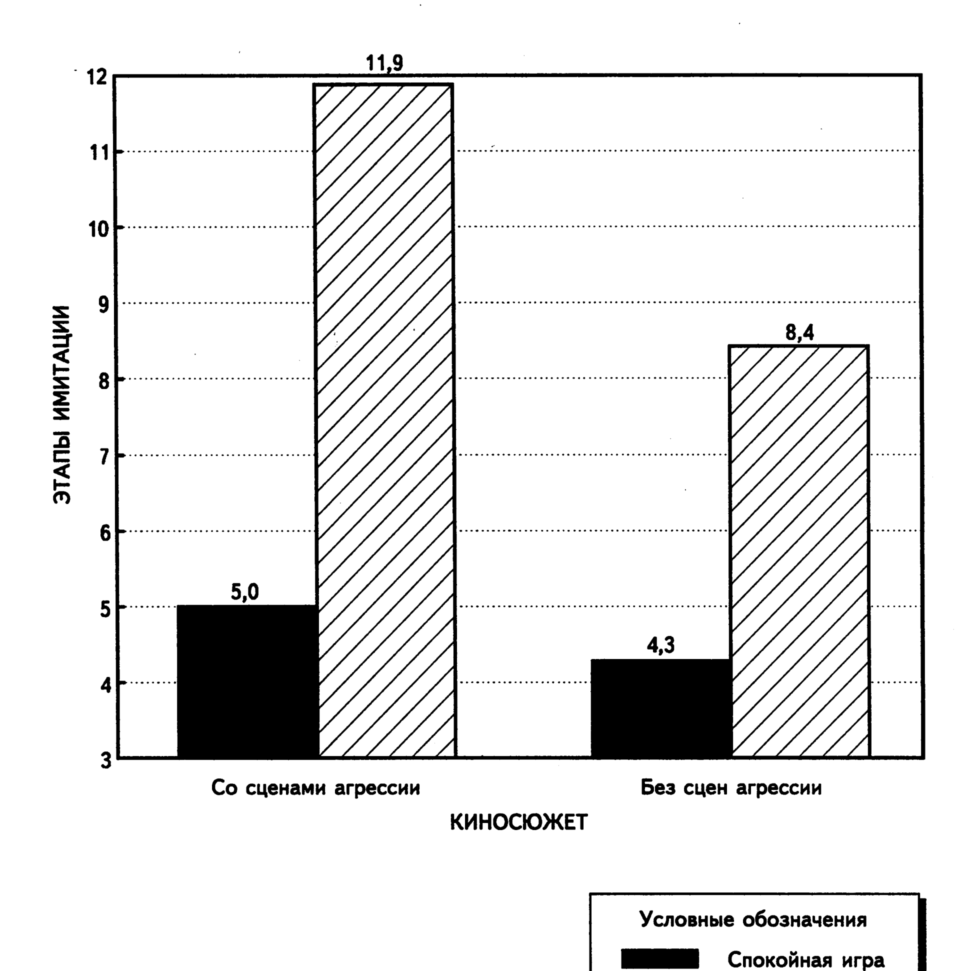

Рис. 7.5. Дети, возбужденные игрой, чаще имитируют как агрессивные, так и неагрессивные события фильма, нежели дети, не испытывающие возбуждения. *(O'Neal et al., 1977)*

испытывать меньше обеспокоенности при наличии угрозы и с большей легкостью подходить к ситуациям, которые у других вызывают опасения. В этом случае мы рассматриваем склонность к возбуждению в качестве личностного фактора, а не случайного условия, вызванного ситуацией.

Имеется немало данных, свидетельствующих о том, что для высокоагрессивных личностей не характерна *типичная* реакция на страх (Venables, 1987). Хинтон, О'Нил, Дишман и Вебстер (Hinton, O'Neill, Dishman & Webster, 1979) обнаружили (на основе кожно-гальванической реакции), что психопаты-насильники проявляют меньше преждевременной тревоги, чем нормальные субъекты. Выяснилось, что у агрессивных лиц уровень адреналина — вещества, имеющего отношение к возбуждению и тревоге, — сравнительно низок (Olweus, 1987; Woodman,

Таблица 7. 2. **Процент лиц с пониженной и нормальной реактивностью, вовлеченных в две категории преступлений**

	Насилие против незнакомцев	Преступления со смертельным исходом
Лица с пониженной реактивностью	64	62
Лица с нормальной реактивностью	20	14

Примечание: Вудман с коллегами (Woodman et al., 1978) отмечают, что лица с пониженной физиологической реактивностью на стресс совершили значительно больше преступлений против незнакомцев и преступлений со смертельным исходом, нежели лица с нормальной реактивностью. [Категории частично перекрывают друг друга.] *(На основе данных из Woodman, Hinton & O'Neill, 1978)*

Hinton & O'Neill, 1978). Таким образом, агрессивные личности отличаются меньшей реактивностью и проявляют меньше обеспокоенности, чем нормальные люди.

Вудман, Хинтон и О'Нил (Woodman, Hinton & O'Neill, 1978) сравнили выделения адреналина и норадреналина у пациентов тюремных больниц. Измерения этих секреций проводились у больных, находившихся в состоянии стресса. Выяснилось, что некоторые пациенты реагируют на стресс различными, с небольшими отклонениями, проявлениями признаков тревоги. Эти лица составили группу *с пониженной реактивностью.* Другие пациенты продемонстрировали высокий уровень физиологической реакции на стресс и составили группу *с нормальной реактивностью.* Исследователи также сообщают о том, что во время стресса у лиц с пониженной реактивностью значительно более низкие уровни адреналина и намного более высокие уровни норадреналина, чем у индивидов с нормальной реактивностью. Самым же интересным для целей нашего исследования является тот факт, что лица с пониженной реактивностью совершили против незнакомцев гораздо больше преступлений с применением насилия и преступлений со смертельным исходом, чем лица с нормальной реактивностью. Табл. 7. 2 на основе данных, полученных этими исследователями, показывает связь между насилием и физиологической реактивностью.

ВЛИЯНИЕ АГРЕССИИ НА ВОЗБУЖДЕНИЕ

Как уже упоминалось нами выше, связь между возбуждением и агрессией может быть двусторонней. Так же как возбуждение способствует проявлению агрессии, так и агрессия может повлиять на уровень физиологического возбуждения. К примеру, в соответствии с *гипотезой катарсиса,* агрессивное поведение должно не только снижать напряжение, но и уменьшать последующую агрессию. Хокансон и его коллеги провели обширную интересную программу исследований по оценке уменьшения напряжения с точки зрения гипотезы катарсиса (Hokanson, 1970). Первые этапы этой исследовательской программы показали, что агрессия ведет к понижению кровяного давления, типичному способу измерения активации симпатической системы (Hokanson & Shetler, 1961). Последующие этапы ставили своей целью определение возможных рамок этой связи, учитывая влияние типов агрессивного поведения, например, физического, вербального или воображаемого (Hokanson & Burgess, 1962a), статус экспериментатора (Hokanson & Burgess, 1962b) и возможность смещения аффекта (Hokanson, Burgess & Cohen, 1963).

Хокансон и Бергесс (Hokanson & Burgess,1962b) исследовали воздействие различных типов агрессии на артериальное давление и учащение пульса. Во время выполнения испытуемыми задания по счету экспериментаторы одних из них прерывали (состояние *высокой фрустрации*), а другим давали возможность довести счет до конца (состояние *низкой фрустрации*). Затем участники эксперимента имели возможность выразить агрессию физическим способом (путем нанесения удара электрическим током по экспериментатору), вербальным (давая оценку экспериментатору) или воображаемым (создавая воображаемую картину в соответствии с картой раздражителей TAT). Контрольная группа испытуемых не имела возможности выразить агрессию. Если гипотеза катарсиса верна, то лица, имеющие возможность выразить агрессию, должны проявлять одинаковые уровни физиологического возбуждения до фрустрации и после агрессии. Это означает, что повышение возбуждения, сопровождающее фрустрацию, должно сменяться нефрустрационными уровнями, когда субъекты имеют возможность выражать агрессию. Как видно из рис. 7. 6, гипотеза катарсиса нашла свое отражение только у тех лиц, которые имели в своем распоряжении средства физического или вербального выражения агрессии. Субъекты, не имевшие возможности для выражения агрессии или выражавшие ее воображаемым путем, по окончании эксперимента имели более высокое артериальное давление, чем до фрустрации.

Результаты Хокансона и Бергесса совпадали с данными других исследований по теории катарсиса. Изучив целую серию работ, Хокансон (Hokanson, 1970) пришел к заключению, что, несмотря на наличие данных, свидетельствующих об уменьшении агрессии в специфических условиях, существуют определенные ситуации, когда агрессия не имеет ослабляющего эффекта — если агрессия воображаемая или если объект имеет высокое общественное положение.

Хокансон с коллегами решили затем выяснить, может ли неагрессивная реакция способствовать уменьшению напряжения (Hokanson & Edelman, 1966). Они провели эксперименты, во время которых испытуемые реагировали на межличностный конфликт агрессивно или по-дружески, и обнаружили, что мужчины при агрессивном реагировании быстрее приходили в себя в физиологическом плане, а у женщин возбуждение при дружеской реакции снижалось быстрее, чем при агрессивной. Более того, они продемонстрировали обязательное снижение возбуждения, независимо от того, какая реакция оказалась выгодной во время межличностной провокации (Hokanson, Williers & Koropsak, 1968). Давая объяснения результатам этих экспериментов языком теории научения, а не теории Фрейда, Хокансон (Hokanson, 1970) отмечает: «Результаты ясно показывают, что открытая агрессия отнюдь не означает неизбежного снижения физиологического напряжения или уменьшения последующей агрессии. Данные... наводят на мысль, что только в тех случаях, когда агрессия воспринимается как своеобразная форма инструментального поведения по отношению к конкретному объекту, она действительно сопровождается снижающими напряжение сопутствующими обстоятельствами».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Похоже, агрессия и возбуждение находятся в тесной взаимосвязи — *при очень специфичных обстоятельствах*. Возбуждение ведет к усилению агрессии, когда

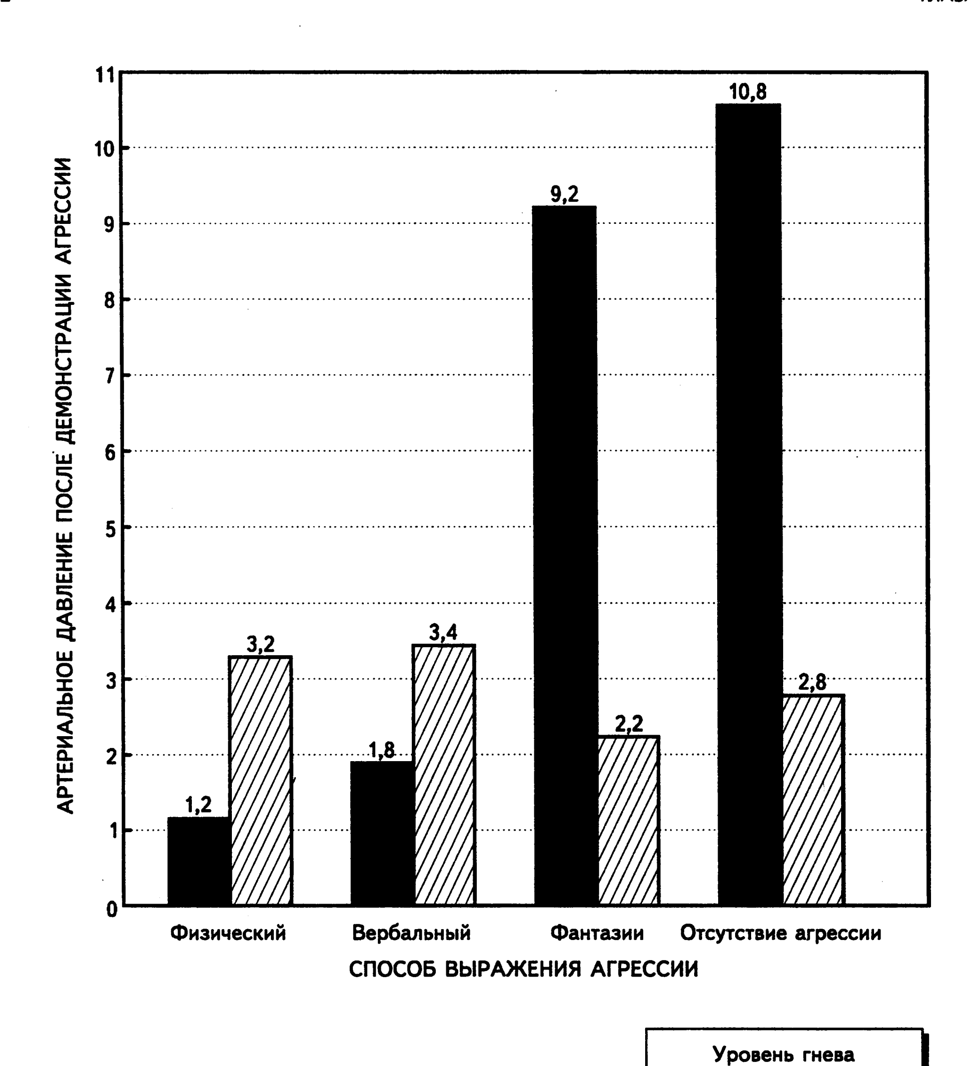

Рис. 7. 6. Субъекты, имевшие возможность физического или вербального выражения агрессии, демонстрировали снижение возбуждения. Те же лица, которые не имели возможности выразить агрессию, переживая ее только в воображении, продолжали демонстрировать высокие уровни возбуждения и в конце опыта. *(Hokanson & Burgess, 1962)*

индивиды источником своего возбуждения считают провокации со стороны объекта и когда их доминантной, преобладающей реакцией на провокации является агрессия. Лица с повышенной реактивностью склонны прибегать к агрессии значительно чаще, нежели их менее возбуждающиеся собратья. Агрессия ведет к понижению возбуждения, когда индивиду становится известно, что агрессия явля-

ется выгодной реакцией на провокацию. И вновь выходит, что природа доминантной реакции имеет важное значение, поскольку ведет к уменьшению напряжения во время межличностного провоцирования.

В целом, отношения между возбуждением и агрессией служат доказательством утверждения о наличии взаимодействия между научением и биологией в определении агрессивного поведения. Несмотря на то что возбуждение при определенных обстоятельствах может привести к агрессии, эти обстоятельства определяются опытом человека. Подобным же образом, хотя агрессия может привести к уменьшению физиологического возбуждения, эта связь зависит от опыта человека относительно соответствующих реакций на провокацию. Представление о наличии взаимосвязи между природой и воспитанием упоминалось в каждом разделе данной главы. Это означает, что биологические процессы, на которых кто-то может сфокусировать все свое внимание, несомненно, связаны с опытом и окружением в становлении агрессивного поведения.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО БИОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ

Излишняя увлеченность биологическими детерминантами агрессивного поведения может объясняться желанием найти «легкий» способ решения проблемы человеческой агрессивности. В обзоре научно-исследовательской литературы о биологических подходах к вопросу контроля человеческой агрессии Брайен (Bryant, 1964) предостерегает против склонности переоценивать такие решения и указывает на связанные с этим три основные проблемы: 1) «искажение истины»; 2) «ложные ожидания»; 3) «опасения, которые нелегко преодолеть». Мы коснемся каждого из этих вопросов, подытоживая рассмотрение материала, затронутого в данной главе.

«ИСКАЖЕНИЕ ИСТИНЫ»

Как отмечалось нами в заключении чуть ли не каждого раздела этой главы, несмотря на наличие фактов, подтверждающих существование биологических основ агрессивного поведения, эти основы действуют только в контексте социального окружения, то есть мы только тогда разберемся в природе агрессивного поведения, когда будем учитывать как биологические, так и социальные факторы. Например, Хинтон (Hinton, 1981b) утверждает, что

> *«...назрела необходимость в проведении более комплексных исследований воспитания детей и влияния этого воспитания на гормоны, психофизиологические реакции и последующее поведение. Несмотря на то что генетические факторы имеют большое значение и могут в немалой степени сказываться во время первичного воспитания, осуществляемого родителями, обращение с детьми с самого раннего возраста (например, использование физического насилия или чрезмерная опека) играет важнейшую роль в становлении биологических факторов, имеющих отношение к тому типу преступного поведения, который они усваивают впоследствии, принимая при этом во внимание соответствующее окружение и обстоятельства их последующей жизни».*

«Искажение истины» — это лишь вопрос о том, до какой степени тот или иной ученый или непрофессионал опирается *только* на биологические факторы при попытке понять природу человеческого агрессивного поведения. Хотя надежда найти такие легкие решения вызывает немалое искушение, полученные в результате научных исследований факты не дают оснований для подобного подхода.

«ЛОЖНЫЕ ОЖИДАНИЯ»

Как уже отмечалось ранее, увлеченность биологическими детерминантами объясняется надеждой на возможность создания более спокойного, менее насильственного мира. Но в основе всего лежит вопрос: является ли агрессия биологической или же социальной проблемой? Хотя можно признать, что биологические факторы лежат в основе некоторых видов преступной деятельности, трудно отнести все возрастающие уровни проявления насилия в городах к основополагающим биологическим процессам. Биологические механизмы действуют на уровне индивида; проблема же банд насильников затрагивает сложные социальные факторы. Ясно, что неуместно решать проблему насилия, осуществляемого преступными бандами, путем проведения трепанации черепа или лечения андрогенными препаратами молодых уголовников. Единственно возможным решением подобной проблемы является скорее социальный, нежели биологический подход.

«ОПАСЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА»

Явная легкость биологического решения проблемы насилия вызывает опасения по этическим и политическим причинам. Если прибегать к биологическому вмешательству, то кто будет подвергаться подобному лечению и кто будет принимать решения? А не вызовет ли технологический процесс, облегчивший черепную хирургию и сделавший ее более точной, панику среди граждан, которые боятся быть отобранными для подобного «лечения»? Тем не менее мы не можем отрицать, что стремление и возможность использования биологических средств контроля за человеческим поведением затрагивает целый комплекс политических и этических проблем, к которым стоит обратиться *до того*, как подобное биологическое вмешательство станет свершившимся фактом.

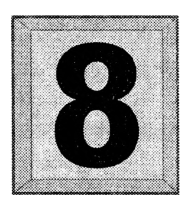
РЕЗЮМЕ

В этой главе мы попытались уяснить себе, какое отношение к внешним проявлениям агрессии имеют различные биологические процессы и нейроструктуры. Мы ознакомились с фактами, свидетельствующими о *наследуемости* агрессии, и пришли к выводу, что, несмотря на то что в некоторых случаях, действительно, можно говорить о наследуемой склонности к *криминальному поведению*, это отнюдь не означает, что агрессия как таковая просто передается из поколения в поколение. *Половые гормоны*, и особенно тестостерон, в какой-то степени, действительно, «замешаны» в преступлениях, связанных с применением насилия. Однако спе-

циальные исследования показали, что степень их влияния довольно ограниченна. Более того, есть все основания думать, что и механизм наследования предрасположенности к агрессии, и механизм влияния половых гормонов на степень агрессивности человеческого поведения могут иметь общую природу. То есть не исключено, что существуют некие биологически детерминированные личностные характеристики или диспозиции (например, потребность в повышенном уровне эмоциональной стимуляции, стремление к доминированию), которые и создают видимость существования тесной взаимосвязи между гормонами и агрессией или склонности к криминальному поведению как черты фамильного сходства. Хотя в свое время возможность существования связи между *половыми хромосомами* и агрессивным поведением была предметом бурных дискуссий, обзор литературы показывает, что если такая связь и существует, то она весьма слаба. Гораздо вероятней, что любая ассоциация между половыми хромосомами и агрессивным поведением при ближайшем рассмотрении может оказаться следствием недостаточного интеллектуального развития, которые нередко сопутствуют аномалиям половых хромосом.

Различные структуры *нервной системы* и протекающие в них процессы также оказывают серьезное влияние на человеческое поведение. Так, наши эмоциональные переживания органически взаимосвязаны с функционированием *лимбической системы*, и в особенности гипоталамуса и миндалевидного тела; *лобные доли коры головного мозга*, которые у человека отличаются обширностью и сложным устройством, отвечают за сложные когнитивные процессы, в частности за опознание той или иной ситуации как содержащей угрозу и за выбор реакции в ситуации, опознанной таким образом. В ведении *симпатической нервной системы* находится наша готовность «драться или удирать»: именно эта нейроструктура, по достижении организмом определенного уровня физиологического возбуждения, производит запуск механизма агрессивного реагирования. Впрочем, существуют данные, свидетельствующие о том, что реактивность симпатической нервной системы имеет индивидуальный характер, и потому в угрожающей ситуации одни лица испытывают большее, а другие меньшее возбуждение.

Иначе говоря, всегда нужно иметь в виду, что биологические процессы протекают в социальном контексте. То есть внешняя среда влияет на неврогенные связи, внутренние биологические процессы в значительной степени предопределяют характер наших реакций на средовые воздействия, и правильней было бы говорить не о решающем влиянии биологических либо, наоборот, социальных факторов как детерминант агрессии, а признать, что на агрессию действуют оба типа факторов и что биология и окружающая среда оказывают взаимное влияние друг на друга.

АГРЕССИЯ В ЕСТЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В последних двух главах мы обратимся к исследованиям, объектом которых является непосредственное участие индивида в ситуациях агрессивного поведения. В данной главе мы рассмотрим проблематику «реального мира», представление о которой можно получить с помощью экспериментальных исследовательских методик. В последней же главе обсудим высказывания социологов по вопросам контроля агрессивного поведения.

Проблемы, которые мы рассмотрим в данной главе, имеют отношение к некоторым аспектам агрессивного поведения в естественных условиях (то есть в «реальном мире»). Мы обсудим следующие вопросы: какие наркотические вещества заставляют людей вести себя агрессивно? Какие факторы способствуют проявлению сексуальной агрессии? В какой степени порнография влияет на возникновение агрессии по отношению к женщинам? Способствует ли участие в спортивных соревнованиях или наблюдение за выступлениями спортсменов росту агрессии? Когда межличностный конфликт перерастает в агрессивные выпады по отношению друг к другу?

Вполне возможно, что вы можете предложить исследователям агрессии гораздо более длинный список социальных проблем (например, жестокое обращение с супругой (супругом), преступные деяния). Из-за такого обилия мы вынуждены ограничить наш обзор и рассмотреть лишь те вопросы, которые напрямую связаны с основной темой данного исследования и наиболее часто обсуждаются в социологической и психологической литературе. Конечно, и в других областях науки накоплены данные исследований, связанных с проблемами агрессии, но, несмотря на то, что этот опыт, несомненно, представляет ценность для читателя, заинтересовавшегося этой темой, для подобного обзора в нашей книге просто не хватило бы места.

НАРКОТИКИ

Любой человек, когда-либо выпивавший перед едой несколько рюмок спиртного, принимавший по предписанию врача сильный транквилизатор или болеутоляющее средство или пытавшийся сохранить в ночь перед важным экзаменом ясную голову с помощью возбуждающих средств, знает по личному опыту, что стимуляторы оказывают мощное воздействие на поведение. И действительно, пользуясь подобными средствами, люди зачастую оказываются в состоянии изменить свой способ восприятия реальной действительности, поднять или понизить уровень активности и даже изменить свои представления об окружающем мире. Несмот-

ря на полученные данные о том, что различные вещества, включая никотин (Cherek, 1984) и амфетамины (Beezley, Gantner, Bailey & Taylor, 1987), усиливают или ослабляют агрессию, лабораторные исследования ограничиваются изучением влияния алкоголя и марихуаны.

АЛКОГОЛЬ

Алкоголь длительное время считался раскрепощающим средством или стимулятором агрессивных действий. Здравый смысл подсказывает, что пьянство повышает шансы быть втянутым во враждебные взаимоотношения. Кроме того, люди, совершающие преступления с применением насилия, часто находятся в этот момент под влиянием алкоголя (Gerson & Preston, 1979; Mayfield, 1976; Roslund & Larson, 1979; Shupe, 1954). Даже жертвы преступлений могут быть в состоянии опьянения во время инцидента (Miller, Downs & Gondoli, 1989; Muehlenhard & Linton, 1987).

Экспериментальное исследование влияния алкоголя на агрессивное поведение включало в себя разнообразные методики. Однако, независимо от подхода исследователей, результаты были всегда одни и те же — даже небольшая доза алкоголя ведет к повышению агрессивности (Boyatzis, 1974; Cherek, Steinberg & Manno, 1985; Gustafson, 1986; Richardson, 1981).

И тип спиртного напитка, и доза принятого алкоголя в значительной степени влияют на выход агрессии вовне (Bushman & Cooper, 1990). Тэйлор и Гаммон (Taylor & Gammon, 1975), например, обнаружили, что незначительные дозы (15 г водки или бурбона на каждые 16 кг веса тела) сдерживают агрессию, в то время как большие дозы (50 г этих напитков на каждые 16 кг веса тела) способствуют ее проявлению. Они также сообщают, что водка в большей степени способствует осуществлению агрессивных выходок, нежели бурбон. Другие исследователи отмечают более сильное влияние очищенных напитков (например, ликера), чем вина или пива (Gustafson, 1988a, 1988b, 1990; Murdoch & Pihl, 1988; Pihl, Smith & Farrell, 1983).

Однако следует отметить, что не всегда даже сравнительно большие дозы алкоголя будут способствовать агрессии. Более того, подобное воздействие, похоже, происходит только в тех случаях, когда потенциального агрессора каким-либо образом провоцируют или подстрекают (Richardson, 1981; Taylor & Sears, 1988; Taylor, Schmutte & Leonard, 1977; Taylor, Schmutte, Leonard & Cranston, 1979). Тэйлор, Гаммон и Капассо (Taylor, Gammon & Capasso, 1976) провели исследование, однозначно подтвердившее, что в ситуациях, представляющих угрозу, алкоголь способствует росту агрессии. Университетские студенты, одна группа которых выпивала специальный «коктейль», состоявший из имбирного эля и мятного масла (экспериментальные условия — *отсутствие алкоголя*), а другая — точно такой же коктейль, но с добавлением алкоголя, соревновались в выполнении заданий, где выигравший определялся по показателю «время реакции». При этом каждый проигравший один тур получал удар током от победителя. Степень угрозы в ситуации регулировалась еще до начала самого задания путем обмена информацией между испытуемым и экспериментатором, то есть если экспериментальные условия требовали *отсутствия угрозы*, потенциальный испытуемый признавался, что не желает причинять боль другому испытуемому и будет

выбирать для наказания разряды электрического тока наименьшей мощности. Если экспериментальным условием было *наличие угрозы,* общение между объектом и экспериментатором отсутствовало; исследователи были убеждены в том, что экспериментальная ситуация сама по себе представляла угрозу. Независимо от наличия или отсутствия общения, испытуемый во время выполнения задания получал электрические разряды небольшой мощности. Таким образом, разница между двумя условиями эксперимента заключалась лишь в том, что в одном случае испытуемому передавали сообщение; уровень же провокации в обоих случаях был одинаковым. Как видно из рис. 8. 1, алкоголь не способствовал проявлению агрессии, за исключением тех случаев, когда в соответствии с экспериментальными условиями ситуация содержала угрозу для испытуемого.

Шмутте, Леонард и Тэйлор (Schmutte, Leonard & Taylor, 1979) изучили предположение, вытекающее из работы Тэйлора, Гаммона и Капассо (Taylor, Gammon & Capasso, 1976), что люди в состоянии алкогольной интоксикации более агрессивно относятся к своим оппонентам, нежели трезвые. Во время этого исследования испытуемые, и принимавшие, и не принимавшие алкоголь по условиям эксперимента, подобно студентам в исследовании Тэйлора и др. (Taylor et al., 1976), сообщали, разряда какой мощности они ожидали от объекта в начале эксперимента. Как и ожидалось, лица, выпившие спиртное, ожидали получить разряд гораздо большей мощности, чем испытуемые, выпившие напиток, имитировавший алкоголь.

Модели воздействия алкоголя на агрессивность поведения

Несколько исследователей предложили модели объяснения механизма влияния алкоголя на агрессивность поведения (Gibbs, 1986; Pernanen, 1976; Steele & Southwick, 1985; Taylor & Leonard, 1983). Хотя между моделями существует незначительная разница, все они подтверждают, что алкоголь не является *непосредственной* причиной агрессивного поведения. Он скорее попадает в резонанс или усугубляет ситуационные детерминанты агрессии. Эти модели влияния алкоголя на агрессивность поведения получили название *моделей взаимодействия,* или *моделей когнитивной дезинтеграции*.

Вообще же считается, что алкоголь разрушает комплексные когнитивные процессы, необходимые для подавления агрессивной реакции на соответствующие раздражители, то есть для того, чтобы ответ на угрозу, в отличие от импульсивных агрессивных реакций, не являл собой агрессию, функционирование когнитивных процессов должно осуществляться на более высоком уровне. Человек, находящийся под влиянием алкоголя, не в состоянии задействовать те механизмы когнитивных процессов, которые позволяют сформировать неагрессивную реакцию, поэтому отвечает более агрессивно.

Существует немало данных, свидетельствующих о том, что алкогольная интоксикация снижает способность справляться с довольно несложными задачами, решение которых требует участия основных психических процессов и интеграции информации (например, концентрация внимания одновременно на нескольких различных раздражителях, память, решение сложных проблем). Поскольку в состоянии опьянения тяжелее одновременно воспринимать разнообразные раздражители и переключать внимание с одного информационного источника на другой, человек будет обращать внимание лишь на некоторые аспекты общей ситуации.

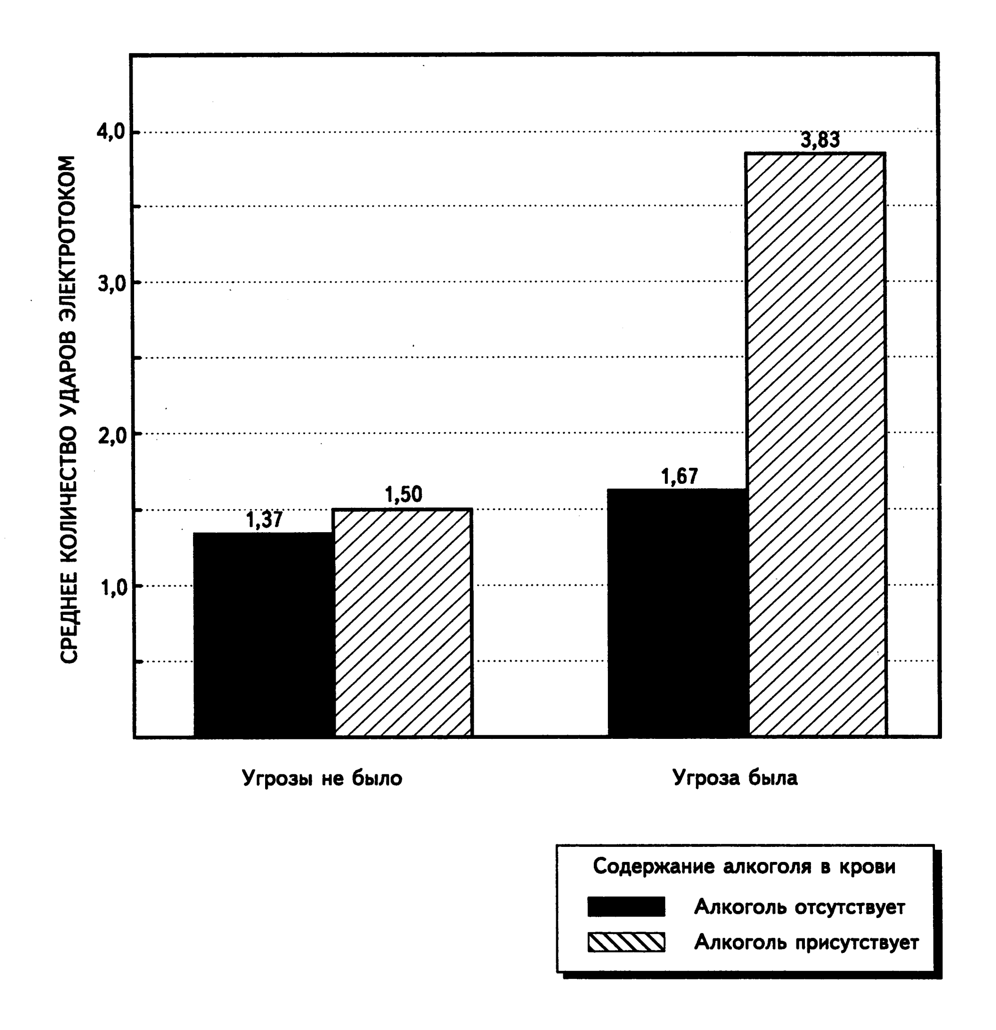

Рис. 8. 1. Воздействие алкоголя на агрессивное поведение может зависеть от степени угрозы, которую представляет ситуация. Тэйлор, Гаммон и Капассо (Taylor, Gammon & Capasso, 1976) обнаружили, что люди в состоянии опьянения ведут себя агрессивнее трезвых, только когда им угрожают.

Наличие множества сигналов, поступающих по разнообразным каналам, как вербальным, так и не вербальным, характерно для большинства межличностных взаимодействий. Тэйлор и Леонард (Taylor & Leonard, 1983) предположили, что люди в состоянии опьянения, столкнувшись со множеством информационных сигналов, сосредоточивают внимание на самых очевидных аспектах ситуации. Учитывая, что основным побудительным мотивом, присущим человеческому существу, является самозащита, неудивительно, что люди концентрируют внимание на возможной угрозе, которую содержит в себе ситуация. Таким образом, наличие угрозы является, вероятно, тем сигналом, который пьяный человек, неспособный задействовать когнитивные процессы для подавления агрессивных реакций, улавливает прежде всего и на который отвечает агрессией.

Способы контролирования агрессии у человека в состоянии алкогольного опьянения

Тэйлор с коллегами (Bailey, Cranston & Taylor, 1983; Jeavons & Taylor, 1985; Taylor & Gammon, 1976) провели целую серию исследований, направленных на выявление способов разрушения последовательности алкоголь — когнитивные процессы — агрессия, с целью изыскания возможностей контроля над агрессивным поведением в состоянии опьянения. Полученные результаты помимо обнадеживающих подтверждений о возможности такого контроля дали дополнительный материал, вписывающийся в концепцию модели когнитивной дезинтеграции, представленной выше. В своих экспериментах исследователи попытались уменьшить интенсивность спровоцированных алкоголем проявлений агрессии путем усиления *неагрессивных* сигналов в ситуации. Во время эксперимента, проведенного Тэйлором и Гэммоном (Taylot & Gammon, 1976), испытуемые в одном случае имели дело с молчаливым наблюдателем (контрольная группа), а в другом — с человеком, подстрекавшим их выбирать для наказания оппонентов разряды электрического тока небольшой мощности, хотя сами они получали довольно чувствительные разряды (условие эксперимента — *социального давления*). Социальное давление оказалось эффективным средством подавления агрессии в межличностном взаимодействии — как при условии *принятия* испытуемыми *алкоголя*, так и в противном случае. Предположив, что алкоголь блокирует доступ к «соответствующим усвоенным нормам, запрещающим агрессию», Бейли и др. (Bailey et al., 1983) обратили внимание на влияние объективной оценки самого себя (в присутствии или отсутствии видеокамер; см. главу 5) на агрессивность реакции пьяных и трезвых испытуемых. Они обнаружили, что «трезвый» взгляд на самого себя привел к снижению агрессивности в обеих этих группах. Жаво и Тэйлор (Jeavons & Taylor, 1985) пришли к выводу, что наличие норм, в основе которых лежит однозначное неприятие агрессивного поведения, снижает агрессивность как пьяных, так и трезвых субъектов. Леонард (Leonard, 1989) позднее сообщал о том, что сигналы, которые можно было расценить как явно неагрессивные, вели к снижению агрессивности и у трезвых, и у пьяных испытуемых, но неопределенные или неоднозначные сигналы снижали агрессию только у трезвых. Все эти исследования демонстрируют эффективность таких факторов, как ориентация лиц в состоянии алкогольного опьянения на нормы, не одобряющие агрессивное поведение, или переключение внимания на не несущие угрозы сигналы.

Результаты исследований взаимосвязи алкоголя и агрессии имеют важное значение для индивидов в связи с их собствяенным поведением и реагированием на пьяных. Во-первых, алкоголь действительно повышает вероятность появления агрессивного поведения. Во-вторых, такую агрессию можно контролировать, если генерировать неагрессивные сигналы и вести себя в соответствии с порицающими агрессию нормами. Самым подходящим ответом для несчастного пьяницы мог бы быть откровенный, мирный, непровокационный разговор.

МАРИХУАНА

В отношении влияния марихуаны на агрессивное поведение существуют значительные разногласия (Abel, 1977). С одной стороны, исследователи отмечают, что

многие осужденные преступники курят марихуану. При внимательной проверке, однако, выяснилось, что наркотик скорее всего не имеет отношения к агрессии, поскольку заключенные, осужденные за ненасильственные преступления, не были в момент их совершения под влиянием наркотиков. С другой стороны, марихуана подавляет открытую агрессию, помогает достичь расслабленного, блаженного состояния, когда умы занимает отнюдь не агрессия. Данные исследований подтверждают скорее эту точку зрения, нежели утверждение, будто марихуана усиливает вероятность демонстрации агрессивного поведения.

Специально с целью определения влияния тетрагидроканнабинолов (активных ингредиентов марихуаны) на агрессивное поведение (Myerscough & Taylor, 1985; Taylor, Vardaris, Rawich, Gammon, Cranston & Lubetkin, 1976) были проведены два лабораторных исследования. Тэйлор и др. (Taylor et al., 1976) вводили мужчинам большие или малые дозы тетрагидроканнабинолов или алкоголя, после чего сообщали, что испытуемые имеют возможность наказать другого испытуемого ударом электрического тока (выполнялись задачи на определение времени реакции по Тэйлору). Хотя небольшие дозы тетрагидроканнабинолов не меняли в целом картины поведения, более значительные дозы подавляли агрессию. В свою очередь, большие дозы алкоголя вели к большей агрессии, нежели маленькие. Таким образом, результаты эмпирических исследований подтверждают предположение о том, что поведение с элементами насилия нельзя объяснять употреблением марихуаны.

СЕКСУАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ

Сообщения о распространении сексуального принуждения и сексуальной агрессии варьируются в зависимости от определения сексуального принуждения и техник, с помощью которых собираются факты. Под *сексуальным принуждением* мы понимаем любое сексуальное поведение, силой навязываемое нежелающей этого жертве. Самой крайней формой выражения сексуальной агрессии является изнасилование. Однако «более мягкие» формы сексуального принуждения, такие как насильственная ласка гениталий, тоже подходят под наше определение. Зигельман, Берри и Уайлз (Sigelman, Berry & Wiles, 1984) попросили пятьсот студентов университета ответить на вопрос, прибегали ли они к насилию, стремясь склонить своего партнера к сексу против его желания. Примерно 12% мужчин и около 2% женщин применяли силу. Приблизительно 35% студенток и около 21% студентов сообщили о том, что явились объектами подобного принуждения.

Косс, Джидис и Вишневски (Koss, Gidycz & Wisniewski, 1987) провели общенациональное исследование проблемы проявления сексуальной агрессии и сексуального преследования. Более шести тысяч студентов ответили на вопросы опросника «Сексуальный опыт», касающиеся различных сторон сексуальной агрессии, которой они могли подвергаться с четырнадцатилетнего возраста. Девушки отвечали на вопросы относительно сексуального преследования, а юноши — относительно использования силы во взаимоотношениях с женщинами. Исследователи разделили вопросы по группам в зависимости от уровня сексуальной агрессии. *Сексуальное принуждение* подразумевает половые сношения вследствие применения мужчиной силы или непрекращающегося напора с его стороны. *Попытка изнасилования* — это стремление с помощью угроз, силы, алкоголя или

наркотиков склонить к половому сношению. *Изнасилование* — это сексуальное действие, имевшее место после угроз, применения силы или употребления алкоголя или наркотиков. *Сексуальный контакт* подразумевает наличие «сексуальной игры» (например, поцелуи, ласки) под давлением уговоров, авторитета, угроз или силы. Более 50% женщин сообщили о том, что подвергались различным формам сексуальных домогательств. На основе ответов респондентов относительно пережитых ими сексуальных домогательств исследователи пришли к выводу, что 14,4% из них принудили к сексуальному контакту, 11,9% подверглись сексуальному принуждению, 12,1% — попытке изнасилования, 15,4% — изнасилованию. Более 25% мужчин, принимавших участие в опросе, признались, что тоже подвергались различным формам сексуальной агрессии.

В этом разделе мы рассмотрим факторы, имеющие отношение к проявлениям сексуальной агрессии. Психологов-исследователей с научной точки зрения больше всего интересовали личностные характеристики правонарушителей (то есть установки, личность, окружение), а также употребление алкоголя агрессором и/или его жертвой. Влияние же эротики/порнографии будет рассматриваться в следующем разделе.

ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕКСУАЛЬНОГО АГРЕССОРА

Значительная часть исследований была посвящена рассмотрению личностных черт (то есть личностных характеристик, установок), присущих мужчинам, склонным к сексуальной агрессии. Хотя исследователи рассматривали самые разнообразные индивидуальные факторы, полученные ими результаты довольно схожи и позволяют нарисовать портрет и дать установочные характеристики сексуально агрессивного мужчины. Следует отметить, что работы, рассматриваемые нами в этом разделе, не затрагивают *осужденных насильников*. Точнее, полученные данные основываются на показаниях «нормальных» студентов университета, прибегавших к силе, чтобы склонить женщин к неприятной для них форме сексуальной активности.

Наиболее характерным личностным фактором сексуальной агрессии, если судить по показаниям опрошенных, является *агрессивность*. Например, мужчины, получившие высокие баллы по шкалам «агрессивность» и «доминантность», также признавались в том, что прибегали к силе во время сексуальных отношений (Greendlinger & Byrne, 1987; Lisak & Roth, 1988; Petty & Dawson, 1989). На языке характеристики установок убеждение в необходимости использования силы или принуждения, особенно во время сексуальных взаимоотношений, имеет прямое отношение к сексуальной агрессии (Kiss, Leonard, Beezley & Oros, 1985; Mosher & Anderson, 1986; Stets & Pirog-Good, 1989). Мужчины, склонные к применению силы в сексуальных взаимоотношениях, по их признаниям, верят во все мифы об изнасилованиях (Warshaw & Parrot, 1991).

Маламут (Malamuth, 1988) провел исследование для определения переменных, которые дали бы возможность прогнозировать агрессию мужчины по отношению к женщинам. Он отобрал переменные, имеющие отношение к сексуальной агрессии в естественных условиях: «сексуальное возбуждение, приводящее к агрессии; стремление к доминированию; установки, оправдывающие агрессию против женщин, и личностные характеристики, считающиеся антисоциальными». Ис-

следователь предположил, что указанные переменные будут лучше работать при составлении прогноза агрессии, если ее объектом будет женщина, нежели мужчина. Данные были получены в результатае трех независимых экспериментов: 1) испытуемых просили заполнить опросники с целью констатации особенностей отдельной личности и характеристик присущих установок (приведенных выше); 2) были произведены объективные (с использованием аппаратуры) и субъективные (самоотчет) замеры сексуального возбуждения во время просмотра испытуемыми изображений сексуального характера, которые различались наличием или отсутствием насилия; 3) испытуемым давали возможность издавать вызывающие отвращение звуки, адресовав их объекту (мужчине или женщине) в качестве наказания за неправильные ответы во время проведения эксперимента на экстрасенсорное восприятие (таким образом измерялась агрессия). Все переменные, за исключением полоролевых стереотипов, в значительной степени коррелировали с агрессией по отношению к женщинам и ни одна не коррелировала с агрессией по отношению к мужчинам. Обратив внимание на то, что лабораторные измерения агрессии соотносятся с данными, нашедшими свое отражение в сообщениях по сексуальной агрессии, Маламут предположил, что общая агрессивность, видимо, связана с сексуальной агрессией. Он пишет, что его данные

> *«... свидетельствуют о верности предположения... что различные проявления агрессии против женщин, включая проявление агрессии в лабораторных условиях и сексуальную агрессию в естественных условиях, связаны с привычными, но не лежащими на поверхности факторами, такими как установки, допускающие насилие по отношению к женщинам; стремление к доминированию; антисоциальные личностные характеристики и сексуальное возбуждение, ведущее к агрессии».*

АЛКОГОЛЬ И СЕКСУАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ

Кроу и Джордж (Crowe & George, 1989) утверждают, что «алкоголь считается средством обольщения, мерилом зрелости, вдохновителем сексуальной раскованности и способом скинуть оковы социальной сдержанности». Таким образом, нас не должно удивлять то обстоятельство, что люди могут выпить, прежде чем начнут заниматься сексом. И действительно, хотя причинная взаимосвязь не совсем ясна, результаты некоторых исследований свидетельствуют о том, что преступник и/или его жертва зачастую выпивали до совершения изнасилования (Muehlenhard & Linton, 1987; Russell, 1982; Scully & Marolla, 1984).

В лабораторных условиях прямая связь между сексуальной агрессией и принятием алкоголя не изучалась: это невозможно по этическим причинам. Поэтому, чтобы установить косвенную связь, нам следует опираться на результаты уже проведенных исследований, изучавших влияние алкоголя на поведение. Существуют два возможных подхода к этому вопросу: 1) выяснить, какое влияние алкоголь оказывает на агрессию по отношению к женщинам; 2) узнать о влиянии алкоголя на сексуальное возбуждение.

Влияние алкоголя на агрессию по отношению к женщинам

Лабораторные исследования, изучающие влияние самой жертвы сексуальных притязаний на агрессивное поведение, показывают, что мужчины в целом относятся к

женщинам менее агрессивно, чем к мужчинам. Это объясняется мужской сдержанностью, порожденной «рыцарскими» установками. Как отмечалось нами в главе 4, при некоторых условиях подобное рыцарское поведение может сойти на нет, а мужская агрессивность, напротив, возрастет. Ричардсон (Richardson, 1981) утверждает, что алкоголь может быть существенным фактором, ослабляющим сдерживающие начала. Она провела эксперимент, во время которого одна половина испытуемых мужчин выпивала напиток, содержащий *алкоголь*, а другая — коктейль *плацебо*. Кроме того, часть испытуемых подвергалась *вербальной провокации* со стороны женщины (помощницы экспериментатора) во время своеобразного «знакомства» с нею — сперва она просила мужчин рассказать что-нибудь из своей жизни, а выслушав, заявляла, что у них идиотские представления. В отношении других испытуемых никаких отрицательных замечаний с ее стороны не было. Затем, во время выполнения заданий на время реакции, испытуемые имели возможность нанести удар током непосредственно этой женщине. Выпившие спиртное мужчины реагировали более агрессивно, нежели трезвые. Несмотря на то что испытуемые, заполнявшие после эксперимента опросник, подчеркивали, что им не понравились словесные выпады женщины, эта переменная не оказала никакого влияния на их фактическое агрессивное поведение. Исследование, проведенное Ричардсон (Richardson, 1981), не говорит о наличии прямого влияния алкоголя на изнасилование, но вполне подтверждает, что изнасилование есть выражение сексуальной *агрессии*. Фактически полученные результаты можно рассматривать как подтверждение традиционного представления о том, что алкоголь влияет на агрессию мужчин по отношению к женщинам, и вот почему: 1) люди менее склонны причинять вред незнакомцам, чем тем, кого они знают, а в данном случае объектом агрессии служила незнакомка; 2) испытуемых, возможно, сдерживало также то обстоятельство, что они совершали поступки на публике (на глазах у экспериментатора).

Влияние алкоголя на сексуальное возбуждение

Исследуя влияние алкоголя на сексуальное возбуждение, Кроу и Джордж (Crowe & George, 1989) пришли к заключению, что «алкоголь способствует более быстрому возникновению сексуального возбуждения на психологическом уровне и подавляет физиологическую реакцию». Таким образом, лица в состоянии опьянения могут чувствовать сексуальное возбуждение, но их тела могут быть не в состоянии совершить половой акт. Психологический аспект сексуального возбуждения имеет наиболее существенное значение для нашего понимания роли алкоголя в случаях сексуальной агрессии, то есть индивид, испытывая сексуальное возбуждение, скорее всего будет вести себя в соответствии с ощущаемой им необходимостью сексуальной деятельности, независимо от готовности к ней соответствующих частей тела.

Научная литература, посвященная этой теме, указывает на важное значение *ожиданий* эффекта от потребления алкоголя. Это означает, что уверенность человека в том, что он принял алкоголь, имеет для характера сексуальной активности гораздо большее значение, нежели реальный уровень опьянения. Например, Ланг, Серлз, Лауэрман и Адессо (Lang, Searles, Lauerman & Adesso, 1980) утверждают, что, будучи уверенным в том, что он выпил спиртное, человек с большим интересом разглядывает порнографические снимки. Джордж и Марлатт (Geor-

ge & Marlatt, 1986) обнаружили, что лица, знающие наверняка, что они приняли алкоголь, значительно дольше рассматривали стимульный материал эротического, садистского и эротико-садистского толка, нежели те, кто был уверен в том, что не пили спиртное.

Бридделл, Римм, Кэдди, Кравитц, Шолис и Вундерлин (Briddell, Rimm, Caddy, Krawitz, Sholis & Wunderlin, 1978) провели эксперимент, во время которого манипулировали такими переменными, как принятие алкоголя и ожидание эффекта от алкогольного опьянения. Половина испытуемых мужчин была убеждена в том, что они принимали алкоголь, а другая — в том, что не принимали. Вне зависимости от убеждений испытуемых, половина группы действительно выпивала спиртное, а другая половина — нет. Затем участникам эксперимента показывали озвученный эротический видеофильм, в котором демонстрировались половой акт, совершаемый с обоюдным удовольствием, изнасилование или агрессия несексуального характера в садистских сценах. Потом следовало измерение физиологического возбуждения (уровня эрекции члена) и психологического возбуждения (сообщения испытуемых о переживаемом возбуждении). Ожидание эффекта от принятия алкоголя влияло как на физиологическое, так и на психологическое возбуждение. У лиц, убежденных в том, что они выпили спиртное, уровень физиологического возбуждения был выше, особенно если при этом ими смотрелись пленки со сценами изнасилования и садизма. Эффект от реально принятого алкоголя нашел свое отражение только в сообщениях испытуемых о возбуждении, причем у тех, кто принял спиртное, уровень возбуждения был выше, нежели у лиц, не принимавших алкоголя. Бриддел и другие (Briddel & others, 1978) отмечают, что модели сексуального возбуждения у группы выпивших людей нормальной гетеросексуальной ориентации аналогичны моделям сексуального возбуждения, изученным у насильников. Они предположили, что ожидание эффекта от выпивки позволяет человеку найти оправдание для поведения, неприемлемого в обычных условиях.

Модель влияния алкоголя на сексуальную агрессию

Модель, которой мы воспользовались для объяснения влияния алкоголя на социальное поведение в целом, вполне приемлема и для случаев сексуальной агрессии. Кроу и Джордж (Crowe & George, 1989) пояснили, как действуют подобные модели в случае сексуальной агрессии, вызванной принятием алкоголя. Возможно, рамки, сдерживающие сексуальную агрессию, не позволяют вести себя подобным образом, пока «они в значительной степени не подтачиваются, например, мифами об изнасиловании или уверенностью в том, что алкоголь может служит оправданием для подобного поведения». Однако ослабление сдерживающих начал относительно сексуальной агрессии позволяет в дальнейшем «с легкостью преодолевать их, поскольку алкоголь разрушает сдерживающие рамки в целом». Таким образом, ожидание эффекта от принятия алкоголя и действительное его влияние могут привести к сексуальной агрессии.

Ричардсон и Хэммок (Richardson & Hammock, 1991) предложили для рассмотрения целостной картины влияния алкоголя на повышение вероятности проявления сексуальной агрессии следующую схему:

«В соответствии со схемой изнасилования знакомыми или на свидании, мужчина может улавливать самые разнообразные посылы к агрессии. Он может ожидать

осуществления определенной сексуальной активности и эффекта от принятия алкоголя; женщина скорее всего будет относиться к мужчине тепло и по-дружески, что вполне естественно для ситуации свидания. Когда же он начнет проявлять сексуальную активность, к которой она не готова, ее первые проявления недовольства будут едва уловимыми (например, она будет отодвигаться или отстранять от себя его руки). Если же мужчина пьян, он вряд ли адекватно истолкует эт сдерживающие намеки и, вероятно, будет реагировать на более явные провоцирующие посылы (зачастую созданные его собственным воображением). Его неспособность в подобной ситуации переработать информацию, поступающую от множества раздражителей, может увеличить вероятность применения им силы или какой-либо формы принуждения. Эта ситуация может стать еще более провоцирующей, если женщина тоже пьяна, потому что она с трудом будет понимать его намеки и осознавать его намерения и поэтому менее явно проявлять признаки недовольства, с помощью которых возможно охладить пыл мужчины».

Таким образом, алкоголь может способствовать вероятности возникновения сексуальной агрессии.

ВЛИЯНИЕ ПОРНОГРАФИИ НА АГРЕССИЮ

В главе 7 мы рассмотрели связь между физиологическим возбуждением и агрессивным поведением. Одной из форм возбуждения, представляющих особый интерес для исследователей, является сексуальное возбуждение, возникающее как реакция на эротические стимулы. В научной литературе существует два традиционных подхода, каждый из которых являет собой попытки осветить две различные группы вопросов относительно связи эротики и агрессии. Проблему, рассматриваемую сторонниками первого подхода, можно сформулировать следующим образом: является ли сексуальное возбуждение особым родом возбуждения и влияет ли оно на агрессию аналогично физиологическому возбуждению в широком понимании этого термина (Zillman, Bryant, Comisky & Medoff, 1981). К проблеме, входящей в область интересов сторонников второго подхода, относится осознание факторов, имеющих отношение к этой специфической социально-межличностной проблеме, то есть приверженцы данного направления изучают специфические случаи влияния эротики на совершение насилия по отношению к женщинам. Этих исследователей интересует, в какой степени насилие против женщин находится под влиянием эротического или порнографического материала.

В этом разделе мы рассмотрим оба подхода к изучению связи эротики и агрессии. Поскольку подход, который мы обозначили как первый, появился раньше и послужил основой для второго, мы начнем с обзора литературы, посвященной именно ему.

ВЛИЯНИЕ ЭРОТИКИ НА АГРЕССИЮ: СПОСОБСТВУЕТ ИЛИ ПОДАВЛЯЕТ?

Основная масса экспериментов, которые проводили исследователи «первой волны», имела в своей основе единую схему. Мужчины-испытуемые имели возможность адресовать аверсивные стимулы (иными словами, проявить агрессию) дру-

гому мужчине, в задачу которого входило либо провоцировать и вызывать у них гнев, либо не делать этого. Результаты этих исследований, однако, были неоднозначны. С одной стороны, несколько экспериментов показали, что повышенное сексуальное возбуждение способствовало проявлению неприкрытой агрессии не только у тех, кто был рассержен, но и у тех, кто не подвергался провокации (Jaffe, Malamuth, Feingold & Feschbach, 1974; Meyer, 1972; Zillmann, 1971). Например, Зильманн (Zillmann, 1971) обнаружил, что испытуемые мужчины после просмотра эротического фильма выбирали для наказания своего противника-мужчины, который их до этого провоцировал, более мощные электрические разряды, нежели лица, которые тоже подвергались провокациям со стороны этого типа, но смотрели совершенно нейтральный фильм. Фактически смотревшие эротический фильм демонстрировали более высокий уровень агрессии, чем участники эксперимента, которым показывали крутой боевик. Однако, в противовес этим данным, результаты нескольких дополнительно проведенных исследований (Baron, 1974b; Frodi, 1977) свидетельствуют о том, что высокий уровень сексуального возбуждения, вызванный просмотром эротических материалов, на самом деле делал последующее поведение *менее* агрессивным.

Как сексуальное возбуждение может одновременно повышать и сдерживать физическую агрессию? Вероятно, ответ можно получить, если тщательно сравнить процедуры исследований. Выяснилось, что исследователи, использовавшие в качестве эротических стимулов сильно возбуждающий материал (например, фильмы со сценами полового акта молодых пар, с откровенными и возбуждающими эротическими сценами), отмечали рост уровня агрессии. Работы же, в которых обычно использовались более мягкие и менее откровенные раздражители (такие как фотографии обнаженных людей в «Плейбое» и «Пентхаусе», фотографии привлекательных молодых девушек в купальниках или нижнем белье), показали снижение последующей агрессии. Короче говоря, это свидетельствовало о том, что мягкие эротические стимулы могут сдерживать агрессию, в то время как более возбуждающий материал этого типа стимулирует появление агрессивного поведения.

Конкретные факты в поддержку данного предположения были получены во время эксперимента, проведенного Бэроном и Беллом (Baron & Bell, 1977). В соответствии с разработанными условиями, помощник экспериментатора мог либо оскорблять мужчин-испытуемых (провокация), либо хвалить их (провокация отсутствует). Сами испытуемые имели возможность отвечать на провокации этого человека, наказывая его разрядом электрического тока. Цель эксперимента была представлена участникам как «выяснение влияния аверсивных стимулов на физиологические реакции». Далее испытуемым сообщали о том, что необходимо ждать несколько минут, в течение которых показатели физиологических реакций предполагаемой жертвы вернутся на первоначальный уровень. Во время этого перерыва испытуемых просили оценить один из пяти различных стимулов, которые экспериментатор намеревался использовать в последующих исследованиях: нейтральные изображения (пейзажи и интерьеры); фотографии соблазнительных молодых девушек в купальниках или нижнем белье; снимки обнаженных фотомоделей из журнала «Плейбой»; запечатленные сцены откровенно сексуальных действий и эротические изображения. Исследователи предположили, что уровень агрессии испытуемых, которым демонстрировали слабые эротические стимулы (фото соблазнительных красоток в нижнем белье и обнаженных женщин), будет ниже, чем у тех, кому был предъявлен нейтральный стимульный мате-

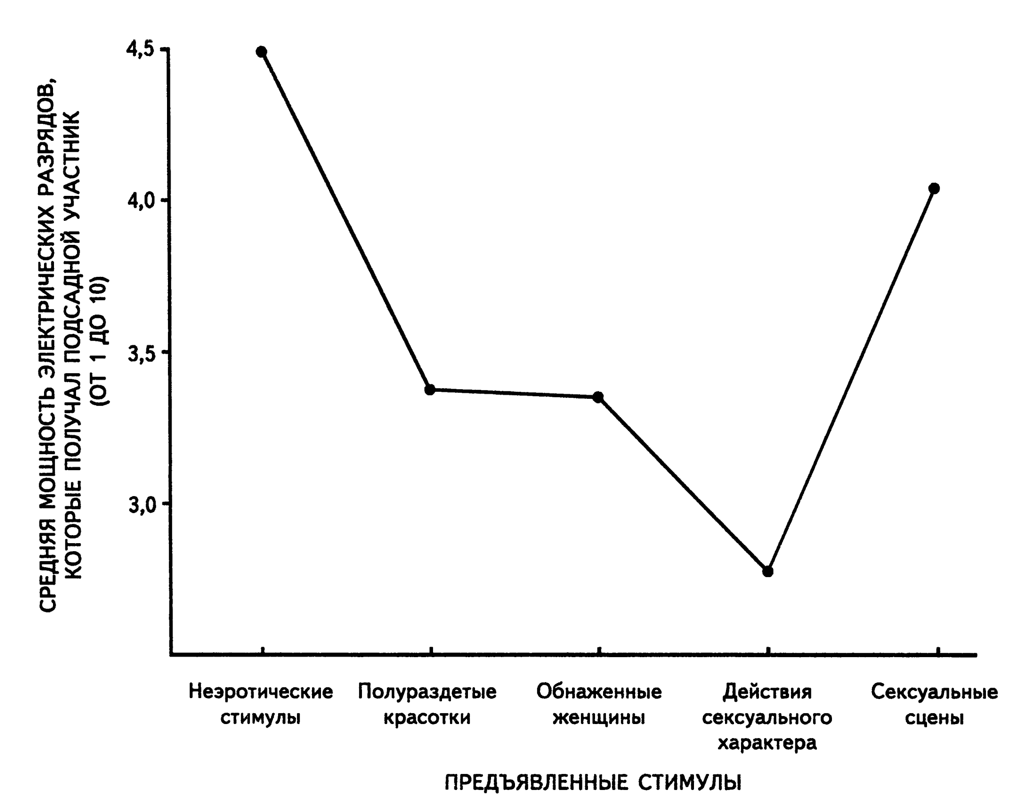

Рис. 8. 2. Влияние высокого уровня сексуального возбуждения на агрессию. Умеренное возбуждение сдерживает агрессивное поведение, в то время как более сильное возвращает агрессию на исходный уровень. Дополнительные данные (не отраженные здесь) свидетельствуют о том, что очень высокие уровни сексуального возбуждения могут способствовать проявлению агрессии в дальнейшем поведении. *(Baron & Bell, 1977)*

риал (например, фотографии интерьеров); однако для лиц, смотревших более откровенные изображения (например, эротические сцены), будет характерен высокий уровень агрессии. Как видно из рис. 8. 2, результаты в целом подтвердили предположения. Уровень агрессии у лиц, рассматривавших изображения соблазнительных красоток, обнаженных женщин и половых актов, был ниже, чем у лиц, которым предъявлялся нейтральный стимульный материал. Хотя конкретно в этом исследовании не было существенной разницы между нейтральными условиями и условиями, предназначенными для возникновения сексуального возбуждения, результаты других работ (Baron, 1974b; Frodi, 1977; Ramirez, Bryant & Zillman, 1982) поддерживают общее предположение о существовании нелинейной связи между сексуальным возбуждением и агрессией.

Такая нелинейная связь, возможно, и является причиной внешне противоречивых результатов различных исследований связи сексуального возбуждения и агрессии. Кроме того, противоречивость данных, полученных в экспериментах с подобной тематикой, может объясняться тем фактом, что разные экспериментаторы, используя различные типы эротического стимульного материала, получали сведения лишь об отдельных «участках» функции, связывающей сексуальное воз-

буждение с агрессией. Следовательно, выяснение истинной формы данной функции поможет разрешить эту эмпирическую загадку.

Доннерштейн, Доннерштейн и Эванс (Donnerstein, Donnerstein & Evans, 1975) предположили, что нелинейная связь между сексуальным возбуждением и агрессией обусловлена переключением внимания. Они провели эксперимент, во время которого испытуемые мужчины, которым предъявлялись нейтральные (рекламные проспекты), слабые (фотографии обнаженных фотомоделей из «Плейбоя») и сильные эротические стимулы (откровенные изображения сексуальных действий), имели возможность впоследствии проявить агрессию по отношению к мужчине — помощнику экспериментатора, который в одной из экспериментальных групп издевался над испытуемыми перед просмотром этих материалов. При таких условиях внимание испытуемых переключается с провокации на слабые эротические стимулы, что подавляет возможные проявления агрессии. Однако сильные эротические стимулы, вызывающие мощное возбуждение, не в состоянии подавить агрессию и могут даже способствовать ее появлению. Как видно из рис. 8. 3, оба этих предположения подтвердились.

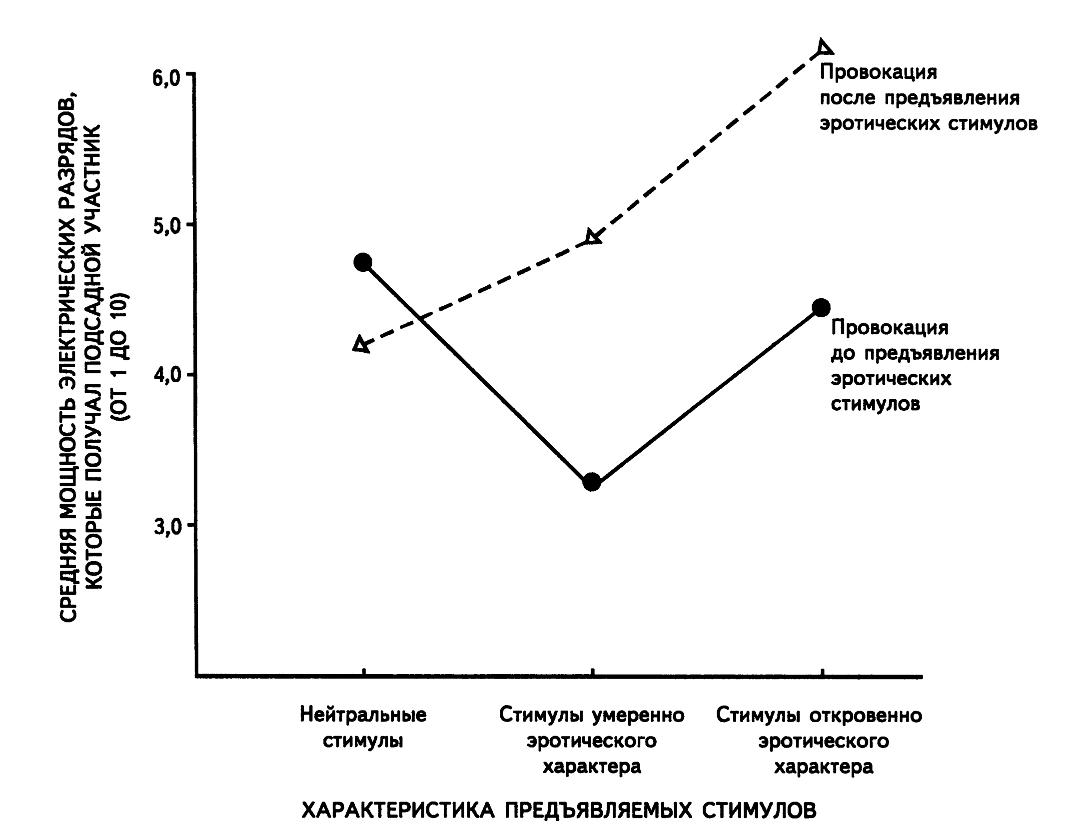
В другой экспериментальной группе помощник экспериментатора также провоцировал испытуемых, но уже после просмотра необходимого стимульного материала. Поскольку при таких условиях переключение на слабые эротические стимулы (а значит, и эффект от этого действия) отсутствует, следовало бы ожидать, что предъявленный стимульный материал не повлечет за собой сдерживание агрессии. На самом же деле он, скорее всего, подобно сильным эротическим стимулам, будет усиливать уровень агрессии, который будет проявлен испытуемым в дальнейшем. И вновь, как видно из рис. 8. 3, эти прогнозы подтвердились. (Испытуемых в третьей, контрольной группе, никто не провоцировал, и, как и ожидалось, предъявленные три типа раздражителей мало повлияли на их поведение.)

Зильманн, Брайент и Карвет (Zillmann, Bryant & Carvett, 1981) несколько иначе объяснили эффект, который оказывает предъявление слабых эротических стимулов на подавление агрессии, и способность более откровенного стимульного материала создавать благоприятные условия для возникновения агрессии. Мужчины-испытуемые после просмотра *невозбуждающих красивых* эротических сцен, ***вызывающих отвращение неагрессивных*** эротических сцен (например, акты скотоложства), ***вызывающих отвращение агрессивных*** эротических сцен (например, актов садомазохизма) или *неэротических* сцен получили возможность отомстить человеку, который до киносеанса причинял им неприятности. Испытуемые, которые смотрели сцены, вызывающие отвращение (независимо от того, демонстрировалась в них агрессия или нет), выбирали для наказания жертвы разряды большей мощности, нежели лица, находившиеся в других экспериментальных условиях. Зильманн и его коллеги объясняют этот эффект *суммацией источников раздражения*: «если один вид таких эротических “блюд”, как скотоложство или садомазохизм, вызывает у спровоцированной личности тошноту,... то их “принятие внутрь” усугубляет это состояние, что способствует проявлению агрессии». Исследование, проведенное позднее Рамиресом, Брайентом и Зильманном (Ramirez, Bryant & Zillmann, 1982), подтвердило жизнеспособность объяснения суммацией источников раздражения. Эта работа показала, что слабые эротические стимулы не снижают уровень агрессии у людей, испытывающих сильное раздражение, а откровенная порнография, независимо от уровня предварительной провокации, ведет к усилению агрессии.

Влияние на женщин

Несмотря на то что основная часть исследователей, использовавших в качестве стимульного материала для возникновения сексуального возбуждения эротические сцены, работали с испытуемыми мужского пола, некоторые ученые заинтересовались влиянием аналогичных стимулов на характер агрессии у женщин. В определенном смысле сексуальное возбуждение — это просто частный случай общего физиологического возбуждения, и пол участвующих в экспериментах не должен влиять на конечный результат, если, конечно, процесс сексуального возбуждения у мужчин и женщин протекает одинаково. Похоже, если принимать во внимание высокую степень сходства в реакциях обоих полов на эротические стимулы (Byrne & Byrne, 1997), можно предположить, что существенных различий в протекании процесса сексуального возбуждения между мужчинами и женщинами

Рис. 8. 3. Дополнительные данные, свидетельствующие о влиянии сексуального возбуждения на агрессию. Когда эротическим стимулам предшествует провокация, умеренное сексуальное возбуждение подавляет агрессию, в то время как более сильное возвращает ее на исходный уровень. Однако если провокация следует после эротических стимулов, то и умеренное, и более сильное сексуальное возбуждение способствуют появлению агрессии. *(Donnerstein, Donnerstein & Evans, 1975)*

нет. И действительно, результаты экспериментов, где испытуемыми были женщины (Baron, 1979; Cantor, Zillmann & Einsiedel, 1978), показали, что высокий уровень сексуального возбуждения влияет на возникновение агрессии аналогичным образом у обоих полов.

Бэрон (Baron, 1979) провел эксперимент, во время которого ассистентка экспериментатора словами и действиями старалась разозлить студенток выпускного курса. Затем им была предоставлена возможность отомстить ей, послав в нее разряд электрического тока. Однако, прежде чем студентки смогли актуализировать свою агрессию, им предъявили ряд однотипных стимулов — один из четырех различных вариантов из набора стимульных материалов, аналогичного использованному в поставленных ранее экспериментах с мужчинами: им демонстрировали фотографии мебели, интерьеров домов и произведений абстрактного искусства; фотографии полуобнаженных молодых мужчин; совершенно обнаженных молодых мужчин и пар, занимающихся любовью. Как и в предыдущих исследованиях, полученные результаты показали, что слабые эротические стимулы (например, фотографии атлетически сложенных полуобнаженных мужчин) подавляли агрессию у разгневанных участниц эксперимента, в то время как более возбуждающие материалы (такие как фотографии полового акта) в значительной степени усиливали ее. Таким образом, можно сделать вывод, что высокий уровень сексуального возбуждения влияет на поведение женщин так же, как и на поведение мужчин.

Влияние интенсивной демонстрации порнографии

По данным Демаре, Бриера и Липса (Demare, Briere & Lips, 1988), более 50% мужчин, сообщивших о том, что время от времени смотрят порнофильмы или читают порнографические произведения, делали это за последний год более двух раз. Однако большинство исследований, посвященных выявлению связи между эротикой и агрессией, ставят своей целью изучение эффектов, возникающих *непосредственно* после демонстрации эротических стимулов. Действительно, стимулы, предъявленные один раз непосредственно во время эксперимента, и стимулы, предъявляемые многократно или в течение длительного времени, должны оказывать различное воздействие.

Зильманн и Брайент (Zillmann & Bryant, 1984) описали результаты целой серии экспериментов, где изучалась зависимость поведения мужчин и женщин от интенсивности предъявления эротических стимулов. Участники эксперимента были разбиты на несколько групп, в группе *интенсивного влияния* испытуемые в течение шести недель смотрели фильмы с сексуальными сценами, длительность всех сюжетов за неделю составляла 48 минут (в общем просмотр занял 4 часа и 48 минут); в группе *умеренного влияния* половина увиденных за шесть недель фильмов была эротической, а другая — не эротической (общее время просмотра сюжетов с сексуальными сценами — 2 часа 24 минуты); в группе, где по условиям эксперимента *влияние отсутствовало,* испытуемые смотрели нейтральные фильмы без эротических сцен. Четвертая — *контрольная* — группа была создана для подведения итогов на последнем этапе эксперимента. В эротических фильмах, использовавшихся исследователями, не было сцен с применением насилия или причинения боли жертве: это были сцены, показывавшие мужчину и женщину, занимающихся сексом.

Через неделю после окончания просмотра эротических и неэротических фильмов испытуемые из всех трех экспериментальных групп принимали участие в последнем этапе опыта, во время которого им показали три фильма, измерили уровень их физиологической реакции и выслушали их отчеты о чувствах удовольствия или отвращения, полученных от фильма. Один из фильмов был «почти» сексуальным — в нем демонстрировались сцены гетеросексуального петтинга, другой был «однозначно сексуальным» и в значительной степени напоминал фильмы, которые испытуемые смотрели ранее, а третий являл собою изображение сцен скотоложства и садомазохизма.

Еще через неделю испытуемым вновь демонстрировали фильмы — на сей раз наугад: кому-то показали фильм с откровенно сексуальными сценами, кому-то — со сценами актов садомазохизма или скотоложства, а некоторым не показывали никаких фильмов. Последовательность действий на этом этапе эксперимента была следующей: участников эксперимента провоцировал помощник экспериментатора (для испытуемых мужчин в роли провокатора выступал мужчина, для женщин — женщина), затем испытуемые смотрели фильм, который им достался, и напоследок они получали шанс отомстить своему обидчику (это-то и давало возможность измерить уровень агрессии). И наконец, во время последней встречи, тоже через неделю, все испытуемые (включая контрольную группу) высказывали свою точку зрения на разнообразные проявления сексуальных отношений: советовали, каким термином называть в тюрьме преступников, осужденных за изнасилование, и говорили, как они относятся к борьбе женщин за свои права. Под конец испытуемые, посмотрев фильм со сценами секса, объяснили, насколько они приемлют подобные фильмы, и высказали свое мнение о вреде порнографии. Мужчины, участвовавшие в эксперименте, заполнили также опросник, который давал представление о том, насколько грубо они ведут себя в сексе по отношению к женщинам.

Многократный или частый просмотр эротических сцен ведет к тому, что с определенного момента частота сердечных сокращений и уровень артериального давления при предъявлении подобных стимулов не изменяются. Это означает, что в результате постоянного просмотра эротика теряет свою способность оказывать возбуждающее действие. Кроме того, испытуемые из группы интенсивного влияния отвечали на провокации человека одного с ними пола *менее* агрессивно, нежели лица, не просматривавшие эротические фильмы. Таким образом, это исследование показало, что многократный и частый просмотр порнографических фильмов без сцен насилия ведет к снижению уровня агрессивности реакций, демонстрируемых непосредственно после предъявления эротических стимулов (см. рис. 8. 4). То есть можно сказать, что фильмы с эротическими сценами снижают уровень возбуждения и агрессии непосредственно после их интенсивного просмотра.

Количество фильмов и частота их демонстраций влияли также на восприятие и установки испытуемых, правда, несколько иначе, нежели на агрессию и возбуждение. Лица, являвшиеся членами групп интенсивного и умеренного влияния, сообщали о приятии ими различных видов сексуальной практики (например, орального, анального или группового секса), нежели лица, которым показывались фильмы без сцен секса. Точно так же лица, которым часто демонстрировались эротические фильмы, в меньшей степени осуждали насильников и в меньшей степени поддерживали движение «Борьба женщин за свои права», чем испытуемые,

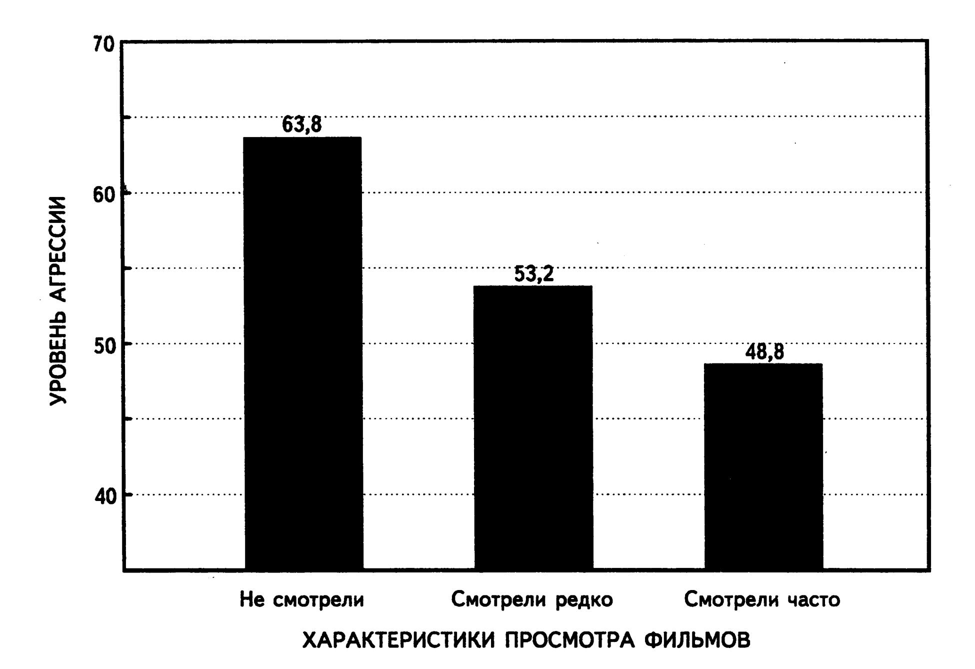

Рис. 8. 4. Частый и многократный показ эротических фильмов снижает уровень агрессии по отношению к представителям своего пола. Зильманн и Брайент (Zillmann & Bryant, 1984) утверждают, что этот эффект объясняется привыканием и, как следствие, снижением уровня возбуждения.

которые смотрели неэротические фильмы. Для мужчин из группы интенсивного влияния в большей степени были свойственны установки, подразумевающие грубое отношению к женщине, нежели для мужчин из других экспериментальных групп.

Несмотря на то что это исследование ставило своей целью выяснить, как отражается интенсивный просмотр порнографических фильмов на поведении, его результаты совпали с данными экспериментов, в которых изучался кратковременный эффект от просмотра эротики. Это означает, что реакции испытуемых были аналогичны реакциям, демонстрировавшимся в других исследованиях, где в качестве стимульного материала использовалась «мягкая» порнография без сцен насилия, — уровень агрессии по отношению к лицам своего пола снижался. Хотя интенсивный просмотр порнографии, похоже, не приводит к проблемам в поведении, стоит более серьезно задуматься о его влиянии на установки — последствия от изменений во взглядах могут быть более глобальными.

ВЛИЯНИЕ ЭРОТИКИ НА ОТНОШЕНИЕ К ЖЕНЩИНАМ

Несколько специфических особенностей характеризуют это второе, более практическое, направление исследований по влиянию эротики на агрессивность поведения. Во-первых, стремясь добиться максимальной точности в рассматриваемой социальной ситуации, эти исследования обычно рассматривают мужскую агрес-

сию по отношению к *женщинам* или же сравнивают уровень агрессии, демонстрируемый по отношению к мужчинам и женщинам. Во-вторых, многие из этих исследований ставили своей целью определить, какие конкретные аспекты фильмов (степень сексуальной откровенности, уровень агрессии, реакция на женщину-жертву) скорее всего побуждают мужчин совершать насилие по отношению к женщинам. В-третьих, исследователи манипулировали широким диапазоном зависимых переменных; изучая прямую агрессию по отношению к женщинам, они одновременно учитывали влияние порнографии на установки по отношению к женщинам и/или сексуальное насилие.

Агрессия по отношению к женщинам

Как уже отмечалось ранее, в русле первого исследовательского подхода, где изучалась зависимость агрессии от эротики, частный случай — проявление агрессии по отношению к *женщинам* — не рассматривался. Тем не менее было проведено несколько исследований по изучению влияния эротики на уровень агрессии, где в качестве объектов агрессии были как мужчины, так и женщины (Jaffe, Malamuth, Feingold & Feshbach, 1979). Поскольку эти изыскания не показали разницы в уровне агрессии по отношению к объектам разного пола, можно было предположить, что за влияние эротических стимулов на агрессивное поведение отвечает один и тот же простой механизм возбуждения.

На основании того, что провокация по отношению к испытуемым в предшествующих исследованиях была недостаточно сильной и/или использовавшиеся эротические стимулы были сравнительно слабыми, Доннерштейн и его коллеги (Donnerstein & others, 1984) модифицировали исследовательскую программу с целью устранения этих недостатков. Доннерштейн и Барретт (Donnerstein & Barrett, 1978) провели эксперимент, по условиям которого помощник экспериментатора (мужчина или женщина) либо провоцировал мужчин-испытуемых, либо демонстрировал нейтральное отношение к ним. После этого испытуемым показывали порнографический фильм категории «только для мужчин» или нейтральный фильм. Выяснилось, что порнография ведет к агрессии только в тех случаях, когда мужчины испытывали гнев после провокации. Однако, после предъявления эротических стимулов, агрессивные проявления испытуемых были аналогичны по отношению и к мужчинам, и к женщинам. Доннерштейн и Халлам (Donnerstein & Hallam, 1978) рассмотрели действие различных факторов, «спускающих агрессию с тормозов», в своей работе, изучающей влияние многократного предоставления «удобных поводов для применения агрессии» на агрессивное поведение.

Они утверждают, что, даже принимая во внимание свойственные мужчинам сдерживающие начала относительно использования силы против женщин, неоднократно предоставляемые «удобные случаи» могут высвободить их агрессивное поведение. Учитывая это, мужчинам-испытуемым демонстрировали либо порнографический фильм, либо фильм со сценами агрессии, но без порнографии, либо не демонстрировали фильма вообще. Затем всем участникам эксперимента предлагались две возможности: отомстить своим обидчикам (мужчине или женщине), которые издевались над ними до показа фильма, либо сразу же после демонстрации фильма, либо после 10-минутного перерыва. В первом случае разницы в уровне агрессии по отношению к объектам разного пола не наблюдалось. Однако после десятиминутного перерыва объекты-женщины получили более мощный,

чем объекты-мужчины, разряд электрического тока от испытуемых, просмотревших порнографический фильм. Доннерштейн и Халлам утверждают, что отсрочка устраняет факторы, не позволявшие ранее применять агрессию по отношению к женщинам.

Чтобы порнографические стимулы способствовали увеличению агрессии по отношению к женщинам, по мнению Доннерштейна (Donnerstein, 1984), необходимо ослабить то, что сдерживает агрессивность. Некоторые вещи, такие как наркотические средства, алкоголь и гнев, могут служить катализаторами агрессивного поведения по отношению к женщинам. Далее исследователь предположил, что порнографический материал, содержащий сцены насилия над женщинами или изображающий их в качестве объектов сексуальных притязаний, сам по себе может уменьшать силу факторов, сдерживающих агрессию. Прочие исследования, проведенные им совместно с коллегами, касались влияния порнографических фильмов, включающих сцены агрессии, на совершения насилия мужчинами над женщинами. Эти работы рассматриваются в следующем разделе.

Природа сексуального/агрессивного образа

Доннерштейн (Donnerstein, 1983) выдвинул несколько версий, почему проявления агрессии в эротических сценах способствуют агрессивности по отношению к женщинам: 1) они могут ослаблять сдерживающие начала, которые ранее не позволяли проявлять агрессию по отношению к женщинам (см. выше); 2) мужчина может усмотреть в поведении женщины посыл к агрессии (Berkowitz, 1974), если в фильмах женщины изображаются в качестве жертв агрессии; 3) возбуждение, вызванное агрессивной эротикой, может актуализировать агрессию.

Доннерштейн (Donnerstein, 1980) обнаружил, что порнография со сценами агрессии (то есть изображение в одной сцене насилия и секса) в большей степени повышает уровень агрессии, проявляемой мужчинами по отношению к женщинам, чем порнографические (то есть изображающие половой акт) или нейтральные фильмы. Доннерштейн и Берковитц (Donnerstein & Berkowitz, 1981) расширили рамки этого исследования, чтобы выяснить, как влияет на поведение мужчин реакция жертвы. Учитывая, что многие эротические фильмы изображают жертв как получающих удовольствие от насильственных актов, исследователи манипулировали такими переменными, как реакция жертвы на агрессию и наличие-отсутствие в фильме агрессивно-эротических сцен. Испытуемым мужчинам, которых предварительно выводили из себя помощники экспериментаторов (мужчины или женщины), демонстрировали один из четырех киносюжетов: *нейтральный*, повествующий о ток-шоу; *эротический*, изображающий половой акт, доставляющий наслаждение обоим совокупляющимся; *агрессивно-эротический фильм с «хэппи-эндом»*, который сопровождался комментарием, что в финале женщина «добровольно» участвует в сексуальных сношениях, о чем свидетельствует ее улыбка, согласие выпить навязываемые спиртные напитки и отсутствие сопротивления, когда ее «связывают, раздевают, похлопывают по телу и принуждают к сексу», *агрессивно-эротический фильм «с печальным исходом»*, показывающий ту же самую сцену, что и в предыдущем фильме, но с комментарием, что женщина, испытывая отвращение и унижение, готова терпеть насилие. Сцены агрессии в фильмах не изменяют уровень агрессии, объектом которой выступают мужчины. Однако у испытуемых мужчин отмечался более высокий уровень агрессии

по отношению к женщинам после просмотра агрессивно-эротических фильмов, чем после нейтральных или эротических. Доннерштейн и Берковитц (Donnerstein & Berkowitz, 1981) преположили, что уровень агрессии по отношению к женщинам со стороны мужчины будет выше в случае просмотра агрессивно-эротических фильмов с «хэппи-эндом», потому что неоправданные страдания женщины, показанной в агрессивно-эротическом фильме с «печальным исходом», будут подавлять агрессию. Когда же результаты исследования не подтвердили их ожидания, исследователи попытались найти этому причину, предположив, что такие результаты скорее всего объясняются тем фактом, что испытуемые мужчины в их эксперименте были предварительно рассержены и «тем самым готовы были выместить злость на ком угодно». При таких обстоятельствах демонстрация того, что жертва испытывает боль, могла только усилить агрессивные наклонности. Поэтому ученые разработали другую схему исследования, дабы внести ясность в понимание процессов, лежащих в основе реакции испытуемых на агрессивную эротику.

Доннерштейн и Берковитц (Donnerstein & Berkowitz, 1981) провели эксперимент, почти идентичный вышеописанному, с той лишь разницей, что его участники не подвергались провоцированию со стороны помощницы экспериментатора. (Мужчин на роль помощников экспериментатора в этом случае не приглашали.) Логически размышляя, исследователи пришли к выводу, что нерассерженные субъекты будут реагировать так, как это предсказывалось в первом эксперименте, — меньшей агрессивностью при просмотре агрессивной эротики с «печальным исходом», чем в случае «хэппи-энда», но более агрессивно, чем при просмотре простого эротического или совсем нейтрального фильма. Предполагалось, что рассерженные субъекты будут вести себя таким же образом, как в первом эксперименте. Результаты этого исследования, отображенные на рис. 8. 5, подтвердили выдвинутую гипотезу: фильм оказывал влияние на агрессию мужчин против женщин только в том случае, когда они не были рассержены. Доннерштейн (Donnerstein, 1984) подытожил полученные данные и раскрыл их смысл: «В то время как изображение боли и страдания жертвы воздействовало только на мужчин, предрасположенных к агрессии, более же привычное для агрессивной порнографии изображение желания и удовлетворения со стороны жертвы оказывало влияние на всех испытуемых».

Существенным аспектом рассмотренных исследований является то, что эротика сама по себе не является столь уж мощным средством влияния на насилие мужчин по отношению к женщинам. Скорее, наибольшее влияние на реакцию мужчин оказывает включение агрессии в эротику. Вследствие этого Доннерштейн (Donnerstein, 1983), сравнивая реакции мужчин на агрессивную и неагрессивную порнографию, решил определить, в какой степени сексуальное и агрессивное содержание влияет на агрессию мужчин против женщин. Помощники экспериментатора (мужчина или женщина) старались вывести из себя испытуемых мужчин до просмотра одного из четырех киносюжетов — *неагрессивно-порнографического; агрессивно-порнографического*, как в предшествующих исследованиях; *агрессивного*, в котором секса нет, а только изображается, как женщину под угрозой пистолета связывают и наносят удары; а также *нейтрального*. Уровень агрессии по отношению к объекту-мужчине был максимально высоким после демонстрации порнографического фильма без сцен агрессии (как в предшествующих исследованиях). Уровень же агрессии по отношению к объекту-женщине был

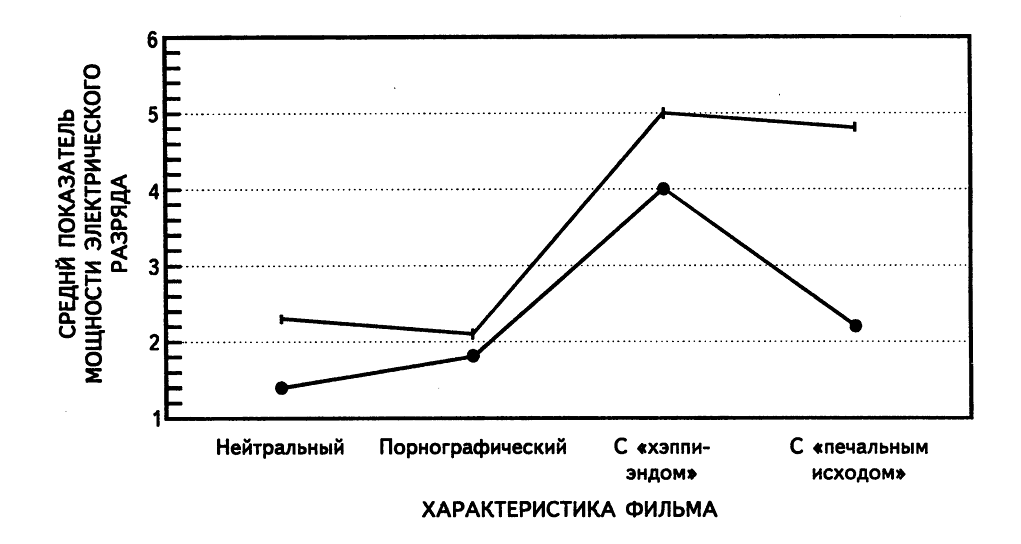

Рис. 8. 5. Разъяренные мужчины, в отличие от неразъяренных, реагируют более агрессивно на объект-женщину после просмотра эротического фильма, в котором женщина, подвергающаяся сексуальным истязаниям, оказывает сопротивление. *(Donnerstein & Berkowitz, 1981)*

самым высоким после просмотра испытуемыми агрессивно-порнографического фильма; что касается остальных сюжетов, то наиболее высокий уровень агрессии испытуемые демонстрировали после просмотра агрессивного фильма, нежели после нейтрального или просто порнографического. Принимая во внимание, что агрессия по отношению к женщинам увеличивалась после просмотра обоих видов агрессивных фильмов, Доннерштейн обратил внимание на то, что сексуальное содержание отнюдь не является необходимым для проявления насилия против женщин.

Стремясь определить степень массированного воздействия порнографии, Линц, Доннерштейн и Пенрод (Linz, Donnerstein & Penrod, 1988) заставляли испытуемых мужчин просматривать от двух до пяти полнометражных фильмов, имевших коммерческий успех, которым дали следующую оценку: «ударные» фильмы (то есть фильмы, изображающие открытое насилие против женщин, например, «*Изощренные убийцы*»); не содержащие насилия порнографические фильмы (то есть «не явно насильственные, а откровенно сексуальные, убедительно изображающие сексуальное унижение женщин»; например, «*Дебби завоевывает Даллас*») и «молодежно-сексуальные» фильмы (то есть не откровенно сексуальные, но изображающие женщин в качестве сексуальных объектов, например, «*У Порки*»). Другие мужчины, вошедшие в контрольную группу, не смотрели никаких фильмов, просто заполняли опросники. Исследователей интересовало воздействие фильмов, изображающих женщин объектами насилия и сексуального унижения, на установки и эмоции. Они обнаружили, что испытуемые, которым демонстрировали фильмы с изображением сцен насилия, со временем реагировали на них с меньшей обеспокоенностью, депрессией и отрицательными эмоциями. Эти же субъекты признавались, что испытывают меньше симпатий не только к жертве насилия в определенном случае, но и ко всем жертвам насилия в целом.

Одновременно с изучением связи между порнографией и возможным проявлением сексуальной агрессии Демаре, Бриер и Липс (Demare, Briere & Lips, 1988), сделав шаг вперед, попробовали определить частоту обращения к порнографии с применением и без применения насилия среди студентов последних курсов канадского университета. Они установили, что 81% студентов за последний год обращались к ненасильственной порнографии (то есть к откровенно сексуальным материалам с изображением добровольного секса между мужчиной и женщиной); 41% — к «насильственной» порнографии (то есть к сексуальным материалам, изображающим унижение, истязание или избиение женщины), а 35% — к сексуально-насильственной порнографии (то есть к материалам, изображающим изнасилование или применение силы во время полового акта). Затем, на основе сообщений испытуемых относительно вероятности использования ими силы по отношению к женщинам или вероятности изнасилования, они разделили их на три группы, представляющих различные уровни возможной сексуальной агрессии. Двумя переменными, на основе которых определялась принадлежность испытуемых к той или иной группе, явились их отчеты о том, что они совершали насилие над личностью и смотрели порнографические материалы с изображением сексуальных сцен с применением насилия. Просмотр же ненасильственной или «просто насильственной» порнографии исследователи посчитали маловероятным признаком проявления сексуальной агрессии.

ВЫВОДЫ

Анализ культурных и личностных причин агрессии против женщин Маламут (Malamuth, 1984) завершает утверждением, что эти данные «в значительной степени свидетельствуют в пользу предположения о том, что масс-медиа могут способствовать возникновению культурного климата, который считает агрессию против женщин вполне приемлемой». Исследование доказывает, что изображение *насилия* против женщин в масс-медиа, похоже, на самом деле способствует проявлению реального насилия против реальных женщин.

АГРЕССИЯ, СВЯЗАННАЯ СО СПОРТИВНЫМИ СОБЫТИЯМИ

«С конца 1970-х годов отряды полиции не раз привлекались для подавления беспорядков, вызванных болельщиками во время "Супербоула"[1]*, на играх "звездных" футбольных команд, во время выступлений футбольной команды "Нью-Йорк Джетс", на первенствах по бейсболу в 1971 году в Питтсбурге и в 1984 году в Детройте и на многих прочих состязаниях. Официальных представителей американского и европейского футбола забрасывали камнями, пивными бутылками и металлическими дротиками. Известны по крайней мере два случая в Латинской Америке, когда они погибли от рук разъяренных фанатов» (Goldstein, 1986).*

Лики агрессии в спорте разнообразны, почти все ее проявления нашли свое отражение в научно-исследовательской литературе по этой проблеме. Как видно

[1] Супербоул — финал первенства национальной лиги американского футбола. *(Прим. ред.)*

из приведенной выше цитаты, агрессию могут демонстрировать болельщики во время спортивных соревнований; кроме того, агрессия — важная и приемлемая составляющая многих видов спорта, так что изучение ее проявлений и среди участников может быть весьма плодотворным.

АГРЕССИЯ ЗРИТЕЛЕЙ

Если рассматривать поведение болельщиков во время спортивных соревнований, то человека, изучающего агрессию в естественных условиях, в первую очередь заинтересует вопрос, в какой степени сами спортивные соревнования являются причиной агрессии со стороны болельщиков. Теоретически можно утверждать, что спортивные зрелища приводят как к росту агрессии среди зрителей (вследствие социального научения), так и к ее снижению (вследствие катарсиса от наблюдения насилия). Имеются данные, свидетельствующие о том, что наблюдение за спортивными состязаниями, особенно включающими в свою программу агрессивные виды спорта, вызывает рост агрессии (Arms, Russell & Sandilands, 1979; Phillips & Hensley, 1984; Sloan, 1979; Turner, 1970). Голдштейн и Армз (Goldstein & Arms, 1971), например, обнаружили, что мужчины, покидая стадион после ежегодной футбольной встречи команд сухопутных и военно-морских сил, проявляют, согласно опроснику враждебности Басса-Дарки, более высокий уровень агрессии, нежели до начала игры. Никакой разницы в уровне агрессии «до и после» не было выявлено у лиц, посещавших соревнования гимнастов, при условии, конечно, что в зале не произошло какое-нибудь агрессивное событие, вызвавшее рост уровня агрессии у зрителей.

Большинство исследователей, искавших объяснение влияния спортивных соревнований на рост агрессии, опирались на принципы теории социального научения (Bandura, 1973). Однако предлагались и другие интерпретации. Например, Уанн и Бранскомб (Wann & Branscombe, 1990), приводя примеры прайминга, утверждали, что «агрессивные действия во время соревнований в тех видах спорта, в которые в качестве одного из необходимых компонентов входит агрессия, становятся возможными скорее всего потому, что враждебность постоянно раздувается и делается более доступной». Деиндивидуализация (Zimbardo, 1969), растормаживание (Goldstein, Davis & Herman, 1975) и физиологическое возбуждение (Zillmann, 1979) также могут служить в качестве объяснений причин возрастания агрессии среди спортивных болельщиков.

АГРЕССИЯ СРЕДИ УЧАСТНИКОВ

Агрессию можно также исследовать и с точки зрения поведения участников спортивных соревнований. Как отмечает Расселл (Russell, 1981), «спорт создает одну из редко встречающихся ситуаций... когда различные формы межличностной агрессии разрешены обществом и законом». Такие благоприятствующие принятию агрессии условия позволяют исследователям рассматривать некоторые базовые вопросы, касающиеся детерминантов агрессивного поведения в ситуациях, в которых обычные проблемы, связанные со сдерживающими началами испытуемых и вопросами социального одобрения, не имеют отношения к выражению аг-

рессии. Рассматривался вопрос, в какой степени участие в агрессивных видах спорта способствует росту межличностного агрессивного поведения игроков (Nosanchuk, 1981; Patterson, 1974). Результаты этих исследований настолько разнообразны, что невозможно сделать какое-то определенное заключение.

МЕЖЛИЧНОСТНЫЙ КОНФЛИКТ В ЕСТЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Эйлин и Роберт — сопредседатели комитета по отдыху в общественном клубе. Их попросили посоветовать членам клуба, куда лучше съездить предстоящей весной. Эйлин считает, что истинное удовольствие они получат от поездки в Европу. Она уверяет, что такая поездка будет весьма экзотической и необычной, если учитывать, что некоторые члены клуба хотят расширить свои познания о разнообразных культурах. Роберт же настаивает на том, чтобы путешествие не выходило за пределы Соединенных Штатов, поскольку такая поездка будет более доступной в финансовом плане и к тому же многие члены клуба опасаются возможных языковых трудностей в европейских странах. Эйлин и Роберт должны приготовить рекомендации к очередному собранию членов клуба, которое состоится через несколько дней. Что следует делать Эйлин?

Она может согласиться с предложением Роберта. Для самого клуба это не имеет существенного значения, а ей не хочется, чтобы члены клуба знали о возникших между нею и Робертом разногласиях.

Она может прекратить дальнейшее обсуждение этой проблемы с Робертом и предложить ему сделать отдельные сообщения для членов клуба на предстоящем собрании.

Уверенная в своей «правоте» и продолжая настаивать на своем плане, Эйлин может, посетовав некоторым влиятельным членам клуба на то, что Роберт нелоялен и не предан клубу, написать без его ведома и участия собственные рекомендации.

Учитывая заинтересованность членов клуба в логически и разумно обоснованных рекомендациях, она может предложить Роберту компромисс. Возможно, если предложить в качестве поездки посещение одного или нескольких Багамских островов, это может удовлетворить все заинтересованные стороны: большинство населения там говорит по-английски, путешествие довольно экзотическое и не такое дорогое, как в Европу.

Как видно из вышеприведенного сценария, межличностный конфликт подразумевает ситуацию, при которой у двух лиц присутствуют несовместимые стремления, цели или желания. Столкнувшись с такими различиями люди реагируют поразному. Вполне возможно, что, подумав, Эйлин прибегнет к одному из упомянутых способов. В первом случае это будет означать подыгрывание Роберту. Во втором — игнорирование Роберта и возникшей проблемы. Третий случай представляет собой агрессивную реакцию на конфликт, желание показать себя. А последний вариант нацелен на выработку взаимоприемлемого решения, которое удовлетворило бы обе стороны.

Если человек пытается разрешить конфликт путем причинения вреда другому, значит, в качестве модели поведения он выберет *агрессию*. В третьем случае выбор Эйлин предполагает агрессию, поскольку включает попытку дискредитиро-

вать Роберта. Таким образом, лица, прибегающие к конфликту, подразумевающему препирательство, отстаивание собственного решения и игнорирование желаний других, могут без колебаний, преднамеренно причинить вред другому человеку. Подобным же образом человек, предпочитающий силовую стратегию, способен воспользоваться и агрессивной стратегией (Tedeschi, 1983).

Хэммок и Ричардсон (Hammock & Richardson, 1992) провели двухэтапное исследование с целью изучения связи между выбором конфликта в качестве реакции на возникшую проблему и агрессивным поведением. Они предположили, что люди, которые, по собственным же словам, зачастую прибегают к конфликту, провоцирующему и раздражающему другого человека (например, стремясь «показать себя»), могут быть также склонны к агрессивному поведению. Во время первого эксперимента исследователи собирали признания людей об их стратегии в конфликтной ситуации и об агрессивном поведении. Степень конфликтности измерялась на основе модели межличностного конфликта, разработанной Блейком и Моутоном (Blake & Mouton, 1964), доработанной и апробированной несколькими исследователями (Cosier & Ruble, 1981; Hammock, Richardson, Pilkington & Utley, 1990; Rahim, 1983; Thomas, 1976). Рэйхим (Rahim, 1983) выделил два параметра модели — *сосредоточенность на себе* и *сосредоточенность на другом* — и определил конфликт как результат пересечения этих двух параметров. *Доминирование* в конфликте означает заботу только о своих собственных интересах, использование власти и отказ признать нужды другой стороны. *Уступчивость* в первую очередь характеризуется беспокойством о других и покорностью. Согласно толкованиям Рэйхима, *избегание* представляет собой отсутствие беспокойства и за себя, и за других. Избегающие конфликта стараются избегать не только его, но и другого человека. Наконец, оставшиеся еще два возможных варианта разрешения проблемы — *понимание* и *компромисс* — предполагают определенную степень обеспокоенности как за себя, так и за другого; человек, прибегающий к подобной стратегии, будет думать не только о своих нуждах, но и о нуждах другой стороны. Студентов университета попросили заполнить опросник организационного конфликта Рэйхима, чтобы выяснить тип реагирования в конфликте с друзьями или родными; опросник решения семейных проблем Стейнмеца (Steinmetz, 1977), чтобы определить, как они на самом деле разрешают конфликт с родными; а также опросник враждебности Басса-Дарки — для определения уровня их склонности к агрессивности (см. в главе 2 детальную информацию относительно определения этого уровня). Хэммок и Ричардсон (Hammock & Richardson, 1992), как и предполагалось, обнаружили, что лица, сообщившие о том, что зачастую навязывали свою волю родственникам во время конфликта, оказались, по их же словам, склонными к частой агрессии как во взаимоотношениях с родственниками, так и в смысле общей склонности к агрессии. Кроме того, исследователи выяснили, что лица, проявлявшие беспокойство о нуждах других (например, уступчивость, совмещение), значительно реже, по их признанию, прибегали к агрессивному поведению.

На втором этапе Хэммок и Ричардсон (Hammock & Richardson, 1992) расширили рамки своего исследования до измерения реального агрессивного поведения в условиях стандартной лабораторной методики (то есть определение времени реакции по Тэйлору). Испытуемые — мужчины и женщины — после заполнения опросника организационного конфликта Рэйхима имели возможность нанести удар током по некоему человеку на основании результата выполненного им

задания на время реакции. Цель эксперимента для испытуемых была представлена как определение воздействия стресса на научение. Во время этого задания уровень провоцирования манипулировался объектом путем нанесения по испытуемым сравнительно мощных (*высокий уровень провокации*) или же сравнительно слабых (*низкий уровень провокации*) разрядов электрического тока. Это вызвало два различных вида агрессии. *Неспровоцированной агрессией* являлся удар током, который испытуемый наносил по объекту до начала выполнения задания на время реакции, то есть до *любых* провокаций со стороны объекта. *Спровоцированная агрессия* представляла собой сумму цифровых показателей мощности электрических разрядов, выбираемых испытуемыми во время оставшихся этапов в качестве ответной реакции на провокацию со стороны объекта (см. в главе 2 подробное объяснение этой процедуры и полученных результатов). Исследователи выяснили, что испытуемые, для которых, по их сообщению, во время конфликтов был характерен высокий уровень доминирования, выбирали электрические разряды более высокой мощности уже на первом этапе экспериментов при незначительной провокации. А лица, сообщавшие о склонности к уступчивости и пониманию, отвечали разрядами сравнительно небольшой мощности во время задания по определению времени реакции.

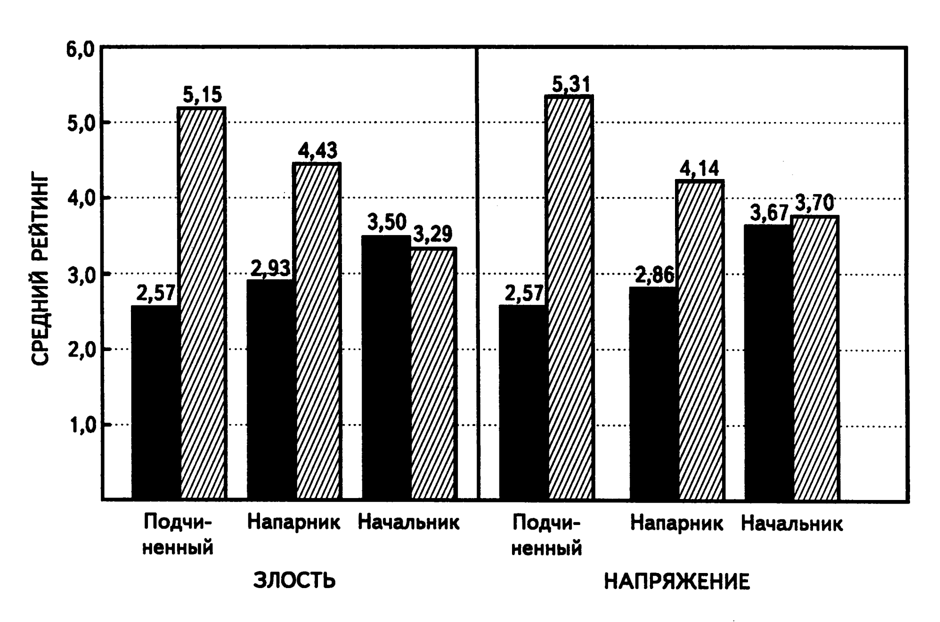
Какие ситуационные или межличностные факторы способны привести к деструктивным, потенциально агрессивным реакциям в случае конфликта? Несколько исследователей задались вопросом, до какой степени индивидуальные различия или личностные факторы могут сказываться на поведении людей в конфликтной ситуации (Bell & Blakeney, 1977; Sternberg & Soriano, 1984; Utley, Richardson & Pilkington, 1990). Пилкингтон, Ричардсон и Утли (Pilkington, Richardson & Utley, 1988), например, пришли к выводу, что женщины, ищущие сильных ощущений (то есть получающие удовольствие от физической и социальной деятельности, увеличивающей возбуждение), более склонны во время конфликта настаивать на своем, чем женщины, не стремящиеся к достижению сильных ощущений. Бэрон (Baron, 1989), изучавший на примере компании, производящей продукты, реакции служащих на конфликтную ситуацию, обнаружил, что лица типа «А» чаще вступали в конфликт со своими подчиненными, нежели лица типа «Б». Подобным же образом лица типа «А» менее склонны решать конфликты, обращаясь к другим членам компании, чем лица типа «Б». В этом исследовании Бэрон обратил внимание на связь между самоконтролем (Snyder, 1987) и реакцией на конфликт. Лица с высоким чувством самоконтроля понимают, как они влияют на других и на их реакции в целом; они стремятся быть довольно гибкими в своих социальных взаимоотношениях, говорят не то, что думают, и делают не то, что хотят, лишь бы произвести благоприятное впечатление. Лица с низким уровнем самоконтроля, с другой стороны, стараются вести себя в соответствии со своими сформировавшимися установками и шкалой ценностей, с нежеланием изменять свои действия в соответствии с меняющейся ситуацией. Как и ожидалось, лица с высоким уровнем самоконтроля более склонны к разрешению конфликтов сравнительно мирным путем, нежели лица с низким уровнем самоконтроля.

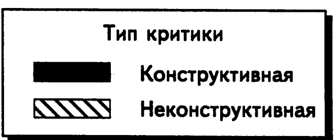
Несмотря на то что рассмотренные нами работы исходят из предположения, что индивидуальные различия по ряду личностных характеристик могут иметь отношение к реакции на конфликтную ситуацию, мы не должны упускать из виду мощное влияние на конфликтное поведение и ситуационных факторов. Хокер и Вилмот (Hocker & Wilmot, 1985) задались целью выяснить, каким образом благо-

разумие индивидов сказывается на их реакции на конфликтные ситуации. Они подчеркивают, что такой подход позволяет сохранять некоторое постоянство ситуации, то есть реакции индивида будут в основном однотипными несмотря на изменения ситуации. Более того, акцент на личности не учитывает социального взаимодействия между лицами в конфликтной ситуации. Утли, Ричардсон и Пилкингтон (Utley, Richardson & Pilkington, 1990) сообщают, что личностные характеристики могут меняться в зависимости от выбора индивидом своей стратегии в конфликте, зато реакция его в значительной степени зависит от того, кто является в конфликте оппонентом (например, родители, профессор, друг).

Признавая важность социального контекста, Бэрон (Baron, 1988b) решил определить, какое влияние на уровень агрессии или интенсивность ее проявления на рабочем месте оказывает критика со стороны другого лица. Он утверждает, что такие отрицательные эмоции, как гнев или чувство возмущения, могут быть вызваны деструктивной критикой. Подобные чувства могут затем привести к тому, что человек на будущие конфликты будет реагировать неэффективно, тем самым усиливая продолжающееся противоречие. Далее исследователь предположил, что отрицательные последствия таких критических замечаний станут глубже, если будут казаться неоправданными, например, исходящими от подчиненного или напарника. Поэтому во время эксперимента испытуемые должны

Рис. 8. 6. Деструктивная критика со стороны подчиненного или напарника вызывает у испытуемого больший гнев и напряжение, нежели конструктивная критика. *(Baron, 1988)*

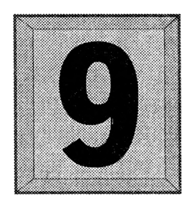
были сделать предложения по проведению рекламной кампании, оценку которой давали руководитель, коллега или подчиненный. Были сделаны *конструктивные* (например, «Надо обращать больше внимания на плакаты и упаковку») и *деструктивные* критические замечания (например, «Даже не пытайтесь. Похоже, никакого толку не будет»). Как видно из рис. 8. 6, лица, подвергшиеся деструктивной критике, особенно если она исходила от подчиненного, испытывали большую злость и напряжение, чем получившие конструктивные критические замечания. Бэрон (Baron, 1988b) пришел к заключению, что деструктивная критика, которая является причиной напряжения и чувства гнева, способствует возникновению или усилению межличностного конфликта в рабочей обстановке.

Подводя итоги, вернемся к Эйлин и Роберту: что в конечном счете определит реакцию Эйлин в их конфликте? Если основываться на рассмотренных исследованиях, следует ожидать, что на ее выбор повлияют самые разнообразные факторы. Ее личность, ее отношения с Робертом, природа их прежних взаимоотношений — все это может сказаться на реакции Эйлин. Если она будет продолжать настаивать на своем или же не предпримет никаких действий для разрешения конфликта, тогда следует ожидать его эскалации или усиления. Если же, однако, она проявит понимание, желание пойти на компромисс, тогда можно ожидать снижения напряженности или сдерживания возможных агрессивных выпадов с обеих сторон.

РЕЗЮМЕ

В настоящей главе мы ознакомились с результатами лабораторных исследований, в центре внимания которых находятся явления, имеющие самое непосредственное отношение к нашему повседневному опыту, и убедились в том, что далеко не во всех случаях расхожие представления об этих явлениях согласуются с научными данными. Именно так обстоят дела с вопросом о том, насколько мощным «возбудителем» агрессии являются *наркотики*. В то время как большинство людей полагают, что марихуана способствует повышению агрессивности, эмпирические данные свидетельствуют об обратном. Что же касается *алкоголя,* то он на самом деле способен усиливать агрессию, особенно если в самой ситуации содержится какая-либо угроза. Далее мы рассмотрели ситуационные (например, алкоголь) и индивидуальные (например, личностные характеристики агрессора) факторы, повышающие вероятность совершения действий, которые могут квалифицироваться как *сексуальная агрессия*. Поскольку проблема сексуальной агрессии чрезвычайно актуальна как в прикладном, так и в теоретическом отношении, достаточно хорошо изученным оказался вопрос о том, какое влияние на человеческое поведение может оказывать *порнография*. Многочисленные исследования показали, что порноматериалы, изображающие женщину в качестве объекта насилия, в отличие от обычной, «ненасильственной» порнографии, оказывают гораздо более сильное «подбадривающее» воздействие и во многих случаях подталкивают мужчин к сексуальной агрессии. Несмотря на то что многие из нас никогда не употребляли наркотиков и не интересовались порнографией, а соответственно, не могут судить и о их влиянии на собственное поведение, каждый из нас имел возможность — эффективно или неэффективно — участвовать

в *межличностном конфликте*. Некоторое влияние на то, как мы будем вести себя в ходе конфликта, оказывают личностные факторы, но, похоже, в гораздо большей степени это будет зависеть от ситуационных факторов и характера наших отношений с человеком, с которым мы конфликтуем. И наконец последнее, касающееся заядлых болельщиков: установлено, что спортивные зрелища, включающие в себя элемент насилия, способствуют усилению агрессивности в зрительской среде.

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ И УПРАВЛЕНИЕ АГРЕССИЕЙ

Массовые убийства в Южной Африке, зверские расправы иракских солдат с кувейтскими гражданами, покушения на национальных лидеров, случаи проявления бессмысленной и бессистемной «ярости» в американских городах, истязания детей, от описания которых бросает в дрожь, террористические акты, убийства, изнасилования — список жестоких деяний человека порой кажется бесконечным. Окинув взглядом бесчисленное количество сенсационных сообщений о подобных событиях в газетах и теленовостях, хочется сказать, что мы живем в то время, когда человеческое насилие поднялось до новых, беспрецедентных высот. Однако даже беглого взгляда на человеческую историю вполне достаточно, чтобы это заключение вызвало серьезные возражения. За 5600 лет летописной истории человечество пережило около 14 600 войн, примерно 2,6 — ежегодно (Montagu, 1976). Более того, установлено, что только десяти из ста восьмидесяти пяти поколений, живших в этот период, посчастливилось провести свои дни, не познав ужасы войны. И конечно, история в буквальном смысле изобилует примерами массовых грабежей, истязаний и геноцида. Так что не стоит предполагать, что насилие — специфическая черта XX века. Правильнее было бы сказать, что каждая эпоха получила свою долю насилия.

Если допустить, что агрессия всегда являлась составной частью человеческого общества и отношений между группами и нациями, сразу же возникает вопрос: а можно ли что-нибудь сделать, чтобы уменьшить интенсивность ее проявлений или, по крайней мере, контролировать их? Ответ на этот вопрос в значительной степени зависит от того, какой теоретической концепции придерживается человек, занимающийся вопросами агрессии. Если считать, что агрессивное поведение человека генетически запрограммировано, напрашивается пессимистический вывод: скорее всего, для предотвращения проявлений открытой агрессии почти ничего нельзя сделать. В лучшем случае такое поведение можно лишь временно сдерживать или, что несколько более эффективно, трансформировать его в безопасные формы или направлять на менее уязвимые цели (Freud, 1933; Lorenz, 1975). Напротив, при рассмотрении агрессии как приобретенной формы поведения напрашивается более оптимистичное заключение. Если агрессия действительно является результатом научения, то на ее формирование влияют самые разнообразные ситуационные, социальные и когнитивные факторы. Так что если мы в состоянии осознать природу этих факторов, способы проявления агрессивных реакций и приобретаемые при этом наклонности (Huesmann, 1988), то, вполне вероятно, мы сможем разорвать цепь насилия, связывающую нас с ужасной историей предшествующих поколений.

К счастью, большинство исследователей, ныне занимающихся изучением агрессии, придерживаются последней точки зрения (Bandura, 1986; Geen, 1991).

Не отрицая возможного влияния биологических или генетических факторов на агрессивные поступки или мотивы, значительное число исследователей полагают, что на все случаи проявления агрессии, на ее специфические формы и на цели, которые преследует выбравший эту модель поведения, в значительной степени влияют уникальные приобретенные навыки индивидов, различные аспекты когнитивных процессов, например, мышление, память, интерпретация собственных эмоциональных состояний и пр. (Zillmann, 1988) и множество социальных и средовых факторов (Baron, in press). Таким образом, с этой точки зрения, агрессия отнюдь не является неизбежной и предопределенной стороной человеческих общественных отношений, напротив, при соответствующих обстоятельствах ее можно предотвратить или проконтролировать.

Стоит заметить, что тщательное изучение психологической литературы, посвященной проблеме агрессии, показало нам фактически полное отсутствие статей о специфических методах и методиках, позволяющих ограничивать размах агрессивных действий. В большом количестве исследований целью является изучение факторов, способствующих проявлению агрессии, значительно меньше работ посвящено разработке превентивных мер или способов контроля агрессивного поведения (Kimble, Fitz & Onorad, 1977). Почему так происходит? Почему исследователи приложили столь мало усилий для решения этой, казалось бы, ключевой задачи? Возможно, немало причин было тому виной, но две из них, по нашему мнению, наиболее существенны.

Во-первых, значительная часть исследователей придерживается (хотя и не афиширует это) того мнения, что агрессией можно управлять с помощью так называемого «негативного» метода — посредством элиминации факторов, способствующих ее проявлению. С этой точки зрения, исследование возможных предпосылок агрессии поможет нам убить двух зайцев сразу. С одной стороны, будет получена информация об условиях, способствующих проявлению агрессии, а с другой — мы узнаем, какими способами можно снизить интенсивность актов агрессии или управлять агрессивным поведением. На первый взгляд, такое предположение кажется вполне логичным: чтобы исключить агрессию, необходимо просто устранить условия, способствующие ее проявлению. К сожалению, убедительность этого аргумента становится сомнительной, если мы примем во внимание все возрастающее число социальных, когнитивных и средовых предпосылок подобного поведения. Например, Берковитц (Berkowitz, 1988, 1989) утверждает, что причиной агрессии зачастую бывает негативный аффект, независимо от его происхождения. Все источники такого аффекта едва ли можно устранить из социального и физического мира. Подобным же образом агрессия может порождаться фрустрацией, провокацией со стороны других, нахождением в толпе, жарой и шумом. Существует ли возможность элиминации всех этих факторов из окружающей среды? И вновь напрашивается отрицательный ответ. В целом, если не вспоминать легендарную Утопию, трудно представить ситуацию, в которой большинство условий, способствующих возникновению агрессии и рассмотренных в предшествующих главах этой книги, могут быть устранены. Невозможность же их устранения вызывает серьезные сомнения в эффективности предложенной нам стратегии контроля.

Во-вторых, более весомая, на наш взгляд, причина пренебрежительного отношения к разработке превентивных мер и методов контроля агрессии имеет следующее происхождение: вплоть до недавнего времени многие психологи полага-

ли, что им уже известны наилучшие способы достижения подобных целей. Что еще более важно, существовала уверенность в том, что два метода — наказание и катарсис — необычайно эффективны для сокращения случаев проявления человеческой агрессии. Короче, многие психологи полагали, что если говорить о контроле над человеческой агрессией, то «фундамент» уже заложен, остается лишь добавить мелкие, несущественные детали. Эта удобная точка зрения, к сожалению, ныне вызывает серьезные сомнения. Накопленные факты относительно воздействия наказания и катарсиса свидетельствуют о том, что ни то, ни другое не является действительно эффективным для контроля открытой агрессии, как это считалось ранее. Более того, механизм воздействия обоих факторов гораздо сложнее и его «запуск» может произойти в более ограниченных условиях, чем предполагалось раньше. Поэтому, несмотря на то что и наказание и катарсис могут в какой-то степени использоваться для управления агрессией, они не станут — ни раздельно, ни в сочетании друг с другом — панацеей от всех проявлений человеческого насилия.

По мере того как убежденность в достоверности упомянутых выше аргументов таяла, количество исследований, посвященных непосредственно предупреждению или контролю человеческой агрессии, возрастало. Неудивительно, что многие из этих работ представляют собой расширенные варианты прежних исследований по проблемам наказания и катарсиса, давая нам тем самым дополнительный материал по действию этих двух факторов (Rogers, 1980). Многие исследователи, однако, обратили свое внимание на не рассматривавшиеся ранее способы снижения агрессии. К ним относятся такие факторы, как наблюдение за действиями в моделях неагрессивного поведения и индукция несовместимых реакций у потенциальных агрессоров (Baron, 1983a). В добавление к этому, учитывая возросший интерес психологов к когнитивным процессам, значительное внимание было уделено потенциальной роли некоторых когнитивных процессов в контроле открытой агрессии. Результаты в этой области оказались довольно обнадеживающими, позволяющими предположить, что когнитивное вмешательство действительно может оказаться весьма эффективным средством, способствующим уменьшению вероятности и силы проявления открытой агрессии (Baron, 1988a; 1990; Ohbuchi, Kameda & Agarie, 1989; Zillmann, 1988). Наконец, следуя высказыванию, что профилактика лучше, чем лечение, значительное внимание было уделено социальным навыкам индивидов, необходимым для недопущения агрессивного взаимодействия с другими (Goldstein, Carr, Davidson & Wehr, 1981), а также технике самоконтроля — тактике, к которой они могут прибегнуть в самых различных ситуациях, чтобы обуздать свой гнев или характер (Goldstein et al., 1981; Weisinger, 1985). Некоторые из этих методов будут рассмотрены в рамках данной главы.

НАКАЗАНИЕ: ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ АГРЕССИИ?

Может ли страх быть наказанным удержать человека от причинения вреда другим или совершения противозаконных поступков? И может ли наказание само по себе удержать людей от повторения поступков, приведших к таким неприятным последствиям? Представители многих культур ответили бы «да». Именно

по этой причине во многих государствах были установлены суровые наказания за такие преступления с применением насилия, как убийство, изнасилование и разбойное нападение (Groth, 1979). Интересно отметить, что некоторые признанные авторитеты в области изучения человеческой агрессии придерживаются подобных взглядов. Так, например, Доллард с коллегами в знаменитой монографии «Фрустрация и агрессия» утверждают, что «сила торможения любого акта агрессии в значительной степени зависит от потенциального наказания в случае совершения такого поступка» (Dollard, 1939). Комментируя 23 года спустя это утверждение, Берковитц замечает: «Это положение, в том виде, как оно изложено, не вызывает сомнений» (Berkowitz, 1962). Короче, существует мнение, что наказание является весьма эффективным средством обуздания человеческой агрессии. Действительно ли это так?

Существующие эмпирические данные по этому вопросу складываются в довольно сложную картину. Вкратце ее можно представить следующим образом: при определенных условиях наказание (или просто страх возможного наказания) может действительно удержать человека от осуществления актов насилия. Однако при других обстоятельствах это может и не произойти. В определенных случаях наказание может даже способствовать актуализации агрессивного поведения, а не сдерживать его. Чтобы разобраться в имеющихся фактах, лучше всего рассмотреть по отдельности, как влияют на агрессию наказание и страх его применения.

СТРАХ НАКАЗАНИЯ: КОГДА ОН «СРАБАТЫВАЕТ», А КОГДА — НЕТ

Сюжеты многих боевиков построены по единому принципу. На каком-то этапе развития действия герой или героиня фильма, поставив преступника в безвыходное положение, требует от него полного подчинения своим приказам. Иногда преступник уступает, и кровопролития (которое могло бы быть) не происходит. Иногда же он, напротив, отказывается повиноваться, и происходит неизбежное — он встречает, вполне заслуженно, свой конец! Естественно, фильмы не могут служить основанием для научных заключений. Однако в данном случае они как в зеркале отражают часто встречающиеся в жизни ситуации, когда страх наказания иногда предотвращает агрессивные действия, а иногда нет. Почему так происходит? Несколько десятилетий эмпирических исследований дали нам возможность предположить следующее: будет (если да, то как сильно) или не будет влиять страх возможного наказания на агрессию, зависит от нескольких факторов. Мы сконцентрируем внимание только на четырех переменных, которые, как нам кажется, наиболее важны.

Как сильно разгневаны потенциальные агрессоры?

Первая переменная — степень «разгневанности» потенциальных агрессоров. Результаты нескольких исследований позволяют думать, что при низком или умеренном провоцировании и возбуждении, вызванном гневом, страх применения наказания может «предохранить» от проявлений открытой агрессии. Напротив, когда провокация и возникающий в качестве реакции на нее гнев сильны, страх наказания может не сыграть никакой роли и не оказать сдерживающего воздействия (Ва-

ron, 1973; Rogers, 1980). Не вызывает сомнения мысль, что многие люди, находясь в состоянии гнева, просто не в силах задуматься о последствиях своих агрессивных действий. Поэтому они ведут себя, по словам Берковитца, импульсивно, набрасываясь на других, не задумываясь о возможных последствиях своих действий (Berkowitz, 1988, 1989). Примеры подобного рода характерны для военного времени. Солдаты, становящиеся свидетелями смерти или увечья своих товарищей по оружию, зачастую впадают в отчаяние и бросаются в заведомо неудачную атаку против ненавистного противника, не задумываясь о том, что подобное поведение наверняка влечет за собой тяжелые увечья или даже смерть. Например, во время кровавой борьбы за независимость Пакистана солдаты, боровшиеся на стороне нового государства Бангладеш, иногда становились свидетелями потрясающей жестокости пакистанской армии по отношению к гражданскому населению. В одном из подобных случаев они натолкнулись на сотни трупов молодых женщин, которые, будучи пленницами пакистанских солдат, были ими изнасилованы и убиты. При виде таких картин многие солдаты теряли контроль над собой и бросались в отчаянные атаки против укрепленных пакистанских позиций. Представление об этом дает следующее описание действий бенгальских солдат, вооруженных только копьями: «Некоторые из бенгальцев были в таком бешенстве, что просто не могли повернуть назад и бежали вперед... пока их не остановили взрывы пушек, а некоторые... вновь подымались, чтобы метнуть свое копье в небо...». Ясно, что в подобных случаях чрезвычайно сильные эмоции подавляют страх смерти и не могут удержать людей от агрессивных действий.

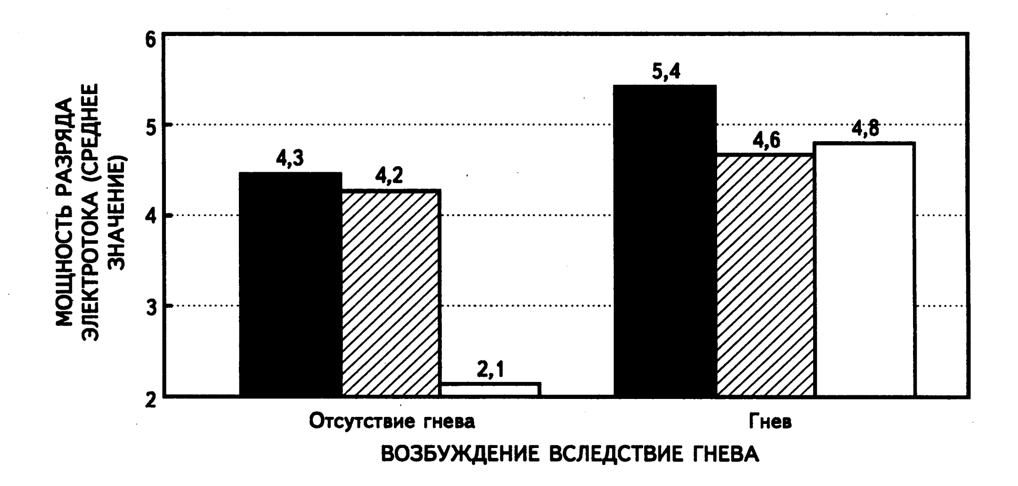
Прямым эмпирическим подтверждением сделанного выше заключения являются данные, полученные в результате нескольких исследований (Rogers, 1980). Во время одного из них (Baron, 1973) помощник экспериментатора должен был одну часть студентов университета вывести из себя (экспериментальное условие — провоцирование гнева), а другую часть — нет (экспериментальное условие — отсутствие провоцирования). Затем испытуемым из обеих групп, под предлогом изучения воздействия электрических раздражителей на физиологические реакции, предоставили возможность отомстить провокатору разрядами электрического тока. Страх наказания выступал в этом эксперименте в качестве манипулируемой переменной. Одной трети участников эксперимента сказали, что их жертва никогда не будет иметь возможности отомстить им (малая вероятность ответного удара); второй — что у нее может быть такая возможность (средняя вероятность ответного удара), а третьей — что у нее наверняка будет такая возможность (высокая вероятность ответного удара). Экспериментаторы предположили, что страх наказания окажется наиболее эффективным — удержит индивида от проявления агрессии — в случае, когда испытуемые не были спровоцированы жертвой, и не даст ожидаемого эффекта при условии сильного предварительного провоцирования. Как видно из рис. 9. 1, оба предположения подтвердились. Как и прогнозировалось, мощность разрядов электрического тока, которую выбирали неспровоцированные испытуемые, резко падала, как только страх наказания (в виде ответного удара со стороны жертвы) усиливался. Напротив, на поведение участников эксперимента, подвергавшихся провоцированию, этот фактор практически не повлиял. Такие результаты, включая данные других исследований (Knott & Drost, 1972; Rogers, 1980), дают возможность заключить, что страх наказания может быть весьма эффективным, но только в том случае, когда потенциальные агрессоры не подвергались сильному раздражению и провоцированию.

Получение выгоды посредством агрессии

Второй переменной, определяющей, будет страх наказания влиять на проявление агрессии или нет, является осознание индивидом того, насколько выгодно для него подобное поведение. Когда результатом актов агрессии может оказаться получение прибыли в любом смысле этого слова — например, большой денежный доход или переход на более высокую ступень в социальной иерархии, — даже сильный страх наказания оказывается не в состоянии удержать людей от подобного поведения. Напротив, когда агрессивное поведение не дает людям практически никакой выгоды, страх наказания может оказаться весьма существенным фактором сдерживания открытой агрессии (Baron, 1974a).

Необычайно ярким примером выбора агрессии как средства получения прибыли являются враждующие банды торговцев наркотиками, поступки которых одинаковы во всем мире. Законами практически всех стран за распространение таких наркотиков, как героин и кокаин, предусмотрено весьма серьезное наказание. Несмотря на это, торговля наркотиками продолжается. Более того, современные наркодельцы, связанные с транспортировкой наркотиков, в жестокой борьбе отстаивают свои территории — географические области, где они обладают монополией на продажу и распространение нелегальных наркотических средств. Пре-

Рис. 9. 1. По мере возрастания вероятности ответного удара со стороны жертвы (страх наказания) агрессия со стороны лиц, не подвергавшихся провоцированию, падала. Однако увеличение вероятности наказания не подавило агрессию у лиц, подвергавшихся перед этим сильному провоцированию. *(Baron, 1973)*

красно зная о жестокой конкуренции, враждующие банды все равно пытаются наложить лапу на чужую территорию, что почти всегда приводит к действиям, которые можно классифицировать как агрессивные — происходят яростные столкновения между хорошо вооруженными противоборствующими организациями, заканчивающиеся смертью и физическими травмами огромного числа лиц. Эти столкновения столь жестоки, а втянутые в них банды столь хорошо вооружены, что во многих местах, включая города Соединенных Штатов, в ночное время суток полиция фактически даже не пытается вмешиваться в ход криминальных разборок. Вероятно, можно найти немало причин описанных выше событий, но самая главная из них, как нам кажется, — огромные финансовые прибыли, которые дает нелегальная транспортировка наркотиков. Эти доходы столь велики, что по существу гарантируют включение высоких уровней агрессии. И это вполне понятно: каким иным путем необразованные, безработные парни могут еще получить столь огромные доходы?

Сила и вероятность боязни возможного наказания

Будет или нет страх наказания влиять на проявления агрессии, определяют еще две переменные, на которые, к нашему удивлению, не всегда обращают внимание: строгость возможного наказания и вероятность того, что подобная аверсивная мера действительно будет применена. Что касается строгости наказания, исследовательские изыскания наводят на мысль о том, что страх наказания будет играть большую роль в предотвращении проявлений открытой агрессии, когда за совершение агрессивных действий грозит суровая кара (Shortell, Epstein & Taylor, 1970). Доллард с коллегами считают, что между этими переменными существует линейная зависимость, то есть увеличение степени строгости ожидаемого наказания приводит к снижению интенсивности агрессивных проявлений. Однако некоторые факты наводят на мысль, что эта зависимость на самом деле нелинейна, поэтому влияние страха наказания на открытую агрессию будет сравнительно мало, пока он (страх) не станет очень сильным. Однако очевидно, что степень боязни возможного наказания является фактором, зачастую определяющим, насколько эффективна такая мера, как наказание, для предотвращения агрессии.

И наконец, повлияет ли страх наказания на поведение индивида, зависит также и от того, насколько высока вероятность реального применения карательных мер. Наблюдения показывают, что боязнь возможного наказания зачастую не становится преградой для реализации актов насилия, когда известно, что к такому наказанию вряд ли прибегнут. На самом деле пустые угрозы могут привести к совершенно неожиданным результатам. Об этом свидетельствуют данные, полученные в ходе нескольких лабораторных исследований (Baron, 1971a, 1973, 1974b): агрессия стабильно уменьшается по мере повышения вероятности наказания за подобное поведение. К сожалению, в жизни люди часто считают вероятность наказания за определенный агрессивный поступок довольно низкой, в лучшем случае ее определяют как 50 на 50. В такой ситуации эффективность потенциального наказания в предотвращении агрессии в дальнейшем поведении сильно снижается.

В целом имеющиеся данные свидетельствуют о том, что влияние боязни наказания на демонстрацию агрессии зависит от нескольких факторов. Эта мера приводит к положительным результатам, если: 1) потенциальные агрессоры не подвергаются сильному провоцированию; 2) практически не получают выгоды от

открытой агрессии; 3) возможное наказание за агрессивные действия будет суровым; 4) вероятность наказания высока. Значение этих специфических условий для успешного функционирования системы уголовного правосудия будет рассмотрена позднее.

РЕАЛЬНОЕ НАКАЗАНИЕ: ЧЕМУ ОНО УЧИТ?

Несмотря на то что страх возможного наказания не всегда удерживает индивида от агрессивного поведения, логично предположить, что большую пользу принесет реальное осуществление карательных мер. В конце концов, наказание служит для убеждения агрессоров в том, что общество «понимает, в чем дело» и не собирается терпеть вспышки агрессии. Более того, если используются довольно суровые меры, наказание может приостановить — на время или даже навсегда — деятельность агрессоров, предотвращая тем самым возможные акты насилия (Buss, 1971). Данные, свидетельствующие о том, что применение наказания может действительно сыграть роль «сдерживающего элемента», препятствующего появлению агрессии, были получены в нескольких исследованиях.

По вполне понятным этическим причинам совершенно невозможно напрямую определить, какое воздействие оказывает суровое физическое наказание. Поэтому многие психологи настойчиво рекомендуют использовать альтернативные методы контроля агрессии и других форм антиобщественного поведения (LaVigna & Donnellan, 1986). Тем не менее в одном исследовании, проведенном в клинике, фактически напрямую изучалось воздействие физического наказания на предотвращение агрессии (Ludwig, Marx, Hill & Browning, 1969). В этом исследовании были предприняты попытки изменить поведение женщины, больной шизофренией, которая часто и совершенно неожиданно нападала на пациентов и персонал психиатрической больницы. Проявляя незаурядную изобретательность для достижения своих агрессивных целей, она использовала следующую стратегию: угрожала человеку, а затем, казалось, забывала об угрозах. Как только намеченная ею жертва расслаблялась и прекращала думать о необходимости самообороны, женщина внезапно совершала нападение, причиняя значительный вред ничего не подозревающим людям.

Чтобы изменить эту опасную модель поведения, Людвиг с коллегами прописали этой пациентке систематическое «лечение» разрядами электрического тока высокой мощности. Первоначально она получала удары током только после нападений с применением физической силы. Затем она стала получать их, когда просто угрожала другим. В конце концов, ей стали наносить удары, когда она начинала жаловаться или обвинять других. Результаты подобного лечения были налицо: вскоре больная перестала прибегать к агрессивным действиям и даже со временем установила смахивающие на дружеские отношения с окружающими. Сама женщина также ощущала, что с нею произошли значительные изменения. Об этом свидетельствует ее признание: «Вы стараетесь сделать из меня человеческое существо». Выходит, что в данном случае причиняющее боль физическое наказание оказалось вполне успешным при смягчении опасных форм агрессии.

За исключением этого и нескольких других исследований, проведенных также в клинических условиях, большинство исследователей, изучающих влияние наказания на агрессию, не прибегали к столь крайним мерам — в качестве наказания

они использовали в основном социальное неодобрение или отсутствие поощрений (Brown & Tyler, 1968; Deur & Parke, 1970). Или же, как отмечалось нами в главе 3, исследователи, сосредоточившие свое внимание на изучении зависимости агрессии от наказания, в качестве метода исследования выбирали наблюдение, чтобы выяснить, каким образом наказания детей родителями связаны с проявлениями агрессии этими детьми в будущем (Eron & Huesmann, 1984). Как отмечалось нами ранее, такие исследования показывают, что не слишком суровые наказания, применяемые родителями, оказываются наиболее эффективными для снижения вероятности демонстрации агрессивного поведения детьми в дальнейшем (Lefkowitz, Eron, Walder & Huesmann, 1977). Дети, чьи родители в качестве карательных мер выбирали суровые или даже очень суровые наказания, в будущем склонны вести себя более агрессивно, нежели дети, которых наказывали не слишком строго.

Несмотря на подтверждение существующими данными того, что наказание зачастую действительно является эффективным средством предотвращения различных форм агрессии, у нас имеются все основания, чтобы задать вопрос: а всегда ли подобная мера срабатывает? Во-первых, реципиенты часто считают наказание несправедливым, особенно если видят, что другие, совершая подобные поступки, его избегают. Например, представьте себе чувство ярости и негодования школьников, которых наказывают за проступки, сходящие их одноклассникам с рук, или водителей, которых штрафуют за остановку в неположенном месте, хотя они не раз видели, как другие делают это безнаказанно. Неудивительно, что они впадают в ярость, когда их наказывают за подобное поведение.

Во-вторых, лица, чьими руками осуществляется наказание, иногда своими действиями подают пример агрессии. В таких случаях наказание, безусловно, способствует агрессии в будущем (Eron, 1982). Представьте себе, что какой-то родитель наказывает ремнем своего ребенка за драку с одноклассником, сердито приговаривая: «Я тебе покажу, как драться!» Что может усвоить ребенок в таком случае? Исключительно то, что драться можно, но следует выбирать жертву поменьше ростом! В-третьих, новые данные свидетельствуют о том, что, хотя наказание за антиобщественные действия в состоянии удерживать индивидов от совершения такого рода поступков, оно может вынудить индивида выбирать в качестве модели другие, вполне определенные формы антиобщественного поведения. Например, в одном из исследований по этой проблеме Белл, Петерсон и Хауталуома (Bell, Peterson & Hautaluoma, 1989) наказывали испытуемых изъятием купонов за демонстрацию эгоистичного поведения во время игры, основанной на следующих принципах: 1) кража купонов у других игроков; 2) чрезмерные траты (то есть участник игры тратил значительно больше, чем позволяли наличные ресурсы). Результаты показали: наказание игрока за демонстрацию одного типа поведения повышает вероятность выбора другой модели поведения.

Наконец, недавние исследования наводят на мысль, что наказание даст долговременный эффект только в том случае, если оно осуществляется при определенных условиях, а именно: 1) агрессивное действие и наказание должен разделять небольшой промежуток времени; 2) наказание должно быть достаточно строгим и неприятным; 3) реципиент должен четко осознавать, что определенная форма его поведения влечет за собой наказание (Bower & Hilgard, 1981). Только когда наказание осуществляется с учетом всех этих принципов, оно способствует существенным изменениям в поведении.

В целом у наказания как у метода предотвращения открытой агрессии тоже есть свои недостатки. Оно может расцениваться наказуемыми как точно такая же агрессия; оно может сдерживать одни модели антиобщественного поведения, но в то же время способствовать актуализации других; оно может служить для наказуемых примером агрессивного поведения; его эффективность зависит от выполнения определенных условий. В свете всего вышеперечисленного нас вряд ли удивит тот факт, что лица, «получившие по заслугам», редко изменяются или «перестраиваются» в результате приобретенного опыта.

НАКАЗАНИЕ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО: ВОЗМОЖНЫЕ ПАРАДОКСЫ

Как уже отмечалось ранее, в большинстве государств наказание является краеугольным камнем системы уголовного права. Возможно, именно по этой причине оно является самым распространенным средством управления открытой агрессией. Учитывая это обстоятельство, системы, использующие наказания в качестве реакции на агрессию, должны делать это с особой осторожностью. Короче говоря, казалось бы, следует ожидать — и надеяться! — что каждый шаг, предпринятый системой, будет направлен на усиление сдерживающего влияния наказания на агрессию. Но на самом деле не это важно. Условия, существующие в настоящее время во многих законодательных системах, связанных с правосудием, похоже, приводят к снижению эффективности наказания как способа сдерживать агрессию. Во-первых, представьте себе механизм действия страха наказания — при определенных условиях его эффективность невелика. Во многих странах вероятность быть арестованным и осужденным за агрессивные поступки близка к нулю, а выгоды от подобного поведения зачастую весьма существенны. Что же касается форм наказаний за нападение на людей с применением насилия — они в лучшем случае неконкретны. Содержание приговора зависит от того, в чьем ведении находится дело, и даже от суда, где оно слушается. Все эти факторы в значительной степени снижают ценность страха наказания как сдерживающего агрессию фактора.

Во-вторых, реальное наказание часто не приводит к тем результатам, которых ждали от этого акта возмездия. Временной разрыв между фактами преступления с применением насилия и наказания за их осуществление исчисляется месяцами и даже годами. Связь между актами агрессии и наказанием случайна; далеко не всех агрессоров, как отмечалось ранее, арестовывают, еще меньшему количеству выносят приговор. Вот почему многие лица, совершившие агрессивные действия, остаются безнаказанными, а другие заявляют о своей невиновности, чтобы уменьшить строгость возможного наказания, что вполне естественно для нашей, загруженной делами, судебной системы. Учитывая все это, неудивительно, что некоторые индивиды, получившие по заслугам, зачастую считают себя либо неудачниками, либо жертвами нелогичной системы, но отнюдь не лицами, заслуживающими подобных мер со стороны разгневанного общества.

В заключение следует отметить, что имеющиеся данные свидетельствуют о том, что наказание, осуществляемое должным образом, может служить эффективным средством предотвращения агрессии. Но для этого необходимо, чтобы в процедуре его применения присутствовала некая система и чтобы оно не противоречило основным принципам. К сожалению, такие требования отсутствуют в системе уго-

ловного права большинства стран. Результат, таким образом, вполне предсказуем: наказание зачастую не в состоянии оказать какого-нибудь заметного сдерживающего влияния на потенциальных агрессоров. И, как считают исследователи, оно действительно в основном представляет собой урок жестокости или санкционированный законом акт возмездия лицам, которые считаются опасными. Важно, однако, отметить, что подобные результаты внутренне не ассоциируются с самим наказанием. С другой стороны, существуют данные, говорящие о том, что наказание может служить эффективным средством для модификации многих моделей поведения, включая агрессию. Однако вопрос о том, будет ли оно применяться в системе уголовного права способом, который повысит вероятность получения подобных результатов, остается открытым.

КАТАРСИС: НЕУЖЕЛИ «ВЫХОД ИЗ СЕБЯ» ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОМОГАЕТ?

Представьте себе такую ситуацию: в один прекрасный день вас здорово разозлил ваш босс, серьезно отчитавший вас за поступок, к которому вы не имели никакого отношения. После ухода начальника вы ударяете кулаком по столу, ломаете два карандаша и рвете в клочья утреннюю газету. Уменьшат ли эти действия ваш гнев? И избавят ли они вас от склонности в будущем сердиться на босса в подобных ситуациях? Согласно хорошо известной теории катарсиса, ответ в обоих случаях будет положительным. Эта точка зрения наводит на мысль, что, когда рассерженный человек «выпускает пар» посредством энергичных, но не причиняющих никому вреда действий, происходит следующее: во-первых, снижается уровень напряжения или возбуждения, а во-вторых — уменьшается склонность прибегать к открытой агрессии против провоцирующих (или других) лиц.

Эти предположения восходят еще к трудам Аристотеля (382—322 н. э.), считавшего, что созерцание постановки, заставляющей зрителей сопереживать происходящему, косвенно может способствовать «очищению» чувств. Несмотря на то что сам Аристотель не предлагал конкретно этот способ для разрядки агрессивности, логическое продолжение его теории было предложено многими другими, в частности Фрейдом, полагавшим, что интенсивность агрессивного поведения может быть ослаблена либо посредством выражения эмоций, имеющих отношение к агрессии, либо путем наблюдения за агрессивными действиями других. Признавая реальность такого «очищения», Фрейд тем не менее был весьма пессимистично настроен относительно его эффективности для предотвращения открытой агрессии. Похоже, он считал, что его влияние малоэффективно и недолговечно. Таким образом, представление о катарсисе, принятое в психологии, скорее сродни тому, что излагают Доллард и его коллеги в монографии «Фрустрация и агрессия» (Dollard et al., 1939).

Согласно этим авторам, «результатом любого акта агрессии является катарсис, который уменьшает вероятность проявления других агрессивных действий». Короче говоря, Доллард и другие считают, что осуществление одного агрессивного акта — независимо от того, что его породило — снижает желание агрессора прибегать к другим формам насилия. Основываясь главным образом на этом и подобном ему предположениях, целые поколения родителей побуждали своих

детей играть в активные игры, тысячи психотерапевтов призывали пациентов освобождаться от враждебных чувств, а сообразительные предприниматели получили весьма солидные доходы от продажи резиновых плеток и подобных средств, предназначенных для достижения эмоционального катарсиса. Оправдывает ли себя эта вера в лечебные свойства катарсиса и деятельности, приводящей к нему? И вновь — имеющиеся эмпирические данные складываются в довольно сложную картину.

РАЗРЯДКА НАПРЯЖЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ АГРЕССИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ: КОГДА СТРАДАНИЯ ДРУГОГО ПРИВОДЯТ К ХОРОШЕМУ НАСТРОЕНИЮ

Во-первых, давайте задумаемся над утверждением, что на фоне сильной провокации деятельность, предполагающая энергичные, но безопасные действия, включая сравнительно безобидные формы агрессии, якобы может привести к разрядке напряжения или эмоционального возбуждения. Исследования, в которых проверялась достоверность этого предположения, в целом подтверждали гипотезу, но указывали при этом на важные ограничения, которые необходимо учитывать при работе с данным процессом. С одной стороны, казалось бы, разрядка возбуждения, вызванного сильной провокацией, может произойти в результате осуществления физических действий, требующих больших усилий, или сравнительно безобидных нападок на других (Zillmann, 1979). Пожалуй, этот эффект прекрасно демонстрирует целая серия исследований, проведенных Хокансоном и его коллегами (Hokanson & Burgess, 1962a, 1962b; Hokanson, Burgess & Cohen, 1963).

В этих исследованиях на первом этапе испытуемых (обычно студенток колледжей) провоцировал экспериментатор. Далее им предоставлялась возможность совершить какие-либо агрессивные действия по отношению к нему или другим. До, во время и после эксперимента у испытуемых измерялось артериальное давление. В целом результаты свидетельствуют об эмоциональной разрядке — катарсисе. У испытуемых, получивших разрешение проявить прямую агрессию по отношению к провокатору, отмечалось резкое падение уровня возбуждения.

Пожалуй, стоит детально рассмотреть один из подобных экспериментов (Hokanson & Burgess, 1962b), когда испытуемых, под предлогом изучения влияния выполнения интеллектуальных задач на физиологические реакции, просили перечислить последовательность от 100 до 0, убывающую на три. При этом экспериментатор неоднократно прерывал испытуемых, мешал им, в некоторых случаях настаивая на том, чтобы они начали перечисление заново. Наконец он заканчивал этот этап эксперимента, заметив с явным негодованием, что «нежелание сотрудничать» испытуемых делает всю работу бессмысленной. Как и следовало ожидать, такая крайне провокационная методика способствовала заметному росту показателей физиологического возбуждения у испытуемых (то есть у них резко поднималось артериальное давление и учащался пульс).

Чтобы определить, произойдет ли спад возбуждения, если участникам эксперимента предоставить возможность отомстить провокатору, испытуемых разделили на несколько групп и дали им возможность проявить по отношению к экспериментатору: 1) физическую агрессию (разряды электрического тока); 2) вербальную агрессию (оценки опросника); 3) воображаемую агрессию (сочинение историй на основе просмотренных рисунков). Испытуемые же из четвертой, конт-

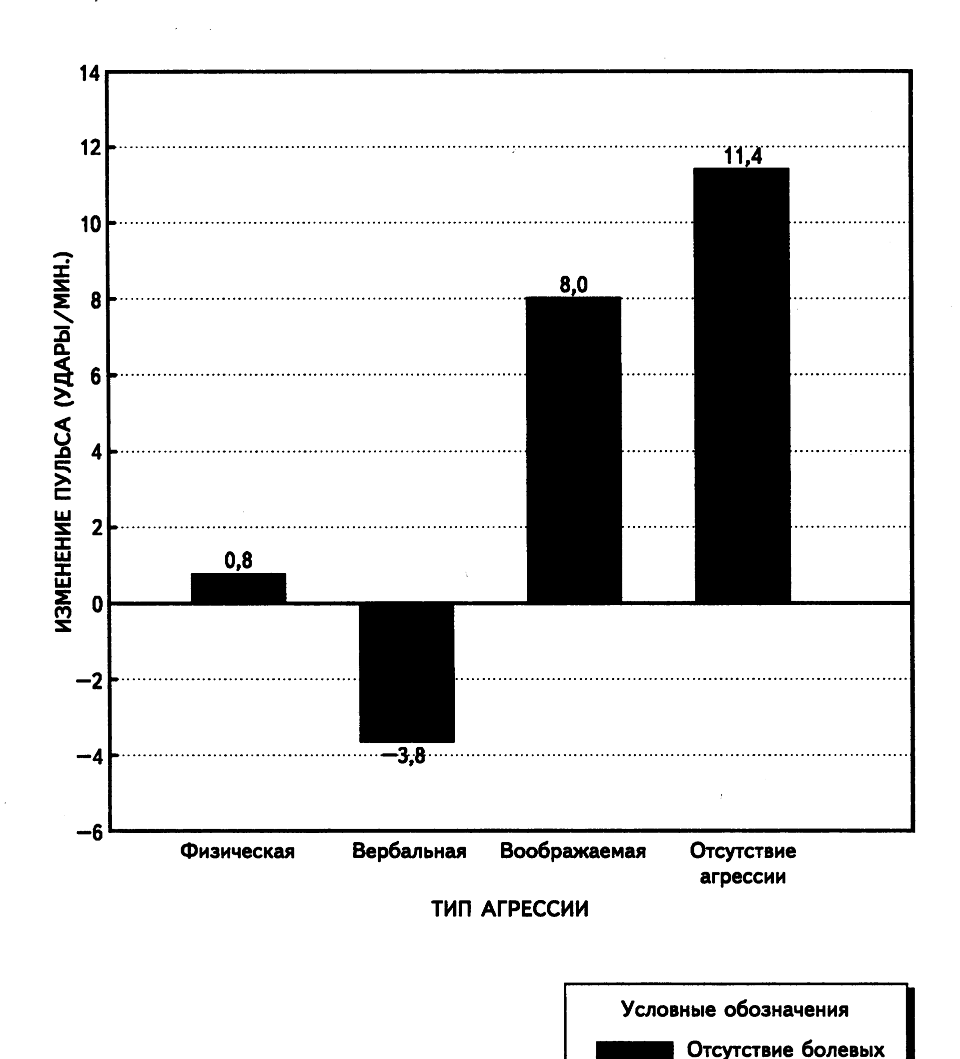

Рис. 9. 2. У испытуемых, получивших возможность ответить на выпады раздражавшего их человека физической или вербальной агрессией, было зарегестрировано падение уровня физиологического напряжения. У тех же, кто мог отомстить обидчику только в мечтах, не было отмечено подобной разрядки напряжения. *(Hokanson & Burgess, 1962b)*

рольной группы, не имели возможности ответить на резкие замечания экспериментатора. Как видно из рис. 9. 2, результаты показали наличие эмоционального катарсиса. У испытуемых, получивших возможность ответить экспериментатору физической агрессией, наблюдалось резкое падение возбуждения до первоначального уровня. То же самое можно сказать и об испытуемых, которым было разрешено мстить только посредством вербальной агрессии. Последний пример свидетельствует о том, что при таких условиях даже сравнительно безобидные дей-

ствия могут привести к разрядке напряжения. Однако воображаемая агрессия по отношению к экспериментатору не привела к достижению подобного результата.

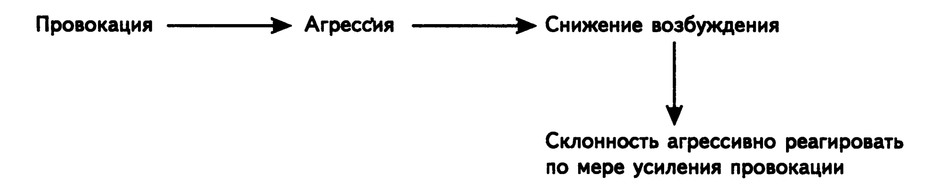
В ходе последующих исследований Хокансон и его коллеги получили данные, свидетельствующие о том, что проявление агрессии по отношению к лицам, ассоциируемым с источником раздражения, может привести к разрядке физиологического напряжения. А нападки на лиц, не имеющих никакого отношения к провоцированию испытуемых, не приводят к такому же результату (Hokanson, Burgess & Cohen), 1963). В сочетании с данными других исследований (Geen, Stonner & Shope, 1975) эти данные наводят на мысль о том, что индивиды в момент осуществления агрессивных действий действительно могут иногда ощущать разрядку эмоционального напряжения. С этой точки зрения, выводы, сделанные на основе житейского опыта, о том, что мы зачастую «чувствуем себя лучше» (то есть менее возбужденными или напряженными), расквитавшись с людьми, выводившими нас из себя, действительно имеют под собой основания.

Эмоциональный катарсис: некоторые специфические условия

Прежде чем мы закончим рассматривать проблему, которую можно было бы назвать проблемой эмоционального катарсиса, следует обратить внимание на два следующих обстоятельства. Во-первых, тот факт, что агрессия по отношению к другим зачастую приводит к снижению уровня физиологического возбуждения, ни в коем случае не означает, что в будущем индивид будет не так часто выбирать агрессивное поведение в качестве модели поведения. На самом же деле, утверждает Хокансон (Hokanson, 1970), подобный способ снятия эмоционального напряжения зачастую поощряется, что может способствовать усилению агрессивных наклонностей. Коротко этот механизм можно представить следующим образом: человека выводят из себя, и он отвечает агрессией провокатору. В результате уровень физиологического возбуждения у него падает. Такой способ снятия напряжения, в свою очередь, может способствовать развитию у человека склонности реагировать в будущем агрессией на тех, кто будет его провоцировать. Короче говоря, эмоциональный катарсис ни в коем случае не гарантирует того, что полученная в результате нападок на других разрядка уменьшит вероятность проявления подобного поведения в будущем. Как показала жизнь, вполне возможны и диаметрально противоположные результаты (см. рис. 9. 3).

Во-вторых, что касается утверждения, что существует в каком-то смысле уникальная связь между агрессивными действиями и разрядкой вызванного гневом эмоционального напряжения. Еще недавно было широко распространено убеж-

Рис. 9. 3. Агрессия по отношению к другим иногда приводит к разрядке физиологического напряжения, что, по сути дела, является положительным подкреплением. В результате тенеденция выбирать агрессию в качестве реакции на провокации может усилиться. *(Hokanson, 1970)*

дение, что только действия против источника провокации — или ассоциирующихся с ним объектов — могут снять эмоциональное возбуждение спровоцированных лиц. Однако результаты недавних весьма интересных экспериментов наводят на мысль, что, по существу, любая реакция, помогающая положить конец отвратительному поведению какого-либо человека, может иметь подобный эффект (Hokanson & Edelman, 1966; Hokanson, Willers & Koropsak, 1968; Stone & Hokanson, 1969).

Во время эксперимента, проведенного Хокансоном, Виллерсом и Коропсаком (Hokanson, Willers & Koropsak, 1968), испытуемые, оказавшиеся в разных экспериментальных условиях, имели возможность с помощью двух кнопок либо вознаградить другого человека (присудить ему дополнительное очко), либо наказать с помощью разрядов электрического тока. На самой начальной, базовой фазе эксперимента напарник испытуемых (помощник экспериментатора) отвечал вознаграждением или наказанием в случайном порядке, независимо от поведения испытуемых. Как и ожидалось, в течение всего этого периода испытуемые демонстрировали разрядку эмоционального напряжения (катарсис), когда реагировали агрессией на разряды электрического тока, посланные их напарником, то есть когда имели возможность ответить контрударами.

На втором этапе эксперимента условия изменились — действия напарника стали зависеть непосредственно от поступков испытуемых. В 90% случаев неагрессивных ответов мужчин-испытуемых на электрические разряды, полученные со стороны своего напарника (фактически поощрение), он, в свою очередь, в следующий раз отвечал им поощрением. Когда же 90% испытуемых отвечали на действия своего оппонента агрессивно (то есть посылая ему разряды электрического тока), он отвечал им тем же. Было выдвинуто предположение, что при таких условиях испытуемые быстро сообразят, что выгоднее всего на полученный удар током реагировать в неагрессивной манере. Более того, что намного важнее для нашего исследования, они постепенно станут демонстрировать падение уровня напряжения именно после неагрессивных поступков. Короче говоря, прогноз заключался в том, что испытуемые будут демонстрировать признаки эмоционального катарсиса как реакцию, следующую за неагрессивным поведением, потому что такое поведение предотвратит последующие атаки со стороны помощника экспериментатора. Именно так и произошло.

Еще более яркие свидетельства в пользу того, что снятие напряжения, вызванного гневом, не имеет какой-то уникальной связи с агрессивными реакциями, были получены в результате исследования, осуществленного Стоуном и Хокансоном (Stone & Hokanson, 1969). По условиям эксперимента испытуемые должны были отвечать оппоненту одним из трех способов: путем нанесения ему ответного удара; путем его вознаграждения или же путем нанесения более слабых (слабее полученных) ударов самим себе. Была установлена закономерность действий между поведением испытуемых и их партнером: всякий раз, отвечая на удары со стороны помощника экспериментатора нанесением ударов самим себе, они получали вознаграждение. При таких условиях участники эксперимента стали постепенно демонстрировать разрядку напряжения по типу катарсиса сразу же после подобных реакций. Иными словами, у них быстро и резко падал уровень физиологического напряжения каждый раз, когда они демонстрировали — на первый взгляд — мазохистское поведение! На самом же деле такое поведение было далеко от мазохистского — оно снижало дискомфорт, который испытывали испытуе-

мые. Эти данные — весомое доказательство того, что между агрессией и разрядкой эмоционального возбуждения не существует какой-либо уникальной или специфической связи. Похоже, что при определенных условиях практически любая форма поведения может приобрести такие «катарсические» свойства.

КАТАРСИС И ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ: ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ НАСИЛИЕ СЕГОДНЯ ВЕДЕТ К ПРОЩЕНИЮ ЗАВТРА?

Несмотря на то что такое явление, как эмоциональный катарсис, представляет собой значительный интерес, более важным, с точки зрения возможности управления агрессией, кажется вопрос о существовании поведенческого катарсиса — могут ли безопасные и не причиняющие вреда действия способствовать снижению вероятности проявления более опасных форм агрессии. К сожалению, полученные на сегодняшний день данные о возможном эффекте поведенческого катарсиса едва ли можно назвать обнадеживающими. Фактически можно совершенно точно заявить, что подобный эффект имеет место только при наличии весьма специфических условий и что он не будет проявляться в ситуациях, в которых он должен бы был, как некогда считалось, проявиться. Например, задумайтесь над следующими фактами: 1) просмотр фильмов или телевизионных программ со сценами насилия не приводит к снижению уровня агрессии; напротив, подобный опыт, скорее, усилит интенсивность агрессивных проявлений в будущем (Wood, Wong & Chacere, 1991); 2) уровень агрессия не уменьшается, если человек вымещает свой гнев на неодушевленных предметах (Mallick & McCandless, 1966): если предоставить людям возможность «отдубасить» надувные игрушки, закидать дротиками изображения ненавистных врагов или разнести вдребезги какие-нибудь предметы — совершенно не обязательно, что сила их стремления совершить агрессивные поступки по отношению к досаждающим им лицам уменьшится; 3) уровень агрессии не уменьшается после серии вербальных атак (Ebbsen, Duncan & Konecni, 1975) — напротив, полученные данные свидетельствуют о том, что такие действия на самом деле усиливают агрессию.

Естественно, подобные результаты заставляют серьезно усомниться в широко распространенном убеждении относительно того, что катарсис способен предотвратить агрессию. И все же можно утверждать, что поведенческий катарсис действительно имеет место, но только при очень специфических условиях: когда разгневанные люди наносят вред непосредственно тем, кто разозлил их, либо становятся свидетелями того, как это делают другие. Короче говоря, катарсис может проявиться, но его возникновение будет обусловлено, скорее, принципом справедливости или равной ответственности (Greenberg, 1987), нежели принципом «очищения чувств», впервые предложенным Аристотелем. И хотя это предположение кажется вполне логичным, относящиеся к нему данные тоже дают сложную картину. Некоторые эксперименты наводят на мысль, что агрессоры, причинив боль объекту своего гнева или став свидетелями того, как это делают другие, могут впоследствии действительно быть менее склонными к агрессии по отношению к этим лицам (Fromkin, Goldstein & Brock,1977; Konecni & Ebbesen, 1976). Но результаты других работ свидетельствуют о том, что такие действия, напротив, могут привести к усилению интенсивности актов агрессии и повторению их в будущем (Geen, Stonner & Shope, 1975). Последнее можно объяснить только од-

ним: причинение зла своему врагу зачастую приносит удовлетворение и может превратиться в своего рода условный рефлекс (Baron, 1979a). Таким образом, агрессивные действия в отношении других лиц, достигшие желанной цели, могут скорее усилить, нежели ослабить склонность к агрессивному поведению. Какой бы тонкий механизм ни был задействован при этом, ясно, что в подобных случаях эффекта, возникновение которого относят на счет так называемого поведенческого катарсиса, зачастую не наблюдается.

В настоящее время данные, полученные относительно способности катарсиса предотвращать агрессию, достаточно противоречивы. Эффект катарсиса наблюдался в одних экспериментах, но не был зарегистрирован в других. И мы не можем представить простые и ясные объяснения противоречивости этих данных. Впрочем, одно из возможных объяснений состоит в том, что, вопреки общепринятому мнению, катарсис происходит только при весьма специфических условиях, поэтому факт его наличия лишь в части экспериментов можно объяснить тем, что только в некоторых исследованиях были созданы соответствующие условия. Так что же это за условия? На основе рассмотренных нами работ и существующего ныне понимания природы агрессии, на которое оказывает сильное влияние постоянно усложняющаяся психологическая теория когнитивных процессов (Berkowitz, 1984, 1989; Zillmann, 1988), можно выдвинуть следующие гипотетические предположения.

Во-первых, агрессивные действия, дающие возможность индивиду улучшить отношение к себе со стороны других или прекратить плохое обращение с собой, действительно могут способствовать разрядке эмоционального напряжения. Однако, поскольку падение уровня возбуждения или отрицательных чувств вследствие осуществления агрессивных действий доставляет удовольствие, такая ситуация в целом может действительно служить основой для усиления склонности к агрессии. Таким образом, под влиянием фрустрации или других условий, вызывающих отрицательные эмоции или возбуждение, лица, прибегавшие к агрессии ранее, скорее всего вновь обратятся к ней.

Во-вторых, «сведение счетов» с провоцирующим лицом может привести к временному снижению мотивации к агрессии по отношению к этому лицу. При этом следует особое внимание обратить на слово «временное». Агрессивная модель поведения избрана с целью восстановить социальную справедливость (равенство), и эта цель может затмить одну из важнейших побудительных причин агрессивных действий. Однако, когда люди вспоминают реальные и представляют воображаемые неприятности, которые они переживали или могли бы пережить по вине объекта своей агрессии, негативные чувства могут возродиться вновь. Как полагал Берковитц, эти чувства сами по себе способны усилить склонность к агрессии (Berkowitz, 1989). Кроме того, эти чувства могут привести агрессора к заключению, что он еще не расплатился со своим обидчиком за его или ее предыдущие провокации. Если сработает один из этих механизмов, после первоначального ослабления склонность к агрессии может вновь усилиться. Кстати, следует отметить, что в исследованиях по катарсису практически не была затронута проблема длительности его воздействия, в то время как эта тема заслуживает самого тщательного изучения.

В-третьих, необходимость выполнять энергичную, изнуряющую физическую деятельность может также способствовать временному снижению эмоционального напряжения и уровня демонстрируемой агрессии. Огромное количество дан-

ных свидетельствует о том, что физические упражнения могут на самом деле уменьшить стресс и уровень напряжения, возникший в результате стресса (Roskies, 1987). Подобным же образом ощущение полного изнеможения снижает вероятность проявления практически всех форм физического напряжения. Таким образом, вполне вероятно, что уровень агрессии, для осуществления которой зачастую необходимы энергичные действия, может уменьшиться в результате изнуряющих упражнений. Следует, однако, заметить, что физическая и эмоциональная усталость быстро проходит, особенно если лица привычны к такой нагрузке (Zillmann, 1979). Таким образом, снижения эмоционального напряжения и уровня агрессии, вызванные подобной деятельностью, сравнительно кратковременны по своему действию и, похоже, не позволяют добиться устойчивой и длительной элиминации склонности к агрессии.

В целом и эмпирические данные, и определенные теоретические соображения говорят об уменьшении ценности катарсиса как средства предотвращения агрессии или ее контроля. Любое ослабление агрессии, вызванное катарсисом, со временем проходит. Не только «эмоциональное очищение», но и множество факторов, затрагивающих сложные понятия равенства и социальной справедливости, а также другие аспекты социального познания играют роль в возникновении и силе проявления катарсиса. Таким образом, можно сделать вывод, что потенциал такой методики чрезмерно преувеличивался в прошлом.

ВОЗДЕЙСТВИЕ МОДЕЛЕЙ НЕАГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ЗАРАЗИТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ СДЕРЖАННОСТИ

Большое количество полученных в результате исследований данных подтверждают предположение, что наблюдение за моделями агрессивного поведения — действиями лиц, чье поведение можно квалифицировать как агрессивное — может иногда вызвать подобные действия и со стороны наблюдателей (Sprafkin, Gadow & Greyson, 1987; Wood, Wong & Chachere, 1991). Более того, как отмечалось нами в главе 3 и главе 5, такой эффект наблюдается не только у взрослых (Baron & Bell, 1975), но и у детей (Eron, 1987). Одно из общепринятых объяснений описанного эффекта заключается в том, что модели агрессивного поведения влияют на процессы сдерживания и торможения у наблюдателей. Предполагается, что наблюдение за моделями агрессивного поведения «разрушает барьеры», удерживавшие ранее наблюдателя от совершения актов открытой агрессии, что, соответственно, повышает вероятность проявления подобного поведения. Если дело обстоит именно так (а существующие данные это подтверждают [Bandura, 1986]), то возникает интересный вопрос: а нельзя ли таким же образом вызвать противоположные реакции? Если «барьеры», удерживающие от проявления агрессии, можно разрушить путем демонстрации моделей необычайно агрессивного поведения, нельзя ли их «воздвигнуть» аналогичным образом — с помощью наблюдения за моделями неагрессивного поведения — действиями индивидов, остающихся сдержанными и спокойными перед лицом даже самой сильной провокации? Самое обычное наблюдение дает положительный ответ на этот вопрос. Например, многие ситуации, в которых чувствуется напряжение или содержится угроза, можно разрядить, если вовлеченные в них лица демонстрируют сдержанное поведение, призывают не

идти на крайние меры или делают то и другое вместе. К подобной тактике неоднократно — и весьма успешно — прибегали в различных университетских городках для предотвращения столкновений между студентами и полицией.

То, что наблюдение моделей неагрессивного поведения может способствовать снижению уровня открытой агрессии, подтвердили также несколько экспериментов (Baron, 1971c; Baron & Kepner, 1970; Donnerstein & Donnerstein, 1976). Выяснилось, что рассерженные индивиды, получившие возможность отвечать актами агрессии человеку, бывшему источником их раздражения, после наблюдения моделей неагрессивного поведения демонстрировали значительно меньшие уровни агрессии, нежели лица, не имевшие такой возможности. Более того, подобные результаты были получены не только в случае демонстрации моделей неагрессивного поведения (Donnerstein & Donnerstein, 1976), но и вербальных призывов вести себя более сдержанно (Baron, 1972b). Возможно, наиболее явно снижение уровня агрессивности наблюдалось среди лиц, предварительно подвергшихся сильному провоцированию со стороны потенциальных объектов агрессии. В качестве демонстрации описанного эффекта и силы его влияния обратимся к исследованию, проведенному Бэроном и Кепнером (Baron & Kepner, 1970).

В этой работе традиционная система Басса учитель—ученик (Buss, 1961) была модифицирована: во время эксперимента испытуемые имели дело не с одним человеком — помощником экспериментатора, обычно служившим объектом агрессии, а с двумя помощниками экспериментатора, из которых один играл роль ученика, а другой — роль второго учителя. (До начала основной процедуры ученик выводил испытуемых из себя своей оскорбительной манерой поведения — он сомневался в их интеллектуальных задатках и желании и способности выполнить экспериментальные задания.) В двух экспериментальных группах второму помощнику выпадало первым сыграть роль учителя: он наказывал разрядами электрического тока ученика до того, как это же проделывал испытуемый. В одном варианте экспериментальных условий (модель агрессивного поведения) помощник вел себя необычайно агрессивно, «наказывая» предполагаемую жертву за ошибки разрядами электрического тока, нажимая кнопки 8, 9 и 10. В другом варианте (модель неагрессивного поведения) он вел себя сдержанно, неагрессивно, выбирая для наказания разряды тока малой мощности — кнопки 1, 2 и 3. И наконец, в третьем варианте, в контрольной группе, где отсутствовала демонстрация какой-либо модели поведения, испытуемые первыми выступали в качестве учителя, поэтому они были избавлены от влияния действий помощника перед нанесением удара ученику.

Результаты показали, что уровень агрессии у участников эксперимента, наблюдавших модель очень агрессивного поведения, был выше, чем у испытуемых из контрольной группы. Но (и это наиболее важно для нас) демонстрация модели неагрессивного поведения в значительной степени снизила уровень агрессии испытуемых по сравнению с контрольной группой. Причем это сказалось как на интенсивности, так и на длительности электроразрядов, которые выбирали испытуемые (помощник, конечно, не получал никаких ударов) для наказания ученика (см. рис. 9. 4).

Подобные результаты были получены в ходе нескольких последующих исследований (Baron, 1971b, 1972b; Waldman & Baron, 1971). К тому же исследователи ставили своей целью добавить к результатам, полученным Бэроном и Кепнером, новые данные, — они предположили, что зачастую одного присутствия человека,

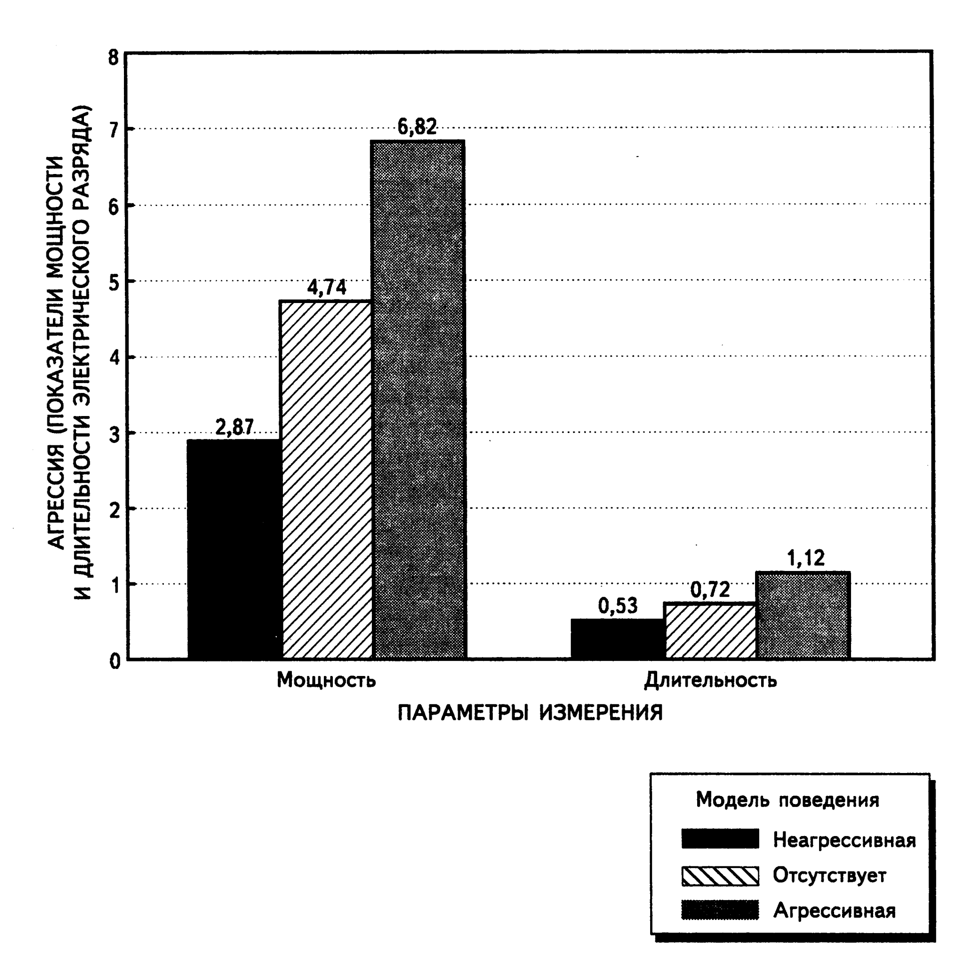

Рис. 9. 4. Демонстрация агрессивной модели поведения способствовала усилению агрессии со стороны испытуемых. Точно так же демонстрация неагрессивной модели поведения способствовала значительному снижению уровня агрессии. *(Baron & Kepner, 1970)*

демонстрирующего модель неагрессивного поведения, вполне достаточно, чтобы нейтрализовать агрессивно-провоцирующее влияние от поведения агрессивных индивидов. В ситуациях, когда на потенциальных агрессоров оказывают влияние как индивиды, демонстрирующие агрессию, так и лица, демонстрирующие сдержанность, влияние первых в значительной степени может быть подавлено присутствием вторых. Как показал один из экспериментов (Baron, 1971с), присутствие человека, ведущего себя неагрессивно, действительно способно полностью нейтрализовать влияние даже необычайно агрессивной модели поведения, так что поведение испытуемых примет ту форму, которая свойственна им в отсутствие каких-либо социальных моделей. Если же принимать во внимание, что мы чаще всего сталкиваемся с моделями — как с реальными, так и с изображаемыми масс-медиа — агрессивного поведения, а также учесть силу их влияния на наблюдателей, то следует признать, что факторы, способные свести на нет воздействие подобных

моделей, будут играть важную роль в попытках предотвращения и контроля человеческого насилия.

ВЛИЯНИЕ МОДЕЛЕЙ НЕАГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ПРИМЕЧАНИЕ ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Рассмотренные нами данные позволяют думать, что зачастую демонстрация моделей неагрессивного поведения действительно может сдержать агрессию очевидцев. Но насколько эффективна эта тактика среди других? Другими словами, насколько эффективна демонстрация моделей неагрессивного поведения как способ контроля и предотвращения агрессии по сравнению с другими способами (например, наказание, катарсис), которые мы рассматривали? Исчерпывающего ответа на этот вопрос пока что нет. Однако вариант возможного ответа дает эксперимент, осуществленный Доннерштейном и Доннерштейном (Donnerstein & Donnerstein, 1976).

В нем студентам-испытуемым было предложено нанести некоему мужчине удар током. Согласно экспериментальным условиям, половине испытуемых внушили мысль, что объект агрессии может им отомстить, другая половина не предполагала подобных действий со стороны жертвы. Но, прежде чем всем им была предоставлена возможность нажать на кнопку, некоторым участникам в каждой группе показали видеозапись, где один человек (помощник экспериментатора) наказывал жертву, выбирая разряды электротока малой мощности (он пользовался для этой цели двумя кнопками, соответствующими на этой аппаратуре самым слабым разрядам). Напротив, другим участникам эксперимента показали видеозапись, где не было явной демонстрации какой-либо модели поведения.

На основе ранее полученных данных было высказано предположение, что демонстрация как сцен мести, так и моделей неагрессивного поведения в равной степени окажутся эффективными для снижения уровня агрессии. Оба этих предположения подтвердились. Лица, имевшие возможность наблюдать модели неагрессивного поведения, выбирали для помощника экспериментатора менее мощные разряды электрического тока, чем те, кто не имел никакой информации о моделях поведения. А индивиды, знающие наверняка, что жертва сможет им отомстить, адресовали ей разряды электротока меньшей мощности, нежели те, кто не был уверен в возможности акта возмездия.

На первый взгляд, полученные результаты наводят на мысль, что сдерживающий эффект от демонстрации моделей неагрессивного поведения соответствует эффекту, который дает страх возможного отмщения. Но другие данные, однако, показали, что наблюдение моделей поведения может быть более эффективно в этом отношении. Все описанное выше относится только к прямой агрессии, показателем которой является мощность выбранного разряда. Если говорить о торможении агрессивного поведения, то и вероятность возмездия, и показ модели неагрессивного поведения ведут к одному и тому же результату. Однако если говорить о косвенной форме агрессии (показатель — длительность разряда), то складывается совершенно иная картина. В этом случае демонстрация моделей неагрессивного поведения не производит значительного эффекта, в то время как страх отмщения усиливает агрессию. Короче говоря, страх возможного возмездия со стороны жертвы уменьшает интенсивность проявлений прямой, наблюдаемой агрессии, и одно-

временно усиливает косвенную, менее очевидную. Демонстрация же поведения неагрессивной модели, напротив, не оказывает такого воздействия.

Объяснить это кажущееся преимущество демонстрации моделей поведения над страхом отмщения мы можем следующим образом: использовавшаяся ранее процедура была разработана с учетом задачи изыскания двух различных способов сдерживания агрессии, в то время как нынешняя — с учетом задачи изыскания единственного. И угроза отмщения, и демонстрация модели неагрессивного поведения могут упрочить барьеры, удерживающие индивида от прибегания к агрессии. Кроме того, демонстрация модели спокойного, неагрессивного поведения (особенно после провокации) может способствовать спаду эмоционального возбуждения у наблюдателей. Снижение уровня возбуждения может, в свою очередь, подавить внешнюю агрессию (Rule & Nesdale, 1976). И хотя эти предположения совпадают с данными, полученными Доннерштейном и Доннерштейном (Donnerstein & Donnerstein, 1977), и фактами, изложенными в других трудах (Rule & Nesdale, 1976), они не подвергались непосредственному эмпирическому исследованию. Таким образом, их можно считать умозрительными по своей природе. Независимо от того, подтвердят ли наличие и схему действия этого предполагаемого механизма будущие исследования, существующие данные тем не менее позволяют сделать следующее заключение: умение «держать себя в рамках», так же как и агрессия, может быть социально «заразительным». В результате демонстрация моделей сдержанного, неагрессивного поведения может зачастую оказаться весьма эффективной, для того чтобы сравнительно тривиальные и кратковременные инциденты не стали искрами для возникновения полномасштабных и длительных актов коллективного насилия.

КОГНИТИВНЫЕ МЕТОДЫ КОНТРОЛЯ АГРЕССИИ: АТРИБУЦИИ, СМЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ОПРАВДАНИЯ

На первый взгляд, агрессия представляет собой, если так можно выразиться, горячую форму поведения: она содержит в себе мощный эмоциональный заряд. Ведь даже такие выражения, как «выведенный из себя», «несдержанный» и «доведенный до белого каления», подчеркивают наличие эмоционального компонента в агрессивных действиях. Как уже отмечалось в этой книге, совсем не обязательно, что причиной агрессии будут гнев или схожие с ним эмоции. Напротив, агрессия зачастую является результатом холодного безэмоционального расчета, и тогда ее лучше всего называть целенаправленной или же инструментальной, но никак не эмоциональной (Berkowitz, 1989; Zillmann, 1988). Такие наблюдения наводят на мысль, что агрессия зачастую задействует важные когнитивные процессы или их компоненты, такие как память, мышление, установки и атрибуции и, конечно же, в значительной степени агрессивное поведение (Berkowitz, 1984). Может ли вмешательство, разработанное с учетом подобных факторов, быть эффективным средством, снижающим вероятность возникновения открытой агрессии и интенсивность ее проявлений? Этот вопрос рассматривался в огромном количестве исследований, и полученные результаты нередко обнадеживали. Большинство этих работ концентрировали свое внимание на трех когнитивных факторах, сдерживающих агрессию: на атрибуции; информации, имеющей отношение

к смягчающим обстоятельствам, и на роли оправданий или объяснения причин. В соответствии с расставленными акцентами мы рассмотрим данные, имеющие отношение к каждому из этих факторов.

АТРИБУЦИИ И АГРЕССИЯ: КАК ОТВЕТ НА ВОПРОС «ЗА ЧТО?» МОЖЕТ ПОВЛИЯТЬ НА ХОД АГРЕССИИ

Представьте себе, что вы разговариваете с кем-то по телефону, и вдруг, после серии странных шумов, связь прерывается. Как вы поведете себя в подобной ситуации? Станете злиться и попытаетесь выместить злость на своем собеседнике, набрав его номер заново и сказав ему пару ласковых, чтобы у него так же, как и у вас, испортилось настроение? Скорее всего нет: ведь вам ясно, что он тут ни при чем, и это просто какие-то неполадки на линии. Теперь, представьте себе ту же самую ситуацию, но с одним, весьма существенным отличием: за мгновение до того, как связь обрывается, человек на том конце провода говорит в ваш адрес какую-то резкость. Каковы будут ваши действия на этот раз? Наверняка, выйдя из себя, вы постараетесь отплатить ему той же монетой: он же явно на это и напрашивался.

Учитывая противоположность ваших реакций в этих двух ситуациях, невольно обращаешь внимание на существенную роль атрибуций — нашего восприятия причин, побуждающих людей поступать именно таким образом. Атрибуция — составная часть единого социального процесса: мы постоянно пытаемся понять других, осознать мотивы и причины поведения. Что же касается агрессии, мы прибегаем к ней, чтобы в точности понять, почему другие ведут себя, на первый взгляд, провокационно. Действительно ли другой человек хотел обидеть нас или же он просто неуклюже выразился? Неужели другой водитель намеренно «подрезал» нас на повороте или же он просто не заметил нас? В этой и во множестве других ситуаций мы пытаемся определить, почему другие вели себя именно так, а не иначе. Выводы, к которым мы вследствие этого приходим, оказывают необычайно сильное влияние на все наше будущее поведение, в том числе и на склонность прибегать к агрессивным действиям. Мы уже говорили о роли атрибуций и других аспектов социального мышления, когда рассматривали социальные детерминанты агрессии (см. главу 4). Сейчас же расширим рамки предыдущего обзора и обратим особое внимание на потенциальную ценность атрибуций как способа контроля агрессивного поведения или снижения интенсивности агрессивных проявлений.

Несколько экспериментов могут подтвердить важную роль атрибуций в выборе нами реакции на кажущуюся провокацию (Ferguson & Rule, 1983; Johnson & Rule, 1986; Kremer & Stephens, 1983). Например, в одном, весьма тщательно поставленном эксперименте, Обучи и Камбара (Ohbuchi & Kambara, 1985) давали задание испытуемым женщинам принимать информацию, поставив их в известность, что другой человек (помощница экспериментатора) намеревается послать им разряды электрического тока умеренной или бóльшой мощности. Затем половина испытуемых получила удары током со стороны своего оппонента именно той мощности, что и ожидалась, в то время как другая половина получила удары, не совпадавшие по мощности с ожидаемыми. (Если в намерение оппонента входило послать разряд электротока большой мощности, испытуемые получали удары умеренной мощности и наоборот — в ожидании слабых разрядов они полу-

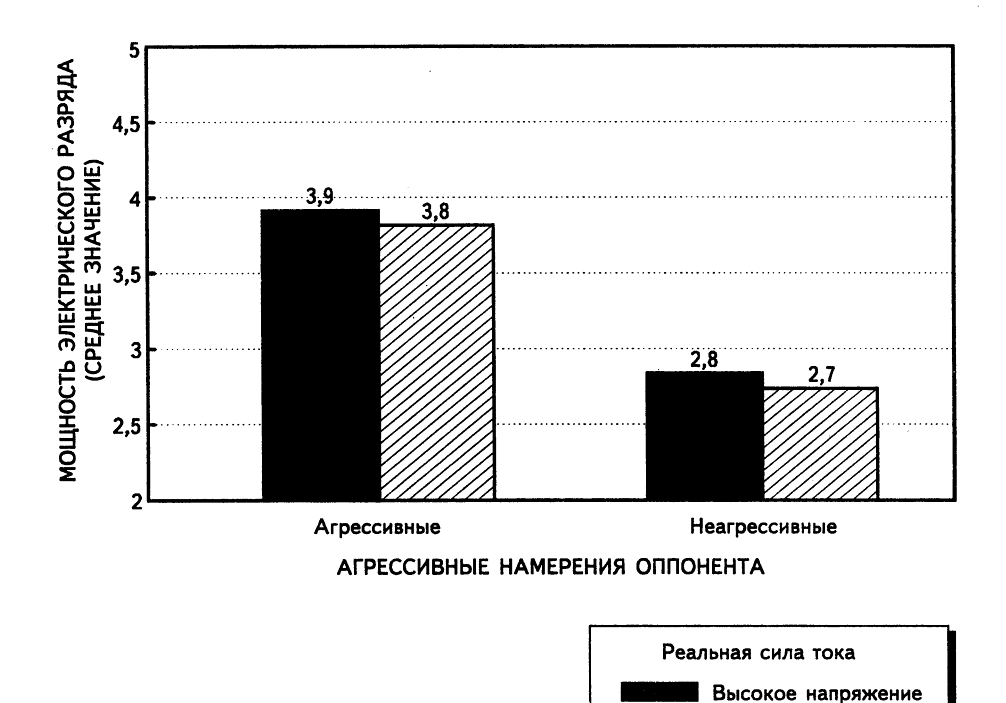

Рис. 9. 5. Испытуемые, уверенные в том, что их оппонент планирует нанести им сильный удар, посылали разряды электрического тока большей мощности, нежели лица, уверенные в том, что он собирается нанести слабый удар. Такое положение дел сохранялось независимо от действительной мощности разряда, полученной испытуемыми. *(Ohbuchi & Kambara, 1985)*

чали сильные.) Затем, на втором этапе эксперимента, испытуемым была предоставлена возможность адресовать разряды электрического тока различной мощности помощнице экспериментатора.

Если индивиды реагируют в первую очередь на намерения, скрывающиеся за провокационными действиями других, то можно предположить, что лица, которым известно о намерении противника нанести им удары током высокого напряжения, будут наносить более сильные ответные удары, нежели те, которым известно, что их противник собирается выбрать разряды слабой мощности. Более того, такая тенденция не будет зависеть от действительной мощности разряда, полученного ими. Если же, напротив, индивиды отвечают, главным образом, на истинный уровень провокации со стороны других (а не на их намерения), можно предположить, что лица, получившие удар электического тока большой мощности, ответят более агрессивно, нежели те, в адрес которых бы посылались электрические разряды средней мощности, независимо от намерения оппонента. Как видно из рис. 9. 5, полученные результаты однозначно подтверждают первую из выдвинутых нами версий. Испытуемые, уверенные в том, что их оппонент собирается нанести им удар тока высокого напряжения, в ответах были более агрессивны, нежели те, кто ожидал получить электрический разряд слабой мощности. Более того, что очень

важно, эта тенденция сохранялась независимо от реальной мощности разрядов электрического тока, полученных испытуемыми. Другими словами, испытуемые, думавшие, что их оппонент стремится причинить им значительную боль, и получившие реально электрические разряды малой мощности, оказались более агрессивными, чем лица, уверенные в том, что им намерены причинить незначительную боль, а на самом деле получившие сильные удары током!

Эти результаты, как и результаты подобных исследований, показывают, что наша реакция на провокации других зависит в значительной степени от наших атрибуций по поводу намерений, скрывающихся за поведением других. Только когда мы видим, что люди специально делают нам гадости, мы отвечаем им тем же, следуя древнему принципу «око за око, зуб за зуб». Вывод, который мы можем использовать для решения вопроса о превентивных мерах и управлении агрессией, достаточно прост: провокационные действия, в основе которых лежит недоброжелательность — сознательное стремление провокатора причинить вред реципиенту, — встречаются гораздо чаще провокационных действий, совершенных без видимой причины. Кроме того, агрессию можно уменьшить, если известно, в какой степени провокационные действия со стороны других приписываются злонамеренности. Специфическая тактика достижения подобной цели представлена в следующем разделе.

СМЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА: ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ЭМОЦИЙ И ПОЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ АГРЕССИЕЙ

Основной темой современных исследований в области социального познания — исследований, как мы думаем о других и как обрабатываем социальную информацию — является тесная и сложная связь между познанием и эманациями. Другими словами, множество исследователей концентрируют внимание на вопросах о том, как мысли определяют чувства и наоборот, как чувства влияют на мысли (Isen, 1987; Isen & Baron, 1981; Zajonc, Murphy & Inglehart, 1989). Эти вопросы поднимались и изучались в связи с проблемой управления человеческой агрессией. В частности, исследователи пытались выяснить, может ли специфическая форма социальной информации — обычно называемая «смягчающие обстоятельства» — снизить уровень возбуждения как реакции на провокацию, а также уменьшить вероятность и силу объектных проявлений агрессии (Zillmann, 1988). По всей видимости, наиболее четкие и убедительные доказательства в пользу такого влияния приводятся Зильманном и его коллегами (Zillmann & others, 1975; Zillmann & Cantor, 1976).

Например, в эксперименте, поставленном Зильманном и Кантором (Zillmann & Cantor, 1976), студенты-выпускники участвовали в опыте, якобы устанавливающем влияние зрительных раздражителей на физиологические реакции. В соответствии с поставленной целью на протяжении всего эксперимента у испытуемых несколько раз измерялись частота пульса, артериальное давление и температура тела. Каждый участник опыта имел дело с двумя различными экспериментаторами. Как водится, один из них был вежлив и любезен, второй, напротив, вел себя грубо и вызывающе, обвиняя испытуемых в том, что они отказываются сотрудничать, и отзываясь о вежливом экспериментаторе в весьма оскорбительной манере. На первых двух этапах опыта вежливый экспериментатор давал рациональное

объяснение грубому поведению своего коллеги, заявляя, что тот расстроен результатами важного исследования; на третьем этапе никаких объяснений не давалось. Другая особенность этого опыта заключалась в разном времени предъявления информации, объясняющей причину грубого поведения. В одном случае (предварительное объяснение) такая информация предоставлялась до начала работы грубого экспериментатора с испытуемыми. Во втором случае (объяснение постфактум) — после провокаций с его стороны.

После того как испытуемые столкнулись с двумя различными экспериментаторами, их просили дать оценку этим людям, причем человек, сообщавший об этом задании, объяснял испытуемым, что их оценки будут направлены прямо в научно-исследовательский отдел с целью помочь в решении, кому из двух указанных экспериментаторов стоит содействовать в дальнейшей исследовательской работе. Чтобы подобные утверждения звучали убедительно, отзывы испытуемых помещались в конверт с надписью «Научно-исследовательский отдел», который запечатывался в их присутствии. Таким образом создавалась видимость того, что оценки испытуемых, которые они давали двум экспериментаторам, имели для судьбы последних важное значение.

Результаты эксперимента оказались весьма наглядными. Во-первых, анализ характеристик, данных испытуемыми личности грубого экспериментатора, подтвердил предположение, что предварительное объяснение и объяснение постфактум способствуют снижению уровня агрессии (в данном случае резкости высказываний), поскольку в контрольной группе, где не было представлено никакой информации по поводу причин грубого поведения экспериментатора, таких изменений зафиксировано не было. Далее выяснилось, что, как и прогнозировалось ранее, предварительное объяснение — более эффективное (хотя не так уж и намного) средство для снижения уровня агрессии, нежели объяснение постфактум. Короче говоря, как только испытуемые узнавали о том, что «неприятный» экспериментатор расстроен результатами другого исследования, их агрессивность по отношению к этому человеку резко падала, причем, если подобная информация поступала до начала провоцирования, уровень агрессии становился более низким, нежели в том случае, когда она поступала после.

Кроме того, в каком-то смысле даже более впечатляют данные измерений физиологических реакций, сделанные в русле изучения воздействия смягчающей информации на поведение испытуемых. Эти измерения показали, что испытуемые из контрольной группы, которым не давалось никакого объяснения поведения грубого экспериментатора, демонстрировали после провокации рост уровня возбуждения, который оставался стабильным на протяжении долгого времени — у испытуемых из этой группы даже в конце эксперимента можно было зарегистрировать достаточно высокий уровень возбуждения. Участники, получившие объяснение постфактум, демонстрировали резкое снижение уровня возбуждения после предоставления информации по поводу причин грубого поведения ассистента, но к концу эксперимента их возбуждение постепенно вернулось на первоначальный уровень. И наконец, данные, возможно, представляющие для нас наибольший интерес: испытуемые из группы предварительного объяснения демонстрировали сравнительно низкие показатели по физиологическим реакциям, когда реально сталкивались с грубостью экспериментатора. Более того, умеренное возбуждение, возникшее вследствие провокации, спадало очень быстро, буквально за считанные минуты (см. рис. 9. 6). Короче говоря, получалось так, что испытуемые, получив-

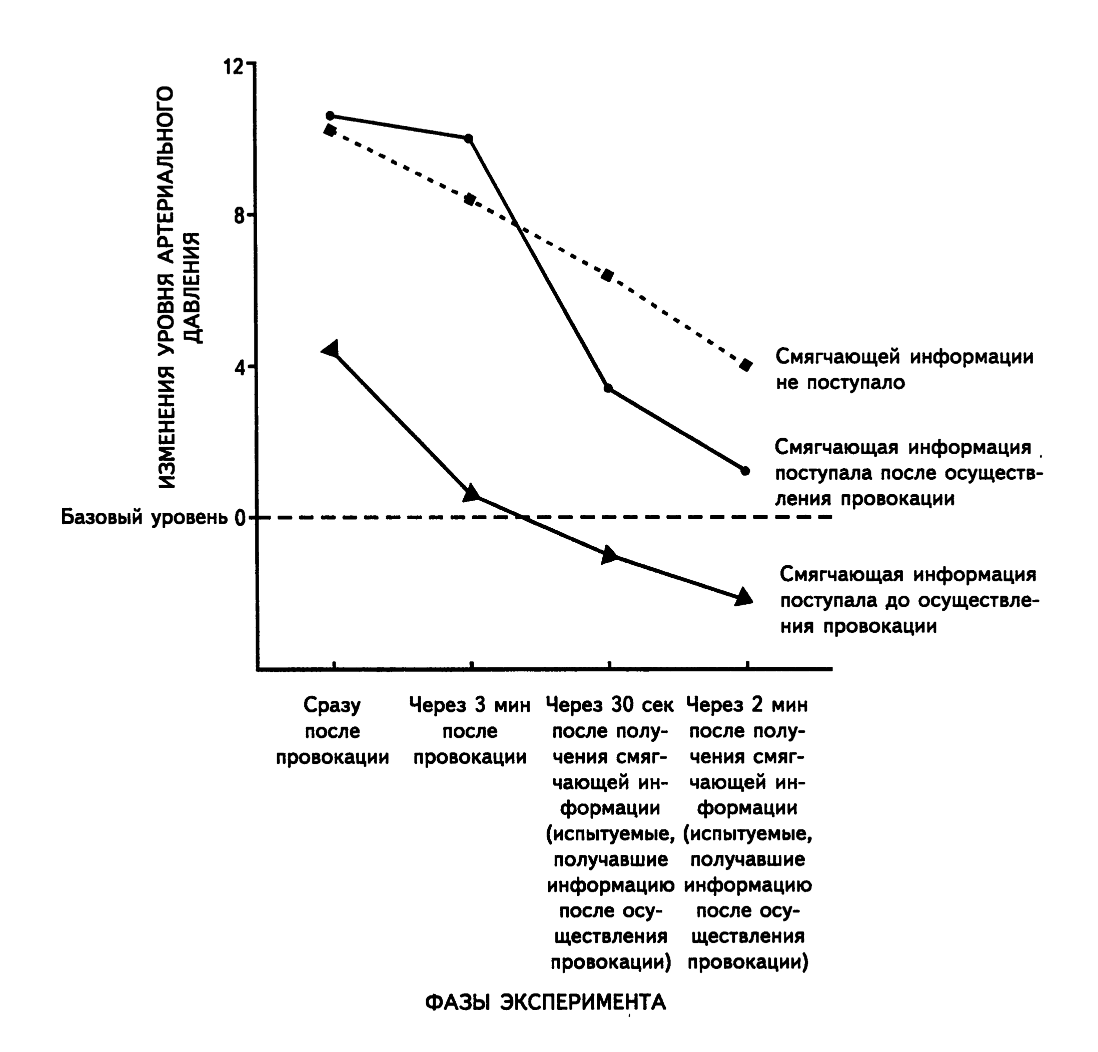

Рис. 9. 6. Испытуемые, получившие информацию, объясняющую провоцирующее поведение со стороны другого человека, до начала этих провокаций (*предварительное объяснение*), демонстрируют более низкий уровень возбуждения, когда провокация осуществляется. Более того, уровень их возбуждения быстро меняется от умеренного до низкого. *(Zillman & Cantor, 1976)*

шие предварительное объяснение — поставленные в известность о том, что один из экспериментаторов находится в состоянии раздражения, — как бы подавляли в себе желание ответить гневом на оскорбительные комментарии. То, что дело обстояло именно так, показали письменные отзывы испытуемых об экспериментаторах. В группах, где не давалось никакого объяснения или оно предлагалось уже после провоцирования, письменные характеристики свидетельствовали о сильном раздражении (например: «Этого шакала следовало бы поучить хорошим манерам»). Напротив, письменные оценки испытуемых, которым дали предварительное объяснение, были сделаны в мягкой форме (например: «Мистер Дей вел себя

несколько грубовато, пытаясь внушить мне мысль, что я горю желанием сорвать его эксперимент»).

Таким образом, в то время как объяснение, данное постфактум, является, как выяснилось, эффективным способом сдерживания проявлений открытой агрессии и уменьшения уровня возникшего эмоционального возбуждения, более успешным средством для реального предотвращения возникновения гнева среди испытуемых оказалось предварительное объяснение. Эти результаты, в совокупности с полученными в ходе других экспериментов (Zillmann, 1988), говорят о том, что объяснения, даваемые человеку, особенно до начала провокации, могут оказаться весьма эффективным методом снижения уровня ответной агрессии.

Другие исследования, однако, наводят на мысль о том, что у этой методики есть существенные недостатки. В частности, оказывается, что при наличии высокого уровня возбуждения рассматриваемый нами способ когнитивного вмешательства оказывается неэффективным. Более того, это верно даже для тех случаев, когда высокий уровень возбуждения не является результатом предварительной провокации. Данный факт полностью подтвердился во время исследования, о котором сообщает Зильманн (Zillmann, 1979). Процедура этого эксперимента состояла в следующем. Испытуемых разбили не две группы: попавших в первую заставляли энергично выполнять физические упражнения — крутить педали велотренажера; оказавшиеся во второй не были вовлечены в подобного рода деятельность. Выполнение физических упражнений обусловило высокий уровень возбуждения испытуемых из первой группы, в то время как уровень возбуждения испытуемых из второй группы оставался низким. Затем испытуемые подвергались сильным провокациям со стороны грубого экспериментатора, который отпускал язвительные замечания в их адрес. Далее, в соответствии с условиями эксперимента, испытуемым должна была быть предоставлена возможность отомстить обидчику (способом, аналогичным описанному ранее, — оценить его деятельность в качестве помощника экспериментатора), но незадолго до этого момента некоторые из испытуемых получили информацию, оправдывающую его поведение, подобную той, что описывалась нами выше: им сказали, что экспериментатор сильно расстроен и именно этим объясняется его некорректное поведение. Другие испытуемые такой информации не получали. Результаты показали, что эта информация в значительной степени способствовала снижению уровня ответной агрессии среди лиц, не занимавшихся на велотренажере и с низким уровнем возбуждения. Напротив, информация, объяснявшая причину поведения, не оказала подобного влияния на лиц с высоким уровнем возбуждения.

Эти результаты совпадают с житейскими наблюдениями, говорящими о том, что «когда в дверь стучатся эмоции, разум выпрыгивает из окна». Другими словами, способность переработать сложную информацию о других, об их намерениях и причинах действий у людей, находящихся в сильном возбуждении, сходит на нет: в результате может последовать импульсивный выпад против других в ответ на реальную или воображаемую провокацию. Короче говоря, существующие данные свидетельствуют о том, что вмешательство когнитивных процессов при получении индивидами информации о смягчающих обстоятельствах может быть эффективным средством предотвращения ответной агрессии, но только для лиц с низким уровнем возбуждения. Высокий же уровень возбуждения, похоже, служит помехой для эффективной переработки информации о смягчающих обстоятельствах, фактически сводя на нет пользу от нее.

ИЗВИНЕНИЯ ИЛИ ОПРАВДАНИЯ: ПОЧЕМУ ВЫГОДНО ГОВОРИТЬ «ПРОСТИТЕ»

Представьте себе следующую сцену. Вы договорились с девушкой о свидании, а она опаздывает. Время идет, и вы начинаете сердиться. Наконец спустя полчаса она все-таки появляется. Прежде чем вы успеваете произнести хотя бы слово, девушка извиняется за свое опоздание. Как вы поступите? Ответите злобно и агрессивно или же поймете и простите? Исследования роли извинений или оправданий (к которым прибегают·люди, чтобы объяснить, почему они не оправдали ваши ожидания [Bies, 1990]) наводят на мысль, что ваш ответ зависит от ряда дополнительных факторов. Если извинения вашей подруги искренни, а приводимые ею доводы убедительны, то вы растаете и гнев ваш улетучится сам собой. Если же, наоборот, ее извинения кажутся вам неискренними, а объяснения неубедительными, вы будете продолжать сердиться и даже, может быть, рассердитесь еще сильней, услышав ее объяснения. Результаты исследований (Weiner, Amirkhan, Folkes & Verette, 1987) показывают, что извинения или оправдания со ссылкой на внешние обстоятельства, неподконтрольные извиняющемуся человеку (например, «У меня не завелась машина», «Мой поезд опоздал»), более эффективны для элиминации гнева, чем ссылка на обстоятельства, которые человек в состоянии контролировать («Я совершенно забыл об этом»). Точно так же гнев скорее улетучится после извинений и объяснений, которые кажутся искренними, чем после тех, искренность которых вызывает сомнения (Baron, 1988a, 1990; Bies, 1990). Данные, наиболее убедительно свидетельствующие о потенциальной способности извинений снижать уровень агрессии, были недавно представлены Обучи, Камедой и Агари (Ohbuchi, Kameda & Agarie, 1989).

В поставленном ими эксперименте в результате целой серии ошибок, совершенных помощником экспериментатора, испытуемые женщины оказались не в состоянии правильно выполнить поставленные перед ними задачи и поэтому получили негативную оценку со стороны экспериментатора, что привело их в замешательство. Позднее помощник экспериментатора извинился перед некоторыми из них за свои ошибки. Причем свои извинения он приносил либо в присутствии экспериментатора (экспериментальное условие — публичное извинение), либо в его отсутствие (экспериментальное условие — приватное извинение). При публичном извинении помощник экспериментатора, с одной стороны, снимал с испытуемых ответственность за плохое выполнение задания, а с другой — пытался исправить свои ошибки. Приватное же извинение, напротив, не снимало с испытуемых ответственность за плохое выполнение задания.

После такого обращения испытуемые оценивали помощника экспериментатора по некоторым характеристикам (например, искренность—неискренность, ответственность—безответственность), описывали собственное состояние (например, приятное—неприятное) и оценивали способности ассистента как психолога. Последняя оценка отражала величину уровня агрессии испытуемых, поскольку им сообщили, что выставленные баллы отразятся на карьере ассистента.

Результаты показали, что извинения действительно играют весьма существенную роль в подавлении ответной агрессии. Испытуемые, перед которыми помощник извинился, дали ему более высокую оценку, сообщив о том, что чувствуют себя лучше, и демонстрировали более низкие уровни агрессии, чем те, перед кем он не извинился. Более того, простое «возмещение ущерба» — путем приватного изви-

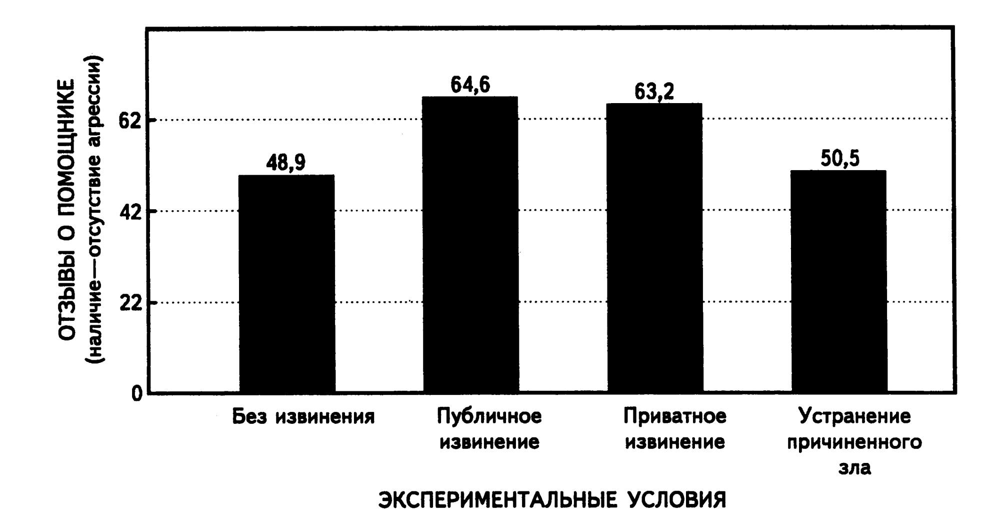

Рис. 9. 7. Испытуемые, перед которыми экспериментатор, доставивший им неприятности, извинился, отнеслись к нему менее агрессивно (давая ему высокие оценки), чем те, перед которыми он не извинялся. Возмещение моральных убытков за счет третьего лица (экспериментатора) не столь эффективно для снижения уровня агрессии, как прямое извинение. *(Ohbuchi, Kameda & Agarie, 1989)*

нения или признания экспериментатором ошибок, совершенных его помощником, — оказалось менее эффективным для снижения уровня агрессии, чем публичное извинение (см. рис. 9. 7).

Исследования по этой же тематике, проведенные Обучи с коллегами, ставили своей целью изучить возможное влияние — раскрытия причин провокационных действий людьми, их осуществившими — на подавление агрессии (Baron, 1990; Bies, 1990). Полученные данные показывают, что от искренности или неискренности объяснений (с точки зрения реципиента) в основном зависит, какой следующий шаг он сделает. Например, рассмотрим эксперимент, проведенный Бэроном (Baron, 1988a). В этом исследовании испытуемые вели переговоры с помощником экспериментатора о дележе гипотетического денежного дохода, полученного воображаемой компанией, где они якобы работают. Помощник, заняв бескомпромиссную позицию, требовал 800 тысяч долларов из миллиона, уступив во время переговоров лишь по двум незначительным пунктам. Во время переговоров помощником экспериментатора делались утверждения, чтобы испытуемые увидели разнообразные, но всегда понятные причины, заставляющие его действовать так, а не иначе. В двух случаях (экспериментальные условия «внешние обстоятельства и искренность» и «внешние обстоятельства и неискренность») помощник заявлял, что у него в конторе потребовали, чтобы он ни на какие уступки не шел (например: «Меня однозначно проинструктировали — получить как можно больше»). В третьем же случае (экспериментальные условия «дух соперничества как черта личности») он, напротив, утверждал, что он такой по природе и уступать никому никогда не собирается (например: «Я скорее умру на месте, не добившись соглашения, нежели проявлю слабость и уступлю своему оппоненту. Так уж я устроен»).

Чтобы определить, насколько искренни заявления, сделанные помощником экспериментатора, испытуемым было разрешено требовать от него предъявления письменных инструкций, которые он якобы получил от своего отдела. При экспериментальных условиях «внешние обстоятельства и искренность» эти инструкции побуждали помощника действительно «стоять на своем». Напротив, при условиях «внешние обстоятельства и неискренность» они же заставляли его делать уступки. (При экспериментальных условиях «дух сопреничества как черта личности» эти требования не были однозначными, что позволяло помощнику вести себя так, как он считал нужным).

После окончания переговоров испытуемые заполнили контрольный бланк по всем экспериментальным условиям, а также опросник, где им предлагалось определить, с какой вероятностью они выберут один из пяти предложенных способов разрешения конфликтных ситуаций с этим человеком в будущем — избегание, соперничество, соглашение, компромисс или сотрудничество (Thomas, 1992). Результаты показывают, что испытуемые действительно чувствовали, что помощник экспериментатора неискренен при условиях, предписывающих ему быть неискренним. Кроме того, как и предполагалось, испытуемые, попавшие в группу с экспериментальными условиями «внешние обстоятельства и неискренность», в отличие от испытуемых из группы с условиями «внешние обстоятельства и искренность», предпочитали выбирать для разрешения будущих конфликтных ситуаций с помощником экспериментатора наименее конструктивные способы — избегание и соперничество. Учитывая, что соперничество в данном контексте означает стремление направить свои силы на то, чтобы нарушить планы оппонента и отстранить его от источников прибыли, полученные результаты наводят на мысль, что объяснение причин провокационных действий будет менее эффективным средством для подавления ответной агрессии, если оно кажется неискренним. Более того, результаты других исследований (Baron, 1985; Bies, Shapiro & Cummings, 1988) показывают, что неискренние объяснения могут привести к совершенно неожиданным результатам и даже повысить вероятность проявлений агрессии.

В двух словах, не вызывает сомнения, что информация, которую индивиды предоставляют, объясняя причины своего вызывающего поведения, может сыграть важную роль при выборе реакции на их действия. Если же за провокациями следуют убедительные и искренние извинения и объяснения причин, ответная агрессия реципиентов может в значительной степени уменьшиться. Безусловно, извиняться и убедительно объяснять свои действия — не простое дело, но выгода от подобных действий делает их стоящими фактически при любых обстоятельствах.

ИНДУКЦИЯ НЕСОВМЕСТИМЫХ РЕАКЦИЙ: ЭМПАТИЯ, ЮМОР И УМЕРЕННОЕ СЕКСУАЛЬНОЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ КАК СРЕДСТВА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АГРЕССИИ

К числу давно устоявшихся принципов психологии можно отнести принцип, согласно которому все живые организмы, включая человека, не способны осуществлять две несовместимые реакции в одно и то же время. Например, трудно (прак-

тически невозможно) одновременно мечтать и выполнять сложные когнитивные действия, такие как работа на компьютере или чтение научной статьи. Подобным же образом, трудно (скорее даже невозможно) одновременно находиться в состоянии восторга и депрессии. Этот основной принцип нашел свое отражение в проблеме предупреждения или управления человеческой агрессией в виде так называемой гипотезы несовместимых реакций (Baron, 1983a, 1993). Согласно этой теории, можно уменьшить и гнев, и уровень открытой агрессии, вызывая тем или иным способом у людей чувства (эмоциональные состояния), несовместимые с гневом и агрессией (Zillmann & Sapolsky, 1977). Несмотря на то что несовместимыми с чувствами гнева и открытой агрессии могут оказаться самые разные реакции, исследователи обратили особое внимание на три из них: чувства эмпатии или симпатии по отношению к потенциальным объектам агрессии и ощущение умеренного сексуального возбуждения, возникающее в результате воздействия умеренных эротических стимулов (Baron, 1983b).

ЭМПАТИЯ: РЕАКЦИЯ НА СТРАДАНИЯ ДРУГИХ

Ведя себя агрессивно по отношению к другим людям, человек зачастую становится свидетелем боли и страданий своих жертв. Успешно реализованный акт агрессии в конце концов подразумевает нанесение вреда или увечий намеченному реципиенту. Какие чувства испытывают при этом агрессоры? Вполне возможно, что они переживают эмпатию — испытывают чувства, аналогичные испытываемым жертвой (Miller & Eisenberg, 1988). В зависимости от степени эмпатии агрессора, уровень агрессии в последующих актах может быть снижен. Иными словами, в тех случаях, когда жертвы агрессии демонстрируют признаки негативных эмоциональных реакций, уровень последующих проявлений агрессии может уменьшиться. Результаты многих экспериментов, проводившихся как с детьми, так и со взрослыми, документально подтверждают это. Будет ли измеряться эмпатия как реакция на ситуацию, порождающую эмоции, у детей, и если будет, то как — путем заполнения опросников на определение уровня эмпатии или путем регистрации мимики и жестикуляции, свидетельствующих о наличии эмпатических реакций. Полученные результаты дают один и тот же ответ — чем выше уровень эмпатии, переживаемой участниками эксперимента, тем ниже уровень агрессии в последующих актах насилия (Miller & Eisenberg, 1988).

Однако боль и страдания жертвы не всегда вызывают эмпатию. Когда агрессор очень раздражен или уверен в праведности своих действий, демонстрация боли со стороны жертвы (сигналы о боли) может доставлять ему удовольствие и вызывать скорее положительные, нежели отрицательные эмоции. Другими словами, страдания врага могут выступать в качестве своеобразной формы подкрепления. Таким образом, когда гнев силен, страдания жертвы не в состоянии предотвратить агрессию в последующих актах насилия: напротив, они могут способствовать ее проявлению. Подводя итог, можно сказать, что страдания жертвы, а также сила гнева агрессора и кажущаяся праведность совершаемых им действий могут действовать друг на друга при принятии решений по поводу открытой агрессии в том случае, когда на агрессоров влияют последствия совершенных ими поступков. Возможность подобного взаимодействия была исследована в целой серии работ с помощью прибора, известного под названием «измеритель интенсивности

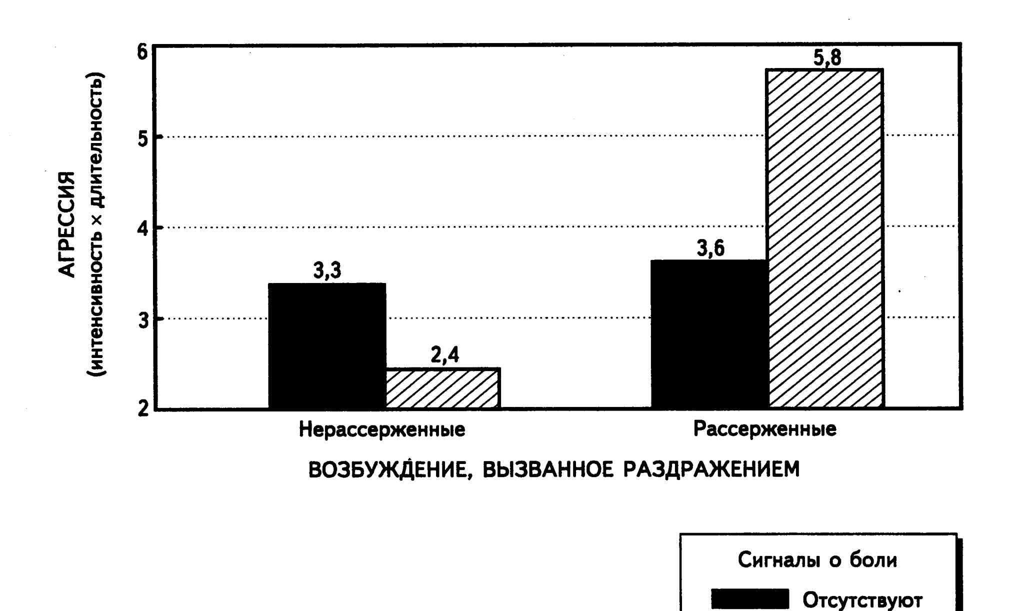

Рис. 9. 8. Сигналы о сильной боли, подаваемые жертвой, вызывают снижение уровня агрессии у испытуемых, которые не подвергались провоцированию со стороны жертвы. Напротив, аналогичные сигналы о боли вызывают усиление агрессии у лиц, подвергавшихся сильному провоцированию со стороны жертвы. *(Baron, 1979a)*

боли» (Baron, 1971a, b; 1979a). У этого прибора есть шкала с делениями, описывающими уровень боли, которую испытывает другой человек под воздействием неприятных раздражителей (например, ударов электрическим током). На самом же деле все показания контролируются исследователем и систематически изменяются, так чтобы создалось впечатление о контрастных уровнях боли и дискомфорта, испытываемых реципиентом.

В исследованиях с использованием этой аппаратуры испытуемые из различных групп испытывали на себе влияние очень контрастных уровней сигналов о боли (показаний на шкале прибора), нажимая на разные кнопки на «машине агрессии». Например, для испытуемых, поставленных в экспериментальные условия «сигналы о сильной боли», нажатие кнопки 5 на «машине агрессии» приводило к появлению на шкале надписи «сильная боль». Напротив, испытуемые, поставленные в условия «сигналы о слабой боли», после нажатия аналогичной кнопки могли прочесть надпись «умеренная боль».

Для того чтобы проверить гипотезу, согласно которой сильно раздраженные индивиды на сигналы о боли будут отвечать усилением агрессии, а нераздраженные — ослаблением, в нескольких экспериментах (Baron, 1974b, 1979a) помощник экспериментатора получал задание разозлить или проигнорировать испытуемых на первой стадии эксперимента, то есть до того, как им представилась бы возможность отомстить ему. В состояние сильного гнева испытуемых приводили грубые замечания по поводу выполнения ими заданий и негативные оценки их работы.

Испытуемые, которые в соответствии с целями эксперимента не должны были испытывать гнев, не слышали подобных замечаний и получали нейтральные оценки за выполнение задач. На половину испытуемых из каждой группы во время агрессивных нападок на своего обидчика воздействовали сигналами о боли (измеритель интенсивности боли показывал «сильную боль»). Другие испытуемые не попадали под влияние подобных сигналов.

Как и предполагалось, испытуемые, не подвергавшиеся раздражению, реагировали менее агрессивно, если регистрировали сигналы о боли, поступающие от своих жертв. Напротив, подвергавшиеся раздражению демонстрировали большую агрессию при наличии сигналов о боли, нежели при их отсутствии (см. рис. 9. 8). Результаты опросников, заполненных после эксперимента, наводят на мысль о том, что такое действие объясняется эмоциональной реакцией испытуемых на сигналы о боли, поступающие со стороны их жертв. Согласно самоотчетам испытуемых, спровоцированных на начальном этапе эксперимента, появление сигналов о боли улучшило их настроение (например, они чувствовали себя счастливее, комфортнее и более расслабленно при наличии сигналов о боли, нежели в их отсутствие). Однако среди испытуемых, не подвергавшихся раздражению, сигналы о боли вызывали ухудшение настроения.

Эти результаты, как и данные других исследований (Rule & Leger, 1976), показывают, что сигналы о боли и эмпатия, возникающая в результате их появления, иногда могут быть эффективным средством для снижения уровня открытой агрессии. Жертвы, плачущие от боли, умоляющие о пощаде или посылающие сигналы о своем страдании другим способом, зачастую добиваются прекращений агрессивных действий по отношению к себе. Но, по всей видимости, этот метод оправдывает себя только в тех случаях, когда агрессоры до этого не подвергались сильному раздражению. Если же агрессоры перед этим подвергались сильным провокациям, попытки уменьшить агрессию посредством прямой обратной связи со стороны жертвы могут сыграть противоположную роль и только усилить интенсивность действий, которые собирались предотвратить.

ЮМОР И СМЕХ

Многим из нас приходилось сталкиваться со следующей ситуацией. Нас раздражает или выводит из себя какой-то человек, затем совершенно неожиданно он делает или говорит что-то, что нас смешит. Когда это происходит, наше раздражение, по крайней мере частично, исчезает (см. рис. 9. 9). Такие случаи наводят на мысль о том, что юмор и вызываемый им смех могут быть еще одной реакцией, несовместимой с открытой агрессией.

Эта гипотеза подвергалась проверке в различных исследованиях. В самом первом из них, непосредственно посвященном указанной проблеме (Baron & Ball, 1974), помощник экспериментатора старался разозлить мужчин-испытуемых в одной из двух групп. Затем, прежде чем предоставить испытуемым возможность ответить на действия помощника с помощью «машины агрессии», обеим группам предъявляли один из двух наборов стимульного материала. Один набор стимулов представлял собой нейтральные изображения — пейзажи, интерьеры, произведения абстрактного искусства — и оказывал очень незначительное воздействие на эмоциональное состояние испытуемых. Другой набор стимулов являл собой

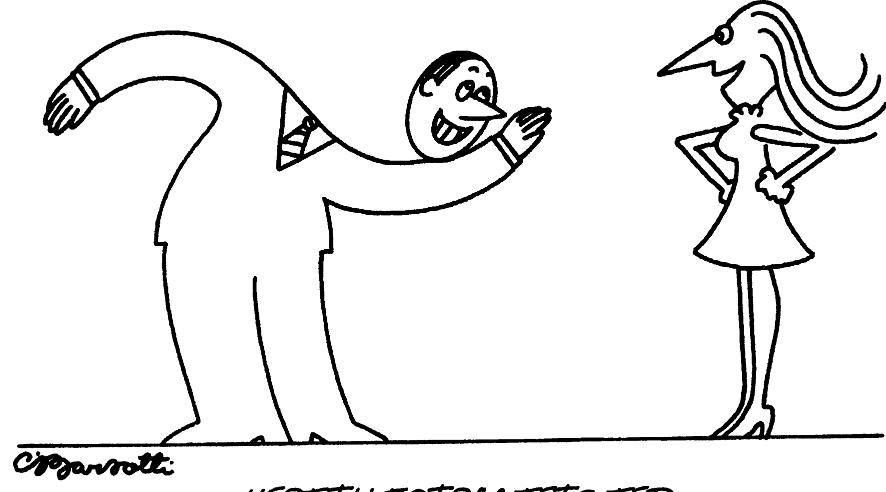

Рис. 9. 9. Вызывающие смех комментарии или действия зачастую, похоже, просто «снимают» гнев у других. Это наводит на мысль о том, что юмор — еще один потенциальный источник реакций, несовместимых с гневом или открытой агрессией. *(Рисунок С. Barsotti, 1990, «The New Yorker Magazine», Inc.)*

целую серию довольно смешных комиксов. Результаты не вызывали сомнений: как и предполагалось, рассерженные испытуемые, рассматривавшие карикатуры, в отличие от рассматривавших нейтральные фотографии, демонстрировали более низкий уровень агрессии по отношению к помощнику экспериментатора. Кроме того, по сообщениям испытуемых, рассматривавших карикатуры, у них отмечался более низкий уровень гнева и раздражения, они чувствовали себя более веселыми и испытывали другие положительные чувства.

Несмотря на то что данные кажутся достаточно убедительными, некоторые исследователи сообщают о том, что предъявление юмористического стимульного материала на самом деле усиливает агрессию в последующих актах насилия (Berkowitz, 1970). Чем же объясняется это очевидное противоречие? Одно из возможных объяснений заключается в следующем: усиление агрессии продемонстирировали те эксперименты, где в юмористических сюжетах, используемых в качестве стимульного материала, прослеживались темы враждебности и агрессии, например, как один человек унижает другого. В исследовании Бэрона и Болла (Baron & Ball, 1974), напротив, смех вызывали глупые и нелепые действия героев комиксов, враждебных отношений в этих сюжетах не было. Согласно теории несовместимых реакций, способствовать снижению агрессии могут юмористические сюжеты, аналогичные описанным в исследовании Бэрона и Белла. Шутки неприязненного и оскорбительного содержания могут вызывать чувства и настроения, совместимые с агрессией.

Это объяснение подверглось проверке в нескольких исследованиях (Baron, 1978a), стандартная процедура которых состояла в том, что испытуемым, прежде

чем предоставить им возможность отомстить провокатору, предъявляли стимульные материалы юмористического содержания. Часть юмористических сюжетов отличалась явно выраженной враждебностью, в других элемент враждебности прослеживался меньше, а третьи вообще ее не имели. Результаты не вызывали сомнений: когда в юмористических материалах сюжет зиждется на враждебности и неприязни, уровень агрессии после их просмотра не уменьшается, а в некоторых случаях даже увеличивается. Напротив, когда в юмористических материалах подобных тем нет, уровень агрессии в последующих актах насилия уменьшается.

В целом существующие данные свидетельствуют о том, что в некоторых случаях смех действительно может быть «лучшим из лекарств», когда дело касается агрессии. Однако, чтобы произвести такой благоприятный эффект, сюжеты юмористических материалов не должны своей основой иметь враждебность или агрессию. В противном случае влияние юмора как способа подавить агрессию может быть полностью элиминировано.

УМЕРЕННОЕ СЕКСУАЛЬНОЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ: НЕУЖЕЛИ ОЩУЩЕНИЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ ГЕНЕРИРУЕТ САМООБЛАДАНИЕ?

Во многих странах журналы, афиши, телевизионные объявления заполнены фотографиями притягивающих внимание полуодетых мужчин и женщин. Подоплека такой рекламы вполне ясна: большинство людей просто не в состоянии игнорировать подобные стимулы, и кроме того, они кажутся весьма привлекательными. В зависимости от того, насколько это соответствует истине, умеренное сексуальное возбуждение или ощущение возбуждения, вызванное этими эротическим стимулами, может рассматриваться как еще один тип реакции, несовместимой с гневом и открытой агрессией. Этот вариант гипотезы несовместимых реакций также привлек внимание исследователей.

Как ни странно, самые первые исследования, посвященные проблеме влияния сексуального возбуждения на агрессию, представили противоречивые, на первый взгляд, результаты. С одной стороны, некоторые исследования (Baron, 1974a) показали, что демонстрация эротических стимулов может действительно снижать уровень агрессии в последующих актах насилия разгневанных индивидов. Другие же работы (Jaffe, Malamuth, Feingold & Feshbach, 1974), напротив, показали, что на самом деле предъявление сексуально-ориентированных материалов приводит к усилению интенсивности последующей реакции. Как объяснить эти противоречивые результаты? Одно из возможных объяснений — разнородность сексуальных стимулов, которые использовались в этих двух группах исследований. Исследователи, сообщившие о снижении уровня агрессии после просмотра эротических материалов, в своих экспериментах предъявляли испытуемым изображения весьма мягких форм эротики — например, фотографии привлекательных обнаженных женщин и мужчин из журналов «Плейбой» и «Плейгерл». Те же, кто отмечал усиление дальнейшей агрессии, в качестве стимульного материала использовали материалы откровенно сексуального характера — например, эротические рассказы, пышащие страстью, живо и во всех деталях описывающие сексуальные отношения. Вполне возможно, что мягкие формы эротики порождают приятное чувство возбуждения, несовместимое с гневом и открытой агрессией, в то время как жесткая эротика вызывает сложные реакции: положительные чувства

сочетаются с реакциями отвращения и омерзения. Более того, демонстрация сильно возбуждающих сексуальных материалов в условиях, когда индивиды не в состоянии разрядить такое возбуждение, может сама по себе привести к фрустрации. Таким образом, уже первые исследования по проблеме возможного влияния сексуальных стимулов на уровень агрессии дают возможность сделать следующее теоретическое заключение: умеренный уровень сексуального возбуждения действительно способствует снижению уровня агрессии, как и предполагает гипотеза несовместимых реакций. Однако высокие уровни возбуждения, вызванные более откровенным материалом, могут вызвать отрицательные реакции и сильное возбуждение, которое не уменьшает агрессию.

Чтобы проверить опытным путем это заключение, Бэрон и Белл (Baron & Bell, 1977) провели эксперимент, на первой стадии которого мужчин-испытуемых провоцировал помощник экспериментатора. Затем различным группам испытуемых, прежде чем им была предоставлена возможность ответить на действия этого человека, предъявлялись резко отличающиеся типы эротических стимулов. Одна группа смотрела нейтральные (не возбуждающие) фотографии — изображения пейзажей и интерьеров. Вторая — фотографии очаровательных девушек в купальных костюмах и неглиже. Третья — фотографии обнаженных красавиц. В еще двух группах либо смотрели фотографии, на которых были изображены половые акты между мужчинами и женщинами, либо читали рассказы с откровенно сексуальной тематикой. Результаты подтвердили вышеизложенную гипотезу: умеренное сексуальное возбуждение (вызванное фотографиями полуобнаженных и обнаженных девушек) уменьшало агрессию. Напротив, сильное возбуждение (то есть возникшее в результате откровенно сексуальных пассажей) не стало средством, способным уменьшить агрессию, оно, напротив, даже повысило вероятность демонстрации подобного поведения.

Подобные результаты были получены в ходе последующих экспериментов, проводившихся с участием женщин (Baron, 1976b). Таким образом, можно сказать, что нелинейная связь между уровнем сексуального возбуждения и уровнем агрессии характерна для обоих полов. Как и прогнозирует гипотеза несовместимых реакций, умеренные сексуальные стимулы вызывают положительные чувства, ведущие к снижению уровня агрессии в дальнейшем поведении. Напротив, откровенные сексуальные стимулы генерируют высокие уровни возбуждения, которые могут вызвать фрустрацию, а также смешение положительных и отрицательных реакций. Таким образом, эти стимулы не только не уменьшают агрессию, а могут даже усилить ее.

ЕЩЕ ОДИН ВАРИАНТ ГИПОТЕЗЫ НЕСОВМЕСТИМЫХ РЕАКЦИЙ: ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ

Конфликтные ситуации создают серьезные проблемы для многих организаций. Действительно, руководители утверждают, что от 15 до 25% своего времени они тратят на разрешение конфликтов, проявляющихся в той или иной форме (Baron, 1989; Thomas, 1992). Учитывая это обстоятельство, исследователи сделали своей задачей выявление источников конфликтов и разработку различных техник, которые могли бы быть полезны в случае возникновения конфликтных ситуаций (Thomas, 1991). Результаты исследований показывают, что во многих случаях причиной

производственного конфликта являются социальные факторы, такие как испытываемое в течение длительного времени недовольство, стереотипы, неверная интерпретация мотивов поступков других людей и т. п. Если это утверждение верно, то вполне логично предположить, что гипотеза несовместимых реакций может быть полезна для решения производственного конфликта. В нескольких недавно проведенных исследованиях этому предположению искали подтверждение.

В первом из поставленных экспериментов (Baron, 1984) испытуемые, мужчины и женщины, изображали руководителей большой организации, которые обсуждали две проблемы, постоянно стоящие на повестке дня в их воображаемой компании: следует ли переместить ее на крайний юг США и следует ли вкладывать огромные средства в производство нового продукта? Одним из участников обсуждения был помощник экспериментатора, выражавший несогласие с любой точкой зрения, излагаемой испытуемыми. Однако способ выражения несогласия, к которому он прибегал, постоянно менялся. В одном случае он выражал несогласие спокойным, уверенным тоном (например, «Я понимаю вас, но согласиться все же не могу»). В другом случае он выражал свое несогласие в брюзгливо-высокомерной манере (например, «Боже мой, что за чушь вы несете?»). Следующий этап эксперимента начинался после окончания обсуждения «двух проблем». На этот раз экспериментатор на несколько минут покидал комнату, якобы для того чтобы взять необходимые формы. Все это время его помощник либо сидел спокойно, либо действовал в соответствии с одной из трех моделей поведения, предназначением которой являлась генерация у испытуемых положительных эмоций, несовместимых с гневом. Он либо предлагал им конфеты, заявляя, что еще не «пришел в себя» после важных экзаменов; либо просил их оказать ему помощь в выборе самой смешной карикатуры для очередного эксперимента.

Когда экспериментатор возвращался, участники эксперимента заполняли опросник, в котором им предлагалось оценить помощника экспериментатора по нескольким характеристикам (например, привлекательность, любезность) и указать, каким способом они предпочли бы разрешить возможный конфликт с ним (избегание, соперничество, согласие, компромисс, сотрудничество (Rahim, 1983)).

Результаты показали, что испытуемые давали более низкую оценку помощнику экспериментатора и указывали на большую вероятность отрицательного отношения к нему в будущем, если он вел себя надменно, а не благоразумно. Кроме того, что для нас более важно, испытуемые выразили большее желание сотрудничать с ним, когда они были в ситуации с актуализированной гипотезой несовместимых реакций. Получившие небольшой подарок попадали под влияние просмотренных карикатур или проникались сочувствием к помощнику экспериментатора и были более склонны к сотрудничеству с ним, нежели испытуемые из контрольной группы (см. рис. 9. 10).

Эти результаты нашли подтверждение в дальнейших работах, где для генерации несовместимых реакций у разгневанных испытуемых использовались различные процедуры (Baron, Fortin, Frei, Hauver & Shack, 1990). Результаты этих экспериментов показывают, что такие действия помощника экспериментатора, как ненавязчивая лесть и самоуничижение, также эффективны для изменения настроения испытуемых и для повышения вероятности выбора ими в качестве способа разрешения будущих конфликтов сотрудничества, нежели соперничества или избегания. Кроме того, вышеупомянутое поведение ассистента приводило к уступкам со стороны реципиентов во время инсценированных переговоров.

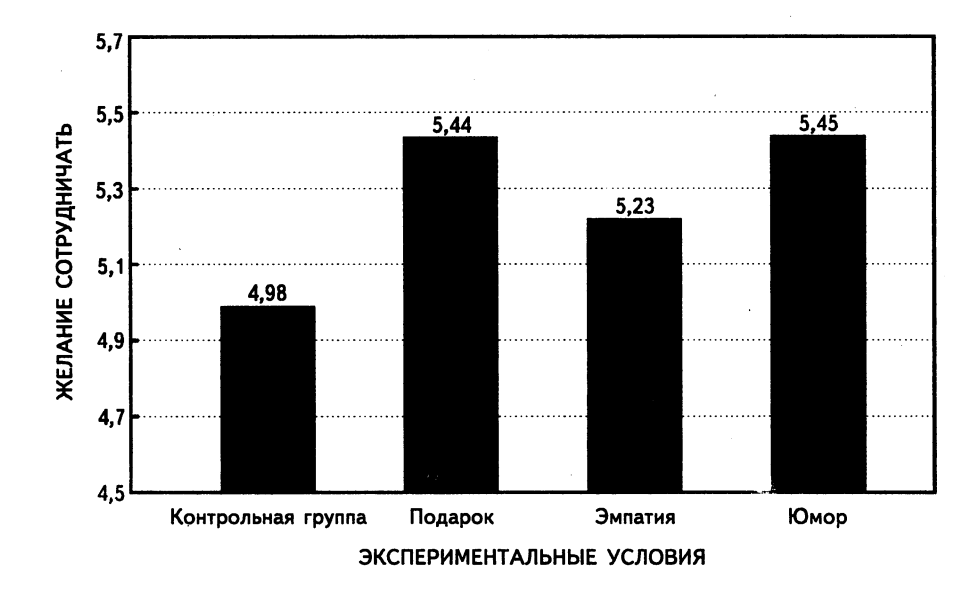

Рис. 9. 10. Испытуемые, у которых было вызвано состояние, несовместимое с гневом, выражали большее желание разрешать будущие конфликты со своим оппонентом посредством сотрудничества. Важно, что такое воздействие на испытуемых оказывали небольшие подарки, демонстрация юмористических карикатур или сочувствие к оппоненту. Эти результаты дают возможность использовать теорию несовместимости реакций для разрешения производственных конфликтов.

Вместе взятые, эти результаты свидетельствуют о том, что интенсивность и продолжительность конфликта могут иногда быть уменьшены путем индукции положительных эмоций, несовместимых с гневом или агрессией. Несмотря на то что эти результаты кажутся вполне обнадеживающими, это отнюдь не означает, что участники переговоров должны мчаться в магазин и запасаться конфетами и сувенирами, начинать собирать карикатуры или учиться делать комплименты: здесь требуется осторожность, ибо все способы генерации несовместимых реакций иногда могут приводить к неожиданным результатам. Если реципиенты понимают, что подарки, юмор, лесть и другие подходы используются для того, чтобы их «умаслить», они могут отреагировать агрессией и насущный конфликт раздуется еще больше (Liden & Mitchell, 1988). Однако, если негативных результатов удастся избежать, то этот и прочие методы генерации реакций, несовместимых с гневом и агрессией, могут найти практическое применение при решении организационных проблем самого широкого спектра.

ТРЕНИНГ СОЦИАЛЬНЫХ УМЕНИЙ: КАК НАУЧИТЬСЯ НЕ СОЗДАВАТЬ СЕБЕ ПРОБЛЕМЫ

Одна из главных причин того, что многие люди постоянно попадают в проблемные ситуации, невероятно проста: у них просто не хватает базовых социальных

умений. Например, они не знают, как ответить на провокации других, чтобы потушить пламя гнева, а не раздуть его еще больше. Точно так же они представления не имеют о том, как проинформировать других о своих желаниях, и очень расстраиваются, когда реакции людей не совпадают с их ожиданиями. Зачастую их манера самовыражения по мягкости и деликатности напоминает наждак. А если присовокупить к этому безразличие к эмоциональному состоянию других... В результате они постоянно ощущают сильную фрустрацию, говорят слова и делают вещи, которые настраивают окружающих против них. Похоже, что люди, не обладающие социальными умениями, занимают в каждом обществе свою нишу среди лиц, совершающих насилие (Toch, 1985). Таким образом, обучая этих людей социальным умениям, которых им так не хватает, можно постепенно уменьшить количество случаев проявления агрессии.

К счастью, существуют различные способы обучения людей таким умениям. Более того, овладение ими, похоже, резко снижает вероятность быть втянутыми в агрессивные взаимоотношения (Schneider & Byrne, 1987). Положительные стороны обучения социальным умениям были продемонстрированы наиболее ярко в исследовании, осуществленном Шнейдером (Schneider, 1991). В рамках его исследования мальчики и девочки в возрасте от 7-ми до 14-ти лет из лечебного центра для детей с отклоняющимся поведением прошли тренинг социальных умений, целью которого было снижение их очень высокого уровня агрессии. С этими детьми, разделенными на две группы численностью от 2-х до 4-х человек, в течение 12 недель проводились 30—40-минутные занятия, во время которых дети, выполняя различные упражнения, обучались тому, как лучше всего вести себя в ситуациях, которые в противном случае могут привести к агрессии. Например, они научились неагрессивно реагировать на поддразнивания, не принимать близко к сердцу фрустрирующие ситуации и с большим пониманием относиться к чувствам и поступкам других детей.

После окончания тренинга исследователи наблюдали, как ведут себя бывшие участники во время отдыха и игр. Было зафиксировано заметное снижение уровня агрессивности и рост потребности в совместных действиях. Эти и аналогичные данные позволяют предположить, что привитие социальных умений агрессивным людям может оказаться весьма полезным — оно поможет им избежать опасных стычек с другими. Другие же способы, позволяющие расширить репертуар социальных умений у жестких, склонных к агрессии людей, обычно основываются на следующих процедурах:

- *Моделирование.* Этот способ предполагает демонстрацию лицам, не имеющим базовых социальных умений, примеров адекватного поведения. После показа разных моделей поведения, приводящих к достижению намеченной цели, у участников тренинга зачастую наблюдается улучшение собственного поведения.
- *Ролевые игры.* Этот метод предлагает лицам, проходящим тренинг социальных умений, представить себя в ситуации, когда требуется реализация базовых умений. Это дает им возможность проверить на практике модели поведения, которым они научились в ходе моделирования или родственных с ним процедур.
- *Установление обратной связи.* Во время этой ступени тренинга социальных умений (которая может сочетаться с ролевыми играми и даже с моде-

лированием) с индивидами устанавливается обратная связь в виде реакций — как правило, позитивных — на их поведение. Они поощряются или даже вознаграждаются за желательное и адекватное социальное поведение. Напротив, положительное подкрепление отсутствует, если они обращаются к прежним, неприемлемым моделям поведения.

- *Перенесение навыков из учебной ситуации в реальную жизненную обстановку.* Почти на всех тренингах социальных умений значительное внимание уделятся тому, чтобы все, чему научились участники, нашло свое отражение в реальных жизненных ситуациях. Иногда эти программы завершаются тем, что их участников учат общим принципам — принципам, которые уместны всегда и везде. Кроме того, прилагаются немалые усилия к тому, чтобы занятия во время тренинга и учебные ситуации содержали как можно больше элементов, характерных для реальной жизненной обстановки. Немало также делается для того, чтобы разнообразить учебные ситуации, чтобы повысить вероятность обобщения.

Описанные методы зачастую практикуются в группах, состоящих из 6—12 человек. Члены этих групп тщательно отбираются с тем, чтобы они не слишком отличались по уровню дефицита социальных умений. Такие группы обычно занимаются 2—3 раза в неделю по 1—2 часа. Обучение продолжается до тех пор, пока все члены группы не добьются заметных успехов в овладении социальными умениями, необходимыми для большого количества ситуаций — от межличностного общения (Johnson, 1978) до способности нормально реагировать на отказ (McFall & Twentyman, 1973) и справляться со стрессом. Более того, тренинги социальных умений разработаны для самых разнообразных групп индивидов — от сверхагрессивных подростков до полицейских и родителей, плохо обращающихся со своими детьми (Goldstein,1981). В большинстве своем посещение такого рода тренингов приводит к весьма заметным сдвигам в поведении обучающихся — к снижению уровня агрессивного поведения и уменьшению частоты его проявлений. Таким образом, если принимать все эти факты в расчет, получается, что обучение адекватным социальным умениям является многообещающим методом снижения интенсивности и уменьшения количества случаев человеческого насилия.

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АГРЕССИЕЙ: ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПРИЗЫВ К ОПТИМИЗМУ

Несколько лет тому назад одного из нас (Ричарда Бэрона) попросили выступить на тему: «Неужели агрессия неизбежна?». Каждая фраза в сделанном им докладе подразумевала решительное «нет!». Основанием для такого ответа являлись и являются идеи, изложенные в этой главе. Учитывая всю информацию, мы стоим на позиции, что агрессия отнюдь не является неизбежной. Более того, мы твердо убеждены, что уже обладаем знаниями о многочисленных способах предотвращения или снижения количества случаев ее проявления и что со временем мы узнаем еще больше.

Если эти заключения верны (а мы уверены, что так оно и есть), то вдумчивые читатели могут спросить: «Откуда же этот вечный пессимизм у исследователей

данного вопроса?». Почему многие приверженцы бихевиорального направления до сих пор в отчаянии всплескивают руками, когда речь заходит о превентивных мерах для случаев проявления человеческого насилия? По нашему мнению, существует три фактора, по причине которых этот вопрос все еще остается в трясине неопределенности.

Во-первых, подобный пессимизм, по крайней мере отчасти, порождается тем фактом, что вплоть до сегодняшнего дня мы оказались не в состоянии, основываясь на результатах исследований агрессии, разработать единую эффективную методику для снижения вероятности проявлений подобного поведения в любой ситуации. Короче говоря, многие из наших коллег сохраняют пессимизм, потому что мы до сих пор не в состоянии дать прямого, четкого ответа на вопрос: «Как уменьшить количество случаев насилия?». Однако мы считаем, что это не повод для пессимизма. Агрессия, как не раз отмечалось нами на протяжении всей книги, весьма сложное явление; источником ее возникновения могут быть самые различные факторы и обстоятельства. Если это так, то почему мы должны считать, что агрессивным поведением можно управлять только одним, в лучшем случае двумя-тремя способами? Напротив, логично предположить, что во время поиска методов снижения уровня агрессии или управления агрессией мы должны разобраться во всех хитросплетениях «корневой системы» подобного поведения и искать ответ самыми разнообразными способами. Именно об этом говорят данные проведенных исследований, и именно поэтому мы считаем нынешнее состояние дел основанием для оптимизма, а не наоборот.

Во-вторых, преобладание у многих ученых в области социальных наук пессимистического взгляда на возможность управления человеческой агрессией является отражением убеждения в том, что, даже если мы разработаем соответствующую методику управления агрессивным поведением, никто нас просто слушать не станет. Короче говоря, даже если наши исследования увенчаются успехом, полученная информация будет проигнорирована. С такими убеждениями не поспоришь: у общества действительно печальный опыт внедрения в жизнь открытий, совершенных бихевиористами. И все же мы убеждены, что знания, однажды приобретенные, в конце концов найдут себе применение. Конечно, это займет какое-то время, но мы думаем, что обретение знаний об управлении человеческой агрессией — важный первый шаг; как только мы сделаем его, мы будем знать, что делать дальше.

В-третьих, несмотря на все увеличивающееся количество софизмов в дискуссиях по этим вопросам, многие ученые в области социальных наук, похоже, уверены в том, что неизбежность агрессии обусловлена нашими генами, или гормональным фоном. Иначе говоря, они полагают, что человеческая агрессия находится вне нашего контроля, потому что она является неотъемлемым элементом человеческой натуры. Как отмечалось нами в главе 8, это утверждение можно опровергнуть с помощью различных аргументов. Даже если человеческие существа действительно обладают врожденной склонностью к агрессии, это отнюдь не означает, что агрессивное поведение обязательно должно актуализироваться. Хотя некоторые ученые до сих пор, как в свое время социобиологи, придерживаются мнения, что мы — просто автоматы или пешки, существующие, главным образом, для того, чтобы наша генетическая программа могла реализоваться. Да, мы действительно обладаем наклонностями, отражающими черты, унаследованные нами от наших предков, — от необузданного желания манипулировать окружением до любви к

ярким, блестящим предметам. Но это отнюдь не означает, что мы должны потакать этим наклонностям или слепо и бездумно повиноваться им. Если даже мысль может повлиять на процесс протекания наших физиологических реакций, почему бы тогда не допустить, что ценности, противоположные насилию, могут выступать в качестве сильного средства, предотвращающего его проявление. Мы считаем, что именно так и обстоит дело, и поэтому отвергаем пессимистическую точку зрения, что агрессия представляет собой ту часть нашей биологической природы, которая неизменна и неизбежна.

Итак, подведем итоги. Мы уверены, что не существует убедительных научных доказательств, позволяющих заключить, что агрессия неизбежна. Напротив, все больше данных свидетельствует о том, что такое поведение можно предотвратить или, по крайней мере, уменьшить частоту его проявлений. Мы уже приобрели, или скоро приобретем, базовые знания по этому вопросу. Конечно, практическое приложение этих знаний еще далеко от совершенства; только время покажет, какую часть из них можно будет использовать. И все же последние события, которые казались совершенно невозможными еще несколько лет назад, но которые произошли в Европе и других частях света, по всей видимости, дают нам мощные основания для оптимизма. После нескольких десятилетий балансирования на грани ядерного самоуничтожения человеческий род пришел к более здравой, более устойчивой позиции. Перед лицом таких изменений мы считаем вполне приемлемым закончить нашу книгу следующим призывом: давайте воспользуемся этим необыкновенным моментом в человеческой истории, чтобы отбросить отчаяние и выбрать самую стойкую из всех человеческих эмоций — надежду!

РЕЗЮМЕ

Вплоть до самого недавнего времени внимание исследователей было направлено главным образом на выяснение причин агрессии, а не на поиск средств ее предотвращения или редуцирования. Столь неутешительное положение дел можно объяснить широким распространением, с одной стороны, убеждения в том, что нам уже известны наиболее эффективные способы предотвращения агрессивных действий — наказание и катарсис; и, с другой — представления о том, что агрессию можно редуцировать путем элиминации факторов, способствующих ее проявлению. Однако ни то ни другое не согласуется с имеющимися эмпирическими данными.

Грозящее наказание действительно может служить эффективным средством предотвращения агрессии, но лишь в том случае, если агрессор не находится в состоянии крайнего озлобления; если наказание, которого он может ожидать, достаточно сурово; если вероятность его применения действительно высока и если выгода от совершения агрессивного действия не слишком велика.

Действительное наказание также может удерживать агрессора от последующего совершения агрессивных действий, но лишь в том случае, если реципиент считает наказание вполне заслуженным, если оно следует сразу же за совершением агрессивных действий и приводится в исполнение с соблюдением всех установленных правил. К сожалению, эти условия редко соблюдаются в системах

уголовного законодательства большинства стран, и потому наказание, как метод борьбы с преступностью, сравнительно неэффективно.

Гипотеза о существовании катарсиса предполагает, что если приведенному в ярость индивиду дать возможность «спустить пары» в социально приемлемой форме, то это приведет к ослаблению переживаемых им негативных эмоций и тем самым снизит вероятность того, что в дальнейшем он прибегнет к социально опасным формам агрессии. Существующие данные подтверждают первое из этих предположений: участие в различных формах агрессивных взаимодействий, включая сравнительно безобидные, может приводить к резкой разрядке эмоционального напряжения. Однако это не единственный способ достижения подобного эффекта: к снижению уровня эмоционального напряжения может привести совершение индивидом практически любого действия, ослабляющего момент аверсивности в обращении с ним (индивидом) других индивидов. Данные, подтверждающие вторую часть «катарсической» гипотезы — то есть положение о том, что если индивид, испытывающий в настоящий момент гнев или злобу, своевременно даст выход своей агрессии, то это снизит вероятность совершения им в будущем серьезного правонарушения — менее убедительны. Подобный эффект может давать только совершение индивидом нападения непосредственно на того, кто послужил источником его гнева или раздражения. Кроме того, достигнутое таким образом снижение агрессивности может быть весьма непродолжительным. Итак, следует признать, что действенность катарсиса как средства редуцирования снижения агрессии в прошлом сильно переоценивалась.

Иногда агрессия может быть редуцирована с помощью демонстрации. Речь идет о тех случаях, когда в критической ситуации кто-либо проявляет сдержанность и/или призывает других не поддаваться на провокации. В отличие от других способов редуцирования агрессии (например, запугивания возможностью мести или наказания), демонстрация наглядных примеров неагрессивного поведения может снизить частоту и интенсивность как прямых, так и косвенных проявлений агрессии.

На агрессию, как и на другие формы социальных взаимодействий, сильное влияние оказывают различные когнитивные факторы. Так, характер реакции индивидуума на провоцирующие действия других людей в значительной степени будет зависить от совершаемых индивидуумом атрибуций, то есть от того, какое причинностное объяснение получат действия, квалифицируемые индивидуумом как провокация. С наибольшей вероятностью агрессия возникает в тех случаях, когда провокативность поведения других людей расценивается индивидуумом как злоумышленная и преднамеренная.

Информирование о наличии смягчающих обстоятельств — например, сообщение о принудительности чьего-либо участия в провокационных действиях — может оказаться весьма эффективным способом снизить агрессивность ответной реакции на подобные действия. Если подобное информирование носит упреждающий характер, то ответная реакция на провокационные действия, когда они все-таки совершаются, может оказаться практически беззлобной. Часто эффективным способом предотвращения негативных последствий агрессивного взаимодействия может послужить попытка оправдать агрессора, дать причинное объяснение его агрессивному поведению, грубо нарушившему наши ожидания.

Довольно эффективным способом предотвращения агрессии является также индукция несовместимых реакций, то есть реакций, несовместимых с гневом или

открытой агрессией. Подобные реакции и последующее ослабление открытой агрессии могут возникнуть при виде боли и страданий жертвы агрессии, в результате просмотра юмористических материалов и при умеренной эротической стимуляции. Результаты новейших исследований показывают, что индукция несовместимых реакций способна существенно ослабить конфликт в производственных условиях. В такой ситуации эффективным средством индукции несовместимых реакций может послужить скромный, но неожиданный подарок, ненавязчивая похвала и показ юмористических материалов.

Одна из причин того, что многие люди с удивительным постоянством попадают в конфликтные ситуации, заключается в отсутствии у них элементарных навыков общения. Существуют специально разработанные программы по развитию навыков общения у такого рода «конфликтных» личностей, которые нередко позволяют добиться весьма ощутимых результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Abel, E. L. (1977). The relationship between cannabis and violence: A review. *Psychological Bulletin, 84,* 193–211.

Abramson, L. Y., Seligman, M. E. P., & Teasdale, J. D. (1978). Learned helplessness in humans: Critique and reformulation. *Journal of Abnormal Psychology, 87,* 49–74.

Adams, P. R., & Adams, G. R. (1984). Mount Saint Helens' ashfall. *American Psychologist, 39,* 252–260.

Agnew, R. (1983). Physical punishment and delinquency: A research note. *Youth and Society, 15,* 225–236.

Ainsworth, M. D. S. (1979). Infant-mother attachment. *American Psychologist, 34,* 932–937.

Albee, G. W., & Goldman, R. (1950). The Picture-Frustration Study as a predictor of overt aggression. *Journal of Projective Techniques, 14,* 303–308.

Allen, J. G., Colson, D. B., & Coyne, L. (1988). Organic brain dysfunction and behavioral dyscontrol in difficult-to-treat psychiatric hospital patients. *Integrative Psychiatry, 6,* 120–125.

Alloy, L., Abramson, L., Metalsky, G., & Hartlage, S. (1988). The hopelessness theory of depression: Attributional aspects. *British Journal of Clinical Psychology, 27,* 5–21.

Altman, I. (1975). *The environment and social behavior.* Monterey, CA: Brooks/Cole.

Anderson, C. A. (1987). Temperature and aggression: Effects on quarterly, yearly, and city rates of violent and nonviolent crime. *Journal of Personality and Social Psychology, 52,* 1161–1173.

Anderson, C. A. (1989). Temperature and aggression: Ubiquitous effects of heat on occurrence of human violence. *Psychological Bulletin, 106,* 74–96.

Anderson, C. A., & Anderson, D. C. (1984). Ambient temperature and violent crime: Tests of the linear and curvilinear hypotheses. *Journal of Personality and Social Psychology, 46,* 90–97.

Ardrey, R. (1970). *The social contract.* New York: Atheneum.

Ardrey, R. (1976). *The hunting hypothesis.* New York: Atheneum.

Arms, R. L., Russell, G. W., & Sandilands, M. L. (1979). Effects on the hostility of spectators of viewing aggressive sports. *Social Psychology Quarterly, 42,* 275–279.

Averill, J. R. (1982). *Anger and aggression: An essay on emotion.* New York: Springer-Verlag.

Bailey, D. S., Leonard, K. E., Cranston, J. W., & Taylor, S. P. (1983). Effects of alcohol and self-awareness on human physical aggression. *Personality and Social Psychology Bulletin, 9,* 289–295.

Bain, J., Langevin, R., Dickey, R., & Ben-Aron, M. (1987). Sex hormones in murderers and assaulters. *Behavioral Sciences and the Law, 5,* 95–101.

Baker, S. (1986). A plague called violence. *Omni, 8(11),* 43–47, 88.

Baldwin, J. D., & Baldwin, J. I. (1981). *Beyond sociobiology.* New York: Elsevier.

Bandura, A. (1965). Influence of models' reinforcement contingencies on the acquisition of imitative responses. *Journal of Personality and Social Psychology, 1,* 589–595.

Bandura, A. (1973). *Aggression: A social learning analysis.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Bandura, A. (1977). *Social learning theory.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Bandura, A. (1983). Psychological mechanisms of aggression. In R. G. Geen & F. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews* (Vol. 1, pp. 1–40). New York: Academic Press.

Bandura, A. (1986). *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Bandura, A., Ross, D., & Ross, S. A. (1963a). Imitation of film-mediated aggressive models. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 66,* 3–11.

Bandura, A., Ross, D., & Ross, S. A. (1963b). Vicarious reinforcement of imitative learning. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 67,* 601–607.

Bandura, A., & Walters, R. H. (1959). *Adolescent aggression.* New York: Ronald.

Barash, D. P. (1977). *Sociobiology and behavior.* New York: Elsevier.

Baron, R. A. (1971a). Aggression as a function of audience presence and prior anger arousal. *Journal of Experimental Social Psychology, 7,* 515–523.

Baron, R. A. (1971b). Exposure to an aggressive model and apparent probability of retaliation from the victim as determinants of adult aggressive behavior. *Journal of Experimental Social Psychology, 7,* 343–355.

Baron, R. A. (1971c). Reducing the influence of an aggressive model: The restraining effects of discrepant modeling cues. *Journal of Personality and Social Psychology, 20,* 140–145.

Baron, R. A. (1972a). Aggression as a function of ambient temperature and prior anger arousal. *Journal of Personality and Social Psychology, 21,* 183–189.

Baron, R. A. (1972b). Reducing the influence of an aggressive model: The restraining effects of peer censure. *Journal of Experimental Social Psychology, 8,* 266–275.

Baron, R. A. (1973). Threatened retaliation from the victim as an inhibitor of physical aggression. *Journal of Research in Personality, 7,* 103–115.

Baron, R. A. (1974a). Aggression as a function of victim's pain cues, level of prior anger arousal, and exposure to an aggressive model. *Journal of Personality and Social Psychology, 29,* 117–124.

Baron, R. A. (1974b). The aggression-inhibiting influences of heightened sexual arousal. *Journal of Personality and Social Psychology, 30,* 318–322.

Baron, R. A. (1976). The reduction of hyman aggression: A field study of the influence of incompatible reactions. *Journal of Applied Social Psychology, 6,* 260–274.

Baron, R. A. (1978a). Aggression-inhibiting influence of sexual humor. *Journal of Personality and Social Psychology, 36,* 189–197.

Baron, R. A. (1978b). The influence of hostile and nonhostile humor upon physical aggression. *Personality and Social Psychology Bulletin, 4,* 77–80.

Baron, R. A. (1979a). Aggression empathy, and race: Effects of victim's pain cues, victim's race and level of instigation on physical aggression. *Journal of Applied Social Psychology, 9,* 103–114.

Baron, R. A. (1979b). Heightened sexual arousal and physical aggression: An extension to females. *Journal of Research in Personality, 13*, 91–102.

Baron, R. A. (1983a). The control of human aggression: An optimistic overview. *Journal of Social and Clinical Psychology, 1*, 97–119.

Baron, R. A. (1983b). The control of human aggression: A strategy based on incompatible responses. In R. G. Geen & E. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews* (Vol. 2, pp. 173–190). New York: Academic Press.

Baron, R. A. (1984). Reducing organizational conflict: An incompatible response approach. *Journal of Applied Psychology, 69*, 272–279.

Baron, R. A. (1985). Reducing organizational conflict: The role of attributions. *Journal of Applied Psychology, 70*, 434–441.

Baron, R. A. (1987a). Effects of negative ions on cognitive performance. *Journal of Applied Psychology, 72*, 127–131.

Baron, R. A. (1987b). Effects of negative ions on interpersonal attraction: Evidence for intensification. *Journal of Personality and Social Psychology, 52*, 547–553.

Baron, R. A. (1988a). Attributions and organizational conflict: The mediating role af apparent sincerity. *Organizational Behavior and Human Decision Processes, 41*, 111–127.

Baron, R. A. (1988b). Negative effects of destructive criticism: Impact on conflict, selfefficacy, and task performance. *Journal of Applied Psychology, 73*, 199–207.

Baron, R. A. (1989). Personality and organizational conflict: Effects of the Type A behavior pattern and self-monitoring. *Organizational Behavior and Human Decision Processes, 44*, 281–297.

Baron, R. A. (1990). Attributions and organizational conflict. In S. Graham & V. Folkes (Eds.), *Attribution theory: Applications to achievement, mental health, and interpersonal conflict* (pp. 185–204). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Baron, R. A. (1993). Reducing aggression and conflict: The incompatible response approach, or why people who feel good usually won't be bad. In C. G. Brannigan & M. R. Merrens (eds.), *The undaunted psychologist: Adventures in research* (pp. 203–218). Philadelphia: Temple University Press.

Baron, R. A. & Ball, R. L. (1974). The aggression-inhibiting influence of nonhostile humor. *Journal of Experimental Social Psychology, 10*, 23–33.

Baron, R. A., & Bell, P. A. (1973). Effects of heightened sexual arousal on physical aggression. *Proceedings of the American Psychological Association*, 81st Annual Convention, 171–172.

Baron, R. A., & Bell, P. A. (1975). Aggression and heat: Mediating effects of prior provocation and exposure to an aggressive model. *Journal of Personality and Social Psychology, 31*, 825–832.

Baron, R. A., & Bell, P. A. (1976). Aggression and heat: The influence of ambient temperature, negative affect, and a cooling drink on physical aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 33*, 245–255.

Baron, R. A., & Bell, P. A. (1977). Sexual arousal and aggression by males: Effects of type of erotic stimuli and prior aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 35*, 79–87.

Baron, R. A., & Eggleston, R. J. (1972). Performance on the «aggression machine» Motivation to help or harm? *Psychonomic Science, 26*, 321–322.

Baron, R. A., Fortin, S. P., Frei, R. L., Hauver, L. A., & Shack, M. L. (1990). Reducing organizational conflict: The potential role of socially-induced positive affect. *International Journal of Conflict Management, 1*, 133–152.

Baron, R. A., & Kepner, C. R. (1970). Model's behavior and attraction toward the model as determinants of adult aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology, 14*, 335–344.

Baron, R. A., & Lawton, S. F. (1972) Environmental influences on aggression: The facilitation of modeling effects by high ambient temperatures. *Psychonomic Science, 26*, 80–83.

Baron, R. A., & Ransberger, V. M. (1978). Ambient temperature and the occurrence of collective violence: The «long, hot summer» revisited. *Journal of Personality and Social Psychology, 36*, 351–360.

Baron, R. A., Russell, G. W., & Arms, R. L. (1985). Negative ions and behavior: Impact on mood, memory, and aggression among Type A and Type B persons. *Journal of Personality and Social Psychology, 48*, 746–754.

Barratt, E. S., & Patton, J. H. (1983). Impulsivity: Cognitive, behavioral, and psychophysiological correlates. In M. Zuckerman (Ed.), *Biological bases of sensation seeking, impulsivity, and anxiety* (pp. 77–122). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Baumeister, R. F. (1990). Suicide as escape from self. *Psychological Review, 97*, 90–113.

Baumeister, R. F., Stillwell, A., & Wotman, S. R. (1990). Victim and perpetrator accounts of interpersonal conflict: Autobiographical narratives about anger. *Journal of Personality and Social Psychology, 59*, 994–1005.

Baumeister, R. F., & Tice, D. M. (1988). Metatraits. *Journal of Personality, 56*, 5–13.

Beezley, D. A., Gantner, A. B., Bailey, D. S., & Taylor, S. P. (1987). Amphetamines and human physical aggression. *Journal of Research in Personality, 21*, 52–60.

Bell, P. A., & Baron, R. A. (1976). Aggression and heat: The mediating role of negative affect. *Journal of Applied Psychology, 6*, 18–30.

Bell, P. A., & Baron, R. A. (1977). Aggression and ambient temperature: The facilitating and inhibiting effects of hot and cold environments. *Bulletin of the Psychonomic society, 9*, 443–445.

Bell, P. A., & Baron, R. A. (1981). Ambient temperature and human violence. In P. F. Brain & D. Benton (Eds.), *Multidisciplinary approaches to aggression research* (pp. 421–430). Amsterdam: Elsevier/North-Holland.

Bell, P. A., & Blakeney, R. N. (1977). Personality correlates of conflict resolution modes. *Human Relations, 30*, 849–857.

Bell, P. A., & Fusco, M. E. (1986). Linear and curvilinear relationships between temperature, affect, and violence: Reply to Cotton. *Journal of Applied Social Psychology, 16*, 802–807.

Bell, P. A., Peterson, T. R., & Hautaluoma, J. E. (1989). The effect of punishment probability on overconsumption and stealing in a simulated commons. *Journal of Applied Social Psychology, 19*, 1483–1495.

Belsky, J., & Steinberg, L. D. (1978). The effects of day care: A critical review. *Child Development, 49*, 929–949.

Bennett, J. C. (1990). Nonintervention into siblings fighting as a catalyst for learned helplessness. *Psychological Reports, 66*, 139–145.

Berdie, R. F. (1947). Playing the dozens. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 42*, 120–121.
Bergmann, G. (1966). *Philosophy of science*. Madison: University of Wisconsin Press.
Berkowitz, L. (1962). *Aggression: A social psychological analysis*. New York: McGraw-Hill.
Berkowitz, L. (1964). Aggressive cues in aggressive behavior and hostility catharsis. *Psychological Review, 71*, 104–122.
Berkowitz, L. (1965). The concept of aggressive drive: Some additional considerations. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental psychology* (Vol. 2, pp. 301–329). New York: Academic Press.
Berkowitz, L. (1968). Impulse, aggression, and the gun: *Psychology today, 2(4)*, 18–22.
Berkowitz, L. (1969). The frustration-agression hypothesis revisited. In L. Berkowitz (Ed.), *Roots of aggression* (pp. 1–28). New York: Atherton Press.
Berkowitz, L. (1970). Agressive humor as a stimulus to agressive responses. *Journal of Personality and Social Psychology, 16*, 710–711
Berkowitz, L. (1974). Some determinants of impulsive aggression: The role of mediated associations with reinforcements for aggression. *Psychological Review, 81*, 165–176.
Berkowitz, L. (1978). External determinants of impulsive aggression. In W. W. Hartup & J. deWit (Eds.), *Origins of aggression* (pp. 143–161). The Hague: Mouton.
Berkowitz, L. (1981). The concept of aggression. In P. F. Brain & D. Benton (Eds.), *Multidisciplinary approaches to aggression research* (pp. 3–15). Amsterdam: Elsevier/North Holland Biomedical Press.
Berkowitz, L. (1983). The experience of anger as a parallel process in the display of impulsive, «angry» aggression. In R. G. Geen & E. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews* (Vol. 1, pp. 103–133). Orlando, FL: Academic Press.
Berkowitz, L. (1984). Some effects of thoughts om anti- and prosocial influences of media events: A cognitive-neoassociation analysis. *Psychological Bulletin, 95*, 410–427.
Berkowitz, L. (1988). Frustrations, appraisals, and aversively stimulated aggression. *Aggressive Behavior, 14*, 3–11.
Berkowitz, L. (1989). Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation. *Psychological Bulletin, 106*, 59–73.
Berkowitz, L., & Alioto, J. T. (1973). The meaning of an observed event as a determinant of its aggressive consequence. *Journal of Personality and Social Psychology, 28*, 206–217.
Berkowitz, L., & Donnerstein, E. (1982). External validity is more than skin deep: Some answers to criticisms of laboratory experiments. *American Psychologist, 37*, 245–257.
Berkowitz, L., & Frodi, A. (1979). Reactions to a child's mistakes as affected by his/her looks and speech. *Social Psychology Quarterly, 42*, 420–425.
Berkowitz, L., & Geen, R. G. (1966). Film violence and the cue properties of available targets. *Journal of Personality and Social Psychology, 3*, 525–530.
Berkowitz, L., & Geen, R. G. (1967). Stimulus qualities of the target of aggression: A further study. *Journal of Personality and Social Psychology, 5*, 364–368.
Berkowitz, L., & Holmes, D. S. (1959). The generalization of hostility to disliked objects. *Journal of Personality, 27*, 565–577.
Berkowitz, L., & Knurek, D. A. (1969). Label-mediated hostility generalization. *Journal of Personality and Social Psychology, 13*, 200–206.
Berkowitz, L., & LePage, A. (1967). Weapons as aggression-eliciting stimuli. *Journal of Personality and Social Psychology, 7*, 202–207.
Berkowitz, M. W., Mueller, C. W., Schnell, S. V., & Padberg, M. T. (1986). Moral reasoning and judgments of aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 51*, 885–891.
Bernstein, I. S., & Ehardt, C. L. (1985). Agonistic aiding: Kinship, rank, age, and sex influences. *American Journal of Primatology, 8*, 37–52.
Bernstein, I. S., Gordon, T. P., & Rose, R. M. (1983). The interaction of hormones, behavior, and social context in nonhuman primates. In B. B. Svare (Ed.), *Hormones and aggressive behavior* (pp. 535–561). New York: Plenum.
Bernstein, I. S., Richardson, D., & Hammock, G. (1987). Convergent and discriminant validity of the Taylor and Buss measures of physical aggression. *Aggressive Behavior, 13*, 15–24.
Bernstein, I. S., Rose, R. M., Gordon, T. P., & Grady, C. L. (1979). Agonistic rank, aggression, social context, and testosterone in male pigtail monkeys. *Aggressive Behavior, 5*, 329–339.
Bertilson, H. S. (1983). Methodology in the study of aggression. In R. G. Geen & E. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews* (Vol. 1, pp. 213–245). New York: Academic Press.
Bertilson, H. S., & Lien, S. K. (1982). Comparison of reaction time and interpersonal communications tasks to test effectiveness of a matching strategy in reducing attackinstigated aggression. *Perceptual and Motor Skills, 55*, 659–665.
Biaggio, M. K. (1980). Assessment of anger arousal. *Journal of Personality Assessment, 44*, 289–298.
Biaggio, M. K., & Maiuro, R. D. (1985). Recent advances in anger assessment. In C. D. Spielberger & J. N. Butcher (Eds.), *Advances in personality assessment* (Vol. 5, pp. 71–111). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
Bies, R. J. (1990). Managing conflict before it happens: The role of accounts. In M. A. Rahim (Ed.), *Managing conflict: An interdisciplinary approach* (pp. 83–91). New York: Praeger.
Bies, R. J., Shapiro, D. L., & Cummings, L. L. (1988). Causal accounts and managing organizational conflict: Is it enough to say it's not my fault? *Communication Research, 15*, 381–399.
Bjorkqvist, K., Lagerspetz, K. M. J., & Kaukiainen, A. (1992). Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression. *Aggressive Behavior, 18*, 117–127.
Blake, R. R., & Mouton, J. S. (1964). *The managerial grid*. Houston, TX: Gulf.
Blanchard, D. C., & Blanchard, R. J. (1986). Punishment and aggression: A critical reexamination. In R. J. Blanchard & D. C. Blanchard (Eds.), *Advances in the study of aggression* (Vol. 2, pp. 121–164). Orlando, FL: Academic Press.
Blass, T. (1991). Understanding behavior in the Milgram obedience experiment: The role of personality, situations, and their interactions. *Journal of Personality and Social Psychology, 60*, 398–413.
Bleda, P., & Bleda, E. (1978). Effects of sex and smoking on reactions to spatial invasion at a shopping mall. *Journal of Social Psychology, 104*, 311–312.

Boldizar, J. P., Perry, D. G., & Perry, L. C. (1989). Outcome values and aggression. *Child Development, 60,* 571–579.

Bond, A., & Lader, M. (1986). A method to elicit aggressive feelings and behavior via provocation. *Biological Psychology, 22,* 69–79.

Borden, R. J. (1975). Witnessed aggression: Influence of an observer's sex and values on aggressive responding. *Journal of Personality and Social Psychology, 31,* 567–573.

Borden, R. J., Bowen, R., & Taylor, S. P. (1971). Shock setting behavior as a function of physical attack and extrinsic reward. *Perceptual and Motor Skills, 33,* 563–568.

Borden, R. J., & Taylor, S. P. (1973). The social instigation and control of physical aggression. *Journal of Applied Social Psychology, 3,* 354–361.

Borden, R. J., & Taylor, S. P. (1976). Pennies for pain: A note on instrumental aggression toward a pacifist by vanquished, victorious, and evenly-matched opponents. *Victimology, 1,* 154–157.

Botha, M. P., & Mels, G. (1990). Stability of aggression among adolescents over time: A South African study. *Aggressive Behavior, 16,* 361–380.

Bower, G. H., & Hillgard, E. R. (1981). *Theories of learning* (5th ed.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Boyatzis, R. E. (1974). The effect of alcohol consumption on the aggressive behavior of men. *Quarterly Journal of Studies on Alcohol, 35,* 959–972.

Bradford, J. M., & McLean, D. (1984). Sexual offenders, violence and testosterone: A clinical study. *Canadian Journal of Psychiatry, 29,* 335–343.

Brain, P. F. (1984). Biological explanation of human aggression and the resulting therapies offered by such approaches: A critical evaluation. In R. J. Blanchard & D. C. Blanchard (Eds.), *Advances in the study of aggression* (Vol. 1, pp. 63–102). Orlando, FL: Academic Press.

Brancombe, N. (1985). Effects of hedonic valence and physiological arousal on emotion: A comparison of two theoretical perspectives. *Motivation and Emotion, 9,* 153–169.

Briddell, D. W., Rimm, D. C., Caddy, G. R., Krawitz, G., Sholis, D., & Wunderlin, R. J. (1978). Effects of alcohol and cognitive set on sexual arousal to deviant stimuli. *Journal of Abnormal Psychology, 87,* 418–430.

Brown, G. L., Ballanger, J. C., Minichiello, M. D., & Goodwin, F. K. (1979). Human aggression and its relationship to cerebrospinal fluid 5-hydroxyindoleacetic acid, 3-methoxy-4-hydroxyphenylglycol, and homovanillic acid. In M. Sandler (Ed.), *Psychopharmacology of aggression* (pp. 131–148). New York: Raven Press.

Brown, G. L., Ebert, M. H., Goyer, P. F., Jimerson, D. C., Klein, W. J., Bunney, W. E., & Goodwin, F. K. (1982). Aggression, suicide, and serotonin: Relationship to cerebrospinal fluid amine metabolites. *American Journal of Psychiatry, 139,* 741–746.

Brown, P., & Elliott, R. (1965). Control of aggression in a nursery school class. *Journal of Experimental Child Psychology, 2,* 203–211.

Brown, R. J. (1984). The role of similarity in intergroup relations. In H. Tajfel (Ed.), *The social dimensions* (Vol. 2, pp. 603–623). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Bryant, E. T., Scott, M. L., Tori, C. D., & Golden, C. J. (1984). Neuropsychological deficits, learning disability, and violent behavior. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 52,* 323–324.

Bureau of Census (1988). *Statistical abstracts of the United States* (108th ed.). Washington, DC: U.S. Department of Commerce.

Burger, J. M. (1990). *Personality* (2nd ed.). Belmont, CA: Wadsworth.

Burnstein, E., & Worchel, P. (1962). Arbitrariness of frustration and its consequences for aggression in a social situation. *Journal of Personality, 30,* 528–540.

Bushman, B. J., & Cooper, H. M. (1990). Effects of alcohol on human aggression: An integrative research review. *Psychological Bulletin, 107,* 341–354.

Bushman, B. J., & Geen, R. G. (1990). Role of cognitive-emotional mediators and individual differences in the effects of media violence on aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 58,* 156–163.

Buss, A. H. (1961). *The psychology of aggression.* New York: Wiley.

Buss, A. H. (1963). Physical aggression in relation to different frustrations. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 67,* 1–7.

Buss, A. H. (1966a). The effect of harm on subsequent aggression. *Journal of Experimental Research in Personality, 1,* 249–255.

Buss, A. H. (1966b). Instrumentality of aggression, feedback, and frustration as determinants of physical aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 3,* 153–162.

Buss, A. H. (1971). Aggression pays. In J. L. Singer (Ed.). *The control of aggression and violence* (pp. 112–130). New York: Academic Press.

Buss, A. H., Booker, A., & Buss, E. (1972). Firing a weapon and aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 22,* 196–302.

Buss, D. M., & Cantor, N. (Eds.) (1989). *Personality psychology: Recent trends and emerging directions.* New York: Springer-Verlag.

Buss, A. H., & Durkee, A. (1957). An inventory for assessing different kinds of hostility. *Journal of Consulting Psychology, 21,* 343–348.

Butterfield, F. (1992, October 23). Dispute threatens U.S. plan on violence. *New York Times,* P. A8.

Byrne, D., & Byrne, L. (1977). *Exploring human sexuality.* New York: Crowell.

Byrne, D., & Schulte, I. J. (1990). Personality dimensions as predictors of sexual behavior. In J. Bancroft (Ed.), *Annual review of sexual research* (Vol. 1, pp. 93–117). Philadelphia: Society for the Scientific Study of Sex.

Cairns, R. B., Cairns, B. D., Neckerman, H. J., Gest, S. D., & Gariepy, J. L (1988). Social networks and aggressive behavior – peer support or peer rejection. *Developmental Psychology, 24,* 815–823.

Campbell, A., Muncer, S., & Gorman, B. (1993). Sex and social representations of aggression: A communal-agentic analysis. *Aggressive Behavior, 19,* 125–135.

Cantor, J. R., Zillmann, D., & Einsiedel, E. F. (1978). Female responses to provocation after exposure to aggressive and erotic films. *Communication Research, 5,* 395–412.

Caprara, G. V. (1982). A comparison of the frustration-aggression and emotional susceptibility hypothesis. *Aggressive Behavior, 8,* 234–236.

Caprara, G. V. (1983). La misura dell'aggressivita: Contributo di recerca per la constuzione e la validazione di due scale per le misura dell'irritabilita e della suscettibilita emotiva. *Gionale Italiano di Psicologia, 1,* 91–111.

Caprara, G. V., D'Imperio, G., Gentilomo, A., Mammucari, A., Renzi, P., & Travaglia, G. (1987). The intrusive commercial: Influence of aggressive TV commercials on aggression. *European Journal of Social Psychology, 17*, 23–31.

Caprara, G. V., & Renzi, P. (1981). The frustration-aggression hypothesis vs. irritability. *Recherches de Psychologie Sociale, 3*, 75–80.

Caprara, G. V., Renzi, P., Alcini, G., D'Imperio, G., Travaglia, G. (1983). Instigation to aggress and escalation of aggression examined from a personological perspective: The role of irritability and of emotional susceptibility. *Aggressive Behavior, 9*, 345–351.

Caprara, G. V., Renzi, P., Amolini, P., D'Imperio, G., & Travaglia, G. (1984). The eliciting cue value of aggressive slides reconsidered in a personological perspective: The weapons effect and irritability. *European Journal of Social Psychology, 14*, 313–322.

Carlson, M., Marcus-Newhall, A., & Miller, N. (1990). Effects of situational aggression cues: A quantitative review. *Journal of Personality and Social Psychology, 58*, 622–633.

Carlsmith, J., & Anderson, C. (1979). Ambient temperature and the occurrence of collective violence: A new analysis. *Journal of Personality and Social Psychology, 37*, 337–344.

Carmelli, D., Rosenman, R. H., & Swan, G. E. (1988). The Cook and Medley Ho scale: A heritability analysis in adult male twins. *Psychosomatic Medicine, 50*, 165–174.

Carmelli, D., Swan, G. E., & Rosenman, R. H. (1990). The heritability of the Cook and Medley hostility scale revisited. *Journal of Personality and Social Psychology, 5*, 107–116.

Carpenter, B., & Darley, J. M. (1978). A naive psychological analysis of counteraggression. *Personality and Social Psychology Bulletin, 4*, 68–72.

Carroll, D., & O'Callaghan, M. A. J. (1981). Psychosurgery and the control of aggression. In P. F. Brain & D. Benton (Eds.), *The biology of aggression* (pp. 457–471). Rockville, MD: Sythoff & Noordhoff.

Carver, C. S. (1974). Facilitation of physical aggression through objective self-awareness. *Journal of Experimental Social Psychology, 10*, 365–370.

Carver, C. S. (1975). Physical aggression as a function of objective self-awareness and attitudes toward punishment. *Journal of Experimental Social Psychology, 11*, 510–519.

Carver, C. S., & Glass, D. C. (1978). Coronary-prone behavior pattern and interpersonal aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 36*, 361–366.

Carver, C. S., & Scheier, M. F. (1981). *Attention and self-regulation: A control-theory approach to human behavior.* New York: Springer-Verlag.

Charry, J. M., & Hawkinshire, F. B. W. V. (1981). Effects of atmospheric electricity on some substrates of disordered social behavior. *Journal of Personality and Social Psychology, 41*, 185–197.

Cherek, D. R. (1984). Effects of cigarette smoking on human aggressive behavior. In K. J. Flannelly, R. J. Blanchard, & D. C. Blanchard (Eds.), *Biological perspectives on aggression* (pp. 333–344). New York: Alan R. Liss.

Cherek, D. R., Steinberg, J. L., & Manno, B. R. (1985). Effects of alcohol on human aggressive behavior. *Journal of Studies on Alcohol, 46*, 321–328.

Christiansen, K., & Knussmann, R. (1987). Androgen levels and components of aggressive behavior in men. *Hormones and Behavior, 21*, 170–180.

Christy, P. R., Gelfand, D. M., & Hartmann, D. P. (1971). Effects of competition-induced frustration on two classes of modeled behavior. *Development Psychology, 5*, 104–111.

Clarke, D. D., & Hoyle, R. (1988). A theoretical solution to the problem of personality-situational interaction. *Personality and Individual Differences, 9*, 133–138.

Cline, V. B., Croft, R. G., & Courrier, S. (1973). Desensitization of children to television violence. *Journal of Personality and Social Psychology, 27*, 360–365.

Cloninger, C. R., & Gottesman, I. I. (1987). Genetic and environmental factors in antisocial behavior disorders. In S. A. Mednick, T. E. Moffitt, & S. A. Stack (Eds.), *The causes of crime: New biological approaches* (pp. 92–109). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Coccaro, E. F. (1989). Central serotonin and impulsive aggression. *Britich Journal of Psychiatry, 155*, 52–62.

Cohen, S., & Weinstein, N. (1981). Nonauditory effects of noise on behavior and health. *Journal of Social Issues, 37(1)*, 36–70.

Cohn, D. A. (1990). Child-mother attachment of six-year-olds and social competence at school. *Child Development, 61*, 152–162.

Coie, J. D., & Kupersmidt, J. B. (1983). A behavioral analysis of emerging social status in boys' groups. *Child Development, 54*, 1400–1416.

Collins, F. (1983, September 19). Tribe where harmony rules. *New York Times*, P. B12.

Comstock, G. (1975). *Television and human behavior: The key studies.* Santa Monica, CA: Rand Corp.

Conn, L. K., & Crowne, D. P. (1964). Instigation to aggression, emotional arousal, and defensive emulation. *Journal of Personality, 32*, 163–179.

Conrad, J. P. (1981). Fragile knowledge and stubborn ignorance: Agenda for the study of violence. In W. Gaylin, R. Macklin, & T. M. Powledge (Eds.), *Violence and the politics of research* (pp. 185–224). New York: Plenum.

Contrada, R. J. (1989). Type A behavior, personality hardiness, and cardiovascular response to stress. *Journal of Personality and Social Psychology, 57*, 895–903.

Cook, W. W., & Medley, D. M. (1954). Proposed hostility and pharisaic-virtue scales for the MMPI. *Journal of Applied Psychology, 38*, 414–418.

Cook, T. D., Kendzierski, D. A., & Thomas, S. V. (1983). The implicit assumptions of television research: An analysis of the 1982 NIMH report on television and behavior. *Public Opinion Quarterly, 47*, 161–201.

Cosier, R. A., & Ruble, T. L. (1981). Research on conflict-handling behavior: An experimental approach. *Academy of Management Journal, 24*, 816–831.

Cotton, J. L. (1986). Ambient temperature and violent crime. *Journal of Applied Social Psychology, 16*, 786–801.

Crockenberg, S. (1987). Predictors and correlates of anger toward and punitive control of toddlers by adolescent mothers. *Child Development, 58*, 964–975.

Crowe, L. C., & George, W. H. (1989). Alcohol and human sexuality: Review and integration. *Psychological Bulletin, 105*, 374–386.

Cummings, E. M. (1987). Coping with background anger in early childhood. *Child Development, 58*, 976–984.

Cummings, E. M., Iannotti, R. J., & Zahn-Waxler, C. (1985). Influence of conflict between adults on the

emotions and aggression of young children. *Developmental Psychology, 21,* 495–507.

Cummings, E. M., Vogel, D., Cummings, J. S., & El-Sheikh, M. (1989). Children's responses to different forms of expression of anger between adults. *Child Development, 60,* 1392–1404.

Cummings, J. S., Pellegrini, D. S., Notarius, C. I., & Cummings, E. M. (1989). Children's responses to angry adult behavior as a function of marital distress and history of interparent hostility. *Child Development, 60,* 1035–1043.

Cunningham, M. (1979). Weather, mood, and helping behavior: Quasi-experiments with the sunshine samaritan. *Journal of Personality and Social Psychology, 37,* 1947–1956.

Dabbs, J. M., Jr., Frady, R. L., Carr, T. S., & Besch, N. F. (1987). Saliva testosterone and criminal violence in young adult prison inmates. *Pryshosomatic Medicine, 49,* 174–182.

Dabbs, J. M., & Morris, R. (1990). Testosterone, social class, and antisocial behavior in a sample of 4462 men. *Psychological Science, 1,* 209–211.

Dabbs, J. M., Jr., Ruback, R. B., Frady, R. L., Hopper, C. H., & Sgoutas, D. D. (1988). Saliva testosterone and criminal violence among women. *Personality and Individual Differences, 9,* 269–275.

Daitzman, R., & Zuckerman, M. (1980). Disinhibitory sensation seeking, personality, and gonadal hormones. *Personality and Individual Differences, 1,* 103–110.

Davies, D. M. (1969). *Journey into the Stone Age.* London: Robert Hale.

Davitz, J. R. (1952). The effects of previous training on postfrustration behavior. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 47,* 309–315.

DeCharms, R., & Wilkins, E. Y. (1963). Some effects of verbal expression of hostility. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 66,* 462–470.

DeFronzo, J. (1984). Climate and crime. *Environment and Behavior, 16,* 185–210.

Deluty, R. H. (1981). Alternative thinking ability of aggressive, assertive, and submissive children. *Cognitive Therapy and Research, 5,* 309–312.

Deluty, R. H. (1985). Consistency of assertive, aggressive, and submissive behavior for children. *Journal of Personality and Social Psychology, 49,* 1054–1065.

Demare, D., Briere, J., & Lips, H. M. (1988). Violent pornography and self-reported likelihood of sexual aggression. *Journal of Research in Personality, 22,* 140–153.

Dengerink, H. A. (1971). Anxiety, aggression, and physiological arousal. *Journal of Experimental Research in Personality, 5,* 223–232.

Dengerink, H. A. (1976). Personality variables as mediators of attack-instigated aggression. In R. G. Geen & E. C. O'Neal (Eds.), *Perspectives on aggression* (pp. 61–98). New York: Academic Press.

Dengerink, H. A., & Bertilson, H. S. (1974). The reduction of attack instigated aggression. *Journal of Research in Personality, 8,* 254–262.

Dengerink, H. A., & Covey, M. K. (1983). Implications of an escape-avoidance theory of aggressive responses to attack. In R. G. Geen & E. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews* (Vol. 1, pp. 163–188). New York: Academic Press.

Dengerink, H. A., O'Leary, M. R., & Kasner, K. H. (1975). Individual differences in aggressive responses to attack: Internal-external locus of control and field dependence-independence. *Journal of Research in Personality, 9,* 191–199.

Dengerink, H. A., Schnedler, R. W., & Covey, M. K. (1978). Role of avoidance in aggressive responses to attack and no attack. *Journal of Personality and Social Psychology, 36,* 1044–1053.

Dertke, M. C., Penner, L. A., Hawkins, H. L., & Suarez, C. (1973). The inhibitory effects of an observer on instrumental aggression. *Bulletin of the Psychonomic Society, 1,* 112–114.

Deur, J. D., & Parke, R. D. (1970). Effects of inconsistent punishment on aggression in children. *Developmental Psychology, 2,* 401–411.

Diener, E. (1976). Effects of prior destructive behavior, anonymity, and group presence on deindividuation and aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 33,* 497–507.

Diener, E. (1980). Deindividuation: The absence of self-awareness and self-regulation in group numbers. In P. B. Paulus (Ed.), *Psychology of group influence* (pp. 209–242). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Diener, E., Dineen, J., Endresen, K., Beaman, A. L., & Fraser, S. C. (1975). Effects of altered responsibility, cognitive set, and modeling on physical aggression and deindividuation. *Journal of Personality and Social Psychology, 31,* 328–337.

Dishion, T. J., Loeber, R., Stouthamer-Loeber, M., & Patterson, G. R. (1984). Skill deficits and male adolescent delinquency. *Journal of Abnormal Child Psychology, 12,* 37–54.

Dodge, K. A. (1980). Social cognition and children's aggressive behavior. *Child Development, 51,* 162–170.

Dodge, K. A. (1983). Behavioral antecedents of peer social status. *Child Development, 54,* 1386–1399.

Dodge, K. A., & Coie, J. D. (1987). Social information-processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups. *Journal of Personality and Social Psychology, 53,* 1146–1158.

Dodge, K. A., Coie, J. D., & Brakke, N. P. (1982). Behavior patterns of socially rejected and neglected preadolescents: The roles of social approach and aggression. *Journal of Abnormal Child Psychology, 10,* 389–410.

Dodge, K. A., & Crick, N. R. (1990). Social information-processing bases of aggressive behavior in children. *Personality and Social Psychology Bulletin, 16,* 8–22.

Dodge, K. A., & Frame, C. L. (1982). Social cognitive biases and deficits in aggressive boys. *Child Development, 53,* 620–635.

Dodge, K. A., Pettit, G. S., McClaskey, C. L., & Brown, M. M. (1986). Social competence in children. *Monographs of the Society for Research in Child Development, 51(2),* 1–85.

Dodge, K. A., Price, J. M., Bachorowski, J. A., & Newman, J. P. (1990). Hostile attributional biases in severely aggressive adolescents. *Journal of Abnormal Psychology, 99,* 385–392.

Dodge, K. A., & Somberg, D. R. (1987). Hostile attributional biases among aggressive boys are exacerbated under condition of threats to the self. *Child Development, 58,* 213–224.

Dollard, J., Doob, L., Miller, N., Mowrer, O. H., & Sears, R. R. (1939). *Frustration and aggression.* New Haven, CT: Yale University Press.

Donnerstein, E. (1980). Aggressive erotica and violence against women. *Journal of Personality and Social Psychology, 39,* 269–277.

Donnerstein, E. (1983). Erotica and human aggression. In R. G. Geen & E. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews* (Vol. 2, pp. 127–154). New York: Academic Press.
Donnerstein, E. (1984). Pornography: Its effects on violence against women. In N. M. Malamuth & E. Donnerstein (Eds.), *Pornography and sexual aggression* (pp. 53–81). San Diego, CA: Academic Press.
Donnerstein, E., & Barrett, G. (1978). The effects of erotic stimuli on male aggression towards females. *Journal of Personality and Social Psychology, 36,* 180–188.
Donnerstein, E., & Berkowitz, L. (1981). Victim reactions in aggressive erotic films as a factor in violence against women. *Journal of Personality and Social Psychology, 41, 710–724.*
Donnerstein, E., & Donnerstein, M. (1973). Variables in interracial aggression: Potential ingroup censure. *Journal of Personality and Social Psychology, 27,* 143–150.
Donnerstein, E. J., & Donnerstein, M. (1976). Research in the control of interracial aggression. In R. G. Geen & E. C. O'Neal (Eds.), *Perspectives on aggression* (pp. 133–168). New York: Academic Press.
Donnerstein, E., Donnerstein, M., & Barrett, G. (1976). Where is the facilitation of media violence: The effects of nonexposure and placement of anger arousal. *Journal of Research in Personality, 11,* 386–398.
Donnerstein, E., Donnerstein, M., Simon, S., & Ditrichs, R. (1972). Variables in interracial aggression: Anonymity, expected retaliation, and a riot. *Journal of Personality and Social Psychology, 22,* 236–245.
Donnerstein, E., & Hallam, J. (1978). Facilitating effects of erotica on aggression against women. *Journal of Personality and Social Psychology, 36,* 1270–1277.
Donnerstein, E., & Hatfield, E. (1982). Aggression and inequity. In J. Greenberg & R. L. Cohen (Eds.), *Equity and justice in social behavior.* (pp. 309–336). New York: Academic Press.
Donnerstein, E., & Wilson, D. W. (1976). The effects of noise and perceived control upon ongoing and subsequent aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology, 34,* 774–781.
Donnerstein, M., & Donnerstein, E. (1977). Modeling in the control of interracial aggression. *Journal of Personality, 45,* 426–438.
Donnerstein, M., & Donnerstein, E. (1978). Direct and vicarious censure in the control of interracial aggression. *Journal of Personality, 46,* 162–175.
Doob, A. N., & Gross, A. E. (1968). Status of frustrator as an inhibitor of horn-honking responses. *Journal of Social Psychology, 76,* 213–218.
Doob L. W., & Sears, R. R. (1939). Factors determining substitute behavior and the overt expression of aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 34,* 293–313.
Dorsky, F. S., & Taylor, S. P. (1972). Physical aggression as a function of manifest anxiety. *Psychonomic Science, 27,* 103–104.
Dovidio, J. F., & Gaertner, S. L. (Eds.) (1986). *Prejudice, discrimination, and racism.* Orlando, FL: Academic Press.
Dubow, E. F. (1988). Aggressive behavior and peer social status of elementary school children. *Aggressive Behavior, 14,* 315–324.
Dunn, J., & Munn, P. (1986). Sibling quarrels and maternal intervention: Individual differences in understanding and aggression. *Journal of Child Psychology and Psychiatry, 27,* 583–595.
Eagly, A. H. (1987). *Sex differences in social behavior: A social-role interpretation.* Hillsdale, NJ: Erlbaum.
Eagly, A. H., & Steffen, V. J. (1986). Gender and aggressive behavior: A meta-analytic review of the social psychological literature. *Psychological Bulletin, 100,* 309–330.
Eagly, A. H., & Wood, W. (1991). Explaining sex differences in social behavior: A meta-analytic perspective. *Personality and Social Psychology Bulletin, 17,* 306–315.
Ebbesen, E. B., Duncan, B., & Konecni, V. J. (1975). Effects of content of verbal aggression on future verbal aggression: A field experiment. *Journal of Experimental Social Psychology, 11,* 192–204.
Edmunds, G., & Kendrick, D. C. (1980). *The measurement of human aggressiveness.* Chichester, UK: Ellis Horwood.
Ehrenkranz, J., Bliss, E., & Sheard, M. H. (1974). Plasma testosterone: Correlation with aggressive behavior and social dominance in man. *Psychosomatic Medicine, 36,* 469–475.
Eichelman, B. (1983). The limbic system and aggression in humans. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews, 7,* 391–394.
Elias, M. (1981). Serum cortisol, testosterone, and testosterone-binding globulin responses to competitive fighting in human males. *Aggressive Behavior, 7,* 215–224.
Elizur, A. (1949). Content analysis of the Rorschach with regard to anxiety and hostility. *Rorschach Research Exchange and Journal of Projective Techniques, 13,* 247–284.
Elms, A. C., & Milgram, S. (1966). Personality characteristics associated with obedience and defiance toward authoritative command. *Journal of Experimental Research in Personality, 1,* 282–289.
Emery, R. E. (1982). Interparent conflict and the children of discord and divorce. *Psychologycal Bulletin, 92,* 310–330.
Engebretson, T. O., Matthews, K. A., & Scheier, M. F. (1989). Relations between anger expression and cardiovascular reactivity: Reconciling inconsistent findings through a matching hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology, 57,* 513–521.
Epstein, S., & Taylor, S. P. (1967). Instigation to aggression as a function of degree of defeat and perceived aggressive intent of the opponent. *Journal of Personality, 35,* 265–289.
Epstein, Y. M. (1981). Crowding stress and human behavior. *Journal of Social Issues, 37(1),* 126–144.
Eron, L. D. (1982). Parent-child interaction, television violence, and aggression of children. *American Psychologist, 37,* 197–211.
Eron, L. D. (1987). The development of aggressive behavior from the perspective of a developing behaviorism. *American Psychologist, 42,* 435–442.
Eron, L. D., & Huesmann, L. R. (1984). The control of aggressive behavior by changes in attitudes, values, and the conditions of learning. In R. J. Blanchard & D. C. Blanchard (Eds.), *Advances in the study of aggression* (Vol. 1, pp. 139–173). Orlando, FL: Academic Press.
Eron, L. D., Walder, L. O., Huesmann, L. R., & Lefkowitz, M. M. (1978). The convergence of laboratory and field studies of the development of aggression. In W. W. Hartup & J. deWit (Eds.), *Origins of aggression* (pp. 213–246). The Hague: Mouton.
Eron, L. D., Walder, L. O., Toigo, R., & Lefkowitz, M M. (1963). Social class, parental punishment for aggres-

sion, and child aggression. *Child Development, 34*, 849–867.

Evans, G. W., & Jacobs, S. V. (1981). Air pollution and human behavior. *Journal of Social Issues, 37*, 95–125.

Evans, R. I. (1974). Lorenz warns: «Man must know that the horse he is riding may be wild and should be bridled.» *Psychology Today, 8*, 82–93.

Felson, R. B. (1978). Aggression as impression management. *Social Psychology Quarterly, 41*, 205–213.

Felson, R. B. (1982). Impression management and the escalation of aggression and violence. *Social Psychology Quarterly, 45*, 245–254.

Felson, R. B. (1983). Aggression and violence between siblings. *Social Psychology Quarterly, 46*, 271–285.

Felson, R. B. (1984). Patterns of aggressive social interaction. In A. Mummendey (Ed.), *Social psychology of aggression: From individual behavior to social interaction* (pp. 107–126). Berlin: Springer-Verlag.

Felson, R. B., Ribner, S. A., & Siegel, M. S. (1984). Age and the effect of third parties during criminal violence. *Sociology and Social Research, 68*, 452–462.

Felson, R. B., & Russo, N. (1988). Parental punishment and sibling aggression. *Social Psychology Quarterly, 51*, 11–18.

Felson, R. B., & Steadman, H. J. (1983). Situational factors in disputes leading to criminal violence. *Criminology, 21*, 59–74.

Fenichel, O. (1945). *The psychoanalytical theory of neurosis.* New York: W. W. Norton.

Fenigstein, A., & Buss, A. H. (1974). Association and affect as determinants of displaced aggression. *Journal of Research in Personality, 7*, 306–313.

Ferguson, T. J., & Rule, B. G. (1983). An attributional perspective on anger and aggression. In R. G. Green & E. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews* (Vol. 1, pp. 41–74). New York: Academic Press.

Ferguson, T. J., Rule, B. G., & Lindsay, R. C. (1982). The effects of caffeine and provocation of aggression. *Journal of Research in Personality, 16*, 60–71.

Feshbach, S. (1964). The function of aggression and the regulation of aggressive drive. *Psychological Review, 71*, 257–272.

Feshbach, S. (1970). Aggression. In P. H. Mussen (Ed.), *Carmichael's manual of child psychology* (pp. 159–259). New York: Wiley.

Feshbach, S. (1974). The development and regulation of aggression: Some research gaps and a proposed cognitive approach. In J. deWit & W. W. Hartup (Eds.), *Determinants and origins of aggressive behavior* (pp. 167–191). The Hague: Mouton.

Feshbach, S., & Singer, R. D. (1971). *Television and aggression.* San Francisco, CA: Jossey-Bass.

Fine, R. (1978). Praise be to Freud but watch the ammunition: A critical revision of the psychoanalytic theory of aggression. In G. D. Goldman & D. S. Milman (Eds.), *Psychoanalytic perspectives on aggression* (pp. 4–18). Dubuque, IA: Kendall/ Hunt.

Fishman, C. G. (1965). Need for approval and the expression of aggression under varying conditions of frustration. *Journal of Personality and Social Psychology, 11*, 539–552.

Fiske, S. T., & Taylor, S. E. (1991). *Social cognition.* New York: McGraw-Hill.

Fitz, D. (1976). A renewed look at Miller's conflict theory of aggression displacement. *Journal of Personality and Social Psychology, 33*, 725–732.

Frank, M. G., & Gilovich, T. (1988). The dark side of self- and social perception: Black uniforms and aggression in professional sports. *Journal of Personality and Social Psychology, 54*, 74–85.

Franklin, J. C., & Brozek, J. (1949). The Rosenweig Picture-Frustration test as a meaxure of frustration response in semistarvation. *Journal of Consulting Psychology, 13*, 293–301.

Freedman, J. L. (1975). *Crowding and behavior.* San Francisco, CA: Freeman.

Freedman, J. L. (1984). Effect of television violence on aggressiveness. *Psychological Bulletin, 96*, 227–246.

Freedman, J. L. (1986). Television violence and aggression: A rejoinder. *Psychological Bulletin, 100*, 372–373.

Freedman, J. L., Levy, A. S., Buchanan, R. W., & Price, J. (1972). Crowding and human aggressiveness. *Journal of Experimental and Social Psychology, 8*, 528–548.

Freud, S. (1933). *New introductory lectures on psycho-analysis.* New York: Norton.

Friedrich-Cofer, L., & Huston, A. C. (1986). Television violence and aggression: The debate continues. *Psychological Bulletin, 100*, 364–371.

Frodi, A. (1975). The effect of exposure to weapons on aggressive behavior from a crosscultural perspective. *International Journal of Psychology, 10*, 283–292.

Frodi, A. (1977). Sexual arousal, situational restrictiveness, and aggressive behavior. *Journal of Research in Personality, 11*, 48–58.

Frodi, A., Macaulay, J., & Thome, P. R. (1977). Are women always less aggressive than men? A review of the experimental literature. *Psychological Bulletin, 84*, 634–660.

Fromkin, H. L., Goldstein, J. H., & Brock, T. C. (1977). The role of «irrelevant» derogation in vicarious aggression catharsis: A field experiment. *Journal of Experimental Social Psychology, 13*, 239–252.

Gaebelein, J. W. (1978). Third party instigated aggression as a function of attack pattern and a nonaggressive response option. *Journal of Research in Personality, 12*, 274–283.

Gaebelein, J. W. (1981). Naturalistic versus experimental approaches to aggression: Theoretical and methodological issues. *Aggressive Behavior, 7*, 325–339.

Gaebelein, J. W., & Hay, W. H. (1974). Third party instigation of aggression as a function of attack and vulnerability. *Journal of Research in Personality, 7*, 324–333.

Gaebelein, J. W., & Hay, W. H. (1975). The effects of verbal and behavioral noncompliance on third party instigation of aggression. *Journal of Research in Personality, 9*, 113–121.

Gaebelein, J. W., & Mander, A. (1978). Consequences for targets of aggression as a function of aggressor and instigator roles: Three experiments. *Journal of Personality and Social Psychology, 4*, 465–468.

Gaebelein, J. W., & Taylor, S. P. (1971). The effects of competition and attack on physical aggression. *Psychonomic Science, 24*, 65–67.

Geen, R. G. (1968). Effects of frustration, attack, and prior training in aggressiveness upon aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology, 9*, 316–321.

Geen, R. G. (1981). Behavioral and physiological reactions to observed violence: Effects of prior exposure to aggressive stimuli. *Journal of Personality and Social Psychology, 40*, 868–875.

Geen, R. G. (1983). Aggression and television violence. In R. G. Geen & E. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression:*

Theoretical and empirical reviews (Vol. 2, pp. 103–125). New York: Academic Press.
Geen, R. G. (1991). *Human aggression.* Pacific Grove, CA: Brooks/Cale.
Geen, R. G., & Berkowitz, L. (1966). Name-mediated aggressive cue properties. *Journal of Personality, 34,* 456–465.
Geen, R. G., & George, C. (1969). Relationship of manifest aggressiveness to aggressive word associations. *Psychological Reports, 25,* 711–714.
Geen, R. G., & McCown, E. J. (1984). Effects of noise and attack on aggression and physiological arousal. *Motivation and Emotion, 8,* 231–241.
Geen, R. G., & O'Neal, E. C. (1969). Activation of cue-elicited aggression by general arousal. *Journal of Personality and Social Psychology, 11,* 289–292.
Geen, R. G., Rakosky, J. J., & O'Neal, E. C. (1968). Methodological study of measurement of aggression. *Psychological Reports, 23,* 59–62.
Geen, R. G., Rakosky, J. J., & Pigg, R. (1972). Awareness of arousal and its relation to aggression. *British Journal of Social and Clinical Psychology, 11,* 115–121.
Geen, R. G., & Stonner, D. (1971). Effects of aggressiveness habit strength on behavior in the presence of aggression-related stimuli. *Journal of Personality and Social Psychology, 17,* 149–153.
Geen, R. G., Stonner, D., & Shope, G. L. (1975). The facilitation of aggression by aggression: Evidence against the catharsis hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology, 31,* 721–726.
Geen, R. G., & Thomas, S. L. (1986). The immediate effects of media violence on behavior. *Journal of Social Issues, 42(3),* 7–27.
Gelfand, D. M., Hartmann, D. P., Lamb, A. K., Smith, C. L., Mahan, M. A., & Paul, S. C. (1974). The effects of adult models and described alternatives on children's choice of behavior management techniques. *Child Development, 45,* 585–593.
Gelles, R. J. (1987). *The violent home.* Newbury Park, CA: Sage.
Genthner, R. W., Shuntich, R., & Bunting, K. (1975). Racial prejudice, belief similarity, and human aggression. *Journal of Psychology, 91,* 229–234.
Genthner, R. W., & Taylor, S. P. (1973). Physical aggression as a function of racial prejudice and the race of the target. *Journal of Personality and Social Psychology, 27,* 207–210.
Gentry, W. D. (1970). Effects of frustration, attack, and prior aggressive training on overt aggression and vascular processes. *Journal of Personality and Social Psychology, 16,* 718–725.
Gentry, W. D. (1970). Sex differences in the effects of frustration and attack on emotions and vascular processes. *Psychological Reports, 27,* 383–390.
George, C., & Main, M. (1979). Social interactions of young abused children: Approach avoidance and aggression. *Child Development, 50,* 306–318.
George, W. H., & Marlatt, G. A. (1986). The effects of alcohol and anger on interest in violence, erotica, and deviance. *Journal of Abnormal Psychology, 95,* 150–158.
Gerbner, G., & Gross, L. (1976). Living with television: The violence profile. *Journal of Communication, 26,* 173–199.
Gerson, L. W., & Preston, D. A. (1979). Alcohol consumption and the incidence of violent crime. *Journal of Studies on Alcohol, 40,* 307–312.
Ghodsian-Carpey, J., & Baker, L. A. (1987). Genetic and environmental influences on aggression in 4- to 7-year old twins. *Aggressive Behavior, 13,* 173–186.
Gibbs, J. J. (1986). Alcohol consumption, cognition, and context: Examining tavern violence. In A. Campbell & J. J. Gibbs (Eds.), *Violent transactions: The limits of personality* (pp. 133–152). New York: Basil Blackwell.
Gladue, B. A. (1991). Aggressive behavioral characteristics, hormones, and sexual orientation in men and women. *Aggressive Behavior, 17,* 313–326.
Glass, D. C. (1977). *Behavior patterns, stress, and coronary disease.* Hillsdale, NJ: Erlbaum.
Glass, D. C., & Singer, J. E. (1972). *Urban stress: Experiments on noise and social stressors.* New York: Academic Press.
Goetting, A. (1989). Patterns of homicide among children. *Criminal Justice and Behavior, 16,* 63–80.
Goldstein, A. P. (1981). Social skills training. In A. P. Goldstein, E. G. Carr, W. S. Davidson, II, & P. Wehr (Eds.), *In response to aggression: Methods of control and prosocial alternatives* (pp. 159–218). New York: Pergamon Press.
Goldstein, A. P., Carr, E. G., Davidson, W. S., II, & Wehr, P. (Eds.) (1981). *In response to aggression: Methods of control and prosocial alternatives.* New York: Pergamon Press.
Goldstein, J. H. (1986). Sport and aggression. In A. Campbell & J. J. Gibbs (Eds.), *Violent transactions: The limits on personality* (pp. 249–257). New York: Basil Blackwell.
Goldstein, J. H., & Arms, R. L. (1971). Effects of observing athletic contests on hostility. *Sociometry, 34,* 83–90.
Goldstein, J. H., Davis, R. W., & Herman, D. (1975). Escalation of aggression: Experimental studies. *Journal of Personality and Social Psychology, 31,* 162–170.
Goldstein, P. J. (1989). Drugs and violent crime. In N. A. Weiner & M. E. Wolfgang (Eds.), *Pathways to criminal violence* (pp. 16–48). Newbury Park, CA: Sage.
Golin, S., & Romanowski, M. A. (1977). Verbal aggression as a function of sex of subject and sex of target. *Journal of Psychology, 97,* 141–150.
Goranson, R. E. (1970). Media violence and aggressive behavior: A review of experimental research. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 5, P. 1–31). New York: Academic Press.
Gorenstein, E. E. (1990). Neuropsychology of juvenile delinquency. *Forensic Reports, 3,* 15–48.
Gould, S. J. (1978). Biological potential versus biological determinism. In A. L. Caplan (Ed.), *The sociobiology debate* (pp. 343–354). New York: Harper & Row.
Gouze, K. R. (1987). Attention and social problem solving as correlates of aggression in preschool males. *Journal of Abnormal Child Psychology, 15,* 181–197.
Govia, J. M., & Velicer, W. F. (1985). Comparison of multidimensional measures of aggression. *Psychological Reports, 57,* 207–215.
Greenberg, B. S. (1975). British children and televised violence. *Public Opinion Quarterly, 38,* 531–547.
Greenberg, J. (1987). A taxonomy of organizational justice theories. *Academy of Management Review, 12,* 9–22.
Greendlinger, V., & Byrne, D. (1987). Coercive sexual fantasies of college men as predictors of self-reported likelihood of rape and overt sexual aggression. *Journal of Sex Research, 23,* 1–11.

Greenwell, J., & Dengerink, H. A. (1973). The role of perceived versus actual attack in human physical aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 26,* 66–71.

Griffitt, W. (1970). Environmental effects on interpersonal affective behavior: Ambient effective temperature and attraction. *Journal of Personality and Social Psychology, 15,* 240–244.

Griffitt, W., & Veitch, R. (1971). Hot and crowded: Influence of population density and temperature on interpersonal affective behavior. *Journal of Personality and Social Psychology, 17,* 92–98.

Groth, A. N. (1979). *Men who rape.* New York: Plenum.

Grusec, J. E. (1972). Demand characteristics of the modeling experiment: Altruism as a function of age and aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 22,* 139–148.

Gully, K. J., Dengerink, H. A., Pepping, M., & Bergstrom, D. (1981). Research notes: Sibling contribution to violent behavior. *Journal of Marriage and the Family, 43,* 333–337.

Gustafson, R. (1985). Alcohol and aggression: A validation study of the Taylor aggression paradigm. *Psychological Reports, 57,* 667–676.

Gustafson, R. (1986b). Human physical aggression as a function of frustration: Role of aggressive cues. *Psychological Reports, 59,* 103–110.

Gustafson, R. (1986c). Threat as a determinant of alcohol-related aggression. *Psychological Reports, 58,* 287–297.

Gustafson, R. (1988a). Beer intoxication and physical aggression in males. *Drug and Alcohol Dependence, 21,* 237–242.

Gustafson, R. (1988b). Effects of beer and wine on male aggression as measured by a paper-and-pen test. *Psychological Reports, 62,* 795–798.

Gustafson, R. (1989). Frustration and successful vs. unsuccessful aggression: A test of Berkowitz' completion hypothesis. *Aggressive Behavior, 15,* 5–12.

Gustafson, R. (1990). Wine and male physical aggression. *Journal of Drug Issues, 20,* 75–86.

Hamburg, D. A., & Van Lawick-Goodall, J. (1978). Factors facilitating development of aggressive behavior in chimpanzees and humans. In W. W. Hartup & J. deWit (Eds.), *Origins of aggression* (pp. 57–83). The Hague: Mouton.

Hammock, G. S., & Richardson, D. R. (1992a). Aggression as one response to conflict. *Journal of Applied Social Psychology, 22,* 298–311.

Hammock, G. S., & Richardson, D. R. (1992b). Predictors of aggressive behavior. *Aggressive Behavior, 18,* 219–229.

Hammock, G. S., Richardson, D. R., Pilkington, C. J., & Utley, M. (1990). Measurement of conflict in social relationships. *Personality and Individual Differences, 11,* 577–583.

Hammock, G., Rosen, S., Richardson, D., & Bernstein, S. (1989). Aggression as equity restoration. *Journal of Research in Personality, 23,* 387–409.

Haner, C. E., & Brown, P. A. (1955). Clarification of the instigation to action concept in the frustration-aggression hypothesis. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 51,* 204–206.

Hanratty, M. A., O'Neal, E., & Sulzer, J. L. (1972). Effect of frustration upon imitation and aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 21,* 30–34.

Hanson, C. L., Henggeler, S. W., Haefele, W. F., & Rodick, J. D. (1984). Demographic, individual, and family relationship correlates of serious and repeated crime among adolescents and their siblings. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 52,* 528–538.

Hapkiewicz, W. G., & Stone, R. D. (1974). The effect of realistic versus imaginary aggressive models on children's interpersonal play. *Child Study Journal, 4,* 47–58.

Harder, D. W, & Lewis, S. J. (1986). The assessment of shame and guilt. In J. N. Butcher & C. D. Spielberger (Eds.), *Advances in personality assessment* (Vol. 6, pp. 89–114). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Haritos-Fatouros, M. (1988). The official torturer: A learning model for obedience to the authority of violence. *Journal of Applied Social Psychology, 18,* 1107–1120.

Harrell, W. A., & Schmitt, D. R. (1973). Effects of a minimal audience on physical aggression. *Psychological Reports, 32,* 651–657.

Harries, K. D., & Stadler, S. J. (1983). Determinism revisited: Assault and heat stress in Dallas, 1980. *Environment and Behavior, 15,* 235–256.

Harries, K. D., & Stadler, S. J. (1988). Heat and violence: New findings from Dallas field data, 1980–1981. *Journal of Applied Social Psychology, 18,* 129–138.

Harris, M. B. (1973). Field studies of modeled aggression. *Journal of Social Psychology, 89,* 131–139.

Harris, M. B. (1974a). *Instigators and inhibitors of aggression in a field experiment.* Unpublished manuscript, University of New Mexico.

Harris, M. B. (1974b). Mediators between frustration and aggression in a field experiment. *Journal of Experimental Social Psychology, 10,* 561–571.

Harris, M. B. (1992). Sex, race, and experiences of aggression. *Aggressive Behavior, 18,* 201–217.

Harris, M. B., & Huang, L. (1974). Aggression and the attribution process. *Journal of Social Psychology, 92,* 209–216.

Harris, M. B., & Samerotte, G. (1975). The effects of aggressive and altruistic modeling on subsequent behavior. *Journal of Social Psychology, 95,* 173–182.

Hartmann, D. P. (1969). Influence of symbolically modeled instrumental aggression and pain cues on aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology, 11,* 280–288.

Hartmann, H., Kris, E., & Lowenstein, R. M. (1949). Notes on the theory of aggression. *Psychoanalytic Study of the Child, 3/4,* 9–31.

Hartnagel, T. F., Teevan, J. J., Jr., & McIntyre, J. J. (1975). Television violence and violent behavior. *Social Forces, 54,* 341–351.

Hartup, W. W. (1974). Aggression in childhood: Developmental perspectives. *American Psychologist, 29,* 336–341.

Hartup, W. W., Glazer, J. A., & Charlesworth, R. (1967). Peer reinforcement and sociometric status. *Child Development, 38,* 1017–1024.

Harvey, M. D., & Enzle, M. E. (1978). Effects of retaliation latency and provocation level on judged blameworthiness for retaliatory aggression. *Personality and Social Psychology Bulletin, 4,* 579–582.

Haskins, R. (1985). Public school aggression among children with varying day-care experience. *Child Development, 56,* 689–703.

Heinrichs, R. W. (1989). Frontal cerebral lesions and violent incidents in chronic neuropsychiatric patients. *Biological Psychiatry, 25,* 174–178.

Hennigan, K., Heath, L., Wharton, J. D., Del Rosario, M. L., Cook, T. D., & Calder, B. J. (1982). Impact

of introduction of television on crime in the United States: Empirical findings and theoretical implications. *Journal of Personality and Social Psychology, 42,* 461–477.

Heyman, S. R. (1977). Dogmatism, aggression, and gender roles. *Journal of Clinical Psychology, 33,* 694–698.

Hines, M. (1982). Prenatal gonadal hormones and sex differences in human behavior. *Psychological Bulletin, 92,* 56–80.

Hinton, J. W. (1981a). Adrenal cortical and medullary hormones and their psychophysiological correlates in violent and in psychopathic offenders. In P. F. Brain & D. Benton (Eds.), *The biology of aggression* (pp. 291–300). Rockville, MD: Sythoff & Noordhoff.

Hinton, J. W. (1981b). Biological approaches to criminality. In P. F. Brain & D. Benton (Eds.), *Multidisciplinary approaches to aggression research* (pp. 447–461). Amsterdam: Elsevier/North Holland.

Hinton, J. W., O'Neill, M., Dishman, D. J., & Webster, S. (1979). Electrodermal indices of public offending and recidivism. *Biological Psychology, 9,* 297–309.

Hitchcock, E. (1979). Amygdalotomy for aggression. In M. Sandler (Ed.), *Psychopharmacology of aggression* (pp. 205–215). New York: Raven Press.

Hocker, J. L., & Wilmot, W. W. (1985). *Interpersonal conflict.* Dubuque, IA: W. C. Brown.

Hoffman, L. W. (1991). The influence of the family environment of personality: Accounting for sibling differences. *Psychological Bulletin, 110,* 187–203.

Hoffman, M. L. (1960). Power assertion by the parent and its impact on the child. *Child Development, 31,* 129–143.

Hokanson, J. E. (1970). Psychophysiological evaluation of the catharsis hypothesis. In E. L. Megargee & J. E. Hokanson (Eds.), *The dynamics of aggression* (pp. 74–86). New York: Harper & Row.

Hokanson, J. E., & Burgess, M. (1962a). The effects of status, type of frustration, and aggression on vascular processes. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 65,* 232–237.

Hokanson, J. E., & Burgess, M. (1962b). The effects of three types of aggression on vascular processes. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 64,* 446–449.

Hokanson, J. E., Burgess, M., & Cohen, M. F. (1963). Effects of displaced aggression on systolic blood pressure. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 67,* 214–218.

Hokanson, J. E., & Edelman, R. (1966). Effects of three social responses on vascular processes. *Journal of Personality and Social Psychology, 3,* 442–447.

Hokanson, J. E., & Shetler, S. (1961). The effect of overt aggression on physiological arousal level. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 63,* 446–448.

Hokanson, J. E., Willers, K. R., & Koropsak, E. (1968). The modification of autonomic responses during aggressive interchanges. *Journal of Personality, 36,* 386–404.

Holland, C. D. (1967). Sources of variance in the experimental investigation of behavioral obedience. *Dissertation Abstracts International, 29,* 2802A (University microfilm No. 69–2146).

Horai, J., & Bartek, M. (1978). Recommended punishment as a function of injurious intent, actual harm done, and intended consequences. *Personality and Social Psychology Bulletin, 4,* 575–578.

Howitt, D., & Dembo, R. (1974). A subcultural account of media effects. *Human Relations, 27,* 25–41.

Huesmann, L. R. (1986). Psychological processes promoting the relation between exposure to media violence and aggressive behavior by the viewer. *Journal of Social Issues, 42,* 125–139.

Huesmann, L. R. (1988). An information processing model for the development of aggression. *Aggressive Behavior, 14,* 13–24.

Huesmann, L. R., Eron, L. D., Lefkowitz, M. M., & Walder, L. O. (1984). Stability of aggression over time and generations. *Developmental Psychology, 20,* 1120–1134.

Humphrey, A. P., & Smith, P. K. (1987). Rough-and-tumble, friendship, and dominance in schoolchildren: Evidence for continuity and change with age. *Child Development, 58,* 201–212.

Hynan, M. T. (1982). Aggression in a competitive task. *Psychological Reports, 50,* 663–672.

Hynan, M., Harper, S., Wood, C., & Kallas, C. (1980). Parametric effects of blocking and winning in a competitive paradigm of human aggression. *Bulletin of the Psychonomic Society, 16,* 295–298.

Isen, A. M. (1987). Positive affect, cognitive processes, and social behavior. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 20, pp. 203–253). New York: Academic Press.

Isen, A. M., & Baron, R. A. (1991). Positive affect as a factor in organizational behavior. In B. M. Staw & L. L. Cummings (Eds.), *Research in organizational behavior* (Vol. 12, pp. 1–53). Greenwich, CT: JAI Press.

Jacobs, P. A., Brunton, M., & Melville, M. M. (1965). Aggressive behavior, mental subnormality, and the XYY male. *Nature, 208,* 1351–1352.

Jacobs, P. A., Price, W. H., Richmond, S., & Ratcliff, R. A. W. (1971). Chromosome surveys in penal institutions and approved schools. *Journal of Medical Genetics, 8,* 49–58.

Jaffe, Y., Malamuth, N., Feingold, J., & Feshbach, S. (1974). Sexual arousal and behavioral aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 30,* 759–764.

Jaffe, Y., & Yinon, Y. (1979). Retaliatory aggression in individuals and groups. *European Journal of Social Psychology, 9,* 177–186.

Jarvik, L. F., Klodin, V., & Matsuyama, S. S. (1973). Human aggression and the extra Y chromosome: Fact or fantasy? *American Psychologist, 28,* 674–682.

Jeavons, C. M., & Taylor, S. P. (1985). The control of alcohol-related aggression: Redirecting the inebriates attention to socially appropriate conduct. *Aggressive Behavior, 11,* 93–101.

Johnson, D. W. (1978). *Human relations and your career: A guide to interpersonal skills.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Johnson, E. H. (1978). *Crime, correction, and society.* Homewood, IL: Dorsey Press.

Johnson, R. D., & Downing, L. L. (1979). Deindividuation and valence of cues: Effects of prosocial and antisocial behavior. *Journal of Personality and Social Psychology, 37,* 1532–1538.

Johnson, R. N. (1972). *Aggression in man and animals.* Philadelphia: W. B. Saunders.

Johnson, T. E., & Rule, B. G. (1986). Mitigating circumstances information, censure, and aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 50,* 537–542.

Johnston, A., DeLuca, D., Murtaugh, K., & Diener, E. (1977). Validation of a laboratory play measure of child aggression. *Child Development, 48,* 324–327.

Jones, J. W., & Bogat, G. A. (1985). Air pollution and human aggression. *Psychological Reports, 43*, 721–722.

Jones, N. B., Ferreira, M. C. R., Brown, M. F., & Macdonald, L. (1979). Aggression, crying, and physical contact in one- to three-year-old children. *Aggressive Behavior, 5*, 121–133.

Joseph, J. M., Kane, T. R., Nacci, P. L., & Tedeschi, J. T. (1977). Perceived aggression: A re-evaluation of the Bandura modeling paradigm. *Journal of Social Psychology, 103*, 277–289.

Julian, T., & McHenry, P. C. (1989). Relationship of testosterone to men's family functioning at mid-life: A research. *Aggressive Behavior, 15*, 281–289.

Kaleta, R. J., & Buss, A. H. (1973, April). Aggression intensity and femininity of the victim. Paper presented at the meetings of the Eastern Psychological Association, New York.

Kalverboer, A. F. (1974). The method of direct observation of behavior: Some remarks on its relevance in the study of aggression. In J. deWit & W. W. Hartup (Eds.), *Determinants and origins of aggressive behavior* (pp. 87–95). The Hague: Mouton.

Kane, T. R., Joseph, J. M., & Tedeschi, J. T. (1976). Person perception and the Berkowitz paradigm for the study of aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 33*, 663–673.

Kanekar, S., Nanji, V. J., Kolsawalla, M. B., & Mukerji, G. S. (1981). Perception of an aggressor and a victim of aggression as a function of sex and retaliation. *Journal of Social Psychology, 114*, 139–140.

Kaplan, R. M., & Singer, R. D. (1976). Television violence and viewer aggression: A reexamination of the evidence. *Journal of Social Issues, 32(4)*, 35–70.

Karli, P. (1983). Human aggression and animal aggression: A unifying view of the brainbehavior relationships involved. *Aggressive Behavior, 9*, 94–102.

Keltikangas-Jarvinen, L., & Kangas, P. (1988). Problem-solving strategies in aggressive and nonaggressive children. *Aggressive Behavior, 14*, 255–264.

Kenrick, D. T., & MacFarlane, S. W. (1986). Ambient temperature and horn honking: A field study of the heat/aggression relationship. *Environment and Behavior, 18*, 179–191.

Kilham, W., & Mann, L. (1974). Level of destructive obedience as a function of transmitter and executant roles in the Milgram obedience paradigm. *Journal of Personality and Social Psychology, 29*, 696–702.

Kimble, C. E., Fitz, D., & Onorad, J. R. (1977). Effectiveness of counteraggression strategies in reducing interactive aggression by males. *Journal of Personality and Social Psychology, 35*, 272–278.

Klapper, J. T. (1968). The impact of viewing «aggression»: Studies and problems of extrapolation. In O. N. Larsen (Ed.), *Violence and the mass media* (pp. 114–129). New York: Harper & Row.

Knauft, B. M. (1985). *Good company and violence: Sorcery and social action in a lowland New Guinea society*. Berkeley, CA: University of California Press.

Knott, P. D. (1970). A further methodological study of the measurement of interpersonal aggression. *Psychological Reports, 26*, 807–809.

Knott, P. D., & Drost, B. (1972). Effects of varying intensity of attack and fear arousal on the intensity of counteraggression. *Journal of Personality, 40*, 27–37.

Knott, P. D., Lasater, L., & Shuman, R. (1974). Aggression-guilt and conditionability for aggressiveness. *Journal of Personality, 42*, 332–344.

Konecni, V. J. (1975a). Annoyance, type and duration of postannoyance activity and aggression: The «cathartic effect». *Journal of Experimental Psychology: General, 104*, 76–102.

Konecni, V. J., & Doob, A. N. (1972). Catharsis through displacement of aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 23*, 379–387.

Konecni, V. J., & Ebbesen, E. B. (1976). Disinhibition versus the cathartic effect: Artifact and substance. *Journal of Personality and Social Psychology, 34*, 352–365.

Koss, M. P., Gidycz, C. A., & Wisniewski, N. (1987). The scope of rape: Incidence and prevalence of sexual aggression and victimization in a national sample of higher education students. *Journal of Consulting and Clinical, 55*, 162–170.

Koss, M. P., Leonard, K. E., Beezley, D. A., & Oros, C. J. (1986). Nonstranger sexual aggression: A discriminant analysis of the psychological characteristics of undetected offenders. *Sex Roles, 12*, 981–992.

Kremer, J. E., & Stephens, L. (1983). Attributions and arousal as mediators of mitigation's effect on retaliation. *Journal of Personality and Social Psychology, 45*, 335–343.

Kreuz, L. E., & Rose, R. M. (1972). Assessment of aggressive behaviors and plasma testosterone in a young criminal population. *Psychosomatic Medicine, 34*, 321–332.

Krueger, A. P., & Reed, E. J. (1976). Biological impact of small air ions. *Science, 193*, 1209–1214.

Kruttschnitt, C., Heath, L., & Ward, D. A. (1986). Family violence, television viewing habits, and adolescent experiences related to violent criminal behavior. *Criminology, 24*. 235–267.

Krynicki, V. E. (1978). Gerebral dysfunction in repetitively assaultive adolescents. *Journal of Nervous and Mental Disease, 166*, 59–67.

Kryter, K. D. (1970). *The effects of noise on man*. New York: Academic Press.

Kuhn, D. Z., Madsen, C. H., & Becker, W. C. (1967). Effects of exposure to an aggressive model and «frustration» on children's aggressive behavior. *Child Development, 38*, 739–745.

Kulik, J. A., & Brown, R. (1979). Frustration, attribution of blame, and aggression. *Journal of Experimental Social Psychology, 15*, 183–194.

Lagerspetz, K. M., Bjorkquist, K., & Peitonen, T. (1988). Is indirect aggression typical of females? Gender differences in aggressiveness in 11–12 year old children. *Aggressive Behavior, 14*, 403–414.

Landy, D., & Mettee, D. (1969). Evaluation of an aggressor as a function of exposure to cartoon humor. *Journal of Personality and Social Psychology, 72*, 66–71.

Lang, A. R., Searles, J., Lauerman, R., & Adesso, V. (1980). Expectancy, alcohol, and sex guilt as determinants of interest in and reaction to sexual stimuli. *Journal of Abnormal Psychology, 89*, 644–653.

Larsen, K. S., Coleman, D., Forbes, J., & Johnson, R. (1972). Is the subject's personality or the experimental situation a better predictor of a subject's willingness to administer shock to a victim: *Journal of Personality and Social Psychology, 22*, 287–295.

Latane, B., & Richardson, D. (1992, June). *Macro-level consequences of a micro-level theory of aggression contagion*. Paper presented at X World Meeting of the International Society for Research on Aggression, Siena, Italy.

LaVigna, G. W., & Donnellan, A. M. (1986). *Alternatives to punishment: Solving behavior problems with non-aversive strategies.* New York: Irvington.
Leamer, L. (1972, August). Bangladesh in morning. *Harper's Magazine*, pp. 84–98.
Lee, R. B. (1979). *The Kung San: Men, women, and work in a foraging society.* New York: Cambridge University Press.
Lefkowitz, M. M., Eron, L. D., Walder, L. O., & Huesmann, L. R. (1977). *Growing up to be violent: A longitudinal study of the development of aggression.* New York: Pergamon.
Leonard, K. E. (1989). The impact of explicit aggressive and implicit nonaggressive cues on aggression in intoxicated and sober males. *Personality and Social Psychology Bulletin, 15,* 390–400.
Leonard, K. E., & Taylor, S. P. (1981). Effects of racial prejudice and race of target on aggression. *Aggressive Behavior, 7,* 205–214.
Lewis, D. O., & Pincus, J. H. (1989). Epilepsy and violence: Evidence for a neuropsychotic-aggressive syndrome. *Journal of Neuro-psychiatry and Clinical Neurosciences, 1,* 413–418.
Lewis, D. O., Shanok, S. S., Grant, M., & Ritvo, E. (1983). Homicidally aggressive young children: Neuropsychiatric and experiential correlates. *American Journal of Psychiatry, 140,* 148–153.
Lewis, L. T., & Alford, J. J. (1975). The influence of season on assault. *Professional Geographer, 28,* 214–217.
Lewis, M., Feiring, C., McGuffog, C., & Jaskir, J. (1984). Predicting psychopathology in six-year-olds from early social relations. *Child Development, 55,* 123–136.
Leyens, J. P., Camino, L., Parke, R. D., & Berkowitz, L. (1975). Effects of movie violence on aggression in a field setting as a function of group dominance and cohesion. *Journal of Personality and Social Psychology, 32,* 346–360.
Leyens, J. P., & Parke, R. E. (1975). Aggressive slides can induce a weapons effect. *European Journal of Social Psychology, 5,* 229–236.
Liden, R. C., & Mitchell, T. R. (1988). Ingratiatory behaviors in organizational settings. *Academy of Management Review, 13,* 572–587.
Lieber, A. L., & Sherin, C. R. (1972). Homicides and the lunar cycle: Toward a theory of lunar influence on human emotional disturbance. *Journal of Psychiatry, 129,* 69–74.
Liebert, R. M. (1974). Television violence and children's aggression: The weight of the evidence. In J. deWit & W. W. Hartup (Eds.), *Determinants and origins of aggressive behavior* (pp. 525–531). The Hague: Mouton.
Lindzey, G. (1950). An experimental test of the validity of the Rosenweig Picture-Frustration Study. *Journal of Personality, 18,* 315–320.
Linz, D., Donnerstein, E., & Penrod, S. (1988). Effects of long-term exposure to violent and sexually degrading depictions of women. *Journal of Personality and Social Psychology, 55,* 758–768.
Lipetz, M. E., & Ossorio, P. G. (1967). Authoritarianism, aggression, and status. *Journal of Personality and Social Psychology, 5,* 468–472.
Lisak, D., & Roth, S. (1988). Motivational factors in nonincarcerated sexually aggressive men. *Journal of Personality and Social Psychology, 55,* 795–802.
Lochman, J. E., & Lampron, L. B. (1986). Situational social problem-solving skills and self-esteem of aggressive and nonaggressive boys. *Journal of Abnormal Child Psychology, 14,* 605–617.
Loeber, R. (1982). The stability of antisocial and delinquent child behavior: A review. *Child Development, 53,* 1431–1446.
Loeber, R., & Dishion, T. (1983). Early predictors of male delinquency: A review. *Psychological Bulletin, 94,* 68–99.
Loew, C. A. (1967). Acquisition of a hostile attitude and its relationship to aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology, 5,* 335–341.
Loo, C. M. (1972). The effects of spatial density on the social behavior of children. *Journal of Applied Social Psychology, 2,* 372–381.
Lorenz, K. (1966). *On aggression.* New York: Bantam.
Lorenz, K. (1974). *Civilized man's eight deadly sins.* New York: Harcourt Brace Jovanovich.
Ludwig, A. M., Marx, A. J., Hill, P. A., & Browning, R. M. (1969). The control of violent behavior through faradic shock. *Journal of Nervous and Mental Disease, 148,* 624–637.
Lykken, D. T. (1957). A study of anxiety in the sociopathic personality. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 55,* 6–10.
Lyons, J., Serbin, L. A., Marchessault, K. (1988). The social behavior of peer-identified aggressive, withdrawn, and aggressive withdrawn children. *Journal of Abnormal Child Psychology, 16,* 539–552.
Lyons, J. A., & Serbin, L. A. (1986). Observer bias in scoring boys' and girls' aggression. *Sex Roles, 14,* 301–313.
Lysak, H., Rule, B. G., & Dobbs, A. R. (1989). Conceptions of aggression: Prototype or defining features. *Personality and Social Psychology Bulletin, 15,* 233–243.
Magnusson, D., Stattin, H., & Duner, A. (1983). Aggression and criminality in longitudinal perspective. In K. T. Van Dusen & S. A. Mednick (Eds.), *Prospective studies of crime and delinquency* (pp. 277–301). Boston: Kleuver-Nyhoff.
Malamuth, N. M. (1981). Rape proclivity among males. New York: Social Issues, 37, 138–157.
Malamuth, N. M. (1984). Aggression against women: Cultural and individual causes. In N. M. Malamuth & E. Donnerstein (Eds.), *Pornography and sexual aggression* (pp. 19–52). San Diego, CA: Academic Press.
Malamuth, N. M. (1986). Predictors of naturalistic sexual aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 50,* 953–962.
Malamuth, N. M. (1988). Predicting laboratory aggression against female and male targets: Implications for sexual aggression. *Journal of Research in Personality, 22,* 474–495.
Malamuth, N. M., & Check, J. V. P. (1981). The effects of mass media exposure on acceptance of violence against women: A field experiment. *Journal of Research in Personality, 15,* 436–446.
Mallick, S. K., & McCandless, B. R. (1966). A study of catharsis of aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 4,* 591–596.
Mann, L., Newton, J. W., & Innes, J. M. (1982). A test between deindividuation and emergent norm theories of crowd aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 42,* 260–272.
Mark, V., & Ervin, F. (1970). *Violence and the brain. New York: Harper & Row.*
Massey, A. (1977). Agonistic aids and kinship in a group of pigtail macaques. *Behavioral Ecology and Sociobiology, 2,* 31–40.

Matthews, R. (1979). Testosterone levels in aggressive offenders. In M. Sandler (Ed.), *Psychopharmacology of aggression* (pp. 123–130). New York: Raven Press.

Matthews, R., Paulus, P., & Baron, R. A. (1979). Physical aggression after being crowded. *Journal of Nonverbal Behavior, 4*, 5–17.

Mayfield, D. (1976). Alcoholism, alcohol, intoxication and assaultive behavior. *Diseases of the Nervous System, 37*, 288–291.

Mazur, A., & Lamb, T. A. (1980). Testosterone, status, and mood in human males. *Hormones and Behavior, 14*, 236–246.

McCarthy, E. D., Langner, T. S., Gerstein, J. C., Eisenberg, J. G., & Orzeck, L. (1975). Violence and behavior disorders. *Journal of Communication, 25*, 71–85.

McCarthy, P. (1974). Youths who murder. In J. deWit & W. W. Hartup (Eds.), *Determinants and origins of aggression* (pp. 589–593). The Hague: Mouton.

McClelland, D. C., & Apicella, F. S. (1945). A functional classification of verbal reactions to experimentally induced failure. *Journal of Abnormal and Social Psychology. 46*, 376–390.

McFall, R. M., & Twentyman, C. T. (1973). Four experiments on the relative contributions of rehearsal, modeling, and coaching to assertion training. *Journal of Abnormal Psychology, 81*, 199–218.

McGuire, J. M. (1973). Aggression and sociometric status with preschool children. *Sociometry, 36*, 542–549.

Mednick, S. A., Brennan, P., & Kandel, E. (1988). Predisposition of violence. *Aggressive Behavior, 14*, 25–33.

Mednick, S. A., Gabrielli, W. F., Jr., & Hutchings, B. (1987). Genetic factors in the etiology of criminal behavior. In S. A. Mednick, T. E. Moffitt, & S. A. Stack (Eds.), *The causes of crime: New biological approaches* (pp. 74–91). New York: Cambridge University Press.

Megargee, E. I. (1966). Undercontrolled and overcontrolled personality types in extreme antisocial aggression. *Psychological Monographs, 80* (Whole No. 611).

Megargee, E. I. (1971). The role of inhibition in the assessment and understanding of violence. In J. L. Singer (Ed.), *The control of aggression and violence* (pp. 242–264). New York: Academic Press.

Megargee, E. I., Cook, P. E., & Mendelsohn, G. A. (1967). Development and validation of an MMPI scale of assaultiveness in overcontrolled individuals. *Journal of Abnormal Psychology, 72*, 519–528.

Megargee, E. I., & Mendelsohn, G. A. (1962). A cross validation of 12 MMPI indices of hostility and control. *Journal of Abnormal Psychology, 65*, 431–438.

Melburg, V., & Tedeschi, J. T. (1989). Displaced aggression: Frustration or impression management? *European Journal of Social Psychology, 19*, 139–145.

Mercer, M., & Kyriazis, C. (1962). Results of the Rosenweig Picture-Frustration Study for physically assaultive prisoner mental patients. *Journal of Consulting Psychology, 26*, 490.

Meyer, T. P. (1972). The effects of sexually arousing and violent films on aggressive behavior. *Journal of Sex Research, 8*, 324–333.

Meyer-Bahlburg, H. F. L. (1981a). Androgens and human aggression. In P. F. Brain & D. Benton (Eds.), *The biology of aggression* (pp. 263–290). Rockville, MD.: Sythoff & Noordhoff.

Meyer-Bahlburg, H. F. L. (1981b). Sex chromosomes and aggression in humans. In P. F. Brain & D. Benton (Eds.), *The biology of aggression* (pp. 109–123). Rockville, MD.: Sythoff & Noordhoff.

Meyer-Bahlburg, H. F. L., & Ehrhardt, A. A. (1982). Prenatal sex hormones and human aggression: A review, and new data on progestogen effects. *Aggressive Behavior, 8*, 39–62.

Michael. R. P., & Zumpe, D. (1983). Annual rhythms in human violence and sexual aggression in the United States and the role of temperature. *Social Biology, 30*, 263–278.

Milgram, S. (1964). Group pressure and action against a person. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 69*, 137–143.

Milgram, S. (1965a). Liberating effects of group pressure. *Journal of Personality and Social Psychology, 1*, 127–134.

Milgram, S. (1965b). Some conditions of obedience and disobedience to authority. *Human Relations, 18*, 57–76.

Milgram, S. (1974). *Obedience to authority*. New York: Harper & Row.

Milgram, S., & Shotland, R. L. (1973). *Television and antisocial behavior: Field experiments*. New York: Academic Press.

Miller, B. A., Downs, W. R., & Gondoli, D. M. (1989). Spousal violence among alcoholic women as compared to a random household sample of women. *Journal of Studies on Alcohol, 50*, 533–540.

Miller, N. E. (1941). The frustration-aggression hypothesis. *Psychological Review, 48*, 337–342.

Miller, N. E. (1948). Theory and experiment relating psychoanalytic displacement to stimulus-response generalization. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 43*, 155–178.

Miller, P. A., & Eisenberg, N. (1988). The relation of empathy to aggressive and externalizing/antisocial behavior. *Psychological Bulletin, 10*, 324–344.

Miller, P. H., & DeMarie-Dreblow, D. (1990). Social-cognitive correlates of children's understanding of displaced aggression. *Journal of Experimental Child Psychology, 49*, 488–504.

Miller, T. Q., Heath, L., Molcan, J. R., & Dugoni, B. L. (1991). Imitative championship prize fights. *Aggressive Behavior, 17*, 121–134.

Mischel, W. (1977). On the future of personality measurement. *American Psychologist, 32*, 246–254.

Mischel, W. (1985, August). *Personality: Lost or found? Identifying when individual differences make a difference.* Paper presented at the meetings of the American Psychological Association, Los Angeles, CA.

Montagu, A. (1976). *The nature of human aggression*. New York: Oxford University Press.

Monti, P. M., Brown, W. A., & Corriveau, D. P. (1977). Testosterone and components of aggressive and sexual behavior in man. *American Journal of Psychiatry, 134*, 692–694.

Mosher, D. L., & Anderson, R. D. (1986). Macho personality, sexual aggression, and reactions to guided imagery of realistic rape. *Journal of Research in Personality, 20*, 77–94.

Moskowitz, D. S. (1982). Coherence and cross-situational generality in personality: A new analysis of old problems. *Journal of Personality and Social Psychology, 43*, 754–768.

Moyer, K. E. (1981). Biological substrates of aggression and implications for control. In P. T. Brain & D. Benton (Eds.), *The biology of aggression* (pp. 47–67). Rockville, MD: Sythoff & Noordhoff.

Muehlenhard, C. L., & Linton, M. A. (1987). Date rape and sexual aggression in dating situations: Incidence and

risk factors. *Journal of Counseling Psychology, 34*, 186–196.

Mueller, C. W. (1983). Environmental stressors and aggressive behavior. In R. G. Geen & E. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews* (Vol. 2, pp. 51–76). New York: Academic Press.

Mullen, B. (1986). Atrocity as a function of lynch mob composition: A self-attention perspective. *Journal of Personality and Social Psychology, 12*, 197.

Mummendey, A., Bornewasser, M., Loschper, G., & Linneweber, V. (1982). Defining interactions as aggressive in specific social contexts. *Aggressive Behavior, 8*, 224–228.

Munger, N. (1971). *Aggression and violence in man*. Pasadena, CA: Munger Africana Library.

Murdoch, D. D., & Pihl, R. O. (1988). The influence of beverage type on aggression in males in the natural setting. *Aggressive Behavior, 14*, 325–335.

Murray, E. J., & Berkun, M. M. (1955). Displacement as a function of conflict. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 51*, 47–56.

Murray, E. J. (1955). The effects of marijuana on human physical aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 49*, 1541–1546.

Nisenson, R. A. (1972). Aggressive reactions to frustration in relation to the individual level of extrapunitiveness. *Journal of Personality Assessment, 36*, 50–54.

Nosanchuk, T. A. (1981). The way of the warrior: The effects of traditional martial arts training on aggressiveness. *Human Relations, 34*, 435–444.

O'Callaghan, M. A. J., & Carroll, D. (1987). The role of psychosurgical studies in the control of antisocial behavior. In S. A. Mednick, T. E. Moffitt, & S. A. Stack (Eds.), *The causes of crime: New biological approaches* (pp. 312–328). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

O'Carroll, R. E., & Bancroft, J. (1985). Androgens and aggression in man: A controlled case study. *Aggressive Behavior, 11*, 1–7.

Ohbuchi, K., & Kambara, T. (1985). Attacker's intent and awareness of outcome, impression management and retaliation. *Journal of Experimental Social Psychology, 21*, 321–330.

Ohbuchi, K., Kameda, M., & Agarie, N. (1989). Apology as aggression control: Its role in mediating appraisal of and response to harm. *Journal of Personality and Social Psychology, 56*, 219–227.

O'Leary, M. R., & Dengerink, H. A. (1973). Aggression as a function of the intensity and pattern of attack. *Journal of Experimental Research in Personality, 7*, 61–70.

Olweus, D. (1977). Aggression and peer acceptance in adolescent boys: Two short-term longitudinal studies of ratings. *Child Development, 48*, 1301–1313.

Olweus, D. (1978). Personality factors and aggression: With special reference to violence within the peer group. In W. W. Hartup & J. deWit (Eds.), *Origins of aggression* (pp. 247–277). The Hague: Mouton.

Olweus, D. (1979). Stability of aggressive reaction patterns in males: A review. *Psychological Bulletin, 86*, 852–875.

Olweus, D. (1980). Familial and temperamental determinants of aggressive behavior in adolescent boys: A causal analysis. *Developmental Psychology, 16*, 644–660.

Olweus, D. (1983). Testosterone in the development of antisocial behavior in adolescents. In K. T. VanDusen & S. A. Mednick (Eds.), *Prospective studies of crime and delinquency* (pp. 237–247). Boston: Kleuver-Nyhoff.

Olweus, D. (1986). Aggression and hormones: Behavioral relationship with testosterone and adrenaline. In D. Olweus, J. Block, & M. Radke-Yarrows (Eds.), *Development of antisocial and prosocial behavior* (pp. 51–72). New York: Academic Press.

Olweus, D. (1987). Testosterone and adrenaline: Aggressive antisocial behavior in normal adolescent males. In S. A. Mednick, T. E. Moffitt, & S. A. Stacks (Eds.), *The causes of crime: New biological approaches* (pp. 263–282). New York: Cambridge University Press.

O'Neal, E. C., & Kaufman, L. (1972). The influence of attack, arousal, and information about one's arousal upon interpersonal aggression. *Psychonomic Science, 26*, 211–214.

O'Neal, E., McDonald, P., Hori, R., & McClinton, B. (1977). Arousal and imitation of aggression. *Motivation and Emotion, 1*, 95–102.

O'Neal, E. C., & Taylor, S. L. (1989). Status of the provoker, opportunity to retaliate, and interest in video violence. *Aggressive Behavior, 15*, 171–180.

Orne, M. T. (1962). On the social psychology of the psychological experiment: With particular reference to demand characteristics and their implications. *American Psychologist, 17*, 776–783.

Page, M. P., & Scheidt, R. J. (1971). The elusive weapons effect: Demand awareness, evaluation apprehension, and slightly sophisticated subjects. *Journal of Personality and Social Psychology, 20*, 304–318.

Page, R. A., & Moss, M. K. (1976). Environmental influences on aggression: The effects of darkness and proximity of victim. *Journal of Applied Social Psychology, 6*, 126–133.

Pagelow, M. D. (1984). *Family violence*. New York: Praeger.

Palamarek, D. L., & Rule, B. G. (1979). The effects of ambient temperature and insult on the motivation to retaliation or escape. *Motivation and Emotion, 3*, 83–92.

Parker, D. R., & Rogers, R. W. (1981). Observation and performance of aggression: Effects of multiple models and frustration. *Personality and Social Psychology Bulletin, 7*, 302–308.

Pastore, N. (1952). The role of arbitrariness in the frustration-aggression hypothesis. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 47*, 728–731.

Patterson, G. R. (1975). A three-stage functional analysis for children's coercive behaviors: A tactic for developing a performance theory. In B. C. Etzel, J. M. LeBlanc, & D. M. Baier (Eds.), *New developments in behavioral research: Theory, methods, and applications* (pp. 59–79). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Patterson, G. R. (1977). Naturalistic observation in clinical assessment. *Journal of Abnormal Child Psychology, 5*, 309–322.

Patterson, G. R. (1984). Siblings: Fellow travelers in coercive family processes. In R. J. Blanchard & D. C. Blanchard (Eds.), *Advances in the study of aggression* (Vol. 1, pp. 173–215). Orlando, FL: Academic Press.

Patterson, G. R. (1986). Performance models for aggressive boys. *American Psychologist, 41*, 432–444.

Patterson, G. R., DeBaryshe, B. D., & Ramsey, E. (1989). A developmental perspective on antisocial behavior. *American Psychologist, 44*, 329–335.

Patterson, G. R., Littman, R. A., & Bricker, W. (1967). Assertive behavior in children: A step toward a theory of aggression. *Monographs of the Society for Research in Child Development, 32*, No 5 (Serial No. 113).

Patterson, G. R., & Stouthamer-Loeber, M. (1984). The correlation of family management practices and delinquency. *Child Development, 55,* 1299–1307.

Peed, S., Roberts, M., & Forehand, R. (1977). Evaluation of the effectiveness of a standardized parent program in the anteraction of mothers and their noncompliant children. *Behavior modification, 1,* 323–350.

Peek, C. W., Fischer, J. L., & Kidwell, J. S. (1985). Teenage violence toward parents: a negative dimension of family violence. *Journal of Marriage and the Family, 47,* 1051–1058.

Pennebaker, J. W., Burnam, M., Schaeffer, M. A., & Harper, D. C. (1977). Lack of control as a determinant of perceived symptoms. *Journal of Personality and Social Psychology, 35,* 167–174.

Pernanen, K. (1976). Alcohol and crimes of violence. In B. Kissin & H. Begleiter (Eds.), *The biology of alcoholism: Social aspects of alcoholism* (Vol. 4, pp. 351–444). New York: Plenum.

Perry, D. G., & Bussey, K. (1984). *Social development.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Perry, D. G., Kusel, S. J., & Perry, L. C. (1988). Victims of peer aggression. *Developmental Psychology, 24,* 807–814.

Perry, D. G., Perry, L. C., & Boldizar, J. P. (1990). Learning of aggression. In M. Lewis & S. Miller (Eds.), *Handbook of developmental psychopathology* (pp. 135–146). New York: Plenum.

Perry, D. G., Perry, L. C., & Rasmussen, P. (1986). Cognitive social learning mediators of aggression. *Child Development, 57,* 700–711.

Persky, H., Smith, K. D., & Basu, G. K. (1971). Relation of psychological measures of aggression and hostility to testosterone production in man. *Psychosomatic Medicine, 33,* 265–277.

Petty, G. M., & Dawson, B. (1989). Sexual aggression in normal men: Incidence, beliefs, and personality characteristics. *Personality and Individual Differences, 10,* 355–362.

Phillips, D. P. (1983). The impact of mass media violence on U. S. homicides. *American Sociological Review, 48,* 560–568.

Phillips, D. P., & Hensley, J. E. (1984). When violence is rewarded or punished: The impact of mass media stories on homicide. *Journal of Communication, 34,* 101–116.

Pihl, R. O., Smith, M., & Farrell, B. (1984). Alcohol and aggression in men: A comparison of brewed and distilled beverages. *Journal of Studies on Alcohol, 45,* 278–282.

Pilkington, C. J., Richardson, D. R., & Utley, M. E. (1988). Is conflict stimulating? Sensation seekers' responses to interpersonal conflict. *Personality and Social Psychology Bulletin, 14,* 596–603.

Pisano, R., & Taylor, S. P. (1971). Reduction of physical aggression: The effects of four strategies. *Journal of Personality and Social Psychology, 19,* 237–242.

Plomin, R., Foch, T. T., & Rowe, D. C. (1981). Bobo clown aggression in childhood: Environment not genes. *Journal of Research in Personality, 15,* 331–342.

Potegal, M. (1979). The reinforcing value of several types of aggressive behavior: A review. *Aggressive Behavior, 5,* 353–373.

Powers, P. C., & Geen, R. G. (1972). Effects of the behavior and the perceived arousal of a model on instrumental aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 23,* 175–184.

Pratkanis, A. K., Breckler, G. J., & Greenwald, A. G. (Eds.) (1989). *Attitude structure and function.* Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Prentice-Dunn, S., & Rogers, R. (1982). Effects of public and private self-awareness on deindividuation and aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 43,* 503–513.

Prentice-Dunn, S., & Rogers, R. W. (1983). Deindividuation in aggression In R. G. Geen & E. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression, Theoretical and empirical reviews* (Vol. 2, pp. 155–171). New York: Academic Press.

Prentice-Dunn, S., & Rogers, R. W. (1989). Deindividuation and the self-regulation of behavior. In P. B. Paulus (Ed.), *Psychology of group influence* (2nd ed., pp. 87–109). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Prentice-Dunn, S., & Spivey, C. B. (1986). Extreme deindividuation in the laboratory: Its magnitude and subjective components. *Personality and Social Psychology Bulletin, 12,* 206–215.

Price, W. H., & Whatmore, P. B. (1967). Behavior disorders and pattern of crime among XYY males identified at a maximum security hospital. *British Medical Journal, 1,* 533–536.

Provins, K. A., & Bell, C. R. (1970). Effects of heat stress on the performance of two tasks running concurrently. *Journal of Experimental Psychology, 85,* 40–44.

Rada, R. T., Kellner, R., & Winslow, W. W. (1976). Plasma testosterone and aggressive behavior. *Psychosomatics, 17,* 138–142.

Rahim, M. A. (1983). A measure of styles of handling interpersonal conflict. *Academy of Management Journal, 26,* 368–376.

Ramirez, J., Bryant, J., & Zillmann, D. (1982). Effects of erotica on retaliatory behavior as a function of level of prior provocation. *Journal of Personality and Social Psychology, 43,* 971–978.

Rapoport, K., & Burkhart, B. R. (1984). Personality and attitudinal characteristics of sexually coercive college males. *Journal of Abnormal Psychology, 93,* 216–221.

Reeder, G. D., Fletcher, G. J. O., & Furman, K. (1989). The role of observers' expectations in attitude attribution. *Journal of Experimental Social Psychology, 25,* 168–188.

Reifman, A. S., Larrick, R. P., & Fein, S. (1991). Temper and temperature on the diamond: The heat-aggression relationship in major league baseball. *Personality and Social Psychology Bulletin, 17,* 580–585.

Reinisch, J. M. (1981). Prenatal exposure to synthetic progestin increases potential for aggression in humans. *Science, 211,* 1171–1173.

Rice, M. E., & Grusec, J. E. (1975). Saying and doing: Effects on observer performance. *Journal of Personality and Social Psychology, 32,* 584–593.

Richardson, D. (1981). The effects of alcohol on male violence toward female targets. *Motivation and Emotion, 5,* 333–344.

Richardson, D. C., Bernstein, S., & Taylor, S. P. (1979). The effect of situational contingencies on female retaliative behavior. *Journal of Personality and Social Psychology, 37,* 2044–2048.

Richardson, D. R., & Hammock, G. S. (1991). Alcohol and acquaintance rape. In A. Parrot & L. Bechofer (Eds.), *Acquaintance rape: The hidden crime* (pp. 83–95). New York: Wiley.

Richardson, D. R., Hammock, G. S., Smith, S. M., Gardner, W., & Signo, M. (1992). *Empathy as an inhibitor of aggression.* Unpublished manuscript.

Richardson, D., Leonard, K., Taylor, S., & Hammock, G. (1985). Male violence toward females: Victim and aggressor variables. *Journal of Psychology, 119,* 129–135.

Richardson, D. R., Vandenberg, R. J., & Humphries, S. A. (1986). Effect of power to harm on retaliative aggression among males and females. *Journal of Research in Personality, 20,* 402–419.

Robarchek, C. A. (1977). Frustration, aggression, and the nonviolent Semai. *American Ethnologist, 4,* 762–779.

Rogers, R. W. (1980). Expressions of aggression: Aggression-inhibiting effects of anonymity to authority and threatened retaliation. *Personality and Social Psychology Bulletin, 6,* 315–320.

Rogers, R. W. (1983). Race variables in aggression. In R. G. Geen & E. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews* (Vol. 2, pp. 27–50). New York: Academic Press.

Rogers, R. W., & Ketchen, C. M. (1979). Effects of anonymity and arousal on aggression. *Journal of Psychology, 102,* 13–19.

Rogers, R. W,. & Prentice-Dunn, S. (1981). Deindividuation and anger-mediated interracial aggression: Unmasking regressive racism. *Journal of Personality and Social Psychology, 41,* 63–73.

Rosenbaum, M. E., & DeCharms, R. (1960). Direct and vicarious reduction of hostility. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 60,* 105–111.

Rosenman, R. H., & Friedman, M. (1974). Neurogenic factors in pathogenesis of coronary heart disease. *Medical Clinics of North America, 58,* 269–279.

Rosenweig, S. (1981). The current status of the Rosenweig Picture-Frustration Study as a measure of aggression in personality. In P. F. Brain & D. Benton (Eds.), *Multidisciplinary approaches to aggression research* (pp. 113–126). Amsterdam: Elsevier.

Rosenweig, S., & Rosenweig, L. (1952). Aggression in problem children and normals as evaluated by the Rosenweig Picture-Frustration Study. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 47,* 683–687.

Roskies, E. (1987). *Stress and management for the healthy Type A.* New York: Guilford.

Roslund, B., & Larson, C. A. (1979). Crimes of violence and alcohol abuse in Sweden. *The International Journal of the Addictions, 14,* 1103–1115.

Rotter, J. B. (1966). Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs, 80* (Whole No. 609).

Rotter, J. B. (1972). An introduction to social learning theory. In J. B. Rotter, J. E. Chance, & E. J. Phares (Eds.), *Applications of social learning theory of personality* (pp. 37–42). New York: Holt, Rinehart, & Winston.

Rotton, J. (1986). Determinism redux: Climate and cultural correlates of violence. *Environment and Behavior, 18,* 346–368.

Rotton, J., Barry, T., Frey, J., & Soler, E. (1978). Air pollution and interpersonal attraction. *Journal of Applied Social Psychology, 8,* 57–71.

Rotton, J., & Frey, J. (1985). Air pollution, weather, and violent crimes: Concomitant timeseries analysis of archival data. *Journal of Personality and Social Psychology, 49,* 1207–1220.

Rotton, J., Frey, J., Barry, T., Milligan, M., & Fitzpatrick, M. (1979). The air pollution experience and physical aggression. *Journal of Applied Social Psychology, 9,* 397–412.

Rule, B. G. (1974). The hostile and instrumental functions of human aggression. In. J. deWit & W. W. Hartup (Eds.), *Determinants and origins of aggressive behaviors* (pp. 125–145). The Hague, Mouton.

Rule, B. G., Dyck, R., & Nesdale, A. R. (1978). Arbitrariness of frustration: Inhibition or instigation effects on aggression. *European Journal of Social Psychology, 8,* 237–244.

Rule, B. G., & Ferguson, T. J. (1986). The effects of media violence on attitudes, emotions, and cognitions. *Journal of Social Issues, 42,* 29–50.

Rule, B. G., & Hewitt, L. S. (1971). Effects of thwarting on cardiac response and physical aggression *Journal of Personality and Social Psychology, 19,* 181–187.

Rule, B. G., & Leger, G. J. (1976). Pain cues and differing functios of agression. Canadian Journal of Behavioural Science, 8, 213–223.

Rule, B. G., & Nesdale, A. R. (1976). Emotional arousal and aggressive behavior. *Psychological Bulletin, 83,* 851–863.

Rule, B. G., Taylor, B. R., & Dobbs, A. R. (1987). Priming effects of heat on aggressive thoughts. *Social Cognition, 5,* 131–143.

Rushton, J. P., Fulker, D. W., Neale, M. C., Nias, D. K. B., & Eysenck, H. J. (1986). Altruism and aggression: The heritability of individual differences. *Journal of Personality and Social Psychology, 50,* 1192–1198.

Rushton, P. (1988). Epigenetic rules in moral development: Distal-proximal approaches to altruism and aggression. *Aggressive Behavior, 14,* 35–50.

Russell, D. E. H. (1982). *Rape in marriage.* New York: Macmillan.

Russell, G. W. (1981). Aggression in sport. In P. F. Brain & D. Benton (Eds.), *Multidisciplinary approaches to aggression research* (pp. 431–446). Amsterdam: Elsevier/North Holland.

Russell, G. W. (Ed.) (1989). *Violence in intimate relationships.* New York: PMA Publishing Corp.

Sadalla, E. F., Kenrick, D. T., & Vershure, B. (1987). Dominance and heterosexual attraction. *Journal of Personality and Social Psychology, 52,* 730–738.

Salvador, A., Simon, V., Suay, F., & Llorens, L. (1987). Testosterone and cortisol responses to competitive fighting in human males: A pilot study. *Aggressive Behavior, 13,* 9–13.

Sancilio, M. F. M., Plumert, J. M., & Hartup, W. W. (1989). Friendship and aggressiveness as determinants of conflict outcomes in middle childhood. *Developmental Psychology, 25,* 812–219.

Sarason, I. G. (1961). Intercorrelations among measures of hostility. *Journal of Clinical Psychology, 17,* 192–195.

Schalling, D. (1987). Personality correlates of plasma testosterone levels in young delinquents: An example of person-situation interaction? In S. A. Mednick, T. E. Moffitt, & S. A. Stack (Eds.), *The causes of crime: New biological approaches* (pp. 283–291). New York: Cambridge University Press.

Scharff, W. H., & Schlottmann, R. S. (1973). The effects of verbal reports of violence on aggression. *Journal of Psychology, 84,* 283–290.

Scheier, M. F., Buss, A. H., & Buss, D. M. (1978). Self-consciousness, self-report of aggressiveness, and aggression. *Journal of Research in Personality, 12,* 133–140.

Scheier, M. F., & Carver, C. S. (1988). A model of behavioral self-regulation: Translating intention into action. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in esperimental social psychology* (Vol. 21, pp. 303–346). New York: Academic Press.

Scheier, M. F., Fenigstein, A., & Buss, A. H. (1974). Self awareness and physical aggression. *Journal of Experimental Social Psychology, 10*, 264–273.

Schettino, A., & Borden, R. J. (1976). Sex differences in responce to naturalistic crowding: Affective reactions to group size and group density. *Personality and Social Psychology Bulletin, 2*, 67–70

Schmutte, G. T., Leonard, K. E., & Taylor, S. P. (1979). Alcohol and expectations of attack. *Psychological Reports, 45*, 163–167.

Schneider, B. H. (1991). A comparison of skill-building and desensitization strategies for intervention with aggressive children. *Aggressive Behavior, 17*, 301–311.

Schneider, B. H., & Byrne, B. M. (1987). Individualizing social skills training for behaviordistorted children. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 55*, 444–445.

Schuck, J., & Pisor, K. (1974). Evaluating on aggression experiment by the use of simulating subjects. *Journal of Personality and Social Psychology, 39*, 181–186.

Schultz, L. G. (1960). The wife assaulter. *Journal of Social Therapy, 6*, 103–111.

Schwartz, S. H., & Struch, N. (1990). Values, stereotypes, and intergroup antagonism. In D. Bar-Tal, C. F. Grauman, A. W. Kruglanski, & W. Stroebe (Eds.), *Stereotypes and prejudice: Changing conceptions* (pp. 343–362). New York: Springer-Verlag.

Scully, D., & Marolla, J. (1984). Convicted rapists' vocabulary of motive: Excuses and justifications. *Social Problems, 31*, 530–544.

Sears, R. R., Maccoby, E. E., & Levin, H. (1957). *Patterns of child rearing*. Evanston, IL: Row-Peterson.

Shantz, D. W. (1986). Conflict, aggression, and peer status: An observational study. *Child Development, 57*, 1322–1332.

Sheard, M. H. (1979). Testosterone and aggression. In M. Sandler (Ed.), *Psychopharmacology of aggression* (pp. 111–121). New York: Raven Press.

Shemberg, K. M., Leventhal, D. B., & Allman, L. (1968). Aggression machine performance and rated aggression. *Journal of Experimental Research in Personality, 3*, 117–119.

Shipman, W. G., & Marquette, C. H. (1963). The Manifest Hostility Scale: A validation study. *Journal of Clinical Psychology, 19*, 104–106.

Shortell, J. R., & Biller, H. B. (1970). Aggression in children as a function of sex of subject and sex of opponent. *Developmental Psychology, 3*, 143–144.

Shortell, J., Epstein, S., & Taylor, S. P. (1970). Instigation to aggression as a function of degree of defeat and the capacity for massive retaliation. *Journal of Personality, 38*, 313–328.

Shupe, L. M. (1954). Alcohol and cirme: A study of the urine alcohol concentration round in 882 persons arrested during or immediately after the commission of a felony. *Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science, 44*, 661–664.

Siegel, S. M. (1956). The relationship of hostility to authoritarianism *Journal of Abnormal and Social Psychology, 52*, 368–373.

Sigelman, C. K., Berry, C J.. & Wiles, K. A. (1984). Violence in college students' dating relationships. *Journal of Applied Social Psychology, 14*, 530–548.

Silver, J. M., & Yudofsky, S. C. (1987). Aggressive behavior in patients with neuropsychiatric disorders. *Psychiatric Annals, 17*, 367–370

Singer, J. L., & Singer, D. G. (1981). *Television, imagination, and aggression: A study of preschoolers*, Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Slaby, R. G., & Guerra, N. G. (1988). Cognitive mediators of aggression in adolescent offenders: I. Assessment. *Developmental Psychology, 24*, 580–588.

Sloan, L. R. (1979). The function and impact of sports for fans: A review of theory and contemporary research. In J. H. Goldstein (Ed.), *Sports, games, and play* (pp. 219–262). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Smith, S., & Richardson, D. (1983). Amelioration of deception and harm in psychological research: The important role of debriefing. *Journal of Personality and Social Psychology, 44*, 1075–1082.

Smith, T. W., Sanders, J. D., & Alexander, J. F. (1990). What does the Cook and Medley Hostility scale measure? Affect, behavior, and attributions in the marital context. *Journal of Personality and Social Psychology, 58*, 699–708.

Snyder, M. (1987). *Public appearance/private realities: The psychology of self-monitoring*. New York: W. H. Freeman.

Spellacy, F. (1977). Neuropsychological differences between violent and non-violent adolescents. *Journal of Clinical Psychology, 33*, 966–969.

Spellacy, F. (1978). Neuropsychological discrimination between violent and non-violent men. *Journal of Clinical Psychology, 34*, 49–52.

Spielberger, C. D., Jacobs, G., Russell, S., & Crane, R. S. (1983). Assessment of anger: The state-trait anger scale. In J. N. Butcher & C. D. Spielberger (Eds.), *Advances in personality assessment* (Vol. 2, pp. 159–187). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Spielberger, C. D., Johnson, E. H., Russell, S. F., Crane, R. J., Jacobs, G. A., & Worden, T. J. (1985). The experience and expression of anger: Construction and validation of an anger expression scale. In M. A. Chesney & R. H. Rosenman (Eds.), *Anger and hostility in cardiovascular and behavioral disorders* (pp. 5–30). New York: Hemisphere/McGraw-Hill.

Spivey, E. B., & Prentice-Dunn, S. (1990). Assessing the directionality of deindividuated behavior: Effects of deindividuation, modeling, and private self-consciousness on aggressive and prosocial responses. *Basic and Applied Science Psychology, 11*, 387–403.

Sprafkin, J., Gadow, K. D., & Grayson, P. (1987). Effects of viewing aggressive cartoons on the behavior of learning disabled children. *Journal of Child Psychiatry, 28*, 387–398.

Sroufe, L. A. (1983). Infant-caregiver attachment and patterns of adaptation in preschool: The roots of maladaption and competence. In M. Perlmutter (Ed.), *Minnesota symposium on child psychology* (Vol. 16, pp. 41–81). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Stattin, H., & Magnusson, D. (1989). The role of early aggressive behavior in the frequency, seriousness, and types of later crime. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 57*, 710–718.

Steele, C. M., & Southwick, L. (1985). Alcohol and social behavior I: The psychology of drunken excess. *Journal of Personality and Social Psychology, 48*, 18–34.

Steinmetz, S. (1977). *The cycle of violence: Assertive, aggressive, and abusive family interaction*. New York: Praeger.

Sternberg, R. J., & Soriano, L. J. (1984). Styles of conflict resolution. *Journal of Personality and Social Psychology, 47*, 115–126.

Stets, J., & Pirog-Good, M. (1989). Sexual aggression and control in dating relationships. *Journal of Applied Social Psychology, 19*, 1392–1412.

Stevens, S. (1971, November 28). The «rat packs» of New York. *New York Times.*

Stockdale, J. E. (1978). Crowding: Determinants and effects. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 11, pp. 197–247). New York: Academic Press.

Stokols, D., Rall, M., Pinner, B., & Schopler, J. (1973). Physical, social, and personal determinants of the perception of crowding. *Environment and Behavior, 5*, 87–115.

Stone, L. J., & Hokanson, J. E. (1969). Arousal reduction via self-punitive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology, 12*, 72–79.

Straus, M. A. (1979). Measuring intrafamily conflict and violence: The Conflict Tactics (CT) Scales. *Journal of Marriage and the Family, 41*, 75–88.

Straus, M. A., Gelles, R. J., & Steinmetz, S. K. (1980). *Behind closed doors: Violence in the American family.* Garden City, NY: Doubleday/Anchor.

Strube, M. J. (1989). Evidence for the Type A behavior: A taxonomic analysis. *Journal of Personality and Social Psychology, 56*, 972–987.

Strube, M. J., Turner, D. W., Cerro, D., Stevens, J., & Hinchey, F. (1984). Interpersonal aggression and the Type A coronary-prone behavior pattern: A theoretical distinction and practical implications. *Journal of Personality and Social Psychology, 47*, 839–847.

Struch, N., & Schwartz, S. H. (1989). Intergroup aggression: Its predictors and distinctness from in-group bias. *Journal of Personality and Social Psychology, 56*, 364–373.

Subotnik, L. S. (1989). Men who batter women: From overcontrolled to undercontrolled in anger expression. In G. W. Russell (Ed.), *Violence in intimate relationships* (pp. 203–213). New York: PMA Publishing Corp.

Tangney, J. P. (1990). Assessing individual differences in proneness to shame and guilt: Development of the Self-conscious Affect and Attribution Inventory. *Journal of Personality and Social Psychology, 59*, 102–111.

Tangney, J. P., Wagner, P., Fletcher, C., & Gramzow, R. (1992). Shames into anger? The relation of shame and guilt to anger and self-reported aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 62*, 669–675.

Tannenbaum, P. H., & Zillmann, D. (1974). Emotional arousal in the facilitation of aggression through communication. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 8, pp. 149–192). New York: Academic Press.

Taylor, S. L., O'Neal, E. C., Langley, T., & Butcher, A. H. (1991). Anger arousal, deindividuation, and aggression. *Aggressive Behavior, 17*, 193–206.

Taylor, S. P. (1967). Aggressive behavior and physiological arousal as a function of provocation and the tendency to inhibit aggression. *Journal of Personality, 35*, 197–310.

Taylor, S. P. (1980). *Nonaggressive models in the prevention of collective violence.* Personal communication, Kent State University.

Taylor, S. P., & Epstein, S. (1967). Aggression as a function of the interaction of the sex of the aggressor and the sex of the victim. *Journal of Personality, 35*, 474–486.

Taylor, S. P., & Gammon, C. B. (1975). Effects of type and dose of alcohol on human physical aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 32*, 169–175.

Taylor, S. P., & Gammon, C. B. (1976). Aggressive behavior of intoxicated subjects: The effects of third-party intervention. *Journal of Studies on Alcohol, 37*, 917–930.

Taylor, S. P., Gammon, C. B., & Capasso, D. R. (1976). Aggression as a function of the interaction of alcohol and threat. *Journal of Personality and Social Psychology, 34*, 938–941.

Taylor, S. P., & Leonard, K. E. (1983). Alcohol and human physical aggression. In R. G. Geen & E. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews* (Vol. 2, pp. 77–101). New York: Academic Press.

Taylor, S. P., & Pisano, R. (1971). Physical aggression as a function of frustration and physical attack. *Journal of Social Psychology, 84*, 261–267.

Taylor, S. P., Schmutte, G. T., & Leonard, K. E., Jr. (1977). Physical aggression as a function of alcohol and frustration. *Bulletin of the Psychonomic Society, 9*, 217–218.

Taylor, S. P., Schmutte, G. T., Leonard, K. E., & Cranston, J. W. (1979). The effects of alcohol and extreme provocation on the use of a highly noxious electric shock. *Motivation and Emotion, 3*, 73–81.

Taylor, S. P., & Sears, J. D. (1988). The effects of alcohol and persuasive social pressure on human physical aggression. *Aggressive Behavior, 14*, 237–243.

Taylor, S. P., Shuntich, R. J., & Greenberg, A. (1979). The effects of repeated aggressive encounters on subsequent aggressive behavior. *Journal of Social Psychology, 107*, 199–208.

Taylor, S. P., Vardaris, R. M., Rawich, A. B., Gammon, C. B., Cranston, J. W., & Lubetkin, A. I. (1976). The effects of alcohol and delta-9-tetrahydrocannabinol on human physical aggression. *Aggressive Behavior, 2*, 153–161.

Tedeschi, J. T. (1979). Frustration, fantasy aggression, and the exercise of coercive power. *Perceptual and Motor Skills, 48*, 215–219.

Tedeschi, J. T. (1983). Social influence theory and aggression. In R. G. Geen & E. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews* (Vol. 1, pp. 135–162). New York: Academic Press.

Tedeschi, J. T. (1984). A social psychological interpretation of human aggression. In A. Mummendey (Ed.), *Social psychology of aggression: From individuals behavior to social interaction* (pp. 5–20). Berlin: Springer-Verlag.

Tedeschi, J. T., Smith, R. B., III, & Brown, R. C., Jr. (1974). A reinterpretation of research on aggression. *Psychological Bulletin, 81*, 540–563.

Theilgaard, A. (1981). Aggression in men with XYY and XXY karyotypes. In P. F. Brain & D. Benton (Eds.), *The biology of aggression* (pp. 125–130). Rockville, MD: Sythoff & Noordhoff.

Thomas, E. M. (1959). *The harmless people.* New York: Knopf.

Thomas, K. W. (1976). Conflict and conflict management. In M. D. Dunnette (Ed.), *Handbook of industrial and organizational psychology.* (pp. 889–935). Chicago: Rand McNally.

Thomas, K. W. (1992). Conflict and negotiation processes. In M. Dunnette (Ed.), *Handbook of industrial and organizational psychology.* (2nd ed.). Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.

Thomas, M. H., & Drabman, R. A. (1978). Effects of television violence on expectations of others' aggression. *Personality and Social Psychology Bulletin, 4*, 73–76.

Thomas, M. H., Horton, R. W., Lippincott, E. C., & Drabman, R. S. (1977). Desensitization to portrayals of real-life aggression as a function of exposure to television violence. *Journal of Personality and Social Psychology, 35*, 450–458.

Thompson, H. L., & Richardson, D. R. (1983). The Rooster Effect: Same-sex rivalry and inequity as factors in retaliative aggression. *Personality and Social Psychology Bulletin, 9*, 415–425.

Tice, D. M. (1989). Metatraits: Interitem variance as personality assessment. In D. M. Buss & N. Cantor (Eds.), *Personality psychology: Recent trends and merging directions* (pp. 194–200). New York: Springer-Verlag.

Tilker, H. A. (1970). Socially responsible behavior as a function of observer responsibility and victim feedback. *Journal of Personality and Social Psychology, 14*, 95–100.

Tinbergen, N. (1978). On war and peace in animals and man. In A. L. Caplan (Ed.), *The sociobiology debate* (pp. 76–99). New York: Harper & Row.

Toch, H. (1969). *Violent men*. Chicago: Aldine.

Toch, H. (1975). *Men in crisis: Human breakdowns in prison*. Chicago: Aldine.

Toch, H. (1980). The catalytic situation in the violence eqauation. *Journal of Applied Social Psychology, 15*, 105–123.

Trickett, P. K., & Kuczynski, L. (1986). Children's misbehaviors and parental discipline strategies in abusive and nonabusive families. *Developmental Psychology, 22*, 115–123.

Turner, C. W., Layton, J. F., & Simons, L. S. (1975). Naturalistic studies of aggressive behavior: Aggressive stimuli, victim visibility, and horn honking. *Journal of Personality and Social Psychology, 31*, 1098–1107.

Turner, C. W., & Simons, L. S. (1974). Effects of subject sophistication and evaluation apprehension on aggressive responses to weapons. *Journal of Personality and Social Psychology, 30*, 341–348.

Turner, C. W., Simons, L. S., Berkowitz, L., & Frodi, A. (1977). The stimulating and inhibiting effects of weapons on aggresive behavior. *Aggressive Bahavior, 3*, 355–378.

Turner, E. T. (1970). The effects of viewing college football, basketball, and wrestling on the elicited aggressive responses of male spectators. *Medicine and Science in Sports, 2*; 100–105.

Ulrich, R. E., Johnston, M., Richardson, J., & Wolff, P. (1963). The operant conditioning of fighting behavior in rats. *Psychological Record, 13*, 465–470.

Utley, M. E., Richardson, D. R., & Pilkington, C. J. (1989). Personality and interpersonal conflict management. *Personality and Individual Differences, 10*, 287–293.

Valzelli, L. (1981). *Psychobiology of aggression and violence*. New York: Raven Press.

VanDeventer, J., & Webb, J. T. (1974). Manifest hostility as modified by the K and SO-R scales of the MMPI. *Journal of Psychology, 87*, 209–211.

VanDusen, K. T., Mednick, S. A., Gabrielli, W. F., Jr., & Hutchings, B. (1983). Social class and crime: Genetics and environment. In K. T. VanDusen & C. A. Mednick (Eds.), *Prospective studies of crime and delinquency* (pp. 57–71). Boston: Kleuver Nyhoff.

Venables, P. H. (1987). Autonomic nervous system factors in criminal behavior. In S. A. Mednick, T. E. Moffitt, & S. A. Stack, (Eds.), *The causes of crime: New biological approaches* (pp. 110–136). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Volkow, N. D., & Tancredi, L. (1987). Neural substrates of violent behaviours: A preliminary study with positron emission tomography. *British Journal of Psychiatry, 151*, 668–673.

Waldman, D. M., & Baron, R. A. (1971). Aggression as a function of exposure and similarity to a nonaggressive model. *Psychonomic Science, 23*, 381–383.

Wann, D. L., & Branscombe, N. R. (1990). Person perception when aggressive or nonaggressive sports are primed. *Aggressive Behavior, 16*, 27–32.

Warshaw, R., & Parrot, A. (1991). The contribution of sex-role socialization to acquaintance rape. In a Parrot & L. Bechofer (Eds.), *Acquaintance rape: The hidden crime* (pp. 73–82). New York: Wiley.

Weiger, W. A., & Bear, D. M. (1988). An approach to the neurology of aggression. *Journal of Psychiatric Research, 22*, 85–98.

Weiner, B., Amirkhan, J., Folkes, V. S., & Verette, J. A. (1987). An attributional analysis of excuse giving: Studies of a naive theory of emotion. *Journal of Personality and Social Psychology, 52*, 316–324.

Weisinger, H. (1985). *Dr. Weisinger's anger work-out book*. New York: Quill.

Welch, S., & Booth, A. (1975). The effect of crowding on aggression. *Sociological Symposium, 14*, 105–127.

Wheeler, L., & Caggiula, A. R. (1966). The contagion of aggression. *Journal of Experimental Social Psychology, 2*, 1–10.

White, J. W. (1983). Sex and gender issues in aggression research. In R. G. Geen & E. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews* (Vol. 2, pp. 1–26). New York: Academic Press.

White, J. W., & Gruber, K. J. (1982). Instigative aggression as a function of past experience and target characteristics. *Journal of Personality and Social Psychology, 42*, 1069–1075.

Wicklund, R. A. (1975). Objective self awareness. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 8, pp. 233–275). New York: Academic Press.

Widom, C. S. (1989). The intergenerational transmission of violence. In N. A. Weiner & M. E. Wolfgang (Eds.), *Pathways to criminal violence* (pp. 137–201). Newbury Park, CA: Sage.

Wilkins, J. L., Scharff, W. H., & Schlottmann, R. S. (1974). Personality type, reports of violence, and aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology, 30*, 243–247.

William, G. A. (1989). Enticing viewers: Sex and violence in *TV Guide* program advertisements. *Journalism Quarterly, 66*, 970–973.

Williams, R. R. (1988). Nature, nurture, and family predisposition. *New England Journal of Medicine, 318*, 769–771.

Williams, T. M., Zabrack, M. L., & Joy, L. A. (1982). The portrayal of aggression on North American television. *Applied Social Psychology, 12*, 360–380.

Wilson, L., & Rogers, R. W. (1975). The fire this time: Effects of race of target insult, and potential retaliation on black aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 32*, 857–864.

Witkin, H. A., Mednick, S. A., Schulsinger, F., Bakkestrom, E., Christiansen, K. O., Goodenough, D. R., Hirschhorn, K., Lundsteen, C., Owen, D. R., Phillip, J., Rubin, D. B., & Stocking, M. (1976). Criminality in XYY and XXY men. *Science, 196*, 547–555.

Wofford, J. C. (1996). Negative ionization: An investigation of behavioral effects. *Journal of Experimental Psychology, 71*, 608–611.

Wolfe, B. M., & Baron, R. A. (1971). Laboratory aggression related to aggression in naturalistic social situations: Effects of an aggressive model on the behavior of college student and prisoner observers. *Psychonomic Science, 24*, 193–194.

Wood, W., Wong, F. Y., & Cachere, J. G. (1991). Effects of media violence on viewers' aggression in unconstrained social interaction. *Psychological Bulletin, 109*, 371–383.

Woodman, D. D., Hinton, J. W., O'Neill, M. T. (1978). Plasma catecholamines, stress and aggression in maximum security patients. *Biological Psychology, 6*, 147–154.

Worchel, S. (1974). The effect of three types of arbitrary thwarting on the instigation to aggression. *Journal of Personality, 42*, 300–318.

Worchel, S., Arnold, S. E., & Harrison, W. (1978). Aggression and power restoration: The effects of identifiability and timing on aggressive behavior. *Journal of Experimental Social Psychology, 14*, 43–52.

Worchel, S., & Teddlie, C. (1976). The experience of crowding: A two-factor theory. *Journal of Personality and Social Psychology, 34*, 30–40.

Younger, J. C., & Doob, A. N. (1978). Attribution and aggression: The misattribution of anger. *Journal of Research in Personality, 12*, 164–171.

Zaidi, L. Y., Knutson, J. F., & Mehm, J. G. (1989). Transgenerational patterns of abusive parenting: Analog and clinical tests. *Aggressive Behavior, 15*, 137–152.

Zajonc, R. B., Murphy, S. T., & Inglehart, M. (1989). Feeling and facial efference: Implicatons of the vascular theory of emotion. *Psychological Review, 96*, 395–416.

Zillmann, D. (1971). Excitation transfer in communication-mediated aggressive behavior. *Journal of Experimental Social Psychology, 7*, 419–434.

Zillmann, D. (1979). *Hostility and aggression.* Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Zillmann, D. (1983a). Arousal and aggression. In R. G. Geen & E. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews* (Vol. 1, pp. 75–101). New York: Academic Press.

Zillmann, D. (1983b). Transfer of excitation in emotional behavior. In J. T. Cacciopo & R. E. Petty (Eds.), *Social psychophysiology* (pp. 215–240). New York: Guilford Press.

Zillmann, D. (1988). Cognitive-excitation interdependencies in aggressive behavior. *Aggressive Behavior, 14*, 51–64.

Zillmann, D. (1990). The interplay of cognition and excitation in aggravated conflict among intimates. In D. D. Cahn (Ed.), *Intimates in conflict: A communication perspective* (pp. 187–208). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Zillmann, D., Baron, R., & Tamborini, R. (1981). Social costs of smoking: Effects of tobacco smoke on hostile behavior. *Journal of Applied Social Psychology, 11*, 548–561.

Zillmann, D., & Bryant, J. (1974). Effects of residual excitation on the emotional response to provocation and delayed aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology, 30*, 782–791.

Zillmann, D., & Bryant, J. (1984). Effects of massive exposure to pornography. In N. M. Malamuth & E. Donnerstein (Eds.), *Pornography and sexual aggression* (pp. 115–138). San Diego, CA: Academic Press.

Zillmann, D., Bryant, J., Cantor, J. R., & Day, K. D. (1975). Irrelevance of mitigating circumstances in retaliatory behavior at high levels of excitation. *Journal of Research in Personality, 9*, 282–293.

Zillmann, D., Bryant, J., & Carveth, R. A. (1981). The effect of erotica featuring sadomasochism and bestiality on motivated intermale aggression. *Personality and Social Psychology Bulletin, 7*, 153–159.

Zillmann, D., Bryant, J., Comisky, P. W., & Medoff, N. J. (1981). Excitation and hedonic valence in the effect of erotica on motivated intermale aggression. *European Journal of Social Psychology, 11*, 233–252.

Zillmann, D., & Cantor, J. R. (1976). Effect of timing of information about mitigating circumstances on emotional responses to provocation and retaliatory behavior. *Journal of Experimental Social Psychology, 12*, 38–55.

Zillmann, D., & Johnson, R. C. (1973). Motivated aggressiveness perpetuated by exposure to aggressive films and reduced exposure to nonaggressive films. *Journal of Research in Personality, 7*, 261–276.

Zillmann, D., Johnson, R. C., & Day, K. D. (1974). Attribution of apparent arousal and proficience of recovery from sympathetic activation affecting excitation transfer to aggressive behavior. *Journal of Experimental Social Psychology, 10, 503–515.*

Zillmann, D., Katcher, A. H., & Milavsky, B. (1972). Excitation transfer from physical exercise to subsequent aggressive behavior. *Journal of Experimental Social Psychology, 8*, 247–259.

Zillmann, D., & Sapolsky, B. S. (1977). What mediates the effects of mild erotica on annoyance and hostile behavior in males? *Journal of Personality and Social Psychology, 35*, 587–596.

Zimbardo, P. G. (1969). The human choice: Individuation, reason and order versus deindividuation, impulse and chaos. In W. Arnold & D. Levine (Eds.), *Nebraska symposium on motivation* (Vol. 18, pp. 237–307). Lincoln: University of Nebraska Press.

Роберт Бэрон
Дебора Ричардсон

Агрессия

Агрессия — тема, которая живо интересует специалистов не только в различных областях психологии, но и социологов, работников правоохранительных органов, педагогов, философов. Агрессивное поведение — одна из центральных проблем изучения человеческой психики.

Книга Роберта Бэрона и Деборы Ричардсон является первым учебным пособием в России по этой теме. Исчерпывающий обзор теорий, разнообразие экспериментальных методик, выводы и обобщения авторов вносят значительный вклад в сокровищницу психологической науки.

ISBN 5-88782-294-5
9 785887 822945

